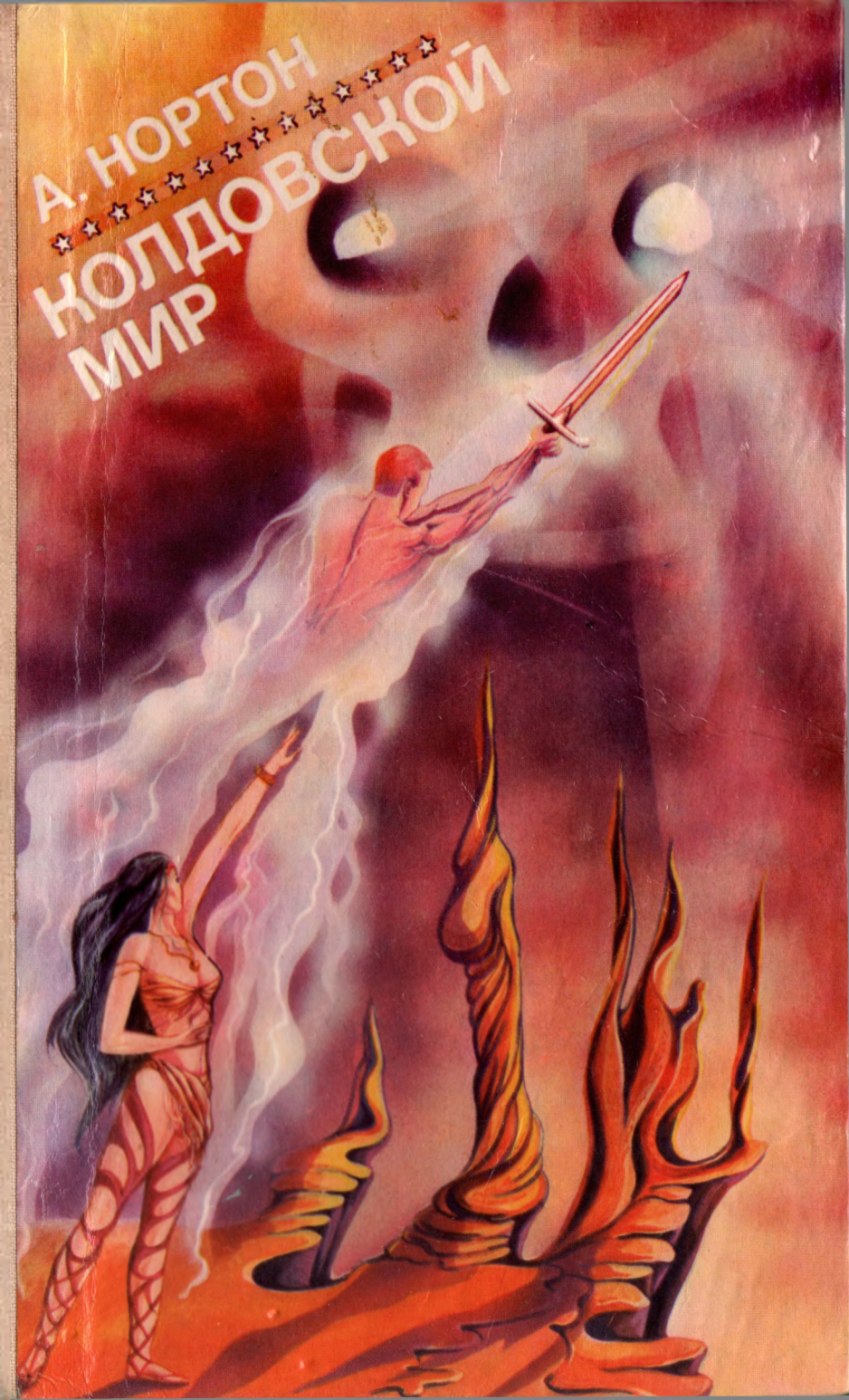
А. НОРТОН

КОЛДОВСКОЙ МИР



ЗАРУБЕЖНАЯ ФАНТАСТИКА

11/1

А. Нортон

ТРОЕ ПРОТИВ КОЛДОВСКОГО МИРА

Перевод с английского

«ЭЯ»
НОВОСИБИРСК
1992

Н 82

Составитель В. П. Кирчев

А. Нортон

Н 82 Трое против колдовского мира. Сб. фантастич. произведений./Пер. с англ. Н.; «ЭЯ», 1993,— 512 с. (Зарубежная фантастика. Вып. 11/1).

В сборник включены книги цикла «Колдовской мир». Все романы публикуются на русском языке впервые.

ISBN 5—87216—034—8

© Сост. В. П. Кирчев, 1993.
© Художник М. Михалев, 1993.

КОЛДОВСКОЙ МИР

Дождь косым занавесом закрывал грязные улицы. Он смывал копоть с городских стен. Запах этой копоти ощущал высокий худощавый человек, широко шагавший по тротуару. Он напряженно всматривался в подъезды и переулки, пересекающие улицу. Два часа назад — а может, три — Саймон Трегарт вышел из здания вокзала. Время потеряло для него всякое значение. У него не было никакой цели. Ему надоело убегать и скрываться. Впрочем он и раньше не прятался. А теперь и вовсе потерял страх и шел открыто, расправив плечи и высоко подняв голову. Однако, это не мешало ему быть постоянно начеку. В первые дни бегства, когда перед ним забрезжила надежда, он научился звериной хитрости, он петлял и запутывал следы. Тогда им правили часы и минуты. Теперь он шел, не торопясь, и будет так идти, пока опасность, таящаяся в одном из этих подъездов, в засаде, в каком-нибудь переулке, не встанет перед ним. И тогда он пустит в ход свои клыки. Сунув правую руку в карман влажного пальто, Саймон нащупал эти клыки — гладкое, ровное, смертоносное оружие, так легко легло в его ладонь, будто оно было частью его тела. Безвкусные красно-желтые неоновые огни рекламы отражались на мокром тротуаре: знакомство Саймона с этим городом ограничивалось двумя-тремя отелями в центре и несколькими ресторанами, магазинами — всем тем, что обычный путешественник узнает за два посещения, разделенных полдюжиной лет. Саймон вынужден был держаться открытых мест: он был убежден, что конец охоты наступит вечером или завтра утром.

Он понял, что устал. Несколько суток он не спал, подгоняемый необходимостью все время идти. Он понял это только сейчас перед освещенным входом, над которым светилась вывеска и машинально замедлил шаги. Швейцар распахнул дверь, и человек под дождем принял это молчаливое приглашение, всем уставшим телом почувствовав тепло и запах пищи. Должно быть, плохая погода сделала хозяев гостеприимными. Поэтому швейцар и впустил его так быстро. А может, покрой дорогого костюма, богатое пальто, едва заметное естественное высокомерие, свойственное человеку, привыкшему командовать и встречать подчинение,— все это обеспечило ему хороший столик и быстро подошедшего официанта. Саймон сухо улыбнулся, про-

бегая по строчкам меню. Обреченный должен хорошо поужинать. Его отражение, искаженное полированным боком сахарницы, улыбнулось ему в ответ. Длинное лицо с правильными чертами, с морщинками у глаз и губ, загорелое, обветренное лицо человека без возраста. Оно может быть таким и в 25, и в 60 лет. Саймон ел медленно, наслаждаясь каждым глотком, впитывая тепло и комфорт. Он расслабил тело — руки, ноги, но только не нервы. Он отдыхал, как отдыхает обреченный, и это была не храбрость. Это был конец. И Саймон хорошо понимал это.

— Простите...

Вилка с куском мяса, которую он подносил ко рту, не остановилась. Но, несмотря на полное самообладание, Саймон почувствовал, как дрогнули его веки. Он прожевал и ответил ровным голосом:

— Да?

Человек, вежливо ожидавший его у столика, мог быть маклером, адвокатом, врачом. У него было профессиональное умение вызывать доверие у собеседника. Саймон ожидал другого: человек был слишком респектабелен, вежлив и приятен, чтобы оказаться смертью... Хотя у организации множество слуг в самых различных сферах.

— Полковник Саймон Трегарт?

Саймон разломил булочку.

— Саймон Трегарт, но не полковник,— поправил он и добавил,— и вы это прекрасно знаете.

Собеседник казался несколько удивленным — он улыбнулся гладкой, спокойной и профессиональной улыбкой.

— Как бестактно с моей стороны. Но позвольте сразу заметить — я не член организации. Наоборот, я ваш друг, если вы пожелаете, конечно. Позвольте представиться — доктор Джордж Петрониус. Могу добавить — к вашим услугам.

Саймон моргнул. Он считал, что будущее ему хорошо известно, но на такую встречу не рассчитывал. Впервые за последние дни в нем шевельнулось нечто, похожее на надежду. Ему не пришло в голову усомниться в личности этого человека, смотревшего на него сквозь сильные очки в такой необычно тяжелой и широкой пластиковой оправе, что она напоминала маску восемнадцатого века. Доктор Джордж Петрониус был хорошо известен в том полускрытом мире, в котором Саймон провел свои последние несколько лет. Если ты «сгорел», и у тебя, к счастью, достаточно монет, иди к Петрониусу. Тех, кто так поступил, никогда не находил закон и жаждущие отомстить коллеги.

— Сэмми в городе,— продолжал четкий, с легким акцентом, голос.

Саймон с видом знатока глотнул вино.

— Сэмми? — в его голосе звучала та же бесстрастность, что и у собеседника.— Я польщен.

— О, у вас есть определенная репутация, Трегарт. По

вашему следу организация пустила своих лучших псов. После того, как они управились с Кочевым и Лэмисоном, остался только Сэмми. Но Сэмми отличается от других. А вы — простите мне мое вмешательство в ваши личные дела — уже довольно давно скрываетесь. В такой ситуации ваша рука не становится крепче.

Саймон рассмеялся. Он наслаждался едой, питьем и даже легкими уколами доктора Петрониуса. Но настороженность не оставляла его.

— Итак, моя рука нуждается в подкреплении. Что же вы рекомендуете, доктор, в качестве лекарства?

— Мою помощь.

Саймон поставил бокал. Красная капля сползла по нему и впиталась скатертью.

— Мне говорили, что ваши услуги обходятся дорого, доктор.

Маленький человек рассмеялся.

— Естественно. Но взамен я гарантирую полное спасение. Поверившие мне получают вполне достаточно за свои доллары. Жалоб не поступало.

— К сожалению, я не могу воспользоваться вашими услугами.

— Истратили свои накопления? Конечно. Но ведь из Сан-Педро вы уехали с двадцатью тысячами. Такую сумму невозможно истратить за короткое время. А если вы встретитесь с Сэмми, все оставшееся вернется к Хансону.

Саймон поджал губы. На мгновение он выглядел так угрожающе, как будто перед ним стоял сам Сэмми.

— Зачем вы следите за мной... и как выследили?

— Зачем? — Петрониус пожал плечами.— Об этом узнаете позже. Я некоторым образом ученый, исследователь, экспериментатор. А насчет того, как я узнал, что вы в городе и нуждаетесь в моих услугах... Трегарт, вы не представляете себе, как быстро распространяются слухи. Вы меченый человек, к тому же опасный. За вами постоянно следят. Жаль только, что вы остались честным человеком.

Саймон сжал кулаки.

— После моих действий за последние семь лет вы навешиваете на меня такой ярлык?

На этот раз рассмеялся Петрониус, приглашая собеседника оценить юмор ситуации.

— Но честность имеет мало общего с требованиями законов, Трегарт. Если бы вы не были честны, если бы у вас не было идеалов, вы не столкнулись бы с Хансоном. Я хорошо вас изучил и знаю, что вы созрели. Так что следуйте за мной.

Оплатив счет, Саймон обнаружил, что он действительно следует за доктором Петрониусом. У обочины их ждала машина. Доктор не назвал шоферу адрес, куда нужно их везти, и машина двинулась в ночь и дождь.

— Саймон Трегарт,— голос Петрониуса был бесстрастен, как будто он читал нечто, интересующее только его.— Кор-

нуэльского происхождения. 10 марта 1939 года вступил в армию США. Продвинулся по службе от сержанта до полковника. Служил в оккупационных войсках. Отстранен от должности, лишен звания и заключен в тюрьму... За что, полковник? Ах, да, за связи с черным рынком. Только, к несчастью, полковник очень долго не подозревал об этих своих преступных связях. И именно это поставило вас по другую сторону закона, не так ли, Трегарт? Потеряв имя, вы решили, что можно продолжать ту же игру? После Берлина вы участвовали в нескольких сомнительных предприятиях, пока не потеряли разум и не столкнулись с Хансоном. Вы невезучий человек, Трегарт. Будем надеяться, что сейчас ваша судьба изменится.

— Куда мы направляемся? В порт?

Он снова услышал сдержанный смех.

— В нижнюю часть города, но не к гавани. Мои клиенты путешествуют не по морю, воздуху или земле. Много ли вы знаете о традициях своих предков, Трегарт?

— Я никогда не слышал о традициях Матачена, штата Пенсильвания...

— Меня не интересует шахтерский городишко на этом континенте. Я говорю о Корнуэльсе, который гораздо старше...

— Мои предки из Корнуэльса. Но я лично ничего о них не знаю.

— У вас чистокровная семья, а Корнуэльс очень стар. В легендах он сравнивается с Уэльсом. Там был известен знаменитый Артур, и романцы в Британии отступали до этих пределов, когда их рубили топоры саксов. А до романцев здесь жили другие народы, много народов. Они обладали странными знаниями. Вы доставите мне большое удовольствие,— последовала пауза. Доктор будто бы ждал вопроса и, когда его не последовало, продолжал: — Я хочу познакомить вас с одной вашей древней традицией, полковник. Очень интересный эксперимент. А, вот мы и приехали!

Машина остановилась перед входом в темную аллею. Петрониус открыл дверь.

— Аллея слишком узка для машины. Придется немного прогуляться. В этом единственное неудобство моего дома, Трегарт.

Саймон посмотрел на темный вход, гадая, не привез ли его доктор к месту казни. Не ждет ли его здесь Сэмми? Но Петрониус включил фонарик и водил его лучом, приглашая войти.

— Всего несколько метров, уверяю вас. Идите за мной.

Аллея действительно оказалась короткой. Между высокими зданиями стоял маленький домик.

— Анахронизм, Трегарт.— Доктор достал ключ.— Ферма восемнадцатого столетия в сердце большого города. Входите, пожалуйста. Здесь всегда чувствуются призраки прошлого.

Позже, сидя перед живым огнем и с бокалом приготовленного хозяином коктейля, Саймон решил, что упоминание о

призраках очень соответствует действительности. Доктору не хватало лишь заостренного колпака на голове и меча на боку, чтобы завершить иллюзию переноса во времени.

— Куда я отсюда направлюсь? — спросил Саймон.

Доктор пошевелил дрова кочергой.

— Вы уйдете на рассвете, полковник, как я и обещал — свободным. А вот куда,— он улыбнулся,— это мы посмотрим.

— Зачем ждать рассвета?

Доктор поставил кочергу, вытер руки платком и посмотрел прямо в глаза Саймону.

— Потому что ваша дверь откроется на рассвете — именно ваша. Вероятно, вы будете смеяться над моим рассказом, Трегарт, пока собственными глазами не увидите доказательства. Что вы знаете о менгирах?

Странно, но Саймон почувствовал удовлетворение от того, что может ответить на этот вопрос. Доктор явно не ожидал этого.

— Это камни. Доисторические люди ставили их кругом. В Стоунхедже.

— Ставили кругом. Но эти камни использовались и по-другому.— Теперь доктор говорил серьезно и требовал внимания.— В некоторых легендах упоминаются камни, обладающие большой силой. Лиа Фейл из Туата де Дамана в Ирландии... Когда подлинный король наступал на него, то камень издавал громкий крик в его честь. Это был коронационный камень древней расы — одно из трех ее сокровищ. А разве до сих пор английские короли не держат под троном камень Скоун? Но в Корнуэльсе был еще один камень власти — Сидж Перилос «Сиденье опасности». Говорили, что этот камень способен оценить человека, определить, на что тот способен, и предоставить его судьбе. Артур при помощи Мерлина открыл силу этого камня и поместил его среди сидений Круглого Стола. Шесть рыцарей пытались сесть на него — и исчезали. Потом пришли двое, знавшие его тайну — Персиваль и Галахад.

— Послушайте,— Саймон был жестоко разочарован, особенно потому, что у него уже было появилась надежда. Петрониус свихнулся и выхода нет.— Артур и Круглый Стол — сказки для детей. Вы говорите так, будто...

— Будто это подлинная история? — подхватил Петрониус.— Но кто скажет, что является подлинной историей, а что нет? Каждое слово из прошлого доходит до нас, окрашенное и искаженное обучением, предрассудками и даже физическим состоянием летописца, записавшего его для будущих поколений. Традицию создает история, но разве традиция совпадает с истиной? Как может быть искажена истина даже за одно поколение? Вы сами исказили свою жизнь ложными показаниями. Но эти показания записаны и теперь стали историей, хотя они и неверны. История записывается человеком и обременена всеми его ошибками. Как можно утверждать, что этот факт вымышлен, а тот правдив, и знать, что ты не ошибся? В легендах много правды, а в

истории немало лжи. Я знаю это, потому что Сидж Перилос существует!

— Существуют теории, чуждые здравому смыслу, но мы о них знаем. Слыхали ли вы об альтернативных мирах, расщепляющихся после определенного момента? В одном из таких миров, полковник Трегарт, вы, возможно, не отвели взгляда в ту ночь в Берлине. В другом вы не встретились со мной и отправились прямо на свидание с Сэмми.

Доктор раскачивался на пятках, как будто под действием собственных слов и веры. И Саймон, вопреки себе, почувствовал прилив энтузиазма.

— Какую же из этих теорий вы хотите применить к моему случаю, доктор?

Доктор снова облегченно рассмеялся.

— Немного терпения. Выслушайте меня, не считая сумасшедшим, и я все объясню.— Он перевел взгляд с ручных часов на стенные.— У вас есть еще несколько часов. Итак...

Маленький человечек начал рассказ, звучавший как бессмыслица. Саймон послушно молчал. Тепло, выпивка, возможность отдохнуть — этого вполне было достаточно. Позже все равно придется встретиться с Сэмми, но пока он отбросил эту мысль вглубь мозга и сосредоточился на словах доктора. Послышался мелодичный звон старинных часов. Еще три раза звонили они, прежде чем доктор кончил. Саймон затаил дыхание, подчинившись потоку слов. Если бы это только была правда... Но у Петрониуса есть репутация. Саймон расстегнул куртку и достал бумажник.

— Я знаю, что с тех пор, как Сакарси и Вальверстейн встретились с вами, о них никто не слышал,— согласился он.

— Конечно, потому, что они ушли в свою дверь. Они нашли тот мир, который всю жизнь подсознательно искали. Я уже говорил вам. Когда садишься на камень, перед тобой открывается мир, в котором ты дома. И ты отправляешься туда искать счастья.

— Почему же и вы не попытались уйти туда? — Саймону это казалось самым слабым местом во всем рассказе. Если доктор имеет ключи от такой двери, почему он не открыл ее для себя?

— Почему? — доктор взглянул на свои пухлые руки, лежащие на коленях.— Потому что возврата оттуда нет. Только человек в отчаянном положении выбирает этот выход. В этом мире мы считаем, что сами контролируем свои поступки, определяем решения. Этот выбор не может быть изменен. Я много говорю, но все же не могу подобрать слова, чтобы выразить все, что я чувствую. Было много хранителей этого камня, и лишь немногие использовали его для себя. Может быть... однажды... но у меня не хватает храбрости.

— И вы продаете свои услуги преследуемым? Что ж, это тоже способ зарабатывать на жизнь. Интересно было бы увидеть список ваших клиентов.

— Верно. Моей помощью пользовались многие известные люди. Особенно в конце войны. Вы не поверите если я назову вам имена тех, кто обращался ко мне после того, как от него отвернулось счастье.

Саймон кивнул.

— Много военных преступников так и не найдено,— заметил он.— И странные, должно быть, миры открывает вам камень, если, конечно, все это правда.— Он встал и потянулся. Потом подошел к столу и пересчитал деньги. Старые, грязные, как будто на них перешла часть грязи от дел, в которых они побывали. В руке у него осталась одна монета. Саймон подбросил ее в воздух, и она, звеня и подпрыгивая, покатилась по полированному дереву. Вверху оказался выгравированный орел. Саймон взглянул на него и сказал: — Возьму это с собой.

— Принесет счастье? — Доктор тщательно пересчитал банкноты, укладывая их в пачку.— Не очень полагайтесь на орла: у человека не может быть слишком много счастья. А теперь, хотя мне и не хочется торопить уважаемого гостя, пора, так как власть камня ограничена. Важнее всего не упустить нужный момент. Сюда, пожалуйста.

Саймон подумал, что доктор с таким видом мог бы пригласить в кабинет дантиста или на встречу с сенатором. Как глупо, что он идет за ним. Дождь прекратился, но в каменном ящике за старым домом было по-прежнему темно. Петрониус щелкнул выключателем, и из двери блеснул свет. Три серых камня образовывали арку выше головы Саймона всего на несколько дюймов, а перед аркой лежал четвертый камень, неполированный, в форме грубого параллелепипеда. За аркой виднелась деревянная изгородь, высокая, непокрашенная, прогнившая от времени, выпачканная городской грязью. Фут или два голой земли и ничего больше. Саймон стоял, в душе смеясь над собой за то, что поверил в эту ерунду. Пора появиться Сэмми, а Петрониус получит свою настоящую плату. Доктор указал на камень.

— Это Сидж Перилос. Садитесь, полковник. Пора.

Саймон угрюмо, без улыбки, подчеркивая собственную глупость, подошел к камню и остановился под аркой. Потом сел. Круглое углубление в камне соответствовало ногам. Предчувствуя недоброе, Саймон опустил руки. Так и есть — два меньших углубления для ладоней. Ничего не случилось. По-прежнему виднелась деревянная изгородь, полоска грязной земли. Он уже собирался встать, когда...

— Сейчас! — голос доктора звучал напряженно.

За аркой все завертелось, растаяло. Саймон смотрел на болотистую местность под серым рассветным небом. Свежий ветер, несущий странный бодрящий запах, шевельнул его волосы. Что-то в нем распрямилось.

— Это ваш мир, полковник. Желаю вам всего наилучшего!

Саймон отсутствующе кивнул, больше не интересуясь маленьким человеком. Может, это иллюзия, но она влекла его больше

всего в жизни. Не говоря ни слова, Саймон встал и прошел под аркой. На мгновение он почувствовал страх. Он даже представить себе не мог, что такой страх возможен. Он причинял физическую боль. Как будто вселенная раскололась и увлекла его в ничто. И тут же он растянулся, уткнувшись лицом в жесткую траву.

Рассвет не означал восхода солнца, потому что в воздухе висел туман. Саймон встал и огляделся. Два грубых столба из красноватого камня, но за ними не городской мир, а все то же серо-зеленое болото, уходящее в туман. Петрониус был прав: этот мир ему неизвестен. Саймон дрожал в своем теплом пальто. У него не было шляпы, волосы намокли, и вода стекала с них за шиворот. Нужно убежище — хоть какая-нибудь щель. Саймон медленно обернулся. До самого горизонта ни одного дома. Пожав плечами, он пошел прямо от каменных столбов: это направление ничем не хуже других. Он шел по влажной почве, а небо светлело, туман рассеивался, и характер местности медленно менялся. Виднелись выступы красного камня, появились подъемы и спуски. На горизонте обозначилась ломаная линия, а это означало, что впереди горы. Далеко ли было до них, Саймон не мог определить. Прошло много часов с тех пор, как он ел в последний раз. Саймон на ходу сорвал лист с куста, пожевывая, ощутил острый, но приятный аромат. И тут он услышал шум охоты.

Несколько раз прозвучал рог, ему ответил резкий и приглушенный крик. Саймон пошел быстрее. Оказавшись на краю оврага, он понял, что шум доносится с другого края этого оврага, и пошел в том направлении. С осторожностью, выработанной годами службы в отрядах коммандос, он выглянул в проем между двумя стволами деревьев. Первой из зарослей кустарников на противоположном краю оврага показалась женщина. Она бежала ровно, как опытный бегун, пробежавший большое расстояние и знавший, что еще много предстоит бежать. На краю узкой долины она оглянулась. На фоне серо-зеленой растительности ее стройное тело, едва прикрытое обрывками ткани, казалось пятнистым от лучей рассвета. Нетерпеливым жестом она отбросила назад длинные пряди черных волос, провела руками по лицу, а потом осторожно начала спускаться, отыскивая тропу, ведущую вниз.

Снова прозвучал рог, ему ответил лай. Женщина вздрогнула, и Саймон привстал, неожиданно поняв, что в этой охоте она является дичью. Он снова опустился на одно колено, когда женщина дернула платье, отцепляя его от ветки. От толчка она потеряла равновесие и упала через край оврага. Даже сейчас она не закричала, а молча ухватилась руками за ветви куста. Ветви выдержали. И когда она попыталась нащупать ногами опору, появились собаки. Это были тощие белые животные: их долговязые тела казались лишенными костей, когда они остановились на краю оврага. Устремив заостренные морды вниз, они издали торжествующий лай.

Женщина поворачивалась, отчаянно пытаясь нащупать опору, чтобы удержаться и спуститься вниз, на дно оврага. Может, ей и удалось бы это, если бы не появились охотники. Они ехали верхом: тот, у которого на шнурке висел рог, остался в седле, а другой спешился и быстро подошел к краю, отпихивая в сторону собак. Увидев женщину, он положил руку на кобуру, висевшую у него на поясе. В свою очередь, увидев его, женщина уже не пыталась найти опору и, вися на кусте, подняла вверх спокойное, лишенное каких-либо чувств, лицо. Охотник улыбнулся, доставая оружие, очевидно, наслаждаясь беспомощностью жертвы.

И тут же пуля из пистолета Саймона ударила его в грудь. Он с криком упал с обрыва. Прежде, чем замерло эхо выстрела и крики, второй всадник скрылся и Саймон понял, что противник его опытен. Собаки бешено прыгали, наполняя воздух громким лаем. Женщина сделала последнее усилие и нашла опору в стене оврага. Она принялась быстро спускаться, укрываясь за кустами и камнями. Саймон увидел мгновенное движение. В двух метрах от того места, где он лежал, вонзившись острием в землю, дрожала маленькая стрела. Второй охотник принял бой. Десять лет назад Саймон почти ежедневно играл в такие игры, наслаждаясь ими. И он обнаружил, что навыки, полученные тогда, не утрачиваются. Саймон плотнее вжался в траву. Собаки устали, они легли на землю, тяжело дыша. Теперь дело в терпении, а его Саймону не занимать. Он увидел движение в кустарнике и выстрелил. В ответ послышался крик.

Немного спустя, он подполз к краю оврага и столкнулся лицом к лицу с женщиной. Темные глаза на треугольном лице смотрели на него с таким интересом, что он был несколько обескуражен. Схватив ее за плечо, он помог ей выбраться наверх. И понял, что необходимо уходить по болоту в сторону, противоположную той, из которой он пришел. Он почувствовал — там безопасно. Саймон прополз между кустами и побежал рядом с женщиной, примериваясь к ее ровному бегу. Лай собак постепенно затихал. Она, должно быть, пробежала много миль, но поспевать за ней оказалось нелегко. Наконец, болото начало уступать место небольшим прудам, окруженным тростником. Здесь до них снова донесся отдаленный звук рога. Женщина рассмеялась, взглянув на Саймона, как бы приглашая его тоже посмеяться какой-то шутке. Она указала вперед, на полосу прудов; ее жест свидетельствовал, что там безопасно. Примерно в четверти мили перед ними поперек дороги клубился туман. Саймон всмотрелся в него. Возможно и там их ожидает неприятный сюрприз. Странно, но туман, казалось, вытекал из озера.

Женщина подняла правую руку. Из широкого металлического браслета блеснул свет, направленный на туман. Другой рукой она жестом приказала Саймону не двигаться. Саймон всматривался в туманный занавес, почти уверенный, что видит какие-то движущиеся темные фигуры. Впереди послышался крик, слова были непонятны, но по тону он почувствовал, что это вопрос.

Спутница Саймона ответила несколькими словами. Услышав ответ, она отшатнулась. Потом пришла в себя и взглянула на Саймона. Он взял ее за руку, которую она протянула ему, и догадался, что им отказали в помощи.

— Что теперь? — спросил он. Слова, конечно, были ей непонятны, но он был уверен, что она знает, о чем он спрашивает.

Женщина облизнула кончик пальца и подняла руку, подставив ее ветру. Ветер сдувал с ее лица темные локоны. Стал виден кровоподтек на щеке. Все еще держа Саймона за руку, она потянула его влево: они побрели через дурно пахнущие лужи, тина расступалась перед ними и липла к его намокшим брюкам и к ее ногам. Так они добрались до края болота, а туман двигался параллельно, закрывая их стеной. Саймон ощущал сильный голод, мокрые ботинки терли ноги. Звуки рога больше не слышались. Должно быть, они сбили собак со следа. Пробившись сквозь гущу кустарника, они оказались на возвышенности. Перед ними была дорога, почти тропа. Идти по ней было гораздо легче.

Должно быть, было далеко за полдень, хотя в этом сером свете трудно было определить время. Дорога начала подниматься. Впереди показалась каменная стена. Красноватый камень поднимался почти вертикально и походил на искусственное укрепление. В стене виднелась брешь. В нее и уходила дорога. Они почти добрались до этой стены, когда удача вновь отвернулась от них. Из травы рядом с дорогой наперерез женщине выбежало маленькое черное животное. Спутница Саймона потеряла равновесие и упала на утоптанную глину. Она закричала и схватилась за лодыжку. Саймон отвел ее руку и осмотрел рану. Женщина закусила губу: было ясно, что она не может идти. И тут снова послышался рог. Саймон подбежал к щели в стене. За ней расстилалась равнина, спускающаяся к реке. Ни одного укрытия. Кроме этого каменного выроста, на много миль ни деревца, ни холмика. Саймон внимательно осмотрел стену. Сбросил пальто и поискал опору. Несколько секунд спустя он поднялся на карниз, еле заметный снизу. Можно попытаться отсидеться здесь. Пока Саймон спускался, женщина ползком приблизилась к нему. Объединив отчаянные усилия, они добрались до карниза и прижались друг к другу. Саймон ощутил на своем лице горячее дыхание женщины. Обернувшись, он глянул на тропу, по которой они пришли.

Под ударами ветра полуобнаженное тело женщины дрожало. Саймон подобрал свое пальто и укрыл им женщину. Та улыбнулась, и Саймон увидел, что ее губы рассечены. Он решил, что она некрасива — слишком худа и бледна. Хотя почти все ее тело было обнажено, он не чувствовал к ней никакого влечения. И тут же ему стало ясно, что женщина каким-то образом поняла его мысль, и она ее позабавила. Она подползла к краю карниза: теперь они лежали плечо к плечу. Отбросив рукав пальто, она обнажила браслет. Время от времени она проводила пальцами по овальному камню в центре браслета.

Сквозь шум ветра они слышали звуки рога и собачий лай. Саймон достал пистолет. Его спутница слегка коснулась оружия, как бы удивляясь его природе, а затем кивнула. На дороге появились белые точки. Это были собаки. За ними следовало четыре всадника. Саймон разглядывал их. Всадники приближались открыто, явно не ожидая неприятностей. Возможно, они не знали о судьбе двух своих товарищей, считая, что преследуют только женщину. И Саймон надеялся на это. Металлические шлемы с неровными гребнями защищали их головы, верхнюю половину лица скрывало забрало. Одежда состояла из куртки, зашнурованной от талии до горла. На широких поясах висели кобура с оружием, нож в ножнах и различные приспособления, которые были Саймону неизвестны. Брюки на охотниках были узкими, а поверх них облегали ноги сапоги с высокими голенищами и острыми носками. Видимо, на всадниках была военная форма, так как цвет одежды был одинаковый — сине-зеленый, а на груди каждого виднелся один и тот же символ.

Тощие змееголовые собаки подбежали к каменной стене, они встали на задние лапы и цеплялись за камни передними. Саймон, помня о коварной стреле, выстрелил первым. С криком передний всадник упал, и лошадь потащила его тело по дороге. Саймон выстрелил вторично. Послышался крик. Второй всадник схватился за руку. Лошадь, по-прежнему таща мертвеца, проскакала через брешь в стене и понеслась к реке. Собаки затихли. Тяжело дыша, лежали они у подножья стены. Глаза их горели, как угли. Саймон с растущим беспокойством рассматривал их. Он хорошо знал собак, и знал, как их используют в лагерях. Это были большие животные, убийцы. Саймон мог бы расстрелять их одну за другой, но не хотел тратить патронов.

День подходил к концу. Саймон знал, что ночью, в полной темноте, им придется туго. Ночь быстро приближалась. Ветер с болот пронизывал их холодом. Саймон шевельнулся, и одна из собак насторожилась, опершись лапами о скалу. Она завыла. Крепкие пальцы ухватили Саймона за запястье и вернули на прежнее место. Он подумал, что, как бы безнадежно их положение ни было, женщина не отчаивается. Он понял, что она чего-то ждет. Неужели она надеется подняться на вершину стены? Во тьме он уловил отрывистое движение ее головы, как будто она прочла его мысли.

Собаки успокоились: лежа у подножья стены, они следили за укрывающейся наверху добычей. Где-то — Саймон напряженно всматривался в темноту — съезжались их хозяева, готовясь покончить с беглецами. Саймон напряженно сжимал оружие, вслушиваясь в малейшие звуки. Женщина шевельнулась и издала звук, похожий одновременно и на восклицание и на вздох. Саймон смотрел на нее. В темноте что-то двигалось по карнизу. Женщина не стала тратить времени, чтобы указать Саймону на опасность, она перехватила пистолет и ударила рукоятью крадущееся существо. Злобный писк оборвался по-

середине. Саймон отобрал оружие и только тогда взглянул на извивающееся существо с переломленной спиной. Зубы-иглы, белая плоская голова, тело, заросшее шерстью, красные глаза, больше всего поразившие Саймона — в них светился разум. Существо умирало, но все еще пыталось дотянуться до женщины, и при этом злобно шипело. Саймон с отвращением пнул маленького зверька, и тот упал с карниза прямо на головы собак. Те вскочили и залаяли. В их лае Саймон уловил одобряющий звук. Женщина смеялась. Глаза ее светились торжеством. Она кивнула и снова рассмеялась, когда он наклонился, рассматривая темноту у подножья стены. Неужели это существо было спущено на них преследователями? Однако беспокойство собак указывало, что это не так. Значит их встреча с маленьким существом была случайной. Столько неожиданностей за короткое время. Он приготовился провести ночь на страже. Если нападение маленького животного было частью плана охотников, за этим могут последовать и другие выпады.

Но тьма сгущалась, а снизу не доносилось ни звука, который означал бы нападение. Собаки снова легли полукругом у подножья стены. Их было хорошо видно, благодаря белой шерсти. Саймон снова подумал о вершине стены. Если бы не рана женщины, они смогли бы туда подняться. Когда окончательно стемнело, женщина шевельнулась. Пальцы ее задержались на запястье Саймона и скользнули по его ладони. В мозгу его мелькнула картина. Нож! Ей нужен нож. Он отпустил ее руку и достал перочинный нож. Она с живостью схватила его. Саймон не понял последующего, но у него хватило здравого смысла не вмешиваться. Туманный кристалл на запястье женщины слабо засветился. При этом свете Саймон увидел, как женщина вонзила лезвие себе в палец. Капля крови упала на кристалл, на мгновение густая жидкость закрыла свет. Затем из этого овала брызнул поток пламени. Женщина снова удовлетворенно рассмеялась. Через несколько секунд кристалл снова помутнел. Женщина взяла Саймона за руку, и он получил очередное сообщение. В оружии больше нет необходимости, помощь приближается. Болотный ветер с гнилым запахом долетел до них. Женщина дрожала, и Саймон прижал ее к себе, чтобы объединить тепло их тел. В небе блеснула изогнутая сабля молнии.

Еще раз яркая молния разорвала небо, как раз над стеной. Она послужила началом такой дикой битвы в небе и на земле, такого ветра и бури, каких Саймон никогда не видел. Ему приходилось испытывать огненные ужасы войны, но это было гораздо хуже, может быть потому, что он знал, что эти удары и вспышки огня не поддаются никакому контролю. Саймон дрожал под этими ударами, и беглецы жались друг к другу, как испуганные маленькие животные, закрывая глаза при каждой новой вспышке. Слышался постоянный рев, не обычные раскаты грома, а удары гигантского барабана. Ритм этих ударов отражался в биении сердца, от него кружилась голова. Женщина при-

жала к груди Саймона свое лицо, Саймон обнял ее дрожащие плечи, как будто был единственной гарантией безопасности в качающемся мире. Удары грома, блеск вспышек, ветер — все это продолжалось, но дождя не было. Скала под ними начала дрожать в такт раскатам грома. От последней яростной вспышки Саймон ослеп и оглох. Прошло несколько минут. Ударов больше не было, даже ветер стих, словно и он устал. Саймон поднял голову.

В воздухе стоял чад от горелого мяса. Поблизости горел кустарник. Но благословенная тишина продолжалась, женщина зашевелилась в объятьях Саймона и попробовала высвободиться. Он снова уловил ее уверенность, смешанную с торжеством. Какая-то игра подходила к победному концу. Саймон всматривался, что там делается внизу. Целы ли охотники и собаки после такой бури? При свете горящих кустов он увидел у подножья стены клубок тел. На дороге лежала мертвая лошадь. Она подмяла всадника, и его рука высовывалась из-под нее. Женщина подползла к краю карниза, стараясь увидеть, что делается вокруг. Потом, прежде, чем Саймон смог ее остановить, спустилась вниз. Саймон последовал за ней, ожидая нападения. Но вокруг виднелись только неподвижные тела.

Тепло огня дотянулось до них. Хорошо. Странная спутница Саймона протянула обе руки к огню. Саймон прошел мимо убитых собак. Он подошел к мертвой лошади, чтобы взять оружие всадника, но увидел, что пальцы человека шевелятся. Охотник был смертельно ранен. И Саймон не испытывал к нему сочувствия после этой жестокой охоты на болотах. Но он не мог оставить беспомощного человека в ловушке. Налегая изо всех сил, он приподнял мертвую лошадь и вытащил изувеченное тело. При свете пожара он принялся рассматривать раненого. В искаженных чертах залитого кровью лица не было признаков жизни, но грудь с трудом приподнималась и опускалась... Время от времени слышался стон. Саймон не мог бы сказать, к какой расе принадлежит всадник. Коротко остриженные волосы, очень красивые, почти серебристо-белые. Нос крючком между широкими скулами — странное сочетание. Саймону показалось, что раненый молод, хотя в этом бледном лице не было ничего юношеского. С его плеча на ремне свисал рог. Богато украшенная одежда, усаженная жемчугом брошь на груди свидетельствовали о том, что это не простой солдат. Саймон обратил внимание на широкий пояс всадника и оружие. Нож он засунул себе за пояс. Странный самострел извлек из кобуры и внимательно осмотрел. У оружия был ствол и приспособление, которое могло служить только курком. Но ручка оружия непривычна, целиться трудно. Саймон сунул самострел за пазуху. Он отцепил еще один предмет — узкий цилиндр. Но из-за его плеча протянулась рука и взяла этот цилиндр. В это время раненый шевельнулся, веки его дрогнули, и в его затуманенных смертью глазах появилось такое выражение, что Саймон отшатнулся. Он встречался с бандитами и побеждал их. Он стоял лицом к лицу с людьми,

ненавидящими его, и сам ненавидел их. Но никогда он не видел такого выражения, которое застыло в блестящих зеленоватых глазах охотника. Тут же Саймон понял, что эти глаза обращены не к нему. Раненый смотрел на женщину, которая стояла, слегка наклонившись, чтобы опора приходилась на здоровую ногу, поворачивая в руках жезл, который он снял с пояса охотника. Его губы изогнулись. С мучительным усилием он приподнялся и плюнул в нее. Затем голова его ударилась о землю и он затих, как будто последнее движение отняло у него остаток сил. В свете угасающего огня лицо его расслабилось, рот приоткрылся. Саймону не нужно было вглядываться в него, он знал, что охотник мертв.

— Ализон,— женщина тщательно выговорила это слово, переводя взгляд с Саймона на мертвеца. Наклонившись, она указала на эмблему на груди мертвого и повторила: — Ализон.

— Ализон,— сказал Саймон, вставая. У него больше не было желания осматривать вещи мертвого.

Женщина повернулась лицом к проему, через который уходила к реке дорога.

— Эсткарп...— по буквам выговорила она, пальцем указав на речную долину.— Эсткарп,— повторила она, указывая на себя.

И, как будто в ответ на ее слова, из-за стены послышался резкий трубный свист. Не звук рога, а скорее свист, который издает сквозь зубы человек. Женщина в ответ прокричала несколько слов, ветер подхватил их, и они эхом отозвались около скальной стены. Саймон услышал топот копыт, лязг металла о металл. Но поскольку его спутница с радостным ожиданием смотрела в проход, он решил ждать, не действуя. Лишь его рука сжала рукоять автоматического пистолета в кармане. Он направил дуло оружия на отверстие в стене.

Они появлялись по одному, эти всадники, держа оружие наготове. Протиснулись в проход. Увидев женщину, они радостно закричали: это были явно друзья. Один из всадников поехал прямо к Саймону и женщине. У него была высокая мощная лошадь, как видно, созданная для того, чтобы нести большие тяжести. Но всадник был настолько мал ростом, что, пока он не спешился, Саймон думал, что это мальчик. В свете огня тело всадника блестело, на шлеме, на поясе, вороте и запястьях вспыхивали искры. Хотя он и был мал ростом, плечи у него были необыкновенно широкие, а руки и грудь могли бы принадлежать человеку более чем втрое большего роста. Кольчуга облегала его тело так плотно, будто была сделана из ткани. Шлем был увенчан изображением птицы с распростертыми крыльями. А может, это была настоящая птица, каким-то образом замершая в неестественной неподвижности? Глаза его, казалось, следили за Саймоном с молчаливой яростью. Гладкая металлическая шапка, на которой сидела птица, оканчивалась чем-то вроде кольчужного шарфа, обернутого вокруг шеи всадника. Шагнув вперед, всадник нетерпеливо потянул за этот

шарф, открывая лицо. И Саймон увидел, что не так уж ошибся в своей первоначальной оценке. Воин в шлеме был молод. Однако чувствовалось, что, несмотря на возраст, человек он необычайно сильный. Он посмотрел на женщину, потом неприветливо на Саймона и что-то спросил. Она ответила потоком слов, рука ее начертила в воздухе какой-то знак над Саймоном, после чего воин коснулся шлема жестом, который мог означать только одно: приветствую тебя, чужеземец. Командовала в этой ситуации явно женщина. Указывая на воина, она продолжала урок языка:

— Корис.

Саймон решил, что это скорее всего, его имя. Он ткнул пальцем себе в грудь.

— Трегарт. Саймон Трегарт,— и подождал, пока она назовет себя.

Но она лишь повторила его слова, как бы запоминая:

— Трегарт, Саймон Трегарт.

Тогда Саймон решил спросить ее прямо:

— Кто ты? — он указал пальцем на нее.

Воин Корис потянулся за оружием, а женщина нахмурилась, лицо ее приобрело холодное выражение. Саймон понял, что допустил оплошность.

— Прошу прощения,— он развел руками, надеясь, что она воспримет его жест как извинение. Значит его вопрос каким-то образом оскорбил ее. Но он сделал это неумышленно. И женщина, должно быть, поняла это, потому что принялась объяснять что-то молодому воину. Впрочем, тот и после не стал относиться к Саймону дружелюбно. Корис с почтением, не соответствующим разорванной одежде женщины, посадил ее за собой на спину большой черной лошади. Саймон ехал с другим воином, держась руками за пояс всадника.

Спустя некоторое время Саймон неподвижно лежал в постели и невидящими глазами смотрел на резной деревянный потолок. Со стороны казалось, что он спит. Но давняя привычка мгновенно переходить от сна к бодрствованию не исчезла у него и в новом мире. Сейчас он напряженно перебирал в памяти все, что с ним случилось, стараясь понять, что это за мир, в который он попал и как здесь жить ему дальше. Эсткарп оказался не только речной долиной. Это были мощные крепости, расположенные вдоль дороги, которая была границей. В этих крепостях они меняли лошадей, ели и снова скакали, подгоняемые необходимостью, которой Саймон не понимал. Наконец они оказались в городе круглых башен, серо-зеленых, как почва, на которой они стояли. В этом окруженном стеной городе жила раса людей с гордой походкой, темными глазами и волосами, такими же черными, как у Саймона. В этой расе чувствовалась глубокая древность. Когда они прибыли в город, Саймон устал, у него болели мышцы, но он с интересом смотрел вокруг. И всюду он чувствовал давний возраст земли, глубокую древность башен и стен. Башни и стены города могли быть частью

гор этого мира. Саймон бывал в старых городах Европы, видел дороги, по которым проходили еще легионеры Рима. Однако здесь мир был гораздо древнее, и Саймон пытался определить век, в который он попал. Его поселили в центральной части башни — массивном каменном сооружении, в котором были и торжественность храма и безопасность крепости. Саймон с трудом мог вспомнить, как приземистый офицер — Корис — привел его в эту комнату и указал на постель. А затем — в памяти больше не было ничего.

Или было что-то еще? Саймон сдвинул брови. Корис, комната, постель. Теперь, когда он глядел на резные узоры над головой, они казались ему странно знакомыми, как будто вырезанные там символы имели какое-то значение, когда-то известное ему. Эсткарп — и древняя страна, и город, и образ жизни. Саймон напрягся. Откуда он это знает? Однако это правда, такая же реальность, как кровать, на которой отдыхало его измученное тело, как резьба над кроватью. Женщина, на которую шла охота, принадлежала к расе Эсткарпа, в то время как мертвый охотник к иному, враждебному племени. Воины в крепостях все были высокими, смуглыми, гордыми и отчужденными. И лишь Корис, с его изуродованным телом, отличался от людей, которыми он командовал. Приказы Кориса исполнялись, только женщина, ехавшая за ним, обладала, по-видимому, большей властью.

Саймон тряхнул головой. Он сел, посмотрев на полог. Он уловил легкий шум приближающихся шагов и поэтому не удивился, когда кольца занавеса звякнули, толстая ткань раздвинулась, и появился тот самый человек, о котором Саймон только что думал. Без кольчуги Корис представлял собой еще более странное зрелище. Широкоплечий, со свисающими, непропорционально длинными руками, он был невысок, и его тонкая талия и стройные ноги были необыкновенно малы по сравнению с верхней частью тела. На этих широких плечах сидела голова мужчины, каким был бы Корис, если бы судьба не сыграла с ним жестокую шутку. Под густой шапкой светлых волос темнело лицо лишь недавно возмужавшего юноши. Необычайно красивое лицо, резко контрастирующее со всей фигурой. Голова героя на теле обезьяны. Саймон спустил ноги с высокой кровати и встал, стесняясь, что будет смотреть на вошедшего сверху вниз. Но Корис тут же отскочил с быстротой кошки и встал на широкий карниз, находившийся под узким окном, так что его голова оказалась на уровне головы Саймона. Грациозным жестом, странным для такой длинной руки, он указал на груду одежды. Саймон кивнул. Это была не та одежда, которую он сбросил, ложась в кровать. Но кое-что давало ему возможность понять, в каком статусе он здесь находится. Пистолет и все содержимое карманов было аккуратно разложено рядом с новой одеждой. Значит, он не пленник. Он натянул брюки из мягкой кожи, такие же, как те, что были сейчас на Корисе. Тонкие, как перчаточная кожа, они были темно-синего цвета. Тут же оказались

сапоги с высокими голенищами из серебристо-серого материала, похожего на шкуру ящерицы. Одевшись, Саймон обернулся к Корису и жестом показал, что хочет умыться.

Впервые в прекрасных глазах воина появилась слабая улыбка и он указал на альков. Саймон понял, что, хотя обстановка в крепостях Эскарпа кажется средневековой, их обитатели понимают, что такое санитария. После поворота ручки из трубы потекла теплая вода, тут же оказался кувшин с ароматной пеной, которая сняла щетину с лица. Все это время продолжался урок языка. Корис терпеливо произносил слова, пока Саймон не повторял их верно. Корис держался нейтрально. Он не смотрел так сурово, как в прошлый раз и не отвечал на попытки Саймона установить более близкие отношения. Когда Саймон натягивал нечто среднее между курткой и рубашкой, Корис отвернулся, глядя в окно. Саймон примерил в руке пистолет. Корису, по-видимому, было все равно, будет ли он вооруженным или нет. Наконец, Саймон затянул пояс и сделал знак, что готов.

Они вышли в коридор и спустились по лестнице. Древность здесь оставила следы — в ступенях были выбиты углубления, а по стене тянулась борозда в том месте, где много веков люди, проходя, касались ее пальцами. Бледный свет лился из шаров, размещенных в корзинах над головами, но природа этого света оставалась для Саймона загадкой. У подножья лестницы находился большой зал. В нем было несколько воинов, и почти все они были одеты в такую же одежду, как у Саймона. Кориса приветствовали, а Саймона разглядывали с любопытством. Все молчали. Корис коснулся руки Саймона, указывая на занавешенную дверь. Отведя занавес, он пропустил Саймона вперед. За дверью оказался еще один зал. Но тут голые каменные стены были увешаны занавесями с изображением того же символа, который Саймон обнаружил на пологе кровати. И символ этот показался ему опять странно знакомым. В дальнем конце зала стоял часовой, подняв к губам рукоять своего меча. Корис отвел второй занавес. Помещение за ним казалось больше, чем было на самом деле, из-за сводчатого потолка, уходящего высоко вверх. Здесь и свет шаров был сильнее. Он позволил разглядеть собравшихся. Саймона ждали две женщины: одна сидела, а другая стояла, положив руку на спинку кресла. Ему пришлось приглядеться, чтобы узнать в стоящей ту самую, которая спасалась от охотников из Ализона. Волосы, свисавшие тогда мокрыми прядями, теперь были убраны в серебряную сеточку, она была одета в платье из серебристой туманной ткани. Единственным украшением был овал из такого же кристалла, какой Саймон видел у нее на браслете. Но на этот раз кристалл висел на цепи между маленькими возвышениями грудей.

— Саймон Трегарт! — это произнесла сидящая женщина, поэтому Саймон посмотрел на нее, и он тут же понял, что не может отвести взгляда. У нее было такое же треугольное лицо и такие же внимательные глаза и черные волосы, как у той,

что была ему уже знакома. Но из глаз ее излучалась сила, действующая, как удар. Саймон не мог определить, сколько ей лет, но ему показалось, что она вполне могла видеть, как укладывались первые камни Эсткарпа. В то же время он подумал о том, что у нее вовсе нет возраста. Руки ее взметнулись, и она бросила Саймону шар из того же туманного хрусталя, что и украшения, которые были у нее и ее помощницы. Саймон поймал шар, который оказался теплым. Обе женщины взяли в руки свои украшения. Все последующее Саймон так никогда и не мог себе объяснить. В его памяти одна за другой возникали недавние события, он видел свои первые шаги в мире Эсткарпа, и он понимал, что женщины тоже видят все это. Он словно рассказывал им о своих впечатлениях. Когда он кончил, к нему пошли молчаливые потоки информации.

Он находился в главной крепости страны, которой угрожала смертельная опасность... Древней земле Эсткарпа угрожали с севера, с юга, и с моря на западе. Смуглые жители равнин и городов Эсткарпа пока противостояли врагу только потому, что унаследовали древние знания. Возможно, они обречены, но сдадутся лишь с последним ударом сердца последнего оставшегося в живых воина. То же чувство, которое заставило Саймона шагнуть под грубую арку во дворе дома Петрониуса, снова ожило в нем. Гордые люди этой земли ни о чем его не просили. Но он уже присягнул в верности одной из этих женщин и мгновенно, с юношеским энтузиазмом сделал свой выбор. Не произнеся ни слова, Саймон поступил на службу Эсткарпа.

Саймон поднес к губам тяжелый кубок. Он пил и внимательно следил за происходящим. При первом знакомстве он решил, что люди Эсткарпа мрачны, отягощены грузом лет, что они последние представители древней расы, забывшей обо всем, кроме слов древнего языка. Но за последние недели он понял, насколько поверхностны были его суждения. Теперь, в столовой гвардии, он переводил взгляд с одного лица на другое, рассматривая их, как впервые. Конечно, их оружие было ему незнакомо. Ему приходилось учиться махать мечом в схватке. Меньше беспокойства вызывали у него самострелы, похожие на автоматический пистолет. Саймон никогда не мог сравняться с Корисом: он восторгался, как владеет оружием этот человек. Но Саймон был знаком с тактикой иных армий, иных войн и с его предложениями считался любой офицер. Саймон удивлялся, почему его приняли в гвардию. Эти люди постоянно воевали с врагом, который был сильнее их. Любой незнакомец мог оказаться шпионом, брешью в оборонительной стене. Ни в какие времена, ни в какой армии, кроме, как в Эсткарпе, не поверили бы в такой дикий рассказ, как его. И Саймон знал, почему в нем не усомнились. Потому что сила Эсткарпа основывалась на магии. Саймон подержал во рту вино, прежде чем проглотить его. Он думал о магии. Это слово могло означать искусные фокусы и трюки, могло скрывать суеверную чепуху, но могло

говорить и о чем-то более могучем. Воля, воображение и вера были оружием, использовавшимся магией Эсткарпа. Конечно, у этих людей были способы, помогающие им усилить волю, воображение и веру. И кроме того они умели открывать свой мозг тому, что не воспринимается органами чувств. Ненависть и страх соседей были вызваны способностью этого племени. Для Ализона на севере, для Карстена на юге власть колдовства Эсткарпа была злой. Владычицы Эсткарпа обладали властью, неподдающейся объяснению человека, и, когда было необходимо, безжалостно пользовались этой властью. Саймон помог спастись колдунье, которая была глазами и ушами своего народа в Ализоне.

Колдунья... Саймон отпил вина. Не каждая женщина в Эсткарпе обладала властью. Эта способность передавалась в отдельных семьях от поколения к поколению. Тех, у кого она обнаруживалась в детстве, отправляли в главный город страны, там их учили и определяли их дальнейшую судьбу. Имена девушек забывались, потому что имя — это часть личности. Сообщить свое имя — значит, вручить другому человеку власть над собой. Теперь Саймон понимал, насколько неосторожно поступил, спрашивая имя колдуньи, с которой бежал по болотам. Власть не была постоянной. В определенное время пользоваться ею колдунье делалось трудно. Да и не всегда ее можно было вызвать по своей воле. Иногда в самые критические моменты она отказывала. Поэтому, несмотря на колдуний и их науку, Эсткарп располагал и вооруженной гвардией, и линией крепостей вдоль границ.

— Жарко для этого времени года,— стул рядом с Саймоном скрипнул под тяжестью того, кто к нему подсел. На стол со звоном опустился шлем, длинная рука потянулась за кубком вина. Ястреб на шлеме смотрел на Саймона стеклянными глазами; в металлическое изображение птицы были вставлены настоящие перья. Корис пил вино, а со всех сторон ему задавали вопросы. В войсках Эсткарпа поддерживалась дисциплина, но вне службы все были равны, собравшиеся в столовой хотели услышать новости. Корис опустил на стол кубок и ответил:

— Вы слышали рог за час до закрытия ворот? Это просил впустить его Магнус Осберик. И с ним свита в полном вооружении. Мне кажется, Горм угрожает нам.

После его слов наступила тишина. Все, включая теперь и Саймона, знали, что означает Горм для Кориса. По праву власть над Гормом должна была находиться в его руках. Его личная трагедия началась там, но закончилась на этом острове, когда он, израненный и одинокий, отплыл от родных берегов в дырявой рыбачьей лодке.

Хильдер, лорд-протектор Горма, в бурю заблудился в болотах между Ализоном и равнинами Эсткарпа. Отбившись от свиты, он упал с лошади и сломал руку. Полуживой, страдая приступами лихорадки, он забрел в землю торов, загадочной расы, жившей в болотах и не позволявшей никому проникать

в свои владения. До сих пор остается загадкой, почему Хильдера не убили или не прогнали. Несколько месяцев спустя, вылечившись, он вернулся в Горм и привез с собой жену. Жители Горма, особенно женщины, возмущались этим браком. Говорили, что он был навязан их повелителю. Ему сохранили жизнь с условием, что он женится. Его жена, хромая и психически неуравновешенная, принадлежала к расе торов. В назначенный срок она родила Кориса и исчезла. Может, умерла, а может, вернулась в свое племя. Хильдер, вероятно, знал об этом, но никогда не говорил, и Горм был рад избавиться от своей леди. Остался Корис, лицом похожий на благородного повелителя Горма и телом на жителя болот. Ему никогда не позволяли забывать об этом. Когда Хильдер женился вторично на Орне, дочери известного повелителя морей, Горм принял этот брак с радостью и надеждой. Второй сын Хильдера Урьян стал всеобщим любимцем, потому что в венах его стройного, юного тела не было ни капли чужой крови. Хильдер умер. Но умирал он долго, и у противников Кориса было время подготовиться. Те, кто собирался использовать Орну и Урьяна в своих целях, ошиблись. Леди Орна, умная и способная женщина, не хотела быть игрушкой в чужих руках. Урьян был еще ребенком, и она стала регентшей. Не всем это понравилось, но леди Орна показала свою власть. Орна натравливала одного лорда на другого, чем ослабляла обоих. Но она совершила непоправимую ошибку, обратившись за помощью к чужеземцам. Именно Орна обрекла Горм на гибель, когда тайно вошла в союз с Колдером.

Колдер находился за морем, но лишь один моряк из десяти тысяч мог приблизительно указать, где именно. Моряки старались держаться в стороне от его угрюмых гаваней. Было известно, что колдеры не похожи на других людей, что встреча с ними приносит несчастье. За днем смерти Хильдера последовала ночь красного ужаса. И только сверхчеловеческая сила Кориса помогла ему вырваться из ловушки. С приходом Колдера ему грозила смерть. Горм перестал существовать. Те, кто еще не забыл о времени Хильдера, потеряли всякую надежду. Горм превратился в Колдер. Впрочем не только остров Горм. Меньше, чем за год, на побережье поднялись башни и возник город, названный Айль. Ни один житель Эсткарпа не приходил в Айль добровольно. Айль, как черное пятно, лежал между Эсткарпом и его единственным сильным союзником на западе — морскими бродягами из Салкаркипа. Эти торговцы-воины, знавшие самые отдаленные и дикие местности, построили свою крепость с разрешения Эсткарпа на краю полуострова, далеко уходящего в море. Жители Салкаркипа были опытными моряками и торговцами и не менее опытными солдатами и безбоязненно посещали тысячи портов. Ни один воин Ализона или щитоносец Карстена не смел спорить с ними.

— Магнус Осберик не из тех, кто без повода просит помощи,— заметил Такстон, один из старших офицеров Эсткарпа.—

Нужно проверить снаряжение. Когда Салкаркин просит о помощи, мы обнажаем мечи.

Корис кивнул в ответ. Обмочив палец в вине, он провел какие-то линии на столе. В то же время он жевал хлеб и совершенно невозможно было понять, о чем он думает. Саймон, заглянув через плечо карлика, уловил смысл в этих линиях: они повторяли карту, которую ему приходилось видеть в зале крепости. Это был полуостров, на конце которого находился Салкаркин. Знакома была и дуга, изображавшая обширный морской залив. На противоположной дуге располагался Ализонский главный порт Ализ. Впрочем, эти города разделяло много миль. В глубине залива лежал остров Горм. На нем Корис поставил точку. Она означала Сиппар, главный город Горма. Айль был расположен не на внутренней стороне полуострова, а на самом материке, на южном берегу, и смотрел прямо в открытое море. Дальше берег представлял собой крутую стену, где не мог пристать ни один корабль. Тут находилось герцогство Карстен. Залив непосредственно рядом с Гормом издавна служил выходом Эсткарпа в западный океан. Корис несколько мгновений изучал свою работу, а затем энергично стер линии.

— В Салкаркин ведет только одна дорога? — спросил Саймон.— С Айлем на юге и Гормом на севере отряды Колдера без особых затруднений могут отрезать полуостров.

Корис рассмеялся.

— Дорога одна. Она древняя, как сама вечность. Наши предки не думали, что колдеры обоснуются в Горме, да и кто, находясь в здравом уме, мог это предвидеть? Чтобы обезопасить дорогу,— он положил палец на точку, обозначавшую Сиппар и нажал, как будто безжалостно раздавил насекомое,— мы должны быть здесь. Лихорадку не излечишь, если будешь только сбивать температуру. Война — это та же болезнь. А что мы знаем о неприятеле? — Он мрачно взглянул на Саймона.

— Шпион. Пошлем шпиона.

— Двадцать человек уже ушли из Эсткарпа в Горм. Эти люди изменили внешность, не зная, сумеют ли снова когда-нибудь взглянуть на свое лицо в зеркало. Но они с радостью сделали это. Они были вооружены всеми известными здесь заклинаниями. И ни один не вернулся из Сиппара! Колдеры не похожи на остальных людей, и мы ничего не знаем о том, как они узнают чужих. Знаем лишь, что в этом у них не бывает осечки. Наконец, Властительницы запретили такие испытания, потому что затрачивается слишком большая сила, а результата никакого. Я сам пытался побывать там, но они наложили заклятье, которое я не могу преодолеть. Появление в Горме означает для меня смерть, а я могу еще послужить Эсткарпу живым. Нет, лучше не трогать эту рану.

— Но ведь уже и Салкаркин под угрозой?

Корис потянулся за своим шлемом.

— Поэтому, друг Саймон, мы и выступаем. И вот что еще надо знать: когда колдер сражается на своей земле и на своих

кораблях, победа всегда за ним. Но когда они появляются на территории, куда не падала до того их тень — есть шанс победить их.

— Я отправлюсь с вами.— Это было утверждение, а не вопрос. Саймон был готов ждать и учиться. Воин другого мира понимал, что ему необходимо научиться владеть оружием чужого времени. И только это даст ему свободу. Раз или два во время своего ночного дежурства он спрашивал себя, уж не применили ли к нему хваленую силу Эсткарпа, чтобы он смирился со статус-кво, не задавая вопросов и ничем не возмущаясь. Но шло время и действие этих чар кончилось. Ему захотелось увидеть в этом мире больше, чем один-единственный город, и он знал, что, если не пойдет в другие земли с гвардией, то отправится туда один.

Корис, услышав это, грустно посмотрел на него.

— Это не триумфальное шествие.

Саймон остался сидеть, зная, что Корис не любит, когда на него смотрят сверху.

— Разве я похож на любителя легких побед?

— Побеждать вы сможете только с самострелом. Мечом вы владеете не лучше, чем конюх из Карстена.

Саймон не рассердился на выпад. Он знал, что слова эти справедливы. В стрельбе из самострела он мог помериться с лучшими бойцами. О том, как он борется без оружия, используя приемы дзюдо, знали уже во всех крепостях Эсткарпа. Но в искусстве владения мечом он был не лучше неуклюжего новобранца, юноши, только начавшего соскребать пушок со щек. А булава, которую с легкостью швырял Корис, казалась ему невероятно тяжелой.

— Согласен на самострел,— с готовностью согласился Саймон,— но я должен отправиться туда.

— Да будет так. Только вначале надо убедиться — состоится ли вообще поход.

Решение принималось на совете, где присутствовали офицеры во главе с Корисом и дежурные колдуньи. Хотя Саймон официально не принадлежал к офицерам, он пошел вслед за Корисом на совет. Ему не помешали войти, и он устроился у окна, рассматривая собравшихся. Возглавляла совет Властительница, правившая крепостью и всем Эсткарпом, женщина без имени, которую он уже видел. За креслом стояла та, с которой они спасались от охотников Ализона. Здесь было еще пять колдуний, без возраста, казалось и без пола, все с горящими проницательными глазами. Саймон решил, что предпочел бы быть их союзником, нежели сражаться против них. Никогда раньше он не видел таких сильных личностей. Напротив них стоял мужчина, перед которым все окружающие казались гномами. В любой толпе он возвышался бы над всеми. Люди Эсткарпа, стройные и высокие, казались подростками рядом с ним — бронзовым колоссом. Из брони, закрывшей его грудь, можно было изготовить два щита для гвардейца, руки и плечи у него были

такие же, как у Кориса, но им соответствовало и туловище. Подбородок у него был бритый, но на широкой верхней губе щетинились усы, которые касались щек. Брови соединялись и были очень густыми. Шлем венчала искусно сделанная голова медведя, зловеще разинувшего пасть. Накидкой ему служила огромная медвежья шкура, отделанная шафрановой тканью. Под подбородком она застегивалась пряжкой в виде двух золотых лап.

— Мы в Салкаркипе храним мир, стараемся торговать со всеми — он старался говорить тихо.— Но если возникает необходимость, мы поддерживаем мир мечами. Что может сделать добрая сталь против колдунов ночи? Я не спорю со старой наукой.— Он обращался непосредственно к властительнице, как будто они стояли по разные стороны баррикад.— Каждому народу — его боги и вера, и Эсткарп никогда не навязывал свои верования другим. Но Колдер не поступает так. Всякий гибнет, кто приближается к нему. Говорю вам, леди, мой мир погибнет, если мы не объединим наши усилия. Нужно остановить прилив.

– Видели ли вы человека, рожденного женщиной, который умел бы управлять приливом? — спросила женщина.

— Управлять — нет, но плыть по нему — да! В этом моя магия.— Он ударил себя в грудь. Жест этот показался бы театральным, если бы не был так искренен.— Но с Колдером это не пройдет. Пусть глупцы из Ализона предпочитают оставаться в стороне... Наступит и их черед. Салкаркип будет сражаться! И когда падет наш порт, прибой будет рядом с вами, леди. Говорят, у вас есть власть над ветром и бурей, есть заклинания, изменяющие внешность человека. Сможет ли ваша магия противостоять Колдеру?

Властительница погладила кристалл на груди.

— Скажу вам правду, Магнус Осберик. Не знаю. Колдер неизвестен, мы не сумели пробить брешь в его стене. Что касается всего остального, то я согласна. Пришло время борьбы. Капитан,— позвала она Кориса,— что вы об этом думаете?

Мрачное выражение не сходило с прекрасного лица Кориса, но глаза его горели.

— Если можно пустить в ход мечи, то мы сделаем это! С вашего разрешения, Эсткарп вступится за Салкаркип.

— Если таково ваше решение, Эсткарп выступает. Вы искусны во владении оружием, но с вами будет и другая, могучая Сила.

Она никого не звала, но колдунья, шпионившая в Ализоне, вышла из-за ее кресла и встала по правую руку от Властительницы. Ее раскосые глаза обежали собравшихся и остановились на сидевшем в стороне Саймоне. Тень улыбки промелькнула на ее губах. Саймон, сам не понимая почему, был уверен, что между ними установилась связь. Когда после полудня они выступали из города, Саймон обнаружил, что его конь идет рядом с конем колдуньи. Как и на всех гвардейцах, на ней

была кольчуга и шлем с металлическим шарфом. Внешне она ничем не отличалась от остальных. Вооружена она была мечом и таким же самострелом, как и Саймон.

— Итак, воин из другого мира,— она говорила негромко, и Саймон понял, что она не хочет, чтобы их слышали,— мы сиова едем вместе.

Что-то в ее спокойствии раздражало его.

— Будем надеяться, что на этот раз мы охотники, а не дичь.

— Все в свой срок. В Ализоне меня предали, и я была безоружна.

— А теперь у вас меч и самострел.

Она взглянула на свое оружие и улыбнулась.

— Да, Саймон Трегарт, меч и самострел... и еще кое-что. Но, увы, это не увеселительная прогулка. Путь наш будет нелегок.

— Вы предсказываете, леди? — В этот момент он верил только в сталь.

— Да, это предсказание, Саймон,— она по-прежнему смотрела на него с улыбкой.— Я не накладываю на вас заклятья, человек из иного мира, но знаю: нити наших жизней лежат рядом в руке верховного правителя... То, чего мы хотим, и то, что будет на самом деле, возможно, несоединимо. Слова мои относятся ко всему отряду: берегитесь места, где скалы высоки и звучат крики морских орлов!

Саймон невесело улыбнулся в ответ:

— Поверьте, леди, на этой земле я так осторожен, будто у меня глаза вокруг головы. Для меня это не первый военный поход.

— Это нам известно. Иначе вы не отправились бы с Ястребом,— она указала на Кориса.— Корис прирожденный воин и предводитель, удача для Эсткарпа!

— И вы предвидите опасность в Салкаркипе? — настаивал Саймон.

Она покачала головой.

— Вы знаете, как обстоят дела с Даром. Нам даны отрывки, части, но не вся картина в целом. Я не вижу городских стен. Держите наготове оружие и ваши прославленные кулаки, Саймон.— Она рассмеялась, но ее смех звучал невесело. И Саймон понял, что он должен принять дружбу на ее условиях.

Войско Эсткарпа продвигалось вперед быстро, но оставался еще день пути. Отряд миновал последнюю пограничную крепость и двинулся вдоль изогнутого морского берега. Гвардейцы постоянно меняли в крепостях лошадей и поэтому буквально пожирали мили. Хотя салкары не привыкли к езде верхом, они угрюмо сидели в седлах, казавшихся маленькими для их могучих тел и не отставали. Они ехали с упорством людей, для которых главным врагом было время. Утро было яркое, а пурпурные цветы на кустарниках вдоль дороги тянулись к солнцу. Воздух пахнул соленым прибоем и говорил,

что впереди море. И Саймон испытывал возбуждение, которого уже давно не знал. Он не понимал, что напевает какую-то песенку, пока его не окликнул знакомый хрипловатый голос:

— Птички поют перед ударом ястреба.

Он добродушно воспринял насмешку.

— Не хочу слышать злое карканье: слишком хороший день.

Колдунья потянула за металлический шарф, закрывавший ее плечи и горло.

— Море. Здесь всегда ветер,— взгляд ее устремился вперед к горизонту, куда уходила дорога.— Здесь всегда кровь. Поэтому кровь салкаров может смешиваться с нашей. Так бывало часто. Когда-нибудь я уплыву в море. Волны, убегая от берега, унесут меня к горизонту.— Голос ее звучал музыкой, но Саймон внезапно встревожился. В горле пересохло. Может у него и не было колдовского дара, но что-то в нем зашевелилось, ожило, и он, не отдавая себе в этом отчета, поднял руку, давая сигнал остановиться.

— Да! — рука колдуньи повторила его жест. Корис обернулся. Он отдал приказ, и весь отряд остановился. Капитан передал руководство Такстону и отъехал назад. Нельзя было обвинить его в неосторожности. По флангам находились разведчики.

— Что случилось?

— Впереди опасность,— Саймон всматривался в местность, такую спокойную под лучами солнца. Ничего не двигалось, только высоко в небе кружила птица. Ветер затих, не шевелился ни один листик. Саймон готов был поручиться, что впереди ждет засада. Корис перевел взгляд с Саймона на колдунью. Она наклонилась вперед в седле, ноздри ее раздувались, она глубоко дышала. Она прислушивалась, как это делают собаки. Пальцы ее двигались, изображая какие-то знаки, и она резко и убежденно кивнула:

— Он прав. Впереди пустое пространство, в которое я не могу проникнуть. Силовой барьер. За ним может скрываться засада.

— Но как он мог... У него нет Дара,— Корис быстро взглянул на Саймона, взгляд его был недоверчив. Затем он отдал несколько приказов и сам выехал вперед, туда, где дорога уходила за очередной поворот. Саймон достал свой самострел. Откуда он знает, что впереди засада? У него бывали такие озарения и в прошлом — например, в тот вечер, когда он встретил Петрониуса — но никогда это предвидение не было таким острым и ясным. Ощущение тревоги все усиливалось. Колдунья держалась за ним, как раз за первой линией гвардейцев. Из-под кольчуги она извлекла туманный кристалл, который служил ей оружием. Она подняла кристалл над головой и выкрикнула несколько слов на непонятном для Саймона языке.

Впереди виднелась скала, напоминающая клыки, торчащие из огромной челюсти. Дорога ныряла под своеобразную арку,

образованную этими клыками. У подножья скал рос густой кустарник, образуя непроницаемый заслон. Из кристалла ударил луч, направленный на более высокую скалу. Там, где он коснулся камня, поднялся густой туман, который закрыл и скалы, и кусты. И оттуда, из этого серо-белого тумана, показались неприятели. Вооруженные до зубов, они бежали, сохраняя полное молчание. Заостренные шлемы с забралами придавали им необычайно хищный вид. Они были похожи на охотящихся птиц. Странная тишина сопутствовала неожиданному нападению.

— Сал... сал... сал...— морские бродяги обнажили мечи навстречу приближающейся линии атаки. Во главе салкаров стоял Магнус Осберик. Гвардейцы не издали ни звука. Корис не отдавал приказов. Но стрелки выбрали цель и выстрелили, а меченосцы поскакали вперед, держа оружие наготове. Они ехали верхом, а молчаливые враги были пешими. Саймон изучал вооружение Эскарпа и знал, где находится слабое место у воина. Такая же бронь у колдера? Он прицелился и выстрелил. Колдер повернулся и упал, а его заостренный шлем воткнулся в землю.

— Сал... сал... сал...— гремел боевой клич салкаров. Сражающиеся сошлись в ожесточенной рукопашной схватке. В первые несколько мгновений Саймон думал лишь о своем участии в этой битве, о необходимости найти цель. Затем он стал замечать необычайную смелость нападающих. Солдаты Колдера не пытались уцелеть. Воин за воином гибли, не защищаясь, не уклоняясь от ударов противника. Они не поднимали щиты, не парировали удары своими мечами. Пешие солдаты стреляли яростно, но в этой ярости было что-то механическое. Заводные игрушки, подумал он. Кто-то завел их и пустил в ход. Но ведь они считались искуснейшими бойцами этого мира. А теперь гибли с легкостью, как будто ребенок толкнул ряд оловянных солдатиков.

Саймон опустил самострел. Что-то в нем восстало против слепого убийства: он вовремя увидел, как одна из голов в заостренном шлеме повернулась в его направлении. Колдер быстро приближался. Но он не напал на Саймона. Он набросился на его соседку. Лишь мастерство спасло наездницу от этого яростного нападения. Она опустила меч, но забрало отразило удар. Противник был искусен в фехтовании. Сверкнуло острие его меча, и оружие вылетело из рук колдуньи. Колдер отбросил свой меч, он схватил всадницу за ногу и стащил ее из седла с легкостью, которая удивила бы Кориса. Колдунья отчаянно билась в руках колдера, и Саймон не решался применить меч. Вытащив ногу из стремени, он подъехал поближе и изо всех сил пнул солдата. Удар пришелся по затылку, и нога Саймона почти онемела. Солдат потерял равновесие и упал вперед, потянув за собой колдунью. Саймон выпрыгнул из седла, опасаясь, что онемевшая нога подогнется под ним. Руки скользнули по металлическим плечам колдера, Саймон смог оторвать его от женщины и бросить на спину. Колдер лежал на спине

как жук, руки и ноги его слабо двигались. Отбросив перчатки, колдунья склонилась над колдером, развязывая его шлем. Саймон схватил ее за плечо.

— В седло! — приказал он, подводя коня. Она покачала головой, продолжая свое занятие. Саймон не понимал, что она делает.

— Херланн! — Увенчанный ястребом шлем Кориса появился между Саймоном и этим лицом. Корис стал рядом с колдуньей, он схватил колдера за плечи, как будто обнимал близкого друга. Глаза, сине-зеленые, как у Кориса, на таком же прекрасном лице, открылись, но не сосредоточились ни на ком из склоненных над ним людей. Колдунья разжала руки Кориса. Она взяла колдера за подбородок и посмотрела в невидящие глаза. Затем оттолкнула его и принялась вытирать руки о жесткую траву. Корис следил за ней.

— Херланн? — этот вопрос скорее адресовался колдунье, а не поверженному.

— Убить! — произнесла она сквозь зубы. Корис потянулся за мечом, лежащим в траве.

— Не нужно! — возразил Саймон.— Ведь колдер сейчас безвреден, удар лишил его сознания. Нельзя убивать так хладнокровно, да еще и лежачего.

Холодный взгляд колдуньи скрестился с его взглядом. Она указала на поверженного.

— Взгляни, человек из другого мира!

Со странным нежеланием Саймон приподнял голову колдера, но тут же отскочил в сторону. В этом теле не было человеческой теплоты, не было в нем и холода металла или камня. Казалось, он коснулся чего-то грязного, вялого, прочного лишь внешне. Посмотрев в эти невидящие глаза, он увидел абсолютную пустоту, человек не мог быть в таком состоянии, даже если его сильно ударили. За этой пустотой лежало нечто, с чем Саймон никогда не встречался. Даже безумец сохраняет нечто человеческое и может вызвать жалость. Здесь же лежало отрицание всего, нечто настолько отвратительное, что Саймон не мог представить себе его живым, видящим солнце, ходящим по земле. Как и колдунья, он принялся тереть руки о траву, как бы стирая с них грязь. Встав, он отвернулся от Кориса, который обнажил меч. Тот, кого ударил капитан, был уже мертв, давно мертв и проклят. На поле брани остались мертвые солдаты Колдера. Погибли два гвардейца и один салкар. Нападение было таким неуместным, что Саймон удивлялся, зачем оно вообще было предпринято. Он шел рядом с капитаном, который тоже, по-видимому, не понимал, зачем состоялось это бессмысленное сражение.

— Снимите с них шлемы! — этот приказ переходил от одного отряда к другому. И под каждым шлемом они находили все те же бледные лица, светловолосые головы: все, что так было похоже на Кориса.

— Мидир! — Корис остановился у одного из тел. Рука его

дернулась.— Убить! — Приказ капитана прозвучал бесстрастно и был немедленно выполнен. Корис осмотрел всех и еще трижды приказал нанести смертельный удар. Угол его рта дергался. Обойдя тела, он вернулся к Магнусу и колдунье.

— Они все из Горма!

— Были из Горма,— поправила его колдунья.— Горм умер, когда открыл свои ворота Колдеру. Лежащие здесь не те люди, которых вы помните, Корис. Они уже давно, очень давно не люди. Это руки и ноги, машины, которые служат своим хозяевам. У них нет настоящей жизни. Когда Сила вытащила их из укрытия, они смогли повиноваться единственному полученному ими приказу — убивать. Колдер использует их, чтобы истощать силы противника прежде, чем нанести главный удар. Губы капитана изогнулись, но не в улыбке.

— Они выдают собственную слабость. Неужели им не хватает людей? — Но тут же поправился, всовывая меч в ножны,— впрочем кто знает, что можно ожидать от Колдера? Впереди могут быть и другие сюрпризы.

Саймон находился в авангарде, когда они отъехали от того места, где встретились с силами Колдера. Он не мог помочь воинам в их последнем деле и не мог заставить себя думать об оставшихся сзади безголовых трупах. Трудно поверить, что все это правда.

— Мертвый не сражается! — он не осознавал того, что говорит вслух, пока не отозвался Корис.

— Херланн был рожден для моря. Я видел, как он с одним ножом ходил на меч-рыбу... Мидир — новичок в гвардии. Он еще запинался в строю, когда объявили о приходе колдеров в Горм. Я их обоих хорошо знал. Но те существа, что остались позади — это не Херланн и Мидир.

— Человек един в трех составляющих,— это произнесла колдунья,— тело действует, мозг мыслит, душа чувствует. Может, в вашем мире человек устроен иначе, Саймон. Я так не думаю: вы тоже действуете, мыслите, чувствуете. Убейте тело, и вы освободите душу. Убейте мозг и тело будет жить, вызывая сочувствие у окружающих. Но убейте душу и позвольте телу, а может, и мозгу, жить...— голос ее дрогнул,— это грех, тяжелее которого невозможно себе представить. Именно это произошло с людьми Горма. То, что двигалось в их облике, не должно существовать на земле. И только нечестивое использование запретного может породить такую смерть.

— То, что произошло в Горме, может произойти и в Салкаркипе.— Магнус поравнялся с ними на своем могучем коне.— Здесь мы взяли над ними верх, но что если у них легион таких полумертвых, готовых напасть на наши стены? В крепости немного мужчин: сейчас торговый сезон, и тридцать наших кораблей вышло в море. Придется расставить всех людей вдоль стен. Воля ваша сильна, но руки могут устать. И враг может подавить нас простой численностью. Враги не боятся за себя и будут идти вперед, не задумываясь.

Ни у Кориса, ни у колдуньи не нашлось на это ответа. Лишь когда несколько часов спустя Саймон впервые увидел стены крепости, он почувствовал некоторую уверенность. Хотя салкары были прежде всего моряками, они оказались и строителями. Возводя крепости, они использовали все преимущества места. Снаружи были видны лишь стены со сторожевыми башнями и узкими бойницами. И лишь когда Магнус Осберик провел их внутрь, они поняли всю мощь этой крепости. Со стороны моря выступали две скалы. Между ними находилась гавань, похожая на раскрытую клешню краба. Каждая из сторон клешни была искусно укреплена и соединена с главной крепостью лабиринтом подземных ходов. Стены уходили прямо в море и были неприступными.

— Похоже, что строители Салкаркипа думали о войне,— заметил Саймон.

Магнус Осберик рассмеялся.

— Мастер Трегарт, мы в мире с Эсткарпом, так же как и с Ализоном и Карстеном. Во всем же остальном мире мы показываем не только свои товары, но и мечи, а это сердце нашего государства. В этих складах — наша жизнь, наши товары. Все пираты мира мечтают ограбить Салкаркип.

Может, колдеры и отродье дьявола, но они не презирают хорошие вещи. Им тоже хочется запустить сюда лапы. Но у нас здесь есть последнее средство. Если Салкаркип падет, его завоеватели ничего не получат,— он с силой опустил кулак на парапет.— Салкаркип построен во времена моего прапрадеда, чтобы у расы было убежище на время бури — не только бури ветра и волн, но и войны. И, похоже, теперь мы очень нуждаемся в этом.

— В гавани три корабля,— сказал Корис,— грузовой и два военных.

— Грузовой из Карстена, поэтому его экипаж не нуждается в оружии,— заметил Магнус.— Говорят, герцог женится. Но на корабле плывет драгоценное ожерелье для белой шеи Алдис. Может, Ивьян и собирается надеть браслет на чье-то запястье, но прежние связи не будет рвать.

Колдунья пожала плечами, а Корис больше заинтересовался кораблями, чем сплетнями о соседних дворах.

— А военные? — спросил он.

— Патрульные. Нужно всегда знать, кто приближается с моря.

Бомбардировщик мог бы уничтожить Салкаркип в один-два захода: тяжелая артиллерия за несколько часов пробила бы его массивные стены, решил Саймон, продолжая осмотр крепости. В скале было множество переходов и комнат. Они были закрыты прочными дверями. Если у Колдера нет мощнейшего оружия, торговцы зря нервничают. Но так может думать тот, кто не видел пустые глаза воинов из Горма. Саймон подметил, что в казармах хранится оружие в стеллажах и в специальных пирамидах. Людей в крепости мало. Салкаркип способен воору-

жить и разместить тысячи воинов, а в нем была едва ли сотня. Втроем — Корис, колдунья и Саймон поднялись на башню, обращенную к морю, где вечерний ветер ударил в их кольчуги.

— Я не рискну оголять Эсткарп, чтобы собрать все наши силы здесь,— гневно сказал Корис, отвечая на какое-то замечание,— такая глупость послужила бы откровенным приглашением Ализона или герцогства вторгнуться с севера и с юга... У Осберика раковина, которую, как мне кажется, не раскусят даже челюсти Колдера, но в этой раковине нет тела. Он слишком долго ждал. Если бы все его люди были здесь, он смог бы удержаться. Но с этой горсточкой храбрецов — я сомневаюсь.

— Вы сомневаетесь, Корис, но вы будете сражаться,— заметила колдунья. В ее тоне не было ни одобрения, ни осуждения.— Потому что так нужно. И, может, в этой крепости мы сломаем челюсти Колдеру, который рано или поздно сюда придет — это Магнус заметил верно.

Капитан взглянул на нее.

— Вы предсказываете, леди?

Она покачала головой.

— Не ожидайте от меня большего, чем я могу. Когда мы столкнулись с засадой, я ничего не могла разглядеть, только пустое место. По этому признаку я узнала Колдер. На большее я была не способна. А вы, Саймон?

Он вздрогнул.

— Я? Но я не претендую на вашу силу...— начал он.— Что я могу добавить? Как солдат, я вижу, что это неприступная крепость, и в то же время чувствую себя, как в ловушке,— сказал он, не задумываясь, но зная, что говорит правду.

— Надо усилить наблюдение: я скажу об этом Осберику,— решил Корис.

Вместе они продолжали смотреть на гавань. Солнце садилось, и город все больше и больше напоминал пещеру.

Это началось вскоре после полуночи — на море появилась линия, поглощающая волны и звезды: перед ней катился пронизывающий холод, который не был ни ветром, ни дождем, но который коварно пробирал людей до самых костей, на кольчугах появились маслянистые капли с солоноватым привкусом. Вот этот сумрак дошел уже до линии фонарей, следовавших за изгибами крепостных стен. Одно за другим светлые пятна мутнели, поглощенные желтой мутью. Дюйм за дюймом, фут за футом туман поглощал мир. Саймон ходил взад и вперед по маленькой караульной платформе центральной сторожевой башни. Половина укреплений уже была во тьме. Один из кораблей в гавани был уже разрезан надвое этим занавесом. Муть не походила на обычный туман, но была похожа на индустриальный смог родного мира Саймона. Туман приближался сплошной завесой, как щит, за которым могли скрываться нападающие. Саймон услышал тревожный звон колоколов на стенах и оцепенел. Нападение! Он подошел к двери башни и столкнулся с колдуньей.

— Они нападают?

— Нет еще. Это звучат колокола бури: они помогают кораблям, застигнутым штормом, попасть в порт.

— Кораблям Колдера?

— Может, и им. Но нельзя за час уничтожить традиции столетий. В тумане колокола Салкаркипа спасают моряков. Только приказ Осберика может заглушить их.

— Значит, этот туман известен морякам?

— Вообще, туманы для матросов — дело обычное. Но такой — не думаю, чтобы кто-то припомнил. Она подошла к парапету и посмотрела на море, на быстро исчезающую гавань.— Мы, владеющие Силой, можем до некоторых пределов управлять явлениями природы, хотя и здесь результаты могут оказаться неожиданными. Любая из моих сестер может вызвать туман, который не только затмит глаза врагу, но и смутит его разум — на время, разумеется. Но этот туман — совсем другое дело.

— И все-таки это туман, это спустившиеся облака,— настаивал Саймон, уверенный, что это не так. Хотя откуда у него такая уверенность, он не мог сказать.

— Когда гончар изготовляет вазу, он кладет глину на круг и придает ей форму в соответствии со своим замыслом. Глина — продукт естественный, но разум и знание придают ей определенную форму. Мне кажется, что кто-то собрал испарения моря и воздуха и придал им форму согласно своего замысла.

— И что вы сделаете в ответ, леди? — за ними стоял Корис. Он подошел к парапету и ударил по нему ладонями.— Мы теперь похожи на слепых.

Колдунья не отвела взгляда от тумана, у нее был вид ученого, принимающего решение проводить эксперимент.

— Наверное, они хотят ослепить нас. Если они воспользуются иллюзией — пусть встретятся с такой же хитростью.

— Бороться с туманом при помощи тумана?

— Нельзя против хитрости использовать ту же хитрость. Они призвали воздух и воду. Поэтому мы тоже должны призвать воздух и воду, но по-иному. Да, можно использовать кое-что,— пробормотала она и обернулась.— Нужно спуститься к гавани. Попросите Магнуса, чтобы он раздобыл дров, лучше всего, сухих щепок. Если их нет, то пусть срежут ветви с деревьев. Также будет нужна ткань. Пусть все это принесут к гавани.

Когда небольшая группа салкаров и гвардейцев вышла на берег, по-прежнему слышался звон тревожных колоколов. Принесли груду досок, и колдунья выбрала из них самые короткие. Держа нож непривычными к такому труду руками, она вырезала грубое подобие лодки, заострила нос, закруглила корму. Саймон взял у нее игрушку и принялся срезать кору, остальные последовали его примеру. Они сделали около тридцати деревянных лодочек размером с ладонь, снабдили каждую маленькой мачтой и парусом. Лодочки поставили в ряд, и колдунья, наклонившись, подула в каждый парус.

— Ветер и вода, ветер и вода,— нараспев произнесла она.— Вода понесет, ветер подгонит, туман скроет!

Руки ее быстро двигались. Один за другим она направляла маленькие кораблики в воду. Туман уже почти накрыл их, но он был еще недостаточно плотен, чтобы скрыть от Саймона это удивительное зрелище. Лодочки выстроились клином и двинулись навстречу туману. И когда первая нырнула в туманный занавес, она уже не была небрежно изготовленной игрушкой, а становилась могучим кораблем, более прекрасным, чем боевые корабли, которые с гордостью показывал им Осберик. Колдунья оперлась на Саймона и выпрямилась.

— Не верьте всему, что видите, человек из другого мира. Мы, обладающие Силой, часто пользуемся иллюзией. Будем надеяться, что эта иллюзия не менее эффективна, чем их туман, и отпугнет тех, кто готовится напасть на нас.

— Они не могут быть настоящими! — Саймон упорно противился очевидному.

— Мы слишком полагаемся на наше чувство. Если можно обмануть глаза, пальцы, нос, то почему бы магии не обмануть все сразу? Скажите мне, Саймон, если бы, готовясь на кого-то напасть, вы неожиданно увидели в гавани мощный военный флот, разве вы не призадумались бы, стоит ли делать это? Я пытаюсь лишь выиграть время: иллюзия разрушается, когда ее подвергают испытанию. Корабль колдеров, который сблизится с игрушечным кораблем и попытается взять его на абордаж, тут же обнаружит, что это такое.

По-видимому, она была права. Если враг и собирался использовать туманную завесу для прикрытия нападения, он не сделал этого. Тревоги не было, хотя до самого рассвета туман не рассеивался. Команды кораблей, стоявших в гавани, ждали приказа Осберика, а он не мог отдать приказ, пока не поднимется туман. Саймон вместе с Корисом обходили посты на стенах, и часто им приходилось держаться друг за друга, чтобы не разойтись в мареве. Был отдан приказ бить в колокола, не для того, чтобы помочь заблудившимся кораблям, а чтобы посты слышали друг друга. Всех охватило напряжение, при малейшем шуме готовилось к бою оружие, и любой, кто опаздывал назвать пароль, рисковал получить удар мечом.

— Скоро им и не понадобится нападать,— заметил Саймон, едва увернувшись от удара какого-то салкара, с которым он столкнулся на стене.— Мы начинаем нападать друг на друга. Кому-нибудь покажется в тумане, что у встречного заостренный шлем, и бедняге не снести головы.

— Я думаю об этом,— медленно ответил капитан.— Они тоже используют иллюзии, рожденные нашими нервами и страхом. Но чем же мы можем ответить им?

— Им ничего не стоит подслушать наш пароль,— Саймон считал, что нужно смотреть в лицо худшему. Часть стен, пост за постом, может оказаться у них в руках.

— Разве мы можем быть уверены, что этого уже не произо-

шло? — С горечью спросил Корис.— Человек из иного мира, если ты можешь отдавать приказы лучшие, делай это, я с радостью подчинюсь. Я военный человек и думал, что хорошо знаю способы ведения войны. Мне казалось, что я знаю и колдовство — такое, какое используют в Эсткарне. Но это что-то совсем другое.

— А я никогда не сталкивался с такими способами ведения войны,— с готовностью подхватил Саймон.— Тут хоть кто окажется в тунике. Но все же я думаю, что они не нападут с моря.

— Потому что мы ждем их оттуда? — на лету подхватил Корис,— но на крепость невозможно напасть с земли. Эти морские бродяги знали как строить. Потребуются осадные машины и много недель времени.

— Море и земля — что остается?

— Подземные ходы и воздух,— ответил Корис.— Подземелья!

— Но нам не хватает людей, чтобы охранять все подземные переходы.

Зеленоватые глаза Кориса вспыхнули тем огнем, который увидел в них Саймон при первой встрече.

— Есть способ охранять их без людей. Идем к Магнусу.— Он побежал. Острие его меча звенело, задевая за камни стен при крутых поворотах. На столе выстроили ряд медных сосудов различных форм и размеров. Они были связаны с медными шарами, висевшими над подземными выходами. Теперь любая попытка открыть дверь передалась бы сосудам, стоящим на столе. Подземелья до некоторой степени были в безопасности. Остается воздух. Саймон напряженно прислушивался. Может потому, что он был знаком с воздушными налетами? Но ведь цивилизация, основанная на сравнительно примитивных самострелах, мечах, щитах и кольчугах, не может организовать нападение с воздуха. Благодаря выдумке Кориса, они узнали о первом ударе Колдера за несколько мгновений. Со всех мест, где были установлены шары, сигнал тревоги донесся одновременно. Залы, ведущие к подземным ходам, были подготовлены заранее. Мешки с шерстью, пропитанной маслом и смолой,— этой смолой промазывали корпуса кораблей — были уложены в ряды вместе с кипами тканей, мешками зерна, ящиками бутылок с маслом и вином. Когда прозвучал сигнал тревоги, в эти груды швырнули факелы, а затем наглухо закрыли двери, ведущие в эти заполненные пламенем залы.

— Пусть суют туда свои холодные собачьи носы,— Магнус возбужденно ударил боевым топором по столу в центральном зале главной башни. Впервые с того момента, как враг осадил его город, Магнус, казалось, перестал беспокоиться: как морской бродяга, он ненавидел туман, но как только дело дошло до прямых действий, он вновь был полон сил и энергии.

— Аххх! — как удар мечом, этот крик разрезал общий гул. Не только физическая боль, а какой-то потусторонний ужас

мог извлечь его из человеческой глотки. Магнус, слегка склонивший свою бычью голову, Корис, пригнувшийся к земле, как будто его тело гнома получало от нее энергию, и остальные воины — все оцепенели. Может быть, потому что он подсознательно все время ожидал этого, Саймон первым определил, откуда пришел этот звук, и побежал к лестнице, которая тремя этажами выше выводила его к сторожевому посту на крыше. Он не добежал до верха. Крики и лязг металла о металл послужили предупреждением. Саймон пошел медленно, доставая оружие. И хорошо поступил, потому что на середине второго этажа мимо кто-то пролетел, едва не задев его. Это был салкар, из его горла лилась кровь, окрашивая ступени и стены. А наверху царила страшная сумятица. На следующем этаже еще сражались два гвардейца и трое морских бродяг, прижавшихся спинами друг к другу. Противник нападал на них с той же слепой яростью, что и в засаде на дороге. А сверху катила волна остроклювых шлемов. Тела скользили по лестнице, сметая все на своем пути. Вместе с ними падали обломки мебели. Саймон догадался, что враг каким-то образом прилетел сюда по воздуху и теперь захватил верхний этаж. Не время было размышлять, каким образом неприятели появились: они прорвались, и этого достаточно. Пали еще двое салкаров и гвардеец. Мертвые и раненые, друзья и враги поглощались морем остроклювых шлемов. Саймон ухватился за перила. Салкары строили прочно: перила выстояли. Собрав все силы, Саймон стал пробираться к выходу. Перед ним оказалась клювастая голова, а перед лицом сверкнуло острие меча. Саймон схватил стул и ударил по шлему.

— Сал! Сал!

Саймона оттеснили в сторону, он увидел страшное лицо Магнуса, сопротивляющегося в первой шеренге вторжения. Прицелиться, выстрелить, снова прицелиться, выстрелить. Сбросить пустой колчан, снова приготовиться к стрельбе. Оттащить в сторону стонущего раненого товарища, там ему окажут помощь. Снова прицелиться. Стрелять! Стрелять! Каким-то образом Саймон опять оказался в зале, затем отряд, в котором он сражался, снова очутился на другой лестнице, дорогой ценой отдавая каждую ступеньку. По лестнице тянулся тонкий дымок — щупальца тумана? Нет, дым забивался в горло, заставляя кашлять. Саймон стрелял, снимая колчаны с тел упавших гвардейцев. Ступени остались позади. Люди хрипло кричали, дым делался гуще. Саймон смахнул выступающие слезы и плотнее затянул металлический шарф. Он тяжело дышал. Вслепую он двигался вслед за товарищами. За ними закрывались двери пятидюймовой толщины. Одна, две, три... четыре таких преграды. И вот они в помещении, где находится странное устройство. Сложное и большое, оно выше огромного человека, стоящего перед ним с отчаянными глазами. Моряки и гвардейцы расступились, оставив в центре помещения странную машину наедине с хозяином города. Магнус потерял шлем, плащ его был

порван и свисал с одного плеча. Топор его лежал на крышке машины, с его лезвия на каменный пол капала кровь. Лицо его побледнело и осунулось. Широко раскрытыми глазами смотрел он на людей, не видя их. Саймон подумал, что Магнус находится в шоке.

— Уходите! — Магнус схватил топор и взмахнул им.— Крылатые демоны воздуха! Человек не может сражаться с демонами! — Он рассмеялся радостно, как мужчина, обнимающий любимую.— Но у нас есть ответ и для дьяволов: Салкаркип не будет служить дьявольскому отродью!

Он повернул бычью голову, рассматривая людей Эсткарпа и своих сограждан.

— Вы хорошо сражались. Но теперь ваша судьба не здесь. Я высвобождаю энергию, питавшую город. Уходите подальше, а я заберу с собой как можно больше этих летающих колдунов. Уходите, люди-волшебники, и оставьте Салкаркип его судьбе!

Его глаза и голос давили с такой физической силой, что уцелевшие гвардейцы отшатнулись. Корис был с ними: ястреб на его шлеме потерял одно крыло. У колдуньи было печальное лицо, но она была спокойна. Саймон и еще двадцать человек обнажили мечи и салютовали ими.

Магнус улыбнулся.

— Хорошо, хорошо, волшебники! Но сейчас не время для парадов. Уходите!

Они вышли в указанную им маленькую дверцу, которую Корис тут же закрыл, и побежали по подземному переходу. К счастью, пол был ровным и на одинаковом расстоянии друг от друга на нем горели шары. Все сильнее слышался шум прибоя, и вот они оказались в пещере, где покачивались на воде маленькие лодки.

— Вниз! — Саймон вместе с другими забрался в лодку, а Корис ударил его ладонью по спине, заставляя лечь на раскачивающееся дно. Захлопнулась еще одна дверь. Свет исчез. Саймон лежал неподвижно, не зная, что произойдет дальше. Лодка двигалась, тела людей шевелились, Саймон закрыл лицо руками. Качка усилилась, и Саймон почувствовал, что его начинает тошнить. Он никогда не был хорошим моряком. И вдруг небо и море вздрогнули. Взрыв был такой, что, казалось, земле больше не уцелеть, который, казалось, уничтожит весь мир. Они по-прежнему качались на волнах. И, задрав голову, Саймон глотал воздух. Он шевелился, не обращая внимания на протесты соседей. Больше нет тумана — была его первая мысль. А потом — наступил день! Небо, море вокруг, берег — все было чистым и ясным.

Но когда взошло солнце, Саймон был оглушен еще одним взрывом. Он оглох, но не ослеп. Они плыли в море, а позади них всходило солнце. Одна... две... три маленьких лодки насчитал он. Парусов не было, но, очевидно, у лодок был какой-то двигатель. На корме их лодки сидел человек. По ширине плеч Саймон узнал Кориса. Капитан держал руль. Они были сво-

бодны от ада, который воцарился на месте Салкаркина. Куда же они направляются? Туман исчез, а пламя на берегу светилось. Но волны не были порождены морем. Должно быть, взрыв передался океану. Поднимался ветер, и люди в лодках начали понимать, что они еще не спаслись, а лишь получили небольшую передышку.

Море было тусклым и серым, как затуманенное зеркало. И небо над ним было такого же цвета, так что трудно было отличить, где кончается воздух и начинается вода. Лойз съежилась на скамье под маленьким оконцем. Она боялась высоты, а эта башня, выдававшаяся из стены, нависла над острыми, окруженными пеной скалами береговой линии. Ее постоянно тянуло сюда, потому что, всматриваясь в бесконечную пустоту, в которой можно было увидеть только птиц, она чувствовала свободу. Прижимая узкие ладони с длинными пальцами к каменной скамье, она заставляла себя глядеть на то, чего боялась.— Ей много раз приходилось делать то, чему сопротивлялись ее тело и мозг. Она была дочерью Фалька, и поэтому ей давно уже пришлось надеть броню из льда и железа, которую не мог пробить ни один удар. И вот больше половины своей короткой жизни она провела в этой внутренней цитадели. В Верлейне было множество женщин, потому что Фальк отличался похотливостью. С раннего детства Лойз видела, как они приходят и уходят, смотрела на них холодным взглядом и сравнивала себя с ними. Ни на одной из них Фальк не женился, и ни одна из них не принесла ему потомства. Фальку это не нравилось. А Лойз была довольна. Это давало ей возможность жить спокойно. Верлейн принадлежал Фальку не по наследству, он перешел к нему от матери Лойз. И пока жива Лойз, Фальк продолжает владеть Верлейном, местонахождение которого было удобным для грабежа и мародерства на море и на суше. Если бы она умерла, в Карстене нашлось бы немало наследников ее матери, которые тут же предъявили бы свои права на владение Верлейном. Но если бы одна из тех женщин, которые – вольно или невольно — ложились на огромную кровать в спальне Фалька, принесла ему сына, он мог бы спокойно претендовать на владение Верлейном не только в течение всей жизни, но и для новой мужской линии. Таковы были вновь изданные законы герцогства. По старым обычаям право наследования сохранялось по материнской линии, теперь же наследовали потомки отца, и лишь в тех случаях, когда не было потомков мужского пола, действовал старый закон. Лойз цеплялась за эту единственную возможность, дававшую ей временную безопасность. Если Фальк погибнет в одном из грабительских рейдов, если его убьет представитель какой-нибудь ограбленной семьи, она и ее Верлейн будут свободными. Вот тогда они и увидят, на что способна женщина! Они узнают, сколько слез она выплакала за все эти годы.

Она оттолкнулась от стены, прошла по комнате. Было холодно и темно. Но она привыкла к холоду и полумраку. Они стали

частью ее жизни. За пологом, закрывающим кровать, она глянула в зеркало. Это было не изящное женское зеркало, а щит, отполированный до такого состояния, пока он не стал давать хотя и искаженное, но изображение. Для Лойз сделалось привычкой глядеть в него на себя. Она была небольшого роста, но это была единственная женская черта, которая объединяла ее с теми женщинами, которые удовлетворяли людей ее отца или его самого. Тело ее было стройно и прямо, как у мальчика, и лишь намек на округлости говорил о том, что это не юноша. Густые волосы локонами падали на плечи и спускались до талии. Цвет у них был такой светло-желтый и бледный, что они казались седыми, а ее брови и ресницы того же цвета придавали лицу выражение простушки. Кожа плотно облегала лицевые кости и была почти лишена румянца. Даже губы ее были бледными. Унылое дитя мрака, она сосредоточивала в себе огромную жизненную силу, она была крепка, как хрупкое лезвие, которое опытный боец предпочитает громоздкому, но непрочному металлу. Она свела руки, сжала их, а потом развела и опустила. Под свисающими рукавами руки ее были сжаты в кулаки и ногти почти впились в ладони. Лойз не шевельнулась, она ничем не показала, что слышит звон щеколды. Она знала, на что она способна, если даст волю чувствам. Но когда рядом был отец, она подавляла свою ненависть, не давала возможности ей вырваться наружу. Иногда она в отчаянии думала, что отец и не подозревает о том, как она относится к нему.

Дверь распахнулась. Повелитель Верлейна любое препятствие воспринимал как вражескую крепость. Он вошел с видом человека, только что получившего ключи от сданного города. Если Лойз была бесцветным созданием, то Фальк казался повелителем солнца и яркого света. На его большом теле уже появились некоторые следы грубой жизни, но лицо оставалось прекрасным: свою красно-золотую голову он нес с высокомерием принца, благородные черты лица слегка расплылись. Большинство верлейнцев восхищались своим повелителем. В хорошем настроении он бывал щедр и великодушен, а его пороки одобрялись и понимались его подданными. Лойз увидела в зеркале яркое отражение.

Дочь даже не посмотрела на отца.

— Приветствую лорда Фалька,— голос ее был бесстрастен.

— Лорда Фалька? Разве так нужно говорить с отцом, девка? Растопи лед в своих жилах.

Рука его опустилась на плечо под локонами, он повернул ее, сжав с такой силой, что теперь целую неделю не сойдет синяк. Она знала, что он сделал это сознательно, но не подала вида.

— Я пришел с известием, которое любую девушку заставило бы прыгать от счастья, а на твоем холодном рыбьем лице я не вижу и следа радости,— пожаловался он. Но и в его глазах не было веселья.

— Вы еще не сообщили этого известия, мой лорд.

Пальцы его еще сильнее сжали ей плечо, как будто он хотел сломать ей кость.

— Конечно, нет! Но эта новость заставит биться сердце любой девицы. Итак — впереди у нас свадьба и супружеская постель, моя девочка!

Лойз ощутила такой страх, какого она никогда не испытывала раньше. Но она решила сделать вид, что не понимает, о чем идет речь.

— Вы избрали леди Верлейна, мой лорд! Судьба посылает вам на такой случай красавицу.

Он не ослабил своей хватки, наоборот, и, продолжая игру, встряхнул ее, не причинив боли.

— Может, в тебе нет женских качеств, но ума у тебя хватает. Ты кого угодно одурачишь. Только не меня. В твоем возрасте ты уже зрелая женщина. Во всяком случае, пришла пора доказать это. И советую тебе не пробовать свои шутки на будущем повелителе. Он любит послушных в постели!

То, чего она боялась, произошло. На какое-то мгновение сила духа оставила ее.

— Брак нуждается в обоюдном согласии...— она замолчала, но тут же устыдилась мгновенной слабости.

Он захохотал, довольный, что удалось вырвать у нее этот невольный протест. Руки его сжали ее шею с такой силой, что на мгновение у нее перехватило дыхание. Потом, как куклу, он повернул ее лицом к зеркалу и держал так, избивая словами, которые, как он думал, причиняют ей большую боль, чем любые удары.

— Взгляни на это застывшее ничто, которое ты называешь лицом. Думаешь, мужчина может прижать к нему губы, не закрывая глаза, не желая перенестись в другое место? И будь довольна, девка, что можешь прельстить чем-то другим, а не этим лицом и костлявым телом. Ты дашь согласие любому, кто захочет тебя. И будь благодарна отцу за то, что он подыскал для тебя такого мужа. Да, девка, на коленях благодари богов за то, что отец заботится о тебе.— Слова его звучали звонко, она не видела в зеркале его отражения, но представляла себе искаженное злобой лицо лорда. Неужели ее бросят в постель одного из грубых приближенных Фалька ради какой-нибудь выгоды лорда? — Сам Карстен... в голосе Фалька звучало уважение.— Сам Карстен, подумать только, просит о согласии этого непропеченного теста! Ты сошла с ума! — он отпустил ее неожиданно, и она ударилась о щит так, что металл зазвенел. Удержав равновесие, она повернулась к нему.

— Герцог! — она не могла поверить в это. Зачем правителю герцогства свататься к дочери незначительного барона, пусть даже у этой дочери славная родословная со стороны матери?

— Да, герцог! — Фальк сел на кровать, размахивая ногами в сапогах.— Хвала судьбе! Добрая фея посетила наш дом при

твоем рождении, девочка. Сегодня утром прибыл вестник из Карстена с предложением брака на топоре.

— Зачем?

Ноги Фалька замерли. Теперь он не улыбался.

— У него для этого немало причин,— Фальк принялся загибать пальцы.— Итак, герцог, несмотря на свое теперешнее могущество, был простым наемником, прежде чем укрепиться в Карстене, и я сомневаюсь, чтобы он смог назвать свою мать, не говоря уж об отце. Он сокрушил сопротивляющихся ему лордов. Но это было добрых десять лет назад, и он больше не хочет разъезжать в кольчуге и выкуривать непокорных из их замков. Завоевав герцогство, он стремится насладиться захваченным. Жена, взятая из рядов тех, с кем он воевал, будет для него залогом мира. И хотя Верлейн — не самая богатая крепость Карстена, в жилах его повелителя течет благородная кровь — разве мне не дали это ясно понять, когда я сватался? А ведь и у меня щит не без девиза, я младший сын Фартома с северных холмов.— Его губы дернулись при воспоминании о прошлых унижениях.— А поскольку ты наследница Верлейна, то очень подходишь герцогу.

Лойз рассмеялась.

— Неужели я единственная девушка из благородных семей Карстена?

— Конечно, он может взять любую. Но, как я уже упоминал, дражайшая из дочерей, у тебя есть некоторые преимущества... Верлейн — береговая крепость с древними правами, а честолюбие герцога теперь связывается не только с завоеваниями. Что ты скажешь, Лойз, если здесь будет порт для торговли с севером?

— А что будет делать Салкаркип, когда возникнет такой порт? Те, кто клянется именем Сала, ревниво относятся к своим правам.

— Те, кто клянется именем Сала, скоро совсем не смогут клясться,— со спокойной уверенностью заявил Фальк.— У Салкаркипа появились неспокойные соседи, и тревоги его растут. А Эсткарп, куда Салкаркип может обратиться за помощью, теперь пустая раковина, выеденная колдовством его жителей. Один удар — и вся эта страна рассыплется в пыль.

— Итак, из-за моего происхождения и возможности основать порт, лорд Ивьян предлагает брак,— переспросила Лойз, неспособная поверить в то, что это правда.— Но разве могучий лорд свободен посылать рукоять своего топора с предложением брака? Я девушка, уединенно живущая в крепости вдали от Карста, но я слышала о некой леди Алдис, которая отдает приказы, и им беспрекословно подчиняются все, носящие знаки герцогства.

— У Ивьяна может быть Алдис и еще полсотни таких же, и это тебя совершенно не касается, девочка. Дай ему сына — если твое тощее тело способно выносить мальчика, в чем я глубоко сомневаюсь! Дай ему сына, и сиди рядом с ним за

высоким столом, и не требуй от него ничего, кроме обычной вежливости. Будь рада оказанной тебе чести, и если будешь мудрой, то сумеешь повелевать и Алдис, и всеми остальными. Но помни — Ивьян нетерпелив и он не прощает того, кто ему прекословит,— Фальк встал, собираясь уходить. Но прежде он снял с цепи на поясе маленький ключ и швырнул его дочери.

— Хоть у тебя лицо привидения, но ты не пойдешь замуж без украшений и мишуры. Я пошлю к тебе Беатрис, она поможет выбрать одежду. И вуаль для лица, она тебе понадобится! Присматривай за Беатрис, не позволяй ей уносить больше, чем помещается в двух руках.— Он вышел, оставив дверь открытой. Закрывая дверь, Лойз согревала в ладонях ключ. Месяцы и годы ждала она этот кусочек металла. Теперь он у нее, и никто не помешает ей взять из сокровищницы Верлейна то, что она давно наметила.

С тех пор, как между двумя предательскими мысами на берегу был построен Верлейн, море приносило его лордам богатый урожай. В башне крепости имелась настоящая сокровищница, которая открывалась только по приказу лорда. Фальк, должно быть, очень хотел ее брака с Ивьяном, если позволил заглянуть туда. А общества Беатрис она не боялась. Очередная любовница Фалька была столь же жадна, сколь и прекрасна, и если ей дать возможность поживиться самой, она и не посмотрит, что берет себе Лойз. Лойз перебросила ключ из правой руки в левую, и впервые слабая улыбка появилась на ее губах. Как удивился бы Фальк, узнав о том, что она выберет из сокровищниц Верлейна. И если бы он узнал, что ей известно об этих стенах, которые кажутся такими безопасными. Взгляд Лойз скользнул по стене, на которой висел зеркальный щит. Послышался торопливый стук в дверь. Лойз снова улыбнулась, на этот раз презрительно. Быстро же выполняет Беатрис приказы Фалька. Но, по крайней мере, эта женщина не осмеливается без разрешения входить в комнату дочери своего любовника. Лойз подошла к двери.

— Лорд Фальк...— начала женщина, стоящая в двери, одаренная кричащей, яркой красотой, похожей на красоту Фалька.

Лойз подняла ключ.

— Вот он.

Она не назвала собеседницу по имени, не указала ее титула. Спокойно смотрела она на роскошные плечи Беатрис, выступающие из платья, на полуобнаженные округлости ее тела. За Беатрис стояли двое слуг. Они держали сундук. Лойз подняла брови. Беатрис нервно рассмеялась.

— Лорд Фальк хочет, чтобы вы выбрали себе брачный наряд, леди. Он сказал, что не нужно скромничать в сокровищнице.

Лорд Фальк щедр,— без выражения ответила Лойз.— Идем.

Женщины миновали большой зал и внешние помещения крепости. Сокровищница находилась в основании башни, где

помещались частные комнаты повелителя. Лойз была рада этому: ей можно было держаться в стороне от жизни двора ее отца. Когда они наконец подошли к двери сокровищницы, Лойз была довольна: лишь одна Беатрис осмелилась войти с ней во внутрь. Слуги втолкнули за ними сундук и исчезли. Три шара в потолке освещали сундуки и ящики, тюки и корзины. Беатрис жестом рыночной торговки погладила себя по бедрам. Ее темные глаза перебегали от груды к груде, и Лойз, сунув ключ в карман на поясе, подлила масла в пламя ее алчности.

— Я думаю, лорд Фальк не откажет вам в праве выбрать что-нибудь для себя. В сущности, он сказал мне об этом. Но будьте благоразумны и не очень жадничайте.

Пухлые руки переместились с бедер на едва прикрытые груди. Лойз подошла к столу в центре комнаты и открыла крышку стоящей на ней шкатулки. Ее ослепило сверкание драгоценностей. Она до сих пор не сознавала, какие огромные богатства накопились в Верлейне за долгие годы грабежа. Из клубка цепочек и ожерелий она высвободила большую брошь, украшенную рубинами — игрушка не по ее вкусу, но вполне соответствующая пышной миловидности ее спутницы.

— Что-то вроде этого,— сказала она, протягивая брошь. Беатрис застыла со сверкающими глазами. Облизывая пересохшие губы, она переводила взгляд с Лойз на брошь и обратно. Преодолевая отвращение, Лойз поднесла брошь к глубокому вырезу на платье Беатрис, едва не отдернув руку, когда почувствовала мягкое тело женщины.— Вам идет, возьмите! — вопреки желанию, слова Лойз прозвучали приказом. Но наживка была заглочена. Видя только драгоценности, женщина подошла к столу, и Лойз на время оказалась вне ее поля зрения. Она знала, что искать, но не представляла, где оно может находиться. Она медленно пошла между грудами добра. Кое-где на драгоценных камнях белел налет морской соли. Другие камни пахли дальними странами. Отгородившись от Беатрис баррикадой ящиков, девушка обнаружила сундук, который привлек ее внимание.

Хрупкая внешность Лойз была обманчива. Так же, как чувства и мозг, развивала она и тело. Крышка сундука оказалась тяжелой, но девушка справилась с ней и, уловив запах смазки, поняла, что она на верном пути. Лойз отбросила лежащую сверху одежду. Дальше лежала кольчуга, но она была слишком велика. Может, ей и не удастся найти ничего подходящего по размеру. Она продолжала рыться. Вторая кольчуга, третья... Должно быть, перевозили имущество какого-то кузнеца и оно попало в лапы разбойников. На дне оказалась кольчуга, изготовленная, вероятно, для мальчишки — сына или внука лорда. Лойз она подошла. Она затолкала остальные кольчуги в ящик, а свою свернула как можно плотнее. Беатрис увлеклась шкатулкой с драгоценностями, и Лойз была уверена, что уже не один предмет из этой шкатулки спрятан под платьем женщины. Беатрис было не до Лойз, и это давало возможность почти открыто

продолжать свои поиски, прикрыв найденное шелком, бархатом и мехами. Чтобы Беатрис ничего не заподозрила, она выбрала и для себя кое-что из украшений, а потом позвала слуг и велела отнести сундук к себе в комнату. Она боялась, что Беатрис вместе с ней захочет осмотреть выбранное, но наживка действовала хорошо. Женщина горела желанием остаться в одиночестве, чтобы полюбоваться своими приобретениями. Быстро и осторожно Лойз принялась за работу. Ткани, вышивка, кружева грудой были брошены на постель. Опустившись на колени, она опустошила сундук. Кое-что она приготовила заранее. Но нужно было еще многое. Все приданое, которое она хотела унести с собой, она должна разместить в заплечном мешке и седельных сумах. Кольчуга, кожаная куртка и брюки, оружие, шлем, золотые торговые знаки, пригоршня драгоценных камней. Поверх всего этого она снова сложила собственное платье, разгладила его. Она слегка запыхалась, но успела все расставить на места прежде, чем услышала шаги — Фальк возвращался за ключом. Лойз быстро набросила себе на голову вуаль и последний раз взглянула в зеркало-щит.

Обстоятельства, которые она надеялась использовать в своих интересах, действовали против нее. Сам Ивьян не приехал в Верлейн, чтобы посмотреть на невесту и поторговаться из-за приданого и прав наследования, он прислал за ней почетную делегацию. И ей пришлось демонстрировать себя, скрывая нетерпение и растущее отчаяние. Она отложила свои планы до брачного пира, потому что тогда головы обитателей крепости затуманятся. Фальк хотел поразить посланников герцога своим гостеприимством. Он откроет двери своих погребов, и тогда ей представится возможность осуществить свои планы.

Но накануне разразилась гроза, подул ветер такой силы, что Лойз, с детства живущая на берегу и знакомая с морем, никогда не видела ничего подобного. Поднялись такие волны, что пена долетала до окон ее комнаты, расположенной в верхней части башни. Беатрис и женщина, посланные Фальком помочь ей шить свадебный наряд, вздрагивали при каждом ударе волны о берег. Беатрис встала, и по полу покатился поток прекрасного зеленого шелка, глаза женщины были тревожно расширены. Она сложила пальцы в священный знак своего забытого деревенского детства.

— Колдовская буря.— Голос ее едва доносился сквозь рев шторма.

— Но здесь не Эсткарп.— Лойз приложила полоску кружев к сатину и начала делать ровные стежки.— У нас нет власти над ветром и водой. А Эсткарп не выходит за свои границы. Это просто буря. И если не хотите разгневать лорда Фалька, не бойтесь ее. Шторм всегда помогал людям Верлейна. Откуда же еще наши богатства? — Она помолчала и вдела новую нитку в иголку. Беатрис повернулась к ней, губы ее напряженно изогнулись под маленькими острыми зубками в лисьей усмешке.

— Я сама родилась на берегу. И видела немало бурь. И после нее всегда собирала все, что дарило море. Так что знаю море лучше вас, леди! Но за всю свою жизнь я не видела такой бури. В ней зло, я говорю вам, большое зло!.

— Зло для тех, кто должен довериться волнам.— Лойз отложила шитье, подошла к окну, но сквозь кружева пены ничего нельзя было разглядеть. Служанка даже и вида не делала, что работает. Она жалась к очагу, где горели дрова и раскачивалось пламя. Прижимая руки к груди, она стояла так, будто у нее болело сердце. Лойз подошла к ней. Она не жалела женщин замка — от бесчисленных предшественниц Беатрис до служанок на кухне — и не интересовалась ими. Но теперь, вопреки своему правилу, она спросила:

— Ты больна?

Девушка была чище других служанок. Возможно, ей велели помыться, прежде чем идти сюда. Ее лицо привлекло внимание Лойз. Это была не деревенская девушка, не крестьяночка, привезенная сюда для удовольствия солдат, а затем отправленная на кухню. Лицо ее изображало страх. Страх этот так долго составлял часть ее существа, что изменил лицо, как гончар изменяет форму глиняного кувшина. Но за страхом чувствовалось что-то серьезное. Беатрис рассмеялась:

— У нее ничего не болит, это только воспоминание. Она испытала кораблекрушение. Разве не так, сука? — И концом мягкого сапожка она пнула служанку в бок, чуть не опрокинув ее в огонь.

— Оставь ее! — впервые Лойз рассердилась. Беатрис притворно улыбнулась. С Лойз она чувствовала себя уверенно и поэтому не приняла вызова.

— Отошлите хнычущую дуру. Во время бури она все равно не будет работать.

Лойз подошла к постели, на которой были разбросаны вещи, взяла большую шаль и набросила на дрожащую девушку. Не обращая внимания на удивление Беатрис, Лойз опустилась на колени, взяла девушку за руки и посмотрела ей в лицо. Беатрис потянула ее за рукав.

— Как вы смеете? — вспыхнула Лойз.

На полных губах женщины мелькнула хитрая улыбка.

— Уже поздно, леди, лорду Фальку не понравится, что вы возитесь с этой дрянью в то время, как он подписывает контракт с посланниками герцога. Сказать ему, почему вы не идете?

Лойз спокойно посмотрела на нее.

— В этом, как и во всем остальном, я послушна желаниям лорда. И не вздумайте учить меня! — Она повернулась к служанке,— а ты оставайся здесь. Никто тебя не тронет. Понимаешь, никто.

Девушка покачивалась, словно заново переживая боль, которую оставила навсегда в ее душе трагедия.

— Я не нуждаюсь в ваших услугах,— Лойз опять смотрела на Беатрис. Та вспыхнула. Она не могла бросить вызов юной леди и знала это.

— Вам следовало бы поинтересоваться колдовством, которым должна владеть женщина,— резко ответила Беатрис.— Я могу научить вас, леди, как привлечь внимание мужчины. Немного темной краски на брови и ресницы, немного помады на губы...— от раздражения не осталось и следа, женские инстинкты победили. Она критически и отвлеченно рассматривала Лойз, и та обнаружила, что прислушивается, несмотря на то, что с презрением относилась к Беатрис и ко всему, что она представляла.— Да, леди, если вы послушаетесь меня, вам, может быть, удастся оторвать взгляд лорда от этой Алдис. Есть и другие способы, чтобы очаровать мужчину.— Она облизала губы кончиком языка.— Я многому могла бы вас научить, леди. Вы получите хорошее оружие.— И она приблизилась, в глазах ее горел огонь.

— Ивьян берет меня такой, какая я есть,— ответила Лойз, отказываясь от предложения Беатрис,— и должен быть доволен тем, что берет! а про себя подумала: «Беатрис и не подозревает, насколько она права».

Женщина пожала плечами.

— Как вам угодно, леди. Но вам придется убедиться, что не все пойдет так, как вам хочется.

— А разве раньше было по-другому? — спокойно спросила Лойз.— Идите. Как вы сказали, уже поздно, а мне еще многое нужно сделать.

Со своим обычным холодным терпением она выдержала церемонию подписания контракта. Герцог послал за невестой трех совершенно разных людей и Лойз было интересно рассматривать их. Рунольд был старым товарищем Ивьяна еще со времен наемничества. Его слава солдата была известна даже в таком захолустье, как Верлейн. Странно, но его внешность не соответствовала ни его занятиям, ни его репутации. Она ожидала увидеть человека, похожего на сенешаля отца, может, несколько более отшлифованного, а перед ней был одетый в шелка щеголь, вежливый, с манерным произношением — как будто он никогда не отягощал свои плечи весом кольчуги. Круглый подбородок, глаза с длинными ресницами, гладкие щеки делали его моложе. И Лойз, пытаясь сопоставить увиденное с тем, что она слышала об этом человеке, чувствовала себя смущенной и немного испуганной. Представлявший храм Судьбы, Сирик, который завтра, когда ее рука будет лежать на рукояти топора, произнесет за Ивьяна должные слова — этот Сирик был стар. У него было красное лицо, а посреди низкого лба вздувалась голубая вена. Слушая, или негромко говоря что-нибудь, он непременно жевал кусочки сухих сладких конфет: слуга с коробкой этих конфет постоянно находился поблизости. Желтая ряса священника вздувалась над животом солидных размеров. Лорд Луарт представлял древние благородные семейства. Но и он не соответствовал тому, что о нем рассказывали. Маленького роста, худой, с постоянно дергавшейся нижней губой, он производил впечатление человека, занятого

крайне неприятной работой. Он отвечал только на прямые вопросы. И единственный из всех троих уделил хоть какое-то внимание Лойз. Она заметила, что он задумчиво смотрит на нее, но в его манерах ничто не свидетельствовало о жалости и не обещало поддержки. Скорее, он думал о каком-то препятствии, которое он хотел бы убрать со своего пути. Лойз была благодарна обычаю, который позволял ей избежать ночного пира. Завтра она должна будет сидеть на свадебном пиру и, когда все достаточно выпьют, тогда... Цепляясь за свою мысль, она заторопилась в свою комнату. Она совсем забыла о служанке и с удивлением увидела ее фигуру в окне. Ветер затихал, буря как будто кончалась. Но слышался другой звук, отдаленный и неясный. Соленый воздух ударил в лицо Лойз из открытого окна.

Томимая своими тревогами, раздраженная ожиданием предстоящего, Лойз захлопнула окно. Хотя ветер стих, тучи по-прежнему озарялись молниями. И в момент такой вспышки Лойз увидела то, за чем уже давно следила служанка. Прямо на клыки скал шли корабли — два... три больших корабля. Корабли несли предательское течение, которое прокляло и обогатило Верлейн. Должно быть, это часть гордого флота могучего морского владыки. В коротких вспышках молнии Лойз не видела людей на борту, никто не пытался предотвратить злую судьбу. Призрачные корабли двигались навстречу гибели, но это нисколько, по-видимому, не заботило экипаж. На берегу появились огни. Много людей выходило из ворот Верлейна. Все хотели поживиться, хотя Фальк накладывал свою тяжелую руку на любую добычу. Люди несли сети, чтобы вытаскивать обломки, и готовились к знакомой работе. Лойз оттащила девушку от окна и занавесила его. Но, обращенное к ней лицо девушки, не было больше искажено страхом. В глубине темных глаз светился разум и нарастающая сила. Девушка слегка склонила голову, как будто прислушиваясь к буре. Все яснее становилось, что, где бы она ни жила до того, как кораблекрушение привело ее в Верлейн, она была не просто солдатской девкой.

— Ты, долго живущая в этом доме. — Голос служанки звучал как издалека.— Не спеши, выбирая. В эту ночь решается судьба людей и стран.

— Кто ты? — спросила Лойз, а служанка продолжала меняться на глазах. Она не превращалась в чудовище, не становилась зверем или птицей, как по слухам это умеют делать колдуньи Эскарпа. Но то, что скрыто было внутри ее, затравлено в ней, убито, проступало в глазах, излучалось всем телом. Таинственная сила была ощутима рядом с ней.

— Кто я? Никто... ничто... Но приближается та, что собрала в себе дух, которым я когда-то обладала. Сделаешь правильный выбор, Лойз Верлейнская — живи. Выберешь не то — умрешь, как умерла я, умирая по частям, день за днем.

— Этот флот... — Лойз обернулась к окну,— приближается безжалостный завоеватель, он готов пожертвовать своими кораб-

лями для захвата нашей земли. Какое безумие! Этот флот ожидают люди Верлейна.

— Флот? — переспросила служанка.— Флота нет — есть только жизнь или смерть. В тебе есть что-то от нас, Лойз, докажи это... и ты выиграешь.

— Что-то от вас? Но кто вы?

— Я никто и ничто. Спроси лучше, кем я была, Лойз Верлейнская, прежде чем ваши люди вырвали меня из моря.

— Кем же ты была? — послушно спросила Лойз, как ребенок, повинующийся приказу старшего.

— Я из Эскарпа, женщина морского берега. Понимаешь? Да, я обладала Силой — пока она не вытекла из меня в зале внизу под смех и крики мужчин. Дар принадлежит нам, женщинам, пока тела наши не тронуты насилием. Для Верлейна я была лишь женщиной, и больше никем. Здесь я утратила то, что составляло мою жизнь, утратила себя. Понимаешь ли ты, что это значит — потерять себя? — она изучала Лойз.— Да, понимаешь, судя по тому, что ты собираешься делать сейчас. Мой дар исчез, раздавленный, как последний уголек костра, но пепел остался. Поэтому я и знаю, что буря несет к нам женщину более великую, чем я когда-либо надеялась стать. И именно она определит наше будущее, и не только наше!

— Колдунья! — Лойз не отпрянула, наоборот, ее охватило возбуждение. Сила Эскарпских женщин была легендарной. Лойз жадно прислушивалась к рассказам об этой Силе, доходившим до Верлейна. И теперь горько сожалела — почему она не знала об этой женщине раньше.

— Да, колдунья. Так нас называют, когда начинают кое о чем догадываться. Но не думай, Лойз, что сможешь что-нибудь получить от меня сейчас. Я лишь обгоревшая головешка, а когда-то во мне пылал огонь. Напряги свою волю и разум, чтобы помочь той, что приближается.

— Воля и разум! — Лойз хрипло рассмеялась.— У меня есть воля и разум, но нет власти. Ни один солдат не подчинится мне, не шевельнет пальцем по моей просьбе. Лучше обратиться к Беатрис. Когда отец доволен ею, она пользуется некоторым влиянием.

— Тебе нужно будет лишь использовать представившуюся возможность,— женщина сняла шаль, аккуратно свернула ее и, направляясь к двери, положила ее на кровать.— Воспользуйся возможностью, Лойз. И спи сегодня спокойно — твой час еще не настал.— И, прежде чем Лойз успела остановить ее, она выскользнула за дверь. Комната опустела, как будто женщина унесла с собой всю жизнь, пульсирующую в скрытых тьмой углах. Лойз медленно сняла свой торжественный наряд, расплела наощупь волосы, не заглядывая в зеркало. Ей казалось, что кто-то тайно подглядывает за ней. Много подлых и грязных поступков совершилось в большом зале внизу, с тех пор, как хозяином Верлейна стал Фальк. Но Лойз подумала, что один из этих поступков, связанный с женщиной из Эскарпа,

будет отмщен. И так задумалась она, что даже забыла: ведь у нее канун брачного торжества. Впервые за все время она не достала вооружения со дна сундука и не радовалась тем возможностям, которое оно давало.

На берегу дул ветер. Он не поднимал пену так высоко, как раньше. Люди на берегу, прячась, ждали, пока волны принесут им добычу. С берега флот выглядел еще более внушительным, чем с башни Лойз. Рунольд, плотнее запахнув плащ, всматривался во тьму. Корабли не Карстена, и, следовательно, крушение было выгодно герцогству. Рунольд считал, что сейчас они станут свидетелями последних минут вражеского набега. И хорошо, что он может наблюдать в этой ситуации за Фальком. Ходят слухи об огромных богатствах Верлейна, полученных в результате морских грабежей. А уж если герцог берет в жены это бледное ничтожество, он потребует точных сведений о богатствах своей жены. Да, судьба улыбнулась, послав Рунольда в этот вечер на берег. Он будет наблюдать, собирать сведения и готовить доклад для герцога. Убедившись, что обреченные корабли уже не смогут отвернуть от берега, верлейнцы с фонарями в руках высыпали из укрытий... Боже, дураки на кораблях примут эти фонари за бакены. Тем лучше. Они лишь сберегут время грабителей. И вот лучи фонарей протянулись над вздымающимися волнами, коснулись раскачивающегося носа первого корабля. Нос корабля высоко поднялся и устремился на скалы. И вдруг — исчез!

Люди на берегу столкнулись с невозможным. Вначале некоторые решили, что корабль перевернулся, и забросили сети. Но в сети ничего не попало. Ни корабль, ни его обломки. Никто не шевельнулся. В первое мгновение никто не поверил своим глазам. Приближался второй корабль. Он двигался прямо на скалу, на которой стояли Рунольд с Фальком. Корабль шел точно, взяв гибельный курс, казалось им управлял невидимый самоубийца. Ни одного человека, ни одного живого существа не было видно на палубе. Снова волны подняли судно, чтобы бросить его на скалы. На этот раз корабль был так близко от берега, что Рунольд с того места, где он стоял, мог перепрыгнуть на пустынную палубу. Все выше и выше вздымался нос корабля, фантастическая резная фигура на нем скалила зубы в небо. Потом обрушивалась вниз с потоком воды. И этот корабль тоже исчез. Рунольд схватил руку Фалька и увидел на его лице выражение невероятного ужаса. А когда к рифу устремился третий корабль, люди Верлейна в ужасе стали убегать подальше от берега. Брошенные ими фонари озаряли берег и пустые сети.

Чья-то рука все-таки схватилась за сеть и сжала ее в последнем отчаянном усилии. Накат выбросил смельчака на берег и он, наглотавшись воды, почил вечным сном.

Жители Верлейна решили, что исчезнувший флот был иллюзией, вызванной демонами. На следующее утро Фальк не

решался никого послать к морю. Он не пытался проверять таким образом, насколько сильна его власть. Но дочь необходимо было обвенчать, прежде чем слухи о случившемся достигнут Карса и дадут герцогу законный повод отказаться от наследницы Верлейна. Чтобы развеять страх, который мог появиться у посланцев герцога, Фальк неохотно отвел их в сокровищницу и сделал им ценные подарки. Он передал специально для герцога меч с украшенной жемчугом рукоятью. Это был знак восхищения воинской доблестью герцога. Во время этой процедуры Фальк обливался потом. Ему не терпелось проверить темные углы острова. Он обратил внимание, что никто из его гостей не упоминал о происшествии, и размышлял, хорошо это или плохо. За час до венчания оказавшись в кабинете Фалька, Рунольд достал из своего мехового плаща маленький предмет и осторожно положил его на стол в полоску солнечного света, падавшего из окна. Сирик, придерживая живот, запыхтел, с любопытством разглядывая этот предмет.

— Что это, лорд-командующий? Вы отобрали у деревенских ребятишек их игрушку?

Рунольд взвесил игрушку на ладони. Хоть и неуклюже вырезанный, деревянный предмет явно имел форму корабля. А мачтой служила обломанная палочка.

— Это, милейший,— мягко ответил Рунольд,— могучий корабль, один из тех могучих кораблей, которые мы видели прошлым вечером. Да, это игрушка, но мы не играем такими. И ради безопасности Карстена я обязан спросить, какие дела у вас, лорд Фальк, с порождениями тьмы, ведьмами из Эсткарпа?

Фальк напряженно смотрел на игрушечный кораблик. Лицо его побелело, а потом покраснело от прилива крови. Яростным усилием он сдержал гнев. Если он сейчас ошибется, то может проиграть.

— Разве я послал бы людей на берег, готовясь захватить добычу с этого корабля? — Он придал своему голосу оттенок торжественности.— Я полагаю, вы сегодня утром выловили эту игрушку в мутной воде, лорд-командующий. Но почему вы считаете, что это результат эсткарпской магии и что корабли, которые вы видели, рождены этим колдовством?

— Да, я подобрал это утром на песке,— согласился Рунольд.— И я кое-что знаю о колдовских иллюзиях. К тому же мы, я и мои люди, нашли еще кое-что на берегу утром — нашли сокровище, которое может соперничать с теми, что вы показывали нам. Марк, Джотек! — вошли два щитоносца, ведя на веревке пленника.— Передаю вам часть флота,— Рунольд бросил кораблик Фальку.— А теперь, лорд Фальк, если не ошибаюсь, я могу показать вам того, кто сотворил этот флот. Не думаю, что я ошибаюсь.

Фальк привык к полумертвым пленницам, которых море выбрасывало на берег, и знал, как обращаться с ними. Причем его обращение заканчивалось одинаково. До сих пор он благо-

получно решал такие дела. Рунольд несколько обеспокоил его, но теперь к Фальку вернулась его обычная самоуверенность.

— Итак,— он откинулся в кресле, улыбаясь в предвкушении развлечения,— вы считаете, что захватили колдунью? — Фальк в упор разглядывал пленницу. Худая, но сразу видно, что сильная — хорошая предстоит забава. Может, Рунольд сам хочет приручить ее. Эти ведьмы не отличаются красотой, а эта так обмыта, будто целый месяц провела в волнах. Он внимательно вглядывался в обрывки одежды, почти не скрывающие тела. Одежда кожаная — такую носят под кольчугой! Значит, женщина была вооружена. И Фальк шевельнулся. Одетая в кольчугу колдунья и иллюзорный флот! Неужели Эсткарп выступил и цель выступления — Верлейн? У Эсткарпа немало оснований быть недовольным Верлейном, хотя никаких враждебных действий до сих пор с его стороны не было. Обдумаем позже, сейчас все внимание Рунольду и тому, как удержать Карстен в качестве союзника. Фальк тщательно избегал встречи со взглядом пленницы.

— Разве в Карсе неизвестно, что эти колдуньи силой взгляда могут подчинить человека своей воле? Ваши щитоносцы не приняли никаких мер предосторожности.

— Похоже, вы что-то знаете об этих колдуньях?

Осторожно, подумал Фальк. Этот Рунольд стал правой рукой Ивьяна не только из-за силы своего меча. Надо показать ему, что Верлейн не предатель, но и не болван.

— Эсткарп уже платил дань нашим берегам,— Фальк улыбнулся.

Рунольд, увидев его улыбку, отдал приказ:

— Марк, набрось свой плащ на ее голову.

Женщина не шевельнулась, не издала ни звука с тех пор, как ее ввели. Может, она до сих пор была не в себе от того, что долго плыла или ударилась о скалу. Но люди Верлейна были начеку, они привыкли к тому, что пленники не кричат, не молят о пощаде, но и не отбиваются бесполезно и отчаянно. Лишь когда на голову женщины был наброшен плащ, Фальк наклонился вперед и заговорил. Слова его были обращены скорее к женщине, чем к мужчинам. Он хотел по ее реакции проверить, в каком она состоянии.

— Разве вам неизвестно, лорд-командующий, как разоружить колдунью? Это очень просто... и довольно приятно,— и он пустился в непристойные подробности.

Сирик рассмеялся, поддерживая руками колышущийся живот. Рунольд улыбнулся.

— Да, вы в Верлейне из всего умеете извлекать удовольствие,— согласился он.

Лишь лорд Луарт оставался спокойным. Он сидел, положив руки на колени. Постепенно на его щеках выступила краска. Женщина под плащом не шевелилась и не издавала ни звука.

— Уведите ее,— приказал Фальк,— отведите к сенешалю, он подготовит ее к другому часу. Для каждого развлечения —

свое время.— Теперь это был вежливый хозяин, занимающий прочное положение.— А сейчас доставим удовольствие лорду герцогу — подарим ему жену.— Фальк ждал. Никто не знал, с каким огромным напряжением он вслушивался в ответ Рунольда. Пока Лойз стоит в алтаре редко посещаемой церкви, держа руки на рукояти топора, а Сирик произносит нужные слова обряда, Рунольд именем своего правителя может прекратить венчание. Но как только Лойз станет герцогиней Карстена, пусть только названной, Фальк может спокойно двигаться по пути, который он давно наметил.

— Да, да,— встал, пыхтя, Сирик, расправляя складки плаща.— Венчание. Не нужно заставлять людей ждать, лорд Луарт... Молодая кровь, нетерпеливая кровь. Идемте же, лорды... Венчание! — Это был его час, и этот выскочка-солдат не может помешать ему. Гораздо приличнее, если топор понесет и будет замещать своего повелителя благородный лорд Луарт. Это предложил он, Сирик, и Ивьян тепло поблагодарил его перед отъездом из Карса. Да, Ивьян поймет... уже понял, что с поддержкой храма Судьбы и благородных семей он больше не должен слушать разбойников типа Рунольда. После венчания солнце Рунольда должно закатиться.

Было холодно. Лойз металась по балкону большого зала, который можно было назвать сердцем крепости. Она стояла, пока произносились тосты, но не собиралась делать вид, что верит в пышные слова и испытывает счастье... Лойз не понимала такого счастья. Она хотела только свободы. Захлопнув за собой дверь и закрыв ее на три запора, она принялась за работу. Сняла драгоценности с шеи, с головы и ушей и выбросила их. Длинное платье откинула в сторону. И вот, наконец, Лойз стоит перед зеркальным щитом, слишком возбужденная, чтобы чувствовать холод, идущий от каменных стен: расплетенные волосы тяжело лежат на плечах, опускаются до обнаженных бедер. Прядь за прядью безжалостно отрезала она их ножницами, длинные локоны падали на пол. Вначале быстро, затем медленно и осторожно, пока не почувствовала, что на голову можно надеть шлем. Те хитрости, которые Лойз презирала, когда о них говорила Беатрис, теперь пригодились. Она осторожно натерла брови и ресницы смесью сажи. Занятая этим делом, она почти не смотрела в зеркало. И вот, немного отступив, она глянула на свое отражение и весьма удивилась своему облику. Настроение у нее было приподнятым, она была уверена, что сможет незамеченной пройти через большой зал, и даже если Фальк увидит ее, то все равно не узнает. Она подбежала к кровати и начала натягивать на себя приготовленную одежду. Одевшись и застегнув оружейный пояс, она потянулась за седельными сумами. Но движения ее стали не такими решительными. Вдруг ей не захотелось покидать Верлейн. Она дождалась брачной церемонии, скрывая свои намерения. Пир — лучшее время для осуществления ее замысла. Лойз знала, что часовые сегодня и в замке и вне его тоже пируют. К тому же ей известен потайной ход.

Но что-то удерживало ее: она ждала, теряя драгоценное время. Ей захотелось вернуться на возвышающийся над залом балкон, и она бессознательно двинулась к двери. Что сказала служанка? Кто-то приближается на крыльях бури, хорошо используй возможность, Лойз Верлейнская! Что ж, вот ее возможность, и она готова использовать ее со всем своим умом и хитростью, которые развились у нее за эту жизнь в доме Фалька. Но двинулась она не к потайной двери, о которой Фальк и его люди ничего не знали, а к двери на балкон. И пока она боролась с этим безрассудным желанием, руки ее как бы сами открывали запоры, и вот она уже в зале, каблуки ее сапог стучат по ступеням лестницы, ведущей к балкону. Точно так же, как тепло из очага не достигало верха зала, шум снизу доходил сюда приглушенным, трудно было различить отдельные слова. Мужчины пили и ели, скоро они начнут думать о развлечениях. Лойз оставалась на балконе. И ее взгляд не отрывался от главного стола, как будто важнее дела, чем следить за движениями отца и гостей у нее не было.

Сирик, который в церкви было преобразился и приобрел некоторое достоинство, теперь опять был сплошным животом. Он швырял в рот содержимое бесчисленных тарелок и подносов, хотя его соседи по столу давно уже пили только вино... Беатрис, которая не имела права находиться за столом, пока в зале Лойз, была тоже здесь. Фальк до этого соблюдал правила приличия. Но сегодня расслабился и любовница пользовалась этим. Украшенная роскошной брошью из сокровищницы, она перегнулась через ручку кресла своего покровителя, стараясь привлечь его внимание. Но Лойз заметила, что время от времени Беатрис обещающе поглядывала и на Рунольда. В то же время она искусно предоставляла для обозрения свои круглые белые плечи, выступающие из платья. Лорд Луарт сидел, задумчиво глядя в кубок, как будто читал в его содержимом какое-то сообщение, которое предпочел бы не читать. Четкие линии одежды, худоба старческого лица. Он был больше похож на врача, чем на пирующего лорда в этом роскошном собрании. Было видно, что он не наслаждается весельем. Она должна идти — немедленно! В кожаной одежде и кольчуге, поверх которой наброшен плащ, она стояла смутной тенью среди множества теней с затуманенными винными парами глазами. Ее никто не заметит. Лойз сделала шаг, другой, но тут тайный приказ, который привел сюда, вернул ее к перилам балкона. Рунольд, наклонившись вперед, разговаривал с ее отцом. Красивый человек: интерес к нему Беатрис вполне оправдан. У него было яркое лисье лицо с лисьей щетиной усов. Рунольд сделал какой-то жест и Фальк расхохотался, отзвуки его смеха долетели до ушей Лойз. На лице Беатрис появилось выражение отвращения. Она схватила Фалька за рукав, губы ее двигались, но слов Лойз не могла разобрать. Фальк даже не повернул головы к ней. Он оттолкнул ее от стола с такой силой, что Беатрис упала на пыльный пол. Лорд Луарт встал. Тонкими белыми руками с надутыми венами

он плотнее запахнул на шее воротник мехового плаща, как будто один среди собравшихся ощутил холод, от которого онемела Лойз. Он медленно заговорил. Ясно было, что он чем-то недоволен. И так как он произносил свою речь отвернувшись от стола, было понятно, что он не ожидает вежливого ответа или согласия. Рунольд засмеялся, а Фальк ударил кулаком по столу, подавая сигнал слугам. Старейший из посланников герцога, лавируя между столами, направился к лестнице, ведущей в его комнату.

У дверей зала началась суматоха. Там появились воины в полном вооружении и построились, образуя проход к помосту, на котором стоял главный стол. Шум слегка стих, когда ввели пленника. Лойз показалось, что это мужчина со связанными за спиной руками. Она не могла понять, зачем на голову пленника надели мешок. Фальк вытянул руку, указывая место между собой и Рунольдом. При этом он столкнул кубок Луарта, и все содержимое вылилось на рясу Сирика. Горячих протестов Сирика никто не заметил. Из кармана Фальк извлек два торговых диска и подбросил их. Они покатились по столу и упали плашмя. Фальк подтолкнул диски к Рунольду, давая ему право первого броска. Рунольд подобрал монеты, рассмотрел их, отпустив какое-то насмешливое замечание, и подбросил. Затем бросил Фальк. Беатрис, несмотря на то, что с ней грубо обошлись, подползла, и как ни в чем не бывало следила за монетами. Когда они легли, Беатрис снова ухватилась за рукоять кресла Фалька, как будто то, что она увидела, придало ей храбрости. Фальк рассмеялся. Рунольд встал и пошел к краю стола. Стоявшие около пленника расступились, и Рунольд остановился перед ним. Он не стал снимать мешка с его головы, а принялся развязывать ремешки, удерживающие кожаную куртку. Рывком он рванул одежду, оголив человека до пояса, и все вскрикнули. Под улыбки мужчин Рунольд схватил женщину за талию. Проявив удивительную для своей хрупкой фигуры силу, он взвалил женщину на плечо и двинулся к лестнице. Фальк был явно недоволен: намеченное развлечение ускользало. Но Рунольд продолжал путь. Пойдет ли Фальк за ним? Лойз ждала. Как она сможет справиться с Фальком? Да и Рунольд ей не под силу. И почему она должна помогать этой жертве Фалька? Одной из многих. И хотя она понимала, что не следует делать этого, ноги сами несли ее, и она продолжала действовать вопреки рассудку.

Она торопливо вернулась в свою комнату, обнаружив, что в новом наряде гораздо легче передвигаться. Снова на место легли массивные запоры. Она шагнула к щиту, в зеркале отражался юнона в кольчуге, но у Лойз не было времени рассматривать его. Щит был отодвинут. Он оказался дверью, ведущей неизвестно куда. За дверью было темно. Лойз придется положиться на память. Не раз она шла по лабиринту за три года, прошедшие с тех пор, как она открыла этот потайной ход. В Верлейне никто не подозревал о существовании разветвленной системы подземных коридоров. Ступеньки спускались, она считала

их вслух. Внизу проход, затем резкий поворот. Лойз держалась рукой за стену, стараясь определить кратчайший путь. Еще ступеньки, на этот раз вверх. Светлое отверстие в стене — один из глазков для подглядывания. Должно быть, это комната. Лойз поднялась на цыпочки и заглянула. Да, одна из спален. Лорд Луарт, выглядевший еще более сморщенным и старым без верхнего плаща с пышной меховой отделкой, стоял у очага и протягивал к огню руки. Рот его шевелился, как будто он не мог выговорить какое-то горькое слово. Лойз заторопилась дальше. Следующее отверстие было темным и, несомненно, вело в комнату Сирика. Дальше виднелся еще один кружок золотистого света. Лойз была так уверена в себе, что, не заглядывая в отверстие, направилась к потайному входу. Приглушенные звуки, вскрик. Лойз изо всех сил нажимала на сжатую пружину. Но механизм давно не смазывали: не было причин держать его в рабочем состоянии. Дверь не поддавалась. Лойз уперлась спиной в стену и налегла на нее всем телом. Дверь внезапно поддалась, и Лойз едва не упала, но вовремя ухватилась за косяк. Она повернулась, выхватила меч с быстротой, которой научили ее тайные тренировки. И рванулась к постели, где лорд-командующий пытался удержать свою жертву. Она увидела удивленное лицо Рунольда. С гибкостью кошки он отпрыгнул к противоположной стене, оставив женщину, и потянулся за оружейным поясом, который лежал на стуле.

Лойз забыла о том, что сменила свою внешность и, что Рунольд увидел в ней мужчину, пришедшего отобрать у него добычу. У нее в руке меч, но, нарушив обычай, Рунольд схватил самострел. Внимание его двоилось. Он смотрел то на пришедшего, то на женщину, которая, несмотря на связанные руки, по сбитым простыням ползла к нему. Повинуясь скорее инстинкту, чем разуму, Лойз схватила одежду Рунольда и бросила в него. Тем самым она спасла себе жизнь. Он промахнулся, стрела дрожала в стене, а не в груди девушки. С проклятием Рунольд отшвырнул одежду и устремился к женщине. Но та не пыталась спастись. Напротив, она стояла неподвижно, со странным спокойствием глядя в лицо Рунольду. Губы ее раскрылись, и оттуда выскользнул камень. Он повис на короткой цепочке, которую женщина держала в зубах. Рунольд не двигался. Глаза его под полузакрытыми веками не отрывались от раскачивающегося тусклого камня. Лойз, видя все это, застыла. Ей казалось, что это кошмарный сон. Женщина повернулась, и Рунольд, не отрывая взгляда от камня, двинулся за ней. Женщина протянула к Лойз связанные руки. Взгляд Рунольда двигался вслед за драгоценной горошиной, а когда камень остановился, он тоже застыл. Рот его безвольно раскрылся. На лбу выступили капельки пота. Лойз по-прежнему ощущала волю, приведшую ее сюда. Она разрезала веревку, грубо стягивающую руки женщины. И эти руки тяжело упали, как будто женщина не владела ими. Рунольд опять ожил. Руки, державшие самострел, начали поворачиваться,

как бы преодолевая сильное сопротивление. На лице его блестели капельки пота, изо рта капала слюна. Глаза его жили, полные ненависти и усиливающегося ужаса. Руки продолжали поворачиваться, а он не в силах был оторвать взгляда от камня. Плечи его дрожали. Лойз чувствовала, как он с кем-то отчаянно, но бесполезно борется. Он уже не хотел убивать, он хотел только бежать. Но для лорда-командующего Карстена спасения не было. Ствол самострела уперся в его горло. Рунольд негромко застонал, как пойманное животное. Щелкнул курок. Брызнул фонтан крови. Освобожденный от воли, которая привела его к смерти, он упал. Женщина гибко отстранилась, потянув за собой Лойз. Рунольд упал на кровать, голова и плечи его свесились, колени лежали на полу, как будто он молился. Руки его дергались в агонии.

Впервые женщина взглянула в глаза Лойз. Преодолевая невидимую преграду, она попыталась поднести руку ко рту, а затем проглотила камень и повелительно указала на отверстие в стене. Лойз всю жизнь слышала о магии Эсткарпа. Но все это были сказки о далеких событиях, и от слушателя никогда не требовалась полная вера. Исчезновение флота на рифах описала ей Беатрис, помогая одеваться под венец. Но Лойз тогда была так поглощена собственными надеждами и страхами, что почти все пропустила мимо ушей. То, что она увидела сейчас, превосходило все ее представления, и она отшатнулась от прикосновения колдуньи. Она двигалась по темным переходам, желая только вывести пленницу и расстаться с ней. Женщина шла за ней с готовностью, легко и быстро. Чувствовалось, что у нее еще есть силы, хотя столько энергии было затрачено в плену и в этой молчаливой схватке, которую она выиграла.

Лойз не задержалась в спальне Рунольда. Она боялась, что Фальк, лишенный любимого развлечения, может ворваться в любую минуту. И все же с большой неохотой она захлопнула потайную дверь. Дрожь пробежала по ее телу, когда колдунья в темноте схватила ее за руку. Лойз сама взялась за пояс волшебницы и потянула ее за собой. Они направились в комнату Лойз. Оставалось очень мало времени. Если Фальк последует за Рунольдом, если в комнату случайно войдет слуга Рунольда, если отец вздумает искать ее... До рассвета Лойз должна быть за пределами Верлейна! И, приняв такое решение, она вела колдунью по темным переходам. Но, оказавшись на свету, Лойз решила немного задержаться. Она отыскала мягкую ткань, обмыла и перевязала раны на руках женщины, одела ее в одежду, которую нашла в своей комнате. Наконец колдунья смогла поднести свои руки ко рту. Камень выскользнул в ладонь из ее рта и она спрятала его, боясь, что Лойз захочет прикоснуться к драгоценности.

— Накинь мне на шею,— это были ее первые слова.

Лойз подхватила цепочку и надела на шею женщины. Она легла на затылок под волосы, коротко подстриженные, может

быть по той же причине, что у нее самой.

— Спасибо, леди Верлейна.— Ее голос звучал хрипло.— Теперь глоток воды.

Лойз поднесла к ее рту чашку.

— Вряд ли вам нужно благодарить меня,— ответила она, собрав всю свою храбрость.— Похоже, вы владеете оружием, не менее могущественным, чем сталь.

Глаза колдуньи улыбались. Лойз, встретившись с этим взглядом, утратила свой страх. Но она по-прежнему чувствовала себя юной, неуклюжей и неуверенной в себе.

— Я не могла использовать это оружие, пока вы не отвлекли внимания моего партнера по постели, благородного лорда-командующего. Его нельзя было отдавать в чужие руки. Но довольно об этом.— Она подняла ладони, осматривая ссадины на запястьях. Потом оглядела комнату, заметила шаль на полу, груду стриженных волос, седельные сумы.

— Похоже, вы не собирались в свадебное путешествие, милая герцогиня.

Власть, звучавшая в этом голосе, заставила Лойз ответить правдиво:

— Я не герцогиня Карстена, леди. Да, меня заставили принять участие в венчальном обряде перед лордами Ивьяна, а потом воздали мне почести на коленях,— она улыбнулась, вспомнив, каким испытанием это было для Сирика.— Я не выбирала Ивьяна. Я согласилась на брак, только чтобы скрыть свое бегство.

— Но вы помогли мне.— Колдунья смотрела на Лойз своими темными глазами, которые, казалось, проникают в самую глубину.

— Я не могла поступить иначе! — вспыхнула девушка.— Что-то заставило меня. Ваше колдовство, леди?

— Возможно, возможно. Я обращалась ко всем в этих стенах, кто может услышать меня. Похоже, нас объединяет нечто большее, нежели общая опасность, леди Верлейна, или,— она открыто улыбнулась,— учитывая изменение вашей внешности, лорд Верлейна.

— Зовите меня Брайантом, наемником со щитом без герба,— выпалила Лойз подготовленное заранее.

— И куда вы направляетесь, Брайант? Наниматься в Карс? Или на север? На севере нужны наемники.

— Эсткарп воюет?

— Скорее его вынуждают воевать. Но это другой вопрос,— она встала.— Мы сможем обсудить это, когда выберемся за эти стены. Я уверена: вы знаете выход.

Лойз взвалила седельные сумы на плечо, набросила на шлем капюшон плаща. Когда она собиралась погасить свет, колдунья указала на пол. Лойз собрала пряди волос и бросила их в огонь.

— Правильно,— заметила колдунья.— Не оставляй ничего, что может вернуть тебя. Волосы обладают особой властью.— Она посмотрела на среднее окно.— Оно выходит в море?

— Да.

— Оставим ложный след. Пусть Лойз Верлейнская умрет, скрывая побег Брайанта. Несколько мгновений потребовалось на то, чтобы открыть окно и сбросить вниз свадебное платье. Колдунья также велела привязать к каменному подоконнику полосу из простыней.— Увидев это,— сказала она,— врял ли они будут искать другой выход из комнаты.

Они снова прошли через зеркальную дверь и направились вниз, во тьму. Лойз сказала, что нужно придерживаться правой стороны и спускаться осторожно. Стена под их руками становилась влажной, в воздухе чувствовался запах моря, смешанный с запахом гниения. Вниз, вниз. Скоро стал слышен гул волн. Лойз считала ступени.

— Вот! Этот проход ведет к странному месту.

— Странное место?

— Да. Я не люблю здесь задерживаться, но у нас нет выбора. Придется подождать рассвета, иначе нам не выбраться.— Она двинулась вперед, преодолевая страх и тревогу. Трижды она проходила этим путем в прошлом и каждый раз ощущала таящуюся во тьме угрозу. И сейчас она пробиралась, таща за пояс колдунью. Во тьме Лойз услышала, как ее спутница затаила дыхание. И вдруг она шепотом сказала:

— Это место власти.

— Это странное место,— упрямо возразила Лойз.— Мне оно не нравится, но оно стережет ворота Верлейна.

Хотя было по-прежнему темно, они почувствовали, что проход расширяется. Лойз увидела луч света — в щели над головой светила звезда. Но вот показался другой свет, который становился все ярче, как будто отдернули какой-то занавес. Пятно света двигалось над поверхностью земли, в воздухе — удивительное круглое светлое пятнышко. Послышались странные непонятные слова. И Лойз поняла, что светится камень колдуньи. По коже Лойз пробежали мурашки, воздух словно был наполнен энергией. Лойз испытала странное чувство, похожее на голод. Она не могла сказать, чего ей хочется. В прежние посещения этого места она боялась и заставляла себя преодолевать страх, теперь же страх остался позади и ее охватило новое чувство, которое она не сумела бы определить. Колдунья, озаренная светом, лившемся из камня на груди, раскачивалась из стороны в сторону, у нее было восхищенно-напряженное лицо. Поток слов продолжал литься из ее уст — просьбы, защитные заклинания, убеждения — Лойз не могла сказать, что именно. Но девушка знала, что они обе пойманы в сети какой-то чуждой энергии, исходившей из скалы под ногами и от стен. Проснулось что-то, спавшее столетиями. Почему? Что? Лойз медленно обернулась, вглядываясь в темноту. Что скрывалось за тем слабым светом, что излучал магический кристалл?

— Мы должны идти! — это властно произнесла колдунья. Ее темные глаза были широко раскрыты, руки неуклюже двинулись к Лойз.— Я не в силах контролировать силы, большие, чем моя собственная! Это древнее место, оно не человеческое и

превосходит наши знания. Здесь некогда поклонялись богам. Богам, чьи алтари не воздвигались вот уже много тысяч лет. Просыпаются остатки прежнего могущества! Где выход? Мы должны попытаться уйти, пока это еще возможно.

— Как ярко светит ваш талисман.— Лойз закрыла глаза, вспоминая, куда идти дальше.— Сюда,— она показала вперед.

Шаг за шагом колдунья шла, куда указала Лойз, и свет уходил за ней. Широкие вырубленные ступени, отшлифованные временем, возвышались справа от них. Лойз знала, что они ведут к широкой каменной площадке под крышей. По этой площадке они проползли к дальней стене. В свете колдуньи был виден спуск. Во тьме рискованно было спускаться по тропе, идущей между скал, но Лойз передалась тревога женщины. Спуск оказался трудным, как и думала Лойз. Хотя ее спутница не жаловалась, Лойз знала, какие мучения испытывает колдунья. Где могла, девушка помогала ей. И вот они преодолели спуск и легли на жесткую траву, а вокруг них соленый воздух и сероватое небо, по которому можно определить, что рассвет близок.

— Пойдем по морю или по земле? — спросила волшебница.— Будем искать лодку на берегу или направимся на холмы?

Лойз села.

— Ни то, ни другое,— хрипло ответила она.— Мы на пастбище, которое отделяет крепость от моря. В это время года лошадей отпускают свободно пастись. В хижине у ворот есть сбруя. Но ее могут охранять.

Колдунья рассмеялась.

— Один стражник? Слишком мало, чтобы остановить двух решительных женщин. Покажите мне эту хижину, и я лишу ее охраны.

Они пошли по пастбищу. Лойз знала, что лошади держатся поближе к хижине. Они лижут соль, которую принесли сюда за два дня до бури. Талисман после выхода из подземелья перестал светиться, и спутницам приходилось осторожно выбирать путь. Над дверью хижины горел фонарь, и в его свете Лойз увидела лошадей. Тяжелые боевые кони, выращенные, чтобы нести вооруженных воинов в битву, не интересовали ее. Но тут были и лошади меньшего роста с грубой шерстью, их использовали для охоты на холмах. Эти лошади были выносливее и сильнее других рысаков, которых подбирал для своей конюшни Фальк. В круге света виднелись два таких пони — как будто они явились по ее тайному зову. Лошади, казалось, беспокоились: они мотали головами, трясли гривами. Лойз положила на землю сумы и негромко свистнула. К ее радости, лошади подошли, принюхиваясь друг к другу. Гривы, как косой дождь, падали на их глаза. Только бы они оказались послушными под сбруей! Лойз медленно обошла их и приблизилась к хижине. Охраны не видно. Неужели охранник покинул свой пост и тоже пирует? Это может стоить ему жизни, если Фальк узнает, что произошло. Лойз толкнула дверь, и она заскрипела.

Она прищурилась, вглядываясь в полумрак, пахнущий лошадьми и промасленной кожей, да еще крепким напитком, который гонят из меда и трав. После третьего кубка этого напитка даже Фальк отправлялся спать. Лойз споткнулась о кувшин, который откатился в сторону. Из него и шел винный аромат. Охранник лежал на соломенном матрасе и шумно храпел. Два седла, два набора сбруи, которыми пользовались охотники и гонцы, были тут же. И вот Лойз снова в поле, дверь опять скрипнула, закрываясь за ней. Лошади послушно позволили себя оседлать. И когда женщины поскакали верхом по дороге — единственному пути из Верлейна, колдунья вторично спросила:

— Куда же вы направляетесь, щит без девиза?

— В горы,— Лойз обдумала в подробностях только план бегства из Верлейна. Теперь верхом на лошади, вооруженная, она не могла заглядывать дальше. Свобода, бегство из Верлейна — это казалось такой трудной, такой невозможной задачей, что все силы были затрачены на ее решение, девушка не задумывалась, что будет дальше.

— Вы говорите, Эсткарп воюет? — она никогда не думала о том, что ей придется одолевать путь через дикие земли между Верлейном и южными границами Эсткарпа. Но если твоя попутчица — колдунья, ничего удивительного нет, что ты выбираешь эту дорогу.

— Да, Эсткарп воюет, щит без девиза. А вы никогда не думали о Карсе, леди? Вам ни о чем не говорит это имя? И вообще, не хотите ли вы тайно взглянуть на свое государство, на свое будущее, которое вы храбро изменили?

Лойз дернула поводья. Послушная лошадь замерла.

— Карс? — повторила она. Что-то шевельнулось в ее сознании. Да, она не собиралась становиться герцогиней Ивьяна. Но и о Карсе она не думала. Карс — это центр южных земель. Да, наверное, она может найти там родственников. Они помогут, если ей потребуется их помощь. В таком большом городе легко затеряться. И если Фальк даже вздумает искать ее, он не сможет найти ее в Карсе.

— Эсткарп может подождать,— продолжала колдунья.— В этой земле что-то готовится. И я должна знать, кто готовит это. Карс — совсем другое дело.— Лойз знала, что колдунья заставляет ее принимать решение, но не сердилась на нее. Ей казалось, что она, наконец, нашла нить своей судьбы. Если она не упустит ее, эта нить поведет ее туда, куда она всегда стремилась.

— Едем в Карс,— спокойно согласилась она.

Пять человек лежали на песчаном берегу небольшой бухточки. Один из них не дышал. Голова его была разбита. Жаркое солнце обжигало обнаженные тела. Гнилые испарения разлагающихся водорослей в тропической духоте были особенно зловонны. Саймон закашлялся. Затем он приподнялся, опираясь на локти. Тело его представляло сплошной кровоподтек, его

мучила тошнота. Он медленно отполз от воды и вырвал все то, что еще оставалось в его желудке. Сознание вернулось к нему и, справившись с головокружением, он сел. Он помнил немногое из того, что случилось недавно. Бегство из Салкаркина сопровождалось сплошным кошмаром. Магнус Осберик взорвал генератор, сердце города, дающее ему энергию, тепло и свет, но тем самым не только уничтожил город, но и добавил разрушительную силу буре. И в центре этой бури небольшой отряд гвардейцев на спасательных лодках раскидало по морю и не было надежды, что они смогут собраться в одном месте. Из порта вышли три лодки, но после взрыва они потеряли друг друга. Лодки бросало, вертело, дергало и, наконец, швырнуло на скалы. Невозможно было сказать, сколько это продолжалось — часы или минуты.

Саймон потер лицо руками. Оно покрылось налетом соли, ресницы склеились и трудно было открывать глаза. Четверо мужчин... Тут он разглядел рядом человека с расколотым черепом.— Значит этот точно мертв. А трое, возможно, еще живы. С одной стороны было море, теперь сравнительно спокойное, волны выносили на берег спутанные водоросли. За песчаной полосой берега возвышался утес... Присмотревшись, Саймон решил, что по нему можно подняться. Но у него не было ни малейшего желания делать это и вообще двигаться. Так хорошо было просто сидеть, а теплое солнце согревало тело, еще помнившее ледяное дыхание взбесившейся воды.

— Сааа...

Один из трех пошевелился. И длинная рука отбросила водоросли. Человек закашлялся, изо рта его полилась вода, он поднял голову и слепо огляделся. Капитан гвардии Эскарпа, увидев Саймона, некоторое время тупо смотрел на него, потом уголки его рта изогнулись в улыбке. Корис на четвереньках отполз подальше от воды.

— В Горме говорят,— голос его звучал хрипло,— что, кому суждено умереть от топора палача, тот не утонет. Мне часто казалось, что моя судьба — топор. И снова все это подтвердилось.— Он с трудом подполз к одному из лежавших и перевернул неподвижное тело. Бледно-серое лицо было безжизненным, но грудь гвардейца поднималась и тяжело опускалась и никаких ран не было на его теле.— Йивин,— назвал его Корис,— великолепный наездник.— Он сказал это задумчиво. Но затем, прижав кулаки к отчаянно болевшим мышцам живота, он затрясся. С удивлением Саймон увидел, что Корис смеется.

— Естественно,— сказал он в перерывах между приступами истерического хохота,— это качество сейчас самое ценное.

А Корис уже разглядывал другого солдата.

— Такстон!

Саймон смутно обрадовался. За свою короткую службу в Эскарпе он подружился с этим младшим офицером. Превозмогая боль, он помог Корису оттащить еще не пришедших в сознание гвардейцев от линии прибоя. Потом, держась за скалу, встал.

— Воды!.. радостное чувство, которое он испытал в короткие мгновения после пробуждения, исчезло. Саймон хотел жить, все его тело испытывало жажду. Он хотел пить и смыть жгучую соль с тела. Корис осматривал стену, из бухты можно было выбраться двумя путями. Вернуться в море и попробовать проплыть мимо скал или подняться на утес. Каждый нерв Саймона восставал против плавания и против возвращения в воду, откуда он чудом спасся.

Подъем будет не слишком труден,— сказал Корис. Он слегка нахмурился.— Я вижу, где можно будет зацепиться руками.— Он встал на цыпочки, прижавшись к скале, вытянув длинные руки над головой, и пальцы его углубились в небольшие трещины в поверхности скалы. Мышцы на его плечах напряглись: он поднял ногу, цепляясь за трещину, и начал взбираться. Бросив последний взгляд на берег и двух людей, теперь лежавших далеко от воды, Саймон последовал за ним. Он обнаружил, что капитан был прав. В поверхности скалы были углубления, подходящие для рук и ног, сделанные природой или человеком. И вскоре Саймон оказался на выступе в десяти футах над песком. Выступ, без сомнения, был рукотворным, видны были следы инструментов, вырубивших его. Выступ вел наклонно, хотя и круто, к вершине утеса. Нелегкая дорога для человека, у которого кружится голова и дрожат от слабости ноги, но другого выхода не было. Корис снова заговорил:

– Сможете влезть сами? Я посмотрю, нельзя ли поднять остальных.— Саймон кивнул и тут же пожалел, что избрал такую форму согласия. Он ухватился за стену и подождал, пока мир прекратит вращаться. Стиснув зубы он стал карабкаться вверх. Большую часть пути он проделал на четвереньках, пока не добрался до пустоты в скале. Подув на израненные пальцы, он шагнул в углубление. Пещера! Другого пути отсюда нет. Нужно надеяться, что у пещеры есть еще один выход, там – наверху.

— Саймон? — крик снизу звучал тревожно. Саймон заставил себя подползти к краю выступа и посмотреть вниз. Внизу стоял Корис. Он глядел вверх. Такстон также стоял, поддерживая Йивина. Саймон махнул рукой и они начали подъем. Неизвестно как, но через некоторое время им удалось поднять полуживого Йивина до выступа. Саймон остался на месте. У него не было желания в одиночку входить в пещеру. Воля, казалось, покинула его, как сила ушла из тела. Но мужество вернулось к нему, когда Корис появился рядом с ним, поддерживая Йивина.

— Здесь какое-то колдовство,— заявил капитан.— Я не видел вас, пока вы не махнули рукой. Кому-то очень нужно было скрыть вход в пещеру.

— Вы считаете, что мы должны лезть в эту дыру? — Саймон махнул в сторону пещеры.— Даже если там сокровища древних королей, она не интересует меня. Разве что там может быть вода!

— Воды! — слабо подхватил Йивин,— воды, капитан,— жадно попросил он у Кориса.

— Подожди, приятель, еще немного.

Они обнаружили, что открытый Саймоном способ передвигаться на четвереньках необходим при входе в пещеру. А Корис едва протиснулся, обдирая кожу на плечах и руках. Позади оказался проход, но света было так мало, что они двигались, держась за стены руками.

— Тупик! — вытянутая рука Саймона уперлась в скалу. Но он слишком поторопился со своим выводом: справа забрезжил слабый свет, и он обнаружил, что проход сворачивает направо. Сделалось светлее, и они стали двигаться быстрее. Но в конце прохода их ждало разочарование. Свет по мере продвижения не усиливался, а когда они вышли на открытое пространство, их встретили сумерки, хотя по другую сторону пещеры несколько минут назад светило яркое солнце. Источник света привлек внимание Саймона и заставил его забыть о боли. Вдоль стены шла прямая линия абсолютно круглых отверстий, похожих на корабельные иллюминаторы. Он не мог понять, как они не увидели эти отверстия с берега: они явно выходили в сторону моря. Отверстия были задраены каким-то материалом, пропускавшим свет туманными лучами.

Света, впрочем, было достаточно, чтобы разглядеть единственного обитателя каменного зала. Этот обитатель спокойно сидел в каменном кресле, вырубленном из той же скалы, что и вся пещера, руки его лежали на широких подлокотниках кресла, голова опустилась на грудь, казалось, что он спит. Лишь когда Йивин громко вздохнул, словно простонал, Саймон понял, что они стоят в склепе. И пыльная тишина зала сомкнулась над ними, как будто их закрыли в гробу безо всякой надежды на спасение. Чувствуя благоговейный страх и тревогу, Саймон приблизился к двум каменным блокам, на которых стояло кресло, и посмотрел в глаза сидящему. Кресло и того, кто в нем сидел, покрыл толстый слой пыли. Но Саймону было видно, что этот человек — вождь, жрец или король – не принадлежал к расе Эскарпа или Горма. Его пергаментная кожа была смуглой и гладкой, как будто искусство бальзамирования превратило ее в дерево. Черты лица свидетельствовали о могучей воле и душевной силе, орлиный нос выделялся на лице. Подбородок маленький, заостренный, закрытые глаза посажены глубоко. Как будто далеким предком этого человека был не примат, а птица. К тому же его одежда под слоем пыли была сделана из материала, похожего на перья. Стройную талию охватывал пояс, а на коленях лежал топор такой величины, что Саймон усомнился, мог ли этот человек поднять его в те далекие времена, когда он жил. На голове сидящего была сверкающая драгоценными камнями корона. На пальцах, сжимавших рукоять топора, блестели кольца. Все это было таким чужим, что Саймон остановился, не доходя двух шагов до помоста.

— Вольт! — возглас Йивина походил на вопль. Он заговорил

что-то на непонятном языке. Саймону показалось, что это молитва.

— Подумать только, легенда оказалась правдой! — Корис стоял рядом с Саймоном. Глаза его ярко горели, как ночью, когда они уходили из Салкаркипа.

— Вольт? Неужели,— повторил Саймон, и Корис ответил нетерпеливо:

— Вольт-топор! Вольт, гремевший громами! Вольт, которым и теперь пугают детей по вечерам! Эсткарп древен, его знания восходят к доисторическим временам. Но Вольт старше Эсткарпа! Он из тех, кто жил до человека, каким он стал сегодня. Род его вымер до того, как человек вооружился дубиной и камнем против зверей. Но Вольт пережил свой род и знал первых людей, и они знали его — и его топор! Вольт в своем одиночестве пожалел людей и топором прорубил им дорогу к знаниям и величию, прежде чем снова ушел от них. В некоторых местах вспоминают Вольта с благодарностью, хотя и боятся его, как и всего непонятного. А в других ненавидят великой ненавистью, потому, что мудрость Вольта боролась с их низменными желаниями. И мы вспоминаем Вольта с молитвами и проклятьями, он бог и демон. И вот мы убеждаемся, что он был живым существом и в чем-то походил на нас. Впрочем, видимо, его раса отличалась от нашей. Вольт! — длинная рука Кориса взметнулась в салюте.— Я, Корис, капитан Эсткарпа и его гвардии, приветствую тебя и сообщаю, что мир не очень изменился с тех пор, как ты ушел из него. Мы по-прежнему воюем. А сейчас, похоже, наступает окончательная ночь. Она идет из Колдера. И поскольку море лишило меня оружия, прошу тебя отдать мне твое! И если нам удастся снова встать лицом к лицу с колдерами, я докажу, что взял топор не напрасно.

Он поднялся на ступеньку и протянул руку. Саймон услышал приглушенное восклицание Йивина. Шумное дыхание Такстона. Но Корис с улыбкой взялся за рукоять топора и осторожно потянул его к себе. Сидящий человек казался живым. Саймон невольно подумал: вот он сожмет руки и потянет оружие назад. Но топор подался легко, как будто тот, кто много веков держал его, отдавал свое оружие охотно. Саймон ожидал, что рукоять рассыплется в руках Кориса. Но капитан взмахнул топором, и опустил его, остановив лишь в дюйме от каменного помоста. В его руках топор ожил, стал податливым и прекрасным.

— Спасибо, Вольт! — воскликнул Корис,— с ним я одержу немало побед, никогда раньше мои руки не держали такого оружия. Я, Корис из Горма, Корис безобразный, Корис злополучный. Но с твоими добрыми пожеланиями, о, Вольт, я стану Корисом-завоевателем, и твое имя вновь прозвучит по всей Земле!

Возможно, звук его голоса поколебал столетиями неподвижный воздух: это было единственное разумное объяснение, которое Саймон смог дать по следующим событиям. Сидящий, казалось, кивнул один раз, второй, как бы соглашаясь со словами Кориса. Затем тело, которое лишь секунду назад казалось таким

прочным, на их глазах начало распадаться. Йивин закрыл лицо руками. Саймон проглотил восклицание. Вольт — если это был Вольт — исчез. Лишь пыль на кресле и топор в руках Кориса остались от него. Такстон, сей невозмутимый воин, заговорил первым, обращаясь к своему командиру.

— Его долг исполнен, капитан. Теперь следует исполнять ваш. Хорошо, что вы взяли оружие. Я думаю, оно принесет нам счастье.

Корис еще раз взмахнул топором, искусно повернув в воздухе лезвие. Саймон отвернулся от пустого кресла. С самого своего появления в этом мире он был свидетелем колдовства его обитателей и принимал его как должное. Так воспринял он и последние события. Но даже завладев знаменитым топором Вольта, они не нашли ни воды, ни пищи, и Саймон сказал об этом.

— Верно,— согласился Такстон,— если другого выхода отсюда нет, придется вернуться на берег и попробовать что-нибудь другое.

Но выход был. За креслом в стене виднелся арочный проход, забитый землей и обломками камня. Они принялись работать, используя ножи в качестве орудий. Даже для отдохнувших людей это была тяжелая работа. И только страх, что возвращаться придется морем, заставлял Саймона забыть об усталости. В конце концов они расчистили небольшой проход и оказались перед дверью. Дверь была сделана из какой-то очень прочной древесины. Она, простояв века, не сделалась трухлявой. Наоборот, какой-то естественный химический процесс превратил ее в камень. Корис жестом велел всем отойти.

— Это мое дело.— Снова взлетел топор Вольта. Саймон едва не закричал, боясь увидеть, как прекрасное лезвие топора раскалывается, прикасаясь к камню. Послышался звон, топор снова взмыл в воздух и обрушился со всей силой мощных рук капитана. Дверь раскололась. Часть ее упала вперед. Корис отошел, а трое оставшихся расчистили проход. В лицо им ударил яркий дневной свет. Свежий ветерок разогнал затхлый воздух подземелья. Убрав остатки дверей и пройдя сквозь стену из сухих ветвей, спутанной паутины и высохших насекомых, они оказались на вершине утеса. Прямо перед ними начинался спуск к ручью. Ни слова не говоря, Саймон устремился вперед, надеясь промыть высохшее горло, смыть соль с разъеденной кожи. Чуть позже, окатив себя серебряной водой, он неожиданно обнаружил, что Корис исчез. Саймон был уверен, что капитан вместе с ними покинул склеп Вольта.

— Где Корис? — спросил он Такстона. Тот плескал в свое лицо пригоршнями холодную воду и трубил от удовольствия. Йивин лежал на спине возле ручья, закрыв глаза.

— Он отдает последний долг тому, кто остался внизу,— ответил Такстон.— Гвардеец не может оставаться открытым ветру и воде, о нем должен позаботиться его офицер.

Саймон вздохнул. Он совсем забыл об убитом, лежащем

на берегу. Хотя он по своей воле вступил в гвардию Эсткарпа, он еще не чувствовал себя ее частью. Эсткарп слишком древен, его жители — и колдуны — слишком чужды ему. Что обещал ему Петронпус, предлагая бегство? Он говорил, что человек, воспользовавшийся его услугами, будет перенесен в тот мир, которого жаждет душа. Саймон солдат, и вот он в мире постоянной войны. Но здесь воюют другим способом, и он по-прежнему чувствует себя чужим. Он вспомнил женщину, с которой бежал по болотам, не зная, что она колдунья из Эсткарпа. Во время бегства были моменты, когда они испытывали друг к другу чувство товарищества. Но впоследствии оно исчезло. Она была в одной из лодок, когда они бежали из Салкаркипа. Неужели ее ждало то же безжалостное море? Он замер, испытывая странное чувство, которое он не сумел бы назвать. Перевернувшись в траве, он положил голову на согнутую руку и расслабился, а затем уснул. Так расслабляться и моментально отключаться он научился уже давно. Проснулся он скоро, потому что солнце еще ярко светило. В воздухе пахло едой. В расщелине горел небольшой костер, и Такстон жарил на нем рыбу, нанизанную на прут. Корис спал, положив топор под голову, его мальчишеское лицо казалось уставшим. Йивин лежал на животе, опустив в ручей руки. Он доказал, что является не только отличным всадником. Из воды он вытаскивал одну за другой огромные рыбины. Когда Саймон подошел, Такстон поднял брови.

— Возьмите свою порцию,— и он указал на рыбу. Саймон уже собирался взять кусок, как вдруг заметил напряженный взгляд Такстона и сам посмотрел в ту сторону. Над их головами описывала широкий круг птица с черным оперением. На груди у нее виднелось белое У-образное пятно.

— Сокол! — Такстон выдохнул это слово, как будто оно обозначало опасность не меньшую, чем засада колдеров.

Птица с искусством, присущим хищникам, повисла над ними, распластав крылья. Увидев свисающие с ее лап яркие ленты, Саймон понял, что птица не дикая.

— Капитан! — Такстон тряс Кориса, тот сел, и, как ребенок, стал протирать глаза кулаком.— Капитан, фальконеры близко!

Корис резко задрал голову, потом вскочил, заслонив глаза от солнца, и стал смотреть на медленно кружащуюся птицу. Он свистнул, и в свисте его звучала чистая мелодия. Ленивое движение прекратилось, и Саймон увидел чудо скорости и точности — удар сокола. Сокол упал с неба и сел на рукоять топора Вольта, лежавшего в траве. Он раскрыл клюв и издал хриплый крик. Капитан склонился к птице, осторожно поднял одну из лент. На солнце сверкнуло металлическое кольцо. Корис внимательно рассматривал его.

— Малин. Это один из его часовых. Лети, крылатый воин,— Корис обращался к птице.— Мы одного племени с твоим хозяином, и между нами мир.

— Жаль, капитан, что ваши слова не дойдут до ушей этого

самого Малина,— заметил Такстон.— Фальконеры сначала убеждаются в безопасности своих границ, а потом уже задают вопросы. Если нарушитель после этого способен отвечать на них.

— Именно так, бродяга! — Слова прозвучали совсем рядом. Гвардейцы обернулись, но вокруг были только трава и скалы. Неужели говорила птица? Йивин с сомнением посмотрел на сокола, но Саймон отказывался воспринимать, что это — колдовство или иллюзия. Он нащупал свое единственное оружие — нож, который был у него за поясом, когда он выбрался на берег. Корис и Такстон ничему не удивились. Очевидно, что-то подобное они ожидали. Капитан заговорил отчетливо и медленно, как бы убеждая невидимого слушателя.

— Я Корис, капитан Эсткарпа, прибит к этому берегу бурей. А это гвардейцы Эсткарпа: Такстон, офицер Большой башни, Йивин и Саймон Трегарт, пришедший из чужого мира и вступивший в гвардию. Клятвой Меча и Щита, Крови и Хлеба я прошу убежища. Между нами нет войны, но над нами равно занесено разящее лезвие!

Слабое эхо его слов прокатилось вокруг и затихло. Птица еще раз испустила хриплый крик и полетела. Такстон сухо улыбнулся.

— Теперь остается ждать либо проводника, либо стрелу в спину.

— От невидимки? — спросил Саймон.

Корис пожал плечами.

— У каждого племени свои тайны. У фальконеров их в избытке. Если они пошлют проводника, нам действительно повезет.— Он принюхался.— А тем временем надо бы перекусить. Нет надобности ждать голодными.

Саймон ел рыбу, и одновременно осматривал небольшой луг у ручья. Его друзья, по всей вероятности, думали о будущем. А он все размышлял: откуда же доносился тот голос. Саймон уже научился использовать Кориса как измерительный инструмент опасности. Если Корис спокойно ждет, значит, сражение им, по-видимому, не грозит. С другой стороны, он хотел бы побольше узнать о тех, на чью землю их выбросил прибой.

— Кто такие фальконеры?

— В чем-то они похожи на Вольта,— Корис провел рукой по рукояти топора, как бы лаская его,— они тоже легендарны, хотя и не так древни. Вначале они были наемниками и прибыли на кораблях салкаров из земли, которую они потеряли из-за нашествия иноземцев... Некоторое время они служили у салкаров их проводниками и моряками. До сих пор в юности они иногда нанимаются на корабли. Но большинство из них сейчас не думает о море: они любят горы, потому что родились на них. И вот они пришли к Властительнице Эсткарпа и предложили заключить договор: они защищают наши южные границы в обмен на право поселиться в горах.

— Это было мудрое предложение! — вмешался Такстон.— Жаль, что Властительница не захотела согласиться.

— Почему не захотела?

Корис угрюмо улыбнулся.

— Разве вы недостаточно прожили в Эсткарпе, Саймон, и не поняли, что такое матриархат? Не захотела потому, что Сила, которая охраняет безопасность Эсткарпа, сосредоточена не в мечах мужчин, а в руках женщин. И все властительницы Эсткарпа — женщины. А у фальконеров свои собственные обычаи и они им так же дороги, как права Эсткарпа колдуньям. Фальконеры — это мужские боевые отряды. Дважды в год молодые воины отправляются в особые женские поселки, чтобы зачать новые поколения. Их, как жеребцов, пускают пастись с кобылами. Но среди фальконеров нет понятия о страсти, о любви между мужчиной и женщиной. И женщины для них существуют лишь как матери их сыновей. Таким образом, их нравы цивилизованному Эсткарпу показались варварскими, и Властительница заявила, что, если они поселятся в пределах страны, Сила, таящаяся в женщинах, исчезнет. И им было сказано, что Властительница не разрешает им селиться в пределах страны. Но им разрешили пройти по территории страны и получить все необходимое. Если они поселятся за пределами Эсткарпа, колдуньи пожелают им добра и не поднимут против них меча. Так обстоят дела уже больше ста лет.

— И удалось им создать свою страну?

— Еще какую.— Ответил на вопрос Саймона Такстон.— Они сумели трижды отбить нападения герцога Карстена. Сама земля, которую они выбрали, сражается на их стороне.

— Вы сказали, что Эсткарп не захотел с ними породниться,— заметил Саймон.— Но что это за клятва Меча и Щита, Крови и Хлеба? Похоже на то, что у вас имеется какое-то взаимопонимание.

Корис сосредоточился на еде, обгладывая кости рыбы. Потом улыбнулся, а Такстон рассмеялся. Только Йивин выглядел слегка смущенным, как будто речь шла о вещах, о которых он не имел представления.

— Фальконеры — настоящие мужчины...

— Но гвардейцы Эсткарпа — тоже мужчины,— продолжал Саймон.

Корис широко улыбнулся.

— Не поймите нас превратно, Саймон. Мы преклоняемся перед женщинами Власти. Но они по самой своей природе отдалены от нас и от того, что нам близко. Вы знаете, что Сила уходит от колдуньи, которая становится истинной женщиной. Поэтому она вдвойне ревностно относится к своей Силе, отдавая часть жизни на то, чтобы удержать ее. В то же время они гордятся тем, что они женщины. Для них обычаи фальконеров, которые отрицают их гордость и Силу, и которые признают в них лишь женское тело без разума и личности, неприемлемы. Мы можем не соглашаться с обычаями соколь-

ничьих, но, как бойцы, уважаем их, и между нами нет вражды. Гвардия Эскарпа и фальконеры не ссорятся. И,— он отбросил в сторону кость, сняв с нее последний кусок мяса,— скоро может наступить ночь, когда нам понадобится их помощь.

— Это верно! — горячо заговорил Такстон,— Карстен враждебен нам. Фальконеры стоят между Карстеном и Эскарпом. И мы помним, как Властительница смотрела сквозь пальцы на то, как зерно и скот отправились в поселки фальконеров, когда выпал большой снег и у них был неурожай.

— В этих поселках голодали женщины и дети,— заметил Йивин.

— Запасы подоспели вовремя.

— Сокол! — Йивин указал вверх, и они увидели плывущего над ними сокола. Птица на этот раз оказалась предвестником отряда. Всадники подъехали и остановились, глядя на гвардейцев. Их лошади походили на пони, это были грубошерстные животные, проворные, сильные и пригодные для езды по горным тропам. Но у каждого всадника был раздвоенный рог, на котором сидел сокол. Сокол-проводник подлетел к предводителю всадников и сел на его рог. Как и гвардейцы и салкары, фальконеры были вооружены небольшими щитами и одеты в кольчуги. Шлемы их походили на головы птиц, которых они приручили. Саймон знал, что сквозь прорези этих шлемов на них смотрят человеческие глаза. Он чувствовал себя неуютно под взглядами людей, лиц которых он не видел.

— Я Корис — служу Эскарпу.— Корис, опустив топор, стоял перед четырьмя всадниками. Человек, сокол которого вернулся на свой насест, поднял руку. Это был жест, понятный людям всех эпох.

— Малин с гор,— голос его глухо звучал за металлическим шлемом.

— Между нами мир,— слова Кориса звучали полувопросом-полуутверждением.

— Между нами мир. Повелитель Крыльев приглашает капитана Эскарпа в Орлиное Гнездо.

Саймон сомневался, выдержат ли пони двойную тяжесть. Но когда он сел верхом за одним из всадников, то обнаружил, что маленькое животное не менее устойчиво, чем ослик, и даже как будто не замечает дополнительной тяжести. Тропа, ведущая на территорию фальконеров, была явно не рассчитана на обычного путешественника. Саймон лишь силой воли заставлял себя не закрывать глаза, когда они двигались по самому краю, и ноги его свисали над бездонной пропастью. Время от времени птицы поднимались в воздух и улетали вперед к дальним долинам, а затем возвращались к хозяевам. Саймону очень хотелось расспросить об этом странном союзе человека и птицы: ему казалось, что крылатые разведчики о чем-то докладывают своим хозяевам. Отряд спустился со склона на более широкую дорогу. Но они лишь пересекли ее и снова углубились в горы с опасными тропами. Саймон решил заговорить с человеком, за спиной которого он сидел.

— Я новичок в этой южной местности. Разве нет дороги через горы более широкой?

— Есть торговые дороги. Мы держим их открытыми, это выгодно. Значит, вы и есть тот выходец из чужого мира, который поступил на службу Эсткарпу?

— Да.

— Похоже, вас изрядно потрепало море.

— Человек не может командовать бурей,— уклончиво ответил Саймон,— мы живы... и за это спасибо.

— Поблагодарите и за то, что вас не унесло дальше к югу. Грабители Верлейна кое-что находят в море. Они не заботятся о людях.

— Настанет день,— голос всадника звучал угрожающе,— и Верлейн поймет, что стены и рифы — недостаточная защита. Там, где ступит герцог, не найдется места для грабителей. На месте их костров вспыхнут пожары.

— Верлейн принадлежит Карстену? — спросил Саймон. Везде, где можно, он старался узнать об этом мире как можно больше.

— Дочь Верлейна должна выйти замуж за герцога. Эти чужеродцы считают, что право наследования переходит и к женщине! Поэтому герцог сможет претендовать на Верлейн и на все его богатства, добытые из моря, а главное — Верлейн дает возможность владеть береговой линией. Издавна мы шли на службу к торговцам, хотя море — это не наше поле битвы. Может нам и придется еще вмешаться, если понадобится.

— Вы оказывали помощь и людям Салкаркипа?

Птичья голова на шлеме резко кивнула.

— На кораблях салкаров мы прибыли из-за моря, гвардеец! И салкары имеют право ожидать нашей помощи.

— Сейчас она им уже не нужна! — Саймон не знал, почему он сказал это, он тут же пожалел, что сболтнул лишнее.

— Вы говорите то, что нам неизвестно, гвардеец. Наши соколы летают далеко, но все же не достигают северных пещер. Что случилось с Салкаркипом?

Саймон колебался, не зная, что и отвечать. В это самое время над ними повис сокол.

— Спрыгните на землю! — неожиданно приказал всадник. Саймон повиновался, и четверо гвардейцев остались на тропе, а фальконеры осторожно двинулись вперед. Корис подозвал к себе остальных.

— Засада,— он побежал за всадниками, вскинув топор: сильные ноги несли его быстро, и только Саймон не отставал от него. Впереди послышались крики и звон металла о металл.

— Силы Карстена? — выдохнул Саймон, поравнявшись с капитаном.

— Не думаю. В этой пустыне живут стоящие вне закона, и Малин говорит, что они наглеют. По-моему, это не все, что нам рассказали. Ализон угрожает с севера, Колдер шевелится на западе, ожили разбойничьи банды и пришел в движение

Карстен. Давно уже волки и ночные птицы мечтают вонзить когти в Эсткарп. Хотя они непрерывно ссорятся между собой из-за добычи. Некоторые люди переживают вечер и уходят во тьму, защищая остатки того, что для них свято.

— И это вечер Эсткарпа? — решился спросить Саймон.

— Кто может сказать? Ага, вот и они!

Они посмотрели вниз, на торговую дорогу. Там кипела битва. Всадники в птичьих шлемах спешились, потому что дорога была слишком узка для кавалерии. Они теснили разбойников. Но на склонах прятались снайперы и немало их стрел находили свою цель в теле фальконеров. Корис прыгнул в углубление, в котором скрывались два таких стрелка. Саймон, подобрав камень, обрушил его на противника, готовящегося вступить в схватку. Лишь одно мгновение потребовалось ему, чтобы отобрать у врага самострел и вступить в битву. С криком налетали соколы, клюя в лица и в глаза, раздирая тело жесткими когтями. Саймон выстрелил, прицелился и снова выстрелил, с угрюмым удовлетворением отметил, что попал. Горечь от поражения Салкаркипа рассеялась.

Послышался сигнал рога. Над долиной яростно заметался разорванный флаг, и те разбойники, которые все еще сопротивлялись, побежали и скрылись в скалах, где их не могли преследовать всадники. День быстро клонился к вечеру, и все вокруг заполнилось тенями. Скрыться от людей можно, но спрятаться от соколов гораздо труднее. Те камнем падали с неба, и крики в горах свидетельствовали о том, что они настигали добычу. Саймон увидел на дороге Кориса. Он что-то говорил фальконеру. Остальные сокольничьи ходили между телами, время от времени наклоняясь и нанося короткий удар мечом. Саймон занялся подгонкой вооружения, стараясь не смотреть на работу отряда смерти. На свист хозяев возвращались соколы под арку вечернего неба. Двоих раненых взгромоздили на спины пони, несколько фальконеров поместили в повозках, и товарищи поддерживали их. А потери разбойников были гораздо тяжелее.

Саймон снова сидел за фальконером, на сей раз за другим. Этот всадник не хотел разговаривать. Он был легко ранен и негромко бранился при каждом толчке. Ночь быстро спускалась на горы, вершины еще отражали солнечные лучи, а внизу уже сгустилась тьма. Дорога, по которой они теперь двигались, была гораздо шире и ровнее прежней. Она привела их к крутому подъему — здесь изгнанники-фальконеры устроили свой новый дом. Их крепость вызвала у Саймона возглас удивления. Его по-настоящему поразили древние стены Эсткарпа, созданные из костей земли в момент ее рождения. Салкаркип, хотя и закрытый неестественным туманом, производил впечатление могучей крепости. Но это была часть самого утеса, часть горы. Саймон решил, что строителям удалось найти утес, изрытый сетью пещер, которые были расширены и обработаны. Потому что Орлиное Гнездо было не замком, а горой, превращенной

в крепость. Они прошли по висячему мосту, переброшенному через пропасть, которую, к счастью, скрывала тьма. Мост был настолько узок, что двигаться по нему можно было только гуськом. Саймон перевел дыхание и только тогда понял, что они оказались уже в пещере. Он помог раненому фальконеру спешиться и оглянулся в поисках гвардейцев. Позади он увидел Такстона. Дальше шел Корис, а за ним Йивин. На какое-то время хозяева о них забыли. Лошадей увели, перед входом в коридоры каждый фальконер посадил своего сокола на кожаную перчатку. Наконец, один из птичьих шлемов повернулся к ним и сказал:

— Повелитель Крыльев будет говорить с вами, гвардейцы. Кровь и Хлеб, Меч и Щит к вашим услугам.

Корис подкинул топор, поймал его и повернул лезвие в сторону в знак приветствия.

— Меч и Щит, Кровь и Хлеб, хозяин соколов!

Саймон сел на узкой койке, зажав руками раскалывающуюся голову. Он видел сон, яркий и пугающий, и теперь мог вспомнить только ощущение ужаса. Проснувшись, он обнаружил себя в келье — складском помещении крепости фальконеров. Отчаянно болела голова. Но более важной казалась ему настоятельная необходимость повиноваться чьему-то приказу — или просьбе? Боль ослабла, но тревога не позволяла оставаться в постели. Саймон одел кожаную куртку, которую ему дали хозяева, и вышел, решив, что уже утро. Они уже пять дней находились в Орлином Гнезде, и Корис собирался пробираться на север, к Эсткарпу, через районы, занятые разбойниками. Саймон знал, что капитан хочет убедить фальконеров, что необходимо защищать северного соседа. В столице Эсткарпа он употребит все свое влияние, чтобы бойцы с птичьими головами могли участвовать в борьбе Эсткарпа. Падение Салкаркипа подняло суровых людей гор, и в их крепостях шла подготовка к войне. В нижних этажах необычной крепости техники готовили крошечные устройства, при помощи которых кружащаяся птица докладывала своему хозяину, что видно ей с высоты. Это была самая большая тайна нации, и Саймон знал только то, что это какое-то техническое устройство.

Саймон часто ошибался, оценивая людей этого странного мира. Те, кто вооружен мечами и щитами, не должны уметь производить сложные коммуникационные устройства. Эти же люди преуспевали во всем. Техника их удивляла его и сбивала с толку. Саймон гораздо легче принял «магию» колдовства, чем эти загадочные голоса птиц. Магия колдовства... Саймон взобрался по каменным ступеням на наблюдательный пункт. Туман рассеялся, и в свете раннего утра были видны горные цепи. Благодаря какой-то инженерной хитрости, он мог видеть далеко сквозь горы в том направлении, где, как он предполагал, находился Карстен. Карстен! Он задумался о судьбе этого герцогства и не заметил часового, пока тот не заговорил с ним.

— Вы к нам с сообщением, гвардеец?

Сообщение? Это слово включило какой-то невидимый рычаг в мозгу Саймона. На мгновение он снова ощутил боль и почувствовал, что необходимо действовать. Это было предчувствие, но не такое, как по пути в Салкаркип. Его не предупреждали, а вызывали. Корис и гвардейцы пусть едут на север, если хотят, а он должен двигаться на юг. Саймон отказался, позволил неизвестному чувству поглотить свое сознание.

— Приходили ли какие-нибудь сообщения с юга? — спросил он у часового.

— Спросите у Повелителя Крыльев, гвардеец.— Часовой насторожился. Саймон направился к лестнице.

— Спрошу!

Но прежде, чем идти к командиру фальконеров, он разыскал капитана. Корис был занят подготовкой к походу. Он поднял взгляд от седла.

— Что случилось? — спросил он.

— Смейтесь, если хотите,— коротко ответил Саймон,— но моя дорога лежит на юг.

Корис сел на край стола и ноги его в солдатских сапогах свесились.

— Почему вас влечет Карстен?

— Именно влечет! — Саймон пытался словами выразить свое ощущение. Он никогда не был красноречив, и сейчас ему было трудно.— Меня притягивает...

Маленький человек перестал болтать ногами. На его лице застыло непроницаемое выражение.

— С каких пор... и как это случилось с вами? — вопрос был быстрым и резким. Так приказывают, а не спрашивают.

Саймон сказал правду:

— Я видел сон, а когда проснулся, посмотрел в сторону Карстена и понял, что дорога моя лежит туда.

— А что было во сне?

— Опасность, больше я ничего не могу вспомнить.

Корис ударил кулаком о ладонь.

— Да будет так! Я хотел бы, чтоб аргументы были посолиднее. Но уж коль вы говорите, что вам снилось и только, я принимаю решение — мы идем на юг.

— Мы?

— Такстон и Йивин отвезут известие в Эсткарп. Колдер пока не может прорваться сквозь барьер Власти. И Такстон будет временно командовать гвардией. Послушайте, Саймон, я из Горма, а ведь Горм сражался и против гвардии, пусть даже этот Горм уже мертв и заселен демонами. Я служу верно Эсткарпу с тех пор, как Властительница приютила меня, и буду продолжать служить ей. Но теперь я могу принести пользу Эсткарпу, находясь далеко от него.

— Откуда мне знать...— У Кориса под глазами проступили темные круги, глаза были усталыми, их затянула пелена,— откуда мне знать, может из-за меня опасность ударит в самое сердце Эсткарпа. Я ведь из Горма. Мы видели, что

сделал Колдер с людьми, которых я хорошо знал. Кто может сказать, на что еще способны эти дьяволы? Они прилетели по воздуху и захватили Салкаркин.

— Но, может, здесь обошлось без колдовства,— прервал его Саймон.— В моем мире полеты в воздухе — самый обычный способ передвижения. Хотел бы я взглянуть на то, как они летают! Мне бы стало ясно многое.

Корис рассмеялся.

— Несомненно, у нас еще будет немало возможностей наблюдать за их полетами. Говорю вам, Саймон, если вас тянет на юг, для этого должна быть важная цель. А два меча или скорее, улыбкой извинился он, один топор и один самострел лучше, чем только один самострел. Ваше предчувствие — хорошее предзнаменование. Значит, та, что ехала с нами в Салкаркин, жива и продолжает бороться.

— Откуда вы знаете, что это именно она? — У Саймона давно возникло такое подозрение, но теперь оно было подкреплено уверенностью Кориса.

— Откуда? Владеющие Силой могут направлять ее через расстояния определенным участком мозга. Эти фальконеры, видимо, также общаются с птицами. Мне кажется, что та, кого вы спасали от погони в Ализоне, обращается к вам потому, что хорошо вас знает. Вы не плоть от нашей плоти, Саймон Трегарт, и похоже, в вашем мире Сила принадлежит не только женщинам. Разве вы не почувствовали засаду на береговой дороге, как настоящая колдунья? Да, я поеду с вами на юг, Саймон. Вам приснилось — и мне не нужно других доказательств. Кроме того, я сражался рядом с вами и знаю вас в деле. Вот только отдам приказания Такстону, и мы отправимся ловить крупную рыбу в беспокойных водах.

Они направились на юг, хорошо вооруженные, одетые в кольчуги со щитами без герба, и это означало, что они наемники и готовы поступить на службу. Фальконеры проводили их до края гор и вывели на торговую дорогу, ведущую в Карс. Саймон размышлял об опрометчивости их решения. Он еще не доверял своему чувству. Но тяга оставалось с ним днем и ночью, а кошмары больше не снились. И каждое утро он испытывал нетерпеливое желание двинуться в путь. В Карстене было много поселков, становившихся все больше и богаче, по мере того как путники углублялись в плодородные и равнинные земли вдоль широких рек. Не раз в небольших феодальных поместьях путникам с севера предлагали службу. Но в ответ Корис улыбался, и это лишь увеличивало уважение, с которым поглядывали на его топор. Саймон говорил мало и держался осторожно, запоминая местность, обычаи и законы Карстена. Когда они были одни, он задавал много вопросов капитану и тот рассказывал ему о землях и людях этого края. Некогда на территории герцогства жил народ, родственный жителям Эскарпа. И сейчас, время от времени, гордая темная голова,

бледное лицо с чеканными чертами напоминали Саймону о людях Севера.

— Проклятие Силы прикончило их здесь,— говорил Корис.

— Проклятие?

Капитан пожал плечами.

— Это происходит от сущности Силы. Тот, кто владеет ею, не имеет потомства. И с каждым годом число женщин, выходящих замуж и рождающих детей, становится все меньше. Так было и здесь. И вот, когда сильные варвары появились из-за моря и поселились на берегу, они не встретили особого сопротивления. Все больше и больше земель попадало в их руки. Старые роды отступили в отдаленную местность. С течением времени эта земля перешла к завоевателям. Так появились герцоги, а последний герцог — обычный наемник, и достиг всего он только благодаря своей хитрости и силе меча.

— То же ждет и Эсткарп?

— Возможно. Но в Эсткарпе кровь смешалась с кровью салкаров, которые одни, по-видимому, могут заключать браки и иметь от женщин Эсткарпа потомство. Поэтому на север влилась новая кровь. Нравится ли вам этот город, Саймон? Это Карт — холм на реке, дальше лежит только Карс.

— Значит, мы идем в Карс? — осторожно спросил Саймон, немного помолчав.— Я по-прежнему чувствую тяжесть.

Брови Кориса поднялись.

— Значит, нужно идти осторожно и внимательно следить за тем, что происходит вокруг. Хотя герцог и не очень высокого рода, но умом его природа не обделила. В Карсе немало глаз и ушей следят за каждым чужестранцем. Им задается множество вопросов. Это же будет и с нами, если мы немедленно не поступим под его знамена.

Саймон задумчиво смотрел на речные барки, раскачивающиеся на якорях у городской пристани.

— Но вряд ли ему понадобится раненый солдат. Разве в Карсе нет докторов? Разве они не лечат искалеченных в сражении? Допустим, воина, у которого от удара по голове пропало зрение?

— И верный товарищ привез его к врачам Карса? — рассмеялся Корис.— Да, прекрасная идея, Саймон. И кто же из нас раненый воин?

— Я думаю, это моя роль. Тем более, что я чаще ошибаюсь, а за слепым не так пристально следит наблюдатель герцога.

— Продадим здесь пони. Они слишком явно показывают, что мы с гор, а в Карсе к горам относятся подозрительно. Заплатим за проезд на одной из речных лодок. Идет.

Капитан продавал на берегу пони. Затем он прыгнул на баржу, где сидел Саймон. В руках его были странной формы куски металла, которые служили в герцогстве деньгами. Корис улыбнулся, ссыпая их себе в карман.

— У меня кровь торговца, и сегодня я доказал это,— сказал

он.— Хватит на то, чтобы сунуть в чью-нибудь жадную лапу в Карсе, если понадобится. Да и на продовольствие тоже останется.— Он снял с плеча мешок и топор, с которым не расставался с тех пор, как взял его из рук Вольта.

Два дня прошли в ленивом плавании по реке. Незадолго до второго заката, когда впереди показались стены и башни Карса, Саймон снова сжал голову руками. Боль вернулась и была сильной, как удар. Но тут же исчезла, оставив яркую картину плохо вымощенного переулка, стены и глубоко сидящей в ней двери. Это их цель, и находится она в Карсе.

— Ты это ясно видел, Саймон? — рука капитана опустилась на плечо товарища.

— Да,— Саймон закрыл глаза. Где-то в городе он должен найти этот переулок, эту стену и дверь и встретиться с той, которая ждет...

— Узкий переулок, стена, дверь...

Корис понял.

— Однако немного,— заметил он. Взгляд его устремился к городу, как будто он хотел силой воли сократить расстояние. Вскоре они приплыли в гавань под арку городской стены. Саймон медленно передвигался, играя роль слепца. Он старался идти с неуверенностью человека, который не доверяет собственному зрению. И хотя нервы его были напряжены, он был уверен, что успеет отыскать в городе нужный переулок. Нить, которая вела его через герцогство, превратилась в прочную веревку. Корис рассказал зевакам у ворот трогательную историю Саймона. Его рассказ, а также щедрый дар стражнику, открыли двум странникам вход в город. Капитан рассмеялся, когда они завернули за угол.

— Если б этот стражник служил в Эскарпе, его бы вышвырнули из крепости через две минуты. Ну и олух. Я слышал, что герцог изменился, начав править, но чтоб так распустить своих людей!

— Говорят, каждый человек стоит столько, сколько он стоит,— заметил Саймон.

— Верно. Мудрый командир знает цену каждому воину и использует их соответственно. А этих наемников можно купить дешево. Хотя, может, они будут храбро сражаться за того, кто им платит. Что это? — Он задал вопрос, потому что Саймон остановился и обернулся.

— Мы идем не туда. Нужно на восток.

Корис посмотрел вперед.

— Через четыре двери поворот. Вы уверены?

— Уверен.

На случай, если встретится им дежурный сержант, они шли медленно, и Корис вел Саймона. Свернули на восток, вышли на новую улицу. Саймон спрятался в подъезде, пока Корис проверял, не следят ли за ними. Несмотря на свою запоминающуюся внешность, капитан умел быть незаметным. Вскоре он вернулся.

— Если за нами следует ищейка, она опытнее, чем у нас в Эсткарпе. Но я не верю, что за нами следят. Идемте, пока нас не заметили и не запомнили. На восток?

Тупая боль в голове Саймона плыла и качалась. Он мог ориентироваться на нее, как на проводника — «горячо», «холодно». Затем особенно сильный приступ привел его к изогнутой улочке, и он вошел в нее. Она была, как колодец. Кругом были стены домов. Немногие окна были темны и занавешены. Они ускорили шаг, и Саймон поднимал глаза на каждое окно, опасаясь увидеть там чье-нибудь лицо. И вот она — дверь из его сна. Он дышал с трудом, остановившись перед дверью, но не от усталости, скорее от внутреннего напряжения. Постояв немного, Саймон негромко постучал. Не получив ответа, он ощутил странное разочарование. Толкнув дверь, он убедился, что она заперта.

— Вы уверены, что это она? — спросил Корис.

— Да! — То, что привело их сюда, ждало по ту сторону стены. Саймон отбросил осторожность и забарабанил в дверь. Корис схватил его за руку.

— Вы хотите собрать здесь все войско герцога? Посидим в таверне до вечера.

— Не нужно...

Корис поднял топор, рука Саймона легла на самострел. Дверь приоткрылась, и оттуда послышался голос. В щели двери они увидели юношу. Он был гораздо ниже Саймона, ниже даже Кориса и был очень строен. Верхнюю часть его лица скрывало забрало боевого шлема, на кольчуге не было никаких знаков. От Саймона он перевел взгляд на капитана и вид Кориса почему-то его успокоил. Он сделал шаг в сторону и показал, что можно войти. Они вошли в сад с высокими стеблями цветов на аккуратных клумбах, миновали сухой фонтан, на котором каменная птица с обломанным клювом бесконечно искала свое больше несуществующее отражение в воде. Еще одна дверь — в дом, а оттуда — поток света, как знак приветствия. Юноша задержался у калитки, закрывая ее. Но их ждали у входа в дом. Саймон видел эту женщину в рваном платье, когда она бежала от своры охотничьих псов. Видел ее в совете, в строгой одежде, соответствующей ее рангу. Он ехал рядом с ней, когда на ней была кольчуга гвардии. Теперь она была в алом и золотом, с алмазами на пальцах и жемчужной сеткой в волосах.

— Саймон! — она не протянула руки, приветствуя их, только произнесла имя, и он почувствовал теплоту и спокойствие.— И Корис. Вы пришли по просьбе мудрой женщины Карса?

Корис опустил топор, положил на пол седельные сумы, которые нес с собой.

— Скорее, по вашей просьбе. И теперь будем исполнять все, что вы прикажете. Рады узнать, что вы в безопасности, леди.

Саймон только кивнул. Снова он не мог найти слов, чтобы выразить свои чувства.

Корис со вздохом опустил свой кубок.

— Вначале постель, которой не может похвастаться ни одна казарма, затем такие два пира. В Эсткарпе я никогда не пил подобного вина и не пировал в такой прекрасной компании.

Колдунья захлопала в ладоши.

— Ах, какой ты льстец, Корис. А как вы терпеливы, мужчины. Ни один из вас ни разу не спросил, что мы делаем в Карсе, хотя провели под этой крышей ночь и полдня.

— Под этой крышей,— задумчиво повторил Саймон.— Это случайно не посольство Эсткарпа?

Она улыбнулась.

— Вы умны, Саймон. Но мы здесь неофициально. В Карсе есть посольство Эсткарпа, где живет лорд с безупречным происхождением, и рядом с ним ни намека на колдовство. Он обедает с герцогом во время празднеств и является блестящим воплощением респектабельности. Его дом помещается совсем в другом районе. А мы здесь занимаемся...

Она замолчала, а Корис сказал:

— Я думаю, наша помощь вам необходима, иначе у Саймона не болела бы так голова. Хотите ли вы, чтобы мы, доставив вам удовольствие, захватили Ивьяна или от нас потребуется разбить две-три головы?

Юношу, который двигался легко, говорил мало, но всегда находился рядом, колдунья называла Брайантом и не объясняла гвардейцам, кто он такой. Вот он протянул руку к блюду с пирожными. Без кольчуги и шлема он выглядел очень хрупким и слишком юным. Казалось, он не может владеть оружием, которое носит. Но решительная посадка головы, плотно сжатые губы, твердый подбородок говорили о том, что волшебница Эсткарпа мудро выбрала себе помощника.

— Итак, Брайант,— обратилась она к нему,— привести им Ивьяна сюда или не надо? — вопрос ее был по меньшей мере странноват. Юноша пожал плечами и занялся пирожными.

— Если вы сами хотите его видеть. Я не хочу.— Мужчины не заметили ударения на слове «я».

— Нет, не герцогом собираемся мы заняться. Другим членом его семьи — леди Алдис.

— Алдис! Вот новость...

— У нас дело к любовнице Ивьяна. Я хочу больше знать об Алдис. Мне необходимо, чтобы она пришла сюда.

— Эта женщина? — вмешался Саймон.

— Ее власть в герцогстве всячески укрепляет Ивьян. Пока она спит с ним, она здесь дама номер один. Ей нужна власть, а не наряды и драгоценности. Мужчины, которые делают карьеру, ищут через Алдис доступ к герцогу, даже если они принадлежат к старому дворянству. А что касается высокородных женщин — Алдис сурово отплатила им за старое пренебрежение. Вначале, когда на нее обратил внимание Ивьян, ей было достаточно нарядов и украшений, но теперь ей нужна только власть. Без нее она лишь шлюха в портовой таверне, и она это хорошо знает.

— А что Ивьян, он изменился? — поинтересовался Корис.

— Ну, прежде всего, Ивьян женился.

Саймон следил за рукой, протянутой к блюду. Она неожиданно поменяла направление и взяла кубок.

— Мы слышали в горах разговоры о его женитьбе на наследнице Верлейна.

— Брак на топоре,— объяснила колдунья мужчинам.— Он еще не видел своей новой жены.

— А нынешняя леди не боится соперничества. Неужели леди Верлейна так прекрасна? — небрежно спросил Саймон и уловил брошенный искоса взгляд Брайанта. Ответил юноша.

— Нет! — какая-то нотка в его голосе удивила Саймона и огорчила одновременно. Кто же такой Брайант, и где отыскала его колдунья? А может, мальчишка влюблен в наследницу Верлейна и теперь переживает свою потерю? Колдунья рассмеялась.

— Это тоже вопрос вкуса. Но, верно, Саймон, Алдис беспокойно ворочается по ночам, размышляя, долго ли еще Ивьян будет держать ее рядом. В таком настроении она созрела для наших целей.

— Я не понимаю, почему леди ищет именно нашей помощи? — спросил Саймон. Она с укором ответила ему:

— Хотя я и не ношу свои истинные цвета женщины Власти Эскарпа, у меня в этом городе уже есть некоторая репутация. И я здесь не в первый раз. Мужчины и женщины, особенно женщины, часто стремятся узнать свое будущее. За последние три дня сюда приходили две служанки Алдис под вымышленными именами и с ложными историями. Когда же я сказала им, кто они, и кое-что о них рассказала, они с испуганными лицами отправились к своей хозяйке. Она скоро придет.

— Но зачем она вам? Если ее влияние на Ивьяна кончается...— Корис покачал головой.— Я никогда не понимал женскую логику, а сейчас совсем запутался. Наш враг — Горм, а не Карстен, пока, во всяком случае.

— Горм! — беспокойство проступило на ее лице.— И здесь Горм может пустить свои корни.

— Что? — Руки Кориса тяжело опустились на стол.— Как Горм может добраться до герцогства?

— Есть один путь. Карстен обращается к Горму, по крайней мере, шлет туда часть своих войск,— колдунья опустила подбородок на сложенные руки, затем быстро заговорила: — Мы видели в Салкаркипе, что силы Колдера сделали с людьми Горма, используя их как свое оружие. Но Горм лишь небольшой остров, и, когда его завоевали, многие воины погибли в битве, прежде чем их смогли... покорить.

— Правда! — Голос Кориса звучал сурово.— Им не удалось там взять в плен слишком многих.

— Именно так. А когда пал Салкаркип, то Магнус Осберик прихватил с собой большую часть нападающих. Он исполнил долг своего народа. Большинство кораблей торгового флота

было в море, а по обычаю салкаров, моряки берут с собой в долгие путешествия семьи. Их гавань на континенте погибла, но народ жив и может построить новую. Но удастся ли Колдеру так легко восстановить свои утраченные силы?

— Должно быть, им не хватает людей!? — спросил Саймон.

— Скорее всего так оно и есть. По какой-то причине они не хотят или не могут выступать открыто. Мы очень мало знаем о колдерах, даже сейчас, когда они стучатся в наши двери. Теперь они покупают людей.

— Но из наемников получаются плохие бойцы,— заметил Саймон.— Дайте им оружие, и они восстанут.

— Саймон, Саймон, разве вы забыли о засаде на морском берегу? Готовы ли эти люди к восстанию? Нет, те, кто марширует под военные барабаны Колдера, не имеют собственной воли. Замечено вот что — в последнее время в гавань приходят корабли, и на них перевозят заключенных из тюрем Карса. Иногда хватают людей на улицах и в доках. Стараются нападать на одиноких, на тех, кого не ищут. Такие дела не могут долгое время быть тайной. Слово там, намек здесь — потихоньку начинает вырисовываться общая картина... Людей продают в Колдер. А если это происходит в Карстене, то почему не может происходить и в Ализоне? Теперь я уже понимаю, почему моя миссия там не удалась и как меня так быстро раскрыли. Если Колдер обладает определенной Властью — а мы считаем, что это так — он мог выследить меня, как те псы, что шли за мной по болотам. Мы знаем теперь, что Колдер в Горме собирает силы для вторжения на материк. А, возможно, вскоре и Карстен, и Ализон обнаружат, что создали оружие для собственного уничтожения. Поэтому мне нужна Алдис. Мы должны узнать больше об этой грязной торговле с Гормом, которая не может существовать без ведома и согласия Ивьяна. Корис неловко зашевелился.

— Солдаты тоже любят поболтать, леди. Если наемник с чистым щитом обойдет кабачки, он может принести немало новостей.

Она с сомнением посмотрела на него.

— Ивьян не глуп. У него всюду глаза и уши. Достаточно кому-нибудь узнать вас в таверне — и герцог тотчас будет оповещен об этом.

Корис отвечал на это совершенно спокойно.

— Разве наемник Корис из Горма не потерял своих людей и репутацию в Салкаркипе? Не сомневайтесь, у меня будет подготовлена правдивая версия для тех, кто станет расспрашивать. Вам,— он кивнул Саймону,— лучше затаиться здесь, если только наш рассказ разошелся по городу. А как насчет молодого человека? — он с улыбкой взглянул на Брайанта. К удивлению Саймона, юноша робко улыбнулся в ответ. Потом взглянул на колдунью. И, к еще большему удивлению Саймона, колдунья сказала с каким-то затаенным опасением.

— Брайант не знаком с казармами. Корис. Но он доста-

точно долго жил здесь. И мечом владеет превосходно. Я уверена, что он еще сумеет удивить вас — и не однажды!

— Корис рассмеялся.

— Не сомневаюсь, леди, раз вы говорите это.— Он потянулся за топором.

— Лучше оставить эту игрушку здесь,— предупредила она.— Ее-то уж точно приметят.— Она положила руку на рукоять. Пальцы ее как будто примерзли. Впервые, с той минуты, как они здесь появились, Корис увидел, что спокойствие покинуло ее.

— Что это у вас, Корис? — голос ее звучал резко.

— Вы же знаете, леди! Топор перешел ко мне по доброй воле от того, о ком сложены песни. И я защитил им свою жизнь.

Она отдернула руку, как будто обожглась.

— Пришло по доброй воле?

Корису не понравилось, что она сомневается.

— О таких делах я говорю только правду. Оружие пришло ко мне и будет служить только мне.

— Тогда тем более не следует брать его на улицы Карса.— Это был почти приказ, но в то же время и просьба.

— Тогда покажите надежное место, где я могу хранить топор,— с явным неудовольствием сказал Корис.

Она немного подумала, потерла пальцем нижнюю губу.

— Хорошо. Потом вы расскажете мне обо всем подробно, капитан. А сейчас пойдемте, я покажу вам самое безопасное место в этом доме.

Саймон и Корис пошли за ней в комнату, где стены были увешаны гобеленами, такими древними, что на них были выцветшие следы когда-то ярких изображений. Отогнув один из гобеленов, колдунья обнажила стену, на которой были нарисованы сказочные звери. В стене угадывался шкаф, колдунья открыла его и Корис оставил в нем свой топор. Точно так же, как Саймон увидел минувшие столетия в городе Эскарпе, точно так же, как он почувствовал присутствие потустороннего мира в склепе Вольта, он ощутил радиацию, которую излучала стена. Это смутное ощущение ужаснуло его. Но Корис положил топор, и колдунья закрыла шкаф, как будто это была простая дверь. Брайант со своим обычным невозмутимым видом задержался у входа. Почему Саймон ощутил это чувство? Когда все вышли, он задержался в странной комнате. Мебели в ней почти не было. Только стул черного дерева с высокой спинкой, привезенный сюда из какого-то зала для аудиенций. И напротив стула стоял скромный табурет. На полу между ними лежала непонятная коллекция вещей... Саймон принялся разглядывать их, надеясь найти разгадку. Вначале его внимание привлекла маленькая глиняная жаровня, в которой могла поместиться разве что пригоршня углей. Она стояла на гладко отполированной доске. Глиняная чашка с каким-то сероватым веществом и квадратная бутылка. Вот и все. Два сиденья и это странное собрание

предметов. Он не слышал, как вернулась колдунья, и вздрогнул, когда раздался ее голос:

— Кто вы, Саймон?

Их взгляды скрестились.

— Вы знаете. Я сказал вам правду в Эсткарпе. У вас есть свои способы отличить правду от вымысла.

— Есть. Вы действительно сказали правду. И все же я должна спросить вас, кто вы? На прибрежной дороге вы почувствовали засаду раньше, чем Сила предупредила меня. Но ведь вы — мужчина! — впервые самообладание покинуло ее.— А вы знаете, что делается здесь, вы чувствуете это!

— Нет. Я только знаю, что здесь присутствует что-то невидимое. Невидимое существует.

— Вот оно! — она свела кулаки.— Вы не можете это чувствовать, однако чувствуете! Я здесь использую свою Силу. Не всегда я использую ее, чтобы узнавать, что лежит в сердцах моих посетителей, и чего они желают. Три четверти моего дара — иллюзия. Я не вызываю демонов, не призываю заклинаниями другие миры. Но Сила все же есть, и иногда она приходит на мой призыв. Тогда я действительно могу творить чудеса. Я могу вызвать разрушение, хотя не всегда знаю, какую форму оно примет. Я могу делать это, могу на самом деле! Клянусь в этом своей жизнью!

— Я верю,— ответил Саймон.— И в моем мире происходят события, которые нельзя объяснить только логикой.

— У вас тоже это делают женщины?

— Нет. У нас это не зависит от пола. У меня под началом были мужчины, которые могли угадывать смерть, свою или чужую. Я знавал и дома, старые дома, в которых скрывалось что-то невидимое. Его нельзя ощутить. И все же оно там.

Она с удивлением смотрела на него. Потом ее рука начертила в воздухе какой-то знак. Он на мгновение вспыхнул.

— Вы видели? — Он видел. Но не успел понять, что это — заклинание проклятия или всплеск радости? У него не было времени на размышления. Раздался звонок.

— Алдис! И с нею охрана! — Колдунья пересекла комнату и отдернула гобелен, за которым Корис спрятал свой топор.— Пошли! — приказал она.— Они обыщут дом, как всегда это делают. Не нужно, чтобы они обнаружили ваше присутствие.— Она не дала ему времени на возражения, и Саймон обнаружил, что втиснут в узкий проем. Он понял, что это не шкаф, а укрытие для шпиона. В стене были отверстия для воздуха и глазки, через которые можно было видеть весь дом. Все произошло так быстро, что он не успел опомниться. Он уже собирался выйти, как обнаружил, что внутри нет щеколды. Его закрыли вместе с топором Вольта. Придется ждать, пока колдунья не выпустит его. С нарастающим раздражением Саймон прижался лбом к резной стене, чтобы лучше видна была комната. Он затаил дыхание. Вошла женщина. Вместе с ней вошли два солдата, которые тут же начали заглядывать во все углы и за

все занавеси. Колдунья рассмеялась, глядя на них. Потом через плечо бросила одному из них:

— Похоже, что только слова в Карсе недостаточно. Можно подумать, что этот дом и его обитатели заподозрены в темных делах? Ваши ищейки могут найти немного пыли, паутину — только. Я не очень хорошая хозяйка, признаюсь. Но они зря тратят время, леди.— В ее словах звучала насмешка. Саймон оценил ее остроумие. Так говорят взрослые о шалостях детей. После этого она намекнула, что можно заняться делами более важными, и как бы пригласила собеседницу повзрослеть.

— Хальсфрик! Доннар!

Воины вытянулись.

— Если вам необходимо кого-нибудь искать, делайте это в других комнатах. Оставьте нас наедине.

Воины встали по сторонам двери, в которую вошла женщина. Потом солдаты вышли, колдунья закрыла за ними дверь и повернулась к своей гостье. Та сбросила роскошный плащ, который горел на полу, как костер.

— Добро пожаловать, леди Алдис.

— Тратим зря время, женщина. Ты сама об этом говорила.— Слова звучали хрипло и вместе с тем как-то бархатно. Такой голос мог свести с ума мужчину.

Любовница Ивьяна вовсе не напоминала перезрелую и пышную портовую шлюху, с которой сравнивала ее колдунья. Это была юная девушка, еще не вполне уверенная в своих возможностях, со скромно прикрытыми маленькими высокими грудями. Женщина противоречий — резкая и спокойная в одно и то же время. Разглядывая ее, Саймон понял, как она могла долго и успешно удерживать при себе такого развратника, как герцог.

— Ты сказала Фирте...— снова резкая нота, обернутая в бархат.

— Я сказала вашей Фирте, что могу делать и что необходимо делать,— колдунья была так же резка, как и ее клиентка.— Вас это устраивает?

— Устроит, если ты докажешь, что обладаешь даром, и никак не раньше. Дай мне то, что обеспечит мне безопасность в Карсе, и тогда требуй плату.

— У вас странный способ заключать сделки, леди. Все преимущества на вашей стороне. Вы хотите диктовать?

Алдис улыбнулась.

— Но если ты обладаешь властью, как утверждаешь, мудрая женщина, то можешь не только помочь, но и заставить. Я для тебя в таком случае легкая добыча. Говори же, что я должна делать, и быстро: я могу доверять тем, снаружи, лишь пока держу их жизни в своих руках. Но в городе есть другие глаза и уши!

— Дайте мне вашу руку,— колдунья подняла с пола чашку, Алдис протянула украшенную кольцами руку, колдунья уколола ее иглой, взятой из платья, и капля крови упала в чашку.

Волшебница долила туда жидкости из бутылки и смешала все. Потом она раздула огонь в жаровне.

— Садитесь, она указала на табуретку. Когда Алдис села, колдунья положила ей на колени доску, а на нее поставила жаровню.

Колдунья запела. То неуловимое, что тревожило Саймона, когда она начертила в воздухе знак, теперь улетучилось из комнаты. Пение было божественным, оно изменяло мысли, перед глазами возникали миражи. Саймон прикусил губу. Магия для Алдис и ей подобных, но никак не для холодной чистоты Эскарпа. Она начинала действовать и на Саймона. Саймон заткнул уши, чтобы не слышать, не ощущать поднимающегося в его теле жара. Он отнял руки лишь тогда, когда увидел, что губы колдуньи перестали двигаться. Лицо Алдис порозовело, она смотрела невидящим взглядом, пока колдунья не сняла с ее колен доску с жаровней.

— Добавьте щепотку этого в его пищу или питье,— вся жизнь ушла из голоса колдуньи, она говорила, преодолевая усталость.

Алдис взяла у нее сверток и сунула его за лиф платья.

— Будь уверена, я правильно использую ее.— Она подхватила свой плащ и направилась к двери.— Дам тебе знать о результатах.

— Я узнаю сама, леди.

Алдис вышла, а колдунья продолжала стоять, держась за спинку стула, как будто нуждаясь в опоре. На ее лице выражение усталого отвращения смешивалось со стыдом, она понимала, что использовала дурные средства для достижения доброй цели.

Руки Кориса осторожно двигались, полируя лезвие топора шелковой тканью. Он потребовал свое сокровище сразу же, когда вернулся, и теперь, усевшись на подоконник и держа топор на коленях, говорил:

— ...он рванулся так, будто сам Колдер гнался за ним по пятам. Сержант пролил половину вина, за которое я заплатил. Этот парень уцепился за стол и заорал. Я ставлю недельное жалование за то, что в его рассказе есть зерно правды, хотя в целом это чепуха.

Саймон оглядел всех присутствующих. Он не ожидал, что колдунья удивится. Однако юноша, появившийся ниоткуда, был менее натренирован, и его поведение доказывало, что Саймон прав. Брайант слишком хорошо сдерживался. Тот, кто более опытен в науке убивания, разыграл бы удивление.

— Мне кажется, вас эта история, действительно, задела, леди,— оборвал Саймон рассказ капитана. Осторожность стала привычной, когда он общался с колдуньей после того, как вынужден был защищаться от нее при встрече с Алдис. Она чувствовала его отношение, но не делала попыток что-либо изменить.

— Рунольд в самом деле мертв,— слова ее звучали ровно.—

И умер он в Верлейне... Леди Лойз действительно исчезла. Так что эта часть рассказа вашего человека правдива, капитан.— Она обращалась скорее к Корису, нежели к Саймону.— Ну, а то, что это результат набега Эсткарпа — это, конечно, ерунда.

— Это я знаю, леди. У нас нет привычки убивать в постели. Но что, если за этой историей что-нибудь другое? Мы вас не расспрашиваем, но какова судьба гвардейцев, оказавшихся у рифов Верлейна?

Колдунья покачала головой.

— Насколько я знаю, капитан, вы и те, что были с вами — единственные, кто спасшись из Салкаркипа.

— Но такие разговоры могут послужить и поводом для нападения на Эсткарп.— Корис нахмурился.— Рунольд был приближенным Ивьяна. Не думаю, чтобы герцог спокойно воспринял его смерть. Он ведь знает о чудесах этой земли.

— Фальк! — это имя вырвалось у Брайанта, как стрела из самострела.— Это дело рук Фалька! — теперь лицо Брайанта стало достаточно выразительным.— Но ему придется считаться с Сириком и лордом Луартом! Я думаю, что сейчас Фалька многое заботит. А этот ваш щитоносец сообщил столько подробностей набега, что, должно быть, знаком с докладом, который завтра прочтут в крепости.

— Посланцы с моря недавно прибыли. И я слышал, как об этом говорили,— заметил Корис.

— С моря! — колдунья встала, ее алое с золотом платье зашуршало.— Фалька нельзя считать простаком, но есть в этих событиях нечто такое, что не позволяет считать их только желанием Фалька оградиться от мести герцога! — Глаза ее были мрачны, когда она холодно разглядывала своих собеседников. Она, быть может, сравнивала их силы с силами врагов.— Это мне не нравится. Конечно, следовало ожидать какого-нибудь сообщения из Верлейна: Фальку что-то надо рассказать герцогу в свое оправдание, иначе на него обрушатся камни его собственного замка. И он вполне способен привлечь на свою сторону Сирика и Луарта, чтобы они подтвердили его рассказ. Но события развиваются слишком быстро, слишком хорошо все организовано! Я готова поклясться...— Она расхаживала по комнате, алая юбка колыхалась вокруг нее.— Мы хозяйки иллюзий, но я готова поклясться Силой Эсткарпа, что эта буря не была иллюзией. Если только Колдер не овладел силами природы...,— теперь она стояла неподвижно, руки ее подлетели ко рту, как будто она хотела поймать вылетевшие слова,—...если Колдер овладел...,— она перешла на шепот.— Не могу поверить, что вы явились сюда по замыслу колдеров. Не смею верить в это! И все же...— она резко повернулась и подошла к Саймону.— Я знаю Брайанта, знаю, что он делает и почему. Я знаю и Кориса, знаю его желания. Но вас, человек из туманов Тора, вас я не знаю. Если вы не то, чем кажетесь, значит мы привели с собой свою судьбу.

Корис перестал полировать лезвие топора. Ткань упала на пол, руки сомкнулись на рукояти.

— Он был принят Властительницей,— сказал он спокойно, но внимание его сосредоточилось на Саймоне, как у дуэлянта, ожидающего выпада соперника.

— Да! — Колдунья была согласна с этим.— Однако мы найдем способ узнать, что от нас скрывает Колдер. Он пришел из тьмы и уже это подозрительно. Есть еще одно испытание.— Она сунула руку за воротник платья и извлекла тусклый камень, который всегда носила с собой. Несколько мгновений она держала его в руках, глядя на него, а затем сняла с шеи цепь и протянула Саймону.— Возьмите!

Корис вскрикнул и перехватил топор. Саймон взял камень в руки. При первом прикосновении он казался гладким и холодным, а затем начал согреваться, с каждой секундой становясь все теплее. Но жар его не обжигал. Только сам камень ожил, на его поверхности появились радужные вспышки.

— Я знала! — ее хриплый полушепот заполнил комнату.— Нет, не колдер! Не колдер — колдер не смог бы удержать без вреда пламя Силы. Добро пожаловать, брат по Силе! — она вновь начертила в воздухе символ, который засверкал так же ярко, как камень. Затем взяла у Саймона камень и снова спрятала его под платье.

— Он мужчина! Измени он внешность, мы бы это определили, не мог бы он дурачить нас в казарме,— первым заговорил Корис.— Но как может мужчина владеть Силой?

— Он мужчина, но из другого времени и пространства. Мы не можем знать, что происходит в других мирах. Я могу поклясться, что он не колдер. Может, именно он будет стоять перед Колдером в последней битве. А сейчас мы должны...

Тут послышался сигнал у ворот. Встревоженные Саймон и Корис посмотрели на колдунью. Брайант достал самострел.

— Это должно было случиться, хотя и произошло в неурочное время. Открой, но будь осторожен.

Корис и Саймон поспешили за Брайантом к воротам. Снаружи они слышали гул города. Саймон чувствовал, что нечто подобное он уже слышал. Корис выглядел встревоженным.

— Это толпа! Крики взбешенной толпы!

И Саймон, вспомнив красный ужас прошлого, кивнул. Он приготовил самострел, чтобы встретить стоявшего за дверью. Невозможно было ошибиться в происхождении вбежавшего. Кровоподтеки не смогли скрыть черт лица жителя Эсткарпа. Он упал, и Корис подхватил его на руки. Человек, которого держал Корис, улыбнулся, пытаясь заговорить. Оглушенные, они ничего не слышали. Брайант закрыл наружную дверь и Саймон и Корис помогли беглецу войти в дом. К этому времени он настолько оправился, что смог приветствовать колдунью. Она налила какую-то голубоватую жидкость в чашку и поднесла к его губам. Он выпил.

— Что с лордом Болтимором?

Он сел в кресло, которое они придвинули к нему.

— Вы слышали крики, леди? Это шел лорд: с ним шли все наши, кто сумел добраться до посольства... За остальными охотятся на улицах. Ивьян приказал трижды протрубить в рог против эсткарпцев и представителей древних родов.

— И против них тоже? — она прижала руки к вискам, как будто хотела облегчить невыносимую боль.— У нас совсем нет времени?

— Болтимор послал меня, чтобы предупредить вас. Вы хотите следовать за ним, леди?

— Пока нет.

— Те, против которых звучит сегодня рог, могут быть убиты на месте без всяких вопросов. В Карсе сегодня убивают легко,— бесстрастно добавил он.— Не знаю, можете ли вы рассчитывать на леди Алдис...

— Я вообще не рассчитываю на Алдис, Вортигин. Нас пятеро...— она вертела в руках чашку, глядя на Саймона. То, что мы должны сделать, больше, чем наши жизни. Если мы вовремя предупредим представителей старых родов во всем Карстене, они смогут добраться до границ Эсткарпа и пополнить ряды его бойцов. Кроме того, все, что мы узнали здесь, нужно сообщить в Эсткарп. Я не надеюсь на свою Силу — вы должны помочь мне.

— Но я не знаю, как... Я никогда не пользовался Силой...,— возразил Саймон.

— Вы можете поддержать меня. Это наша единственная надежда.

Корис отошел от окна, где он всматривался в сад.

— Надо изменить внешность?

— Это единственная возможность. Я не знаю, правда, долго ли вы сможете...? — Она передернула плечами.

Вортигин провел языком по губам.

— Выведите меня из этого проклятого города, и я подниму всю округу. У меня там немало родственников.

— Пошли! — Колдунья направилась в магическую комнату с занавесями. Все двинулись за ней, но у входа Корис остановился.

— Я понесу с собой то, что было мне дано. Сделайте так, чтобы я стал похож на того, кто владел топором Вольта.

— Я бы назвала вас дураком,— выпалила колдунья,— если бы не знала силу этого оружия. Изменить внешность можно только при помощи иллюзии. Что ж, давайте попробуем. Будьте готовы к этому.

Пока Корис и Саймон убирали стулья, она откинула в сторону ковер. Наклонившись, провела камнем несколько раз. Линии вспыхнули, образовав пятиконечную звезду. Корис неохотно положил топор в центр звезды. Колдунья заговорила, обращаясь к Саймону:

— Внешность на самом деле не меняется, это лишь иллюзия, которая должна сбить с толку тех, кто будет нас преследо-

вать. Я буду опираться на вашу помощь, чтобы увеличить свою Силу.— Она оглянулась, поставила рядом с топором жаровню и подула на угли.— Можно начинать. Приготовьтесь.

Корис схватил Саймона за руку.

— Раздевайтесь донага, иначе Сила не подействует! — он уже снимал свою куртку. Саймон повиновался, а затем они помогли раздеться Вортигину. Дым поднимался от жаровни, заполняя комнату красноватым туманом, в котором еле виднелась приземистая фигура Кориса.

— Встаньте у концов лучей звезды,— послышался из полутьмы приказ колдуньи.— А вы, Саймон, рядом со мной.

Он пошел на этот голос, потеряв в тумане Кориса. Из марева показалась белая рука и потянула его на прежнее место. Под ногами Саймон различил слабое мерцание звезды. Где-то далеко послышалось пение. Саймон заблудился в тумане. Но в то же время что-то согревало его изнутри. И эта теплота исходила от него, из его тела и плыла по правой руке. Саймон подумал, что он мог бы увидеть этот поток — кроваво-красный, теплый. Но он видел лишь серовато-красный туман и знал только, что его тело пульсирует. Пение становилось громче. Когда-то он уже слышал такое — тогда оно поднимало в нем вожделение, заставляло бороться с самим собой. Теперь оно действовало по-другому, и он не сопротивлялся. Он закрыл глаза, чтобы не видеть бесконечного кружения тумана, и стоял, настроившись на пение: каждая клеточка в его теле дрожала в такт мелодии, и по-прежнему теплый поток шел из его тела. Но вот рука его бессильно упала. Поток прекратился, пение смолкло. Саймон открыл глаза. В сплошном мареве образовались просветы. В одном из них он увидел голубое лицо. На этом лице блестели сардонические глаза Кориса. А немного дальше стоял другой человек. На его изъеденном язвами лице зияли пустые глазницы.

Капитан увидел, как ужаснулся Саймон и тоже посмотрел на своего соседа. Но вместо того, чтобы испугаться, он улыбнулся, обнажив гнилые, желтые зубы.

— Прекрасная компания получилась!

— Оденьтесь! — донесся приказ колдуньи из рассеивающегося мрака.— Сегодня вы вышли из притонов Карса, чтобы грабить и убивать. Такие, как вы, оживают при звуках рога.

Они оделись в рваную одежду, а Корис поднял с пола уже не топор Вольта, а ржавый металлический стержень с крючьями, назначения которых Саймон не мог угадать.

У Саймона не было зеркала, чтобы осмотреть свою новую внешность, но он догадывался, что выглядит не лучше, чем его товарищи. Он ожидал, что и колдунья и Брайант тоже будут выглядеть иначе. Однако, взглянув на них, ужаснулся. Саймон не думал, что они настолько изменятся: колдунья превратилась в старуху с грязными прядями седых волос, торчащими над согнутыми плечами. В ее лице появилась нечеловеческая злость.

А юноша, наоборот, стал гораздо красивее. Саймон с удивлением увидел девушку, одетую в кричаще алое, расшитое золотом платье. Насколько Брайант был бледен и бесцветен, настолько девушка была хороша собой. Она не затянула шнурки, стягивающие грудь. Старуха ткнула пальцем в Саймона:

— Это ваша добыча, смельчак. Взвалите красотку на плечо, а если устанете, то разбойники охотно отберут ее у вас. Играйте свою роль хорошо,— она толкнула мнимую девушку в спину так, что та влетела в объятия Саймона. Он подхватил ее и взвалил на плечо. Колдунья рассматривала их, как режиссер, ставящий спектакль. Затем она еще больше расстегнула корсаж девушки и стянула платье с молодого плеча. Саймон был поражен совершенством иллюзии. Он думал, что она затронет только зрение. Но он чувствовал, что держит женщину. И ему все время приходилось напоминать себе, что на самом деле это Брайант. Банды, которые грабили Карс, напоминали их компанию. И то, что они видели на пути к гавани, а помочь не могли, вынести было непросто. У ворот стояла стража. Они приблизились к воротам: Саймон нес свою жертву, сзади шли два других разбойника, а старуха ковыляла с мешком впереди. Она споткнулась и упала, содержимое мешка рассыпалось, и сверкающие камешки покатились по земле. Стражники ожили, офицер оттолкнул старуху. Но один из стражников сохранял спокойствие, а может его больше привлекла добыча Саймона. Он опустил перед Саймоном копье и улыбнулся, стоя по другую сторону этого барьера.

— Опусти на землю свой груз, оборванец. Она слишком хороша для твоего рыла! Пусть ее сначала отведает тот, кто достойнее тебя.

Ржавая палка Кориса вытянулась вперед, зацепила крюком ногу солдата. Тот растянулся, и они, миновав ворота, побежали к гавани, преследуемые стражниками.

— Туда! — Брайант вырвался из рук Саймона и прыгнул в воду, капитан последовал за ним и вынырнул рядом с алозолотым платьем. Вортигин бежал к воде, прихрамывая. А Саймон оглянулся, желая определить, куда запропастилась колдунья. В глубине гавани суетились люди. Взяв самострел наизготовку, Саймон побежал к ним. Несколько раз он останавливался, чтобы выстрелить, и ни разу не промахнулся. Саймон прибежал как раз вовремя. Старуха уже лежала на земле, и меч одного из солдат был готов опуститься на ее голову. Саймон выстрелил еще дважды. Потом он пустил в ход кулаки. Те, на кого он напал, с криком разбежались, а Саймон подхватил колдунью и с удивлением обнаружил, что она весит больше Брайанта. С колдуньей на плече он побежал к ближайшей барже. Старуха в его руках неожиданно ожила и начала вырываться, как будто ее в действительности похитили. Саймон потерял равновесие, и они оба упали. Удар о воду был довольно сильным, Саймон никак не ожидал такого удара. Он наглотался воды, закашлялся и стал барахтаться. Голова его поднялась над

поверхностью, он стал искать колдунью и увидел ее неподалеку. Она хорошо держалась на воде.

— Эй!

Этот возглас послышался с ближайшей баржи, которая плыла по течению. Из нее бросили веревку. Саймон и колдунья выбрались на палубу и увидели Кориса, который стоял у противоположного борта и яростно размахивал руками. Он махнул им и стал спускаться вниз. В маленькой лодке сидел Вортигин. Рядом лежал Брайант. Когда они спустились, Корис оттолкнул лодку от баржи, опираясь на палку с крючьями.

— Я думал, что вы погибли у ворот!

Саймон ответил:

— Здесь мы передохнем. Они подумают, что мы спрятались на барже. По крайней мере, будем на это надеяться. Но лучше попытаться как можно быстрее добраться на ту сторону.

Все согласились с этим. Брайант, наконец, выпрямился, но продолжал прятать лицо, как будто стыдился своей внешности. Колдунья, сидя на дне лодки, напряженно смотрела на противоположный берег. Им повезло: приближалась ночь. А Вортигин хорошо знал окрестности. Он сможет провести их по полям, минуя поселки, пока они не окажутся на достаточном удалении от Карса.

— Слышите, трижды протрубил рог. Это началась суматоха в Карсе. Город принадлежит герцогу. Но у древних семейств есть связи с нами, и они не любят Ивьяна. Они, может, и не помогут нам, но не помогут и людям герцога. Они просто закроют глаза и уши.

— Да, Карстен теперь не для нас,— согласилась колдунья. Надо предупредить людей старой расы, пока не поздно, чтобы они уходили к границе. Там им смогут помочь фальконеры... Ну, вот приближается ночь!

Саймон понимал, что она имеет в виду не только время суток, сгущавшее тьму над маленьким отрядом.

Саймон, Корис и Вортигин, зарывшись в стог влажной соломы, лежали в поле и наблюдали, что делается в деревушке у перекрестка дорог. Там виднелись яркие сине-зеленые мундиры солдат герцога. Их было четверо — хорошо вооруженных профессиональных вояк. Солдат окружали селяне в тусклых одеждах. Предводитель маленького отряда торжественно подъехал к столбу объявлений и поднес к губам рог. Утреннее солнце горело на серебряном вооружении.

— Раз... два... три...— Корис вслух считал сигналы рога. Они ясно слышали эти звуки, вся округа слышала их. Впрочем, то, что говорили люди герцога собравшимся, до них доносилось отрывочно. Корис взглянул на Вортигина.

— Как быстро распространяют вести. Вам лучше бы опередить их, чтобы успеть предупредить хоть кого-то из ваших родичей.

Вортигин вонзил в землю кинжал, как будто перед ним был сине-зеленый солдат.

— Но для этого мне нужна лошадь.

— Верно. А вот и нужные нам кони.— Корис ткнул пальцем в сторону отряда герцогских солдат.

— За этим селом дорога идет через небольшой лес,— вслух подумал Саймон.

Страшное лицо Кориса выразило злобное восхищение.

— Они скоро кончат. Нам лучше сматываться отсюда.

Они отползли от своего наблюдательного пункта, вброд перешли речку и отыскали за ней лесную дорогу. Дорога, уходящая на север, была запущена. В этих местах герцога не любили и древние поселенцы и простой люд. Порядка здесь не было. И кроме основной дороги, все пути были ничем иным, как тропинками. По обе стороны дороги возвышались холмы, поросшие кустами и травой. Места эти были небезопасными для любого путника, особенно, если этот путник одет в мундир герцогского солдата. Саймон укрылся за одним из холмов, Корис выбрал себе позицию ближе к реке, чтобы перекрыть отступление. Вортигин лежал напротив Саймона. Им оставалось только ждать.

А предводитель солдат не был законченным дураком. Один из его людей ехал впереди, внимательно вглядываясь в каждый куст, в каждый пучок подозрительно высокой травы. Он остановился между скрывающимися людьми, потом двинулся дальше. За ним двигался предводитель с рогом и еще один солдат, а четвертый замыкал колонну. Саймон выстрелил, когда последний солдат поравнялся с ним. Но упал от точного выстрела тот, что возглавлял шествие. Предводитель с искусством опытного всадника повернул лошадь и увидел, как падает, обливаясь кровью, замыкающий.

— Сал!... Сал!... Сал!...— вновь резко прозвучал боевой клич, который Саймон слышал в обреченной морской крепости. Стрела разорвала одежду и оцарапала плечо Саймона. У предводителя было кошачье зрение. Оставшийся в живых солдат старался прикрыть своего командира, но Вортигин приподнялся из-за своего укрытия и бросил кинжал. Оружие описало дугу и ударило солдата в затылок, он беззвучно упал. Копыта пронеслись в воздухе над головой Саймона. Лошадь потеряла равновесие и опрокинулась, подмяв под себя всадника. Корис выпрыгнул из укрытия и ударил своим посохом офицера, который уже почти не сопротивлялся.

Они быстро раздели всадников, успокоили лошадей. К счастью, упавшая лошадь поднялась на ноги, только испуганной, по-видимому, не раненой. Тела оттащили в кусты, а кольчуги, оружие, шлемы привязали к седлам, после чего отвели лошадей в заброшенную овчарню, где поселились эти странные путешественники.

В овчарне спор был в разгаре. Высохшая старуха и черноглазая красотка в алом платье, подбитом золотом, явно были недовольны друг другом. Но когда в проеме изгороди показался Саймон, они немедленно замолчали. И молчали до тех пор, пока разбойники не привели лошадей с багажом. Тут девушка вскрикнула и схватила сверток с кольчугой и кожаной одеждой.

— Я хочу вернуть себе свою истинную внешность — и немедленно! — выпалила она.

Саймон мог ее понять. В возрасте Брайанта роль, навязанная ему, была хуже, чем если бы его угнали в рабство. Никто из них не хотел быть уродцем, оставаться под маской, которую надела на них колдунья.

— Прекрасно! — одобрил он гнев Брайанта.— Можем ли мы измениться по своей — вернее, по вашей воле, леди? Или нужно выждать еще какое-то время?

Под спутанными седыми космами глаза колдуньи хмурились.

— Зачем тратить время? Мы еще недалеко ушли от людей Ивьяна. Наверное, с некоторыми из них вы успели выяснить отношения.

Брайант смотрел сердито, пухлые губы на девичьем лице были упрямо сжаты.

— Я ухожу отсюда таким, как я есть на самом деле, или остаюсь здесь навсегда,— заявил он и Саймон понял, что так оно и будет. Колдунья сдалась. Из-за рваного корсажа достала она мешочек и бросила его Брайанту.

— Иди к ручью. Намылься этим порошком. Но много не расходуй. Этого должно хватить на нас всех.

Брайант схватил мешочек и, прижимая к себе узел с одеждой, побежал к ручью, как будто боялся, что его остановят.

— А когда мы сделаем то же самое? — спросил Саймон, готовый двинуться за ушедшим.

Корис привязывал лошадей к ограде. Его разбойничье лицо было отвратительно, но он умудрился рассмеяться — веселее невозможно.

— Пусть малыш избавится от своих тряпок, Саймон. Он и так натерпелся. Попробуй-ка ходить в юбке.

— Юбке? — удивленно повторил Вортигин.— Но...

— Саймон не принадлежит к древней расе,— колдунья поскребла в волосах длинными ногтями.— Он не знает наших обычаев и того, как просто мы меняем внешность. Вы правы, Корис,— она искоса взглянула на капитана.— Брайанту нужно позволить переодеться в одиночестве.

Одежда, снятая со злополучных всадников герцога, свисала с юного воина, когда он, повеселев, вернулся от ручья. Брайант с ненавистью швырнул в угол алый сверток. Корис омыл старый посох, прежде чем окунуться самому. Он крепко держал топор Вольта, выходя из воды. Они выбрали себе одежду, а Корис надел кольчугу, принесенную из Карса: никакая другая не подошла бы ему. Поверх кольчуги он натянул куртку, то же сделали и его товарищи. Когда они вернулись, Корис протянул волшебнице мешочек, та несколько мгновений ласкала его в руках, затем вернула на прежнее место.

— Храбрая компания воинов, я ваша пленница. В шлемах и кольчугах вы не похожи на эсткарпцев. Только в вас, Вортигин, если присмотреться, видны черты древней расы. Но если меня увидят в истинном обличье, я вас немедленно выдам. Придется мне походить с этой внешностью.

Так они и отъехали от своего убежища — четверо воинов в мундирах герцога, и старуха, сидящая за Брайантом. Лошади были свежи, но всадники не торопили их: они избегали открытых мест, пока не добрались до дороги, с которой Вортигин должен был повернуть на восток.

— Ступайте по торговым дорогам,— волшебница наклонилась вперед, выглядывая из-за плеча Брайанта.— Если мы сумеем предупредить фальконеров, они беспрепятственно пустят беглецов через горы. Скажите своим людям, чтобы они все бросили, взяли с собой лишь оружие и пищу, сколько может взять лошадь. И пусть Сила будет с вами, Вортигин. Те, кого вы приведете, станут кровью в жилах Эсткарпа.

Корис снял с плеча рог.

— Это будет вашим паспортом, если вы столкнетесь с отрядом герцога. Счастья вам, брат, и, когда вернетесь, отыщите гвардию севера. У нас в арсенале найдется и для вас достойное оружие!

Вортигин отсалютовал и помчался на восток.

— А теперь?..— начала колдунья, обращаясь к Корису.

— Фальконеры.— Продолжил он.

Она засмеялась.

— Вы забыли, капитан: хотя я стара и сморщена, сок жизни вытек из меня, но все же я женщина, и крепости сокольничьих закрыты для меня. Переведите нас с Брайантом через границу, а сами ступайте на поиски ваших женоненавидящих птичьих людей. Поднимите их, если сможете. Граница, ощетинившаяся мечами, заставит Ивьяна призадуматься. А если фальконеры дадут нашим людям свободный проход через горы, мы будем у них в большом долгу. Только,— она указала на нашивки на груди Брайанта,— советую вам убрать это, иначе вы можете оказаться пригвожденными к дереву где-нибудь в горах, прежде чем успеете сказать, кто вы на самом деле.

Саймон заметил, что над ними кружит сокол и не удивился этому. А Корис тут же обратился к птице, назвав их настоящие имена и объясняя, что привело их на холмы. Саймон ехал сзади, капитан — впереди, а колдунья и Брайант — в середине. В полдень они расстались с Вортигином, а сейчас уже близился закат. В этот день они ели только то, что оказалось в седельных сумах всадников. Корис натянул поводья и подождал, пока остальные догонят его. Разговаривая с соколом, капитан повернулся лицом к горам, и Саймону показалось, что он чем-то озадачен.

— Мне это не нравится. Сообщение должно быть передано по коммуникатору птицы, а передовой отряд фальконеров должен находиться где-то поблизости. Он уже должен появиться.

Саймон беспокойно разглядывал склоны холмов.

— Мне кажется, не следует продвигаться дальше по этим ущельям в темноте к тому же без проводника. Если вас что-то смущает в этих птицах — тем более надо здесь переждать до рассвета. Я разбил бы лагерь в первом же подходящем месте.

Но тут заговорил Брайант, который все время внимательно наблюдал за кружащейся птицей.

— Он летит неправильно! — юноша опустил поводья и рукою

изобразил движения крыльев птицы.— Настоящая птица делает так — и сокол тоже, я много раз наблюдал за ними. А этот, смотрите — хлоп, хлоп, хлоп — это неверно!

Теперь все смотрели на кружащуюся птицу. Для глаза Саймона это был такой же черно-белый часовой, как тот, которого они увидели, выходя из склепа Вольта. Но он прекрасно знал и сам, что абсолютно ничего не знает о повадках птиц.

— Можно позвать его? — спросил Саймон Кориса.

Капитан вытянул губы, и раздался свист. В тот же момент Саймон поднял самострел. Корис закричал и ударил его по руке, но было поздно — выстрел уже был сделан. Они увидели, как черная стрела попала точно в белое пятно на груди птицы. Однако полет птицы не изменился, не было никаких признаков, что она ранена.

— Я же говорил вам, это не птица! — воскликнул Брайант.— Колдовство — вот что это такое!

Все взглянули на колдунью, ожидая что она что-то скажет. Но она молчала, внимательно следя за полетом птицы, которая с торчащей в груди стрелой, медленно летела над их головами по кругу.

— Это не Сила,— выдавила она из себя, как бы против воли.— Я не знаю, что это. Но как я понимаю — жизни тут нет.

— Колдер! — Корис плюнул.

Колдунья покачала головой.

— Если это и Колдер, то даже в основу тут не взято живое, как это было с людьми из Горма. Не знаю, совершенно не понимаю, в чем здесь дело.

— Надо заставить его спуститься. Он теперь гораздо ниже. Может быть стрела тянет его вниз,— сказал Саймон. Дайте мне ваш плащ, добавил он, обращаясь к колдунье, спешившись. Она протянула ему разорванный плащ, и, перебросив его через плечо, Саймон начал взбираться на холм, мимо которого шла дорога. Он видел, что круг птицы проходит вблизи холма, к тому же она все время снижалась. Саймон ждал, приготовив плащ. Он подбросил его, и птица попала в плащ, как в расставленную сеть. Когда Саймон попытался притянуть птицу к себе, та вырвалась и налетела на скалу прямо над его головой. Саймон прыгнул на нее. Крылья были настоящие, но что было под ними! Он присвистнул от удивления: под натянутой и прорванной кожей и разбитыми перьями виднелась сложная паутина мелких металлических проводков, крошечных колесиков, а также устройство, которое могло быть только мотором этой странной машины. С птицей в руках, он вернулся к товарищам.

— Вы уверены, что фальконеры используют только настоящих соколов? — спросил он у Кориса.

— Соколы для них священны.— Корис ткнул пальцем в систему деталей, его лицо выразило крайнее удивление.— Это не их выдумка.

— Но ведь кто-то запустил в воздух этих горных соколов,

которые не выращены, а изготовлены,— заметил Саймон.

Колдунья наклонилась и коснулась пальцами птицы, это же сделал Корис. Ее глаза встретились с глазами Саймона. В них был вопрос и озабоченность.

— Они из другого мира...— это прозвучало еле слышно.— Это порождение не наших колдунов, не нашего времени и пространства... Саймон, это чужое. Чужое...

Возглас Брайанта прервал ее. Он указал на вторую черно-белую птицу, спускающуюся кругами. Саймон потянулся за самострелом, но юноша спрыгнул с седла и ударил его по руке.

— Это настоящая птица.

Корис свистнул, сокол послушно сел на скалу рядом со спутниками.

— Корис из Эсткарпа,— заговорил капитан.— Пусть те, кто послал тебя, крылатый брат, придут сюда быстро, потому что здесь совершается большое зло, а впереди ждет нас, возможно, еще большее.

Он взмахнул рукой, и сокол тут же поднялся в воздух и направился к горам. Саймон положил механическую птицу в седельную суму. В Орлином Гнезде его заинтересовали коммуникационные устройства настоящих соколов. Техническое оборудование, точное и миниатюрное, требовало огромных знаний и было невозможно изобрести такое в средневековой крепости. Невозможно было открыть и искусственное освещение и обогревательную систему Эсткарпа или зданий в Салкаркипе. Непонятен был источник энергии, при помощи которой Осберик взорвал крепость. Может, это остатки древней цивилизации? Или все это попало сюда из другого мира? Саймон невидящими глазами смотрел в небо, размышляя над всем этим. Корис говорил о нечеловеческой расе Вольта, предшествующей человеческой. Может, это ее останки? А может, фальконеры и моряки Салкаркипа узнали то, что им было нужно, из другого источника, где-либо за морем? Саймон хотел бы получше рассмотреть поддельного сокола и определить, какой тип разума мог его создать. Фальконеры появились неожиданно, как будто вылезли из-под земли... Они ждали приближения отряда из Карса, не уступая дорогу и не приветствуя.

— Фальтьяр с южных гор,— Корис узнал их предводителя. Он снял с головы шлем, чтобы открыть лицо.— Я Корис из Эсткарпа, со мной гвардеец Саймон.

— И еще женщина! — ответ был холоден, и сокол на насесте Фальтьяра захлопал крыльями и закричал.

— Леди Эсткарпа, которую я обещал благополучно доставить до границы,— поправил Корис таким же холодным и резким голосом.— Мы не просим у вас убежища, но несем известие, которое должен услышать Повелитель Крыльев.

— Вы можете пройти через горы, гвардеец Эсткарпа. А новости можете передать мне: до восхода луны я перескажу их Повелителю Крыльев. Но вы говорили о зле теперешнем и о большем зле, которое последует. Неужели Карстен послал на нас своих солдат?

— Карстен трижды протрубил в рог. Все представители старой расы бегут, спасая свою жизнь. Но есть кое-что еще. Саймон, покажи ему поддельного сокола.

Саймону не хотелось этого делать. Лучше бы раньше самому как следует рассмотреть птицу. Но пришлось подчиниться. Горец осмотрел разбитую птицу, погладил крылья, дотронулся до открытого глаза, оттянул кожу, чтобы взглянуть на металлические детали.

— Она летала? — спросил он наконец, как будто не мог поверить собственным глазам.

— Летала, как ваши птицы, и следила за нами, совсем как ваши соколы.

Фальтьяр ласково провел по голове собственного сокола, как бы желая убедиться, что это живое существо, а не подделка.

— Действительно, большое зло. Вы должны сами говорить с Повелителем Крыльев! — он, очевидно, разрывался между древними обычаями своего народа и необходимостью немедленных действий.— Если бы не женщина, леди,— с усилием поправил он себя,— но она не может входить в Орлиное Гнездо.

— Я останусь с Брайантом,— заговорила колдунья,— а вы поезжайте в Орлиное Гнездо, капитан. Но говорю вам, птичий человек: близок день, когда нам придется отбросить многие обычаи, как в Эскарпе, так и в горах. Лучше жить и сражаться, чем быть связанными цепями предрассудков и умереть! Над вашими землями нависла небывалая угроза. И все люди доброй воли должны быть заодно.

Фальтьяр не смотрел на нее и не ответил. Но отдал салют с видом большой уступки... Затем сокол его с криком взлетел в воздух, а Фальтьяр заговорил, обращаясь к Корису:

— Лагерь будет устроен в безопасном месте. Поехали!

В воздух вздымался столб дыма, время от времени разрываемый вспышками огня. Саймон поднялся в стременах, оглядываясь на разбитое Карстенское войско — еще одна победа его небольшого, но хорошо обученного и снаряженного отряда. Долго ли будет им везти, никто не мог сказать. Но пока им везло, и они нападали, давая возможность спастись темноволосым людям со строгими чертами лица, которые приходили семьями, отрядами и в одиночку. Вортигин проделал хорошую работу. Древняя раса, вернее, то, что от нее осталось, через открытые фальконерами границы уходила в Эскарп. Люди, не обремененные семьями, горящие желанием снова встретиться с силами Карстена, оставались в горах и пополняли отряды Кориса и Саймона, а потом одного Саймона, потому что капитан гвардии был отозван на север, в Эскарп. Это была партизанская война, которую так хорошо изучил Саймон в другое время и в другом мире, вдвойне эффективная, так как его люди знали местность, а солдаты Карстена — нет. Саймон обнаружил, что эти молчаливые люди, что ехали теперь за ним, составляли странное един-

ство не только с землей, но и со зверями и птицами... Возможно, звери не подчинялись им, как тренированные соколы фальконеров, но Саймон заметил странную закономерность: стада оленей затаптывали следы лошадей, вороны выдавали карстеновские засады. Теперь перед каждым действием Саймон выслушивал своих сержантов и принимал во внимание их советы. Древняя раса не была рождена для войн, хотя прекрасно владела оружием. Для ее людей это была тяжелая обязанность, которую нужно выполнить, чтобы потом побыстрее забыть. Они убивали с отвращением и не были способны на жестокость. А ведь с захваченными в плен Карстен расправлялся очень жестоко. Однажды, когда Саймон отвел взгляд от кровавой сцены, его поразило замечание помощника, молодого человека с печальным лицом.

— Они делают это не по своей воле.— Сказал юноша.

— Я видел такое и раньше,— ответил Саймон,— но тогда человека убивала машина.

Помощник, перебежавший к Саймону всего тридцать дней назад, покачал головой.

— Ивьян — солдат, наемник. Война — его профессия. Но убивать таким образом — это только породить ненависть! Ивьян — хозяин своей земли, он слишком умен, чтобы уничтожить собственное добро. Он не мог отдать приказ совершать такие злодеяния.

— Но мы не впервые видим их. Действительно, все это не может быть результатом приказа одного-двух садистов.

— Верно. Поэтому я и думаю, что мы сражаемся с одержимыми.

Одержимые! Саймон подумал о старом значении этого слова в его собственном мире — одержимые злым духом. Что ж, можно понять этого человека после того, что он видел. Одержимые злым духом — и лишенные собственной души! И снова Колдер! Отныне, хотя это ему и претило, Саймон вел записи о жестоких событиях. Впрочем, ему ни разу не удалось застать преступников за работой. Ему хотелось поговорить об этом с колдуньей, но она и Брайант ушли с первой волной беглецов. Он потребовал от сети партизанских отрядов регулярной информации. И по вечерам в очередной штаб-квартире сравнивал сводки. Конкретного было немного, но постепенно Саймон все более убеждался, что командиры карстенских отрядов действуют не в своей обычной манере, и что в армию герцога проникло чье-то чужое влияние.

Чужаки! Несоответствие технических знаний устройству общества продолжало занимать Саймона. Беглецы, которых он расспрашивал, рассказывали, что энергетические машины, которые они знали, пришли «из-за моря» несколько веков назад, машины салкарских моряков, заимствованные древней расой для освещения и отопления — тоже «из-за моря», фальконеры сами приплыли «из-за моря» и привезли с собой удивительные коммуникационные приспособления для своих соколов. А колдеры, ведь они тоже появились «из-за моря». Что же это за земля такая — «из-за моря»? Похоже, источник всего удивительно-

го — там, в этом неведомом краю. Свои сведения он передавал колдуньям в Эсткарп. И сам просил их поддерживать с ним связь. И о нем не забывали. Он был уверен; пока его пополнение приходит из древней расы, ему нечего бояться чужаков. Еще три поддельных сокола встретились ему в горах. К сожалению, их не удалось поймать целыми, и Саймон мог рассматривать лишь обломки. Оставалось загадкой, откуда они прилетали и с какой целью. Ингвальд, помощник Саймона, следовал за ним по пятам.

— Главный отряд с трофеями уже далеко в горах, капитан. Там четыре ящика стрел и пища.

— Слишком много для легкого отряда.— И Саймон нахмурился. Он думал о неприятеле.— Похоже, Ивьян собирается устроить главную стоянку где-то поблизости и здесь базировать свои отряды. Возможно, он собирается двинуть к границам большие силы.

— Я не понимаю этого,— рассуждал Ингвальд.— Почему вспыхнула бойня из ничего? Мы не были кровными братьями берегового народа. Они оттеснили нас вглубь, когда приплыли из-за моря. Но десять поколений мы жили с ними в мире, каждый шел своим путем и не мешал другому. Мы не готовились к войне, ведь не было никаких причин для внезапного нападения на нас. Но когда это началось, то шло так, словно давно готовилось.

— Однако, возможно, вовсе и не Ивьяном,— Саймон вел свою лошадь рядом с лошадью Ингвальда.— Мне нужен язык, Ингвальд, один из тех, кто развлекается там, у фермы.

В темных глазах Ингвальда вспыхнули искры.

— Первого пленника, капитан, приведут к вам.

— Живого и способного говорить! — предупредил Саймон.

— Живого и способного говорить,— согласился Ингвальд.— Мы тоже считаем, что у них можно кое-что узнать. Но мы их никогда не видели. Где бы мы не появлялись, мы находим то, что они сделали, а не их самих. Они показывают нам свою работу и, мне кажется, делают это сознательно. Чтобы предупредить и испугать нас.

— Загадочно,— размышлял Саймон вслух, снова обдумывая события, его волновавшие.— По-видимому, кто-то считает, что нас можно запугать жестокостью. Этот кто-то не понимает, что такими методами вызывает как раз противоположную реакцию. Или,— добавил он после долгого молчания,— это делается нарочно, чтобы разъярить нас и направить нашу ярость против Ивьяна и Карстена, поджечь границу, втянуть Эсткарп в войну, а потом ударить в другом месте.

— Возможно, и то, и другое,— заметил Ингвальд.— Я знаю, капитан, что вы ищете чье-то присутствие в войсках Карстена, слышал я и о находке в Салкаркипе, и о продаже людей в Горм. Мы не боимся всего этого, так как знаем, когда приходит ненастоящий человек. Мы ведь и о вас знаем, что вы пришли к нам из другого мира.

Саймон удивленно обернулся и увидел, что собеседник спокойно улыбается.

— Да, пришелец из другого мира, ваш рассказ известен, но уже после того, как мы поняли, что вы не наш. В то же время вы каким-то странным образом сродни нам. Нет, колдер не может так легко говорить в наших советах. Не может враг жить и среди фальконеров: соколы чувствуют его присутствие.

— Как это?

— Птица или зверь скорее ощущают присутствие чужого, чем даже те, кто обладает Силой. Так соколы из Орлиного Гнезда служат своим хозяевам и тут, охраняя не только пространство своих хозяев, но и их время.

Однако в этот день Саймону довелось узнать, что хваленая безопасность границ не более прочна, чем хрупкое птичье тело. Они осматривали добычу, и Саймон велел отложить в сторону то, что было предназначено для Орлиного Гнезда, когда услышал окрик часового и ответ фальконера. Радуясь возможности отправить сокольничьим их долю и тем самым высвободить своих людей, Саймон выехал вперед. Всадник не соблюдал обычаев. Его птичий шлем был закрыт, как будто он находился среди врагов. И не только это заставило Саймона остановиться. Люди его отряда встревожились и собрались в круг. Саймон тоже почувствовал холодок недоверия. Он подъехал к молчаливому всаднику и, не вступая в объяснения, схватил его за оружейный пояс. То, что произошло дальше, удивило Саймона. Сокол, сидевший на луке седла, не поднялся при нападении на своего хозяина. Саймон захватил фальконера врасплох, и тот не успел даже выхватить оружие. Но он быстро пришел в себя, всем телом навалился на Саймона, увлекая его за собой на землю, где одетые в металл рукавицы потянулись к горлу Саймона. Это было похоже на борьбу со стальной машиной, и Саймон уже через несколько секунд знал, что пытается совершить невозможное: справиться голыми руками с металлом, который находился под личиной фальконера.

Однако, к счастью, рядом с капитаном были его солдаты. Их руки схватили противника, прижали его к земле, хотя незнакомец яростно отбивался. Саймон встал на колени.

— Снимите с него шлем! — Ингвальд занялся ремнями шлема и с трудом распутал их. Они собрались вокруг прижатого к земле незнакомца, который не переставал отбиваться. У фальконеров были типичные черты: рыжеватые волосы и желто-карие глаза, как и у их пернатых слуг. Внешне пленник был настоящим фальконером. Но Саймон, как и все собравшиеся на поляне, знали, что он не подлинный житель горной страны.

— Крепко свяжите его,— сказал Саймон.— Я думаю, Ингвальд, мы нашли то, что искали.— Он подошел к лошади, которая принесла псевдофальконера в их лагерь. Шкура животного блестела от пота, клочья пены свисали с углов рта: лошадь, должно быть, выдержала изнурительную поездку. Глаза у нее

были дикие. Но когда Саймон потянулся к узде, она не попыталась бежать и стояла с опущенной головой, дрожь пробегала по ее телу. Сокол оставался спокойным, не взмахивал крыльями, не нацеливался на Саймона клювом. Саймон снял птицу с насеста и в ту же минуту понял, что держит нежное существо. Так с птицей в руке, удивленный, он и обернулся к Ингвальду.

— Ингвальд, отправьте Латорна и Карна,— он назвал двух лучших разведчиков своего отряда.— Пусть едут в Орлиное Гнездо. Мы должны знать, как далеко проникла зараза. Если они увидят, что там все нормально, то пусть предупредят. А в доказательство пусть возьмут это,— он наклонился и подобрал птичий шлем.— Я думаю, это подлинная работа колдсров.— Он подошел к связанному человеку, на этот раз лежавшему неподвижно, но глядевшему на него с бешеной ненавистью.— Я не могу поверить, что это один из них.

— А мы не возьмем его с собой? — спросил Кари.— Или хотя бы птицу?

— Нет, их нужно сохранить в безопасном месте.

— Пещера у водопада, капитан,— это заговорил Уолдис, юноша из дома Ингвальда, ушедший в горы вместе с хозяином.— Часовой у входа посторожит его, и никто, кроме нас, не будет об этом знать.

— Хорошо. Присмотрите за этим, Ингвальд.

— А вы, капитан?

— Я хочу посмотреть, откуда он пришел. Возможно, след его идет из Орлиного Гнезда. Если это так, то чем быстрее мы все узнаем, тем лучше.

— Я так не думаю, капитан. Если даже он из Гнезда, то приехал не прямым путем. Мы находимся к западу от крепости. А он появился со стороны моря. Санту,— он обратился к одному из тех, кто связывал пленника,— займите пост на этой тропе и пришлите к нам Калуфа, который первым окликнул его.

Саймон надел седло на свою лошадь и добавил лишнюю суму с продуктами. Сверху он положил поддельного сокола. Пока он не мог сказать, было ли это еще одно летающее устройство. Он закончил сборы, когда подбежал Калуф.

— Вы уверены, что он подъехал с запада? — спросил у него Саймон.

— Могу поклясться на камне Лигиса, если хотите, капитан. Сокольничьи не держатся у моря, хотя временами и служат моряками. Я никогда не слышал, что они патрулируют морской берег. А он появился как раз между двумя скалами, откуда дорога ведет к той бухточке, которую мы обнаружили пять дней назад. И двигался он так, как будто хорошо знал дорогу.

Саймон встревожился. Бухточка — их недавнее открытие — давала надежду на установление лучших связей с севером. Здесь не было рифов и мелей, которые тянулись вдоль всей береговой линии. И Саймон собирался использовать небольшие суда, переправляя на север беглецов и привозя взамен продо-

вольствие и оружие для охраны границ. Если бухточка в руках врага, он должен знать об этом немедленно. Саймон ехал в сопровождении Калуфа и еще нескольких солдат и отмечал детали местности, которые позже можно использовать в наступательных и оборонительных действиях. Но, решая вещи обычные, он продолжал думать о другом. Некогда в тюрьме у него была возможность исследовать самого себя. И он углубился в такие отдаленные области души, которые никогда не открывались свету. Страх он понимал. Это было преходящее чувство, которое обычно побуждало его к действию. Однажды он поверил, что за воротами Петрониуса он станет свободным человеком. Этого не произошло. Ингвальд говорит об одержимых злым духом, но что, если человек не владеет собой? Саймон как бы раздвоился. Он постоянно следил за собой, как со стороны. Чужак — люди чувствовали в нем это. Может, это еще одна странность мира, такая же, как загадка Колдера? Саймон почувствовал, что находится на грани какого-то открытия.

Но мысли были остановлены, когда он увидел ветвь дерева, изогнутую горной бурей, лишенную листвы. Она чернела, выделяясь на фоне неба, а то, что висело на ней, было еще чернее. Саймон смотрел на три маленьких тела, раскачивающихся на ветру, на их разинутые клювы, блестящие бусинки глаз, на изогнутые когти, на которых по-прежнему виднелись алые ленты и серебряные кольца. Три настоящих сокола со свернутыми шеями.

— Зачем это сделали? — спросил Калуф.

— Снова предупреждение,— Саймон спешился и передал поводья Калуфу.— Подождите здесь. Если я не вернусь вскоре, возвращайтесь к Ингвальду и доложите о происшедшем. Не ходите за мной, мы не можем зря терять людей.

Солдаты возражали, но Саймон решительно остановил их. Осмотрев кусты, он увидел следы множества людей, сломанные ветки, вырванную, вытоптанную траву, обрывок какой-то ткани. Он приблизился к берегу: стал слышен звук прибоя, доносившийся от бухточки. Саймон дважды бывал на этой тропе, и сейчас пытался мысленно представить себе картину местности. Долина, выходившая к бухточке, была лишена всякой растительности. Утесы по обе стороны лысые. Придется все же использовать один из этих утесов, хотя это будет нелегко. Саймон упрямо двинулся вперед. Как когда-то из склепа Вольта, он пробирался ползком, цепляясь за любую опору. Вот он подполз на животе к краю обрыва и заглянул в бухточку. Он ожидал увидеть многое: голую полоску песка без следа чьего-то присутствия, а может, отряд Карстена или стоящий на якоре корабль. Но увидел он совсем другое. Вначале он решил, что это одна из иллюзий Эсткарпа. Затем подумал, что картина рождена каким-то воспоминанием. Но более пристальный взгляд показал, что изогнутый металлический корпус, который он видит, напоминает что-то знакомое, и в то же время отличается от всего, что он когда-нибудь видел. Так поддельный сокол отличается

от настоящего сокола. Очевидно, он смотрел на морской корабль, хотя никаких надстроек или мачт не было видно. Непонятно, как движется это судно. Нос и корма были резко заострены, весь корабль по форме напоминал торпеду. На плоской поверхности корпуса виднелось отверстие, рядом с которым стояли три человека. На голове у них были птичьи шлемы, но Саймон был уверен, что это ненастоящие фальконеры. Опять вечная загадка этой цивилизации, ведь корабли салкаров парусные. Еще не пришло время механики. Этот корабль снова явился из будущего его собственного мира! Как могут существовать два таких различных уровня цивилизации? И здесь Колдер? Чуждое, чуждое. Саймон чувствовал, что еще немного — и он что-то поймет, до чего-то додумается.

Он забыл об осторожности. Только прочный шлем, добытый им в Карстене, спас ему жизнь. Удар оглушил Саймона. Он вдохнул запах влажных перьев, чего-то еще, полуслепой, он пытался встать, но получил еще один удар. На этот раз он увидел крыло врага. Сокол... Но подлинный или ложный? Этот вопрос он унес в сомкнувшуюся вокруг него тьму.

Тупая боль заполняла голову, разливалась по телу. Вначале Саймон неохотно приходил в сознание. Невозможно было вынести эту тупую боль. Он понял, что она не только внутри него, но и заполняет пространство вокруг него. То, на чем он лежал, равномерно вибрировало. Он заключен в черном сердце тамтама. Открыв глаза, он не увидел света, а попытавшись двинуться, обнаружил, что руки и ноги у него связаны. Ощущение того, что он заперт в гробу, стало таким сильным, что Саймон прикусил губу, чтобы не закричать. Он так отчаянно сражался с неизвестным, что, спустя какое-то мгновение обнаружил, что он не один. Справа от него кто-то время от времени слабо стонал. Слева кого-то рвало и от этого добавлялось зловоние в их душной камере. Неожиданно Саймон почувствовал странное спокойствие. Он позвал:

— Эй, кто-нибудь! Где мы?

Стон прекратился. Но человек слева не отвечал.

— Кто вы? — слабый шепот донесся справа.

— Я с гор. А вы? Это тюрьма Карстена?

— Лучше бы мы были там, человек с гор! Я бывал в подземельях Карстена. Да и в комнате допросов тоже. Но лучше быть там, чем здесь.

Саймон напряженно вспоминал последние события. Он взобрался на вершину утеса, чтобы заглянуть в бухточку. Там находился странный корабль, потом нападение птицы, которая, вероятно, вовсе не была птицей. Ответ может быть только один — он лежит в том самом корабле, на который смотрел сверху.

— Мы в руках тех, кто скупает людей для Горма? — спросил он.

— Именно так, горный человек. Вас не было с нами, когда

дьяволы Ивьяна отдали нас Колдеру. Значит, вы один из фальконеров, которых захватили позже.

— Фальконеры! Эй, люди крылатых! — Саймон возвысил голос, слыша, как эхо глухо возвращается, отражаясь от невидимых стен.— Сколько вас лежит здесь? Я, один из всадников, спрашиваю вас!

— Нас трое, всадник, хотя Фальтьяра бросили сюда без чувств, и мы не знаем, жив ли он.

— Фальтьяр! Страж южных проходов! Как его захватили? Как сюда попали вы?

— Мы узнали о бухте, куда могут приставать корабли, а вскоре прибыл вестник из Эсткарпа. Он сообщил, что нам могут доставить припасы морем, если есть где высадиться. Поэтому Повелитель Крыльев приказал нам отыскать бухту. Нас сбили соколы. Это были не наши соколы. Очнулись мы на берегу, без кольчуг и без оружия, нас втащили на корабль, подобного которому нет нигде в мире. Это говорю я, Тандис, который пять лет служил моряком у салкаров. Много портов видел я и столько кораблей, что не пересчитать за неделю, но такого нигде не было.

— Он рожден колдовством Колдера,— послышался голос справа от Саймона.— Как может человек определить время, если он заключен в бесконечной тьме? Ночь сейчас или день? А если день, то он сегодняшний или уже завтра? Я сидел в тюрьме Карса, за то, что приютил женщину и ребенка древней расы, когда прозвучал рог. Всех молодых взяли из тюрьмы и привели на остров в дельте реки. Там нас осмотрели.

— Кто осмотрел? — живо спросил Саймон. Неужели наконец кто-то видел загадочных колдеров?

— Не помню.— Голос звучал теперь еле слышно, и Саймон напрягал слух, чтобы уловить смысл.— У них какое-то колдовство, у этих людей из Горма: голова начинает кружиться, и все мысли из нее вылетают. Говорят, они демоны из окраины мира, и я верю в это.

— А вы, фальконер, видели ли вы тех, кто захватил вас?

— Да, но это мало что даст вам, всадник. Нас притащили сюда люди Карстена — оболочки без разума, сильные руки и спины для их хозяев. А хозяева одели нашу одежду, чтобы лучше одурачить наших друзей.

— Мы поймали одного такого,— сказал Саймон.— И за это надо благодарить судьбу. Сокольничьим, может, хоть что-то удастся разгадать.— Только тут Саймон подумал, а не имеют ли эти стены уши, которые слушают разговоры беспомощных пленников. Пусть слушают. Может хоть в этом случае их похитители почувствуют беспокойство. В трюме лежали десять карстенцев — все бывшие заключенные, арестованные за нарушение приказов герцога. К ним добавилось трое фальконеров, захваченных в бухте. Большинство пленников были без сознания. Если они и могли вспомнить прошлые события, то их воспоминания заканчивались тем, что они прибыли на остров

или увидели бухту. Саймон продолжал расспросы, и вскоре понял, что судьбы узников герцога — схожи. Все они были предприимчивыми людьми с определенной военной подготовкой. Фальконеры постоянно жили в монастырских военных казармах. Их занятием была война. Собеседник Саймона был мелким землевладельцем из Карса. Но и он командовал отрядом милиции. Всем им было от двадцати до тридцати лет и, несмотря на грубое обращение в тюрьмах Карса, они были в неплохой физической форме. Двое принадлежали к обедневшему дворянству и получили некоторое образование. Они были братьями, их захватили солдаты Ивьяна, обвинив в том же преступлении — помощи древней расе. Никто из пленников не относился к древней расе. Все единодушно утверждали, что по всему герцогству мужчин, женщин и детей древней расы в плен не брали. Их сразу же убивали. Саймону удалось расшевелить одного из холодных дворян. Неожиданно он сообщил капитану очень важную вещь.

— Мы с Ренстоном, человеком древней расы, бежали в сторону границы. Солдаты выследили нас. Их было очень много. Троих мы убили. Остальные набросились на нас и стали связывать. Когда один из них связывал Ренстона, другой сказал, что это бесполезно, покупатели не берут людей древней расы. Тот начал убеждать, что Ренстон так же молод и силен, как и мы, и его можно продать. Но солдат герцога заявил, что старую расу можно сломать, но не согнуть, и пронзил Ренстона его собственным мечом.

— Сломать, но не согнуть,— повторил Саймон.

— Древняя раса в родстве с эсткарпцами,— добавил дворянин.— Эти дьяволы из Горма не могут справиться с нею так легко, как с другими.

— Но почему Ивьян так обрушился на них? — спросил кто-то из темноты.— Они нам не мешали. А те, кто подружился с ними, говорят, что они добрые и простые, несмотря на древние знания и странные обычаи. Неужели Ивьян действует по чьей-то указке? Может ли быть так, братья по несчастью, что присутствие древней расы среди нас мешало проникновению Горма, ставило преграду на пути зла?

Это было близко и собственным мыслям Саймона. Саймон продолжал бы разговор, но услышал шипение. Он знал, что это могло быть. Когда-то это уже с ним случалось. Появилась новая опасность, а когда Саймон ее обнаружил, было уже слишком поздно: в трюм пускали газ. Люди кашляли, пытались вдохнуть побольше воздуха и затихали. Только одна мысль держалась в голове Саймона: враг не пошел бы на все это, если бы хотел только убить их. Поэтому Саймон один среди всех не сопротивлялся газу, он медленно вдыхал, вспоминая кресло дантиста в своем мире.

...Бормотание ...бормотание ...бормотание... Слова, которые не были словами, только путаницей звуков. Они произносились высоким голосом и содержали в себе непреодолимый приказ.

Саймон не шевелился. Возвращалось сознание, инстинкт самосохранения удерживал его в неподвижности. Бормотание... бормотание... бормотание... Боль в голове стала еще тупее. Саймон был уверен, что он уже не на корабле. То, на чем он лежит, не дрожит, не движется... Он раздет, а в помещении холодно. Тот, что говорил, отошел, бормотание осталось без ответа. Но Саймон продолжал лежать неподвижно. Он дважды досчитал до ста и не услыхал за это время ни звука. Саймон приоткрыл глаза и тут же зажмурился от яркого света. Малопомалу поле его зрения, хотя и ограниченное, прояснилось. То, что он видел, было так же непонятно, как и странный корабль. Он не бывал в химических лабораториях, но, несомненно, ряды пробирок, бутылочек и мензурок на полках прямо перед ним можно было встретить только в лаборатории. Сон ли это? И с какой целью его перенесли сюда? Дюйм за дюймом Саймон изучал то, что мог рассмотреть. Он явно лежал не на уровне пола. Поверхность под ним была достаточно твердой — видимо, он на столе. Он медленно начал поворачивать голову, убежденный, что необходима осторожность. Вот он увидел стену. Голая, серая, с линией в одном месте. Линия эта могла быть частью косяка двери. Это одна сторона комнаты. Теперь другая. Снова он повернул голову и обнаружил новые чудеса. Еще пять человек, обнаженных, как и он сам, лежали на столах. Все пять были либо мертвы, либо без сознания: сам он был склонен считать, что верно второе.

Но был здесь еще кто-то. Высокий худой человек наклонился над первым лежащим. Он был одет в серое одеяние, стянутое на талии поясом. Шапка из такого же серого материала закрывала голову. Саймон не мог разглядеть человека, занятого какой-то работой. Передвижной столик со множеством бутылочек и изогнутых трубок был придвинут к тому, над которым он склонился. Иглы от этих трубок были введены в вены, круглая металлическая шапка надета на голову. Саймон понял, что видит смерть человека. Не смерть души, а такую смерть, которая превращает тело в существо, подобное тем, что он видел по дороге в Салкаркип. И его ждет такая же судьба! Он медленно шевельнул рукой и ногой, проверяя их послушность. Ему повезло, он был последним в ряду. Теперь он полностью владел своими мышцами. Серая фигура кончила работу над первым человеком. Новый передвижной столик придвинулся ко второму. Саймон сел. Несколько мгновений голова его кружилась, и он ухватился за край стола, на котором лежал, радуясь, что стол не скрипнул и не сдвинулся. Работа на другом конце комнаты выполнялась сложная и полностью поглощала внимание работающего. Саймон перенес ноги на пол и встал. Он взглянул на своего соседа, надеясь, что тот тоже приходит в себя. Но юноша — это был совсем молодой человек — лежал неподвижно с закрытыми глазами, грудь его поднималась и опускалась с необычно долгими интервалами. Саймон сделал шаг от стола к полкам. А вдруг там есть какое-

нибудь оружие. Побег отсюда, если, конечно, дверь не заперта, возможен, но вначале нужно осмотреться. К тому же не хотелось оставлять пятерых на смерть — на то, что хуже смерти. Он выбрал себе оружие — бутылку, наполненную какой-то желтоватой жидкостью. Она казалась стеклянной, но была слишком тяжела. Тонкое горлышко позволяло удобно ухватиться, и Саймон легко двинулся туда, где работал лаборант. Ноги его передвигались бесшумно, он подошел сзади к ничего не подозревающему работнику. Бутылка поднялась. Саймон вложил в удар всю силу своего гнева. Серая фигура беззвучно упала, потащив за собой проволочную металлическую шапку, которая предназначалась для очередного пленника. Саймон схватил упавшего за горло, и увидел разбитый затылок. Он приподнял тело и втащил его в проход между столами, заглядывая в лицо, чтобы, наконец, увидеть его — лицо колдера.

То, что он рисовал в своем воображении, было страшнее, чем правда... Перед ним был человек, по крайней мере внешне, подобный тысячам других людей. У него были мелкие черты лица, широкие щеки и очень маленький узкий подбородок, соответствующий верхней половине лица. Это не был демон. Обычный мужчина, с обычным лицом. Саймон нашел крепления серого одеяния и расцепил их. Хотя ему не хотелось дотрагиваться до разбитой головы, он снял и капюшон. На другой половине комнаты была раковина и кран с водой, и Саймон промыл здесь капюшон от крови. Под серой одеждой на человеке было плотно прилегающее платье без пряжек и пуговиц: Саймон не смог его снять, и ему пришлось удовлетвориться только верхней одеждой. Он ничего не смог сделать для двух человек, которых лаборант уже присоединил к трубкам, потому что невозможно было понять устройства сложных приборов. Он по очереди подходил к каждому из трех оставшихся, пытаясь поднять их, но вскоре обнаружил, что это тоже невозможно. Они производили впечатление наркоманов в состоянии опьянения, и он еще меньше понимал, как ему удалось избежать участи остальных пленников. Саймон направился к двери. Он не обнаружил ни щеколды, ни ручки, но понял — дверь надо двигать вправо. И вот он уже выглядывает в коридор, стены, пол и потолок которого окрашены в те же серые тона, что и лаборатория. Коридор был пустым. В него выходили другие двери. Саймон двинулся к ближайшим. Осторожно приоткрыв их, он увидел людей, привезенных колдерами в Горм, если, конечно, это был Горм. Больше двадцати человек, еще одетые, лежали на полу. Саймон торопливо осмотрел их, но ни один из них не проявил признаков сознания. Может, те, в лаборатории, еще придут в себя. Надеясь на это, он притащил троих из лаборатории и присоединил к этим. В лаборатории Саймон нашел несколько хирургических ножей и взял себе самый длинный. Он снял одежду с убитого лаборанта и положил его на один из столов так, чтобы его разбитая голова не была видна. Если бы он знал, как закрываются двери, он обязательно за-

крыл бы их. Заткнув за пояс нож, Саймон неохотно надел влажную шапку-капюшон. Несомненно, вокруг него в различных бутылках и тюбиках находились сотни смертоносных смесей, но он не знал, где что. Придется полагаться на кулаки и нож. Саймон вышел в коридор. Много ли у него времени? Скоро ли кинутся искать убитого? Две выходящие в коридор двери не открывались. Но там, где коридор кончался, он обнаружил третью, слегка приоткрыв ее, он оказался в помещении, которое явно было жилым. Мебель строгая, функциональная, но стулья и кровать выглядели удобными. Внимание Саймона привлекло нечто похожее на стол. Саймон не мог открыть ящики стола, хотя на каждом были отверстия, куда можно было засунуть палец. В стенах тоже виденелись ящики с такими же отверстиями. И эти ящики были закрыты. Упрямо сжав зубы, Саймон собрался воспользоваться ножом, как рычагом. Но повернулся спиной к стене, глядя в пустую комнату со скудной меблировкой. Он услышал голос. Кто-то говорил на чужом языке. Голос появлялся в пустоте, в воздухе. Судя по интонации, это был вопрос, на который следовало немедленно дать ответ.

Находится ли он под наблюдением? Или просто слушает какое-то оповещение по общественной коммуникационной сети? Убедившись, что он один в комнате, Саймон начал внимательно вслушиваться в слова, значения которых он не понимал и должен был ориентироваться только на интонации. Слова повторялись, Саймон мог разобрать некоторые из них. Означает ли это повторение, что его обнаружили? Скоро ли говорящий поднимет тревогу? Немедленно. если не получит ответа? Ясно, что это предупреждение, но от чего? Саймон вернулся в коридор. Поскольку конец коридора кончается тупиком, нужно исследовать противоположный, проверить другие двери. За ними была ровная серая поверхность. Вспоминая галлюцинации Эсткарпа, Саймон провел руками по гладкой поверхности. Но не обнаружил никаких отверстий. Он знакомился с этим миром и убеждался, что колдеры совсем не похожи на колдуний из Эсткарпа и опираются скорее на знание, а не на колдовство. Людям Эсткарпа техника чужого мира показалась бы колдовством высшего порядка. И может, именно он, Саймон, единственный из всех гвардейцев, способен был хоть частично понять колдерскую науку, чего не может сделать ни одна колдунья. Саймон продолжал идти по коридору, ведя рукой по ровной поверхности стены в поисках выхода. Может, выход находится в одной из комнат? Его пока никто не обнаружил. Но везение, несомненно, скоро кончится. Вскоре из воздуха над головой опять послышались слова на незнакомом языке: голос требовал и отмалчиваться больше нельзя было. Саймон почувствовал опасность, замер на месте, ожидая, что в следующее мгновение окажется в какой-нибудь скрытой ловушке. Но спустя мгновение он обнаружил выход. Стена скользнула в сторону, и он увидел освещенное пространство. Саймон вытащил из-за пояса нож и при-

готовился защищаться. Тишина снова была нарушена бестелесным голосом. Саймон решил, что хозяева этого замка еще не поняли, кто он такой. Возможно, они и видели его, но платье и капюшон, которые он надел, помогли ему не вызвать подозрения. Только поведение его, видимо, показалось им странноватым. Поэтому ему и приказывают что-то сделать. Саймон направился к выходу. Но растерялся, когда дверь захлопнулась за ним, и он оказался в тесном прямоугольном помещении. Только когда его прижало к одной из стен и он почувствовал дрожание пола, он догадался, что находится в лифте. Это открытие странно подбодрило его. Все больше и больше крепло его убеждение, что колдеры представляют цивилизацию, близкую к его собственной. Было гораздо спокойнее подниматься и опускаться навстречу опасности в лифте, а не стоять, скажем, в заполненной туманом комнате и следить, как союзники превращаются в незнакомых людей, враждебных и злобных. Несмотря на странное и смутное чувство знакомства со всем окружающим, он не мог избавиться от ощущения внутреннего холода. То, что в технике достигли колдеры, ему казалось невозможным. Для него это был мир чужой и нереальный. Он не только не принимал его, он его боялся. Этот мир угрожал ему. Он каждым своим нервом чувствовал — здесь опасность, опасность для всего, что ему близко. Это место было даже не чужим, оно было нечеловеческим. Он попал в чужое время, к колдуньям Эсткарпа. Но там были люди. Какая-то нить соединяла и времена и его с ними. Здесь же людей не было. Гудение в лифте прекратилось. Саймон не знал, с какой стороны откроется дверь. Но он верил, что она откроется и дверь, действительно, открылась.

Снаружи послышались звуки, тихое гудение, отдаленные голоса. Саймон осторожно вышел и оказался в небольшом алькове, отделенном от остального помещения. Смутное узнавание вновь пробудило в нем ощущение чуждости. На одной из стен была большая карта. Извилистая, изрезанная береговая линия, горные районы, которые он так недавно видел. Тут и там на карте виднелись разноцветные огоньки. Тусклым фиолетовым цветом горели точки, расположенные на берегу в районе исчезнувшей крепости салкаров и в заливе, где лежал Горм. Желтоватым — населенные пункты, находившиеся на равнинах Эсткарпа. Зелеными были огни в Карстене, а в Ализоне — красными. Под картой располагался стол, на котором стояли машины, время от времени издававшие треск или же вспыхивавшие сигнальными огнями. За работой машин следили такие же люди в серых одеяниях и капюшонах, как и тот в лаборатории. Немного в стороне стоял второй стол, за которым находились еще трое колдеров. На среднем была металлическая шапка, от которой путаница проводов шла к поверхности стола. Глаза его были закрыты и лицо ничего не выражало. Однако он не спал, это было видно, потому что время от времени пальцы его двигались, нажимая кнопки, переключая рычажки.

Саймон понял, что он находится в центральном пункте управления.

Слова, обращенные к нему, на этот раз прозвучали не из воздуха: их произнес некто, стоящий рядом с человеком, находившимся в центре. Он смотрел на Саймона, на его плоском лице отразилось сначала нетерпение, а потом уверенность, что Саймон чужой, он не из их числа. Саймон рванулся вперед. Он не надеялся добраться до второго стола, но один из сидевших у машины, оказался в пределах досягаемости. И он нанес ребром ладони удар, который мог переломить кость. После этого, держа пострадавшего как щит, Саймон попятился к стене, надеясь пробиться к выходу. К его изумлению человек, первым заметивший его, не сделал попытки помешать ему. Он только медленно повторил на языке континентальных жителей:

— Возвратись в свою камеру и доложи контролеру.

Саймон продолжал пятиться к выходу. Один из соседей его жертвы повернул изумленное лицо к Саймону, а затем с тем же удивлением взглянул на офицера у стола. Ясно было, что он ожидал немедленного и беспрекословного повиновения Саймона.

— Возвратитесь откуда пришли, немедленно!

Саймон рассмеялся. Результат был удивительным. Все колдеры, за исключением человека в шапке, который ничего не видел, вскочили. Те, что стояли у длинного стола, смотрели на троих в центре, как бы ожидая приказа. И Саймон подумал, что если бы он закричал или просто испугался, они знали бы что делать. Его реакция на приказ поставила их в тупик. Человек, отдавший приказ, положил руку на плечо своего товарища в шапке. Его жест выражал тревогу. Сидящий открыл глаза и нетерпеливо оглянулся. Он посмотрел на Саймона как на привидение. Саймон почувствовал сильный удар. Его нанес кто-то невидимый. Этот удар прижал Саймона к стене, он не мог дышать. Тело, которое он использовал как защиту, выскользнуло из рук. Если он останется стоять под давлением, и ничего не предпримет — он погибнет. Знакомство с магией Эсткарпа обострило его разум. Он сообразил, что сила, давящая на него — это излучение чужого мозга и сопротивляться ей можно только силой разума. Он был недостаточно знаком с колдовством Эсткарпа и не мог его использовать. Но у него была могучая воля, и он всю ее сосредоточил, и заставил себя поднять руку. Рука, прижатая невидимой тяжестью к стене, двинулась. Напрягая мышцы и волю, Саймон заставил себя двинуться к выходу... Тень удивления скользнула по широким лицам под шапками. Неужели они способны удивляться?

То, что сделал Саймон дальше, не было сознательным решением. И не Саймона воля заставила его поднять руку на уровень сердца. Как загипнотизированный, он начертил в воздухе знак между собой и фигурой в шапке. В третий раз он видел этот знак. В прошлые разы его чертила рука колдуньи, и знак горел лишь короткое время. Теперь он вспыхнул снова ослепительным

белым светом. И в тот же момент Саймон получил возможность двигаться! Давление ослабло, и Саймон побежал к двери, надеясь скрыться. Но сделать это ему не удалось. Навстречу показались вооруженные люди. Ошибиться было невозможно: это были рабы Колдера, и только убив их, он сможет прорваться. Они приближались молча, и само их молчание таило смертельную угрозу. Саймон быстро принял решение и двинулся им навстречу. Прыгнув вправо, он схватил первого за голень и что было силы бросил его на пол. Гладкая поверхность пола оказала ему неожиданную услугу. Толчок заставил Саймона вместе со сбитым человеком прокатиться по полу. Саймон ударил врага ножом и почувствовал, что лезвие прошло рядом с ребром. Солдат упал, и Саймон выхватил у него из-за пояса самострел. Он успел вовремя выстрелить, и удар мечом, нацеленный на него, пришелся в раненого солдата. Это дало ему время, чтобы справиться с третьим, последним противником.

Вооружившись двумя самострелами, Саймон двинулся дальше. К счастью, коридор кончался незапертой дверью и лестницей. Лестница спускалась вдоль стены. В начале лестницы был узкий проход. Точно такой он уже встречал в крепости Эстскарпа. По-видимому, хотя начинка этого странного сооружения была вполне современной, внешняя ее часть была древней и строилась в давних традициях. Саймон дважды укрывался, приготовив самострел, когда мимо проходили отряды измененных колдерами людей. Он не мог понять, объявлена уже общая тревога или солдаты совершали обычный обход. Они шли безостановочно и не заглядывали в укрытия. В коридорах с искусственным освещением исчезало чувство времени. Саймон не знал, день сейчас или ночь, он не мог представить себе, сколько времени он находился в крепости колдеров. Но он остро ощущал опасность, и еще его мучили жажда и холод. На нем была легкая верхняя одежда. И ноги его были босы. Если бы хоть немного ориентироваться в этом многоэтажном лабиринте, из которого он должен выбраться. Где он? На Горме? Или в том мифическом городе Айле, который колдеры основали на берегу? Или на тайной базе захватчиков? В том же, что это важное место, он был уверен.

Желание найти убежище получше, а также отыскать еду и одежду, заставило его внимательно осмотреть помещения верхнего уровня. Здесь не было мебели, которую он видел внизу. Резные деревянные сундуки, стулья, столы — все было туземной работы. В некоторых залах были видны следы торопливых поисков или бегства: теперь все это было покрыто толстым слоем пыли, как будто комнатами давно уже никто не пользовался. В одной из таких комнат Саймон нашел подходящую одежду. Не хватало кольчуги. Все его оружие были самострелы, отобранные у солдат. Но больше всего ему была нужна еда, и он начал подумывать о том, что ее надо искать на опасном нижнем уровне, где он уже побывал. Саймон осматри-

вал ответвления и лестницы, попадавшиеся на его пути. Все окна были наглухо забиты, так что кругом был только искусственный свет. Чем дальше он отходил от основных комнат колдеров, тем более тусклым становился свет. Наконец показался узкий лестничный пролет, которым, по-видимому, часто пользовались. Саймон подготовил самострел, поднимаясь к двери наверху. Она легко поддалась, и он увидел плоскую крышу. Над частью крыши был натянут тент. Здесь находились странные предметы, которые не удивили Саймона после всего виденного внизу. Несомненно, здесь были самолеты. Крылья у них были отогнуты назад, тупые носы задраны. Каждый, видимо, может нести пилота и не более двух пассажиров. Стало ясно, каким образом враг появился в Салкаркипе. Если не будет другой возможности убежать, придется воспользоваться этими машинами. Но убежать откуда? Саймон внимательно рассматривал ангар. Он искал охрану. Ее, вроде, не было. Саймон подошел к ближнему краю крыши, надеясь понять, где он находится.

На мгновение ему показалось, что он в Салкаркипе. Вдали виднелась гавань, в которой стояли на якорях корабли. Улочки вели к морю. Но планировка города была иной, чем в крепости торговцев. Город был больше и на том месте, где в Салкаркипе находились склады, здесь продолжались дома... Саймон посмотрел на солнце. Скорее всего сейчас полдень. Но на улицах никаких признаков жизни, и дома кажутся необитаемыми. Хотя и не видно разрушений, которые так быстро появляются, если люди покидают город. Поскольку архитектура, с небольшими отклонениями, напоминала эсткарпскую и карстенскую, это не мог быть Айль, построенный самими колдерами. Значит он на Горме — Сиппаре — центре язвы, куда не могли проникнуть лазутчики Эсткарпа! Если город действительно пуст, как кажется, можно будет добраться до гавани и найти лодку, чтобы доплыть до континента. Но пройти туда будет непросто, а пока что стоит получше осмотреться.

Крыша, на которой он стоял, возвышалась над всем городом. Вероятно, это был древний замок, в котором жила семья Кориса. Если бы капитан сейчас был с ним, насколько упростилась бы задача! Саймон обошел крышу и обнаружил, что к ней не примыкают крыши соседних зданий. Со всех сторон дворец выходил на улицу. Саймон неохотно направился к навесу, под которым стояли самолеты. Глупо доверяться машине, если не знаешь, как ею управлять. Но почему бы не осмотреть их? Саймон становился все храбрее, видя, что его так долго не могут обнаружить. Но действовал он осторожно и на всякий случай закрыл дверь, ведущую на крышу, заклинив ее ножом. Потом он вернулся к самолету и, подняв панель, осмотрел мотор. Это не было похожим на то, что Саймон видел раньше. Хотя он не был ни механиком, ни инженером, он кое-как разбирался в технике, ну хотя бы настолько, что мог сделать вывод — эта штука полетит. Вот только знать бы как управлять ею. Прежде чем продолжить изучение машины, Саймон на всякий случай

рукояткой самострела разбил моторы на других машинах. Если ему придется довериться воздуху, он не хотел бы становиться участником воздушного боя.

Когда он поднял молоток, чтобы покончить с последним мотором, враг начал новую атаку. В дверь никто не постучал, не слышно было топота бегущих солдат. Снова молчаливый удар нанесла ему невидимая сила. На этот раз его не прижало к стене, а тащило по крыше, к источнику этой силы. Саймон ухватился за самолет. Но вместе с самолетом его продолжало тащить, и он не мог остановиться. Волокло его не к двери! И Саймон понял, что его не собираются убивать в бою, а просто хотят скинуть с крыши, таким образом покончив с ним. Он напрягал всю силу воли. Делал шаг, а затем замирал. Но продолжал внутреннюю борьбу. Он снова попытался начертить в воздухе знак, который так помог ему раньше. Но на этот раз он не почувствовал облегчения, может быть, потому, что не видел перед собой врага. Сопротивляясь, он мог замедлить движение к краю, выиграть секунды, минуты, но неизбежный конец приближался. Попытка рвануться к двери не удалась! Он надеялся на то, что невидимые враги примут это за желание сдаться. Но теперь он знал, что они хотят только его смерти. Решение придется принимать немедленно. Оставался самолет, который он собирался использовать в крайнем случае. Теперь другого выхода не оставалось. Самолет находился между ним и краем крыши, куда его толкала неведомая сила. Шанс ничтожный, но другого нет. Уступая давлению, Саймон сделал два быстрых шага. Силы его подходили к концу. Третий шаг... рука его легла на ручку двери в кабину пилота. Напрягая все силы в этой сверхъестественной схватке, он протиснулся внутрь. Толчок отбросил его к дальней стенке кабины. Саймон осмотрелся, стараясь найти приборный щиток. В конце узкой прорези виднелся рычаг. Это была единственная подвижная деталь. Мысленно обратившись к Силе Эскарпа, Саймон поднял тяжелую руку и потянул на себя рычаг.

Он, как ребенок, ожидал, что сейчас же взлетит, но машина побежала вперед, набирая скорость. Нос ее с силой ударился о парапет. Саймон понял, что падает. В отчаянии схватился он снова за рычаг и опять потянул его. Последовал удар, а затем наступила тьма.

Красная искорка, как уголек, смотрела на него из темноты. Был слышен слабый повторяющийся звук — тиканье часов или капанье воды? И еще был запах. Именно запах заставил Саймона очнуться. Сладковатый запах разложения и смерти. Саймон обнаружил, что сидит среди обломков самолета. Невидимая сила, прижимавшая его, исчезла. Он снова мог свободно двигаться — и думать. Если не считать нескольких синяков, он благополучно перенес крушение. Машина смягчила удары при падении. А этот красный огонек горел на приборной панели. Капанье звучало рядом. Запах был по-прежнему сильным. Саймон пошевелился на сиденье и потянулся. Послышался скрип металла о металл, и часть кабины отвалилась. Саймон с тру-

дом выполз. Наверху была крыша, а в ней дыра, из которой торчали обломки досок. Когда он смотрел вверх, еще один кусок крыши обломился и упал чуть ли не на разбитую машину. Должно быть, самолет упал на крышу одного из соседних домов и пробил ее. Приходилось только удивляться, как ему удалось при таком ударе остаться живым и невредимым. Вероятно, он довольно долго лежал без сознания. Небо над головой темнело. Голод и жажда превратились в устойчивую боль. Он должен отыскать еду и воду. Почему враги до сих пор не нашли его? Несомненно, с высокой крыши им видно, они видят его. Разве они не знают, что он пытался бежать на самолете.

... Если они преследовали его при помощи телепатии, им известно, что он потерял сознание. Может быть они подумали, что он разбился и уже мертв. Если это так, то, наконец, он свободен. Но прежде всего надо отыскать еду и воду, а затем определиться, где он находится и в какой стороне порт. Саймон увидел дверь. Она вела на лестницу. Он надеялся, что по этой лестнице он сможет выбраться отсюда. Воздух был затхлым, пропитанным запахом разложения. Саймон теперь точно знал, что это такое, и поэтому заколебался: запах шел снизу. Но вниз ведет единственный выход и поэтому придется спускаться. Окна не были закрыты, и свет их падал на лестницу. Ему встречались двери, но Саймон не открывал их. Видимо, оттуда и идет этот кошмарный запах. Еще один пролет вниз и он попал в зал, который оканчивался широким порталом. Саймон надеялся, что за ним — выход на улицу. Он решил поискать пищу здесь, и на этот раз ему повезло — он нашел сухари, составляющие главный военный рацион в Эсткарпе, а также горшок с сухими фруктами, пригодными для еды. Была еще какая-то еда, но давно сгнила, это доказывало, что здесь давно никто не живет. Из крана в водостоке капала вода. Саймон напился, а потом и поел. Есть было трудно из-за ужасного запаха. Этот запах был повсюду. Хотя Саймон был здесь только в одном доме, не считая дворца, он чувствовал, что его страшное предположение оправдывается.

Кроме центрального здания с горстью обитателей, Сиппар был городом мертвецов. Колдеры безжалостно уничтожили всех, кто был им не нужен. Они убивали, но не думали о погребении, мертвецы разлагались в своих домах. Зачем им это надо было? Чтобы не восставали те, кто выжил? Или для них главное было убить, все остальное — неважно. Скорее всего так оно и было. Плосколицые внешне напоминали людей, но только внешне. Саймон не верил, что их и его природа создавала из одного материала.

Саймон прихватил с собой весь хлеб, какой смог отыскать, и бутылку с водой. Он обратил внимание, что дверь, ведущая на улицу, была заперта изнутри. Неужели жители этого дома закрыли двери и, договорившись, убили себя? Или здесь убивала та невидимая сила, которая тащила его по крыше? На улице было так же пустынно, как и тогда, когда он смотрел на нее с крыши. Саймон осторожно шел, внимательно наблюдая

за всеми дверьми. Все они были закрыты. Ни одного прохожего вплоть до самой гавани. Он знал, что, если нажать на любую дверь, она не откроется — закрыта изнутри, а внутри только мертвецы. И снова вопросы. Погибли ли они после того, как Горм приветствовал приглашенных Орной и ее сыном колдеров? Или смерть пришла позже, в те годы, когда Корис находился в Эсткарпе, а остров был отрезан от человечества? Сейчас это могло интересовать только историка. Сиппар превратился в город мертвецов — в домах были мертвецы плоти, в башне — мертвецы духа. И лишь колдеры претендовали на жизнь. На ходу Саймон всматривался в дома на улицах. Он был уверен, что Горм можно освободить, уничтожив центральную башню. Ему казалось, что колдеры ошиблись, оставив вокруг своего логова эти пустые дома. Разве только у них есть скрытые защитные устройства в стенах, а также сигналы оповещения. Тогда это, возможно, ловушка для тех, кто надумает внезапно напасть.

Саймон вспомнил рассказ Кориса об эсткарпских разведчиках, которые вот уже несколько лет безуспешно пытались попасть на остров. Да и самому капитану не удалось преодолеть какой-то загадочный барьер. Саймон понимал, что только ему удалось освободиться, вначале из центра управления, а затем и вовсе из этой башни-дворца. Чудом он остался жив, когда разбился самолет. А колдеры, видимо, не верят в чудеса.

И все-таки ему не верилось, что нет ни одной живой души в этом городе мертвецов. Он прятался в подворотнях, перебегал от куста до будки, пока не добрался до гавани. Тут стояли корабли, разбитые бурей, некоторые выбросило на берег, их оснастка прогнила, борта были пробиты. Были и затонувшие корабли, так что над водой виднелась только верхняя палуба. Эти суда пролежали здесь месяцы, а то и годы. Между берегом и материком лежал широкий залив. Если он находится в Сиппаре — а у него не было оснований сомневаться в этом — то он стоит на конце длинного, похожего на палец полуострова. В основании этого пальца колдеры построили загадочный город Айль, а ногтем ему служил Салкаркип. После гибели Салкаркипа колдеры, наверное, контролируют весь залив. Если бы удалось найти пригодное для плавания суденышко, он пустился бы в долгий путь на восток, вниз по заливу до устья реки Эс и до Эсткарпа. Саймон торопился, он знал, что время не его союзник. Он нашел лодку, маленькую скорлупку, неплохо сохранившуюся в доке. Хотя Саймон и не был моряком, он мог проверить, насколько пригодна лодка для плавания. И стал ждать, когда, наконец, наступит полная темнота, и можно будет нажать на весла. И вот начало темнеть. Стиснув зубы — от боли, руки еще болели, он греб мимо гнилых островов Гормского флота. Уже отойдя на приличное расстояние, он стал подумывать о парусе. Оснастка была в лодке. Но неожиданно он наскочил на защитную полосу колдеров.

Он не видел перед собой никого, когда упал на дно лодки, почувствовав неладное. Саймон закрыл глаза и зажал ладонями

уши. Он понимал, что делает это напрасно, потому что вокруг было темно и тихо. Грохот и яркая вспышка были внутри него. Ему казалось, что он знает, на что способны колдеры, но такое проникновение в мозг было неожиданным и удивило его. Как же им удается наносить такие мощные удары по центрам психики. Сколько времени прошло определить было невозможно. Оцепеневший и оглушенный, Саймон находился вне времени. Он лежал в лодке, которая покачивалась на волнах, подгоняемая ветром. За кормой оставался Горм, мертвый и темный при свете луны.

Перед рассветом в устье Эсы Саймона подобрала береговая патрульная лодка. К тому времени он немного оправился, хотя и чувствовал себя совершенно разбитым. На перекладных он добрался до Эскарпа. В крепости, в той самой комнате, где он впервые встретился с Властительницей, он рассказал о своих злоключениях, о странных встречах с непроницаемыми плосколицыми. Рассказывая, он все время искал глазами свою старую знакомую. Но среди собравшихся ее не было. Слушая о мертвом городе. Корис сидел с каменным лицом, крепко стиснув зубы. Когда Саймон кончил, ему задали несколько вопросов. Затем Властительница подозвала к себе одну из женщин.

— Саймон Трегарт, возьмите-ка ее руку и думайте о том человеке в шапке, мысленно вспоминая все детали его одежды и лицо,— приказала она.

Саймон повиновался, хотя и не понимал, зачем это нужно. Он держал в своих руках холодные и сухие руки женщины и мысленно рисовал серое одеяние, странное лицо, в котором нижняя половина не соответствовала верхней, металлическую шапку и выражение властности, а затем замешательства, когда он не подчинился приказу. Женские руки выскользнули из его рук, и Властительница снова заговорила:

— Ты увидела его, сестра? Сможешь совершить то, что должна?

— Увидела,— ответила женщина,— и я смогу. Он с сильной волей, и изображение было ясное. Хотя лучше, если бы пролилась кровь.

Саймону ничего не объяснили и не дали времени на расспросы. Совет кончился, и Корис тут же увел его в казармы. Оказавшись в той же комнате, в которой он сидел перед походом в Салкаркип, Саймон спросил у капитана: — Где леди?

Его раздражало то, что он не мог назвать ее имени. Но Корис понял его.

— Проверяет посты на границе.

— Она в безопасности?

Корис пожал плечами.

— Кто сейчас в безопасности, Саймон? Но будь уверен: Женщины Силы не рискуют без необходимости.— Он отошел к окну и отвернулся.— Итак, Горм мертв,— слова его звучали тяжело.

Саймон снял сапоги и растянулся на постели. Он устал, кости его ныли.

— Я рассказал только о том, что мне встретилось. Жизнь есть в центральной башне Сиппара. Больше я нигде ее не видел. Но ведь я убегал от смерти, а не искал жизнь.

— Жизнь! Какая жизнь?

— Спросите у колдеров, а может, у колдуний,— сонно ответил Саймон.— Может, они вам скажут, что такое жизнь.— Саймон смутно видел, как капитан отошел от окна, его широкие плечи закрыли дневной свет.

— Я думаю, Саймон Трегарт, что вы стали другим.— Слова его по-прежнему звучали тяжело.— Вы видели Горм. Вы не хотите сказать, что такое жизнь. А смерть? Как вы находите смерть, которую вы видели?

— Отвратительной,— пробормотал Саймон.— Но об этом поговорим потом.— И тут он уснул. Он спал, просыпался, чтобы поесть, и снова засыпал. Никто не тревожил его, и он не обращал внимания на то, что происходит в крепости Эсткарп. Так животное спит в своей норе, накапливал жир за время зимней спячки. Но вот однажды он проснулся, оживленный, свежий, чувствуя во всем теле легкость и бодрость, какой он не ощущал уже давно — с самого Берлина. Берлин — это что? Где Берлин? Воспоминания о далеком прошлом странно перемешивались с недавними. И отчетливее всего он видел себя в уединенной комнате домика в Карсе, где гобелены закрывали стены, а женщина смотрела на него, и ее рука чертила в воздухе сверкающий знак. И еще он вспомнил, как она стояла, опустошенная, истратив свой дар на Алдис. И вот сейчас он лежит и думает, и чувствует, что вся боль и усталость ушли из него. Саймон поднял руку и положил ее на сердце. Он не ощутил тепла своего тела.

Вскоре потребуются его силы и талант. Во время его сна Эсткарп собрался с духом. Моряки на холмах призывали вестников с гор, из Орлиного Гнезда, всех, кто хочет противостоять Горму и той судьбе, которую нес Горм. Полдюжины салкарских кораблей, теперь без порта прописки, причалили в бухте фальконеров. Семьи экипажей остались в безопасности, а корабли вооружились и были готовы к действию. Все считали, что пора двинуться на Горм, прежде чем Горм сам объявит им войну. В устье Эсы разбили лагерь, палатки поставили на самом берегу океана. Из лагеря была видна тень на горизонте — это в дали моря вставал остров. А за руинами разрушенной крепости ждали сигнала корабли, укомплектованные салкарами, фальконерами и пограничными рейнджерами. Но вначале следовало пробить брешь в защите Горма. Это должны были сделать те, кто владел Силой Эсткарпа. Саймон не понимал, почему только его допустили в свой круг колдуньи, но он был в их обществе. Саймон обнаружил, что сидит за столом, напоминающем игральный. Но на столе не было разноцветных клеток. На нем перед каждым сидящим положили символ. Собравшиеся со стороны, наверное, казались весьма смешными, хотя здесь было все высшее общество. Саймон увидел, что сидит рядом с Властительницей, и у него с ней один символ. Это был корич-

невый сокол, обрамленный золотым овалом, а над овалом была нарисована маленькая труба. Слева виднелось сине-зеленое изображение ладони, сжимавшей топор. А дальше был нарисован красный квадрат, и на нем — рогатая рыба. Справа от Властительницы были символы, которые он не мог рассмотреть. Перед ними сидели две колдуньи, положив руки на стол. Саймон обернулся и почувствовал необычайный прилив сил, встретив знакомый взгляд серых глаз. Она молчала, и он тоже не заговорил. Шестым и последним за столом сидел Брайант. Юноша был бледен, его неподвижный взгляд был устремлен на изображение рыбы, как будто эта рыба была живой, и он силой взгляда удерживал ее на алом море. Женщина, которая держала Саймона руки, когда он думал о человеке с Горма, вошла в палатку. С ней вошли еще две. Каждая несла небольшую глиняную жаровню, над которой клубился сладковатый дымок. Они поставили жаровню на стол, а первая женщина опустила свою ношу — широкую корзину. Она сняла покрывавшую корзинку ткань и под ней оказалась груда глиняных фигурок. Достав первую фигурку, женщина остановилась перед Брайантом. Дважды пронесла фигурку через поднимающийся из жаровни дым, она задержала ее около глаз юноши. Это был прекрасно изготовленный человечек с огненно-рыжими волосами и такой естественный, что Саймон усомнился — не живой ли он.

— Фальк.— Женщина произнесла это имя и опустила фигурку в центр алого квадрата, как раз на изображение рыбы. Брайант не побледнел, он и так был очень бледен, но Саймон заметил, что юноша замер, прежде чем ответить.

— Фальк Верлейнский.

Женщина достала из корзины вторую фигурку и подошла к соседке Саймона. Теперь Саймон мог лучше оценить ее талант. Она держала в руках, окуная в столб дыма, совершенно точное изображение той, которая просила средство, чтобы удержать около себя Ивьяна.

— Алдис.

— Алдис Карская,— ответила соседка Саймона, когда крошечные ножки опустились на кулак с зажатым топором.

— Сандар Ализонский,— третья фигурка заняла свое место справа от Саймона.

— Сирик.— Толстая фигурка в просторной рясе заняла еще один символ справа.

И вот женщина достала последний манекен, взглянула на него и окунула в дым. Поставив фигурку перед Саймоном и Властительницей, женщина не назвала никакого имени, но протянула фигурку Саймону, чтобы тот смог рассмотреть и узнать ее. Саймон смотрел на маленькую копию главы Горма. По его мнению сходство было абсолютным.

— Горм! — произнес он, так как не мог дать колдеру лучшего имени. И женщина аккуратно поставила фигурку на коричнево-золотого сокола.

Пять фигурок стояли на символах своих земель, пять точных копий реально существующих мужчин и женщин. Но

почему все это совершалось и с какой целью? Саймон снова посмотрел направо. Крошечные ножки Алдис держала в руке колдунья, ноги фигурки Фалька — Брайант. Они напряженно всматривались в человечков, причем Брайант был явно чем-то обеспокоен. Внимание Саймона вновь обратилось к стоявшей перед ним фигурке. Старые сказки ожили в его памяти. Неужели сейчас будут втыкать иглы в сердца фигурок, чтобы их оригиналы заболели и умерли? Властительница крепко взяла его за руку — точно так же его брали за руку в Карсе, когда нужно было изменить внешность. Другая ее рука образовала полукруг около основания фигурки в шапке. Саймон повторил ее движение, и кончики их пальцев соприкоснулись.

— Думайте о том, кто перед вами, с кем вы были связаны спором о власти и кровью. Выбросьте из головы все остальное, оставьте только его. Вы должны согнуть его, подчинить себе и использовать для нашей пользы. Либо мы выиграем игру Силы за этим столом — либо навсегда проиграем!

Взгляд Саймона был сосредоточен на фигурке в шапке. Саймон не знал, смог ли бы он оторвать взгляд, если бы захотел. Он решил, что его пригласили участвовать в этой странной процедуре только потому, что он единственный, кто видел человека в Горме. Крошечное лицо, полузакрытое металлической шапкой, росло, оживало. И сейчас через пространство Саймон смотрел на него, как тогда в комнате в сердце Сиппара. Вновь глаза этого человека были закрыты, и он занимался своим загадочным делом. А Саймон продолжал изучать его. Он знал, что вся его вражда к колдерам, вся ненависть, рожденная тем, что он видел в городе, их обращением с пленными — собралось воедино в его мозгу, как собирается оружие, несущее смерть, из мелких незначительных деталей.

Саймон больше не находился в этой палатке, где шумел морской ветер и шуршал песок. Он стоял перед человеком в шапке в сердце Сиппара, приказывая ему открыть глаза, взглянуть на него, на Саймона Трегарта, вступить в борьбу разумов, в сражение воли. Глаза открылись. И Саймон заглянул в них, в их темные зрачки. Ему показалось, что его узнали и поняли, что близится время ужасов. Глаза удерживали глаза. Постепенно уходили плоские черты лица, уплывало само лицо, исчезала металлическая шапка, оставались только глаза. Саймон ощутил, как из его руки и из руки Властительницы льется поток Силы. Их Силы объединились. Саймон почувствовал себя нацеленной стрелой. Вначале колдер смотрел на него уверенно, но вот он попытался освободиться от связи глаз, разумов. Он слишком поздно понял, что оказался в ловушке. Он боролся, не желая в своем высокомерии признавать возможность поражения. Саймон чувствовал нарастающее напряжение. В глазах колдера появился страх. Он сменился ужасом. А потом было пламя. Саймон знал, что смотрит теперь на пустую оболочку, на раба, который выполнит его приказ так же, как жертвы Горма выполняли приказы своих хозяев. Саймон отдал приказ. Сила Властительницы подкрепила его. Властительница ждала,

готовая помочь, но не вмешивалась. Саймон же был уверен, что враг покорен. Тот, который распоряжался Гормом, приведен в негодность. Барьер будет снят. Теперь у Эсткарпа в Горме будет послушный робот.

Саймон поднял голову. Он открыл глаза и увидел раскрашенную поверхность стола, над которой его пальцы все еще сжимали руку Властительницы. И рядом была маленькая фигурка. Но человечек больше не был копией колдеровского правителя. Под металлической шапкой голова представляла собой гладкий пузырь из расплавленного воска. Властительница высвободила руку. Саймон посмотрел направо и увидел побледневшее лицо, темные глаза. Та, которая концентрировала свою Силу на Алдис, откинулась на спинку стула без сил.

Фигурка Фалька Верлейнского лежала плашмя, Брайант сгорбился над ней, закрыв лицо руками, его влажные бесцветные волосы слиплись.

— Сделано.— Тишину нарушила Властительница.— То, что могла сделать Сила, сделано. И никогда она не действовала так хорошо, как сегодня! Теперь время огню и мечу, ветру и волне служить нам, если мы сумеем ими воспользоваться.— Голос ее звучал страстно.

Корис ответил ей, взмахнув топором Вольта:

— Будьте уверены, леди, мы используем любое оружие, данное нам судьбой. Маяки горят, наши армии и корабли движутся.

Хотя земля под Саймоном качалась, он встал. Та, что сидела слева от него, быстро положила руку на стол, не коснувшись его руки.

— Война, которая начинается в соответствии с вашей Силой,— заговорил Саймон, обращаясь к ней, как будто они были одни,— ведется по обычаям Эсткарпа. Но я не из Эсткарпа. И я знаю другие методы ведения войны. И я участвовал в вашей игре, леди, а теперь сыграю в свою! — Он обошел стол и подошел к капитану, который встал и нерешительно положил руку на стол. Брайант смотрел на фигурку перед ним. Она лежала, но была такой же, как и вначале.

— Я никогда не говорил, что владею Силой,— сказал Брайант глухим, хоть и мягким голосом.— Похоже, я потерпел неудачу. Может, меч и щит послужат мне лучше.

Корис шевельнулся, как бы возражая. Но колдунья, которая была с ним в Карсе, быстро заговорила:

— Для всех, кто плывет или едет под эсткарпским знаменем, существует свободный выбор. И никто не должен мешать этому выбору.

Властительница кивнула в знак согласия. Так втроем они и вышли из палатки: Корис, напряженный, живой, с прекрасной головой на гротескных плечах, с раздувающимися ноздрями, как будто он ощущал в воздухе нечто большее, чем запах соли. Саймон, двигающийся медленно, чувствующий, как усталость охватывает его, но поддерживаемый желанием увидеть конец их приключений. И Брайант, надевавший на голову шлем,

обернувший вокруг шеи металлический шарф, глаза его смотрели прямо, как будто привлеченные или удерживаемые чем-то большим, чем его воля. Капитан обернулся, когда они достигли лодок, ждавших, чтобы перевезти людей на корабли.

— Поплывете со мной на передовом корабле. Вы, Саймон, будете служить проводником... а вы,— он посмотрел на Брайанта и заколебался. Но юноша, вздернув подбородок, вызывающе посмотрел ему в глаза. Саймон почувствовал, что между ними происходит что-то, касающееся только их двоих, и ждал, как встретит капитан вызов Брайанта.

— Вы, Брайант, пойдете с моими щитоносцами и будете находиться с ними!

— Я,— ответил юноша с вызовом,— буду стоять за вашей спиной, капитан Эсткарпа, когда понадобится. Но вот в этой или иной битве я сам распоряжусь своим мечом и щитом.

Казалось, Корис собирался возразить, но их окликнули с лодок. И, пробиваясь через прибой, Саймон заметил, что юноша постарался разместиться в маленькой лодке, как можно дальше от своего командира. Передовой корабль эсткарпского флота был небольшим рыбачьим судном, и гвардейцы стояли на нем почти плечом к плечу. Остальные корабли шли сзади. Они были уже достаточно близко, чтобы видеть флот, гниющий в гавани Горма, когда послышался окрик: салкарские корабли с их смешанными экипажами из фальконеров, беглецов из Карстена и уцелевших салкаров, вытянулись в линию. Саймон понятия не имел, в каком месте он пересек барьер во время своего бегства из Горма. Быть может, он ведет корабли прямо к гибели. Им остается только надеяться, что игра Силы снимет или ослабит этот барьер. Саймон стоял на носу рыбацкого корабля, всматриваясь в мертвый город и ожидая вспышки и грома невидимого барьера. Что произойдет раньше — они наткнутся на барьер или их атакует вражеский корабль? Ветер наполнял паруса, перегруженные корабли резали волны. Судно из гавани, у которого сохранилось достаточно оснастки, чтобы поймать ветер, двигалось поперек их курса, и длинная лента зеленых водорослей тянулась вслед за ним. На палубе этого корабля не было никаких признаков жизни. С одного из салкарских кораблей взметнулся шар, неторопливо поднялся он в воздух и обрушился на палубу блуждающего судна. Из проломленной палубы взметнулось пламя и начало жадно поглощать сухое дерево. Корабль, пылая, уплыл в океан. Саймон, охваченный боевым возбуждением, улыбнулся Корису. Он чувствовал, что они миновали первую опасность.

— Мы уже прошли ваш барьер?

— Да, если они не передвинули его ближе к берегу.

Корис положил подбородок на рукоять топора Вольта, осматривая то, что некогда было цветущим городом. Он тоже улыбался, как волк, показывающий свои клыки перед схваткой.

— Похоже, что на этот раз Сила сработала,— заметил он.— Теперь пора и нам приниматься за дело.

— Не нужно недооценивать врага. Мы миновали только

первый его барьер, может быть, самый слабый.— Первоначальное радостно-оживленное состояние Саймона исчезло так же быстро, как и появилось. Вокруг него были мечи, щиты, самострелы. А в середине колдеровской столицы их ждало оружие, созданное наукой, на столетия опередившее этот мир: в любой момент можно было ждать неожиданностей. Они уже плыли по гавани, вынужденные отыскивать проходы между полуразрушенными кораблями, а в Сиппаре по-прежнему не было никаких признаков жизни. Угрожающая тишина мертвого города окружала воинов, уменьшая их рвение, ослабляя чувство триумфа, вызванное благополучным преодолением барьера.

Корис почувствовал это. Пробившись через толпу воинов, ожидающих высадки, он разыскал капитана корабля и велел добавить скорость. Но тот возразил, что капитан гвардии распоряжается на земле, а на море командует тот, кто лучше его знает: капитан корабля не желает столкнуться с одним из гнилых корпусов в гавани. Саймон внимательно смотрел на берег, вглядывался в пустые улицы. Он не мог сказать, что может произойти — воздушный налет самолетов, рукопашная на улицах мертвого города? Но оказалось, что труднее всего было встретиться с пустотой. Это было страшней встречи с армией рабов Колдера. Саймон не мог окончательно поверить в победу Силы: что-то в нем отказывалось верить в то, что, если он держал в руках маленькую фигурку с расплавленной головой, они смогут преодолеть то, что скрывается в Горме. Но вот они высадились. Никто не оказывал им сопротивления. Отряд салкаров сошел на берег. Он двинулся по пустым улицам, по которым несколько дней назад шел Саймон: проверяя закрытые двери, осматривая темные углы. Солдаты, как и он, не обнаружили ничего живого.

Они были уже близко от центра города, когда встретились с первым сопротивлением — не с воздуха, не от какого-то невидимого удара: враги появились с оружием в руках и сражались так, как в этом мире сражались люди многих и многих поколений. Неожиданно улицы заполнили солдаты, передвигающиеся быстро, но беззвучно. Враги не издавали воинственных криков, а двигались молча. Некоторые были в боевом облачении салкаров, другие одеты как карстенцы, Саймон увидел среди них несколько пернатых шлемов фальконеров. Нападали не просто опытные воины, неприятели не щадили своих жизней. Их первый удар напоминал удар танков по пехоте. Саймон стрелял, а Корис работал топором Вольта, пробивая дорогу через ряды врагов. Рабы Колдера были опытными воинами, но им недоставало сознательности, разума, чтобы перестроиться и лучше использовать свою многочисленность. Они только знали, что должны нападать, пока живы, с настойчивостью безумцев. Началась настоящая бойня, от которой даже ветераны-гвардейцы ощутили тошноту. Высоко взметнулся топор Вольта, больше не блестящий, а темный от крови, и гвардейцы двинулись вперед, оставляя позади улицу, больше не пустую, но по-прежнему безжизненную...

— Они посланы чтобы нас задержать,— крикнул Саймон.

— Я тоже так думаю. Чего еще ожидать? Смерть с воздуха, как в Салкаркине? — Корис с беспокойством взглянул на небо, на крыши домов.

Именно эти крыши подсказали Саймону план.

— Не думаю, чтобы мы могли проникнуть в крепость со стороны земли,— начал он и услышал смех капитана.

— Конечно. Но я знаю такие ходы туда, какие не знает ни один колдер. Ведь некогда это был мой остров.

— У меня тоже есть план,— сказал Саймон.— На кораблях достаточно веревок и абордажных крючьев. Пусть один отряд идет по крышам, пока вы отыщете свои проходы. Мы сомкнем челюсти над ними с двух сторон.

— Хорошо! — согласился Корис.— Отберите людей, но не больше двадцати.

Еще дважды на них нападали отряды живых мертвецов, и все больше и больше гвардейцев оставалось лежать на улице. Наконец, после того, как рабы Колдера были уничтожены, силы Эскарпа разделились. Саймон и двадцать гвардейцев взломали дверь одного дома и, несмотря на густой трупный запах, выбрались на крышу. Память не изменила Саймону: в соседнем доме была проломлена крыша — след его приземления на самолете. Он стоял в стороне, пока моряки перебрасывали абордажные крюки через улицу. Солдаты привязали мечи, проверили прочность своих оружейных поясов и решительно посматривали на две тонкие линии, проведенные через пустоту. Саймон отобрал только тех, кто не боялся высоты. Но теперь, перед испытанием, у него было больше сомнений, чем надежд. Он шел первым, цепляясь за веревку и ощущая давление второй веревки. Ему казалось, что она не выдержит и оборвется. Но вот этот ужас кончился. Саймон отвязал от пояса третью веревку и обвязал ее вокруг одного из столбов, поддерживающих крышу ангара. Самолеты, которые он вывел из строя, стояли на местах, но открытые капоты и разбросанные инструменты свидетельствовали о том, что здесь шла работа. Почему они не успели подготовиться — это было загадкой. Саймон приказал четырем солдатам охранять крышу и веревочную дорогу, а остальным начать штурм крепости. Та же тишина, что окружала их в городе, господствовала и здесь. Они прошли по коридору, спустились по лестнице, миновали двери и слышали только биение собственных сердец. Неужели крепость покинута? Они шли в самое сердце слепого, закрытого здания, каждую минуту ожидая нападения одержимых. Свет становился ярче: в воздухе чувствовалось какое-то неуловимое изменение, которое говорило о том, что эти этажи покинуты. Наконец, отряд Саймона подошел к каменным ступеням, которые он так хорошо помнил. В конце лестницы начинается серое колдеровское покрытие стен. Саймон наклонился, прислушиваясь. Далеко внизу он услышал звук, гудение, такое же ритмичное, как и удары его сердца.

— Капитан,— к Саймону подошел Такстон,— что нас ждет внизу?

— Вы знаете столько же, сколько и я,— ответил Саймон, и именно в этот момент он осознал, что не ощущает опасности, даже в таком опасном месте. Внизу шла какая-то работа, иначе откуда брались эти звуки. Он осторожно, но быстро начал спускаться по ступеням, взяв на изготовку самострел. Двери всюду были заперты. Наконец, отряд подошел к той комнате, где висела карта. Гудение здесь стало еще громче. Огоньки на карте погасли. На длинном столе не было машин, хотя провода и металлические крепления показывали, где они раньше стояли. Но перед меньшим столом по-прежнему виднелся человек в шапке. Он сидел, и глаза его были закрыты. Он был в той же позе, как и тогда, когда Саймон видел его в первый раз. Вначале Саймон подумал, что этот человек мертв. Он подошел к столу, с опаской поглядев на старшего колдера. Это был тот самый человек, чью внешность он старался описать скульптору Эсткарпа. И теперь Саймон почувствовал удовлетворение от того, что точно описал этого человека. Саймон остановился — человек был не мертв, хотя глаза его оставались закрытыми, а тело неподвижным. Одна рука лежала на контрольном щите, врезанном в поверхность стола, и Саймон заметил, как шевельнулся палец, нажимая кнопку.

Саймон отпрыгнул. На мгновение глаза колдера открылись. Лицо под шапкой было искажено гневом, а, возможно, страхом. Саймон схватил провода, что отходили от металлической шапки и углублялись в стену. Он рванул их, что было силы, и несколько проводков оборвались. Кто-то из солдат крикнул, и Саймон увидел, что бочкообразное орудие направилось прямо на него: колдер перешел к действиям. Только потому, что шапка с проволочным хвостом стесняла движения колдера, Саймон остался жив. Не произнеся ни звука, он ударил самострелом по плоскому лицу с искривленным ртом, с темными, полными ненависти, глазами. Из щеки и носа потекла кровь. Саймон перехватил руку противника и вывернул ее так, что тонкий луч ударил в потолок, а не ему в лицо. Они повалились в кресло, с которого встал колдер. Послышался резкий щелчок, и шею Саймона обожгло. Но тут же он услышал приглушенный крик, лицо колдера исказилось в гримасе. Кровь залила его.

Глаза его, и так огромные, все увеличивались, заполняя зал,— Саймон падал в эти глаза. И вот это уже не глаза, а затянутое туманом окно в иной мир, а, может быть, в иное время. Между колоннами виднелись люди в серых одеждах. Они ехали на странных машинах ему навстречу. При этом они отстреливались. Несомненно, за ними кто-то гнался. Они ехали узкой колонной, и Саймон ощутил, что они в отчаянии, что они чего-то боятся. Никогда не знал Саймон, какие испытания ему суждены и каким страшным может оказаться мир подсознания. Ворота... они должны добраться до ворот — это даст им время, время для восстановления сил, для того, чтобы снова стать такими, какими они хотят. Разбитая империя и разграбленный мир оставались за ними, а впереди новый мир, свободный и богатый. Окруженные беглецы отступили, Саймон снова увидел бледное окровавленное лицо человека, которого он ударил. В воздухе

висел запах горелой ткани. Долго ли продолжалось это видение? Не больше доли секунды! Саймон продолжал бороться, прижимая противника к креслу. Он еще дважды ударил его, прежде, чем пальцы колдера разжались и выпустили лучевое оружие. Впервые колдер застонал. Секундное видение бегущих людей, мгновенная вспышка страха и ненависти подействовали на него, как удар. Подбежавшие солдаты усадили колдера в кресло. В последний раз Саймон почувствовал какую-то невидимую связь с этим человеком, с тем далеким временем и пространством, откуда пришли колдеры. Все кончилось. Саймон отошел от обмякшего тела.

Такстон наклонился и попробовал снять металлическую шапку. Все, кто были рядом, поразились — это была не шапка, это было продолжение головы, часть тела теперь уже мертвого человека.

— Оставьте его! — сказал Саймон.— И пусть никто не касается этих проводов.

Он скорее понял, чем услышал, что ритмичное гудение, сотрясающее воздух, замолкло. Должно быть, в шапке было сердце, которое перестало биться. Убит этот странный человек, но убито и все пространство вокруг него, которое он заряжал пусть злою, но энергией. Саймон направился к алькову, где был лифт. Если перестали работать все механизмы, можно ли добраться до верхних этажей? Дверь в клетку лифта была открыта. Саймон передал командование Такстону и в сопровождении двух гвардейцев вошел в лифт, закрыв за собой дверь. Бойцам Эскарпа продолжало везти: закрытая дверь привела в действие механизмы лифта. Саймон ожидал, что он остановится на этаже, где была лаборатория, но, когда дверь открылась, он увидел нечто совсем другое. Сопровождающие его гвардейцы изумленно вскрикнули. Они находились в подземной гавани. Сильно пахло морем и еще чем-то непонятным. Освещенный мостик уходил прямо в море. На берегу были неприятели. Серого одеяния на них не было, и вообще они были похожи на обычных людей. Живые мертвецы, которых они встречали на улице, были вооружены и снаряжены, эти же — или обнажены, или одеты в какие-то лохмотья. Некоторые лежали около небольших барж, груженых ящиками и контейнерами. Другие, как будто выстроились, но стояли, в любую минуту готовые упасть. Саймон подошел к одному из них и наклонился, вглядываясь. Человек был мертв. Неохотно, стараясь не приближаться к покойникам, они направились к концу гавани. Среди мертвецов не было ни одного вооруженного. Никто из них не принадлежал к расе Эскарпа. Если это и были рабы колдеров, то они были пригнаны сюда из других мест.

— Капитан,— окликнул один из гвардейцев, остановившись возле тела и удивленно глядя на него.— Никогда в жизни не видел таких людей! Взгляните на цвет его кожи, на его волосы: он не из наших земель!

Несчастный колдеровский раб лежал на спине, как будто спал. Кожа его тела, если не считать узкой полоски вокруг

бедер, была красновато-коричневого цвета, волосы сильно курчавились. Ясно было, что колдеры расставляли свои сети в самых далеких краях. Саймон подошел к концу гавани. Горм был воздвигнут над огромной пещерой. Захватчики вырыли ее для своих целей, о которых Саймон мог только догадываться. Неужели это тайный док колдеровского флота?

— Капитан! — солдат стоял на краю каменного мостика и махал рукой Саймону. Вода явно заволновалась, на мостик набежали волны, заставляя людей отступить. Даже в сумраке было видно, как что-то поднимается к поверхности.

— Ложись! — приказал Саймон. У них не было времени вернуться к лифту. Они лежали рядом, Саймон подложил под голову руку и приготовил самострел. Из воды появился большой корпус, с него потоками стекала вода. Виден был заостренный нос и такая же корма. Догадка Саймона оказалась верной: один из колдеровских кораблей возвращался в гавань. Саймон подумал: так ли громко он дышит, как и его сосед гвардеец. Они в отличие от мертвых одеты, острый взгляд сумеет отличить блеск их кольчуг, а колдеровское оружие пригвоздит их к месту прежде, чем они смогут пошевелиться. Но корабль, поднявшись на поверхность, больше не двигался, он покачивался на волнах, как будто тоже был мертв, как и тела рабов на берегу. Саймон следил за ним, когда лежащий рядом гвардеец что-то прошептал, тронув его за руку. Саймону не нужно было повторять. Он тоже заметил новые волны, бегущие на берег. Волны прибили первый корабль к причалу. Было ясно, что корабль никем не управляется... Не веря, что на корабле нет экипажа, гвардейцы оставались в укрытии. Только когда поднялся третий корабль, а первые два продолжали беспомощно биться о причал, Саймон признал очевидное и встал на ноги. Корабли не управлялись. Два из них только что с шумом столкнулись. Люки не открылись на их палубах, не было никаких признаков экипажа или пассажиров. Гавань говорила, однако, о другом. Все в ней было готово к погрузке. Намечалось организованное отступление с Горма. Но почему были убиты рабы? Ступать на борт одного из этих кораблей было рано, но все же нужно было наблюдать за ними. Один из кораблей ударился о причал.

— Останетесь здесь? — Саймон скорее спрашивал, чем отдавал приказ. Гвардейцы Эсткарпа привыкли к странным зрелищам. Но тут могли оставаться только добровольцы.

— Эти корабли... нужно узнать их тайну,— ответил один из солдат.— Я не думаю, чтобы они уплыли отсюда снова.

Саймон понял, что солдаты боятся оставаться. Они покинули гавань, оставив на ней брошенные корабли и мертвецов. Прежде, чем закрыться в лифте, Саймон стал искать управление. Он хотел добраться до одного из этажей, где можно было встретиться с отрядом Кориса, а не возвращаться в зал с картой. Но стены лифта закрылись, на них не было никаких кнопок. Он стал ждать. Когда вибрация стен показала, что подъем начался, Саймон ясно представил себе коридор лаборатории и

пожелал добраться туда. Лифт остановился, дверь скользнула в сторону, и трое гвардейцев увидели перед собой удивленные лица вооруженных людей. Только это удивление и спасло людей из обоих отрядов. Иначе, при таком нервном напряжении, конечно же, началась бы пальба. Кто-то окликнул Саймона и он увидел Брайанта. Потом человек, в котором безошибочно можно было узнать Кориса, протиснулся между солдат.

— Откуда вы выпрыгнули? Из стены?

Саймон узнал коридор, где собрался Эскарпский отряд: именно об этом месте он думал. Неужели лифт прочел его мысли? Сработал на его желание?

— Вы нашли лабораторию?

— Мы нашли множество вещей, но мало что из них имеет смысл. Однако здесь нет ни одного колдера. А вы их видели?

— Только одного, но он уже мертв. А может, все они мертвы,— Саймон подумал о кораблях и о тех, кто раньше управлял ими.

— Не думаю, что нам здесь нужно опасаться встречи с неприятелем.

Саймон оказался пророком. Кроме человека в металлической шапке на Горме не оказалось ни одного представителя чужой расы. А те, что служили Колдеру, были мертвы. Их находили группами, по двое, по трое в коридорах и комнатах крепости. Все лежали так, будто упали внезапно, когда ушло то, что поддерживало в них жизнь. Гвардейцы отыскали пленников в помещении рядом с лабораторией, среди них были и те, кто делил заключение с Саймоном. Они неохотно просыпались от своего наркотического сна и были неспособны вспомнить что-либо после того, как почувствовали в воздухе газ. Но все они благодарили своих многочисленных богов за то, что попали на Горм слишком поздно, и не разделили печальную участь рабов Колдера. Корис и Саймон отвели моряков-салкаров в подземную гавань и в маленькой лодке обследовали пещеру. Они обнаружили только скальные стены. Вход в эту гавань, должно быть, находился под водой. Они решили, что теперь этот вход завален, и корабли не могут покинуть гавань.

— Если колдер в шапке управлял всем,— рассуждал Корис,— то вход был перекрыт, когда он умер. А сумятица здесь, видимо, началась тогда, когда мы победили в игре Сил и он начал давать противоречивые приказы.

— Возможно,— согласился Саймон. Он думал о том, что, если остальные колдеры действительно замурованы в кораблях, Эскарп может торжествовать победу.

Они привязали веревку к одному из кораблей и подтащили его к причалу. Но крепление люка не поддавалось. И Корис, и Саймон, предоставив салкарам возможность справиться с этой работой, вернулись в крепость.

— Опять загадка,— сказал Корис, когда дверь лифта закрылась за ними.— Видимо, человек в шапке не управлял им, иначе мы не могли бы пользоваться лифтом.

— Вы можете управлять им так же, как и он.— Саймон прислонился к стене, усталость навалилась на него. Поверят

ли в Эсткарпе его рассказу? — Думайте о коридоре, где вы меня встретили, мысленно нарисуйте его.

— Так? — Корис натянул шлем. Он прислонился к стене и сосредоточенно закрыл глаза.

Дверь открылась. Они увидели коридор лаборатории, и Корис рассмеялся, как ребенок, получивший игрушку.

— Значит и я,— сказал Корис,— тоже могу управлять этим волшебством. Похоже, у колдеров Сила принадлежит не только женщинам.

Саймон вновь закрыл глаза, мысленно представив себе комнату с картой. Только когда они оказались там, он ответил капитану.

— Возможно, именно этого нам и следует опасаться, капитан. У колдеров своя Сила, и вы видели, как они используют ее. Горм — это кладовая их знаний.

Корис бросил свой шлем на стол под картой и, опираясь на топор, посмотрел на Саймона.

— Вы хотите, чтобы мы не трогали эту кладовую? — он уже понимал Саймона с полуслова.

— Не знаю.— Саймон тяжело сел в одно из кресел и опустил голову на кулаки.— Я не ученый, не мастер их магии. Салкаров будут искушать корабли, эсткарпцев же то, что находится здесь.

— Искушать? — кто-то повторил его слово, и они оба подняли голову. Саймон вскочил, увидев колдунью. Рядом с ней, как оруженосец, стоял Брайант.

Она была в кольчуге и в шлеме, но Саймон знал, что даже если бы она изменила свою внешность, он все равно узнал бы ее.

— Искушать,— снова повторила она,— вы хорошо подобрали слово, Саймон. Да, нас будут искушать: поэтому я здесь. У лезвия две стороны, и можно не только поразить врага, но и пораниться самим, если только не будем осторожны. Следует ли нам отворачиваться от чужой науки, уничтожить все найденное здесь? Будем ли мы после этого в безопасности и не откроем ли дорогу для нового нападения колдеров; невозможно защищаться, если не имеешь представления об оружии нападающих.

— Колдеров здесь нечего опасаться,— Саймон говорил медленно и тяжело.— Их было тут совсем немного. Если кто-нибудь из них и сбежал, можно проследить его путь до дверей самого логова. Но они, скорее всего, уже закрыты.

— Закрыты?

— В последней схватке их предводитель, не желая того, выдал тайну.

— Что они из другого мира?

Саймон вздрогнул. Прочла ли она его мысли, или у нее была какая-то своя информация?

— Откуда вы это узнали?

— Я не умею читать мысли, Саймон. Но не так давно нам стало это известно. Да, они пришли к нам из другого времени, как и вы, но, я думаю, с другими целями.

— Они беглецы... бежали от разрушения, которое вызвали

сами. Не думаю, чтобы они оставили дверь за собой открытой. Но мы должны проверить это, а вдруг.

— Вы думаете, если мы воспримем их знания, нас может затянуть их зло. Не знаю, Эсткарп долго жил, охраняемый своей Силой.

— Леди, независимо от решения, которое мы сейчас примем, Эсткарп не останется прежним. Либо он начнет свою новую жизнь, либо окончательно погрузится в застой, который есть форма смерти.

Они говорили, как будто были наедине, а Корис и Брайант не принимали участия в разговоре о будущем Эсткарпа. Колдунья говорила с ним как равная с равным. Раньше ему не позволялось быть с ними на равных.

— Вы говорите правду, Саймон. Вероятно, древнее единство моего народа должно кончиться. Будут такие, кто захочет жить в новом мире, и такие, кто отмахнется от изменений. Но все это в будущем. И во всем виновата эта война. А как вы думаете, что нужно сделать с Гормом?

Он устало улыбнулся.

— Я человек действия. Пойду к воротам, через которые пришли колдеры и проверю, тщательно ли они закрыты. Отдайте приказ, леди, и он будет выполнен. А пока я закрыл бы это место — до принятия решения. Может кое-кто попытается овладеть тем, что здесь лежит.

— Да, Карстен, Ализон — они были бы рады пограбить Сиппар.— Колдунья кивнула. Руки ее взметнулись к шее. Она достала камень.

— Вот знак моей власти, капитан,— она обратилась к Корису.— Пусть будет так, как сказал Саймон. Этот склад чужих знаний должен быть закрыт, а в городе оставлен гарнизон, пока мы не решим, что делать с тем, что находится здесь.— Она улыбнулась молодому офицеру.— Вы останетесь здесь, лорд-защитник Горма.

Краска медленно заливала лицо Кориса, подступая к самым корням волос. Когда он ответил, у его рта обозначились горькие морщины, состарив его молодое лицо.

— Вы забыли, леди,— он опустил топор на стол,— что когда-то Корис был изгнан отсюда?

— А что случилось затем с Гормом и теми, кто изгнал Кориса? — спокойно спросила она.

Рука его крепко сжала рукоять топора.

— Ищите другого лорда-защитника Горма, леди. Клянусь Коржаномом, что не вернусь сюда. Для меня это место вдвойне проклято. Думаю, что у Эсткарпа нет причин жаловаться на своего капитана, к тому же я не верю, что война уже выиграна.

— А вы знаете, он прав — поддержал Кориса Саймон.— Колдеров, может, и немного, большинство из них заперто в кораблях. Но мы должны проследить их путь до самого выхода, чтобы быть уверенными, что они не появятся и не захотят снова захватить власть... А сейчас надо подумать об Айле. И нет ли у них гарнизона в Салкаркипе? Глубоко ли они

вторглись в Карстен и Ализон? Возможно, мы только в начале большой войны.

— Хорошо,— колдунья гладила камень.— Уж коль вы все понимаете, Саймон, оставайтесь здесь губернатором.

Корис быстро заговорил, прежде, чем Саймон успел ответить:

— Я думаю, это будет разумно. Владейте Гормом с моего благословения, Саймон, и не думайте, что я когда-нибудь предъявлю наследственные права.

Но Саймон покачал головой.

— Я солдат. И из другого мира. Каждому свое: мне нужно проследить колдеров.— Он знал, что на завтра ему суждено увидеть узкую долину и бегущих отстреливающихся людей.

— Вы хотите отправиться в Айль, Салкаркип и дальше? — нарушил молчание Брайант.

— И куда же вы поведете нас теперь? — спросил Корис.

— В Карстен! — если раньше Саймон и считал Брайанта спокойным и невозмутимым, сейчас он увидел, что это не так.

— А почему Карстен так важен для вас сейчас? — голос Кориса звучал добродушно. Но было еще что-то в его голосе, хотя Саймон не мог уловить, что именно. Велась какая-то игра, и он не знал ее правил.

— Ивьян! — это имя прозвучало как боевой клич, и Брайант посмотрел на Кориса, ожидая, что тот подхватит этот клич. Как и раньше, во время разговора Саймона с колдуньей, сейчас Корис и Брайант говорили так, будто вокруг никого нет. Второй раз щеки Кориса побледнели, а потом вспыхнули, как будто капитан вел борьбу, от которой не хотел уклониться. Впервые он забыл о топоре Вольта, лежавшем на столе, и подошел к концу стола с кошачьей грацией, так не вязавшейся с его изуродованным телом. Брайант, со смешанным выражением вызова и надежды, ждал его приближения. Руки капитана с силой упали ему на плечи.

— Вы хотите этого? — Кориса как будто пытали.

Брайант попытался уклониться.

— Я хочу свободы,— ответил он негромко.

Руки капитана упали, Корис рассмеялся с такой горечью, что Саймона это озадачило.

— Будьте уверены, она ваша,— капитан отошел бы, если бы на этот раз Брайант не схватил его за руку.

— Мне нужна свобода только для того, чтобы сделать выбор. И этот выбор уже сделан — неужели вы сомневаетесь в этом? Или мне не хватает того, чем обладает Алдис?

— Алдис? Догадка озарила Саймона.

Пальцы Кориса коснулись лица Брайанта. На Брайанта капитан мог смотреть вниз, а не вверх, как на других.

— Вы верите в клятву на мече? У Ивьяна есть Алдис, пусть будут довольны друг другом. Но, мне кажется, Ивьян сделал неудачный выбор. И если на одном топоре был заключен брак, почему бы его не заключить на другом?

— Брак только в пророчествах Сирика,— вспыхнул Брайант, все еще волнуясь, но не пытаясь освободиться от рук капитана.

Нужно ли это говорить мне, леди Верлейнская? — Корис улыбался.

— Лойз Верлейнская мертва! — повторил Брайант.— Вам придется иметь дело с ее наследницей, капитан.

Корис сморщился:

— Не нужно говорить об этом. Мне не нужна жена с богатым приданым. И никогда больше не напоминайте об этом.

Ее рука зажала ему рот, требуя молчания. Голос ее был гневен, когда она ответила:

— Корис, капитан Эсткарпа, никогда не должен говорить так о себе, особенно мне, женщине без наследства, без земель и красоты!

Саймон вздрогнул, он-то видел, что кроме них больше никого в комнате нет. Он коснулся плеча колдуньи и сказал:

— Оставим их.

Она рассмеялась.

— Этот разговор о том, кто чего стоит, скоро прекратится совсем.

— Значит, она и есть исчезнувшая наследница Верлейна, вышедшая замуж за герцога Ивьяна?

— Да, только благодаря ей я спаслась из Верлейна. Фальк не самый приятный противник.

Чуткий к оттенкам ее голоса, Саймон стал угрюмым.

— Я думаю, что Фальк и его грабители в самом близком будущем должны получить хороший урок.

Саймон знал ее склонность к преуменьшениям. Вполне достаточно признания, что она обязана спасением из Верлейна этой девушке. Для женщины Силы такое признание говорит о том, что опасность была действительно серьезной. Он испытал желание взять один из салкарских кораблей, посадить туда воинов и плыть на юг.

— Несомненно, они его получат,— со свойственным ей спокойствием согласилась она.— Как вы сказали, мы лишь в середине войны и еще не победили. Верлейну и Карстену тоже придется уделить должное внимание. Саймон, меня зовут Джелит.

Это произошло так внезапно, что Саймон вначале не понял значения сказанного. Потом, вспомнив Эсткарпские обычаи, он почувствовал крайнее удивление: ее имя, самое тайное во владениях обладательниц Силы,— его нельзя отдавать никому. Как топор Кориса, так и камень колдуньи остался лежать на столе. Саймон понял, она сознательно обезоружила себя, отбросила все свое оружие и защиту, отдавая в его руки самое важное в ее жизни. Он мог только догадываться, что означает для нее такая сдача, но догадывался смутно. И он почувствовал благоговейный страх.

Он сделал шаг и привлек ее к себе. И, отыскав ее губы, Саймон понял, что сам он изменился. Впервые он стал неотъемлемой частью этого мира. И так будет всегда, до конца его жизни.

ПАУТИНА КОЛДОВСКОГО МИРА

Ночью бушевала гроза, сердитые порывы ветра сотрясали древние стены, тугие капли бились о ставни. Внутри Южной Крепости завывания ветра казались отдаленным воем. А Саймона Трегарта эти звуки даже успокаивали.

То, что угнетало его, невозможно было объяснить. Он ощущал томительное беспокойство, которое грызло его в предрассветной мгле.

Саймон лежал, напряженно вслушиваясь в темноту, словно часовой на посту.

Холодный пот выступал на щеках. В сероватой мгле таяли тени, ни один звук не нарушал тишину покоя, где стояла их кровать, и все же...

Рука его непроизвольно потянулась и ощупала пространство. Не то, чтобы он понял это, но, во всяком случае, Саймон ощутил нежность и радость, что рядом человек, который всегда выручит. Он не смог бы найти названия тому странному чувству, которое охватило его.

Рука коснулась теплого тела, скользнула по шелковистой коже. Он повернул голову и в слабом свете пробуждающегося утра бросил взгляд на ту, что лежала рядом с ним. Настороженный взгляд открытых глаз встретился с его взором, но где-то в самой глубине зрачков Саймон уловил легкую тень, которая была точным отражением его все возрастающего беспокойства.

Джелит была одной из колдуний Эсткарпа. Теперь она стала его женой. Женщина поднялась с подушек и села на постели. Шелковистая прядь черных волос нежно коснулась его щеки, а потом волосы окутали ее плечи. Джелит стиснула руки над высокой маленькой грудью. Она больше не смотрела на него, а беспокойным взглядом обводила комнату. За пологом кровати, раздвинутом из-за жары, были видны их огромные покои.

Эта странная комната в который раз поразила Саймона. До сих пор настоящее казалось ему по временам каким-то колдовским сном, особенно когда он вспоминал о прошлом. В другие минуты именно это прошлое казалось ему призрачным сном. Кто же он такой в сущности? Саймон Трегарт — разжалованный армейский офицер, преступник, бежавший от карающей руки закона. И в то же время он тот самый, кто решился на отчаянный шаг, который только и мог обеспечить ему надежное убежище.

Джордж Петрониус открыл ему тайну «ворот» в этот злой мир — древнее каменное седалище, которое переносило всякого смельчака, решившего сесть на него, в новый мир, где он мог найти себе место по мере своих возможностей и талантов. Вот кто такой был Саймон Трегарт на самом деле.

А здесь, в Южной Крепости Эсткарпа, лежал другой Саймон Трегарт, хранитель Южных Границ, присягнувший на верность Властительницам. Он взял себе в супруги одну из самых могущественных колдуний, которых так боялись все вокруг в этой древней стране Эсткарпа, история которой уходит в глубь времен. В этот самый миг прошлое казалось Саймону навсегда сметенным, ибо, пересекая таинственную границу миров, он и не предполагал, что его союз с этим миром окажется вскоре столь полным.

И словно кинжалом, его пронзила мысль: что же он все-таки делает здесь сейчас. Он сел на постели так же внезапно, как и Джелит, плечи их соприкоснулись, в ладони его был сжат самострел. В тот миг, когда Саймон выхватил его из-под подушки, он уже знал, что ведет себя глупо. Ведь то, что его встревожило, не означало, что ему немедленно придется с кем-то драться. Это было совсем иное беспокойство и потому еще более устрашающее.

— Саймон... — произнесла Джелит неуверенным, дрожащим голосом, звучащим гораздо выше, чем обычно.

— Я знаю! — Он уже соскользнул с широкого ложа, ноги его нашли первую ступеньку лестницы, а руки протянулись к одежде, оставленной вчера на стуле.

Где-то рядом, может быть, в Южной Крепости, происходит что-то такое, в чем таится опасность! Он лихорадочно перебирал в памяти все возможные варианты. Нападение со стороны моря — из Карстена? Но он был уверен, что войска герцога не могли бы незамеченными пробраться через горы, ведь там неусыпно вели стражу фальконеры и его собственные отряды пограничников. А, может быть, это атакуют войска Ализона?.. Ведь уже несколько месяцев в той стране идет скрытая война. Или же...

Саймон лихорадочно зашнуровывал пояс и натягивал сапоги. Он чувствовал, как буквально холодеет при мысли, что есть еще одна опасность — самая страшная. А что, если Колдер не сокрушен, и зло, которое так же пришло из другого мира, как он сам, снова зашевелилось и приблизилось к ним?

С тех пор, как последние атаки безжалостного врага были отражены и пала твердыня Колдера на острове Горм, а организованное ими восстание в Карстене подавлено, Колдер исчез. Все было тихо в мрачных краях Айля, хотя их армии не могли преодолеть полосы укреплений, воздвигнутых на морской и сухопутной границах. Но Саймон не верил, что это поражение означает полный разгром Колдера. Он считал, что покончить с Колдером можно только после того, как будет сметено с лица земли само гнездо врага вместе со всеми его чудовищ-

ными обитателями. Однако до сих пор, пока на юге им по-прежнему грозит Карстен, а с севера — Ализон, вряд ли они смогут что-либо предпринять в этом смысле.

Он прислушался, не гудит ли на сторожевой башне набат — ведь не могли же стражи Южной Крепости оказаться застигнутыми врасплох, они всегда были начеку. Но все было тихо.

— Саймон! — голос жены прозвучал так твердо и повелительно, что он снова схватился за самострел.

Лицо Джелит казалось в сумраке спальни белым пятном. Он видел крепко сжатые губы и огонек, зажегшийся в ее глазах. Она набросила на себя широкое красное одеяние, небрежно прихватив на груди его складки двумя руками. Подол платья волочился по полу, когда она нетвердыми шагами, словно еще спала, подошла к ложу. Она пришла в себя и ею двигал уже не страх.

— Саймон! Я... я снова единое целое! — эти слова поразили его в самое сердце куда сильнее, чем сигнал об опасности, который прозвучал у него в мозгу. Это так много значит для нее. Она утратила часть своего «я» после того, что было между ними. Он постарался найти ей оправдание. Колдовство было ее призванием. Как и все ее сестры по духу, она находила в нем высшую радость, гордилась им. И все же Джелит с такой готовностью отказалась от того, что составляло ее жизнь, когда пришла к нему, ни минуты не сомневаясь, что в слиянии их тел она утратила все, что было ей так дорого!

Саймон протянул ей руку, и их пальцы сплелись. Неожиданная радость согревала Джелит изнутри, и это чувство передалось Саймону. Он ощутил ответное горячее пожатие ее тонких пальцев.

— Откуда же... — начал было он, но она перебила его:

— Это все еще со мной, по-прежнему со мной! О, Саймон! Я не только женщина, я остаюсь колдуньей!

Она отпустила одежду, которую все еще придерживала одной рукой, и поднесла руку к груди, ища то, чего у нее не было больше — волшебный камень, который она отдала накануне свадьбы.

И сразу же лицо ее снова чуть потускнело — ведь этот камень давал ей энергию, которую она ощущала так ясно и которая по-прежнему в ней кипела. Она опустила руку и замерла, высоко подняв голову и словно бы прислушиваясь к чему-то.

— Тревоги не было,— сказал Саймон, наклоняясь, чтобы подобрать с пола упавшую одежду и накинуть ее на жену.

— Я не думаю, что это нападение. Но произошло что-то нехорошее, стряслась какая-то беда.

— Да, но только где и какая именно?

Она все еще стояла, словно прислушиваясь, но на этот раз Саймон ясно видел, что она не слушает, а улавливает какие-то волны, направленные прямо в ее мозг. Его же беспокойство перерастало в жгучее желание немедленно действовать.

— Лойз! — прошептала Джелит и бросилась к своему сундуку. Она стала одеваться так же поспешно, как это раньше делал Саймон, но только не в обычный домашний наряд, а в костюм из мягкой кожи, который надевался под кольчугу, когда они отправлялись верхом на вооруженную вылазку.

Лойз? Саймон не был в этом уверен и не стал задавать вопросов. Их было четверо борцов за освобождение Эсткарпа и за собственное освобождение от того зла, которое Колдеру удалось так глубоко насадить в этом мире, некогда добром и справедливом. Саймон — пришелец из другого мира, Джелит — колдунья Эсткарпа, Корис — бежавший из Горма после того, как остров погрузился во тьму, он же Капитан Гвардии, Сенешаль и Маршал Эсткарпа, и Лойз — наследная принцесса Верлейна, твердыни разбойных владений Побережья. Лойз, надев кольчугу, сражалась с мечом в руках в битве за Горм, а после в крепости Сиппар поклялась в вечной верности Корису. Лойз, бледная, хрупкая девушка, по-настоящему мужественная и беззаветно храбрая! И был сигнал об опасности, грозящей именно ей.

— Но ведь она в Эс-Касле,— протестовал Саймон, торопливо натягивая кольчугу, точную копию той, которая уже позванивала кольцами на плечах у Джелит.

— Нет! — голос Джелит звучал твердо.— Что-то происходит в море.

— Корис?

— Я не чувствую, что это он. Если бы только у меня был мой камень! — Она натянула сапоги.— У меня такое чувство, будто я пытаюсь пальцами поймать туман. Все в какой-то дымке, но я точно знаю, что Лойз в опасности, и эта опасность связана с морем.

— Неужели Колдер? — испуганно спросил Саймон.

— Нет. Я не вижу пустоты защитной стены Колдера. Но помощь кому-то из наших необходима, притом немедленно. Мы должны скакать, Саймон, к юго-западу. Она смотрела на стену, словно видела сквозь нее то, о чем рассказывала.

— Мы поскачем.

Торопливо шагая к лестнице, ведущей вниз, они услышали привычные звуки смены караула. В крепости было все спокойно. Саймон крикнул вниз:

— Трубите сбор!

Его голос был гулок под низкими сводами и тотчас же снизу ответили. Они едва успели достичь середины лестницы, когда раздался звук трубы.

Гарнизон был готов в любую минуту выступить в поход. Много раз и весной и осенью по сигналу трубы выезжали за стены отряды пограничников. Те, кто входил в ударные силы, находившиеся под командованием Саймона, были набраны главным образом из числа беглецов — потомков Древней Расы, изгнанных из Карстена кровавыми порядками Колдера. У них было более, чем достаточно оснований ненавидеть насильников и

убийц, завладевших их исконными землями, а теперь время от времени предпринимавших попытки разрушить последнее прибежище этих бездомных — Эсткарп. Темноволосые и темноглазые, эти люди сохранили многовековую мудрость Древней Расы. В их жилах текла необычная кровь, их женщины владели всеми тайнами колдовства, а мужчины были непревзойденными воинами.

Ингвальд, первый заместитель Саймона с тех пор, когда они стремя в стремя сражались рядом, ожидал их во дворе.

— Мы поскачем к юго-западу,— коротко сказал Саймон в ответ на вопрошающий взгляд Ингвальда.— Там стряслась беда. Я забираю с собой половину отряда. Ты останешься здесь командовать второй половиной.

Ингвальд кивнул.

— С тобой поскачут люди Дуротана,— сказал он.— Они все равно должны сегодня нести дозор на холмах, так что все в сборе.

— Годится.

К ним подбежала одна из служанок. В ее руках было блюдо с ломтями свежеиспеченного хлеба, поверх которых лежали дымящиеся куски мяса. За ней спешил мальчик, неся доверху наполненный кувшин с вином. Джелит и Саймон поели стоя, пока слуги снаряжали верховых лошадей, приторачивали к седлам сумы с припасами, готовили оружие.

— Вестница! — Джелит рассмеялась коротким счастливым смешком.— Она уже знает! Если бы у меня был снова камень, мы могли бы и вовсе освободить ее от обязанностей вестницы!

Саймон моргнул. Значит, Джелит все же сумела даже без своего камня послать мысленную весть той молодой колдунье, которая связывает их с командованием армии Эсткарпа. И, возможно, ее сообщение теперь в пути к Совету Охранительниц.

Он стал вспоминать края, которые им нужно было пересечь по пути на юго-запад... Там были, главным образом, горы, заброшенные пастбища, а на западе — морское побережье. Одна или две деревушки, пара торговых центров, несколько временных сторожевых пунктов.

Что может Лойз делать в тех местах? Почему она решила покинуть Эс-Касль и отправиться в те дикие края?

— Ее выманили хитростью,— Джелит снова прочитала его мысли.— Хотя какой именно хитростью, сказать не могу, но догадываюсь, кто это сделал.

— Это дело рук Ивьяна!

Нетрудно было понять, кто мог сводить счеты с Наследницей Верлейна. По законам Карстена, она все еще была женой Ивьяна, и он мог претендовать на трон, хотя никогда не видел ее, как и она его. Достаточно ему заполучить ее в свои руки и сделка, заключенная Фальком за счет своей дочери, будет завершена. Карстен, по слухам, был охвачен волнениями... Ивьян, который в прошлом был всего лишь наемником, сумевшим огнем и мечом добыть себе власть, оказался лицом к лицу со

старой знатью, ненавидевшей его. И ему необходимо было разделаться с ними, иначе трон его рухнет.

А в жилах Лойз текла кровь старинного и благородного рода, она могла похвастаться родством по крайней мере с тремя наиболее могущественными домами. Если Ивьян завладеет ею, ему удастся поправить положение. Но ему необходимо было торопиться. Саймон знал, что у Эсткарпа нет намерения вести войну за пределами своих границ. Разве только против Колдера. Однако, кровавая резня, которую учинил Ивьян против потомков Древней Расы, не забыта. И он знал, что рано или поздно колдуньи ему отомстят, направив против него свои чары. Лойз была, бесспорно, отличным орудием против этой угрозы, так что Ивьян давно был готов на все, чтобы ее заполучить.

Они выехали из крепости рысью. Джелит держалась прямо за скакавшим во главе отряда Саймоном, позади следовали двадцать солдат Дуротана. Перед ними на добрых четыре часа пути лежала торговая артерия Эсткарпа. Но с той поры, как во время вражеского набега был дотла разрушен и сожжен крупный торговый центр Салкаркин, движение по этой дороге почти прекратилось, если не считать объездов патрулей, которые время от времени расчищали ее от упавших деревьев и обломков, принесенных штормом.

Кони процокали копытами по мостовым Ромсгарта, городка, где обычно жители окрестных ферм проводили ярмарки. Ранние прохожие с интересом смотрели на кавалькаду, изредка обращаясь к проезжавшим с вопросами. Саймон заметил, что Дуротан сделал знак городскому стражу, и понял, что здесь они оставляют позади себя всегда готовую к бою охрану на сторожевом посту. Карстен и Ализон прекрасно знали, что потомки Древней Расы даже в своем теперешнем положении не собираются сдаваться без боя и при всяком удобном случае унесут с собой много вражеских жизней. И именно это удерживало оба государства от попытки напасть на Эсткарп.

В нескольких лигах от Ромсгарта Джелит сделала знак остановиться. Она ехала с непокрытой головой, ее шлем свешивался с седельного рожка. И сейчас она медленно поворачивала голову то вправо, то влево, словно пытаясь уловить запах следов. Но Саймон уже сам его почувствовал.

— Вот там!

Ощущение опасности, которое все это время ни на секунду не покидало его, стало необыкновенно острым. К югу от большой дороги вилась тропинка. Поперек нее лежало сваленное дерево, на нем виднелись свежие затесы. Один из верховых спешился, чтобы внимательно осмотреть тропинку.

— Следы копыт... свежие...

— Рассеяться! — приказал Саймон.

Они рассыпались в стороны и стали прорубаться сквозь кустарник. Джелит надела шлем.

— Быстрее!

Она пришпорила своего коня, который перепрыгнул через

дерево, и поскакала вперед. Саймон помчался вслед за ней. Любому наблюдателю показалось бы, что их всего двое, и немудрено — остальная часть отряда отстала.

В лицо бил пахнущий морем свежий ветер. Что же сейчас происходит там, в бухте? Возможно, качается на рейде корабль, который пришел сюда, чтобы похитить Лойз и увезти ее в Карстен? Саймон пожалел, что с ними нет ни одного фальконера с их прирученными птицами, которых можно было бы послать на разведку.

Саймон услышал торопливое цоканье копыт — их догоняли остальные спутники — ведь здесь опасно было находиться без защиты. Совершенно неожиданно они очутились на широкой, поросшей травой поляне, которая плавно спускалась к берегу. На ней паслись две лошади с пустыми седлами. А в отдалении покачивался на волнах корабль. Его разрисованные паруса туго надувал ветер. Догнать его уже было нельзя.

Джелит спешилась и побежала к яркому пятну, выделявшемуся на белом песке прибрежной полосы. Саймон последовал за ней. Они остановились возле убитой женщины. Ее руки как бы пытались вытащить кинжал, который торчал в груди по рукоятку. Саймон не знал погибшей. Джелит нахмурилась.

— Кто она? — спросил Саймон.

— Я видела ее. Она откуда-то из-за гор. Ее имя... — Джелит извлекла из тайников своей памяти имя.— Ее имя Бертера, и когда-то она жила в Карсе!

— О боже!

Саймон посмотрел туда, куда указывал один из его людей. Там, у самой воды, среди гальки и песка, было воткнуто копье с перчаткой от кольчуги. Объяснений никому не требовалось. Здесь побывал Карстен, и он желал, чтобы о его появлении стало известно. Ивьян открыто вызывал на бой. Саймон сдернул перчатку с копья.

Лучи солнца светили прямо в глаза, отражаясь от лежащего на столе предмета, словно от драгоценного камня. На самом деле это была всего лишь перчатка от кольчуги.

— Она исчезла два дня назад, и никто не знал, куда,— тихим голосом сказал Корис из Горма. Он стоял у края стола, наклонясь вперед и стиснув руки на рукоятке своего топора так сильно, что выступили побелевшие костяшки.— И я только вчера вечером узнал об этом! Только вчера. Зачем, зачем она это сделала?

— Я не сомневаюсь, что это работа Карстена, а о причинах можно только догадываться,— сказал Саймон, встретившись с тревожным взором Джелит.

Для Кориса все это было большим горем, и он не собирался сидеть сложа руки. Шаткое равновесие, установившееся между Эскарпом и его недобрыми соседями, должно было рухнуть. Ибо даже сила колдуний не могла удержать молодого сенешаля от попытки действовать. И Саймон понимал своего приятеля. Разве он не вел бы себя точно так же, если бы этот корабль увез Джелит?

— Карс падет!

Эти слова были произнесены совершенно спокойно.

— Это не так просто,— возразил Саймон.— Ведь если Корис из Горма перейдет через границу со своим небольшим отрядом, то худшей глупости и не придумать. Он, конечно, падет,— продолжал Саймон,— но только, если мы все тщательно обдумаем, а не просто ринемся в атаку, очертя голову.

— Корис,— рука Джелит появилась в полосе света над перчаткой.— Тебе не следует недооценивать Лойз!

— Недооценивать? — переспросил Корис. Слова Джелит дошли до него, хотя Саймона он словно бы и не слышал.

— Вспомни Брайанта. И не отделяй их друг от друга.

— Хотя Брайант и Лойз — одно и то же,— подумал Саймон,— Брайант не даст в обиду Лойз. Моя жена права. На то она и колдунья. Лойз под видом наемника Брайанта жила вместе с Джелит в Карсе, вела разведку в самом логове врага. Под этим же именем Лойз не только сумела вырваться из Верлейна, но и увезла с собой пленницу Джелит, как раз тогда, когда все в этой неприступной крепости — и лорд, и его люди — были против нее. Лойз, которая была Брайантом, вовсе не беззащитная девушка, она обладает умом, волей и решимостью.

— Она ведь принадлежит Ивьяну по их проклятым законам! — Корис взмахнул своим топором, описав дугу над сверкающей перчаткой.

— Нет. Она принадлежит только себе самой, пока не решит иначе, Корис! Я не понимаю, каким образом им удалось выманить ее к себе, но только сомневаюсь, чтобы им удалось надолго задержать ее у себя. Подумай вот о чем, мой гордый капитан, стоит только тебе ворваться в Карс, как ты того хочешь, и Лойз немедленно станет орудием против тебя в руках Ивьяна. Неужели ты этого хочешь?

Корис повернулся к ней и поднял глаза вверх, чтобы встретиться с Джелит взглядом — ему всегда приходилось делать так из-за маленького роста. При слишком широких плечах он казался еще шире, чем был на самом деле.

— Я не оставлю ее там...

Это было категоричное заявление.

— Мы тоже не оставим,— согласился с ним Саймон.— Но суди сам, ведь они только и ждут этого. Они затем и увезли ее, что рассчитывают, будто мы клюнем на эту приманку. Тогда ловушка сработает.

Корис прищурился.

— Так что же ты предлагаешь? Предоставить ей самой позаботиться о себе? У нее достаточно храбрости — у моей леди, но ведь она не колдунья. И не может она одна сражаться против всех.

У Саймона ответ был наготове: в его распоряжении, к счастью, было несколько часов, прежде чем Корис со своим отрядом примчался в крепость, и он успел все обдумать. Саймон бросил на стол рядом с перчаткой карту, нанесенную на пергамент.

— Мы не помчимся прямо в Карс, так как все равно не сможем захватить этот город без большой армии. Да и будь у нас армия, здесь не обойдется без большого кровопролития. Но наши солдаты проникнут в город по приглашению самого Ивьяна.

— Изменять облик? — Корис понемногу начинал утрачивать свою безрассудную воинственность.

— Вот именно,— кивнул Саймон.— Мы окажемся вот здесь... В плане Саймона существовал определенный риск, хотя все было продумано до мелочей. Он ведь уже давно вынашивал свой замысел. Однако раскрывать его раньше времени не хотел, так как в операции еще оставались «белые пятна». Но сейчас, после вылазки Карстена, деваться было некуда. Пришла пора действовать.

Корис внимательно изучал карту.

— Верлейн! — он искоса посмотрел на Саймона.

— Ивьяну нужен Верлейн. Он издавна мечтает о нем, и на Лойз женился главным образом поэтому. Дело тут не только в награбленных сокровищах, которые там хранятся, а Ивьяну нужны деньги — наемная армия обходится ему очень дорого. Гораздо больше интересует его сама крепость — ее так легко превратить в порт, откуда можно совершать разбойничьи набеги на нас. А теперь, когда сокровища Древней Расы уже разграблены, он особенно остро нуждается в Верлейне. Фальк вел себя благоразумнее, не осмеливаясь вторгнуться на территории Ивьяна. Но если все же он пошел бы на это...

— Предложить Верлейн в обмен на Лойз? Ты предлагаешь именно это?

Красивое лицо Кориса нахмурилось.

— Мы должны внушить Ивьяну, что он может получить Верлейн без лишних неприятностей.

Саймон впервые говорил вслух о том, что раньше хранил в тайне. Корис постепенно переставал хмуриться, внимательно вникая в план и ища в нем слабые места. Однако, он не перебивал Саймона, который приводил все новые факты, добытые фалконерами и разведчиками, соединяя воедино все, что ему удалось установить, и то, что ему было известно из прошлого опыта военачальника.

— Если они увидят перед замком на берегу корабль, то немедленно организуют вооруженную вылазку. В крепости у них надежная охрана, но внутри крепостных стен и под покоями имеются старые ходы, о которых Фальку ничего не известно. Они, разумеется, не охраняются. Именно этими ходами пробиралась Лойз, и они известны моей супруге. Отряд, который спустится с гор, проникнет в эти ходы — и тогда крепость наша! А потом мы соединимся с теми отрядами, которые рыскают по побережью.

— Но на это потребуется, я думаю, время, хорошая буря и немного везенья.— Протесты Кориса были легче пуха, и Саймон отлично понимал это. Сенешаль непременно примет его план,

а значит, угроза немедленной атаки вражеской территории отпадет. По крайней мере до тех пор, пока Корис занят Верлейном.

— Что же касается времени,— Саймон развернул карту снова,— то мы уже кое-какие шаги предприняли. Я послал сообщение фальконерам, и они рассеялись по вершинам. Разведчики пограничников отлично знают каждый уголок в тех местах, а салкары должны привести в порядок одно из брошеных суденышек в нашей гавани Сиппар. На нем поставят новые паруса, и оно будет двигаться довольно быстро, а балласт придаст ему достаточную осадку, как будто это обычное торговое судно. На нем будет вымпел с торговыми знаками Ализона. Что же касается шторма...

Джелит рассмеялась.

— А, шторм! Неужели ты забыл, Саймон, что ветры и волны подвластны нам? Когда пробьет час, я позабочусь о ветре и волнах.

— Но ведь...

Корис снова взглянул на нее, на этот раз во взгляде его был вопрос.

— Ты считаешь, что теперь я не имею прежней силы, Корис? Это далеко не так, могу тебя в этом заверить! — в голосе ее звучала радость.— Если я только сумею получить обратно мой камень, то ты в этом и сам убедишься! Итак, Саймон, пока ты отправишься к границе и раскинешь там свою сеть против Фалька, я поскачу в Эс-Касль за тем, что мне снова принадлежит по праву!

Он кивнул, но где-то в глубине души шевельнулись сомнение и глухая боль. Он думал, что она отказалась ради него от этого камня с радостью и без сожалений. А теперь выяснилось, что жертва не была принесена, что камень был утрачен на время и снова возвращается к своей хозяйке, делая ее таинственной и непонятной. Саймон считал, что знает свою жену. Оказывается, это не совсем так. И снова странное отчуждение возникло между ними. Ему вдруг стало холоднее. Что если это отчуждение со временем превратится в стену, и она разделит их навеки? Тут же Саймон отогнал от себя эти мысли — сейчас нужно было думать только о Верлейне.

Саймон послал известие, но не светом сигнального огня, который могли заметить шпионы Карстена, а через вестниц-колдуний. А там, где такой возможности не было, приказ Саймона передавали верховые нарочные. Гарнизоны укреплений сокращались где на пять, где на десять — двенадцать человек. Освобожденные должны были осторожно пробираться небольшими группками в горы под видом обычных патрулей и дожидаться решающего приказа.

Корис договорился с Аннером Осбериком, начальником отряда торговцев-рейдеров, которые поселились в Эс-Порте с тех пор, как их береговая крепость была захвачена врагом. Когда жил отец Осберика, ненависть его к колдерам и всему их клану была так же велика и грозна, как волны бушующего моря. Эту нена-

висть он завещал своему сыну, и поэтому Аннер Осберик всегда был готов выступать против общего врага.

План начал действовать. Оставалось только договориться о времени выступления.

Саймон распластался на самом краю утеса. День был пасмурный, но не туманный, поэтому, поднеся к глазам прозрачную кварцевую линзу, он ясно видел две арки. Он внимательно оглядывал высокие стены крепости. На горизонте просматривался когтеобразный риф, тот самый, который приносил добычу обитателям крепости, промышлявшим морским разбоем. Именно на этот риф и должен был высадить своих лжеторговцев Аннер. Таким образом, они окажутся достаточно далеко от крепости и выманят наружу гарнизон, который захочет поживиться за счет очередной жертвы моря.

Серое небо и влажный воздух предвещали шторм. Однако, им нужна была управляемая стихия, которая сработала бы на них. Саймон продолжал изучать в линзу местность, но его мысли были заняты совсем другим. Джелит уехала в Эс-Касль к Охранительницам, полная радости и восторга, что она не утратила своих колдовских способностей. Но с тех пор между ними не устанавливалось мысленной связи, которую Саймон ожидал. Теперь он готов был поверить, что те недели в Южной Крепости оставались лишь сладким сном, что никогда в его жизни не было столь полного свершения желаний, какое он испытал в тот миг, когда она слилась с ним воедино. Тогда ему казалось, что он точно знает: есть на свете место, с которым не сравнится даже рай, это место, где она рядом.

И снова его охватил холодный страх. Ему почудилось, что между ними вырастает стена. Нет, лучше всего гнать от себя прочь все мысли об этом, иначе он, подобно Корису, забудет свой долг и, сломя голову, кинется на поиски Джелит. Времени было мало, очень мало.

— Сегодня ночью,— подумал Саймон, пряча в карман кварцевую линзу,— сегодня ночью они выступают.

Прежде чем уехать, Джелит передала ему все сведения о подземных ходах Верлейна, и теперь они запечатлены навеки в его голове. Прошлой ночью он с Ингвальдом и Дуротаном спустились в пещеру, где начинались эти ходы. Молча смотрели на старинный алтарь, воздвигнутый в честь богов, обратившихся в прах вместе с теми, кто их чтил. Они ощутили нечто странное, что невозможно было определить, нечто висевшее в воздухе, отчего трудно становилось дышать. Это нечто оказало сильное противодействие способности Саймона воспринимать происходящее сверхчутьем. Он едва совладал со своим телом, которое затряслось словно в лихорадке. В этих подземных тайниках Древнего Мира, без сомнения, противоборствовали друг с другом тайные силы.

Саймон соскользнул с утеса, перебрался к расщелине, где притаились три разведчика и один фальконер.

— Сообщения были?

Глупый вопрос, подумал он, ведь сам бы узнал о Джелит, будь она здесь. Но юноша в кожаном костюме и кольчуге разведчика вскочил на ноги при виде Саймона.

— Есть сообщение от сенешаля, лорд. Капитан Осберик подготовил судно. Он может спустить его на воду по сигналу, но только пугается, что ветер продержится достаточно долго.

Время... Саймон не обладал способностью управлять стихией, и поэтому, если Джелит не вернется вовремя, им придется рискнуть и положиться на волю наступающего шторма, не рассчитывая на помощь колдовства... Это должно быть сделано сегодня ночью, самое позднее — завтра.

Раздался резкий крик птицы, и черно-белый сокол, глаза и уши Ункара, камнем упал на подставленную хозяином руку.

— Сенешаль идет,— сообщил Ункар.

Саймон никогда не мог полностью разобраться в связи, которая существовала у птиц с человеком, но он давно уже убедился, что такие сообщения всегда точны, и что птичья служба фальконеров-сокольничьих куда надежнее, чем любая разведка на этих высотах. Корис идет сюда, и он настроен выступить немедленно. На этот раз Саймону придется уступить настояниям других. Но где же Джелит?

Несмотря на свое неуклюжее тело, Корис двигался с той расчетливой экономией энергии, которая отличает всякого опытного бойца. Огромный топор, который он вынул из руки легендарного Вольта в тайной гробнице птичьего бога, был спрятан под складками плаща. На сенешале был боевой шлем и оружие. Красивое лицо, так странно не сочетавшееся с уродливым телом, светилось мрачной радостью.

— Мы выступаем сегодня ночью! Аннер говорит, что ветер и волны благоприятствуют нам. А позже он не может поручиться за это.— Он помолчал, потом тихо добавил: — С севера нет никаких сообщений.

— Пусть будет так! Подавай сигнал, Уолдис. Мы выступаем в сумерках.

Юноша исчез среди скал с быстротой стрелы, выпущенной из лука. Худое лицо Ункара выглянуло из узкой щели шлема, сделанного в виде птичьей головы.

— Скоро пойдет дождь. Для нас это будет весьма кстати. В сумерках выступил Хранитель Границ.

Он последовал за Корисом, чтобы собрать своих людей.

Заката в этот вечер не было — настолько тяжелыми были облака. А море бушевало все сильнее. Скоро Осберик пустит свое судно-приманку на волю волн. У морских грабителей было три наблюдательных пункта — два на рифе и один на центральной башне крепости. В плохую погоду на всех трех пунктах непременно стояли часовые. Охраны на рифах бояться не стоило, но подступы к крепости, по которой должны двигаться атакующие, находились в поле обзора сторожей на центральной башне. И поэтому Саймон все же беспокоился, хотя было решено использовать все мало-мальски пригодное для укрытия на этом про-

странстве. Теперь же им очень поможет приближающийся дождь.

Но штормовой ветер опередил дождь. Только сумерки скрывали теперь пограничников и сокольничьих, которые цепочкой шли к нужной пещере и осторожно вползали в ее черное жерло. В темноте вдруг что-то вспыхнуло, и Саймон услышал голос Кориса.

Лезвие топора Вольта вспыхнуло, и Саймон сразу же ощутил веяние силы, идущей от покосившегося алтаря, прилив какой-то непонятной и мощной энергии, которую он не мог бы описать, но которой все же страшился.

— Свет сражения озарил нас! — раздался голос Кориса.— Благодарю тебя, Вольт, за эту новую милость.

— Вперед! — приказал Саймон.— Ты не можешь знать, что вызывает здесь к жизни блеск твоего лезвия.

Они быстро нашли начало подземного хода. По спине у Саймона бегали мурашки, волосы под шлемом шевелились — так велика была наэлектризованность атмосферы подземелья. По стенам полосами сползала слизь, мерцавшая в свете их факелов. Чем дальше они уходили, тем более спертым был воздух, пропитанный сыростью и пахнущий плесенью. Почва под ногами вздрагивала от глухих ударов бушевавшего внизу моря.

Наконец, перед ними возникла лестница, металлические поручни и ступени которой казались какими-то гигантскими сплетениями паутины на фоне темных стен пещеры. Именно по этим лестницам Джелит бежала из крепости вместе с Лойз, и Саймону приходилось полагаться на свою и Джелит память. Спрашивать было не у кого. Из этой комнаты они могут попытаться застигнуть Фалька врасплох и захватить его, но это только при условии, что гарнизон будет занят мародерством за стенами крепости.

Ступеней было бесчисленное количество, и Саймон, в конце концов, сбился со счета. Она не кончалась даже перед дверью, которую им указала Джелит — лестница уходила дальше вверх. К счастью, замок на двери оказался самым примитивным и без всякого хитроумного приспособления. Саймон немного повозился с запором и пятифунтовый овал медленно отошел в сторону.

В комнате было темно, и они не погасили факелы. Прямо перед ними был альков с кроватью, рядом с ней — красный комод, еще один комод стоял под окном, за которым бушевал шторм.

— Сигнал!

Впрочем, Саймону незачем было отдавать приказ. Один солдат из охраны Кориса уже вскочил на стоявший под окном комод, отодвинул ставень и просунул руку с факелом в отверстие. Несколько взмахов руки, в такт которым зажигались факелы и остальных членов отряда, и, конечно, Аннер Осберик примет условный сигнал если он уже на месте. Тогда он снимет с якоря свое судно. Теперь им оставалось только ждать, когда сигнал и приближение корабля заметит гарнизон крепости.

Именно это ожидание и было для них хуже всего. Две небольшие группы — одна под началом Ингвальда, другая под руководством Ункара — осмотрели ближайшие комнаты. Ункар

сообщил, что за соседней дверью находится еще одна пустая спальня — запасной путь к отступлению.

Время тянулось нестерпимо медленно. Саймон мысленно перебирал все возможные препятствия их плану. Фальк, конечно, должен быть настороже и всегда готовым отразить нападение извне. У него были свои разведчики, как это выяснили люди Саймона. Но о потайных ходах в крепости не должен знать никто, так, по крайней мере, считала Лойз.

— Наконец! — послышался рядом облегченный вздох, тут же потонувший во взорвавшемся над их головами отчаянном шуме и бряцании оружия.

— Вот оно! — Корис стиснул плечо Саймона и рванулся к двери.— Набатный колокол возвестил о крушении! Теперь-то уж эти крысы выползут из своих нор.

Терпение! Терпению Лойз научилась давным-давно. И теперь ей снова придется им воспользоваться, как оружием, против страха и паники, которые, тисками схватывая горло, давят тяжелым грузом. Терпение... и ее собственный ум — вот что они оставили ей.

В комнате, где ее надолго заперли одну, царила мертвая тишина. Не надо было пытаться проверить прочность ставен или двери: ведь они даже ободрали драпировку со столбов у постели, чтобы она ничего не сделала с собой, как решила Лойз. Но до этого пока что не дошло, о, нет и нет!

Она чувствовала себя очень плохо, комната плыла и раскачивалась перед глазами, так что Лойз никак не могла собраться с мыслями. Еще на борту корабля ее стала мучить тошнота, и она ничего не могла есть. Сколько времени она не ела? Лойз стала по-детски загибать пальцы, подсчитывая дни. Три, четыре... пять дней? И все время перед ней стояло лицо той темноволосой женщины, которая явилась в Эс-Касль однажды ранним утром. Что же она налгала?

Лойз изо всех сил напрягла память, стараясь вспомнить все подробности той встречи. Страх стал еще сильнее, когда она вдруг поняла, что провал в памяти не имеет ничего общего с недомоганием и потрясением, которые она испытала. Нет, это была блокировка памяти, никак не связанная ни с физическим состоянием, ни с эмоциями. Эта женщина... Бертера! Лойз испытала радость, когда все же сумела вспомнить имя. Это Бертера увезла ее из Эс-Касля, что-то она ей сообщила. Но что это было за известие? И от кого? О, почему она тайно уехала из Эс-Касля с Бертерой? Какие-то отрывочные воспоминания у нее сохранились о дороге через лес, о шторме и о том, как они искали прибежище от волн и ветра среди скал. А потом они спустились к самому морю и стали ждать.

Почему? Почему она так спокойно оставалась с Бертерой, не испытывая ни беспокойства, ни подозрения? Быть может, ею двигала какая-то посторонняя сила? Нет, в это трудно поверить. В Эскарпе у нее были только друзья, а не враги. А вот теперь,

соединяя воедино отрывочные воспоминания, Лойз начала понимать, что Бертера вела с ней себя так, словно бежала от врагов.

Она потрогала щеки. Они были холодны, как лед. Колдуны Карстена! Нет, такого не может быть. Поверить в это — значит усомниться в святом, предать своих друзей. С тех пор, как потомки Древней Расы были объявлены в Карстене вне закона и их убивали на месте, там не осталось колдуний. И все-таки она не сомневалась в том, что ей была навязана чужая воля, что ее, помимо ее собственного желания, кто-то принудил идти на юг, к морю, где ее ждал корабль.

И что-то еще там было... что-то, связанное с Бертерой. Она должна вспомнить, ведь это так важно. Она судорожно стиснула кулачки, так что побелели костяшки пальцев.

— Да, верно... Бертера что-то кричала им.

Лойз не могла вспомнить, что именно Бертера кричала, но помнила интонацию. И один из тех, кто прибыл на корабле, прекратил эти крики, спокойно, почти небрежно проткнув женщину кинжалом. Бертера пала навзничь, руки ее вцепились в рукоять клинка так сильно, что владелец оружия не смог выдернуть его из груди женщины. Потом раздался короткий приказ, другой из прибывших наклонился над Бертерой, пошарил в складках ее туники и извлек оттуда какой-то предмет, зажатый в кулаке,— что именно, Лойз не сумела увидеть.

Бертера отдала ее в руки Карстену, за что ей заплатили смертью. Но помощь Бертере в этом деле оказало какое-то оружие, неизвестное Лойз.

Впрочем, неважно, как это было сделано. Теперь она в Карсе, в руках Ивьяна. Даже если ее ищут сейчас в Эсткарпе, то все равно они смогут строить только догадки о том, куда она исчезла. К тому же... если даже они догадываются... понадобится целая армия, чтобы выручить ее. А такую армию Эсткарп не может выставить сейчас. Лойз достаточно часто бывала на военных советах, чтобы отдавать отчет, как непрочно сейчас положение Древнего Королевства. Стоит им только выступить против Карстена, как Ализон немедленно нападет на них с севера.

Когда-то в Верлейне она одна стояла против могущества, против всей власти Фалька, и не было у нее ни одного друга в стенах этой могущественной твердыни. Снова она оказалась одинокой, встретившись с этим врагом. Если бы не кружилась голова, она могла бы думать более ясно. Но стоило ей только пошевельнуться, как пыльный пол уходил из-под ног...

Внезапно отворилась дверь, темноту комнаты разрезал узкий луч света лампы, на мгновение ослепивший ее. Когда она открыла глаза, перед ней стояло трое в ливреях герцогских слуг. Один из них держал лампу, другой — поднос, уставленный тарелками. А третий... третий не был мужчиной, судя по фигуре и шарфу, накинутому на голову...

Поставив лампу и поднос на столик, двое слуг удалились, и только тогда женщина подошла к Лойз и откинула густую вуаль.

Она была выше ростом, чем наследница Верлейна, отлично сложена и держалась с непринужденной грацией и изяществом, каким не могла похвастаться Лойз. Светлые густые волосы были уложены в замысловатую прическу и убраны под золотую сетку, переплетенную драгоценными камнями. Такие же драгоценности сверкали на ее шее, рукавах и подоле тяжелого платья. Ее тонкие запястья украшали браслеты. Можно было подумать, что, готовясь к встрече, дама специально украсила себя со всей пышностью и великолепием, какие были ей доступны. Но увидев спокойные глаза, серьевное лицо, Лойз подумала, что эта женщина вряд ли нуждается в такой поддержке, какой была вся эта мишура.

Женщина протянула украшенную драгоценностями руку, взяла лампу со столика и подняла ее повыше, глядя прямо в лицо Лойз оценивающим взглядом, который мог бы вызвать у девушки краску смущения, но Лойз не дрогнула. Она не могла, разумеется, соперничать с такой красотой. Взамен золотой копны у Лойз была гладкая прическа из бесцветных прядей; взамен изысканной грации движений, не заученной, а природной, Лойз отличалась неловкой угловатостью. Что же касается ума, то и здесь Лойз не превосходила эту женщину, ибо леди Алдис славилась своим умением искусно плавать в мутных водах двора Ивьяна.

— Должно быть, в тебе есть что-то такое, чего не увидишь с первого взгляда,— первой нарушила молчание леди Алдис.— Но только уж очень глубоко это, видимо, скрыто у вас, милая герцогиня.

Голос ее звучал шутливо, и в словах явно таилась насмешка.

Все еще не выпуская из рук лампу, Алдис отвесила поклон, и ее юбки взметнулись с непревзойденным изяществом, недоступным ни одной женщине, кроме нее.

— Милая герцогиня, не хочешь ли перекусить? Ведь, я думаю, ты должна была проголодаться за долгую дорогу?!

Она поставила лампу на стол, пододвинула стул поближе к Лойз, все это с преувеличенной услужливостью, в которой сквозило явное пренебрежение. Лойз не шевельнулась и ничего не ответила. Алдис озабоченно поднесла к губам палец, потом улыбнулась.

— А... я ведь еще не представилась вашей светлости! Меня зовут Алдис, и я рада приветствовать тебя в твоем городе Карсе, где тебя так давно ждут. Ну, теперь, быть может, ты изволишь пообедать?

— Разве это не твой город Карс? — спросила Лойз так бесхитростно, как мог бы спросить ребенок.

Она еще не знала пока, какую ей роль лучше всего играть, но на всякий случай решила, что имеет смысл держаться так, чтобы любовница Ивьяна недооценила ее.

Улыбка Алдис стала еще шире и яснее.

— Все это злые лживые сплетни. Им бы вовсе не следовало касаться твоих ушей, миледи герцогиня. Когда во дворе нет настоящей госпожи, кто-то должен позаботиться о том, чтобы все шло, как подобает и как угодно нашему лорду герцогу. Я льщу себя надеждой, что вы не захотите ничего изменить в налаженном порядке.

Что это? Угроза или предупреждение? Во всяком случае, сказано это было самым небрежным тоном. Лойз считала, что Алдис никогда не согласится уступить свое место, свою власть, которыми она здесь обладала, той, на которой женились только по государственным соображениям.

— Известие о твоей смерти было большим ударом для нашего милорда герцога,— продолжала Алдис,— он ведь был готов приветствовать свою супругу, а вместо этого ему сообщили о том, что окно башни открыто и что за окном болтается разорванная веревка, а под ней бушует море — как будто эти волны горячее его объятья! Немало огорчений принесло это нашему милорду герцогу! Зато каким большим облегчением было для него известие о том, что Лойз из Верлейна жива! Правда, ее околдовали эти собаки с севера и держат у себя в качестве заложницы. Но теперь-то все в порядке, не так ли? Ты в Карстене, и сотни мечей образуют надежный заслон между тобой и твоими врагами! Так что поешь, миледи, а потом отдыхай. Недалек тот час, когда ты должна будешь во всей своей красе предстать перед взором своего супруга!

Насмешка больше не была изящной — на сей раз Алдис выпустила коготки и вонзила их глубже.

Она сбросила салфетки со стоявших на подносе блюд, и запах пищи снова вызвал у Лойз приступ тошноты. Сейчас не время состязаться в гордости, не время бросать вызов врагу.

Лойз закрыла лицо руками, словно ребенок, который устал от рыданий, и с трудом поднялась на ноги, держась за спинку кровати. Ее качнуло к столику. Она с трудом двинулась к столу и почти упала на него.

— Бедное дитя! Ты и в самом деле измучена,— но Алдис не подошла, чтобы помочь ей, и Лойз была искренне благодарна ей за это.

Ей пришлось взять бокал двумя руками, чтобы поднести его ко рту, до такой степени она ослабла. Лойз было неприятно, что Алдис видит, как у нее дрожат руки: она не хотела, чтобы та догадалась о ее слабости.

Впрочем, особого значения это сейчас не имело. Зато очень важно было, что силы постепенно возвращались к ней и прояснялись мысли. Несомненно, Алдис пришла сюда неспроста, но пока Лойз не знала, сможет ли она извлечь какую-нибудь пользу из этого визита.

По телу разлилось приятное тепло. Тот страх, который грыз ее все время, понемногу начал ослабевать. Лойз поставила кубок на столик, пододвинула тарелку с супом и стала есть, с удовольствием смакуя аромат навара. Против своей воли

Лойз расслабилась, наслаждаясь вкусной едой. У герцога Ивьяна отличный повар.

— Говядина в красном вине,— весело прокомментировала Алдис.— Это блюдо теперь тебе будут часто подавать, наш милорд герцог обожает его. Джаппон, шеф-повар, особенно славится в его приготовлении. Милорд герцог желает, чтобы мы все учитывали его вкус и всячески угождали ему.

Лойз отпила немного вина.

— Отменно выдержанное вино,— ответила она, стараясь, чтобы голос ее звучал так же весело и непринужденно, как и той... другой.— Похоже, что ваш милорд герцог тонкий ценитель напитков. Правда, мне-то казалось, что его нёбо больше привыкло к грубому вину таверн...

Алдис улыбнулась еще слаще.

— Милорд герцог не любит, когда намекают на... как бы это сказать?... на не совсем обычное начало его карьеры. То, что он завоевал Карстен силой своего оружия...

— И при поддержке наемников,— холодно перебила ее Лойз.

— И с помощью своих сторонников,— согласилась Алдис.— Он гордится этим и часто рассказывает об этом в кругу друзей.

— Тот, кто забирается к вершинам, должен всегда помнить о том, что внизу,— Лойз отломила корочку орехового хлебца и разломила ее пополам.

— Тот, кто поднимается к вершинам, всегда позаботится о том, чтобы внизу все было тихо и спокойно,— возразила Алдис. — Он учится не доверяться случаю, ибо фортуна слишком капризна.

— А мудрость уравновешивает силу оружия,— ответила Лойз пословицей жителей холмов.

Поев, она уже не чувствовала себя так отчаянно плохо. Но не следовало переоценивать себя. Ивьян далеко не глуп, он не привык попусту размахивать мечом и его нелегко провести. Он завоевал Карстен не только силой оружия, но и остротой ума. А уж эта Алдис... Тише, тише, Лойз, будь внимательна, ступай осторожно, чтобы ни один лист не шелохнулся...

—. Наш милорд герцог — непревзойденный искусник во многих вещах: и в обращении с мечом, и в совещательной комнате... да и в постели тоже. Да и тело у него не искалечено, он отлично сложен...

Лойз надеялась, что Алдис не заметила, как она похолодела при этих словах, но на это было мало надежды. И следующее замечание Алдис подтвердило опасения Лойз.

— Говорят, что на севере замышляют какие-то великие дела, и что во главе этого всего стоит какой-то несчастный карлик, который изо всех сил размахивает у кого-то украденным топором...

— Да? — Лойз открыто зевнула, потом еще и еще раз. Ее усталость вовсе не была наигранной.— Слухи всегда преувеличены и мало похожи на правду. Я уже поела, можно мне теперь поспать?

— Но, миледи герцогиня, ты говоришь так, будто считаешь себя пленницей! А ведь ты — могущественная повелительница Карса и Карстена.

— Я буду иметь это в виду. Но все же эта мысль, как бы отрадна она ни была, приносит мне меньше радости, чем принес бы отдых. А поэтому пожелаю тебе всего доброго, миледи Алдис!

Еще одна улыбка, легкий смешок, и она исчезла. И Лойз тут же услышала звук, который и ожидала услышать,— скрежет ключа в замке. Какой бы могущественной повелительницей Карса она ни была, во всяком случае, на эту ночь она пленница, запертая в этой комнате, и ключ от замка не у нее в руках. Лойз больно закусила губу при мысли о том, что именно может означать это.

Она внимательно осмотрела комнату. Кровать без полога, который непременно полагался в таких покоях, стояла на возвышении, к которому вели две ступеньки; когда она отодвинула ставни на одном из двух окон, рука ее нашарила прочную металлическую решетку, через ячейки которой проходила только первая фаланга ее указательного пальца, но не больше.

У дальней стены стоял комод, в его ящиках лежала какая-то одежда, но она не стала ее рассматривать. Она чувствовала страшную усталость, все ее тело ныло от желания растянуться на постели. Но ей нужно было еще кое-что сделать перед тем, как лечь, и когда задача была выполнена, Лойз поняла, что лишилась последних сил и вся дрожит в изнеможении. Сейчас она ляжет и уснет, но теперь никто не застигнет ее врасплох, потому что к самой двери был придвинут тяжелый стол.

Несмотря на свинцовую усталость, сковавшую все ее члены, Лойз долго лежала без сна. Она не загасила лампу, так что даже самые дальние углы комнаты были освещены.

Ее томило мучительное беспокойство. Когда-то она уже испытывала подобное... Оно было таким же сильным сейчас, как в тот миг, когда она пробиралась по подземелью мимо забытого народом алтаря, прежде чем выйти под ясное небо. Подземелья Верлейна... Она на мгновенье будто снова ощутила их гнетущую атмосферу и страшную наэлектризованность воздуха...

Колдовство! Если когда-то хоть раз сталкивался с ним, то безошибочно определяешь снова и снова, что ты находишься под его влиянием. В конце концов, ей вовсе не известны все тайны Эскарпа, ведь было же время, когда они с Джелит много дней провели в самом сердце Карса под личиной воинов-наемников, собирая информацию, столь необходимую для Севера. И вот сейчас здесь тоже могут быть агенты Охранительниц.

Она вцепилась руками в покрывало. Ах, если бы она только обладала такой силой, если бы только могла послать сообщение, который бы принял дружественный мозг-приемник! Она страстно желала этого, слезы лились по ее щекам — ей нужна была не помощь, а только поддержка, дружеское участие, сознание того, что она не одинока. Когда-то она была совсем одна, но по-

том появились Джелит и Саймон, этот высокий чужестранец, которому она сразу же поверила, и вместе с ним Корис! Слабый румянец выступил на ее щеках при воспоминании о насмешках Алдис. Несчастный карлик. Какая нелепость, какая ерунда! В нем была смешанная кровь матери из рода Торов, с их приземистыми могучими телами, и отца из благородного семейства Гормов, отличавшихся редкой красотой. Но все равно из всех мужчин лишь одного его выбрало ее сердце с того самого дня, когда она увидела Кориса рядом с Саймоном. Они ждали ее у ворот Карса, переодетые наемниками, вызванные мысленным сообщением Джелит.

Вызванные мысленным сообщением! Но ведь она не могла послать такое сообщение! Еще раз Лойз попыталась разобраться, что за барьер возник в ее мозгу, стараясь преодолеть его. Нет, здесь определенно было какое-то колдовство. Она совершенно уверена в этом!

Лойз соскользнула с кровати на пол и, сама того не сознавая, принялась отодвигать стол от двери, словно ею двигала неведомая сила. Все внутри нее протестовало. Через минуту стол был отодвинут.

Почти сразу же послышался звук поворачиваемого ключа в дверном замке, тяжелая ручка повернулась. Снова Алдис! На мгновенье Лойз опечалилась, потом посмотрела вошедшей в лицо. Оно было точно такое же, как и раньше,— красивое, спокойное... и все же не совсем такое!

Что-то неуловимо изменилось в ее лице. Лойз не смогла бы даже сказать, что именно. Как будто та же самая легкая улыбка, то же ясное лицо. И все же всем своим существом Лойз ощущала, что это не та Алдис, которую она видела раньше.

— Ты боишься,— сказала Алдис, и голос ее звучал почти так же, как раньше, почти, но не совсем так! — У тебя есть основания бояться, миледи герцогиня. Милорд наш герцог не любит, когда ему идут наперекор. А ты несколько раз обставляла его! Он должен сделать тебя своей верной женой — ты ведь знаешь, иначе ему не достигнуть своей цели. Но не надейся, что ты найдешь в нем нежного возлюбленного! Отнюдь нет! И поскольку ты в какой-то мере мешаешь и мне, я решила тебе дать один шанс, миледи герцогиня.

Что-то сверкнуло в воздухе, и на край постели упал маленький кинжал, не из тех боевых, которые приходилось когда-то Лойз носить на поясе, но все же настоящее оружие.

— Это подарок для тебя,— сказала Алдис (и не Алдис) таким тихим голосом, что Лойз едва разобрала, что она бормочет.— Интересно, как ты решишь им распорядиться, миледи герцогиня, Лойз из Верлейна? Каким именно образом — так или иначе?

И она исчезла. Лойз уставилась на тяжелую дверь, недоумевая, что это: Алдис, призрак или только иллюзия.

Иллюзия? Оружие и защита колдуний. А была ли здесь Алдис на самом деле? Быть может, это всего лишь уловка со стороны какого-то агента Эскарпа, который хотел хоть так помочь

пленнице из Верлейна? Но нет, ей не следует питать таких призрачных надежд.

Лойз бросила взгляд на постель, словно ожидая, что кинжал тоже исчез, как призрачное видение. Но он лежал там по-прежнему и в руках у нее был холодным и гладким, а острое лезвие хорошо заточенным. Что же, значит, она должна воспользоваться им. Только против кого же интересно? Против Ивьяна? Или против себя самой? По-видимому, для Алдис или для призрака Алдис особой разницы в том не было.

Саймон стоял на лестнице, прислушиваясь. Снизу слышались звуки битвы. До него доносился и боевой клич салкаров: «Сал! Сал!» Но Саймон прислушивался совсем к другим звукам, которые должны были появиться наверху. Он не мог ошибиться. Где-то на верхних площадках этой лестницы должен быть Фальк.

Вот оно! Скрежет металла по камню. Какую еще ловушку выбрал Фальк для своих преследователей? И все же прежде всего именно Фальк был им необходим для осуществления задуманного плана. А время работало против них, оно было союзником Фалька.

Правда, пока что все шло, как они и рассчитывали. Судно, выброшенное на риф, открыло перед ними ворота крепости, выманило гарнизон за стены, привлекло к себе всеобщее внимание. Так что нападавшие проникли в крепость прежде, чем люди Фалька успели опомниться.

Но это не означало, что они готовы сдаться, наоборот, они сражались отчаянно, как люди, у которых нет пути к отступлению. Только потому, что в разгаре сражения Саймон оказался отброшенным вражеским ударом далеко в сторону, он успел заметить, как высокий человек с огненно-рыжей гривой волос бросился бежать. Саймону приходилось слышать много легенд о том, как Фальк идет в атаку впереди своих людей, но на этот раз хозяин Верлейна почему-то поступил иначе. Вместо того, чтобы повести своих воинов в яростный бой против пограничников, Фальк метнулся в сторону и побежал к одной из внутренних лестниц. Саймон, голова которого еще гудела от страшного удара, последовал за ним.

Снова послышалось звяканье металла о камень. Быть может, там готовится оружие более грозное, чем меч или топор? Оттуда, где он стоял, Саймону видна была только верхняя площадка лестницы. И там вдруг стал разгораться бледный свет.

Свет мигнул, Саймон задержал дыхание. Мерцание продолжалось несколько минут. Наконец, Саймон не выдержал и сделал шаг наверх, потом еще один... Следующий шаг привел его на площадку, где его ожидало неведомое... Саймон считал колебание света. Он знал, что шаровые лампы, освещавшие стены коридора, разгораются сильнее, если постучать по стене. Их никогда не меняли, секрет их был давно утерян. Теперь лампы стали тускнеть. Если они погаснут...

Саймон двинулся вперед, прижимаясь спиной к стене, держа

самострел наготове. Четыре ступени, шесть, осторожная перебежка по узкому коридору... Саймон очутился перед баррикадой — сваленный в кучу всякий хлам, стащенный второпях из соседних комнат. Быть может, Фальк лежит где-то рядом с оружием наготове, целясь в того, кто намерен разнести это нагромождение столов и стульев?

Саймон чувствовал смутное беспокойство... Поступки Фалька странным образом не совпадали с тем, что ему было известно о береговом властителе. Он вел себя так, как человек, стремящийся выиграть время. Для чего? Все силы Фалька были брошены в бой, кипевший внизу. Он не мог надеяться на подкрепление. Нет, он пытается спастись в одиночку! Саймон и сам не понимал, откуда у него такая уверенность, но он был убежден в этом.

Может быть, Фальку известен какой-то потайной ход, и он его теперь ищет?

Снизу больше не доносился шум битвы, вероятно, в живых осталось лишь несколько бойцов Фалька. Лампы еще сильнее замигали, и тут же Саймон услышал, наконец, какой-то слабый звук: инстинкт бойца заставил его отступить назад и еще плотнее прижаться к стене. Белое пламя взрыва! Ослепленный сиянием, Саймон закрыл глаза руками. Но шума от взрыва он не услашал. Что бы это ни было, для Саймона это оставалось новостью. Теперь поплыли клубы дыма, горло немилосердно стало жечь. Саймон закашлялся, еще раз протер глаза, но ничего не смог увидеть.

— Саймон! В чем дело?

— Фальк! — ответил Саймон Корису.— Будь осторожен... Он там, наверху...

— Фальк! — Корис твердой рукой поддержал Саймона.— Что он там делает?

— Чинит любое зло, какое только сумеет, лорд,— раздался позади них голос Ингвальда.

— Оторожно,— сказал Саймон, приходя в себя. Он скользнул вверх по лестнице, опережая Кориса. Дымовая завеса рассеялась на стене виднелись обугленные участки дерева, в воздухе носились частички золы.

Ни звука не доносилось из холла, куда выходили двери на этой площадке. Саймон пробирался вперед шаг за шагом. Из-за одной двери послышался шорох, и прежде чем Саймон успел сделать движение, огромный топор Вольта обрушился на створку двери. Она разлетелась, и воины вошли в комнату. Прямо перед собой они увидели широко распахнутое окно, из которого свисал обрывок веревки, прикрепленной к комоду.

Корис положил топор на пол и вцепился в веревку. Напрягая могучие плечи и руки, он стал тянуть веревку вверх. Саймон и Ингвальд подбежали к окну. Ночь была темной, однако, все происходящее внизу было достаточно ясно видно. Фальк собирался с помощью этой веревки спуститься на следующую, более низкую, крышу. Но сейчас веревка медленно и неуклонно ползла вверх — дальше и дальше от того места, где Фальк мог безопасно спрыгнуть вниз.

Саймон увидал лицо Фалька. Он смотрел вверх. Дергаясь на конце веревки, словно марионетка, властитель Верлейна поднимался все выше — туда, где они его ждали. И тогда он разжал руки и с глухим стуком упал вниз на соседнюю крышу. Падая, он издал отчаянный крик, словно и в самом деле до последней секунды надеялся спастись подобным образом. Теперь он неподвижно лежал на крыше.

— Он еще жив.— Саймон потянул к себе веревку. Он и сам не мог бы объяснить, почему ему было так необходимо заглянуть в лицо Фалька.

— Я должен спуститься туда.— Он поспешно привязал веревку к поясу.

— Ты думаешь, что за этим что-то кроется? — спросил Корис.

— Думаю, да.

— Тогда спускайся. Только будь осторожен. Даже с вырванным жалом змея опасна. А у Фалька нет оснований оставлять в живых своих врагов.

Саймон выбрался через окно, и его стали осторожно спускать вниз. Наконец, ноги его коснулись крыши, он сбросил веревку и двинулся к неподвижной фигуре.

Поднеся фонарь к распростертому телу, Саймон опустился на колени и сразу же убедился, что, несмотря на страшные увечья, Фальк еще жив. Отчаянным усилием властелин Верлейна повернул голову, и взгляды их встретились.

Саймон хрипло вздохнул, едва подавив вырвавшийся было крик. Ибо то, что он увидел в этих тускнеющих глазах, было поистине страшно. В них были ненависть и боль. И что-то еще, совершенно отличимое от ненависти и боли — и это нечто было несравнимо ни с какими человеческими эмоциями.

— Колдер! — громко сказал Саймон.

Это был на самом деле Колдер, зловещая угроза на лице умирающего человека. И все же Фальк не был одним из тех «одержимых», которых Колдер использовал в своих битвах, похищая у них душу, заставляя принимать в свое тело некую невидимую силу, от которой бежало прочь все человеческое. Нет, Саймону приходилось видеть таких о д е р ж и м ы х.

А здесь было что-то совсем иное. Ибо личность Фалька не была уничтожена — ведь боль и ненависть становились в глазах Фалька все сильнее, а то, что было Колдером, постепенно исчезало.

— Фальк! — Корис прыгнул на крышу и подошел к Саймону, влача за собой веревку.— Это я, Корис!

Фальк с трудом скривил рот.

— Я умираю... но и ты умрешь... болотный червь!

— Как и все люди,— пожал плечами Корис.

Саймон наклонился к Фальку.

— И как те, кто не являются людьми!

Он не был уверен, что то, что осталось от Колдера, поняло его слова. Губы Фалька снова зашевелились, на них выступила

кровь. Он попытался было приподнять голову, но она упала, и на сей раз глаза его остекленели.

Саймон посмотрел на Кориса.

— Он был колдером! — спокойно сказал он.

— Но ведь он не был о д е р ж и м ы м?

— Нет, и все же он был колдером.

— Ты уверен в этом?

— Как и в том, что я — это я. Он оставался Фальком и в то же время был колдером.

— С чем же в таком случае мы встретились? — Корис был ошеломлен тем, что увидел. Он ужаснулся своей догадке. Значит, у них есть и другие слуги, кроме «одержимых»...

— Именно так,— мрачно ответил Саймон.— Я считаю, что Охранительницы должны немедленно узнать об этом, и притом как можно скорее!

— Но ведь Колдер не может воспользоваться телом потомка Древней Расы,— заметил Корис.

— Будем и дальше надеяться на это. Но Колдер был здесь. значит, может находиться и в любом другом месте. Пленники...

— Их совсем немного,— пожал плечами Корис.— Человек десять — двадцать. Главным образом простые воины. Зачем понадобилось бы Колдеру воспользоваться кем-то из них? Фальк — другое дело. Он мог быть крупной фигурой в их игре. Впрочем, посмотри на них сам, может быть, ты увидишь то, чего мы не заметили...

Солнце заливало стол ярким светом. Саймон отчаянно боролся с желанием уснуть и черпал силы во все растущем глухом раздражении. Он хорошо знал эту седовласую женщину в черном платье, волосы у нее были гладко зачесаны над резкими чертами лица и на груди переливался дымчатый драгоценный камень — символ ее ремесла и грозное оружие власти, руки были сложены на коленях. Да, Саймон хорошо знал ее, хотя и не мог назвать по имени, ибо имена колдуний Эсткарпа никому не были известны и никогда не произносились вслух. Это была величайшая тайна каждой из них, которую нельзя было отдать в руки толпы, чтобы ею не завладели враги.

— Значит, это твое последнее слово? — он не пытался смягчить резкость тона, задавая этот вопрос.

Она не улыбнулась, только тень промелькнула в спокойных глазах.

— Не мое слово, Хранитель Границ, и не наше слово. Это закон, по которому мы живем. Джелит... — Саймону показалось, что в тоне ее звучит неодобрение.— Джелит сама сделала свой выбор. Возврата нет.

— Но если ее колдовская сила осталась с ней, что тогда? Ведь ты же не можешь оспаривать это?

Она пожала плечами, но Саймон понял, что его речь и гнев нисколько не тронули ее.

— Если обладаешь какой-то вещью, пользуешься ею и, притом, долго, то ее тень будет некоторое время оставаться с то-

бой, даже если этой вещи больше нет. Конечно, ей еще доступно то, что остается лишь бледной тенью ее прежних возможностей. Но она не должна требовать обратно камень и стать снова одной из нас. Я надеюсь, Хранитель Границ, что ты вызвал сюда колдунью не для того, чтобы обсуждать этот вопрос и возражать против такого решения — ведь оно тебя совершенно не касается.

Снова барьер между колдуньями и простыми смертными. Саймон постарался обуздать свой гнев, ибо сейчас не время бороться за дело Джелит. Нужно думать только об осуществлении задуманного плана.

Он коротко объяснил, что нужно сделать. Колдунья кивнула.

— Изменить облик? Кого из вас?

— Мой, Ингвальда, Кориса и десяти человек из отряда пограничников.

— Я должна видеть тех, чьи облики вы хотите принять.— Она поднялась со стула.— Покажите мне их.

— Их тела...

Она не изменилась в лице при этом сообщении, а спокойно стояла, ожидая, чтобы ей указали дорогу. Они положили тела в дальнем углу зала — десять воинов из числа убитых в последней схватке, и среди них, судя по знакам на мундире, один офицер со шрамами и с перебитым носом. Фальк лежал немного поодаль.

Колдунья постояла немного возле каждого тела, пристально вглядываясь в черты лица каждого. Многие ее сестры по ремеслу могли совершить частичное превращение, но только она одна обладала силой производить превращение одного человека в другого до самых мельчайших подробностей.

Подойдя к Фальку, она остановилась, наклонилась над ним и долго рассматривала его лицо. Наконец, она повернулась к Саймону.

— Ты совершенно прав, лорд. В этом человеке было нечто большее, чем его собственные разум, душа и мысли. Колдер... — это последнее слово она произнесла хриплым шепотом.— Зная об этом, ты все же пытаешься занять его место?

— Наш план зависит от появления Фалька в Карсе,— сказал Саймон.— И я не колдер...

— Что с легкостью установит первый же колдер,— предупредила она.

— Мне придется рискнуть.

— Пусть будет так. Приведи сюда тех, кто должен пройти превращение. Сначала семь человек, потом еще троих. Отошли остальных из зала, никто не должен мешать мне.

Он кивнул. Ему приходилось и раньше подвергаться превращению, но это делалось наспех, ненадолго, только чтобы скрыться из Карса. Теперь же он должен стать Фальком, и это совсем другое дело.

Пока Саймон собирал своих добровольцев, колдунья занялась

приготовлениями. Нарисовав на полу две пятиконечные звезды, которые частично накладывались одна на другую, она поместила в центре каждой звезды небольшую жаровню, извлеченную из ящика, который несли вслед за ней прислужницы, сопровождавшие ее. Затем она стала отмерять и взвешивать различные снадобья из множества колбочек и пиал, а потом смешала их в две кучи на специальных квадратиках тонкого шелка, затканных причудливыми узорами.

Они не могли воспользоваться одеждой убитых, слишком она была окровавленной, но в комодах, стоявших в зале, нашлось все необходимое. К тому же в их распоряжении находились пояса и оружие погибших.

Колдунья бросила свернутые квадратики шелка со снадобьями в жаровни и начала нараспев говорить заклинания. От жаровен поднялся густой дым, который скрыл стоявших в зале обнаженных мужчин — каждый из них находился на одном из лучей нарисованных на полу звезд. Теперь тем, кто стоял за пеленой тумана, трудно было поверить, что существует мир за пределами этого сизого дыма, окутывающего их все плотнее и плотнее. Слова заклинаний медленно и гулко отдавались в их ушах, все вокруг качалось и плыло в тумане.

Туман рассеялся так же медленно, как и возник, в воздухе повис приятный аромат. Саймон ощутил, что постепенно возвращается в реальный мир. Ему стало холодно, он бросил взгляд вниз и увидел незнакомое тело, начинающее полнеть, с курчавыми рыжими волосами, пушком, покрывавшими бледную кожу. Он стал Фальком.

Корис, или, по крайней мере, человек, который сошел с того луча звезды, где до этого стоял Корис, был немного ниже (они постарались подобрать прототипов более или менее похожих на себя), но зато у него отсутствовали непомерно широкие плечи сенешаля и длинные болтающиеся руки. Старый шрам вздернул его губу на манер волчьего оскала. Ингвальд утратил свою молодость, в его волосах пробивалась седина, морщинистое лицо носило печать долгой и беспутной разбойничьей жизни.

Они подобрали себе одежду, надели кольца, цепочки, разобрали оружие погибших.

— Лорд! — окликнул Саймона один из его людей.— Позади тебя лежит что-то. Предмет выпал из-за пояса Фалька.

Это был странной формы кусочек металла: не серебро, не золото, он отливал зеленоватым светом и по виду напоминал сложно завязанный узел, состоявший из множества хитросплетений. Саймон нашел на поясе Фалька крючок, на который, видимо, раньше был прикреплен этот странный предмет, и водворил его на место. Нельзя было упускать даже такую мелочь в обличьи Фалька.

Колдунья оглядела Саймона критическим взглядом, как художник свое творение.

— Желаю удачи, Хранитель Границ,— сказала она.— Сила колдовства будет с тобой в полной мере.

— Благодарим тебя за добрые пожелания, леди,— сказал Саймон.— Мне кажется, нам очень потребуется помощь этой силы.

— Прилив кончается, Саймон,— крикнул Корис, уже стоя в в дверях,— нам пора отплывать.

— Сигнальные флаги! — Один из людей, стоявших на носу судна, входившего в воды золотистой реки на рассвете ясного утра, кивнул на полоскавшиеся на ветру радужные полосы, укрепленные на первой верфи Карса.

Другой мужчина, одетый в богато разукрашенный плащ, склонил голову и положил руку на рукоять кинжала.

— Похоже, нас тут давно ждут. Флаги для нас?

— Как и положено для тех, за кого мы себя выдаем,— улыбнулся первый.— Теперь остается только выяснить, собирается ли Ивьян приветствовать своего тестя лаской или мечом. Мы идем прямо в пасть к змею, и она может захлопнуться прежде, чем прибудет подкрепление.

Третий из стоявших на носу тихонько рассмеялся.

— Любой змей, Ингвальд, который вздумает сомкнуть челюсти, чтобы проглотить нас, наткнется на несколько фунтов хорошо отточенной стали! К тому же от наемников ему тоже хорошего ждать не приходится — они всегда становятся на сторону того, кто им лучше заплатит. Сначала нам надо разделаться с Ивьяном, а тогда уж Карс будет наш!

Саймону-Фальку не понрвавилась самонадеянность Кориса. Он отнюдь не умалял его достонств военного руководителя, но ему было не по душе лихорадочное возбуждение, в котором находился сенешаль на всем пути к Карсу. Команда их состояла из салкаров, которые на этот раз в качестве торговцев совершали переход и отлично знали все течения и излучины реки.

Тем временем основные силы Эстқарпа заканчивали пеший переход, готовясь атаковать Карс, как только поступит сигнал...

Саймон-Фальк бросил взгляд на большую плетеную сетку-корзину, покрытую легким покрывалом. Это был вклад сокольничьих в эскпедицию. В клетке находился один из соколов, но не из тех черно-белых, служивших воинственным горцам разведчиками и товарищами в сражениях. Это была птица, в которой нелегко было признать союзника Эсткарпа.

Она была крупнее, чем те соколы, которые обычно сидели на луках седел сокольничьих-фальконеров. У нее было сизо-серое оперение, переходившее в белое на голове и у хвоста. Сокольничьи, плававшие на судах салкаров, отыскали где-то за морями пять тысяч таких птиц и уже из них вывели целую породу новых соколов. Они были тяжелее, чем их собратья, и поэтому не могли служить в качестве боевых соколов, зато у них был сильнее развит инстинкт родного гнезда, что делало их отличными посланцами-вестниками. Важно было и то, что они умели постоять за себя в воздухе.

Для плана Саймона-Фалька такая птица была незаменима. Ведь он не мог взять с собой обычного сокола, известного союз-

ника Эсткарпа. А эта новая разновидность была на редкость красива и вполне могла сойти за подарок, если учесть, что птица умела охотиться.

Итак, десять человек, птица — и целый город против них. На первый взгляд, их экспедиция была безумной компанией. Но ведь когда-то их было только четверо против этих стен, и они выстояли и спасли не только свои жизни, но и многих других. Четверо! Рука Саймона скользнула по поясу Фалька. А теперь их трое — он сам и Корис — и где-то упрятанная в гуще этого города Лойз. А четвертая? Но нет, о ней сейчас не надо думать. И все же почему она не вернулась, почему допустила, чтобы он случайно узнал от колдуньи, прибывшей в Верлейн, что ее миссия не удалась? Где она теперь? Переживет ли эту обиду? Ведь она сама согласилась уплатить такую цену за их брак, она сама пришла к нему! Почему же...

— Нас встречают, милорд! — окликнул Саймона Ингвальд.

Группа воинов со знаками отличия Ивьяна и в самом деле ожидала их на пристани. Саймон невольно сомкнул пальцы вокруг рукояти самострела, но плащ, к счастью, это движение скрыл. Однако, повинуясь отрывистому лаю офицера, стоявшие на пристани сложили руки ладонь к ладони и высоко подняли их вверх — это было дружественное приветствие. Карс говорил им: «Добро пожаловать!»

У ворот крепости их ожидала такая же группа воинов, которые приветствовали их таким же жестом. Насколько они могли судить, проходя по улицам, все в Карсе шло как обычно, не было никаких видимых признаков беспокойства.

Однако когда их с подобающей церемонностью придворного этикета проводили в отведенные им покои, Саймон сделал знак Ингвальду и Корису отойти с ним к окну.

— Почему нас всех собрали в одном месте? — спросил он, обращаясь к ним.

— Чтобы легче было обезопасить нас,— сказал Ингвальд.— По-видимому, их нисколько не волнует, что мы можем об этом догадаться. И, потом, где Ивьян или хотя бы его главнокомандующий? Нас ведь встречал младший офицер и не больше того. Быть может, они и встретили нас, как гостей, но не слишком-то вежливо и любезно.

— И в этом кроется не только оскорбление Фальку,— Саймон снял шлем погибшего, и легкий ветерок, пробившийся в окошко, разбросал буйные рыжие пряди, украшавшие голову Саймона с момента перевоплощения.— Собрать нас всех вместе. Ивьян не питает уже такого почтения к Фальку. Но здесь кроется что-то еще...

Он закрыл глаза, чтобы дать возможность таинственному шестому чувству или предчувствию, которое становилось все сильнее с тех пор, как он сделал первый шаг по земле вражеской территории, сообщить ему, в чем тут дело.

— Сообщение? Ты получил сообщение? — нетерпеливо спросил Корис.

Саймон открыл глаза. Нет, это было не сообщение, ничего похожего на ту горячую волну, которая когда-то охватила его тут, в Карсе, и заставила, словно в трансе, идти вперед, вперед — туда, где находились тогда Джелит и Лойз. На этот раз у него возникло какое-то странное ощущение, что-то вроде предчувствия, которое возникает, когда собираешься сделать непоправимый шаг. И это предчувствие было не совсем связано с ним лично. Словно бы он собирался совершить какой-то поступок, последствия которого не понимал.

— Нет, не сообщение,— ответил он.— Что-то здесь должно произойти...

Корис поднял свой топор — он никогда не выпускал дар Вольта из своих рук. Только теперь, в Карсе, топор замаскировали фольгой и разукрасили в цвета Фалька.

— Топор шевелится,— сказал Корис.— Вольт ведет нас вперед! — Он понизил голос до шепота.— Мы сейчас в центральном блоке.— Саймон понял, что Корису какая-то тайная сила рисует план крепости.— Личные покои Ивьяна находятся в северной башне. В верхних коридорах, наверное, не больше двух часовых в дальнем конце.— Он двинулся к двери.

— Ну, так как? — Ингвальд посмотрел на Саймона.— Будем ждать или начнем?

Они должны были выждать некоторое время по плану, но тревожное ощущение у Саймона становилось все сильнее...

— Уолдис! — Один из мужчин в форме Верлейна быстро поднял голову.— Мы забыли на судне мешок с птичьим кормом. Пошли за ним сейчас же, он нам очень нужен.

Саймон отдернул покрывало с клетки птицы. На него смотрели темные глаза, в которых светился разум, пусть не человеческий, но все же разум. Голова птицы была повернута к двери, она словно прислушивалась к чему-то, чего не было слишно человеческому уху. Потом кривой клюв раскрылся, и птица издала пронзительный крик, крик тревоги. В тот же миг Саймон ощутил толчок: опасность была вокруг них!

Корис уставился на дар Вольта. Тонкая фольга не могла скрыть мерцания лезвия, оно словно горело огнем, и это было не отражение солнечного света, а пламя, вспыхнувшее внутри самого топора. Столь же внезапно этот свет погас.

Белые перья птицы растопырились, и она крикнула во второй раз. Саймон открыл дверцу клетки, подставил руку, и птица очутилась на этом живом мостике. Она была тяжелой, но вес ее подействовал успокаивающе на Саймона. Тяжело взмахнув крыльями, птица перелетела на спинку стула.

Один из пограничников распахнул дверь. Вошел Уолдис. Он тяжело дышал, в руке у него было обнаженное оружие с обагренным кровью лезвием.

— Они все сошли с ума! — крикнул он.— Они гоняются друг за другом по всем залам и кромсают друг друга!

Это не могли быть силы Эскарпа, ведь сигнал еще не подан! Неужели случилось непоправимое? Ингвальд схватил юношу за плечо.

— Кто гоняется? Кто кромсает? — спросил он хрипло.

— Не знаю. У них у всех знаки людей герцога: он, мол, со своей супругой...

— Я думаю, пора начинать,— сказал Корис прерывисто. Дыхание со свистом вырывалось из его груди.

— Отвори окно,— приказал Саймон ближайшему к нему пограничнику.

Сейчас лучше всего воспользоваться начавшейся внутри крепости суматохой, хотя Саймон и не знал ее причины. Он сделал знак соколу, и тот вылетел в окно, держа курс к тем, кто ожидал его появления. Тогда Саймон повернулся к двери и бросился вслед за Корисом.

В конце площадки лежал лицом вверх убитый — судя по одежде, он принадлежал к числу высших чиновников двора. На лице его застыло удивление, словно он не ожидал, что ему нанесут смертельный удар. Но не это привлекло внимание Саймона — в глаза ему бросился широкий пояс, перехватывающий талию убитого. На нем было три розетки с красным драгоценным камнем посредине. Там же, где положено было быть по орнаменту четвертой розетке, Саймон увидел совсем другое изображение — сложный узел из перекрученных и переплетенных линий, точно такой же, что висел на поясе Фалька, надетом сейчас на самом Саймоне. Это новомодное украшение или...

Корис несся по лестнице, ведущей на другой этаж, где находились покои Ивьяна, туда, где была Лойз, если, конечно, им повезет. Сейчас некогда было раздумывать о поясах и орнаментах.

Теперь им ясно слышались звуки боя, бряцания оружия. Саймон и Корис одновременно бросились к перилам лестницы и поглядели в ту сторону, откуда доносились крики и отчаянный грохот. В дальнем конце площадки несколько человек пытались высадить крепко запертую дверь, остальные стояли с оружием наготове.

— Я-а-а-а! — Корис гигантским прыжком покрыл разделявшее их расстояние; двое из карстеннев услышали его крик и повернулись навстречу ему. Саймон выстрелил, и оба врага упали, пораженные его стрелами. Саймон был не очень хорош в бою на мечах, но в меткости стрельбы из самострела ему не было равных ни среди пограничников, ни среди воинов Эсткарпа.

Я-а-а-а! — Корис перепрыгнул через эти трупы и обрушился всей тяжестью тела на дверь. Топор Вольта сверкнул в воздухе · дверь затрещала и распахнулась. Пограничники рванулись вслед за Корисом, сметая на пути оставшихся врагов.

Корис был уже на середине зала, рванул занавес, за которым открывался проход. Наверх вела узкая лестница. Корис действовал так уверенно, что Саймон без слов последовал за ним. Еще один зал. На полу виднелось желтое пятно, Корис поддел его топором, это оказался мужской дорожный плащ. Отшвырнув его в сторону, Корис с разбега остановился еще перед одной закрытой дверью.

Она не была заперта, поэтому распахнулась настежь при легком толчке. Они очутились в спальне, где стояла кровать без полога. Покрывало на кровати было разодрано в клочья, обрывки его валялись на полу. Ничком на кровати лежал человек, кулаки его судорожно сжимали остатки покрывала. Ноги его едва заметно дернулись, словно он пытался подняться. Корис подошел к кровати, тронул человека за плечо и перевернул его на спину.

Саймон никогда не видел Ивьяна из Карстена, но сейчас он безошибочно узнал этот твердый подбородок, песочного цвета кустистые брови, нависшие над орлиным носом. Жизнь еще теплилась в могучем теле бывшего наемника, который огнем и мечом завоевал свое герцогство.

На нем был просторный халат, который свалился с плеч, когда Корис схватил его. Обнажилось могучее тело, все покрытое старыми шрамами. Грудь была обтянута широкой повязкой, мокрой и красной. Дыхание со свистом вырывалось сквозь стиснутые зубы, полоса на груди становилась все краснее и шире.

Корис опустился на колени, стараясь заглянуть в глаза герцога.

— Где она? — спросил он спокойно и властно.

Саймон усомнился, чтобы до сознания Ивьяна дошло сейчас что-нибудь.

— Где о н а? — повторил Корис. Под его рукой шевельнулся топор Вольта, бросив отблеск на лицо Ивьяна.

— Вольт... — губы Ивьяна зашевелились, точно он видел лишь этот топор и не слышал, о чем спрашивает его Корис.

— Да, это топор Вольта, а я тот, кто носит его, Корис из Горма,— сказал Корис, заметив, что Ивьян перевел взгляд с топора на его лицо.

Слабая усмешка появилась на лице Ивьяна, губы снова с трудом скривились, выдавливая слова:

— Из Горма? Ну, значит, ты знаешь своих хозяев. Будь ты проклят...

Последним усилием Ивьян оторвал руку от покрывала, сложил ее в кулак и ударил, стремясь попасть в лицо Корису. Но тут же его рука упала, он дернулся и затих навсегда.

С соседней комнате они никого не нашли. Корис, который все время был впереди в этих отчаянных поисках, остановился посреди комнаты, широко открыв глаза.

— Она была здесь!

Саймон был согласен с ним. Но думал он сейчас о последних словах умирающего Ивьяна. Почему герцог сказал о «хозяевах» Горма? Ведь об Эсткарпе было бы правильнее сказать «хозяек», ибо всему Карстену было известно, что на севере правит Совет Колдуний. Но в Горме... в Горме были зловещие хозяева-колдеры! Кто-то начал здесь свару между людьми — и это не было делом рук Эсткарпа. Ивьяна смертельно ранили.

Но у них не было времени на дальшейшие поиски. Охрана герцога искала своего повелителя, и пограничникам необходимо было срочно отсюда уходить.

Наступил вечер. Саймон, сгорбившись на стуле и жуя жесткое мясо, слушал рапорты, пытаясь решить, что же им делать дальше.

— Мы не можем дольше удерживать Карс,— сказал Гуттормсокольничий, наливая вино в чашу дрожащей рукой. Десять часов понадобилось ему, чтобы со своим авангардом пробиться от северных ворот крепости к тому месту, где он сейчас сидел.

— Мы не хотели этого никогда,— сказал Саймон.— Мы пробились сюда, чтобы сделать...

— То, что не сделали! — Топор Вольта с гневным стуком ударил об пол.— Ее нет в городе, разве только они спрятали ее так, что даже колдунья не чувствует ее присутствия. Но я не верю, что ее здесь нет.

Ингвальд потрогал свою раненую руку.

— Я тоже. Но колдунья говорит, что здесь нет даже следов Лойз. Словно ее никогда здесь не было...

Саймон повернулся.

— Есть один способ скрыть человека так, что никакая сила его не обнаружит.

— Колдер,— ровным тоном сказал Корис.

— Колдер,— согласился Саймон.— Вот что мы узнали от пленных. На рассвете офицеры получили приказания, якобы от герцога, тихонько собрать своих людей в одном из залов, а потом наброситься друг на друга. Каждому командиру было сообщено, что кто-то из его товарищей — предатель. Могло ли что-нибудь иное вызвать такой переполох? Ну, а потом они не могли найти Ивьяна, хотя и понимали, что приказ этот нелеп. Кто же охотился за Ивьяном? — спросил Саймон.— Паника стала еще сильнее, когда прошел слух, что Ивьяна убили.

— Слух пустили не мы,— заявил Гуттором,— в схватке участвовали только люди Ивьяна.

— Быть может, не только за ним,— вмешался Корис,— может, и Лойз стала их жертвой?

— Но зачем кому-то могла понадобиться Лойз? — утомленный Саймон соображал медленнее обычного, но он тут же догадался — она могла понадобиться колдерам в качестве приманки.

— Не знаю для чего, но я должен выяснить! — И снова топор Вольта энергично стукнул по столу.

Лойз сидела на широкой постели, поджав ноги, обхватив колени руками и не сводя глаз с лежавшего перед ней кинжала. Какую цель преследовала Алдис? Ведь она не могла бояться разделить с кем-то свою власть над Ивьяном, она прекрасно знала, что герцог желает, чтобы Лойз была рядом только по государственным соображениям.

Когда много месяцев назад Джелит жила в Карсе, Алдис тайно явилась к ней с просьбой наложить заклинание, которое могло бы навсегда привязать к ней Ивьяна. Она, безусловно, не сомневалась, что такое заклятье ей необходимо, иначе она бы

не пришла к Джелит. А позже, когда наступило время противоборства духов, когда Охранительницы прибегали к самым сильным внушениям, которые только были возможны, она пользовалась своей властью над Ивьяном, не ведая, что исполняет желания колдуний.

Теперешнюю Алдис Лойз не могла представить в подобной роли. Эта Алдис никогда бы не обратилась за помощью к Джелит, разве только желая тайно вступить в противоборство с волей колдуньи. Тогда Алдис искала помощи совершенно искренне, иначе Джелит немедленно выяснила бы истинные чувства женщины. Той, прежней Алдис, на самом деле была навязана воля колдуний без ее ведома. Если бы попытка оказалась неудачной, Джелит узнала бы и об этом.

Лойз прикусила нижнюю губу. Нет, Алдис, которую она встретила здесь, совсем не похожа на Алдис, которую она знала раньше. Она ведет какую-то игру, и в этой игре Лойз отводилась роль пешки, которую Алдис будет передвигать по своему желанию. Она не сомневалась, что ее увезли из Эсткарпа, потому что она является женой Ивьяна. Но зачем Ивьян привез ее сюда? Лойз попробовала понять, зачем она ему сейчас понадобилась такая. Во-первых, с нею он получал Верлейн. А Верлейн с его морскими сокровищами, низко расположенной гаванью и опытными морскими грабителями обеспечит ему опорный пункт для набегов на Эсткарп. Во-вторых, она, Лойз, родом из старинной знати, их супружество может принести Ивьяну поддержку многих могущественных домов. Ведь ходят же слухи, что он решил порвать все свои прежние связи и укрепить герцогский трон, объединившись с главами старинных родов. В-третьих, Лойз крепче стиснула руками колени, ее бегство из-под венца, ее союз с врагами Ивьяна в Эсткарпе наверняка вызвали у него немалую ненависть к ней, а тут еще ее обет верности Корису, этому «отщепенцу» из Горма, которого она предпочла герцогу Карстена... Она презрительно усмехнулась: как будто этих двоих можно хоть на мгновенье поставить рядом! Корис! Это все, чего она когда-либо в своей жизни желала!

Итак, у Ивьяна было целых три причины привезти ее сюда, и все же за ними крылось что-то еще, о чем она могла только смутно догадываться. Она была почему-то совершенно уверена — сама не зная почему — что дело здесь не только в Ивьяне, но и в Алдис. Какая же причина могла быть у Алдис видеть здесь Лойз? Зачем понадобилось ей заманить сюда наследницу Верлейна, почему она старалась запугать Лойз Ивьяном, зачем вложила в руки Лойз смертоносное оружие? Чтобы Лойз обратила его против себя самой? На первый взгляд, это основательная причина. Но не слишком убедительная. Если же от Лойз ожидали, что она вонзит кинжал в грудь Ивьяна, когда он захочет взять ее силой, то ведь Ивьян — единственный источник власти для Алдис, настоящей повелительницы этого герцогства! Смерть ее любовника — это и ее политическая смерть. К этому дару Алдис следует отнестись осторожно.

Лойз соскользнула с кровати, подошла к окну, распахнула ставень. Свежий ветер с гор ворвался в комнату, освежил ее пылающее лицо, принес с собой прохладу и успокоение. Где-то там, за много миль отсюда, ее друзья не сидят сложа руки. Корис, Саймон, Джелит — Лойз не сомневалась, ищут ее повсюду. Нет, и на этот раз ее будущее зависело только от ее ума, находчивости, мужества. Она вернулась к кровати, подобрала кинжал. Возможно, дар Алдис — на самом деле ловушка, но Лойз почувствовала странное облегчение, когда ее пальцы сомкнулись на холодной рукояти кинжала.

Веки ее отяжелели, она упала на постель без сил. Спать... она должна уснуть. Снова придвинуть стол к двери? У нее не было сил даже пошевельнуться. Свежий ветер навевал такую сладкую дремоту... И она уснула.

Быть может, многие месяцы кочевой жизни в горах и на границе, которые приучили ее быть начеку даже во сне, помогли Лойз развить необыкновенную настороженность, столь часто выручавшую ее. Где-то в глубине ее затуманенного сном сознания прозвучал сторожевой сигнал. Она проснулась мгновенно и, не открывая глаз, стала настороженно прислушиваться, замирая от страха.

Тихонько скрипнули железные петли, и дверь медленно приоткрылась. Лойз рывком села на постели среди сбитых простыней. Утренний свет лился в комнату сквозь открытые ставни, но дальний ее угол все еще был погружен в полумрак. Лойз подползла к краю кровати и быстро прыгнула вниз, забившись в угол между каменной стеной и ступеньками возвышения, ведущего к кровати. Вошедший в комнату мужчина повернулся к ней спиной, торопливо закрывая дверь, на сей раз изнутри.

Он был высок ростом — как Саймон — и даже просторный халат не скрывал ширины его могучих плеч. Плечи были как у Кориса. Он был могучим бойцом. Когда он повернулся, Лойз заметила, что он улыбается — презрительно улыбается. Это была улыбка жестокого и злого человека.

Что-то в нем напоминало отца, Фалька из Верлейна, только черты лица были жестче, волосы не рыжие, а выцветшие, похожие по цвету на песок, безобразный шрам пересекал щеку. Вот он каков Ивьян — наемный вояка, Ивьян-непобедимый!

Он неторопливо пересек комнату, направляясь к кровати и не сводя с нее глаз. Его улыбка становилась все шире. Приблизившись к Лойз и явно издеваясь, он отвесил поклон, как это сделала раньше Алдис.

— Вот мы и встретились, наконец, миледи. Немало воды утекло и слишком долго эта встреча откладывалась, по крайней мере, мне так казалось.

Он рассматривал ее с тем же легким презрением, какое она когда-то замечала в глазах Фалька.

— Ну и заморыш же ты в самом деле,— с удовлетворением кивнул он.— Пожалуй, тебе и впрямь нечем похвастаться, моя госпожа.

Лойз молчала. Она не знала, как ей себя вести, и боялась, что если заговорит сейчас, он начнет действовать. Пока он сам говорит, у нее останется время собраться с духом.

— Да, ни один мужчина не прельстился бы твоим лицом, Лойз из Верлейна.— Он рассмеялся.— Только государственные соображения могут заставить мужчину сделать то, от чего у него начинаются спазмы в желудке. Потому я и женился на тебе, а теперь вот ложусь с тобой в постель, леди из Верлейна...

Он не набросился на нее, как она опасалась, а медленно подходил к ней, шаг за шагом. И Лойз, которая все теснее прижималась к шершавому камню стен, прочла то, что было написано в его глазах. Охота и победа — неизбежная победа — вот что принесет ему наслаждение. Она поняла, что он продлит это удовольствие, упиваясь ее страхом, отчаянием и ужасом. Охота будет продолжаться, пока ему не надоест, потом все произойдет на его условиях и когда ему вздумается.

Что же, она постарается доставить ему удовольствие. С легкостью, которой она научилась у пограничников, Лойз сделала отчаянный прыжок — но не к запертой двери, как мог ожидать Ивьян. Она упала плашмя на кровать, и прыжок ее был таким внезапным, что Ивьян не успел поймать ее. Лойз тут же вскочила на ноги, подпрыгнула — пружины матраца послужили ей трамплином — и, ухватившись руками за столбики, на которых должен был висеть полог герцогской кровати, в мгновенье ока очутилась на самом верху шеста, торчавшего в изножье. Теперь Ивьян не мог ее достать, стоя на полу. Он молча уставился на нее, на лице его не было больше улыбки, глаза злобно сощурились.

Лойз сомневалась, что он решится взобраться вслед за ней на шест — ведь он весит вдвое больше, а шест и так раскачивался и трещал, рассеивая клубы пыли. Долгая минута потребовалась Ивьяну, чтобы осознать это. Его руки ухватились за шест, он принялся его отчаянно трясти. Скрипело дерево, клубилась пыль в воздухе, дыхание со свистом вырывалось из груди Ивьяна. Спокойная жизнь размягчила его мышцы, но он все еще оставался могучим борцом, который победил не одного противника в кулачном бою.

Постепенно шест расшатывался. Ивьян стал вытаскивать его из гнезда. Лойз впилась в верхушку шеста побелевшими пальцами. Наконец, шест рухнул, сбив Ивьяна с ног, так что он упал на спину. Лойз свалилась на пол, больно ударившись плечом о столбик кровати. Кошачьим прыжком Ивьян вскочил на ноги и теперь глядел на нее, распростертую на полу, и презрительная ухмылка снова расползлась по его лицу.

Но у Лойз в руках уже был подарок Алдис и, превозмогая отчаянную боль в плече, она изо всех сил полоснула тянувшуюся к ней лапищу. Ивьян взревел и, выбросив ногу, выбил кинжал из ее рук. Но пола его халата зацепилась за обломок шеста, свисающий с кровати, и на какую-то долю секунды он замешкался, прежде чем снова кинулся на Лойз. Этой секунды было достаточно, чтобы девушка отпрыгнула за кровать.

Ивьян рванул полу халата, глаза его побелели от бешенства, на губах показалась пена... Лойз держала теперь кинжал на уровне груди острием вперед. На ней был костюм для верховой езды, в котором она была подвижна и легка, словно мальчишка. И все же ее противником был огромный мужчина, опытный воин, для которого не существовало тайн в любом сражении.

Сорвав с постели разодранную простыню, он скрутил ее жгутом и этим хлыстом изо всей силы ударил Лойз. Она отступила на несколько шагов, но не выпустила кинжала. И снова Ивьян яростно хлестнул ее. Он бросился вперед, широко разведя руки в стороны, намереваясь таким образом схватить ее.

На этот раз ее спас стол: она ухитрилась скользнуть мимо его края, а Ивьян налетел на массивное сооружение всей своей тяжестью, запутавшись в широких полах своего же собственного халата.

С проклятиями он собирался отшвырнуть в сторону стол, как вдруг замер: глаза его широко раскрылись и он уставился на что-то за спиной Лойз.

— Неужели он настолько глуп, что думает меня купить столь древним трюком,— презрительно подумала Лойз и приготовилась отразить натиск Ивьяна, собравшись с последними силами. Но вдруг кто-то железной хваткой стиснул ее руку, отшвырнув в сторону. Лойз обдало сильным запахом мускуса, шелковое платье коснулось ее тела. Чья-то белая рука вырвала кинжал из руки Лойз, словно в ней вовсе не было силы.

— Значит, у тебя не хватило мужества убить,— раздался голос Алдис.— Что ж, дай возможность сделать это тому, у кого есть такое мужество!

Ивьян сначала удивился, затем его лицо залила краска гнева. Он оторвался от стола и сделал было шаг вперед. И тут же остановился, словно наткнулся на что-то, а потом снова медленно двинулся прямо на Лойз, хотя в груди у него уже торчал кинжал, а по халату медленно расползалось красное пятно. Отчаянным усилием Лойз оттолкнула его, и он пошатнулся, а затем рухнул на кровать, цепляясь за покрывало.

— Зачем? Зачем? — только это слово и могла выдавить из себя Лойз, в то время как Алдис, подойдя к кровати, склонилась над Ивьяном, пристально вглядываясь в него, словно желая, чтобы он продолжал сопротивляться.

Затем Алдис выпрямилась и подошла к двери. Она не обращала внимания на Лойз, молча прислушиваясь, потом быстро отошла от порога и снова схватила Лойз за запястье, но на этот раз не для того, чтобы обезоружить, а чтобы увлечь за собой.

— Идем!

— Зачем? — Лойз попыталась освободиться.

— Дура! — Алдис приблизила свое лицо к лицу Лойз.— Неужели ты не слышишь, что снизу сюда ломятся телохранители Ивьяна. Ты хочешь, чтобы они нашли тебя здесь с ним вместе?

Теперь и Лойз различила доносившийся снизу странный гро-

хот. Она была потрясена: Алдис метнула кинжал, который поразил герцога в самое сердце, а охрана Ивьяна ломится в его покои. Почему? Почему? Зачем? Она ничего не могла понять и поэтому не сопротивлялась больше Алдис, тянувшей ее к двери. Было видно, что Алдис сама чего-то боится, что им нужно торопиться, и вся эта неразбериха вызвала в душе Лойз еще больший ужас и смятение.

Они очутились в небольшой зале, шум же снизу стал еще громче. Алдис подтащила ее к окну — этот зал шел по фасаду крепости. Окна выходили на балкон. Они выскочили на него. Здесь на соседнюю крышу была перекинута узкая балка Алдис подтолкнула Лойз к перилам балкона.

— Иди! — коротко приказала она.

— Я не могу! — воскликнула Лойз.

Балка висела над пустотой и казалась такой узенькой, что при одном взгляде на нее у Лойз закружилась голова.

Алдис с минуту смотрела на нее, потом поднесла руку к броши, сверкавшей у нее на груди. Сжав в кулаке эту брошь, она снова приказала:

— Поднимайся и иди туда!

На этот раз Лойз, словно Алдис при помощи свой броши подчинила ее волю своей, послушно последовала приказу. Она больше не владела своим телом, как это было тогда, когда за ней явилась Бертера. Словно со стороны, наблюдала Лойз за тем, как ее тело шагнуло на балку и перешло над пропастью на другой балкон. Там Лойз подождала, пока Алдис сделает то же самое. Карстенианка столкнула хрупкий мостик вниз, балка раскололась на куски, и никто не мог теперь преследовать беглянок.

Алдис больше не прикасалась к Лойз, так как в этом не было нужды. Лойз не могла сбросить с себя узы, приковавшие ее к Алдис. Они прошли с балкона в комнату, оттуда — в другую, побольше. Почти сразу же они наткнулись на раненого воина, который полз на четвереньках и оставлял за собой кровавый след. Раненый их не заметил. Также незамеченными проскользнули они и мимо других раненых и даже сражающихся воинов: никто не обратил на них внимания. Что здесь происходило? Кто сражался? Эсткарп? Корис и Саймон? Может быть, это они явились за ней? Но все, кто сражался друг с другом, носили знаки Карстена, словно его вооруженные силы вступили в гражданскую войну.

Они прошли мимо огромных кухонь, покинутых поварами, хотя на вертелах шипело мясо, в котлах перекипал бульон, от сковородок шел удушливый чад подгоревших кушаний. Они вышли в сад, где деревья ломились под тяжестью фруктов. Алдис подобрала подол своих пышных юбок, чтобы они не мешали ей бежать. Один раз она остановилась, потому что ветка дерева вцепилась в ее драгоценную сетку, прикрывавшую волосы. Она сломала ветку, и обломок остался торчать в ее прическе. Лойз была уверена, что у Алдис есть цель, но не могла понять, какая именно,

до тех пор, пока они не очутились у крохотной речушки. На легких волнах покачивался маленький челн.

— Влезай туда и ложись! — указала Алдис на него.

Лойз оставалось только подчиниться, и вода тотчас же насквозь промочила ее бриджи. Алдис тоже забралась в лодку, которая сразу же накренилась под тяжестью двух женщин, и устроилась рядом с Лойз. Несколько мгновений спустя Лойз ощутила, что челнок движется по течению, унося их вперед, вероятно, в большую реку, разделявшую герцогство на две части.

Лойз лежала ничком, задыхаясь от запаха тины и стоячей воды, ей нестерпимо хотелось поднять голову и вдохнуть свежего воздуха, но она по-прежнему повиновалась приказу Алдис. Куда все-таки напрявлялась она? Лойз почувствовала, что Алдис накинула на них сплетенную из травы циновку. Дышать стало еще труднее. Лойз отчаянно стиснула зубы, задыхаясь от сознания собственной беспомощности. Когда она бежала за Бертерой, состояние ее было гораздо лучше. Она принимала все происходящее, как само собой разумеющееся, она ничего не страшилась и сама не понимала, что делает. Но на этот раз она отчетливо сознавала, что находится под действием какой-то силы, которая принуждает ее поступать именно так, как того желает Алдис. Но зачем, по какой причине произошло все то, что случилось с ней?

— Зачем? — раздался у нее над ухом тихий голос Алдис.— Неужели ты еще не догадалась, моя госпожа? Ведь ты же теперь герцогиня, и весь этот город, вся страна — в твоей власти! Понимаешь ли ты, что это значит, мое маленькое ничтожество ниоткуда?

Лойз изо всех сил пыталась понять, в чем тут дело, но так и не сумела.

Раздался звук рожка. Алдис, сбросив циновку, села в лодке. Свежий речной ветерок пахнул им в лицо. Прямо перед ними возвышался нос какого-то судна, и Алдис уже тянулась к веревке, спущенной с судна для них.

Саймон сидел у стрельчатого окна спиной ко всем находившимся в комнате, но отчетливо слышал все: рысьи шаги Кориса, рапорты воинов и короткие приказания, приход и уход офицеров. Они по-прежнему были в самом сердце Карса, что являлось величайшей глупостью. Но убедить в этом Кориса было невозможно. Корис пребывал в таком состоянии, что мог бы сейчас разнести цитадель по кирпичику, если бы это приблизило его к цели, к которой он столь отчаянно стремился.

Мог ли он винить Кориса за то, что тот думал лишь о единственной вещи, и эта навязчивая мысль грозила погубить их общее дело? Объективно говоря, да. Полгода назад Саймон ни за что не понял бы той муки, той пытки, которая терзала Кориса. Но с тех пор он, Саймон, и сам попал во власть того же дьявола. И хотя он не мотался как Корис, муки его от этого были не менее горькими. К тому же в их положении все же была некоторая

разница — Корис лишился самого дорогого на свете из-за вражеского вероломства, а Джелит ушла от Саймона по доброй воле, ушла и не вернулась. Быть может, когда она ощутила, что прежняя сила осталась с ней, она поняла, как дорого было ей все то, чем она пожертвовала ради их любви, и теперь она просто не в силах расстаться с этим?

Саймон сделал над собой усилие, чтобы отогнать мысли о Джелит и вернуться к тем событиям, которые были так важны для дела Эсткарпа — к смерти Ивьяна, захвату цитадели Карса и исчезновению Лойз — тайне, которую не смог открыть им ни один из захваченных ими пленных.

Эсткарп и Карс — вот две важные проблемы в настоящее время, но Корис не способен трезво мыслить в своем ужасном состоянии. Саймон шагнул от окна к нетерпеливо снующему по комнате Корису и крепко схватил его за руку.

— Ее здесь нет, значит, нам следует искать ее в другом месте. Но мы ни в коем случае не должны терять голову...

Саймон говорил резким тоном намеренно, рассчитывая, что это приведет Кориса в чувство, как пощечина действует на человека, впавшего в истерику. Корис сощурился, сбросил руку Саймона торопливым движением плеча, но остановился и стал слушать.

— Если она убежала... — начал он.

— Тогда кто-то наверняка знал бы об этом,— сказал Саймон.— Давай лучше подумаем, кто мог ее спрятать. Мы знаем, что люди Ивьяна заняты междоусобной резней, которую спровоцировали, чтобы скрыть какое-то событие. Им могла быть либо смерть Ивьяна, либо еще что-то.

— Скорее всего, еще что-то,— услышали они позади мелодичный голос обернувшись, увидели колдунью, прибывшую с пограничниками.— Неужели вы не понимаете, милорды, что со смертью герцога Ивьяна его супруга герцогиня становится полновластной госпожой Карса и Карстена, особенно если учесть, что Лойз принадлежит с старинной аристократии и ее притязаний никто оспаривать не будет. Они воспользуются ею, чтобы превратить в свою послушную пешку, прикрыв свои действия и силу. Все это было сделано с особой целью. Но вот что за цель? И чья эта цель? Кого недостает среди убитых и пленных? Лучше бы выяснить, не кто убит и почему, а кто исчез и по какой причине.

Саймон кивнул. Все складывалось последовательно. Заговорщики планировали привезти Лойз в Карс, подтвердить, что она жена герцога Ивьяна, то есть герцогиня. Причем, Ивьян, вероятно, знал только часть плана и был полностью уверен, что действует по собственной воле. Дальше все разрабатывалось без него. Потом надо было избавиться от герцога, воспользоваться Лойз, как марионеткой, чтобы прикрыть установление в Карсе другой власти. Но у кого из властителей мог оказаться столь изощренный ум, столь совершенная организация, чтобы осуществить такой план? Как было известно разведке пограничников, а это были очень толковые организации, Саймон знал это наверняка,

никто из глав пяти — шести самых могущественных фамилий не обладал ни мужеством, ни энергией, ни необходимыми людьми для осуществления подобного плана. Да и сам Ивьян никогда бы не доверился никому из представителей старинной знати, чтобы так или иначе допустить их в эту крепость, где они должны были действовать совершенно свободно. Саймон так и сказал колдунье.

— Фальк был не просто Фальком,— ответила она.— И здесь тоже могут найтись такие, которые окажутся не теми, кем выглядят на самом деле.

— Колдер! — ударил Корис кулаком по ладони другой руки.— Повсюду Колдер!

— Да,— устало сказал Саймон.— Ведь мы не могли надеяться, что они откажутся от борьбы, потерпев поражение под Сиппаром, не так ли? Разве мы не знали давным-давно то, что главная слабость колдеров не в отсутствии достаточно мощной армии? Вполне вероятно, что после сражения при Горме, когда мы сильно потрепали их, они поняли, что больше не могут полагаться на силу своего оружия и поэтому решили компенсировать количество возможным качеством — стали подбирать себе в помощники пусть подневольных людей, но занимающих ключевые посты...

— И среди них есть женщина! — перебил его Корис.— Мы ведь здесь до сих пор не видели ту, которую непременно должны были встретить,— Алдис!

Колдунья нахмурилась.

— Алдис ведь откликнулась на наше послание в Битве Духов перед атакой на Горм. Возможно, после этого в Карсе ей не было места!

— Есть лишь один способ выяснить это!

Саймон торопливо подошел к столу, за которым сидел Ингвальд, записывая последние данные на портативной фономашине, оставленной сокольничьими — усовершенствованный вариант аппарата, которым сокольничьи снабжали своих разведчиков-птиц.

— Что говорят здесь о леди Алдис? — поинтересовалась колдунья.

— Очень мало,— едва улыбнулся Ингвальд и пояснил: — три раза приказания, которые вынуждали этих волков впиваться друг другу в глотки, исходили от этой леди. И поскольку она, как им было известно, находилась в тесной близости с Ивьяном, слова ее принимались за чистую монету. Какая бы там ни плелась сеть, она к этому наверняка приложила руку, и весьма основательно.

Колдунья прошла на середину комнаты и стала тереть в ладонях драгоценный камень — символ своего ремесла.

— Я хочу как можно скорее увидеть комнату этой женщины,— сказала она коротко. Они пошли все вместе — колдунья, Саймон, Корис и Ингвальд.

Роскошные апартаменты вели в тот же самый холл, что и

покои, где они нашли умирающего Ивьяна. В дальнем конце комнаты высокие окна выходили на большой балкон, свежий ветерок шевелил полог кровати и играл кончиком кружевного шарфа, свисающего из ящика комода. Резкий запах мускуса наполнял комнату. Саймону стало от него дурно, и он подошел к открытому окну.

Колдунья, по-прежнему крепко сжимая в ладонях колдовской камень, прошлась по комнате, держа перед собой руки на уровне груди. Саймон не догадывался, что она делает, но понимал, что все это серьезно и важно. Колдунья провела руками по воздуху над кроватью, над обоими комодами, над туалетным столиком с целым набором коробочек и пиал, вырезанных из драгоценных камней. Где-то на полпути руки колдуньи вдруг замерли в плавном движении и беспомощно упали, словно ударившись обо что-то невидимое Саймону.

Она обернулась к мужчинам.

— Здесь был какой-то талисман — символ силы, которой пользовались много раз. Но сила эта не наша. Колдер! — Она с отвращением сплюнула.— Это связано с превращением.

— Изменение облика! — воскликнул Корис.— Значит, та, которую принимали за Алдис, вовсе не была ею!

— Не совсем так, лорды-капитаны! — покачала головой колдунья.— Это не изменение облика, к которому мы так давно прибегаем, это внутреннее, а не внешнее превращение. Разве вы сами не сказали мне, что Фальк не был прежним Фальком? Ведь он вел себя в битве совсем иначе, чем раньше. Он не стал сражаться вместе со своими воинами до конца, а сделал попытку скрыться. Потом предпочел разбиться насмерть, но скрыть от нас свое частичное перевоплощение. Точно так же обстоит дело с этой женщиной. Ибо я твердо уверена в том, что у нее внутри таится нечто, принадлежащее Колдерам.

— Колдер,— процедил сквозь зубы Корис.

Потом глаза его широко раскрылись и он повторил на этот раз совершенно другим тоном:

— Колдер!

— Что?.. начал было Саймон, но Корис перебил его.

— Где находится последняя твердыня этих проклятых похитителей? Айль? Говорю вам: то, что было когда-то леди Алдис, сейчас похитило Лойз, и они отправились в Айль.

— Это всего лишь догадки,— сказал Саймон.— Но если ты прав, Айль не очень далеко отсюда и мы вполне можем догнать их...

И мысленно добавил: «Любой повод хорош, если только он уведет тебя, наконец, из Карса, пока мы еще не погибли...»

— Айль? — колдунья задумалась.

Саймон молча ожидал ее соображений. Колдуньи Эсткарпа были отличными стратегами, и если она хочет что-то предложить, то стоит, безусловно, выслушать... Но она молчала. Саймон знал, что задавать вопросы в такой ситуации совершенно бесполезно.

В том, что Корис, возможно, прав, они убедились еще до

наступления ночи. Не желая оставаться в Карсе, рейнджеры отступили к стоявшим в гавани кораблям, которые должны были увезти их на запад. Угрюмые матросы молча повиновались распоряжениям капитанов-салкаров, работая под наблюдением охраны из Эсткарпа.

Ингвальд одним из последних поднялся на палубу торгового судна и присоединился к Саймону, который молча наблюдал за набережной, где бушевал ветер, вызванный колдуньей, чтобы помочь их отплытию.

— Мы оставляем после себя бурлящий котел,— сказал пограничник.

— Ты ведь сам из Карстена, так, может быть, тебе все же хотелось бы остаться в этом котле? — спросил Саймон.

Ингвальд ответил не сразу.

— Когда убийцы из банды Ивьяна подожгли мой дом и застрелили отца и брата, тогда я поклялся, что эта земля больше не моя! Мы ведь не новое поколение Карса, и поэтому нам всем лучше присоединиться к тем потомкам Древней Расы, которые живут в Эсткарпе. Мы с ними одной крови. Нет уж, пусть в этом котле жарится тот, кто пожелает. Я присоединяюсь к Охранительницам, которые считают, что Эсткарпу не нужно ни чужих стран, ни чужих народов, над которыми можно властвовать. Посмотри сам: разве ты стремишься сделать Карс нашим? Ведь тогда нам пришлось бы организовать не меньше сотни очагов восстаний и пожаров по всей границе герцогства. В то же время нам пришлось бы сильно ослабить наши северные укрепления. А Ализон только и ждет этого.

— Мы избавили этот город от Ивьяна, сильного правителя, который удерживал в повиновении многих врагов. Зато теперь начнется грызня между пятью — шестью береговыми претендентами на власть. Они будут заняты этим слишком важным для них делом и перестанут быть нам угрозой на юге. Так что анархия сослужит нам службу даже лучше, чем временная оккупация.

— Лорд! — Саймон обернулся на зов капитана-салкара.— У меня тут есть один матрос, который кое-что знает. Возможно, его история представляет для вас интерес?

Он подтолкнул вперед мужчину в грубой запятнанной матросской робе, который быстро преклонил колени в присутствии победителей Ивьяна.

— Ну? — спросил Саймон.

— Вот как было дело, лорд. Эта самая шхуна... она стояла в доке дня два, может, больше, но команда вела себя странно, никто не сходил на берег. И груз они тоже не разгружали, да и по осадке не было видно, чтобы она была груженая. Ну, вот мы и стали приглядываться к этой посудине, уж больно странным нам все это показалось — моему приятелю и мне. Но мы так ничего и не заметили, ничегошеньки. Только когда в городе началась драка, только тогда они оживились. Матросы взялись за весла и стали грести. Ну, также поступили и другие суда,

так что мы не удивились. Только остальные-то суда так и отплыли, а вот эта посудина...

— Не отплыла! — Саймон не знал, зачем ему выслушивать этот рассказ, но вполне доверяя опыту капитана, решил терпеть до конца.

— Они только поднялись вверх по течению реки,— матрос кивнул на устье реки, почтительно не отрывая глаз от досок палубы.— Там они поставили свои весла и стали чего-то ждать. И тут появился этот челнок — он просто плыл вниз по течению, словно оторвался где-то на реке от привязи. Вот тогда они снова заработали веслами и стали спускаться вниз по течению. А челнок куда-то исчез.

— Они кого-то подобрали с челнока,— довольно уверенно сказал Ингвальд.

— По-видимому так,— согласился Саймон.— Но кого именно? Кого-то из своих офицеров?

— Этот самый челнок,— вмешался в разговор капитан-салкар.— Ты никого не заметил в нем?

— Вот в этом-то вся и штука, сэр,— проговорил матрос.— Там никого не было. У нас, конечно, нет подзорной трубы, да и без нее мы ясно разглядели, что там валялась только тростниковая циновка... и все. Никто там не греб и вообще никого не было. Если же там кто-то был, то лежал на дне челна, под этой самой циновкой.

— Быть может, какой-то раненый человек? — вслух подумал Ингвальд.

— Или кто-то прятался. Значит, судно шло потом вниз по течению, к берегу?

— Да, сэр. Пошло оно тоже как-то странно, сэр. Вообще-то там сидели ребята на веслах, да только они словно притворялись и не гребли по-настоящему. Словно бы под килем у них такое сильное течение, что оно само их несет, и грести по правде не требуется. Вообще-то там и на самом деле есть течение, но совсем не такое сильное. Обязательно надо налегать изо всех сил на весла, если нет попутного ветра и хочешь идти быстро. А именно так и было — безветренно. Но они шли очень быстро.

Капитан бросил на Саймона взгляд.

— Мне неизвестны другие способы движения по реке, кроме попутного ветра и весел. Может, есть корабли, которые двигаются иначе, но мне никогда не доводилось видеть такие суда — ни мне, ни моим собратьям. Нам известны ветер и весла, а все остальное — колдовство.

— Но только не такое, что известно Эсткарпу,— ответил Саймон.— Капитан, подайте сигнал судну сенешаля. Затем перправьте меня туда вместе с этим человеком.

— Ну, капитан Осберик,— обратился Корис к командующему флотом, вновь выслушав историю, рассказанную моряком.— Как, по-твоему, все это почерпнуто из бочонка с вином, или это правда?

— Нам неизвестны такие суда, что описывает этот человек,

но я верю, что он его видел. Ведь существуют же суда, принадлежащие не нам.

— Это была подводная лодка? — спросил Саймон.

— По-видимому, нет, раз они скопировали внешний вид наших судов. Во всяком случае, они сделали все, чтобы их не опознали, эти колдеры! И если бы на берегу не поднялась суматоха и не появились наши люди, они бы себя ничем не выдали. Только когда им стала грозить опасность, они решили пренебречь безопасностью и выдали себя, чтобы иметь преимущество во времени.

— Вниз по реке к морю, а потом в Айль,— Корис подбросил в руке топор Вольта.

Саймон уже принял решение.

— Осберик, приготовь нам самый быстроходный корабль, посади на весла, если потребуется, наших людей. Мы отплываем.

Если только это судно и в самом деле плывет туда, куда они думают, то оно их здорово опередило. К вечеру, когда поднявшийся ветер наполнил паруса, Осберик дал сигнал к отплытию. Шхуна помчалась под ветром вперед с такой скоростью, что не было нужды налегать на весла. Позади на берег высадились те, кто участвовал в налете на Карс: они отправлялись к границе. Только судно Осберика и еще два других, выбранных для сопровождения, продолжали свой путь по реке.

Саймон поспал несколько часов, завернувшись в плащ, все еще не снимая кольчуги Фалька. Они снова обрели свой привычный облик, но одежда и оружие остались прежними. Спал он беспокойно, его терзали сновидения, и каждый раз он просыпался, не в силах связать канву сна воедино и мучаясь от мысли, что это очень важно. Он, наконец, окончательно проснулся и лежал без сна, разглядывая звезды и прислушиваясь к свисту ветра. На расстоянии вытянутой руки от него лежал Корис. Саймон надеялся, что усталость сморила сенешаля, и тот забылся сном.

Айль и Колдер. Теперь уже никаких сил не хватит удержать Кориса от нападения на Айль, разве только заковать в цепи. Да, они должны взять Айль. Но разве уже много месяцев подряд они не пытались разгрызть этот орешек? Они победили при битве в Горме только потому, что по воле случая Саймон оказался пленником и смог таким образом выведать многие бреши в броне колдеров. Но ведь тогда колдеры относились к противнику с большим пренебрежением, тем самым подставляя себя под удар. А поражение под Сиппаром наверняка послужило им хорошим уроком. Взять хотя бы то, что теперь Айль окружен невидимым барьером — на море и на суше — и этот барьер не в состоянии преодолеть ни одна сила — даже сила колдовства. В течение уже многих месяцев Айль остается совершенно недоступным, огражденным от внешнего мира. Если оттуда появляются солдаты и если они туда возвращаются, то только морем притом не по его поверхности, а под водой. Корабли колдеров — это мощные субмарины, похожие на те, которые они захватили в Горме.

На Саймона вновь нахлынули сомнения, как и многие месяцы назад, когда он стоял перед Советом Охранительниц и говорил,

что нужно оставить все, захваченное у врагов в Горме, так, как есть, ни к чему не прикасаясь, чтобы не рисковать — ведь во всем может таиться опасность, о которой они и представления не имеют. Был ли он тогда прав? Теперь он сомневался в этом, но все же внутренний голос говорил ему, что он не заблуждался тогда, и что воспользоваться оружием колдеров — это значит так или иначе оказаться во власти врагов.

Саймону было известно, что колдуньи неторопливо и внимательно изучали находки, сделанные в Горме. Но он знал и то, что их сила была барьером, который колдеры не могли преодолеть.

Сейчас им необходимо найти способ, как ворваться в Айль. Саймон и раньше думал об этом, но никогда, даже с Джелит, не делился этими мыслями. Возможно, что только он, Саймон, в состоянии пробить брешь в броне колдеров, как это однажды уже случилось. И не с помощью субмарин, ибо таких знаний у него не было. До сих пор не узнали, какая сила движет эти суда. Быть может, мысленная энергия командира-колдера, который умер вслед за своими воинами, не сняв с головы металлической шапки. Нет, Саймон способен преодолеть барьер, нападая не морем, а только по воздуху. Ибо те флайеры — летательные аппараты, которые рядами стояли на крыше, покрывающей ныне покинутый Сиппар — вполне могут пригодиться при штурме Айля. Но посвятить в это Кориса сейчас было бы величайшей глупостью.

— Заперто прочно... — Красное лезвие топора Вольта сверкнуло в воздухе и вонзилось в мох с такой силой, словно Корис метнул топор во врага. Они стояли на холме, оглядывая подступы к Айлю.

Горм был освобожден от людей того мира и времени. Но здесь, в Айле, колдеры оставались у себя дома. Можно ожидать, подумал Саймон, что они прибегнут к помощи металла и станут сооружать причудливые башни и здания. Но они воспользовались камнем, из которого строились здания в Эсткарпе, только таким древним, будто рожденным из плоти и крови той земли, на которой стояли сооружения из него.

Айль, несмотря на древний строительный материал, выглядел новым и странно чужеродным на этой каменистой почве. Саймон ясно ощущал это, хотя и не мог объяснить словами своего отношения к этому. Ему казалось, что даже если бы он не знал, что Айль твердыня колдеров, то все равно понял бы, что этот город не имеет ничего общего ни с Эсткарпом, ни с одной из соседних с ним земель.

— Там раньше был вход,— Корис указал топором на казавшуюся совершенно гладкой стену.— Теперь даже эта дверь исчезла. И никто туда не сможет подобраться ближе, чем ручей, что виднеется в долине.

Барьер, подобный тому, который ограждал в свое время Горм, держал их на почтительном расстоянии от Айля, не позволяя провести разведку. Саймон беспокойно шевельнулся. Одна и

та же мысль не давала ему покоя, сверлила мозг с того самого дня, как они покинули Карс. Ему приходилось все время бороться с собой.

— Должно быть, они покидают город и возвращаются в него под поверхностью моря, как это было в Горме,— сказал он.

— Значит, нам остается только отступить и признать свое поражение. Колдер победил? Но я никогда не соглашусь с этим, пока легкие мои полны воздуха, а в руке достаточно силы, чтобы удержать вот это! — Топор снова вонзился в мох.— Есть же какой-то путь туда, он должен быть!

Что заставило Саймона произнести эти проклятые слова, которые он поклялся никогда не произносить? И все же они сами сорвались с его уст:

— Может быть, туда и есть один путь...

Корис резко повернулся, его тело странно напряглось, словно он стоял перед противником на дуэли.

— По морю? Но как мы сумеем...

Саймон медленно покачал головой.

— Вспомни, как пала твердыня салкаров,— начал было он,— но Корис живо перебил его.

— По воздуху! Летающие корабли Сиппара! Но ведь мы не можем воспользоваться ими, не зная их секрета.— Его сверкающие глаза сверлили Саймона.— Или ты знаешь их секрет, брат? Ты рассказывал когда-то, что такие машины использовались во время войны в мире, откуда ты пришел к нам. А-а-а! Обратить такое оружие против его хозяев, этого исчадия ада! Вот это был бы недурной сюрприз! Ай-и-и! — Он подбросил огромный топор в воздух, поймал его за топорище, высоко поднял голову навстречу солнечным лучам.— В таком случае немедленно в Горм за этими летающими кораблями.

— Погоди! — Саймон схватил Кориса за руку.— Я ведь даже не уверен, что смогу вести такой корабль! Не уверен, что мы сможем полететь на них!

— Если только они помогут нам сокрушить берлогу этого зверя, то мы сумеем все на свете! — Ноздри Кориса раздувались, рот застыл в суровой усмешке.— Я понимаю, что вражеским оружием воспользоваться рискованно, но бывают минуты, когда за любую возможность приходится хвататься обеими руками. Говорю тебе, мы должны отправиться в Сиппар и воспользоваться тем, что нам необходимо!

Саймон уже несколько месяцев не бывал в Горме. У него не возникло никакого желания принять участие в работе тех отрядов, которые прочесывали здания, освобождая их от трупов погибших островитян, столь охотно призывавших Колдера на помощь в битве двух династий. С него хватало Горма и Сиппара в битве, которая изгнала колдеров из этих гнезд.

Сегодня он понял, что была еще и другая причина, помимо старых ужасов, которая вызывала в нем ненависть к Сиппару. Он снова стоял в просторном зале — своего рода центре управления сложными механизмами, где когда-то сидели за своими

столами облаченные в серое офицеры-колдеры, непрерывно колдуя над пультами управления... Ими руководил старый офицер с металлической шапкой на голове, именно его-то приказы — Саймон был в этом уверен — направляли всю жизнь внутри осажденной цитадели. Саймон подключился к мыслям этого офицера и узнал о том, что люди Колдера были пришельцами, подобно ему самому, что они также попали в этот мир сквозь какую-то дверь в пространстве и времени, ища прибежища, спасаясь от преследования. Да, в тот день он проник в мысли этого офицера, и сейчас, вновь стоя на этом месте, он опять ощутил, что отчетливо вспоминает все пережитое им в те минуты, словно его мозг и мозг того офицера стали единым целым, хотя и прошло много месяцев с тех пор, и тот офицер давно мертв. В этом зале Саймон ощутил себя единомышленником колдеров.

Ведь именно здесь колдунья Эсткарпа, с которой делил он многие тяготы и приключения, отложила в сторону свой колдовской камень — символ ремесла и власти — и отдала в его руки свою жизнь, всю себя. Именно здесь произнесла она вслух свое имя — святая святых, которое ей не следовало доверять никому на свете, чтобы кто другой не стал ее властелином. И сделала она это ради него, Саймона. Джелит...

Саймон ощутил знакомую щемящую боль, которую не мог преодолеть с тех пор, как Джелит покинула его. Но на этот раз она не была такой резкой, как обычно, словно влияние колдеров притушило и погасило ее. И с тревогой Саймон понял, что боль эта мучает его меньше с тех пор, как он покинул Карс. Но все-таки, подумал он, то, что было между ним и Джелит, по-настоящему прекрасно. И даже если рана со временем затянется, шрам все равно останется на всю жизнь...

Неужели Джелит теперь так возненавидела его, что не хочет даже мысленно связаться с ним? И уж совершенно не в силах увидеться с ним?

— Колдер! Сейчас нужно думать только о Колдере,— мысленно одернул себя Саймон.

— Саймон! — окликнул его Корис с порога.— Воздушные корабли точно в таком же виде, в каком мы их оставили.

Корабли для нападения на Айль. Почему он всегда опасался воспользоваться вражеским оружием? Почему боялся сесть за руль воздушной машины? Разумеется, Корис абсолютно прав в этом вопросе.

Они взобрались на крышу, где стояли флайеры. Два из них, как видно, ремонтировались, когда началось сражение: рядом с машинами лежали инструменты и запасные части. Саймон подошел к ближайшему флайеру. Да, это совсем просто, оказывается, ничего не стоит привести механизмы в действие: просто поставить эту деталь вот сюда, подкрутить эту гайку. Саймон работал быстро и споро, с такой уверенностью, словно всю жизнь занимался этим. Он поставил на место последнюю гайку, завинтил ее потуже, забрался в кабину на водительское место, нажал кнопку стартера и ощутил вибрацию... Все было в порядке, можно подниматься.

Снизу раздался громкий крик, постепенно стихающий по мере того, как флайер набирал высоту. Саймон проверил приборы. Айль... он направлялся в Айль, ему предстояло важнейшее задание. Заградительный барьер продержится недолго — слишком уж велик расход энергии. Рано или поздно эти варвары снимут его. И тогда магия этих проклятых ведьм потрясет стены Айля, сметет их с лица земли.

Проклятых ведьм? Да, вероломные, злобные дьяволицы! Выйти замуж за человека, а потом сбежать от него, даже не простившись, видно считая его слишком глупым, чтобы иметь с ним дело... Ведьма! Ведьма!

Саймон нараспев кричал это слово, пролетая над волнами залива. Горм — они потеряли Горм. Быть может, они сейчас потеряют и Айль, но только на время. Потому что план их все равно осуществится. И пусть только откроются ворота, тогда эти тупые дикари, эти ведьмы узнают, почем фунт лиха! Падение Сиппара покажется сущей ерундой перед тем, что произойдет в Эсе...

Нажать там, дернуть тут, привести дикарей в действие, заставить ведьм беспокойно зашевелиться... Нужно только выиграть время — и тогда план будет осуществлен.

Значит, если потребуется, сдадим временно Айль, это все равно ничего не изменит. Пусть эти дикари верят, что и на этот раз они победили, что Колдер изгнан. Но Колдер только скроется на время, чтобы окончательно собраться с силами, окрепнуть, а затем ударить с новой силой в Эс!

Саймон зажмурился. Помимо собственной воли, в нем крепли уверенность и сознание того, что он все сделает, как надо, и в то же время все сильнее охватывало беспокойство, словно в нем противоборствовали две силы, и каждая стремилась к победе. А впереди его ждет Айль. Они все знают, они дали ему приказ, они ждут его!

Его руки уверенно двигали рычаги, нажимали кнопки, хотя он не сознавал, что делает. Внизу мелькали огни — армия этих дикарей. Рот его сложился в улыбку. Ладно, пусть они пока что торжествуют. К тому времени, когда они, наконец, соберутся с силами с помощью своих ведьм, от их армии все равно ничего не останется. Ну, а теперь вниз, он должен сесть вон на ту крышу.

Саймон с минуту ошеломленно смотрел вниз — да ведь это Айль! Как же он добрался сюда! Корис, армия... Он обернулся... Нет, это не сон. Он один сидит в колдеровском флайере, взятом в Сиппаре. Голова страшно болит, изнутри поднимается тошнота. Рука его невольно оторвалась от кнопок управления, пальцы бессознательно потянулись к поясу Фалька, коснувшись металлической бляхи, пробежали по завитушкам и изгибам.

Да, это Айль, и задание его только начинается. Вот идут те, кого он должен увезти отсюда, прежде чем город падет перед дикарями и ведьмами. В крыше отверстие, квадратный люк, снизу поднялась платформа, на которой стояли две жен-

щины. Та, которая будет отдавать приказы, раньше так успешно потрудилась над выполнением их плана в Карсе. А вторая, идущая рядом с первой и послушно подчиняющаяся ей, будет служить приманкой.

Саймон открыл дверцу флайера и ждал женщин. Лойз широко раскрыла глаза, увидев его, но не издала ни звука, ведь она была полностью под властью чужой силы. Она послушно устроилась на сиденье позади него, как ей приказали. Теперь уселась и вторая — Алдис. Алдис?

— К морю!

Саймон почувствовал глухое раздражение... Ему не требуется никаких указаний. Он сам знает, куда ему лететь. Они взмыли вверх.

Странно. Вокруг них густой туман. Алдис напряженно наклонилась вперед, тревожно вглядываясь в окутавшее летательный аппарат облако, она словно боялась его. Ну конечно, ведь это не просто облако, а дьявольское наваждение, проклятая уловка этих ведьм. Но с машиной им все равно не сладить. Он должен только внимательно наблюдать за белым колышащимся предметом, легкой тенью скользящим впереди флайера,— это и есть его ориентиры. А туман становился все гуще и следить за белым пятном было почти невозможно. Но Саймон по-прежнему не сводил с него глаз. Туман искажает представление о направлении и времени. Это все их проклятая «магия». А они и в самом деле ловко умеют дурачить. Эти чертовы ведьмы. Но он все равно летит вперед и вперед.

— Что ты делаешь? — Алдис наклонилась к нему, не отводя взгляда от приборной доски, где светились указатели.— Куда ты летишь?

— Куда приказано...

Саймона раздражала необходимость объясняться с ней... Эта женщина в самом деле неплохо справилась со своим заданием. Но это не значит, что она имеет право допрашивать его, сомневаться в его действиях.

— Но ведь это не тот курс!

Разумеется, тот! Он выполняет приказ, в точности следуя за ориентиром. Как она смеет заявлять такое?!

Саймон приложил руку ко лбу. До чего же кружится голова! Не стоит смотреть на приборы, надо только в точности следить за белым пятном-ориентиром.

— Тихо! — приказывает он женщине.

Но она вцепилась в его руку.

— Это не тот курс! — Она кричит так пронзительно, что у него начинает звенеть в ушах. Ему трудно повернуться, но он все же с силой отталкивает ее. Она не успокаивается и снова тянется к нему, на этот раз вцепляется ногтями в его руку так, что он чуть не теряет курс, а белое пятно скрывается в тумане... Саймон снова отталкивает ее. Все его внимание опять приковано к белому ориентиру.

Теперь он видит ориентир вполне отчетливо, правда, всего лишь на мгновенье — это птица! Большая белая птица! Он

знал таких раньше. И тут туман в его голове рассеивается. Белый сокол, тот самый тренированный посланец-сокол, которого они возили с собой в Карс... В Карс!

Саймон почти кричит. Колдер. Колдер влиял на него, он направлял его все это время... Саймон озадаченно смотрит на свои руки. Теперь он совершенно не понимает, что должен делать, как разобраться с этими кнопками и рычагами. Его охватывает страх, рот наполняется горечью. Им каким-то образом воспользовались... Левая рука Саймона непроизвольно тянется к поясу Фалька, скользит по металлической бляшке, отливающей зеленью.

Собрав всю волю, Саймон медленно отрывает руку от бляшки — от этого отчаянного усилия он весь обливается потом. Он поворачивает голову: Алдис поднесла к груди руку, крепко прижала ее к чему-то, в глазах ее, обращенных к Саймону, темная ненависть и что-то еще. Страх?

Саймон схватил ее за тонкое запястье, с трудом оторвал руку от того, что она пыталась скрыть. На какое-то мгновенье, прежде чем ее вторая рука отчаянно стиснула грудь, он успел разглядеть брошь, отливающую металлической зеленью, точную копию бляшки на поясе Фалька.

Флайер ходит ходуном, ныряет в туман, и Саймон понимает, что если он не вернет руку на пояс Фалька, то не сможет больше вести флайер. Но если он это сделает, то снова попадет во власть уз, соединявших его с колдерами. Если же они разобьются, то погибнут без всякой пользы. Согласиться снова на то, чтобы попасть под чары колдеров, значит, хотя бы отсрочить свою гибель, выиграть время. Саймон больше не сопротивляется. Пальцы его нащупали талисман на поясе Фалька.

Где он? Что с ним случилось? Опять эти ведьминские штучки — они его заморочили. Ну нет, хватит!

Раздался отчаянный крик — не человеческий, нет, он вырвался из горла птицы. Прямо на стекло пилотской кабины кинулась птица, словно целясь своим страшным клювом в лицо Саймону. Саймон отчаянно вцепился в рычаги, стараясь предотвратить неожиданное нападение. Туман вдруг стал зловеще красным, флайер отшвырнул прочь зловещую красную тень, машина дернулась в сторону. Алдис отчаянно кричала, Саймон ругался, нащупывая рычаги. Они все еще были в воздухе, но набрать высоту Саймон больше не мог. Рано или поздно они вынуждены будут приземлиться, и все, что ему оставалось,— это постараться сесть благополучно.

Флайер отчаянно тряхнуло. Саймон ударился головой о стенку кабины и едва не потерял сознание. Когда он пришел в себя, флайер уже находился на земле, зарывшись носом в почву. Дверца кабины была распахнута и сквозь нее тянуло запахом болота, стоячей воды и гниющих водорослей. Алдис приподнялась на заднем сиденье, огляделась, глубоко вздохнула. Голова ее дернулась, словно отвечая на оклик, рука потянулась к талисману колдеров.

Она наклонилась вперед. Флайер сильно качнуло, Саймон ударился головой снова, на этот раз о приборную доску, и потерял сознание. Алдис протянула руку, стащила с головы Саймона шлем и, вцепившись в густые волосы, откинула его голову на спинку сиденья. Глаза Саймона были закрыты, по виску стекала струйка крови. Она подтащила его голову как можно ближе к своим губам и вдруг заговорила прямо в ухо не на языке Карстена, не на древнем языке Эсткарпа. Звуки, которые она издавала, были больше похожи на звяканье металла о металл, чем на человеческую речь.

Саймон не открыл глаз, но голова его дернулась. Он сделал слабое усилие, чтобы освободиться, но она держала его за волосы крепко. Алдис второй раз повторила приказание. Но Саймон не шевелился. Тогда она отпустила его волосы, и голова Саймона упала на грудь.

Женщина заругалась и высунулась из кабины, осматриваясь. Искореженные деревья, пучки серого мха, зеленоватая ряска на поверхности пруда, серое небо — безрадостная картина предстала перед ее взором. Безобразное существо, напоминающее ящерицу, покрытое пятнами, с отвратительной чешуйчатой кожей и огромными острыми зубами, торчавшими из полураскрытой пасти, медленно ползло к флайеру.

Алдис судорожно прижала ко рту руку. Где же это они, лихорадочно размышляла она... Ни ей самой, ни тем, кому она служила, не была известна эта страна. Но тут она повернулась вправо — здесь был кто-то из них или кто-то из их союзников. Значит помощь близка. Она стиснула руками талисман и, собрав все свои силы, послала вызов.

Саймон открыл глаза. Голова нестерпимо болела, все плыло и качалось перед глазами. Он шевельнулся, и сразу же шаткое сиденье под ним зловеще качнулось. Даже при том, что сознание его еще не совсем прояснилось, Саймон понял, какая ему грозит опасность. Он поднял глаза и увидел кошмарное зрелище! Только прозрачное стекло кабины флайера отделяло его от зубастого чудовища. Когти его скребли по фюзеляжу машины, оно пыталось подползти к открытой дверце. Саймон молча наблюдал за тем, как оно неторопливо приближается. Чудовище напоминало огромную ящерицу, но в отличие от милых юрких зверушек, хорошо знакомых Саймону в его прежнем мире, у этого чудища была покрытая язвами и бородавками отвратительная серая кожа, словно какая-то болезнь поразила его. В огромных белесых глазах чудища сверкала лютая злоба, так что не приходилось сомневаться, какую цель преследует это медленное передвижение.

Саймон осторожно повернул голову. Дверца кабины была открыта. Еще несколько футов, и чудовище достигнет цели. Саймон медленно, дюйм за дюймом, потянулся рукой к самострелу. Потом он вспомнил о женщинах на заднем сиденье. С осторожностью, на какую был способен, Саймон переменил

положение, и флайер сразу же закачался... Чудище злобно плюнуло, зашипев, мутная жидкость попала на стекло и стала медленно струйками растекаться по стеклу.

Саймон не видел Лойз, которая сидела позади него. Но Алдис находилась тут, глаза ее были закрыты, руки сжимали колдовской талисман; видно, что она вся поглощена чем-то.

Саймон не осмеливался потянуться к двери, чтобы закрыть ее. Флайер балансировал на какой-то одной точке и с каждым толчком все глубже зарывался в почву.

— Алдис! — резко произнес Саймон, стараясь пробиться сквозь отрешенность женщины.— Алдис!

Она даже не шевельнулась, но вдруг раздался тяжелый вздох.

— Она разговаривает с нами,— послышался голос Лойз, тихий, слабый.

Саймон встрепенулся от мелькнувшей надежды.

— Дверь. Ты можешь до нее дотянуться?

Лойз сделала легкое движение, и флайер сразу же угрожающе закачался.

— Не шевелись! — крикнул Саймон, и тут же убедился, что толчок хоть в одном помог им: отвратительное чудище, которое уже начало карабкаться на нос корабля, соскользнуло вниз. Издав отвратительный хриплый крик, оно вновь поползло к открытой двери, на этот раз по земле, если можно было считать землей болото.

— Лойз,— быстро сказал Саймон,— отодвинься как можно дальше...

— Да!

Флайер опять качнулся, на этот раз Саймон уже был уверен, что нос медленно поднимается.

— Ну же!

Краешком глаза Саймон заметил, что Лойз, раскачиваясь на сиденье, вцепилась в плечи Алдис и рванула ее к себе, чтобы сделать толчок сильнее. Саймон изловчился и дотянулся до открытой дверцы, но захлопнуть ее у него все же не было сил.

Алдис билась в руках у Лойз, и с каждым ее движением флайер раскачивался все сильнее. Саймон размахнулся и ударил Алдис, она сразу обвисла в руках у Лойз.

— Она умерла? — со страхом спросила Лойз и отодвинулась от Алдис.

— Нет. Но она на некоторое время оставит нас в покое.

Вместе они оттолкнули Алдис назад, и сразу же положение флайера изменилось таким образом, что больше он не раскачивался под ними, если они двигались осторожно. Только теперь Саймон смог внимательно осмотреть местность, хотя краем глаза он все время косился на дверцу, держа самострел наготове.

Полузатопленный мертвый лес, затянутые ряской водоемы и хилая растительность — ничего подобного раньше ему не приходилось видеть. Он не имел понятия ни где именно они находились, ни как сюда попали. Зловоние болота само по себе производило удручающее впечатление, было трудно дышать и стучало в висках.

— Что это за место? — первой нарушила молчание Лойз.

— Не знаю...

Но где-то в глубинах памяти Саймона смутно зашевелилось воспоминание. Болото... Что он знал о болотах? Тростники... Ветер шевелил седые нити мха... Что-то знакомое чудилось Саймону в этом. У него заболела от напряжения голова. Он силился припомнить. Откуда он знает это? Из своего мира и времени? Нет...

А! На какой-то миг он вдруг стал прежним Саймоном Трегартом и представил все отчетливо. Ведь это он бежал вместе с колдуньей Эскарпа, спасаясь от охотничьих псов Ализона, несшихся за ними по пятам. И они остановились точно в таком же месте, и колдунья обратилась к обитателям этой страны, прося их о помощи, но не дождалась ответа.

Топи Тора! Запретная страна, куда ни один человек, кроме одного-единственного, еще не проникал и не возвращался обратно! А тот, единственный, стал потом отцом Кориса из Горма. Он увез из этого края торку и сделал ее своей женой. Правда, его народ очень боялся и этого брака, и такого кровосмешения и поэтому в наследство сыну, родившемуся от этой женщины, отец оставил только печаль.

— Тор... Топи Тора,— эхом откликнулась за спиной Саймона Лойз.— Она протянула руку.— Но ведь Алдис вызывает помощь, а люди Тора не имеют дела с пришельцами из других стран.

— Что мы знаем о тайнах земли торов? — возразил Саймон.— Колдер проник даже в страну Карстен, и я готов поклясться, что точно так же проникли колдеры и в другие страны. Только потомки Древней Расы не принимают колдеров и распознают их мгновенно. Потому-то колдеры так и ненавидят Древнюю Расу. Очень возможно, что в болотах Тора отношения с колдерами другие.

— Она вызывает их. Они нас накроют здесь! — крикнула Лойз.

— Я знаю...

Идти по этим болотам — наверняка погибнуть. Но все же слабая надежда на спасение. Если же они останутся во флайере, то их неминуемо захватят колдеры. Голова у Саймона по-прежнему нестерпимо болела, но он решил, что нужно двигаться вперед. Безопаснее всего идти по поваленным деревьям.

— Куда же мы пойдем? — спросила Лойз.

Возможно, идти в неизвестность — величайшая глупость, но каждая клеточка в Саймоне была против того, чтобы оставаться на месте и быть захваченными теми, кого вызывала Алдис. Он медленно отстегнул и выбросил пояс Фалька с талисманом и оставил себе кинжал и самострел. Он взглянул на Лойз. На ней был костюм для верховой езды... и никакого оружия.

— Не знаю,— помолчав, ответил он.— Подальше отсюда и как можно скорее.

— Да! О, да! — она осторожно перебралась через Алдис к открытой двери.— А с ней что будет? — кивнула Лойз на женщину.

— Она останется здесь...

Машина приземлилась на крошечный островок твердой земли. Трава вокруг была примята, так что можно было, по крайней мере, ступать без опаски. Ползучее чудище куда-то исчезло, поблизости его не было видно.

Саймон спрыгнул, сапоги его погрузились в мягкую почву, но вода не выступила. Протянув Лойз руку, он помог ей выбраться из флайера и подтолкнул к хвосту машины. Потом изо всех сил дернул за дверцу и захлопнул ее так сильно, что ее заклинило. Алдис оказалась запертой внутри, он не мог оставить женщину — пусть даже агента колдеров — на съедение здешним тварям.

Кругом простиралась болотистая топь, поросшая мхом и подернутая ряской. Саймон не видел другого пути, как только стволы упавших деревьев. Он оставил себе самострел и протянул Лойз кинжал.

— Не ступай на ствол, пока я не проверю его,— приказал он.— Быть может, мы увязнем в болоте, но лучше умереть в пути.

— Конечно! — быстро и твердо согласилась она.— Будь осторожен, Саймон!

Он выдавил усталую улыбку.

— Будь уверена, этим советом я воспользуюсь в полной мере.

Саймон ухватился за ветку поваленного дерева и сделал первый шаг. Источенный временем ствол прогнулся, но не слишком сильно, выдавив из воды пузырьки, а вместе с ними такое зловоние, что Саймон закашлялся. Захлебываясь кашлем, он пробирался по сучьям и корягам. Идти было нетрудно, но тело ныло от страшного напряжения. Приходилось нащупывать ногой путь, перебираться через корневища,— что отнимало все силы. Саймон остановился передохнуть, поджидая Лойз, которая двигалась по проложенному им пути: лицо ее было бледным, губы решительно сжаты. Сколько времени они вот так ползут по этим стволам и корням? Саймон дважды оглядывался, но каждый раз убеждался, что флайер по-прежнему совсем близко.

И вот, наконец, он совершил последний прыжок и очутился на травянистом островке. Протянул руку Лойз — и они сели рядышком, дрожа от усталости и растирая ноющие икры.

— Саймон... — он посмотрел на девушку. Она провела языком по пересохшим губам.— Эта вода... ее нельзя пить... — В ее голосе звучала слабая надежда, что он рассеет ее опасения.

Саймона тоже мучила жажда, он думал о том, сколько еще они смогут продержаться, прежде чем жажда вынудит их испробовать то, что вполне могло оказаться ядом.

— Она грязная,— ответил он.— Быть может, мы найдем ка-

кие-нибудь ягоды или встретим родник.

Слабая надежда, но она может помочь преодолеть искушение.

— Саймон... — Лойз решительно отвела свой взгляд от затянутой ряской лужицы и смотрела теперь на ту дорогу, которая привела их сюда.— Эти деревья... Они ведь росли не беспорядочно.— Голос ее зазвучал не так слабо, как раньше.— Даже те, которые упали... Они раньше были посажены линиями.

Он проследил направление, куда указывал ее палец. Лойз была права. Вероятно, это была заброшенная дорога. Но интерес Саймона тут же угас, ибо этот путь все равно кончался на том острове, где они сидели.

— Дорога, Саймон? Старая дорога? Ведь она должна вести куда-то? — Лойз поднялась на ноги и стала осматриваться.

Саймон понимал, что надежда очень мала, но все же нужно было воспользоваться любой возможностью уйти подальше от этого гиблого места. И несколько минут спустя Саймон убедился в правильности их догадки. Трава, покрывавшая островок, росла не сплошным ковром, а кустиками, пробиваясь в расселинах между каменными плитами. Они были гладко отполированы и тщательно пригнаны друг к другу — это была мостовая! Лойз топнула сапогом и рассмеялась.

— Вот она, дорога! И она выведет нас! Вот увидишь, Саймон!

— Но у каждой дороги два конца,— подумал Саймон.— А если она уведет нас в глубь страны торов?..

Им потребовалось немного времени, чтобы пересечь холм, и вновь перед ними было болото. Но на противоположном берегу стояла каменная колонна, замшелая, словно выросшая из самой земли. Она была не слишком высокой, и верхушку ее увенчивала виноградная лоза, побеги которой змеями вились вокруг каменного лица.

Горбатый нос, торчащий подбородок. Черты лица были необычны.

— Вольт!

Именно такой предстала на несколько мгновений перед ними та мумия, на которую они наткнулись в тайной пещере спрятанного для всех утеса, когда Корис вознес свою мольбу, дал клятву и принял из рук мумии огромный топор. Что сказал тогда сенешаль? Что Вольт — это легенда, полубожество, полудьявол, последний представитель вымершей расы. Он иногда делится своими знаниями с пришельцами из сострадания и одиночества. И вот сейчас они оказались в стране, где Вольт был настолько хорошо известен, что на большой дороге воздвигли его изображение.

Лойз улыбнулась при виде колонны.

— Ты видел Вольта? Корис рассказывал о той встрече, когда он просил у Древнего его топор, и тот не отказал ему. И теперь я уверена, что эта статуя — для нас добрый знак, а не злой. К тому же, этот камень указывает, куда идет дорога.

Но впереди по-прежнему поблескивала вода. Найдя среди разбросанного гнилья досточно прочную ветку, Саймон опустил ее в воду, чтобы нащупать дно. Оказалось, что глубина воды всего несколько дюймов, ветка почти сразу же уперлась в твердый камень. Дорога лежала под топкой зыбью. Но Саймон не торопился. Сначала он делал робкий шаг, затем, убедившись, что все в порядке, звал Лойз.

Перед самым столбом с головой Вольта дорога снова стала подниматься вверх. Постепенно твердая полоса расширилась, и Саймон догадался, что на этот раз перед ним не островок, а солидный кусок суши. Значит, тут они смогут устроиться на время, не опасаясь, что их обнаружат торы.

— Здесь кто-то жил раньше,— сказала ему Лойз, указывая на то, что осталось от каменных стен.

Что здесь было? Всего лишь одно здание? Или это руины целого города? Саймона устраивали густые заросли, скрывающие их. Он считал, что никакая живая тварь, кроме разве мелкой ящерицы, не сможет пробраться к ним сквозь густую поросль. А ему, Саймону, отсюда будет виден любой, кто пожелает на них напасть со стороны древней дороги.

Дорога, которая до сих пор шла прямо, вдруг повернула направо, и Саймон схватил Лойз за руку, чтобы она остановилась. Каменные плиты, которые раньше были разбросаны в траве, здесь были выложены в виде ограды. Какая-то растительность поднималась аккуратными рядами: по всему было видно, что за ней тщательно ухаживают. Солнце светило здесь ярче, чем на болоте, и в его бледных лучах пятнами вспыхивали красные и малиновые цветы, над которыми деловито жужжали насекомые.

— Локус,— определила Лойз, называя растение, служившее основным сырьем для тканей Эсткарпа. Эти пурпурные цветы становились в свое время коробочками, наполненными шелковыми нитями, которые собирали и пряли.

— Погляди-ка! — добавила она, шагнув быстро к стене и указывая на четырехугольную нишу, в которой стояла грубая деревянная фигура с уже знакомым им орлиным носом. Ошибиться было невозможно: хозяева поля, кто бы они ни были, поставили здесь Вольта, чтобы он охранял их урожай.

Но Саймон заметил еще кое-что: отлично утрамбованную дорожку, которая вовсе не была продолжением старой дороги, а убегала направо, огибая поле.

— Уйдем отсюда! — Теперь Саймон был уверен, что дорога привела их не к границе, а в глубь страны. Но ведь и возвращаться им обратно было нельзя — у флайера их несомненно дожидаются враги.

Лойз тоже все поняла.

— Дорога ведет дальше.

Она произнесла это полушепотом. Дорога впереди выглядела достаточно заброшенно, что говорило о том, что торы больше не пользуются ею.

Им больше не попадались ухоженные поля, исчезли даже каменные руины, и только то, что они время от времени натыкались на каменные плиты, пригнанные друг к другу, убеждало их, что они все еще идут по древней дороге.

Жажда мучила их теперь все сильнее, во рту горел огонь. Саймон видел, что Лойз едва бредет, и заставил ее идти, опираясь на его плечо. Когда они достигли конца дороги — каменного столбика, за которым начинались непроходимые топи,— они шатались от усталости уже оба. Лойз пронзительно вскрикнула, когда Саймон остановился перед отвратительной трясиной.

— Я не смогу идти дальше...

Саймон с трудом поддерживал Лойз, не давая ей упасть. Увидев топи, в которых обрывалась дорога, она потеряла последние силы. И сам Саймон едва держался на ногах. Но он упорно продолжал стоять, поддерживая Лойз, так как боялся, что стоит им только сесть и уже не будет сил подняться. Он был в таком состоянии, что не сразу заметил, как к его ногам стали падать какие-то странные мячики, которые лопались, рассеивая вокруг белую пудру. Только после третьего мяча Саймон очнулся, отступил назад и увлек за собой Лойз. Однако мячики продолжали падать вокруг них, словно чертили круг. Саймон привлек к себе Лойз и приготовил самострел: в нем был полный заряд трехдюймовых стрел. Но не стрелять же в мучнистообразное облако, которое сужалось, приближаясь к ним. Частицы мучнистой пыли вдруг начали плясать вокруг них с такой бешеной скоростью, что вскоре перед глазами Саймона и Лойз повис плотный белый туман, за пределами которого ничего не было видно.

— Саймон, мне кажется, что они маршируют! — Лойз схватилась за свой кинжал.

— И я так думаю!

Но защищаться не было возможности. Еще один глухой шлепок, и прямо у их ног лопнул очередной мяч размером побольше. Отступать было некуда — они были замкнуты в кольце белого тумана. Они упали навзничь, закрыв лица руками. Саймон ясно ощущал, что он очутился в каком-то глухом ящике, и воздух медленно выходит из его легких. Он не мог дышать... не мог дышать! Тело его корчилось от усилий вздохнуть. Саймон открыл глаза, задыхаясь и хрипя, пытаясь отмахнуться от белой муки, безжалостно засыпавшей его сверху. Он отчаянно бился, чтобы покончить с этой пыткой, чувствуя, что теряет последние силы... И вдруг понял, что снова может дышать, и зрение тоже вернулось к нему.

Слабый тусклый свет лился с каменного потолка, а от стен помещения, где он лежал, несло могильной сыростью и холодом. Кто-то держал над его головой сосуд, из которого вились клубы дыма. Саймон с усилием поднял голову и взглянул на державшего сосуд. В сумрачном свете он сумел разглядеть, хотя и не

слишком отчетливо, что это был юноша, видимо, сидевший на табурете, поскольку Саймон лежал на постели. Невысокого роста, чересчур широкоплечий, со слишком длинными руками и ногами, чрезмерно короткими ногами, юноша казался поразительно уродливым. Тем более странным выглядело его лицо с необыкновенно правильными чертами, оно было красиво какой-то странной и непривычной для глаз красотой. Саймон всмотрелся в это лицо и понял, что угадать, о чем думает этот человек, невозможно.

Тор поднялся. Он был совсем мальчик, как показалось Саймону. На нем были бриджи привычного для Эсткарпа покроя, но поверх надета кольчуга из металлических бляшек величиной с ладонь.

Бросив еще один взгляд на Саймона, мальчик пересек комнату, двигаясь с той кошачьей грацией, которая так поразила Саймона в квадратном и неуклюжем с виду Корисе.

Мальчик что-то произнес. Больше всего эти звуки напоминали голоса болотных амфибий. Он вышел, вернее сказать, исчез из поля зрения.

Комната плыла перед глазами Саймона, но он все же собрал все силы и сел на постели. Рука его скользнула по шелковистому одеялу. Кроме его кровати и табурета, на котором сидел юный тор, в комнате не было больше ничего. Низкий потолок нависал над каменными стенами, по нему были рассеяны светильники, точнее, они были сгруппированы по несколько штук в разных местах. И вдруг на глазах у Саймона источник света медленно оторвался и пополз туда, где был светильник.

Хотя стены были сырыми и холодными, в помещении отсутствовал затхлый запах. Саймон с трудом поднялся. В тусклом свете перемещающихся светильников он разглядел все четыре стены: ни в одной из них не было никаких отверстий. Куда же ушел молодой тор?

Он все еще ломал голову над этим, как вдруг сзади него послышался тихий звук. Саймон так резко обернулся, что чуть не потерял равновесие. У его постели кто-то стоял. Четко этого человека он вначале не разглядел. Но отметил, что это не тот мальчик, который был здесь раньше. Фигура у нового гостя была хрупкой и изящной, а пропорции тела не так резко нарушены. Хотя было ясно, что это человек той же расы. И еще Саймону показалось, что это женщина.

На ней было длинное переливающееся платье, с блестками, которые не были вышиты или приколоты, а как бы являлись частью самой ткани. Пушистое облачко, не похожее на волосы, золотилось над ней. Такое же облачко Саймон раньше заметил над головой у мальчика. У женщины это облачко было перехвачено серебряными зажимами. В руках у нее был поднос. Она поставила его на край постели и только тогда подняла глаза на Саймона.

— Ешь! — Это был приказ, не приглашение. Саймон сел, придвинул к себе поднос, но больше смотрел на женщину,

нежели на еду. В тусклом обманчивом свете ему показалось, что она немолода. И дело было не в признаках возраста — они отсутствовали, а в том неуловимом, что исходило от нее: зрелость, мудрость и... властность! Кто бы ни была эта женщина, она занимала высокое положение.

Саймон взял обеими руками кубок и поднес его к губам. Сосуд был, как показалось Саймону, из дерева, но шелковистая, тщательно отделанная поверхность и красивая полировка превращали его в произведение искусства.

В кубке напиток напоминал не эль и вино, а какой-то горьковатый настой из трав. После первого глотка Саймон нашел его восхитительным и освежающим. Такой же вкус имела и еда: разложенные на деревянном подносе твердые кубики, по виду напоминающие сыр, сначала показались чуть горьковатыми, а потом весьма аппетитными. Пока Саймон ел, женщина стояла перед ним, не спуская с него внимательных глаз. Но вся ее поза выражала такую отчужденность, словно она исполняла свой долг, принося пищу кому-то кого она находит для себя совершенно неприемлемым. Саймон поежился от этого ощущения.

Он покончил с едой и сразу же почувствовал, что к нему вернулись силы. Он поднялся и отвесил такой церемонный поклон, которым обычно приветствовал Охранительниц.

— Благодарю тебя, леди.

Она не стала забирать поднос, но сделала шаг вперед. И тогда Саймон смог увидеть ее более ясно в свете огней, которые, как Саймон теперь убедился, ползали по потолку, собираясь группами.

— Ты из Эсткарпа? — это было утверждение и вопрос одновременно, словно женщина, взглянув на него, усомнилась в своей догадке.

— Я служу Охранительницам. Но я не принадлежу к Древней Расе.

— Из Эсткарпа... Скажи мне, воин колдуний, кто командует армией в Эсткарпе — ты?

— Корис из Горма — маршал и сенешаль Эсткарпа. А я — Хранитель Границ Юга.

— Корис из Горма. А что это за человек?

— Великий и добрый воин, который всегда держит клятву, и тот, кто несчастен от рождения.

Откуда у Саймона взялись эти слова? Он никогда не говорил так, но тем не менее эта речь в точности соответствовала тому, что он думал о Корисе.

— А как же стал владетель Горма служить колдуньям?

— Он никогда не был настоящим повелителем Горма. Когда его отец умер, мачеха призвала колдеров, чтобы они помогли ей установить власть ее собственного сына. И Корис, спасаясь от колдеров, прибыл в Эсткарп. Ему не нужен Горм, потому что Горм по милости колдеров погиб, а он никогда не был там счастлив.

— Не был счастлив... Почему же? Ведь его отец был добрым и хорошим человеком.

— Но в Горме никогда не давали Корису забыть, что он... чужой.

Саймон запнулся, не зная, как лучше выразить свою мысль. Ведь мать Кориса была родом из края торов, и эта женщина могла вполне оказаться ее родственницей.

— Да... — больше она ничего не сказала и спросила совсем другим тоном.— Эта девушка, которая пришла сюда с тобой,— кем она тебе приходится?

— Она мой друг... мы вместе сражались на поле битвы. И она помолвлена с Корисом, который сейчас разыскивает ее...

Если можно извлечь хоть какую-то пользу из отношений между Лойз и сенешалем, Саймон должен попытаться это сделать.

— Да... Говорят, что она герцогиня в Карстене. А ведь между колдуньями и Карстеном идет война...

Похоже было, что в болоте торов, несмотря на их отдаленность от внешнего мира, проникают все новости извне.

— Это долгая история...

— Времени хватит,— сказала она кратко,— я готова выслушать эту историю.

В ее тоне был приказ. Саймон начал рассказ, опуская детали, но подробно повествуя о той вынужденной свадьбе, к которой принудили Лойз в Верлейне, и обо всем том, что случилось дальше. Когда Саймон дошел до описания того места, как они с Корисом очутились в заброшенной гробнице Вольта и как храбро Корис вынул топор из рук мумии, женщина резко остановила его и стала расспрашивать о мельчайших подробностях этого события.

— Топор Вольта... значит, он носит сейчас топор Вольта! — сказала она, наконец.— Об этом следует подумать.

Саймон едва не задохнулся от изумления — женщина вдруг исчезла, испарилась, словно ее вовсе и не было здесь. Неужели это была галлюцинация? Но ведь и раньше мальчик-тор исчез с его глаз точно таким же способом.

Саймон вернулся к кровати: поднос с кувшином и тарелками по-прежнему стоял там. К тому же его голод и жажда прошли бесследно — и это не было галлюцинацией. Его захватили в плен и заточили в темницу. Но в то же время его накормили и пока что ему ничто не угрожает. Его самострел исчез, но так и должно быть. Чего хотят эти обитатели болот? Они с Лойз случайно попали на их землю. Саймон знал, что торы не терпят гостей, но неужели они настолько фанатичны, что и такое вынужденное появление покажется им вторжением? Для всех ли в равной мере закрыты их границы? Ведь Алдис вызывала на помощь колдеров и, значит, они уже должны где-то быть здесь, в стране торов, и крадутся, словно тот отвратительный гад, который полз к их флайеру. Колдеры! Для колдуний Колдер никогда не бывает тайной, они ощущают его по странной пустоте, доступной пониманию только их чувствам. Раньше и сам Саймон умел распознавать колдеров — не по пустоте, а по ощуще-

нию угрозы, опасности. Может быть, и теперь это ему удастся?

Саймон поставил поднос на табурет, бросился на кровать, закрыл глаза и расслабился. У него всегда был этот странный дар предвидения, который не поддавался никакому реальному объяснению, но служил ему еще в его прежней жизни. А со временем его появления в Эскарпе этот дар словно усилился, стал более действенным. Джелит... При этой мысли у Саймона, как и раньше, защемило сердце. Джелит дважды пользовалась этим даром, чтобы послать ему известие, и оба раза ее послания находили у Саймона отклик.

И сейчас, когда он пытался сосредоточиться на мысли о колдерах, ему почему-то приходила на память Джелит... Он вспомнил ее, какой она была, когда скакала рядом с ним в кольчуге и доспехах в битве при Салкаркипе, когда стояла на коленях и произносила шепотом слова заклятья, чтобы ветер дул в паруса на море и они могли обрушиться на вражеский флот... Он представлял Джелит в обличье гадалки и ворожеи, торговки зельями для приворота в Карсе — ведь это тогда она послала ему мысленный вызов, объяснила на свой лад, что отныне ее путь рядом с ним; Джелит в его объятьях, слитую с ним воедино, и то упоительное ощущение, которое не приносила ему больше ни одна женщина в мире: Джелит взволнованную, с широко распахнутыми глазами в то утро, когда она поверила, что дар колдовства не покинул ее навеки и что она снова та, какой была до супружества; Джелит, которая ушла от него, исчезла, словно ей известна тайная магия народов торов.

Джелит! Саймон не выкрикнул ее имя вслух, но все внутри него мучительно сжалось, и будто безмолвный вопль тоски прозвучал у него в душе. Джелит!

— Саймон!

Глаза его широко открылись, он уставился во мрак, едва освещенный тусклыми огоньками на потолке.

— Джелит!

— Саймон! — Твердый, уверенный голос, какой он привык слышать раньше. Но это не был реальный, настоящий голос, это звучало у него в мозгу. Глубоко вздохнув, он снова закрыл глаза.

— Ты здесь? — Он мысленно произнес эту фразу неуверенно, словно человек, говоривший на чужом языке.

— Нет не телом...

— Но ты ведь здесь! — сказал он с убеждением, которого и сам не понимал.

— В некотором роде, Саймон, только потому, что ты там. Скажи мне, Саймон, где ты?

— Где-то в глубине болот торов.

— Это уже нам известно, поскольку твой флайер опустился именно в тех краях. Но ты больше не находишься во власти колдеров.

— Пояс Фалька... Одна из брошек на нем — их орудие.

— Да, оно-то и открыло им дорогу. Но ты не настолько при-

надлежал им, чтобы мы оказались не в состоянии изменить их заклятье. Потому-то ты полетел не к морю по их приказу, а внутрь страны... Болота торов... Там у нас нет союзников... но, быть может, мы все же сумеем с ними договориться скорее, чем с колдерами.

— Колдеры есть и здесь тоже. Алдис вызывала их на помощь.

— А!

— Джелит! — Исчезновение испугало его.

— Я слышу. Но если Колдер с тобой...

— Я как раз пытался это выяснить...

— Что ж, может быть, вдвоем нам удастся это лучше, мой дорогой. Сосредоточься на мысли об Алдис. Если она вызвала помощь, тебе удастся это установить.

Саймон попытался представить себе Алдис, какой он видел ее в последний раз,— лежащую без сознания во флайере, когда он захлопнул дверцу. Но почему-то эта картина не воскрешалась в памяти, вместо нее ему виделось другое: Алдис сидит, наклонясь вперед, и что-то торопливо говорит в пустоту. А потом все исчезло.

— Колдеры! — Джелит сказала это торопливо: открытие было внезапным.— Они не бездействуют, как я понимаю. Слушай меня, Саймон, внимательно. Охранительницы говорят, что моя теперешняя сила — только отголосок прежней, и со временем она совсем исчезнет, так что мне нет места в Совете Эса. Но я говорю тебе, что между нами возникло нечто такое, чего я пока не понимаю. Во всяком случае, я обладаю каким-то даром. Он проявляется только в общении с тобой. Возможно, мы с тобой вместилище этой новой силы. Иногда она бушует во мне с такой яростью, что я начинаю бояться, что мне ее не сдержать. Но у нас слишком мало времени, чтобы выяснить, что же это такое на самом деле. Колдер собирается нанести удар и, возможно, нам не удастся вызволить тебя из страны торов прежде, чем этот удар будет нанесен...

— У меня больше нет их талисмана, но, вероятно, они снова овладеют мной, несмотря на это,— предупредил он.— Сможешь ли уберечься ты, чтобы они не добрались к тебе через меня?

— Не знаю. Я так мало узнала об этом! У меня такое чувство, словно я пытаюсь голыми руками держать огонь! Но вот что мы можем сделать...

Мелькнула вспышка — еще более резкая, чем та, которая оборвала связь между ними и Алдис во флайере.

— Джелит! — беззвучно выкрикнул он, но на этот раз ответа не было.

Саймон лежал без движения, обливаясь потом, и тело его было сковано неподвижностью по чьей-то чужой воле. И вот она снова появилась в ногах у его постели. В глазах ее нельзя было прочесть ничего — являлась ли она врагом, другом, или ей все было безразлично.

— Они пришли,— сказала она.— В ответ на призыв той женщины.

— Колдер? — Саймон обнаружил, что язык и губы повинуются ему.

— Те мертвые, которые подчиняются ему,— ответила женщина.— Слушай, человек, который служит Эсткарпу. Мы никогда не ссорились с колдуньями. Мы с ними не в дружбе и не во вражде. Мы уже были на этой земле, когда появилась Древняя Раса и построила Эс и другие города. Мы существуем с незапамятных времен и еще помним ту пору, когда люди не только не были хозяевами земли, но их вообще было очень мало. Мы из тех, кого выбрал Вольт и с кем поделился своей мудростью. И мы не хотим иметь дело с теми, кто живет за болотами. Ты же явился сюда и принес с собой войну, которая нас не касается. Поэтому чем раньше ты уйдешь от нас, тем лучше будет.

— Но если вы не хотите союза с колдуньями, то почему вы благосклонны к колдерам? Ведь они стремятся захватить всю власть над людьми, в том числе и над народом торов,— возразил Саймон.

— Мы вовсе не благосклонны к ним, мы только хотим, чтобы нам дали возможность спокойно жить в нашем собственном мире, в наших болотах. Колдуньи нам не угрожают. Но те, кого ты называешь колдерами, показали нам, что случится, если мы не выдадим тебя им. И поэтому было решено, что ты должен уйти...

— Эсткарп защитит вас от колдеров,— начал было Саймон, но она холодно улыбнулась в ответ.

— Неужели они и впрямь это сделают, Хранитель Границ? Между нами нет войны, но они боятся болот, боятся их древних тайн и странных людей. Неужели они станут драться, чтобы защитить нас? Думаю, что нет. К тому же у них нет сейчас людей, которые могли бы вступить в сражение.

— Почему же?

Она соврала так уверенно, что Саймон даже содрогнулся.

— Ализон поднялся. Эсткарпу сейчас не до этого.

— Значит, меня отдадут колдерам? — Саймон постарался придать своему голосу спокойствие и твердость.— А как насчет Лойз? Неужели вы и ее передадите в руки самого страшного врага человечества?

— Самого страшного,— воскликнула женщина.— Мы видели, как поднимались и исчезали многие нации, и в каждом поколении всегда был один враг более могущественный, чем другие. Что же касается девушки, то она входит в условия сделки.

— Но ведь она принадлежит Корису, что для вас, я думаю, немаловажно. Я был свидетелем того, какую цену заплатили за нее Верлейн и Карс. Ваши болота не остановят того, кто крепко держит в руках топор Вольта.

— Сделка уже заключена,— сказала она отчужденно и сделала в воздухе знак рукой, полный таинственного смысла.—

Значит, эта бледнолицая девушка много значит для Кориса? Как ты считаешь, он явится сюда, чтобы отомстить за нее?

— Именно так, и те, кто причинит ей зло, должны бояться возмездия.

— Но сейчас он слишком занят войной с Ализоном. Пройдет немало времени, пока он сможет подумать о чем-то другом. К тому же, кто знает, быть может, он обретет на холмах Ализона тот вечный покой, когда уже не смущают никакие вопросы.

— И все же я предупреждаю тебя, леди, что топор Вольта обрушится на эти тони, если ты сделаешь то, что сказала!

— Если я это сделаю? Но я ничего не решаю в такого рода вопросах, лорд.

— Неужели? — Саймон постарался вложить в это слово весь сарказм, на какой был способен.— А мне кажется, что ты не из последних лиц в стране торов.

Она долго не отвечала, не сводя с него пристального взгляда.

— Возможно, когда-то я и была такой. Но теперь я не имею права голоса ни в одном Совете. Я не желаю тебе зла, Хранитель Границ. И я думаю, что ты не желаешь зла ни мне, ни кому-либо из нас. Когда вынуждает необходимость, приходится покориться. Одно только могу сделать для тебя: я пошлю сообщение в Эс, чтобы они знали, где ты и куда направляешься, возможно, они сумеют тебе помочь, и все тогда кончится не так уж плохо. Я поклялась не делать ничего, кроме этого, и больше ничем не могу тебе помочь.

— Колдеры уже прибыли за нами?

— Они прибыли на корабле по внутренней реке.

— Но ведь нет реки, соединяющей болота торов с морем.

— Внешней нет. Но есть подземная, она течет под болотами. Они нашли к нам этот путь и уже навещали нас однажды.

— Субмарина пришла по подземной реке,— подумал Саймон,— даже если послание достигнет Эскарпа вовремя, чтобы можно было послать на помощь небольшой отряд, все равно они никогда не найдут пленников и не смогут им помочь.

— Если ты и вправду хочешь мне помочь, как сказала, то пошли сообщение не в Эс, а леди Джелит.

— Если это твоя супруга, то она больше не колдунья и ничем не сможет помочь тебе.

— Все равно пошли сообщение именно ей.

— Я обещала, пусть будет по-твоему. И леди Джелит получит сообщение. А теперь тебе пора. И если ты все же уцелеешь и избежишь плена, то помни, Хранитель Границ, что болота Тора — древняя страна, которую не просто смести с лица земли.

— Лучше скажи об этом тому, кто носит дар Вольта. Из рук колдеров мало кому удается спастись. Но Корис жив, он на свободе... и полон ненависти...

— Пусть он ненавидит и покажет свой топор Ализону, там нужнее его сила. Странно, Хранитель Границ, что ты говоришь так, будто уже покорился судьбе, но я этому не верю. А теперь... — Она снова сделала в воздухе знак рукой.— Ворота открыты и тебе пора идти!

Саймон не мог бы описать, что произошло с ним в следующий миг. Просто исчезли потолок и стены, исчезли невидимые путы, и он стоял на пустынном берегу озера, вода в котором была темной и густой. Откуда-то донесся звук голосов, он оглянулся и увидел позади группу торов — мужчин и женщин. Немного в стороне от них находились те, кого он меньше всего хотел видеть. Прежде всего это была Алдис. Всем своим видом она изображала уверенность. Заметно было, что она кого-то ожидает. Рядом с ней стояла Лойз, она держалась прямо. Саймон понял, что она во власти чар. Кроме того, здесь были еще два тора и некто шестой — он явно был пришельцем.

Это не был колдер — по крайней мере, он не походил на тех, кого Саймон видел в Горме. Среднего роста, круглолицый и темнокожий, он был одет в плотно прилегающий костюм, которые носили все колдеры, но никакого шлема на голове у него не было, хотя волосы были схвачены металлическими пластинками.

Он был безоружен, на груди у него красовался такой же знак из зеленоватого металла, какой был на поясе Фалька и на груди у Алдис. Слыша позади себя бормотанье торов, Саймон на мгновенье усомнился, что решение выдать их колдерам было столь единодушным, как сказала женщина, но тут же один из торов поднял руку и резко взмахнул ею в воздухе. Раздался мелодичный перезвон невидимых колокольчиков — единственный приятный звук, услышанный Саймоном за все время пребывания у торов — и тут же на той стороне, где стояли торы, стало совершенно пустынно и тихо.

И почти сразу же из темной глубины воды поднялся тупой нос подводной лодки, иссеченной и изъеденной морем. Без единого плеска лодка подплыла к берегу, в ней открылось отверстие и показалась площадка, которая соединила лодку с берегом подобием мостика. Алдис с улыбкой пошла по нему. За ней последовала Лойз, держась все так же напряженно, словно их с Алдис связывала невидимая нить. Затем наступила очередь Саймона — и тело его вдруг перестало ему повиноваться. Только разум, замкнутый в этой, ставшей вдруг чужой, оболочке, бился, возмущался столь полным порабощением чужой воле. Он пошел к люку в корпусе корабля колдеров, подчиняясь чьей-то воле, точно механическая кукла, взялся за поручни лестницы и начал спускаться внутрь, в чрево лодки. Вслед за Лойз он вошел в маленькую каюту, а которой не было мебели. Дверь позади них захлопнулась. Только тогда тела их ослабли, и они почувствовали, что снова владеют ими.

Лойз с тихим стоном покачнулась, и Саймон едва успел подхватить ее. Он бережно опустил девушку на металлический пол и сразу почувствовал, что корабль вибрирует — значит, какая бы сила ни приводила его в движение, он уже тронулся в путь.

— Саймон,— Лойз повернула голову, и он увидел, что она едва сдерживает рыдания.— Саймон, куда нас везут?

Сейчас правильнее всего было бы сказать ей правду.

— Туда, куда мы и сами стремились, хотя и не при таких обстоятельствах. Как я думаю, на базу колдеров.

— Но,— голос ее дрогнул, она вынуждена была помолчать.— Но ведь это где-то за морем.— Теперь она говорила более твердым голосом.

— Мы совершаем путешествие под водой.— Саймон откинулся спиной к стене. В каюте не было мебели, и они были безоружны. К тому же, колдеры в любую минуту могли снова завладеть ими по своему желанию, так что сопротивляться было бесполезно. Впрочем, может быть, какой-то шанс на избавление у них еще был.

— Они никогда не узнают, где мы. Корис не может... — Лойз думала о своем.

— Сейчас Корис занят, они об этом позаботились.— Саймон рассказал ей о нападении Ализона.— Они решили натравить на Эсткарп всех псов, чтобы страна была вынуждена по мелочам расточать свои силы. Ни один из их ударов не будет роковым, но военная мощь страны будет подточена, ресурсы истощатся...

— Обычная тактика колдеров — заставлять других сражаться за них,— горько сказала Лойз.

— У них и относительно нас есть свои планы,— сказал Саймон, кивнув.— Ты ведь теперь по праву брака герцогиня Карстена и поэтому важная фигура в их дьявольской игре. Я же — Хранитель Границ. Они могут использовать меня как заложника или... — Ему было тяжело произнести вслух те слова, которые объяснили бы, зачем он понадобился колдерам.

— Или они рассчитывают сделать из тебя одного из своих или превратить в предателя, который станет служить их целям в Эсткарпе,— сказала за него Лойз.— В таком случае нам все же остается один выход, чтобы не допустить этого: мы можем умереть!

— Если будет нужно,— ответил резко Саймон.— Но не раньше.

Саймон размышлял над их положением. Несомненно, их везут на основную базу колдеров. Они уже давно гадали — где же она находится? Они ведь мечтали не только отрубить руки чудовищу, но и обезглавить его. Но мир широк, и у Эсткарпа не было ни малейшего представления о том, где может находиться эта база. То, что колдеры пользуются подводными лодками, не дает возможности, даже салкарам, которые считают море родным домом, выследить их. И если бы выследить все-таки удалось, их флот можно было направить на базу колдеров. Команды судов могли застать врага врасплох на его же собственной территории, продержаться, пока основные силы Эсткарпа доберутся до места и нанесут колдерам сокрушительный удар.

— У тебя есть какой-нибудь план?

Страх, искажавший черты лица Лойз, постепенно исчезал.

— Не совсем план. Только маленькая надежда. Но...

Вот это-то «но» и было сейчас самым важным. Субмарину колдеров необходимо выследить. Можно ли это сделать с помощью того контакта, который ему удалось установить с Джелит во время

пребывания в болотах Тора? Или же барьер, который колдеры так надежно устанавливают между собой и магией колдуний Эсткарпа, окажется непроницаемым и для такого двустороннего контакта? Так много было «если» и «но». И только ничтожная крупица надежды существовала вместо ответа на все вопросы.

— Слушай же... — и Саймон больше для себя самого, нежели для Лойз, обрисовал в общих чертах, на что он надеется. Она ухватилась за его план со всей силой отчаяния.

— Попытайся, Саймон! Попытайся сейчас же связаться с Джелит! Прежде, чем они увезут нас так далеко, что ни одна мысль не достигнет нас! Сейчас же!

Она могла вполне оказаться правой. Саймон закрыл глаза, откинул голову назад и снова ощутил горячее желание связаться с Джелит. У него не было никакого представления, как это сделать, только вся его воля требовала этого. И, собрав в кулак свою мысленную энергию, он послал ее.

— Я слышу...

Сердце Саймона отчаянно подпрыгнуло при этом ответе.

— Нас увозят... на корабле колдеров... на их базу, вероятно... Ты сможешь последовать за нами?

Ответ пришел не сразу:

— Не знаю, но если возможно, то сделаю это!

Снова молчание, но чувство их близости не покинуло Саймона. И тут лодку так сильно тряхнуло, что он соскользнул по стене каюты, а Лойз упала на него сверху.

— Что такое? — голос у Лойз снова стал тихим.

За первым толчком последовал еще один, а затем корпус лодки стал сильно вибрировать, словно отчаянно борясь с какой-то силой. Саймон вспомнил о страшных шрамах и бороздках, которые он заметил на корпусе лодки. Видимо, плавание по подземной реке было не таким уж удобным. Они вполне могли сесть на мель. Он так и сказал Лойз.

— Смогут ли они снять лодку с мели? — с ужасом спросила Лойз, и Саймон увидел, как глаза ее наполнились страхом.

— Я думаю, что капитан этой лодки должен иметь опыт в таких делах,— сказал он в ответ.— Ведь они не первый раз идут этим путем, как мне сказали в болотах торов.

Впрочем, несчастье всегда случается впервые. Никогда Саймон не подумал бы, что будет так страстно желать достигнуть базы колдеров. Их по-прежнему бросало из угла в угол, лодка дрожала, как раненный загнанный зверь. Наконец, вибрация прекратилась. Они ощутили сильный толчок, за которым последовал ровный гул механизмов, сопровождавший обычный ход лодки.

— Интересно, далеко ли мы от моря?

Саймон и сам думал об этом. Он не знал, где находится Джелит и сколько времени ей понадобится, чтобы связаться с каким-нибудь судном салкаров и пуститься по их следу. Но Джелит непременно должна оказаться на корабле, чтобы поддерживать с ним контакт. Однако они не смогут так быстро собрать целый флот, а один-единственный корабль очень легко выследить, осо-

бенно колдерам! Невероятная глупость с его стороны, что он предложил Джелит следовать за ними! Он не должен больше пытаться связаться с ней...

Джелит — Колдер... Неужели он настолько сошел с ума, что вовлек се в осуществление этого безумного плана?

— Это вовсе не глупость, Саймон! Мы пока что не знаем пределов того, что возникло между нами, чего мы можем добиться с помощью этой силы.

На этот раз он не пытался связаться с ней, но она все равно прочитала его мысли и услышала его опасения.

— Помни, я следую за тобой! Найди это паучье гнездо, и мы его очистим.

Доверие. Она верила в него от всего сердца. Но Саймон видел перед собой только острые камни и ему неведомо было, как проскользнуть между ними невредимым.

Комната была длинной, узкой и темной, если не считать скудного света, проникавшего сквозь полуоткрытые ставни. А женщина, которая сидела за столом, сохраняла лишь внешнее спокойствие: внутри у нее все бушевало, словно волны, которые плескались за открытыми ставнями. Она была в кожаном костюме и кольчуге, на голове был такой же шлем, подвязанный шарфом, крылатый, как и у каждого пограничника. Слева от нее стояла клетка, в которой молчаливо сидел белый сокол, настороженный, как и она. Женщина теребила в руках кусок свернутой в трубочку коры.

Колдунья! Капитан одного из салкаровских крейсеров пытался догадаться, кто она такая, направляясь от дверей к столу. За ним послали в таверну, где он проводил время перед отплытием. За ним пришел пограничник, но зачем его ищут, он не мог сообразить. Однако, когда женщина повернулась, он увидел, что она не колдунья: у нее на груди не было колдовского камня. И все же она не была обычной женщиной, это он понял сразу, поэтому он на всякий случай отсалютовал ей, как приветствовал бы собрата по профессии рангом не ниже себя.

— Я Койтой Стимкр, с твоего позволения. Явился по твоему вызову, Мудрая...

Он намеренно обратился к ней так, ожидая ответа.

— А я Джелит Трегарт,— ответила она без промедления.— Скажи мне, капитан, ты собираешься отправиться патрулировать в море?

— Отправляюсь в береговой рейд к Ализону.

Сокол шевельнулся на своем насесте, как бы проявляя интерес разумного существа к их беседе; капитану стало не по себе от внимательного взгляда его блестящих глаз.

— Береговой рейд,— повторила она.— Но я хочу предложить тебе нечто другое. Хотя то, что я предлагаю тебе, не обязательно принесет добычу и может оказаться намного опаснее, чем рейд к берегам Ализона...

Джелит внимательно посмотрела в лицо капитана. Как и все

представители своей расы, он был светловолос, высок и широкоплеч. И хотя он был совсем молод, держался твердо и уверенно, что говорило об успехах в прошлом и о надеждах на будущее. У нее был не слишком обширный выбор, но то, что она слышала о Стимкре, заставило ее остановиться именно на его кандидатуре, выбрав его из всех капитанов, находившихся сейчас в порту в устье Эса.

Была в характере у салкаров одна примечательная черта: страсть к приключениям и авантюрам иногда пересиливала в них стремление к собственной выгоде, к добыче. Именно эта черта и делала их такими отважными мореплавателями, первопроходцами морей. На эту-то страсть она и рассчитывала, обратившись к Стимкру.

— И чего же ты хочешь предложить мне, леди?

— Шанс найти базу колдеров,— смело сказала она. Сейчас не время прибегать к уловкам: у нее было слишком мало времени для объяснений.

Он долго смотрел на нее и, наконец, произнес:

— Мы долгие годы ищем эту базу, леди. А как попали эти сведения к тебе, что ты так уверенно заявляешь такое? Быть может, у тебя есть карта?

— Карты нет, есть способ найти базу. Но только время не терпит, а все зависит именно от времени. И расстояния,— добавила она.

Быть может, Саймон уже на таком расстоянии, что никакой контакт невозможен...

Она теребила трубочку коры, которую ей доставили из болот торов: она-то и была ее основным доводом в беседе с Охранительницами. Ее волнение передалось соколу — он беспокойно завозился в своей клетке и даже издал боевой клич.

— Ты понимаешь, что говоришь, леди? База колдеров! — Он помолчал, потом поднял на нее глаза.— Среди моряков ходят рассказы, что колдеры умеют принимать любое обличье и могут даже наших друзей, товарищей по застолью, заставить выполнять их приказания.

Джелит кивнула.

— Это в самом деле так, капитан, и хорошо, что ты об этом подумал. Но только я принадлежу к Древней Расе, а раньше была колдуньей. Тебе известно, что над такими, как я, колдеры власти не имеют.

— Была колдуньей... —он уловил только это.

— Почему же я «была», хочешь ты спросить меня? — она собралась с мужеством, хотя ей нелегко было отвечать на такой вопрос.— Теперь я стала супругой того, кто является Хранителем Границ Эсткарпа. Тебе не приходилось слышать о пришельце из другого мира, который помогал нам в битве при Сиппаре,— о Саймоне Трегарте?

— Он? — Теперь в голосе капитана звучало удивление.— Ну, о нем-то мы слышали. Это, значит, ты, леди, сражалась в Салкаркипе во время последней битвы? Значит, ты уже встречала кол-

деров и знаешь их? Расскажи мне, что ты замыслила.

Джелит начала свой рассказ. Когда она закончила, капитан загорелся.

— И ты думаешь, что мы сможем это сделать, леди?

— Я сама отправлюсь с тобой.

— Найти базу колдеров и навести на нее наш флот! О, это подвиг, о котором будут барды слагать песни многие сотни лет! Но где же наш флот?

— Флот последует за нами, но впереди должен быть только один корабль. Мы ведь не знаем, каким образом защищаются колдеры, какими они располагают приборами, быть может, они в состоянии легко обнаружить флот на поверхности моря. Если впереди будет только один корабль и не слишком близко, то они не смогут его найти, так я думаю.

— Верно, леди,— кивнул капитан Стимкр.— Но в таком случае как мы вызовем флот на подмогу?

Джелит указала на клетку.

— С помощью этой птицы. Сокольничьи ее обучили возвращаться туда, откуда она и прибыла, неся с собой сообщение. Я уже договорилась с теми, кто распоряжается флотом. Флот будет в гавани ждать сообщения. Но все дело во времени. Если подводный корабль уйдет слишком далеко из подземной реки, то я не уверена, что мы сможем связаться с милордом, моим господином, который захвачен в плен колдерами и находится на этой лодке.

— Река, текущая из болот торов... — Капитан, очевидно, пытался представить себе, какие пункты минует подводный корабль.— Я думаю, что это будет к северу от Уикара... — Так что мы могли бы отправиться в намеченный рейд к Ализону, а уже оттуда, не вызывая никаких подозрений, плыть дальше к северу.

— И мы можем отправляться?

— Как только пожелаешь, леди. Все припасы уже на борту. Правда, их мало для столь дальнего похода, но если ты облечена полномочиями, то можно пополнить запасы немедленно. В порту находится «Невеста Севера», с полным запасом продовольствия для армии, мы возьмем у них все, что нам необходимо.

— У меня есть такие полномочия. Давай не будем медлить.

Охранительницы, хотя и не верили, что к ней вернулись способности, которые она должна была утратить, все же обеспечили ей полную поддержку. К тому же она сумела доказать, что связь, возникшая между ней и Саймоном,— нечто весьма важное и ею нельзя пренебречь, ведь только благодаря ей удалось вырвать Саймона из власти колдеров. И если теперь им вдвоем с Саймоном удастся взорвать базу колдеров, то Охранительницы во всем их поддержат.

Капитан Стимкр не подвел. За несколько часов до наступления ночи «Быстрый» уже вышел из гавани, направляясь в открытое

море. Джелит решила, что ее выбор оказался даже удачнее, чем она думала. Небольшой парусник Стимкра был быстр на ходу и напоминал скорее крейсер, нежели торговое судно.

— Ты, наверное, один из открывателей морских путей? — спросила она, стоя рядом со Стимкром на корме судна.

— Да, леди. Я как раз собирался отправиться подальше на север, когда началась война с колдерами. Там есть деревушка, в которой я однажды побывал. В ней живут странные люди: маленького роста, смуглые и говорят на таком цокающем наречии, которому очень трудно подражать. Но у них такие меха, каких мне нигде больше встречать не доводилось,— серебристые, с длинным ворсом, исключительно мягкие. Когда мы их спросили, откуда берутся эти меха, они нам объяснили, что раз в год к ним прибывает караван диких людей откуда-то с севера. У них бывают и другие товары. Вот взгляни.— Он снял с запястья металлический браслет и протянул его ей.

— Странный металл, чем-то похожий на золото, только много бледнее его,— подумала Джелит. Это была старинная вещь, и рисунок на ней почти весь стерся, оставались только линии и выбоинки. Но это явно было произведение искусства, и очень древнее к тому же.

— Это я выменял два года назад в той самой деревушке. Все, что я узнал у них, так это то, что браслет привезли с собой дикари с севера. Ты посмотри вот сюда. Здесь изображена звезда — она полустерта, но это, безусловно, звезда. А на очень-очень древних вещах моего народа всегда стоит такой символ — звезда. И в старинных песнях наших говорится о том, что пришли мы из какого-то места, где было очень холодно, много снега и много чудовищ, с которыми приходилось сражаться.

Джелит вспомнила о том, что Саймон пришел в их мир из своего через какие-то ворота в пространстве и времени точно так же, как и колдеры. А салкары всегда одержимы жаждой путешествий, недаром они в мирное время брали с собой на корабли всех своих домочадцев, словно отправляясь куда-то, откуда не предполагали вернуться. Даже в дни войны судна салкаров напоминали плавучие деревни. Видно, их снедало смутное беспокойство и, быть может, они когда-то тоже явились в этот мир из другого и ими руководил инстинкт, побуждавший искать утраченную родину? Джелит вернула браслет Стимкру.

— Ценная вещь, капитан.— Наверное, у каждого из нас есть такой заветный талисман, к которому мы будем стремиться все долгие годы нашей жизни.

— Хорошо сказано, леди. Мы приближаемся к устью Энкора. Не хочешь ли ты попытаться установить более точные координаты субмарины колдеров?

— Да.

Она растянулась на рундуке в маленькой каюте, куда проводил ее капитан. Здесь было душно, кольчуга стесняла ей грудь, но Джелит усилием воли отогнала от себя все посторонние

мысли и направила все свои способности, чтобы представить себе Саймона.

— Саймон! — послала она мысленный призыв.

Но ответа не последовало. Она была так уверена в мгновенном контакте с Саймоном, что даже ощутила физическую боль. Джелит открыла глаза — потолок каюты качался и дрожал: «Быстрый» несся с такой скоростью, что это движение, возможно, и не давало ей сосредоточиться.

— Саймон! — на этот раз она звала его настойчиво, отчаянно. Она много лет проходила тренировку, ее долго обучали концентрировать и направлять свою энергию на выбранную цель, но только с помощью колдовского камня, который был символом и орудием ее ремесла. Быть может сейчас ее усилия напрасны именно потому, что у нее отобрали этот камень?

Но ведь в то утро она услышала призыв Лойз и с такой уверенностью помчалась в Эс, надеясь снова стать одной из Охранительниц, увы, лишь для того, чтобы убедиться, что эти двери для нее навсегда закрыты! И тогда она уединилась, чтобы выяснить, что же с ней произошло,— так требовали обычаи ее ремесла. Когда же она услышала о том, что Саймон поступает против своей натуры, она сразу поняла, что он находится во власти колдеров. Тогда она прибегла к помощи этой своей новой силы, как ни мало она о ней знала. Ей удалось отстоять Саймона, который только благодаря ей сел на флайере в болото торов. А затем она предприняла попытку... И все же неужели Охранительницы правы в том, что эта новая ее сила — только отголоски прежней, и рано или поздно она совсем в ней угаснет?

Саймон! Джелит снова стала думать о нем, на этот раз вне всякой связи со своей прежней целью. И снова заглянула вглубь самой себя. Она пожертвовала своей колдовской силой ради Саймона, когда вышла за него замуж, купив такой ценой возможность их союза. Тогда она думала, что супружество с ним — все, чем она дорожит на свете. Но почему же она так отчаянно ухватилась за призрачную надежду, что этот дар остался с ней и что эта жертва — не жертва вовсе?

Она ведь допустила, чтобы Саймон поехал в Эс и стал убеждать Охранительниц, что она по-прежнему колдунья и дар ее остался с ней. А когда у него ничего не вышло, она не вернулась к нему, а предпочла остаться наедине с собой, а после решила сделать все, что в ее силах, чтобы доказать Охранительницам, что они заблуждаются! Словно Саймон для нее больше ничего не значил! Всегда только эта сила! Только этот дар! Неужели то, что разбудил в ней Саймон, оказалось только мимолетной тенью, и другая жизнь ее не затронула по-настоящему? Саймон...

Но вдруг ее охватил мучительный страх, которого она никогда раньше до того, как перестала быть колдуньей, не испытывала.

— Саймон! — это был не просто призыв, это был крик, полный отчаянья, боли... и страха.

— Джелит... — слабый, далекий. Все же это был отклик, который сразу же подбросил ее, но не принес ответа на терзавшие ее сомнения.— Мы приближаемся...

Она коротко, как могла, сообщила ему, что нужно делать дальше, чтобы осуществить их план.

— Я не знаю, где мы,— ответил он.— И я едва могу отвечать тебе.

В этом таилась вся опасность: их связь может нарушиться. Если бы только они нашли способ укрепить ее. В колдовском ритуале был особый прием, если нужно было изменить чью-то внешность. Прием этот состоял в том, что колдуньи пользовались силой общего желания. То есть, применялось не только колдовство, но и сильное и направленное общее желание. Общее желание... Но ведь их только двое... Впрочем, нет! Есть ведь еще Лойз, и ее желание может соединиться с их желаниями. Правда, девушка из Верлейна не была колдуньей. Она, конечно, не в состоянии сама вызвать энергию, но воздействовать на нее могла. Не предупредив Саймона, Джелит разорвала их связь и вызвала в своем воображении образ Лойз. Лойз! Перед мысленным взором Джелит мелькнула стена, кусок пола, две скрюченные фигуры — одна из них Лойз. Лойз!.. В этот краткий миг она видела глазами Лойз. Но ей нужно было совсем другое — не владение личностью девушки, а контакт с нею. Это удалось не сразу, но все же Джелит добилась этого. Контакт возник снова, сначала робкий, неопределенный, потом все более прочный, и вот, наконец, она надежно связалась с Лойз. Теперь Саймон...

Нащупала контакт, закрепила его. Саймон, Лойз — связь становилась все более прочной. Она установила ее! Она нашла направление! То, что им нужно было с самого начала — направление! Оно найдено!

Джелит спрыгнула с рундука, поспешно поднялась наверх по трапу, цепляясь за поручни. Ветер надувал паруса, корма судна ныряла в бушующих волнах. Небо нахмурилось, горизонт прорезали красные отсветы заходящего солнца. Волосы Джелит развевались по ветру. Она подошла к капитану.

— Курс,— сказала она и неожиданно покачнулась от толчка, едва успев удержаться на ногах.— Надо идти этим курсом...

Он внимательно посмотрел на нее, кивнул головой и отдал команде распоряжения. Где-то под бушующими волнами шла подводная лодка. «Быстрый» начал стремительно разворачиваться влево, ложась на нужный курс. Джелит совершенно не сомневалась в правильности курса; она знала, что информация будет точной до тех пор, пока ей удастся поддерживать трехстороннюю связь между ней, Лойз и Саймоном.

Брызги соленой воды окатывали ее с головы до ног, волосы мокрыми прядями облепили лицо, свисали на плечи. Из виду исчезла последняя полоска береговой линии Ализона. Она так мало знала о море. А вдруг этот свирепый ветер заставит их свернуть с курса, и они потеряют с таким трудом найденный курс?

Джелит высказала эти сомнения капитану.

— Шторм,— до нее едва донесся его ответ.— Нам приходилось видеть непогоду и похлеще, но мы все же не теряли курса. Мы сделаем все, что в наших силах. Что же до остального, то все во власти Старой Дамы! — и он суеверно сплюнул через плечо, как того требовал морской обычай.

Джелит не нашла в себе сил спуститься снова вниз. Она все стояла на корме, вглядываясь вдаль так пристально, словно этот взгляд мог помочь ей укрепить возникшую связь.

В подводной лодке, где день не отличается от ночи, трудно было представить себе, сколько прошло времени. Саймон лежал на рундуке, стараясь удержать нить, мысленно связывающую его с Джелит и с Лойз. Это была своеобразная цепочка, и Саймон понимал, что разорвать ее нельзя. Лойз была где-то недалеко на корабле, но где, Саймон не знал.

До сих пор Саймон не видел еще никого из тех, кто захватил его. Вскоре после начала их путешествия появилась Алдис и увела с собой Лойз. От одной из стен каюты откидывалась узкая койка, от другой — стол, на котором стояли питье и еда. Этого было достаточно, чтобы голод и жажда не слишком его донимали. Он немного поспал, потом мысленно соединил Лойз и Джелит. Он знал, что Лойз теперь живет в одной каюте с Алдис, но та оставила девушку в покое, радуясь, что Лойз так пассивна и ко всему безразлична.

Пища появлялась восемь раз за это время, но Саймон все равно не мог составить представление о времени — он не знал, сколько дней и ночей провел в этой каюте. Его кормили, возможно, два раза в день, а возможно, только раз. И все мучительнее было бесконечное и томительное ожидание: Саймон был человеком действия, и это ожидание превращалось для него в настоящую пытку. Только раз в своей жизни он испытал подобное — это был год, который он провел в тюрьме, томясь ненавистью к тем, по чьей милости он терпел такую муку. Он вынашивал планы мщения. Но теперь он был в полном неведении, кто же такие его враги. Все, что он знал о колдерах, это передавшиеся ему мысли умирающего главаря при осаде Горма, вернее, даже не мысли, а какой-то визуальный образ: узкая долина, по которой мчатся странного вида экипажи, а по ним стреляют люди из таких же экипажей. Значит, колдеры — пришельцы из какого-то другого мира, где дела шли негладко для них. Каким-то образом они тоже открыли временные и пространственные ворота в совершенно иной мир, где цивилизация Древней Расы Эсткарпа находилась на ущербе: пыль веков уже начинала засыпать древний Эс и такие же древние города и деревни. А на побережье варварские государства Ализон и Карстен постепенно набирали силу, оттесняя в сторону Древнюю Расу, хотя они все еще страшились легендарных колдуний и поэтому не осмеливались бросить им открытый вызов. До тех пор, пока не появились колдеры. И если сейчас не вырвать с корнем колдеров, то и Ализон, и Карстен тоже попадут под их чудовищную власть, как это уже случилось с Гормом. В Эсткарпе

всегда были твердо убеждены в том, что колдеры сами по себе малочисленны, поэтому им необходимо захватывать пленников — «одержимых». И теперь, когда Горм пал, а Айль эвакуирован...

Айль эвакуирован! Глаза Саймона широко открылись, он уставился в потолок. Откуда ему стало известно, что Айль эвакуирован, что единственная твердыня колдеров на побережье — всего лишь пустая оболочка? Ему об этом никто не рассказывал, но он был в этом уверен.

Быть может, колдеры стягивают сейчас силы, чтобы защитить свою основную базу? Ведь при осаде Горма они нашли всего пять мертвых колдеров... только пять, и все они погибли не от меча или стрелы нападающих, а словно бы расстались с жизнью по своей воле, будто погасла искра, обогревавшая их тела! Но было-то их всего пятеро! Неужели потеря пятерых человек могла так ослабить военную мощь колдеров, что им приходится стягивать все силы в одно место? Сотни «одержимых» погибли в Горме, а кроме них были еще агенты в Карстене, и кое-кто из них, например, Алдис, были еще живы и занимались своим черным делом. Это не настоящие колдеры, а местные, которые стали служить врагу не как лишенные собственного разума «одержимые», но как вполне сознательные помощники. Никто из потомков Древней Расы не мог попасть в подобные сети, поэтому-то колдеры и решили ее уничтожить.

И снова Саймон подивился тому, откуда у него такая твердая уверенность. Они давно уже знали, что колдеры никогда не используют потомков Древней Расы. Но им не приходило в голову, что причина очевидна. Только теперь ему это стало ясно, будто услышал это он от самих колдеров.

Услышал? Неужели у колдеров есть свои средства общения, подобно связи, возникшей между ним и Джелит? Эта мысль потрясла его. Саймон мгновенно послал мысленное сообщение той, которая следовала за ними. Она ответила, и в ее ответе тоже ощущалось беспокойство.

— Мы теперь совершенно уверены в курсе, Саймон,— сказала она.— Отключайся. И не вызывай меня снова, если не будет большой нужды.

— Большая нужда... — Эти слова эхом отдались у него в мозгу, и почти сразу же Саймон ощутил, что вибрация, слегка сотрясающая стены его каюты, прекратилась, а гул мотороз утих, превратившись в ровное гудение, означавшее, что лодка замедлила ход. Неужели они уже достигли порта?

Саймон сел на койке лицом к двери. Оружия у него не было, но он имел опыт рукопашных схваток. Как только открылась дверь каюты, он сразу же понял, что снова больше не владеет своим телом, как и перед посадкой в лодку. Им опять распоряжались колдеры. По чужой воле он медленно поднялся и вышел в узкий коридор.

Здесь стояли двое мужчин и, взглянув на них, Саймон не смог подавить невольной дрожи: это были «одержимые»-мертвецы, которых колдеры использовали в качестве рабов, хотя на

самом деле они оставались живыми. Один, судя по его волосам, росту и стати, был салкаром, другой принадлежал к тому изжелта-смуглому народу, что и тот офицер, который сопровождал Саймона на лодку.

Они не дотронулись до него, молча стояли и ждали, устремив на него безжизненные взгляды. Потом один из них повернулся и пошел к выходу, другой прижался к стене, пропуская Саймона, а затем двинулся вслед за ними. Вот так между ними он подошел к трапу, поднялся на поверхность субмарины.

Над головой у него был скалистый грот. Вода тихо билась о причал. Саймону сразу же бросилось в глаза сходство между этой гаванью и гаванью Сиппара. Все еще повинуясь чужой воле, Саймон спустился на берег по узенькому трапу.

На пристани, молча, работали люди. Полураздетые, угрюмые, они не разговаривали между собой, а только ворочали какие-то тяжелые ящики, освобождая место. Казалось, каждый точно знал, что именно он должен делать и как это делать быстрее всего. Пристань была довольно большая, и Саймон заметил еще две субмарины. Именно их и разгружали угрюмые рабочие... Перед ним открылись два выхода из грота. Слева Саймон увидел туннель и ведущую наверх лестницу. Пять ступенек наверх, и они очутились перед кабиной подъемника. Как только они вошли внутрь, кабина медленно поползла вверх — это был лифт, какой Саймон уже видел в Сиппаре. Поднимались очень долго, дверь кабины скользнула влево, и они очутились в узком коридоре. Скользкие серые стены с металлическим блеском, ряд закрытых дверей. Они прошли мимо шести, по три с каждой стороны, и увидели распахнутую дверь. Саймону все здесь было знакомо, но не Сиппару. Он ожидал увидеть нечто подобное и здесь: сидящего на стуле перед пультом управления колдера с металлической шапкой.

Но эта комната была намного меньше того зала. Резкий луч света бил прямо в середину комнаты с потолка. Ковров на полу не было, но тем не менее он пружинил под ногами Саймона. Были три стула с изогнутыми спинками. В центре комнаты стоял настоящий колдер.

Охранники Саймона не вошли в комнату, но та же самая сила, которая заставляла его двигаться все это время, вынудила его сделать несколько шагов вперед и остановиться перед колдеровским офицером. Серый костюм чужеземца был такого же цвета, что потолок, стены и стулья. Лицо колдера было мертвенно бледным, голова прикрыта шапочкой и, насколько Саймон сумел разглядеть, волос под ней совсем не было.

— Наконец-то ты здесь!

Язык был чужой, но Саймон почему-то все понял. Смысл сказанного удивил Саймона. Можно было подумать, что разговаривают не тюремщик и осужденный, а два человека, заключившие договор. Им оставалось только встретиться, чтобы прийти к обоюдному согласию. Из осторожности Саймон решил молчать — пусть лучше говорит колдер.

— Тебя прислали торы? — Колдер продолжал рассматривать Саймона.— Но ты не из их мира? — Недоверие, сначала появившееся во взгляде колдера, сменилось неприкрытой враждебностью.— Кто ты такой?

— Саймон Трегарт.

Колдер продолжал смотреть на него, сощурив глаза.

— Ты не из туземцев! — Это было утверждение, а не вопрос.

— Нет.

— Значит, ты пришел извне. Я спрашиваю тебя — кто ты такой?

— Человек из другого мира, возможно, что из другого времени...

Саймон не видел причины скрывать правду, возможно, это вызовет у колдера интерес.

— Из какого мира и какого времени?

Саймон отвечал:

— Я из своего мира и своего времени. Я не знаю, в каком отношении они стоят к вашим миру и времени. Просто мне открылся путь сюда, и я пришел по нему.

— Зачем ты это сделал?

— Чтобы скрыться от своих врагов... Точно так же, как ты и тебе подобные,— он добавил это мысленно.

— Была война?

— До этого была война. А я солдат и никому не нужен в мирное время. У меня были враги...

— Солдат... — Колдер снова смерил Саймона взглядом.— А теперь ты сражаешься на стороне этих колдуний?

— Сражаться — моя профессия. Я поступил к ним на службу.

— Но ведь это туземцы-варвары, а ты — цивилизованный человек. О, не удивляйся. Разве трудно узнать себе подобного. Мы тоже солдаты, и наша война принесла нам поражение. Правда, в конце концов, победа осталась за нами, раз мы очутились в этом мире и обладаем всем, что необходимо, чтобы этот мир стал принадлежать только нам! Подумай об этом, пришелец! Целый мир будет у нас в руках.— Он протянул руку, и пальцы его хищно сжались в кулак.— Он будет к нашим услугам! Эти туземцы не смогут бороться с тем, что есть у нас. И... — Помолчав, он добавил, подчеркивая каждое слово,— нам может пригодиться такой человек, как ты.

— Поэтому я пленен и доставлен сюда? — спросил Саймон.

— Да. Но ты не будешь пленником, если пожелаешь, Саймон Трегарт, Хранитель Границ Юга. А! Мы знаем вас всех — всех Великих Эсткарпа! — Выражение его лица не изменилось, но в голосе послышалась насмешка.— Где же теперь твоя супруга, Хранитель Границ? Вернулась к своим дьяволицам? Немного же времени ей понадобилось, чтобы убедиться, что ты ей совершенно не нужен, а? О, все, что происходит в Эсткарпе, Каристене и Ализоне, известно нам до мельчайших подробностей. Мы могли бы превратить тебя в «одержимого», если бы захотели. Но мы предо-

ставим тебе выбор, Саймон Трегарт. Ты ведь ничем не обязан этим дьяволицам из Эсткарна, тем безмозглым дикарям, которыми они распоряжаются благодаря своей магии. Разве твоя колдунья не доказала тебе, что они не способны на верность и преданность? И поэтому мы тебе предлагаем: присоединяйся к нам, помогай нам осуществить Великий План. Тогда Эсткарп будет у твоих ног, ты сможешь распорядиться им, как захочешь. А пока что возвращайся обратно, будь Хранителем Границ и жди нашего сигнала.

— А если я не соглашусь?

— Было бы жаль потерять человека с твоими возможностями. Но те, кто не с нами, те против нас. Ты уже испытал на себе нашу силу — тело не повинуется тебе, ты и шага не в состоянии сделать по своей воле. А ведь мы можем сделать так, что и дышать ты будешь по нашей воле. Не хочешь ли попробовать?

И тут же грудь Саймона словно стиснуло обручем, он судорожно попытался вздохнуть, и его охватил смертельный ужас. Это длилось не более секунды, но даже когда все кончилось, страх не покинул его. Он нисколько не сомневался, что колдер выполнит свою угрозу, если решит, что он им не нужен,— лишит его легкие воздуха.

— Зачем вам эта сделка? — едва прохрипел он.

— Потому что нам нужен союзник не по принуждению. Если человека нужно постоянно проверять и контролировать, то он не сможет выполнить задачу как нужно. Дай свое добровольное согласие сотрудничать с нами, и ты немедленно получишь свободу.

— Только в пределах, установленных вами.

— Вот именно. В определенных пределах, а поэтому не надейся, что можешь согласиться только для вида. В тебе произойдет перемена, хотя ты и сохранишь свой внешний облик, разум и личность, те желания и намерения, которые не идут вразрез с нашими планами. Ты будешь не просто телом, которое послушно выполняет наши приказы, как те, которых вы называете «одержимыми». Ты не умрешь.

— Я должен сделать выбор прямо сейчас?

Колдер с минуту помолчал, потом коротко ответил, и в голосе его была угроза:

— Нет.... не сразу.

Он сделал какой-то неуловимый знак, и Саймон послушно пошел к выходу. На этот раз никто не охранял его, словно в этом не было нужды. Да и в самом деле, Саймон был словно в невидимых оковах, которые ни за что на свете не смог бы скинуть.

Он проследовал по коридору в лифт, который пополз вверх и остановился. Саймон очутился перед раскрытой дверью в комнату. Войдя в нее, он почувствовал, что снова владеет своим телом. Он быстро повернулся, но дверь уже закрылась и пытаться открыть ее самому было бессмысленно.

Здесь не было искусственного освещения, как в нижней

комнате. Два окна открывались на скалистый берег, до Саймона доносился запах водорослей. Саймон подошел к окну и выглянул: насколько он мог судить, глядя из своей комнаты, здание напоминало строения Айля. Оконный же проем был слишком узок, чтобы попытаться сквозь него выбраться наружу, стена круто обрывалась к громоздившимся на берегу острым скалам. Никакой растительности — только камни да лижущее их море.

Послышался звук, словно недалеко двигалась машина. Саймон высунулся, насколько мог, и увидел, что внизу ползет автомобиль, но не похожий на те грузовики, которые он знал в своем прежнем мире. У машины были гусеничные колеса, двигалась она не быстрее, чем пешеход. Под колесами машины виднелась глубокая колея, значит, это был не первый вездеход, который прошел здесь. Грузовик был тяжело нагружен, на подножках стояли четверо мужчин, тела которых были едва прикрыты — рабы, подобные тем, которые работали в гавани. Саймон проводил грузовик взглядом, пока тот совсем не скрылся за скалой. Только тогда он повернулся и стал рассматривать свое новое обиталище.

Унылые цвета стен и потолка, узкая откидная койка, покрытая пушистой тканью. По стенам — шкафы и буфеты с закрытыми дверцами. Саймон нашел стол, умывальник, туалет — точно такие же, как и на подводной лодке. Все в этой комнате наводило скуку. Возможно, это входило в расчеты тюремщиков, решил Саймон.

Однако в одном он был совершенно уверен — это действительно база колдеров. И они держат его под наблюдением. Очень может быть, что непосредственный контроль снят только потому, что они хотят видеть, что он станет делать дальше, как использует свою относительную свободу. А если они заподозрили, что между ним и Джелит существует связь, и теперь захотят сделать из него приманку?

Наверняка колдеры готовы на все, чтобы заполучить в свои руки одну из колдуний. Что, если все происшедшее с ним с самого начала, когда он пришел в себя в пещере в болотах торов и вновь обрел Джелит, было специально подстроено колдерами?

Что же ему сейчас делать? Вызвать Джелит или нет? Он ведь обещал ей дать знать, когда доберется до базы колдеров. Ей необходимо получить информацию, чтобы вызвать флот Эсткарпа. Но сколько на это потребуется времени? И сумеют ли стрелы, мечи и даже колдовские чары противостоять оружию колдеров, всему тому, что собрано здесь? Наверняка здесь есть многое такое, чего они не видели в Горме или Айле! Вызвать Джелит или не вызывать?

Снова звуки за окном: грузовик ползет обратно. Вероятно, это уже другой, потому что пустой, а разгрузить его так быстро не могли. Вызвать или нет? Медлить больше нельзя. Саймон подошел к койке, лег и сосредоточился. Риск, конечно, был и очень большой, но приходилось идти на этот риск. Если он может послать сообщение, то откладывать нельзя.

Джелит и раньше приходилось плавать на кораблях салкаров, но никогда она еще не бывала в открытом океане. Пустынные волны дышали таким величием, спокойствием и безразличием ко всему, что Джелит становилось не по себе. Она ощущала, как вера в собственные силы по временам изменяла ей. Единственной поддержкой было сознание того, что колдовская сила не покинула ее. Колдуньи славились своей властью над стихиями, но то было на суше, а здесь, в открытом море, которое само по себе было грозной силой, Джелит чувствовала себя неуверенно.

Как ни странно, но опасения Саймона, что они вызовут подозрение у колдеров, не испугали ее. С людьми — пусть даже с такими, как колдеры — она умела управляться куда лучше, чем с этими огромными волнами.

— Ни на одной карте не отмечено, что здесь есть земля,— сказал капитан Стимкр, разворачивая карты.

— Неужели ни одно из ваших судов раньше не достигало этих широт? — спросила Джелит, находя странным его замешательство. Капитан внимательно рассматривал карту, водя по ней пальцем. Потом бросил через плечо:

— Вызовите Джокуля.

На мостике появился маленький человечек, согбенный годами, со сморщенным лицом, продубленным морским ветром. Он прихрамывал и раскачивался на ходу. Джелит заметила, что левая нога у него короче правой и не гнется в колене.

— Джокуль,— сказал капитан, хлопая по карте своей ручищей,— где мы сейчас находимся?

Человечек стащил с головы вязаный колпак, и ветер сразу начал трепать пряди его выцветших волос.

— На заброшенном пути, кэп.

Стимкр нахмурился еще сильнее, он устремил взгляд на выгнутые паруса, бившиеся над их головами, словно они предвещали беду. Джокуль втянул ноздрями огромного носа ветер и указал на море.

— Водоросли...

Красновато-коричневые нити колыхались на зеленых волнах совсем рядом с кораблем. Джокуль перевел взгляд туда, где на горизонте виднелась полоса такого же цвета. Лицо капитана настолько изменилось, что Джелит нарушила молчание:

— В чем дело?

Он стукнул кулаком по карте.

— Вот оно что! — Лицо его разгладилось.— Водоросли и заброшенный путь! — Он повернулся к Джелит.— Если курс, который ты нам дала, лежит вон туда, то... — Он махнул рукой, показывая, что положение их безнадежно.

— Что стряслось? — спросила она снова.

— Водоросли. Они живут в океане, качаются на воде в этих теплых широтах. Мы их давно знаем и привыкли к этому. Но вот в чем вся штука — в последнее время их стало очень много. И хуже всего то, что они не безобидны.

— В каком смысле?

Стимкр покачал головой.

— Мы сами не знаем, леди. Стоит только дотронуться до этих водорослей, и руки начинает жечь огнем, потом на коже появляются красные пятна, они разливаются по всему телу, и человек словно сгорает в огне, погибает. В этих водорослях какой-то яд. Где они плавают, не ходят наши суда.

— Но ведь водоросли в воде, а вы на кораблях, что же тут для вас опасного?

— Как только корабль касается этих водорослей, они начинают расти со страшной быстротой, опутывают весь корабль и вползают на борт! — вмешался Джокуль.— Так раньше не было. Это случилось всего несколько лет назад, леди. И поэтому мы теперь избегаем тех коротких путей, где они водятся.

— Только недавно! — повторила Джелит.— С тех пор, как колдеры так осмелели?

— Колдеры? — Стимкр ошеломленно уставился на красноватые нити.— Колдеры и водоросли? Причем здесь они?

— Колдеровские корабли ходят под водой,— сказала Джелит.— Как же лучше они могли защитить себя и свой путь? Только посеяв беду на том пути, которым должны будут преследовать их враги?

Капитан повернулся к Джокулю.

— Куда ведет заброшенный путь?

— Не туда, куда нам хотелось бы приплыть,— быстро ответил моряк.— Несколько пустынных островов, где нет ни людей, ни воды, ни пищи, даже морские птицы встречаются там редко.

— Пустынные острова? На вашей карте их нет, капитан.

Он снова провел рукой по карте.

— Их нет, миледи. И если это на самом деле заброшенный путь, то мы не сможем идти дальше. Водоросли эти сначала образуют пустынные островки, потом целые полосы, а дальше они уже собираются в такую плотную массу, что судну сквозь нее не пробиться. Раньше водоросли не были такими плотными и опасность в них тоже не таилась. Теперь даже по виду они напоминают кровь и наводят на мысль о смерти!

— Откуда же стало известно про эти острова, если никто не может проникнуть за водоросли?

— Сначала об опасности не подозревали, а однажды из этих водорослей выплыл корабль с умирающей командой на борту. И те, кто пытался помочь команде, тоже погибли. Вот так мы и узнали обо всем, леди. Если колдеры и в самом деле устроили себе такие заграждения, то мы не сможем с ними справиться, если не придумаем какой-нибудь план.

Плавучие водоросли... Джелит пришлось поверить морякам на слово, что они опасны. Ведь салкары отлично знали свое дело. Джелит стиснула голову руками, она больше не видела волн, не замечала водорослей. Саймон! Саймон на базе колдеров, за этими водорослями, он вызывает ее...

— Саймон,— взволнованно ответила она.— Между нами опасность.

— Остановись! Не рискуй!

Между ними внезапно возникла преграда... Глухая стена, сквозь которую она не могла пробиться, несмотря на отчаянные усилия... Занавес колдеров. Знают ли они об их контакте или это обычная предосторожность?

— Саймон!

Джелит мысленно выкрикнула это имя и, открыв глаза, удивилась, что ее на палубе никто не услышал.

— То, что мы ищем, лежит за этими водорослями! — сказала она, мрачно указывая на горизонт.— И, возможно, они уже знают, что мы идем по их следу...

— Капитан, водоросли!

Это крикнул не Джокуль, а марсовый, не спускавший глаз с моря. На волнах уже качались кроваво-зеленые нити, они медленно ползли к кораблю, словно намереваясь охватить его кольцом. Стимкр закричал, приказывая дать задний ход, отступить. Джелит бросилась к большой клетке, стоящей на палубе. Белый сокол приветствовал ее радостным клекотом. Она подставила ему руку, и птица тяжело вылетела из клетки. Джелит постаралась унять колотившую ее дрожь и осторожно нащупала на ноге птицы крохотный стерженек, в который был вмонтирован запоминающий аппарат — последнее изобретение сокольничьих, их великая гордость и тайна. Птица без труда могла нести этот аппарат во время дальних перелетов, а он регистрировал курс и путь, совершаемый соколом. Джелит затаила дыхание, нажала ногтем большого пальца на едва заметный выступ на стерженьке, кодируя сообщение о кровавых водорослях — сокольничьих потом расшифруют ее сообщение. Сделав это, Джелит поднесла птицу к борту, все время тихонько с ней разговаривая. Джелит не знала секретов ремесла сокольничьих — они скрывали их даже от своих союзников — и поэтому не могла бы сказать уверенно, что птица понимает слова... Ведь неизвестно, на самом ли деле эти птицы так разумны или же просто отлично выдрессированы... Но, во всяком случае, это был единственный шанс сообщить об опасности,

— Лети вперед, лети быстро, крылатый! — Она провела пальцами по голове птицы.— И твой час настал!

Сокол с криком взмыл в поднебесье, сделал над кораблем круг и помчался, как стрела, к давно исчезнувшей из вида земле. Джелит снова бросила взгляд на море. Водоросли подбирались все ближе к кораблю и угрожающе смыкались кольцом. Без сомнения, в этом было что-то неестественное: сами по себе водоросли не могли себя так вести, в этом Джелит была совершенно уверена! О, если бы только у нее был при себе ее колдовской камень! С помощью этого магического кристалла иногда удавалось совершать многие, даже недоступные простому воображению, дела. Но у нее не было камня, а то, чем она собиралась воспользоваться, совсем иная сила. И вряд ли она ей сейчас поможет. Джелит судорожно вцепилась в поручни и, сама

того не замечая, зашептала слова самого простого заклинания, которому ее учили в детстве:

— Воздух и земля, вода и огонь...

Огонь — антипод воды. Огонь сушит воду, и вода гасит огонь. Огонь... слово билось в ее мозгу, словно ища выход на свободу. И Джелит ощутила знакомое биение, как и в прежние времена, знака, которого с нетерпением ждет каждая колдунья... Огонь!

— Капитан! — она повернулась к Стимкру.— Масло... есть у тебя на корабле масло?

Выражение его лица изменилось, словно он видел перед собой истеричку, но она не обратила на это внимания.

— Водоросли... Они будут гореть!

— Гореть? На воде? — Он хотел что-то сказать, но передумал.— Морское масло — огонь! — Мозг его работал быстро, как у человека, который привык принимать мгновенные решения.— Нет, леди, я не знаю, будут ли они гореть, но можно попробовать! Алавин, Джокуль, тащите сюда кожаные мешки, три мешка с маслом!

На палубу вынесли три мешка с густым маслом, отжатым из глубоководных растений. Им пользовались, чтобы уменьшать волны во время штормов. Капитан собственноручно сделал надрезы на мешках. Их спустили за борт, и за быстрым судном сразу же потянулся жирный след.

Пятно становилось все больше, по мере того, как распоротые мешки, подпрыгивая и раскачиваясь на волнах, освобождались от масла. Капитан сделал знак одному из матросов, тот выступил вперед. В руках у него был самострел, заряженный самовоспламеняющимися шариками — таким оружием пользовались, когда хотели поджечь паруса вражеских кораблей.

Они с нетерпением смотрели на водоросли. Горящее масло быстро приближалось к полосе их, и вдруг вспыхнул яркий слепящий белый огонь, который стал жадно пожирать усатые нити водорослей. Стрелок продолжал выпускать один за другим свои шарики, масло разгоралось и ползло к водорослям. Поднялся удушливый черный дым, и ветер нес его прямо на стоявших на палубе людей, заставляя их кашлять. Пламя вздымалось все выше и выше. Стимкр засмеялся.

— Горят! Водоросли горят!

Но будут ли гореть все водоросли, или только те, которые пропитаны маслом. Ведь если сгорят только те, которых достигло масло, а остальные уцелеют, то они лишь чуть-чуть выиграют время и больше ничего!

Если бы только у нее был камень! Джелит терзалась своим бессилием... Губы ее беззвучно шевелились, пальцы двигались, словно ощупывая камень, который она так привыкла держать в руках с ранних лет. Она начала тихонько нашептывать слова заклинания. Никто из колдуний не знал тайны, связанной с действием камней. Если когда-то этот секрет был известен людям, то давно утрачен и затерялся в сумраке веков. Они умели лишь

шлифовать эти камни, настраивать их и приводить в соответствие с личностью той, которая должна была носить камень всю свою жизнь, но на этом все и кончалось. С ранних лет колдуний обучали тому, как пользоваться камнем, но никто никогда не смог бы объяснить, как и почему этот камень действует...

Сами по себе слова старинного заклинания сейчас ничего не значили. Джелит знала только одно: эти слова помогут ей сконцентрировать нервную энергию, направить ее в одну точку, заставить эту энергию вливаться из ее тела туда, куда она ее направит. И хотя в ладонях у нее не было колдовского камня, происходило то, что и должно было произойти. Джелит не видела ни капитана, ни его команды, она потеряла всякое ощущение пространства и времени. Вся воля и вся энергия, собранные в ее теле, все, что было заключено в ней все эти долгие дни с тех пор, как она отдала свой камень, все это было обращено сейчас к огню, словно в руках у нее было копье и острие его нацелено на языки пламени, которые пожирали водоросли. И они поднимались все выше и выше, потом концы их изогнулись и потянулись прочь от корабля, в самую гущу водорослей. Джелит ясно ощущала пустоту, говорившую, что колдеры рядом. Быть может, подводные корабли отправляются на бой? Но огонь был по-прежнему покорен ей. Раздался резкий звон, потом сильный грохот. Взрывы становились все сильнее, казалось, пламенем охвачен весь горизонт. Нестерпимый жар достигал стоящих на палубе людей: они задыхались и кашляли от удушья. Джелит по-прежнему пела заклинания, желая, чтобы водоросли погибли. И водоросли погибали, только пепел качался на волнах. Безумная радость охватила Джелит, ощущение безмерного торжества захлестнуло ее.

На воде больше не было красных нитей — пламя сожрало их. И теперь оно устремилось к дальней полосе водорослей, маячивших на горизонте.

День сменился вечером, но по-прежнему огненное зарево полыхало в небе. Джелит обессиленно повисла на поручнях, она хрипела. Стимкр поддерживал ее, чтобы она не упала, приказал принести чашу вина. Корабельным вином оказалась кислая и слабая жидкость, но она живительной влагой струилась по губам Джелит, освежала саднящее горло. Она пила и пила, пока не почувствовала, что силы возвращаются к ней.

— Я думаю, пламя уничтожит водоросли окончательно,— шепотом сказала она, улыбаясь капитану.

— Это было великое колдовство, леди.

В голосе салкара слышалось то глубокое уважение, с которым отдавали дань победителям в великих войнах.

— Ты даже не представляешь, капитан, каким оно было великим. Масло и шарики вызвали его к жизни, но форму оно обрело только благодаря моей воле. И... — она высоко подняла обе руки и удивленно посмотрела на них.— У меня ведь даже не было моего камня. Его не было у меня! — Она оторвалась от поручня и неверными шагами пошла вперед, словно встав с одра тяжелой болезни.

Капитан поддерживал ее, так что она почти висела у него на руках. Он помог ей добраться до каюты и улечься на койку. Она вся дрожала от чудовищного напряжения и усталости. Никогда еще, с самых первых дней обучения, она не ощущала ничего подобного. Но прежде, чем погрузиться в забытье, она схватила Стимкра за руку.

— Теперь мы поплывем вперед?

Он внимательно посмотрел на нее.

— А если это только первая ловушка на пути к их логову? Впрочем, после того, что я видел... Да, леди, мы плывем вперед!

— Если будет нужно, разбудишь меня...

На его лице появилась улыбка.

— Не беспокойся, леди. Будь уверена, ни один мужчина не станет колебаться, если у него под рукой есть такое мощное оружие. К тому же у нас есть еще несколько мешков масла.

Он вышел, и она опустила голову на подушку с облегченным вздохом. Она сейчас была не в силах анализировать то, что с ней произошло. До сих пор она думала, что та новая сила, которая возникла в ней,— это только связь с Саймоном, а оказалось — это нечто неизмеримо большее. Но она разберется во всем позже... Джелит сладко потянулась, расправила затекшие ноги и уснула с улыбкой на губах.

Саймон стоял у выходившего на морской берег окна в своей комнате-камере. На горизонте не было больше ночи, там висела сплошная стена огня, она достигала неба, словно само море и все, в нем живущее, питало этот огонь! Каждой своей жилкой Саймон жаждал ощущения действия. Он знал, что за этой стеной огня, где-то там Джелит! Но между ними не было контакта. Последнее из того, что он услышал, это ее призыв, словно крик о помощи. Видно, какой-то новый трюк колдеров. Ни одно деревянное судно не рискнет пробиться сквозь огненную стену.

Однако внизу среди утесов стояла какая-то возня: те, кто служил колдерам, собрались на берегу и наблюдали за стеной пламени. Саймон был уверен, что там находился, по крайней мере, один настоящий колдер — он заметил серый костюм, шапку на голове, белое пятно лица. Похоже было на то, что происходящее на море настолько важно, что хозяин решил сам удостовериться, не полагаясь на рапорты слуг.

Откуда-то выползли на берег гусеничные грузовики. Теперь они двигались с зажженными фарами, которые освещали дорогу среди скал. Саймон был уверен, что где-то далеко, за скалами, виден яркий свет, происхождение которого ему было непонятно. Колдеры страшно торопились. Но ведь на море еще не было армады Эсткарпа. К тому же этот странный пожар на море задержит любые корабли. Но тогда в чем же дело? С тех пор, как Саймон очутился в этой комнате, никто к нему не приходил. Ему оставалось только наблюдать и ждать. Вся эта суета и возня колдеров наводили на мысль о том, что они заняты чем-то очень для них важным. Быть может, они возятся со своими воротами

в пространство и время? Может быть, они собираются возвратиться в свой мир? Нет, вряд ли. Они сейчас заняты переброской своего оружия или подвозкой новых рекрутов, ведь их так мало, самих колдеров. Скорее всего, они заняты именно этим, так как вряд ли могут вернуться в тот мир, который изгнал их когда-то.

Саймон прислонился головой к прохладной стене и попытался сосредоточиться, чтобы вызвать Джелит. Но он ощутил непроницаемую стену защиты колдеров.

Лойз! А где сейчас находится Лойз? С тех пор, как они прибыли, он не видел девушку ни разу и не знал, где она. Саймон сосредоточился на мысли о Лойз... Он вызвал ее.

— Я здесь... — ответ был тихим и слабым.

Саймон отчаянно напрягся, испытывая почти физическую боль.

— Где ты находишься?

— Комната... скалы... — слабо донеслось до него.

— Джелит? — с надеждой спросил он.

— Она приближается! — на этот раз ответ был твердый, уверенный.

Саймон был поражен. Откуда Лойз может знать это, да еще утверждать с такой уверенностью? Он снова попытался связаться с Джелит, но барьер не исчез.

— Откуда ты знаешь? — резко спросил он Лойз.

— Алдис знает...

— Алдис! — Саймон больше не сомневался, что колдеры устроили ловушку для Джелит.

— Да! — подтвердила Лойз.

— Каким же образом?

— Ты... я... — ответ едва донесся до него и сколько он ни бился, контакт с Лойз был потерян.

Саймон отошел от окна и оглядел комнату в который уже раз. Он прекрасно знал, что выхода отсюда нет, но он должен был непременно что-то предпринять, иначе он сойдет с ума! Должен же быть какой-то выход отсюда, можно же как-то помешать колдерам.

Саймон напряг свою память и постарался припомнить убранство того зала в Сиппаре, где он нашел мертвого колдера, на голове которого была металлическая шапка, соединявшаяся проводами с многочисленными машинами. Саймон уже тогда понял, что колдеры заставляли машины действовать силой своей мысли. В этом мнении его утвердил и лифт, который колдеры установили в Сиппаре. Сначала им страшились пользоваться, а потом поняли, что лифт повинуется мысленным приказам: стоит только мысленно назвать нужный этаж, и лифт доставит тебя, куда необходимо.

Но ведь сила колдуний Эсткарпа — это тоже сила мысли. Только те оказывают прямое воздействие на стихии без посредников-механизмов, которыми пользуются колдеры. А это значит, что сила колдуний вполне может оказаться более могучей, чем сила колдеров!

Саймон сжал кулаки. Он не мог пойти против колдеров с голыми руками, у него не было никакого оружия, кроме собственного разума. Но он никогда еще не пытался сражаться силой мысли. Джелит, между прочим, и Охранительницы тоже соглашались, что он обладает даром, никогда не проявлявшимся ни у одного мужчины в этом мире. Но этот дар был всегда лишь бледной тенью могучего дара колдуний, которые специально обучались, как им пользоваться. А он никогда этому не учился, не тренировался в своих способностях.

Саймон перевел взгляд со своих рук на запертые дверцы столиков и стоящих вдоль стен шкафов: он непременно должен сделать что-нибудь, пусть даже разум его не выдержит такого напряжения. Он должен, должен!

Он напряг волю, желание вырваться из тюрьмы стало таким сильным, что затопило все остальные чувства. Он пожелал, чтобы дверь перед ним открылась. Саймон представил себе в мельчайших подробностях замок таким, каким он был в его родном мире, потом стал подробно представлять картину отмыкания замка. Быть может, этот чужой механизм очень сильно отличался от того, к которому он, Саймон, там привык, и все его усилия останутся тщетными. Но Саймон не сдавался, он разжигал в себе желание открыть замок, и это желание было таким могучим, что силы покинули его, он едва добрел до койки и рухнул на нее. Однако он все время не отводил взгляда от дверцы одного из шкафов. Замок должен покориться его воле!

Он весь дрожал от усилий, когда дверца одного из шкафов распахнулась, и он увидел то, что находилось внутри. С минуту Саймон неподвижно сидел на койке, сам себе не веря. Но это не было галлюцинацией, не было обманом — он сам сделал это!

Потом он подошел к шкафу и опустился на колени. То, что лежало внутри его, не могло пригодиться, если бы ему пришлось бежать. Груда коробочек, внутри которых находились узкие металлические полоски, свернутые в тугие спирали, на них были выдавлены какие-то знаки. Саймон решил, что это своего рода записи. Но сейчас его интересовало только устройство замка. Он лег на пол и наполовину на ощупь, наполовину зрительно несколько минут внимательно изучал механизм. Затем встал, подошел к другому шкафу. Открыть его теперь было делом лишь нескольких минут. В нем Саймон нашел то, что могло послужить ему пропуском внутри этого здания — прозрачные мешки с одеждой колдеров. К сожалению, тот, кому эта одежда принадлежала, был не таким крупным, как Саймон, но выбирать не приходилось.

Брюки были чуть ниже колен, а пиджак трещал на плечах Саймона, но, в конце концов, сойдет и так. Теперь замок на двери. Если только он действует по тому же принципу, что и замок шкафов, то...

Саймон представил себе замок в мельчайших подробностях. Отопрись! Отопрись!

Раздался щелчок, но дверь не отошла в сторону, как дверцы

шкафов, и поэтому Саймону пришлось толкнуть ее рукой. Он выглянул в коридор с некоторой опаской, потому что помнил, что в Сиппаре, когда кто-то шел по коридору, откуда-то сверху голос предупреждал, что заметно каждое движение. Здесь могла быть такая же система, и приходилось рисковать. Он двинулся по коридору, внимательно прислушиваясь.

Если он воспользуется лифтом, то сможет попасть вниз, но как раз там сейчас полно народу, ему же необходимо получить свободу действий. Лойз! Саймон нахмурился. Лойз и Алдис — ловушка для Джелит. Где же может быть в этом сооружении девушка? Он не осмеливался снова вступать в контакт.

В этом же коридоре еще четыре двери: они, может быть, помещают пленных поближе друг к другу? Лойз сказала: «комната и скалы». Похоже, что окна ее тюрьмы обращены на скалы. Те комнаты, двери которых находились слева от него, как раз и должны выходить на скалы.

Саймон толкнул дверь первой комнаты, она сразу подалась под его рукой. Он быстро отошел к соседней двери — она была заперта. Правда, Лойз не обязательно была здесь, но приходилось рисковать. Саймон сосредоточился на замке. Теперь все было гораздо легче, раз у него уже было представление о его механизме.

Он ощутил уверенность в себе: внутри этой крепости колдеров он больше не пленник. Правда, оставалось то оцепенение, которым они заковывали его тело. Сможет ли он при необходимости так же успешно справиться с ним? Саймон этого не знал и не хотел проверять.

Дверь открылась со второй попытки. Саймон осторожно отодвинул ее и заглянул в комнату. Лойз стояла спиной к нему и, облокотившись о подоконник, глядела в ночь. Она казалась такой маленькой и беззащитной. Саймон решил, что она одна, но твердой уверенности в этом не было. И тогда он вновь прибег к своей новой способности: пожелал, чтобы она обернулась. Она чуть слышно вскрикнула, увидев его, потом отшатнулась и закрыла лицо руками. Саймон понял, что она приняла его за одного из колдеров.

— Лойз... — произнес он шепотом и стащил с головы плотно прилегавшую колдеровскую шапку.

Ее била дрожь, но, услышав его, она опустила руки и уставилась на него. Страх на ее лице сменился удивлением. Она ничего не сказала, но, оторвавшись от стены, кинулась к нему. Она вцепилась в его серый костюм, глаза ее были широко открыты, губы побелели, едва сдерживая крик.

— Пошли! — Саймон крепко обхватил ее за плечи и вывел в коридор. Понадобилось одно мгновение, чтобы закрыть двери. Все, что Саймону было известно в доме или крепости колдеров, это две комнаты и два коридора. Один, где была его камера, и второй, куда выходит дверь из комнаты Лойз. На нижних этажах наверняка полно этих крыс, занятых разгрузкой припасов и людей. Его колдеровская одежда не выдержит пристального

взгляда. Но эти рабы внизу, «одержимые», не станут к нему присматриваться. Когда они вышли из подводной лодки, никто даже глазом не повел в их сторону. Может быть, и сейчас их появлению не придадут значения.

— Алдис! — Лойз вцепилась в его руку.

— Что с ней? — Они были в лифте, который мог доставить их в руки врага.

— Она узнает, что я ушла!

— Каким образом?

Лойз покачала головой.

— Колдеровский талисман, он знает о каждом моем шаге. Так она узнала о моем контакте с Джелит. Она была со мной, когда мы связались. Она прочитала мои мысли!

Саймон понимал, что Лойз права. Он и сам чувствовал, что его связь с Джелит прослушивается. Саймон задумался, куда же направить лифт? Разве только в одно единственное место, правда, приходилось отчаянно рисковать. Если Лойз права и охота за ними вот-вот начнется, то лучшего поля сражения все равно не придумаешь.

Саймон подтолкнул девушку вперед. Он представил себе коридор, ведущий в комнату, где был колдеровский офицер, и дверца лифта закрылась за ним.

— Ты не ощущаешь Джелит? Не знаешь, где она сейчас находится? — обратился он к Лойз.

— Нет, не знаю,— покачала она головой.— Им нужна Джелит-колдунья. Когда они узнали, что она следует, за нами, они заволновались. Они знали, что она плывет на корабле, но это не представляло для них никакой опасности. А потом что-то случилось с их системой защиты, и они составили новый план. Алдис была очень довольна. Она сказала, что все работает на них. Но только я не понимаю, отчего они так беспокоятся. Ведь Джелит больше не колдунья.

— Не такая, как прежде,— сказал Саймон.— И все же она смогла вступить с нами в контакт только потому, что по-прежнему владеет приемами колдовства. Есть магия и магия, Лойз.

Но сможет ли его магия и магия Джелит противостоять мощи колдеров?

Дверь отворилась. Перед ними был коридор. Они с Лойз сделали всего несколько шагов. И знакомое оцепенение охватило их. Теперь, уже совершенно беспомощные, они продолжали свой путь в зал, где сидел офицер, напоминая собой живую куклу.

«Беспомощные?» — спросил себя Саймон. Если бы не его опыт с дверями, дерзкая мысль не пришла бы ему в голову. Но он был во власти Колдера. Почему бы ему не попробовать разорвать и эти путы, как прежде он открыл дверь?

Лойз и Саймон оказались в комнате, где их уже ждали двое колдеров. Один из них — офицер, с которым Саймон разговаривал ранее. Другой, с металлической шапкой, сидел с закрытыми глазами, стиснув голову и откинув ее на высокую спинку стула. Было видно, что он полностью поглощен своими мыслями и совершенно отрешился от происходящего в комнате. В зале

находилось еще двое вооруженных «одержимых». В стороне от них стояла Алдис, она была взволнована, о чем говорили ее сверкающие глаза и нервно сжатые губы.

Первым заговорил колдеровский офицер:

— Похоже, что ты умеешь делать больше, чем мы ожидали, Хранитель Границ. А жаль. Мы хотели тебе добра. Что ж, хуже для тебя. Но сейчас придется помочь нам. Оказывается, твоя супруга колдунья не предоставила тебя твоей судьбе, а поспешила на помощь, как и подобает преданной жене. А Джелит из Эсткарпа нам очень нужна. Так нужна, что мы сейчас не можем заниматься ничем другим. Итак, приступим к выполнению плана.

Тело Саймона подчинилось чужой воле. Он повернулся к двери, оба стража встали по бокам от него. Сзади подошли Алдис и, как понял Саймон, один из колдеров. Человек в металлической шапке остался в зале.

Они подошли к лифту и поехали вниз. Но Саймон все это время осторожно испытывал свою волю, свою силу. К тому времени, когда они спустились до уровня моря, он уже готов был действовать, почти уверенный в успехе.

Набережная теперь была безлюдна, подводные корабли — их было четыре — неподвижно застыли у причалов. Все рабочие куда-то исчезли. Но те, кто сопровождал Саймона, повели его с Лойз к проему в скале, где были вырублены ступени. Они стали взбираться по ним, пока в лицо не пахнул свежий морской ветер.

Саймон шел впереди, за ним Лойз и Алдис, замыкал шествие колдеровский офицер. Тот огонь, что красной полоской полыхал на горизонте, теперь погас, хотя вдали еще поднимался к звездам дым. Они стояли на пустынном берегу, усеянном камнями. Саймон и Лойз переглянулись, охранников не было видно, но Саймон ощущал их присутствие.

— Ну, а теперь,— приказал колдер Алдис,— принимайся за девчонку!

Саймон услышал, как Лойз вскрикнула от боли, и сразу же услышал прозвучавший в его мозгу приказ. Но в этот момент он уже нанес свой удар. Удар был направлен не на то, чтобы обрести физическую свободу, возможность распоряжаться своим телом, нет. Саймон нацелил все свои силы, всю мысленную энергию, которую он копил с того момента, как они вышли из зала, на колдера в металлической шапке, оставшегося в зале... Если его догадка была правильной, там был жизненный центр. Он ощутил сопротивление, как и ожидал! Но удар, нанесенный Саймом, был таким неожиданным, что ответная реакция запоздала... Саймон успел проскочить барьер. Он еще раз напряг все силы. Ответная атака колдера не достигла цели. Неожиданно оковы рухнули. Саймон стоял в ожидании, не меняя неловкой позы...

Лодка двигалась почти бесшумно, разрезая носом волны. Вода с тихим плеском скатывалась с весел. Саймон уже видел, что в лодке трое, и одной из них была Джелит.

Рядом с ними пошевелилась Лойз, она неловко шагнула вперед, словно механическая кукла, и приготовилась приветствовать тех, прибывших. Саймон отлично понимал, что для Джелит приготовлена ловушка.

— Сал! — Он издал в полный голос боевой клич, который так часто раздавался в битвах, и бросился на стоявшего рядом с ним колдера. Чужеземец упал, и тут же Саймон получил возможность убедиться, что если колдеры и прибегают к помощи машин в своих битвах, то, когда надо спасти собственную шкуру, они неплохо сражаются и голыми руками. Неожиданное нападение Саймона давало ему небольшое преимущество, которое он постарался использовать в полной мере. Он не знал, что происходит на берегу, все внимание его было поглощено борьбой с колдером... Наконец, тело колдера обмякло... Саймон еще держал его несколько минут за горло, боясь, что враг очнется.

— Саймон!

В ушах у него шумело от страшного напряжения; но все же он услышал этот голос.

— Я здесь! — крикнул он, повернувшись в ту сторону, откуда послышался крик.

Она шла к нему по песку и камням, позади нее двигались остальные. Она подошла и положила руки ему на плечи. Саймон сразу же ощутил, что никогда не будет между ними большей близости, чем в этот миг.

— Он мертв,— сказала Джелит, и Саймон тут же поднялся с колен, отпустив бездыханное тело. И схватил ее в объятия и стиснул так сильно, словно убеждаясь, что это не сон. А она рассмеялась таким счастливым смехом, каким смеялась раньше.

— У меня есть господин — великий воин! — Она сказала это тихим шепотом, чтобы никто, кроме них, не услышал.

— А у меня есть госпожа — великая волшебница, и сила ее немалая! — Он вложил в эти слова всю гордость, которая переполняла его.

— А теперь, отдав друг другу должное,— сказала она весело,— вернемся к суровой действительности. Что это такое? На самом деле база колдеров, Саймон?

— Сколько с тобой народа? — Саймон не стал отвечать на вопрос, а сразу перешел к делу.

— Армии нет, Хранитель Границ, всего лишь два салкара, которые должны были доставить меня на берег, да и тех я обещала отослать обратно на корабль.

— Двое! — Саймон был поражен.— А команда корабля...

— На них мы не можем положиться, пока не прибудет флот. Что нужно сделать сейчас? — Она спросила это таким тоном, словно командовала целым отрядом.

— Совсем немногое. Здесь всего-навсего крепость колдеров и их ворота... ворота в другой мир...

— Леди! — Это был негромкий, но тревожный голос с берега.

Прежде, чем они успели откликнуться, на берегу вспыхнул ослепительный свет: словно кнут хлестал по воде и берегу. Там, куда он падал, вода начинала кипеть, от нее поднимался пар, а камни на берегу начинали дымиться.

— Назад! — Саймон схватил Джелит за руку и потащил под скалы. Найдя расщелину, он подтолкнул ее так, что она упала на колени, и коротко приказал:

— Оставайся тут!

Сам он помчался на берег.

Лодка по-прежнему стояла на песке, около нее кто-то лежал. Слышался стон.

— Быстро в укрытие! — крикнул Саймон на берегу.— Где Лойз?

— Я здесь, Саймон,— ответила она из тьмы.— Что это такое?

— Колдеровская дьявольщина! Скорее!

Он схватил Лойз за руку и потащил за собой. Салкары, отчаянно бранясь, побежали за ними вслед.

Когда они добрались до расщелины, где, скорчившись сидела Джелит, Саймон обнаружил, что их шестеро: салкары притащили с собой еще кого-то. Все, как по команде, повернулись к берегу. Луч снова метался по узкой прибрежной полосе, зловещее оружие искало на берегу любое живое существо и было нацелено на него. Легкий челнок, на котором приплыла Джелит, пылал, словно облитый маслом... Саймон снова услышал, как стоявшие рядом с ним салкары проклинали того, кто водил этим лучом. Почти сразу же Джелит сказала ему на ухо:

— Они уже идут...

Он и сам почувствовал приближение врага. Нужно было немедленно уходить отсюда, но как ориентироваться в этом нагромождении скал? Пока нужно немедленно отойти от крепости колдеров. Саймон так и сказал всем.

— Ясно! — откликнулся один из салкаров.— Куда идти, лорд?

Саймон сбросил с себя колдеровскую одежду, снял пояс и протянул его конец одному из салкаров.

— Надо связать наши пояса и держаться за них, чтобы не заблудиться в темноте... Какое у вас оружие?

— Самострелы и кортики. Мы ведь всего лишь моряки, милорд.

Саймон едва не рассмеялся: холодное оружие против тех аппаратов, которыми владеют колдеры! Разве только горы да темнота помогут беглецам.

Они двинулись вперед: Джелит рядом с ним, Лойз с одним из салкаров за ними, а второй салкар вел с собой молчаливую Алдис, считая, что она будет им полезной. Они не могли двигаться быстро, но к тому времени, когда на берегу замелькали огни, означавшие, что их ищут, беглецы были уже довольно далеко от своего первоначального укрытия. Саймон все время старался держаться в тени скал, и вскоре выяснилось, что эта предосторожность была не лишней: прямо над их головами с двух сторон загорелись ослепительные лучи беспощадного света.

Они бросились ничком на землю под защиту нависающей скалы, и только это укрытие спасло их.

Луч висел над ними довольно долго, но когда он погас, наконец, Саймон еще долго не подавал знака продолжать путь. Только убедившись, что колдеры считают, очевидно, их сгоревшими, Саймон решил, что можно двигаться дальше. Но двигаться можно было только в одном направлении — в сторону той дюны, за которой скрылся грузовик, замеченный Саймоном из окна комнаты. Как видно, там лежало нечто такое, на что колдеры не решаются обрушить свой смертоносный свет. Если они пойдут туда, у них будет шанс на спасение.

Саймон сказал об этом своим спутникам.

— Эти ворота... их ворота... ты думаешь, они там? — спросила Джелит.

— Это только догадка, но мне она кажется правильной. Они либо готовятся проникнуть за эти ворота, либо уже проникли. Им почему-то необходимо связаться со своим прежним миром.

— Но там мы натолкнемся на большое число их воинов,— сказал один из салкаров.

— У нас нет выбора — или идти туда или снова попасть в крепость. Говоря по правде, я предпочитаю находиться под открытым небом, чем в этой колдеровской норе.

Салкар согласился.

— Лучше быть на открытом воздухе,— сказал он.— Что ж, Инглин готов поразмяться.

— А клинок Сигрода всегда наготове,— добавил второй салкар. Лорд, эту женщину мы возьмем с собой?

— Да, ответила Джелит.— Она еще будет нам полезна. Пока я не знаю, как именно, но будет!

Саймон готов был довериться интуиции жены, но его беспокоила мысль о талисмане, который был в руках у союзницы колдеров.

— Может быть, забрать у нее талисман колдеров?.. — начал он.

— Нет,— возразила Джелит.— Каким-то образом он послужит ключом, чтобы открыть перед нами дверь. Я не думаю, что он сможет сыграть свою роль, если будет не в руках Агдис. Если она пустит его в ход, то я об этом буду тотчас же знать! Тотчас же!

Саймон не стал больше спорить.

И снова они побрели вперед гуськом, держась друг за друга, не пренебрегая малейшим укрытием. Саймон шел вперед, осторожно ощупывая ногой камни и песок. Они двигались мучительно медленно, по временам отдыхали и тогда особенно начинали болеть спины, синяки и ссадины. Рассвет застал их совсем обессиленными, измученными и грязными.

Распластавшись на скалистом склоне, они наблюдали за тем, как внизу полз гусеничный грузовик. Его фары ярко освещали все вокруг. Саймон облегченно вздохнул. Больше всего он стра-

шился, что они все время шли не в том направлении и заблудились среди скал. Теперь он убедился, что они уже должны быть близко от цели. Грузовик возвращался в крепость, он был уже разгружен. Припасы, вода и пища — в этом пустынном месте все находилось в руках колдеров. А жажда терзала Саймона и его спутников. Их всего пятеро и одна пленница, а против них — вся колдеровская мощь.

— Проще, но не лучше! — услышал он Джелит. Саймон вздрогнул, только сейчас отдав себе отчет, что эти слова произнес не он сам.

Он посмотрел на жену: на ней все еще была кольчуга, в которой он видел ее в последний раз, густая вуаль, собранная из металлических колечек, наполовину прикрывала ее лицо, но глаза твердо встретили его взгляд.

— Нет, я не прочитала твои мысли,— ответила она ему.— Просто мы думаем об одном и том же. Ведь речь идет не только о нашей безопасности, а о гораздо большем!

— Ворота!

— Ворота! — подтвердила она.— Ты ведь считаешь, что колдеры должны получить из своего мира помощь. Они что-то замыслили. Мы не допустим этого.

— Все зависит от устройства ворот в их мир...

Те ворота, которые открыли Саймону путь в этот мир, были очень простыми. Грубый камень, покоившийся между двумя колоннами из такого же грубого, но обтесанного камня... Нужно было сесть на этот камень — там были углубления для ягодиц и кистей рук, так что положение строго фиксировалось. Саймон так и сделал и стал дожидаться рассвета, а на рассвете ворота открылись перед ним. Хранитель этих ворот в долгие ночные часы, которые Саймон провел, бодрствуя в ожидании рассвета, рассказывал ему старинные легенды. В них говорилось, что камень этот лежит здесь со времен короля Артура, что он волшебный и читает в душах людей, а потом переносит каждого, кто сядет на него, в тот мир, где этот человек будет чувствовать себя лучше всего. Но ворота колдеров, несомненно, не были похожи на такой камень. Какими бы они ни были, Саймон совершенно не представлял себе, как они пятеро сумеют их закрыть. Но Джелит абсолютно права — сделать это необходимо. Один из моряков взял на себя охрану, остальные прилегли прямо на камнях, чтобы немного отдохнуть. Только Алдис сидела, уставясь в пространство невидящим взглядом и вцепившись обеими руками в талисман колдеров на груди.

Она была на редкость красивой женщиной, но прямо на глазах у них старела. Щеки провалились, глаза глубоко запали в глазницы. Спутанные золотистые волосы казались теперь такими странными, словно девичий парик на голове старухи. За все время путешествия она ни разу не посмотрела на них, производя впечатление «одержимой», но Саймон считал, что она просто ушла в себя и очнется, когда потребуется. Поэтому за ней приходилось все время наблюдать, а, может, следовало даже боять-

ся. Роль охранницы Алдис взяла на себя Лойз, и Саймон видел, что она находит большое удовлетворение в том, что поменялась ролями со своей бывшей тюремщицей.

Саймон лежал, закрыв глаза, но уснуть не мог. Энергия, которую он так щедро изливал в крепости колдеров, по-прежнему бурлила в нем. У него было такое чувство, словно разгадка всех тайн колдеров где-то совсем рядом и что он вот-вот нащупает ее. Он открыл глаза и встретил взгляд Джелит, которая полулежала рядом, прислонившись к скале. Она улыбнулась ему.

Впервые за все это время он задумался над тем, как странна их последняя встреча. Тот барьер, который, как он считал, возник между ними и становился все прочнее, рухнул и исчез навсегда. Теперь Саймон сомневался, существовал ли он вообще или это просто плод его воображения. Во всяком случае, ничего подобного больше не было.

Она не дотронулась до него, но сразу же его захлестнула волна такого тепла и такой нежности, какой он не знал за всю свою жизнь. Купаясь в этих сладостных волнах, он позволил себе, наконец, расслабиться.

Послышалось легкое звяканье — Саймон сразу же вскочил на ноги и увидел Сигрода, который вернулся из разведки. Лицо моряка раскраснелось, по лицу тек пот, он задыхался от быстрого бега и подъема.

— Они вон там, справа. У них целый лагерь. И там стоит какая-то штука.— Он нахмурился, пытаясь подобрать слова, чтобы описать поточнее то, что видел.— Там такие колонны.— Он провел по воздуху черту указательным пальцем,— а между ними перекладина, вот такая.— Снова махнул рукой.— И все это сделано из металла — по крайней мере, я так думаю — такого зеленоватого цвета.

Лойз зашевелилась. Наклонившись, она с силой отвела от груди сцепленные руки Алдис, открыв талисман колдеров.

— Вот такого?

Сигрод, наклонившись вперед, внимательно рассматривал талисман.

— Да, такого, только очень большая штука. Через нее одновременно могут пройти четыре — пять человек.

— Или же один грузовик? — спросил Саймон.

— Да. Но только сооружение это стоит в совершенно пустынном месте, и там больше ничего нет.

— Я думаю, что это место надо избегать,— прокомментировала Джелит.— Они имеют дело со странными силами. И опасными, к тому же, если открыли такой проход.

Саймон принял решение.

— Вы останетесь здесь с леди Лойз,— сказал он морякам.— Если мы не вернемся до конца дня, пробирайтесь к берегу, может быть, вам удастся каким-то образом добраться до судна и спастись...

Никто не стал с ним спорить. Джелит поднялась, улыбаясь

ему, и дотронулась до плеча Алдис. Хотя никто не указывал «союзнице» направление колдеров, она молча встала и пошла к выходу из ущелья. Саймон обернулся и отсалютовал оставшимся, но слова его были обращены к Лойз:

— Ты выполнила свою часть работы, леди. Оставайся с миром. Удачи тебе.— Та молча кивнула, в глазах ее были протест и боль, но она только произнесла:

— И тебе удачи...

Она ушла, не оглядываясь. Им предстояло подойти к лагерю колдеров с юга, а это был неблизкий путь. Солнце уже припекало. Вскоре здесь будет все раскалено, причем, раньше, чем они выберутся отсюда. Выберутся — куда? Спрячутся около ворот колдеров или...? Почему-то Саймон был уверен, что достичь ворот — не единственная их задача.

Солнце стояло высоко. Как и предвидел Саймон, стало так жарко, что даже легкая рубашка нестерпимым грузом давила на плечи. Вместо шлема он обмотал себе голову колдеровским мундиром на манер тюрбана, но все равно было очень жарко, когда они добрались до ворот. Саймон долго рассматривал сооружение. Как и в тот далекий день, когда он впервые увидел странное седалище в саду у Петрониуса, позади ворот он не заметил ничего, кроме той же скалистой пустыни, что и вокруг. Эти ворота, быть может, действовали лишь в определенное время суток. Он решил, что строительство ворот завершено, так как возле них никого не было, хотя в лагере лежали люди, словно свалившиеся в изнеможении.

— Саймон!

Джелит и Алдис устроились под козырьком скалы — это было единственно возможное укрытие от солнца. Колдеровская союзница поднялась, глядя на своих спутников, а потом туда, где стояли в мерцающем воздухе ворота. Руки ее сжимали талисман, лицо оживилось, на нем было такое выражение, словно она видела то, к чему давно стремилась. Она двинулась вперед, сначала неторопливо, а затем все убыстряя шаг. Саймон хотел было остановить ее, но Джелит подняла руку предупреждающим жестом. Алдис бежала теперь под палящими лучами солнца, не обращая внимания на них, ее изодранное платье волочилось по камням.

— Скорей! — крикнула Джелит, кидаясь за ней вслед, и Саймон бросился бежать за ними.

Они были ближе к воротам, чем находящиеся в лагере. Заметили их не сразу, потому что некоторое время они держались позади застывших в неподвижности грузовиков и наваленных рядом с ними ящиков.

Алдис бежала к воротам, спотыкалась и падала, но от ее усталости и следа не осталось. Она бежала с невероятной, нечеловеческой скоростью впереди своих преследователей.

В лагере раздался крик, но Саймон не осмелился даже повернуть голову, ибо нужно было следить за Алдис, которая, выбе-

жав на ровное место, неслась, как птица. Джелит не слишком от нее отставала, а Саймон бежал позади женщин.

Джелит сделала рывок и сумела ухватиться за подол платья Алдис. Материя затрещала, но Джелит не выпустила подол. Алдис изо всех сил рвалась к воротам, волоча ее за собой. Саймон подбежал к женщинам, тяжело дыша. Почти сразу же что-то просвистело у них над головами — спас их только очередной отчаянный прыжок Алдис. Их начали обстреливать из лагеря. Но Саймон сделал единственное, что могло их вывести из поля огня,— своей тяжестью он навалился на борющихся женщин, толкнул их в сторону, и все трое оказались под перекладиной ворот. И сразу же их словно поглотила ночь после сияющего дня. Ощущение того, что он вторгается туда, где его не ждали и не хотят принимать, охватило Саймона с такой силой, что эти несколько мгновений показались вечностью. А потом провалился во мрак, и косые струи дождя захлестнули его тело.

Сверкнула молния, раздался оглушительный удар грома. Джелит, лежавшая в его объятиях, всем телом прижалась к нему. Вода хлестала им прямо в лицо. Саймон задыхался и отплевывался, но упорно продолжал пробираться вперед, волоча за собой Джелит. Она что-то крикнула ему, но он не услышал за свистом ветра и только лишь при свете вспыхнувшей молнии увидел лежавшую ничком Алдис. Вода хлестала ее неподвижное тело. Саймон наклонился и взвалил на плечи бесчувственную женщину, глаза ее были закрыты, голова беспомощно болталась.

Они находились в долине между двумя каменными стенами, вода быстро заполняла эту впадину. Саймон добрался до стены и осмотрел ее, ища точку опоры. Подъем на нее оказался изнурительным еще и оттого, что он нес Алдис, но, в конце концов, они взобрались наверх и рухнули рядом на камень. Саймон лежал спиной к ветру, прикрыв голову рукой.

Когда он собрался с силами и сел, чтобы оглядеться, обе женщины даже не пошевелились. Небо было темным, дождь хлестал по-прежнему. Неподалеку Саймон увидел какую-то темную массу и решил, что там они найдут убежище от непогоды.

Он легонько встряхнул Джелит, но она едва нашла в себе силы открыть глаза, потом с трудом встала на четвереньки, и Саймону удалось поставить ее на ноги. Он довел ее до укрытия и пошел за Алдис.

Только вернувшись обратно, Саймон заметил, что они укрылись не под нависшей скалой, а в развалинах какого-то здания. Стены комнаты, в которой они очутились, полуобвалились, крыша зияла отверстиями. Видно, что развалинам было несколько столетий. Несмотря на свежесть гулявшего ветра, здесь воняло тлением и гнилью.

На полу валялись камни, обломки чего-то непонятного, но Саймон решил осмотреть комнату. Спотыкаясь и едва не падая, он пошел в дальний угол, где стены обвалились сильнее всего. Почти сразу же он наткнулся на предмет, затрещавший от толчка. Саймон протянул руку и нащупал шелковистую ткань,

разорвавшуюся под его руками, затем металлический стержень. Саймон взял прут и вернулся обратно к двери, где мрак, казалось, начинал понемногу рассеиваться.

То, что было у него в руках, вполне могло сойти за оружие и чем-то смутно напоминало ружья его мира. Здесь были ствол и барабан, но весило все это поразительно мало.

Джелит положила руку на лоб Алдис.

— Она умерла? — спросил Саймон.

— Нет, она, вероятно, ушиблась, когда падала. Это и есть тот самый мир, из которого пришли колдеры? — В голосе ее не было страха, только интерес.

— Похоже на то...

В одном он был уверен: им не следует удаляться от этого места, где они проникли через ворота. Если они заблудятся, то вряд ли сумеют вернуться обратно в свой мир.

— Интересно, есть ли с этой стороны какая-нибудь примета ворот.— Джелит, как всегда, прочитала его мысли.— Ведь должны же они иметь какой-то ориентир, если хотят проходить сквозь ворота туда и обратно.

Постепенно буря затихла. Темнота ночи, встретившая их, когда они прошли через ворота, сменилась серым светом приближающегося рассвета. Саймон стал с интересом осматривать местность. Это была не пустыня, как по ту сторону ворот. Видно, некогда здесь обитали люди — то, что поначалу он принял за обломки скал, оказалось обширными развалинами домов.

Ему приходилось наблюдать подобные картины, когда армии с боями проходили через Францию и Германию. Там все выглядело примерно так же: стояли здания в руинах и сквозь плитки пола пробивалась трава.

Солнце так и не появилось, но наступил уже день. Теперь он разглядел, что земля в руинах местами запеклась, напоминая черный шлак. Перед ним снова возник кошмар его родного мира. Атомная война? Радиоактивная земля? Но ведь атомная бомба не могла снести половину здания, оставив другую половину в целости и сохранности. Значит, это другое оружие.

— Саймон!

Он и сам заметил какое-то движение за разрушенной стеной. Что-то живое, такое огромное, что внушало ужас, двигалось в направлении их убежища. Саймон посмотрел на оружие, которое нашел на полу. Джелит потянулась к ножу, висевшему у нее на поясе. Саймон подивился сходству найденного стержня с ружьями. Но его озадачило слишком узкое отверстие — через него не проникла бы даже игольчатая стрела эскарпских самострелов... Чем же могла служить такая тонкая трубочка? Ведь тут не было курка, а только какая-то крохотная кнопочка. Не ожидая никакого результата, Саймон нажал на эту кнопку.

Куст, на который он направил чужое оружие, вздрогнул, роняя капли воды, потом его побеги склонились до самой земли, листья стали скручиваться в трубочки. Саймон не верил своим глазам: растение дрожало и гнулось все ниже и ниже. Рядом

вскрикнула Джелит. Они оба уставились на серый комочек, тихо упавший на землю. Это все, что осталось от цветущего куста. Все произошло без единого звука, совсем незаметно... они увидели только результат действия чужого оружия.

— Саймон! Что-то приближается...

Он почувствовал то же самое: ничего не было видно, но он ясно ощущал опасность.

— Будь наготове...

Слова Джелит едва сорвались с ее губ, это было больше похоже на тихое бормотание... Она сжала его руку. Напряжение Саймона достигло крайнего предела. И вот....

Они появились с трех сторон и молча бежали к их укрытию. Один выскочил из-за стены, другой — из густых зарослей, последний — из-за полуразрушенного здания. Это были люди, точнее, у них был внешний вид людей. Лохмотья одежды еще кое-как прикрывали их тела, но это производило еще более жуткое впечатление и не прибавляло им человеческого вида, ибо тела их были невообразимо тощи, руки и ноги костлявы, так что кости едва не прорывали туго натянутую кожу, головы на вытянутых тонких шеях больше всего напоминали высохшие черепа. Словно в этих руинах вдруг ожили мертвецы, встали на ноги и двинулись вперед.

Саймон направил на них свое ружье. Ему казалось, что в ружье нет больше заряда, так как некоторое время они все еще бежали. Потом вдруг остановились, как вкопанные, и тела их обратились в пепел, как тот куст, в который раньше стрелял Саймон.

Но перед смертью они вдруг закричали высокими странными голосами, заплясали и задрожали на месте, словно в странном танце. Только потом они рухнули. Саймон ощутил прилив тошноты. Джелит вскрикнула и вцепилась ему в руку.

— Вот как...

Они оба вздрогнули, услышав позади себя голос. Алдис стояла у них за спиной, опираясь о стену. Улыбка на ее лице, которая появилась, когда она увидела, что осталось от мертвецов, вызвала у Саймона новый приступ тошноты.

— Значит, они все еще живы — последний гарнизон? — Она не обращала внимания на Джелит и Саймона, словно их не было вовсе.— Что же, их вахта все равно должна была закончиться.

Джелит освободилась из объятий Саймона

— Кто это такие? — спросила она.

Алдис даже не обернулась: все еще улыбаясь, она рассматривала останки.

— Гарнизон. Они были оставлены, чтобы защитить последний барьер. Они не знали, разумеется, что это их последняя и единственная обязанность: продержаться до тех пор, пока Командиры не окажутся в безопасности. Они считали, бедные дурачки, что им вот-вот придут на помощь. Но у Командиров были совсем другие задачи.— Она снова рассмеялась, потом продолжала.— Во всяком случае, это неожиданность для нас:— они продержались дольше, чем можно было ожидать.

Откуда ей все это было известно? Алдис ведь не была колдером по рождению? Насколько им известно, среди колдеров вообще не было женщин. Но почему-то Саймон не сомневался, что все обстояло именно так, как она говорила. Джелит сделала предупреждающий жест рукой.

— Там есть еще...

Но и на этот раз Саймон не нуждался в предупреждении, ибо чувствовал опасность ничуть не меньше. Никакого движения впереди он не заметил. Джелит повернулась в ту сторону, откуда они пришли.

— Они здесь... но не против нас.

Алдис издала короткий смешок, в котором была нечеловеческая злоба.

— О, они ждут,— подтвердила она.— Ведь они ждали долго, очень долго. А теперь они вышли на охоту, и охота будет отчаянной... — Она снова засмеялась горьким смехом, похожим на крик боли.

В том, что она говорила, не было ничего странного. Колдеры непременно пройдут в ворота, охотясь за тремя беглецами, а эти существа наверняка соберутся у ворот, чтобы встретить тех, кто должен сейчас явиться. Знали ли колдеры, что их ждет?

Саймон бросил короткий взгляд на край того утеса, по которому они взобрались. Из укрытия выйти, конечно, очень опасно, но ведь только так они смогут увидеть ворота в действии. И поэтому приходится считаться с тем гнетущим страхом, который мучил его все это время.

Если стать спиной к тому вон каменному остову, то можно будет наблюдать за воротами. Стиснув в руке ружье, Саймон схватил Алдис за руку и потащил ее вперед. Джелит следовала за ними.

То, что ночью Саймон принял за ложе ручья, на самом деле оказалось каменной мостовой, заваленной обломками камней, упавших сверху, но в середине этой впадины бежал ручей. Немного вправо от того места, где они сейчас стояли, через дорогу виднелась колонна из зеленоватого металла.

— Ворота! — сказала Джелит.

— И их защитники,— добавил Саймон.

Теперь уже ясно были видны фигуры, движущиеся по дороге. Хотя вид у них был жуткий, хотя в них не было ничего человеческого, действовали они как разумные существа или, по крайней мере, как существа, разум в которых еще не совсем угас. У некоторых из них в руках Саймон заметил трубки, подобные той, которя была у него самого.

— Они проходят через ворота!

Металлические колонны нисколько не изменились, словно никто ими не пользовался, но внезапно, словно из воздуха, перед ними стали появляться люди...

«Одержимые» воины из мира Джелит двигались с осторожностью, и те, кто притаились в укрытии, поджидая их, не показывались... Через ворота прошел уже большой отряд, вслед за ними

показался бампер одного из краулеров, за ним двигались ос тальные. Один из «одержимых» вел грузовик, но рядом с ним сидел колдеровский союзник. Саймон ощутил, что вокруг них в воздухе что-то реет, он явственно почувствовал, как на его тело давит атмосфера.

— Они ненавидят... — прошептала Джелит. Как они ненавидят нас!

— Ненавидят,— передразнила ее Алдис.— Но пока что ждут. Они ведь научились ждать, потому что жили только ради этого.

Из пустоты появился другой грузовик. К этому времени пешие силы захватчиков прошли уже добрую часть дороги. Кабина второго грузовика была намного больше, купол у нее был прозрачным. Внутри сидели двое настоящих колдеров, один из них с металлической шапкой.

Облака витающей в воздухе ненависти так сгустились, что Саймону казалось, что сейчас все вокруг задымится. Но по-прежнему те, кто ждал, тихо сидели в засаде. Группа «одержимых» все так же шла по дороге.

— Вот оно!

Возник низкий звук, словно отдаленный гром, полный звериной ненависти, в котором не было ничего человеческого. Ярость, которую так долго сдерживали, выплеснулась наружу! «Одержимые» содрогались, тряслись, словно в лихорадке, складывались пополам, падали один за другим.

Грузовикам негде было развернуться на узкой дороге. Тот, в котором сидели колдеры, дал задний ход, безжалостно давя шедших позади него «одержимых». Но вот водитель тоже вздрогнул, затрясся и упал на пол кабины. Грузовик продолжал двигаться еще некоторое время, а затем ударился об обломок скалы и замер, гусеницы его беспомощно вращались, тщетно пытаясь вернуть машине подвижность.

Колдер с шапкой на голове даже не шевельнулся, даже не открыл глаза. Возможно, он пытался усилием воли заставить грузовик двигаться, а, может быть, именно его воля спасала обоих колдеров от участи, постигшей тех, кто был вокруг них.

Его спутник все время вращал головой, рассматривая дорогу, но лицо его ничего не выражало.

Они получили то, что хотели,— сказала Алдис все так же улыбаясь. Они встретили хозяина, который даст им ключ к воротам.

Наконец, живые скелеты показались из укрытий. Колдеры были в западне и их больше не надо было бояться. Некоторые шли с голыми руками. Через минуту привидения облепили грузовик и стали лезть на стеклянный колпак.

Сразу раздались дикие крики, и половина нападающих свалилась на землю в виде обугленных тел с отчаянно дергавшимися в судороге ногами. Но остальные не отступили; несколько человек отошли и тотчас же вернулись со стальным тросом. Трижды они забрасывали металлическую петлю, пока она, наконец, не обвилась вокруг стеклянного корпуса грузовика. Потом по тросу побежала огненная полоса, и когда петлю убрали,

дело было сделано. Верхушка стеклянного колпака отвалилась, и те, кто сидел внутри, теперь были во власти нападающих.

Джелит закрыла лицо руками: ей приходилось видеть, как грабили города и издевались над потомками Древней Расы, но то, что происходило сейчас, было ни с чем не сравнимо. Она не могла смотреть на это.

— Только одного... — поперхнулась Алдис,— одного надо сохранить — им ведь нужен ключ!

Колдер в металлической шапке бился в руках нападавших, глаза его все еще были закрыты. Живые скелеты сгрудились вокруг грузовика. Теперь те, у кого не было такого оружья, как у Саймона, забрали его у «одержимых». Ненависть их была отчаянной и жаркой: подхватив колдера, они двинулись вперед, словно на марше, будто в них ожила былая привычка. Они бежали к воротам.

Саймон вздрогнул от ужаса. Сначала колдеры, теперь — вот эти... Какое еще зло проявит себя в том мире, который он привык считать своим?

— Да! Да! — воскликнула Джелит.— Сначала ветер, потом гроза, а теперь еще и буря!

Только мертвые остались на дороге, когда ворота поглотили всю орду. Сколько же их прошло? Пятьдесят или сто? Саймон не мог сосчитать, но надеялся, что их не больше сотни. Что могут они сделать против той огромной мощи, которая таится позади ворот? Колдеры теперь будут слишком заняты, чтобы помнить о беглецах, так что самое время возвращаться, держась позади беснующейся орды.

— Мы возвращаемся обратно...

Алдис снова издала злобный смешок. Она отошла от них и стояла на краю оврага, поглядывая с лукавой усмешкой на тонких губах. Последние следы былой красоты исчезли с ее лица.

— И как же вы пойдете? — крикнула она.— Эту дверь без ключа вы не сможете открыть. Вы об этом подумали, великий воин и леди колдунья?

Она бросилась бежать зигзагами обратно к провалу.

— За ней! — воскликнула Джелит.— Разве ты не понимаешь? Этот талисман — тот же ключ для нее и для нас!

Саймон бросился за Алдис. Чужое ружье, хотя и легкое, мешало ему бежать, но он не мог его бросить. Вокруг были развалины. Они тянулись во все стороны. Видимо, когда-то здесь был большой город. Спрятаться здесь было просто. Саймон и Джелит выбежали на открытое пространство, но Алдис не было видно нигде.

— Где она? — Он заметил, что Джелит растеряна.— Она должна быть где-то поблизости, но где именно?

Джелит прикрыла глаза руками и с минуту стояла неподвижно. Она стояла молча, а Саймон ждал, полагаясь на нее. Наконец, она опустила руку и повернулась к нему.

— Вон туда!

— Почему ты так думаешь?

— Откуда я знаю? Там колдеровский барьер, пустота, а у нее талисман колдеров.

Слабая ниточка, но единственная, другой у них не было. Саймон кивнул и пошел за Джелит. Она повела его по узенькой тропинке между развалинами. Саймон старался оставлять заметки на камнях, пригибать ветки, чтобы можно было найти дорогу обратно.

Они вышли на открытое место, где вокруг мощеной площадки стояли менее разрушенные здания. Они напоминали суровую архитектуру колдеровской твердыни. Как видно, красота и грация, в том смысле, в каком они были известны в мире Саймона и Джелит, были совершенно чужды тем, кто строил эти здания. В любом уголке этих развалин Алдис могла надежно укрыться.

— Где же она? — спросил Саймон.

Джелит положила руку на остатки невысокой стены, за которой открывалось свободное пространство. Она тяжело дышала, под глазами у нее были круги. Они давно ничего не ели, хорошо хоть, что дождевая вода утолила их жажду. Саймон торопил Джелит. Она чувствовала, что задерживаться здесь нельзя. Джелит была в растерянности.

— Я не знаю... я ничего не ощущаю...

Она готова была разрыдаться. Саймон обнял и привлек ее к себе, она с благодарностью прижалась к нему, словно черпая в его силе утешение и поддержку.

— Послушай,— мягко сказал он,— ведь мы могли бы заставить ее выйти на открытое пространство?

— Мы должны, непременно должны сделать это! — Голос ее звучал хриплым шепотом.

— Мы можем это сделать.. Припомни — во время осады Карса, когда нужно было срочно вызвать превращение, ты сказала, что воспользуешься моей волей, чтобы ускорить всю церемонию. Теперь будет то же самое: мы соединим наши воли и ты сделаешь то, что нужно.

Она повернулась так, чтобы видеть его и стоять лицом к открытому пространству. Пальцы ее стиснули его руку и впивались все сильнее по мере того, как она собирала силы. Она тихонько запела ту самую песню, которую Саймон впервые услышал во время осады Карса. Песня начиналась с низких нот и поднималась все выше и выше. С каждым звуком Саймон ощущал растекающиеся по телу горячие волны. Вскоре напряжение достигло такого предела, что Саймону приходилось концентрировать всю свою волю, чтобы только устоять на ногах. Ничего не было в мире, кроме той песни-заклинания, ничего... ничего... Исчезло время, не стало пространства, только эти звуки... только они...

Потом вдруг все вокруг затихло, и он очнулся посреди развалин покинутого города. Только теперь среди обломков что-то двигалось. Существо ползком выбралось на открытое место... Алдис... Она не стала подниматься на ноги, а упала на землю лицом вниз и затихла. Джелит освободилась из объятий Саймона.

Она мертва...

Саймон бросился к телу и перевернул его. Руки его сразу же обагрились кровью, которая текла широкой струей. На груди Алдис, на том самом месте, на котором она носила талисман колдеров, зияла рана. Джелит вскрикнула. Саймон схватил руку Алдис и стал с усилием отгибать загнутые в последнем усилии пальцы: в ее ладони он увидел то, ради чего она рассталась с жизнью — талисман колдеров.

— Пошли.

Саймон встал и начал оглядывать развалины, стараясь увидеть того, с кем встретилась Алдис. Джелит наклонилась и набросила на лицо Алдис лоскут изодранного платья, прикрыв глаза и рану на груди.

Они направились к воротам как можно быстрее. Саймон все время оглядывался, боясь, что их настигнет то существо, которое лишило жизни Алдис. Быть может, обладание талисманом само по себе таило опасность? Саймон почему-то считал, что талисман может навлечь на них беду.

Они снова спустились на дорогу и остановились перед воротами. Саймон поднял руку с зажатым в ней талисманом. Джелит положила руки ему на плечо. Саймон шагнул вперед под перекладину ворот. Он не знал, чего ему ждать, но не удивился, ощутив, что предмет, зажатый в его руке, становится все холоднее и холоднее, ибо это очень напомнило заслон колдеров против контакта разумов. Но ведь и Алдис тоже не была колдером по крови, а талисман подчинялся ей.

Еще один шаг, и они оказались точно между колоннами. И сразу же они ощутили дрожь и почувствовали, что проваливаются в пустоту, враждебную им. Саймон рванулся вперед... и понял, что стоит на четвереньках на скале, еще теплой от солнца. Джелит была рядом.

Хотя солнце почти село, все же тьма не скрыла следов того, что здесь недавно закончился бой. Но картина была совсем не похожа на ту, что они застали по другую сторону ворот. Скала не только была раскалена солнцем, на ней виднелись выжженные черные полосы, а кругом лежали трупы...

Саймон с трудом поднялся на ноги, помог встать Джелит. То, что он решил сделать сейчас, быть может, было ошибкой, но это казалось ему единственно возможным и правильным в борьбе за освобождение этого мира от колдеров и от того, что колдеры принесли сюда с собой.

Он поднял свое ружье и выпустил всю энергию в основание ближайшей колонны. С минуту ему казалось, что заряда в ружье нет, но потом сооружение задрожало. Мерцание распространялось все дальше, пока не добралось до верхней перекладины, потом до второй колонны, затем оно расцвело целым снопом искр, а Саймон вскрикнул — рука!

Он все еще сжимал в руке колдеровский талисман, когда выстрелил в ворота, и вот теперь этот таинственный предмет выпал из его пальцев, оставив на руке обугленную горящую рану! Талисман покатился к воротам и там обратился в искристое мерцание. А потом раздался взрыв, взметнулось зеленое пламя,

и талисман исчез. С ним вместе исчезли и ворота. Саймон и Джелит увидели перед собой ровную площадку.

Неверными шагами они двинулись вперед, поддерживая друг друга. Они направлялись туда, где располагался колдеровский лагерь. Они благодарили судьбу за то, что уже достаточно стемнело и никто их не заметит. Саймон опустился на землю возле одного из застывших в неподвижности краулеров, бережно прижимая к груди больную руку, как Алдис когда-то прижимала к груди талисман. Тут же его охватила боль, страшная, невыносимая. Он ощутил слабость, а боль становилась все сильнее и сильнее, он просто не в силах был ее перенести, он даже не мог вздохнуть, как следует, он задохнулся от жгучей боли...

Боль стала немного меньше или он притерпелся к ней. Саймон почувствовал по рту влагу, потом чей-то голос уговаривал его поесть. Сколько же времени он пробыл в царстве боли? Саймон не знал этого. Но голова его работала вполне ясно, и он чувствовал, что сейчас темная и холодная ночь. Голова лежала на коленях у Джелит, женщина пыталась привести его в себя, но слова ее не сразу дошли до его сознания.

— должны идти. Мы не можем оставаться здесь...

Как приятно было лежать вот так, рука теперь только ныла, а не болела так невыносимо, как раньше. Саймон попытался пошевелить пальцами и увидел, что на руке повязка.

— Хорошо хоть, что рука левая,— подумал он.

— Прошу тебя, Саймон!

Это была не только мольба, но и приказ тоже. Джелит нежно гладила щеку, тормошила его, потом подсунула свою руку под его плечи и попыталась приподнять тело.

Саймон запротестовал.

— Но мы должны идти! — Она наклонилась к нему.— Пожалуйста, Саймон, сюда кто-то идет.

Память постепенно возвратилась к нему, он сел. Тень, окружавшая их, стала совсем чернильной, наступила ночь. Он ни о чем не стал больше спрашивать, поднялся, с минуту размышлял, не стоит ли им воспользоваться грузовиком, но тут же решил, что не стоит, ведь он не знал, как им управлять. Выпрямившись, Саймон, как ни странно, почувствовал, что стоит на ногах довольно твердо. Они двинулись вперед, спотыкаясь в рытвинах, оставленных гусеницами.

— Кто приближается? Колдеры?

— Думаю, что нет...

— Те, другие

— Может быть. Ты разве не ощущаешь?

Саймон ничего не ощущал в этой ночи, он так и сказал ей. Впервые за долгие часы Саймон вспомнил о тех, кто оставался здесь.

— Лойз... салкары... где они?

— Я пыталась найти их. Но здесь какие-то новые силы, Саймон, что-то такое, чего я не могу понять. То возникает барьер, сквозь который мне не пробиться, то внезапно он исчезает и появляется совсем в другом месте. Мне кажется, что это Колдер борется за свою жизнь, что они подключили все свое оружие,

причем и такое, которое нам не известно. К тому же то, что прорвалось из-за этих ворот, все еще живо. Оно ненавидит и охотится за колдерами. Если мы не хотим, чтобы нас тоже втянули в войну, необходимо держаться в стороне. Ибо колдеры сражаются с колдерами или с тем, что пришло в этот мир с ними вместе. Наш мир еще не видел подобной войны.

Постепенно к Саймону возвращались силы. Джелит ходила в лагерь за едой и питьём и рассказала ему об этом. Он понял, как было страшно то, что она увидела, и привлек ее к себе. Они пошли, поддерживая друг друга, и Саймон был счастлив тем, что, наконец, они стали едины душой и телом.

Они как раз огибали скалу в том месте, где расстались с салкарами и Лойз, когда сверху упал довольно большой камень. Саймон прикрыл собой Джелит. Ружье он бросил около ворот, но Джелит отдала ему свой нож. Он прислушался, готовый отразить нападение.

— Сал... — Это не был боевой клич, а лишь громкий шепот в ночной тишине.

— Сал! — ответил Саймон.

Сверху упало еще несколько камней, вниз скользнула какая-то тень.

— Сигрод,— назвал себя человек.— Мы видели, как вы оба появились из пустоты, лорд. Тут все кишит какими-то существами, и они уничтожают все вокруг, поэтому мы не осмелились присоединиться к вам. Инглин надежно укрыл Лойз, а я пришел к вам.

— Что здесь произошло?

Сигрод рассмеялся.

— Легче ответить, чего не произошло! Эти самые колдеры прошли в ворота и тут же исчезли, словно растворились у нас на глазах. А потом... ох, потом словно распахнулись врата ада. Из ворот вышли те, другие, они маршировали колонной, словно армия оживших мертвецов, которые поднялись из гробов, чтобы вступить в схватку за дело такое же гиблое, как они сами! Они направились прямо в лагерь колдеров. Я говорю вам чистую правду, клянусь волнами Аспера: стоило им только взглянуть на человека, как он весь съеживался и умирал! Это было волшебство, леди, но такого я никогда не видел в Эсткарпе. Они бросились прямо в лагерь, а там их встретил такой же луч, который охотился за нами на берегу, и многие из демонов обратились в прах. Но на смену им сразу же поднялись другие, а потом еще одна группа, они тащили с собой колдера и направлялись к морю. И на берегу произошло что-то странное. Только сейчас со скалы я смог разглядеть море. Леди, твое сообщение принято — на море появились паруса!

Если флот попадет под этот страшный луч... Как же им послать предупреждение? А может, колдеры сейчас слишком заняты войной с оожившими скелетами, чтобы переключить свои силы на корабли? А самим скелетам, возможно, все равно, с кем воевать — с колдерами или с новыми врагами? Нет, Саймону было необходимо поточнее узнать, что там происходит.

Когда они втроем добрались до укрытия, где были Лойз и Инглин, они устроили совет.

— У нас есть возможность без особых усилий добраться до берега,— сообщил им Иглин,— а я, например, чувствую себя намного безопаснее, когда я ближе к воде. Этот остров чересчур хорошо приспособлен для игры в охоту, причем у преследуемого и охотника шансы равные. Уже некоторое время на берегу не видно никаких вспышек. И скелетов тоже становится все меньше и меньше. Но у них не такой вид, как у тех, кто боится чего-то или спасается от врага.

— Может быть, они осадили колдеров и их крепости,— вслух размышлял Саймон.— Если это так, то, направляясь к морю, мы непременно наткнемся на них.

Саймон пытался взвесить все возможности. Салкары были опытными и осторожными моряками. Вряд ли они повели бы свой флот прямо в логово врага, зная, какие хитрости и ловушки тот может им расставить.

Саймон считал, что сейчас настал момент, когда зло может быть вырвано с корнем. Он не верил, что колдерам удастся быстро соорудить другие ворота, особенно, если учесть панику, которую должно было вызвать появление выходцев с того света. Значит, отступления для колдеров нет. Следовательно, на них нужно напасть. Однако все это только догадки и предположения. Необходимо отправиться на берег и все увидеть своими глазами.

— Мы должны идти на берег все вместе, только море даст ответы на все вопросы,— произнесла вдруг Джелит.

Саймон кивнул. Она угадала его мысли.

Идти было трудно, в темноте опасность увеличивалась вдвое. Но ночь еще не наступила окончательно, и они спешили изо всех сил. Еще до прихода Саймона с Джелит салкары побывали в лагере колдеров и обзавелись хотя и скудными, но все же достаточными запасами пищи и воды. Они подкрепились и почувствовали себя значительно лучше.

Саймон несколько раз забирался повыше на скалу и старался разглядеть корабли, но ему это не удавалось. Когда он сказал об этом Сигроду, тот усмехнулся.

— Ну, значит, они уже высаживаются. Это обычная уловка рейдеров. Флот разделяется на две части, а обе половины еще разделяются: одни плывут к северу в поисках стоянки, другие—к югу.

Саймон просиял. Это звучало очень обнадеживающе. Если они сумеют связаться хотя бы с одной половиной кораблей... Во всяком случае те, которые ищут стоянку на юге, вполне смогут связаться, оказавшись в пределах досягаемости. Им только нужно подать условный сигнал с берега.

Инглин вызвался попытать счастья. Саймон согласно кивнул головой и тоже отправился в путь к крепости колдеров.

— Чтобы вытряхнуть их оттуда, лорд, тебе потребуется больше, чем один флот. Такие стены не сокрушить так просто, одним усилием воли...

Сигрод лежал на животе на скалистом пике рядом с Саймоном, рассматривая крепость колдеров — тайну за семью печатями.

Внизу чувствовалось оживление. Очевидно, те, кто прошел через ворота, собрались перед этими непробиваемыми неподдающимися даже измерению башнями, готовые столько ждать, сколько потребуется. Саймон считал, что в случае осады все преимущества будут на стороне колдеров. Осаждающие ведь не имели никаких припасов, а вокруг них была пустынная земля. Быть может, они рассчитывали в случае неудачи вернуться обратно. Сокрушить стены усилием воли — эти слова Сигрода гвоздем засели в мозгу Саймона. За все время, что он провел здесь, он видел всего-навсего четырех колдеров — двоих в крепости, двоих в карауле, проникшем за стену. А те двое мертвы. Сейчас думал о том колдере с металлической шапкой на голове, с которым он вступил в единоборство и победил. Сейчас он мог бы его использовать, чтобы осуществить задуманное. Если, конечно, этот колдер еще жив...

Саймон сделал сигнал Сигроду, что пора возвращаться туда, где их ждут Джелит и Лойз. Он изложил свой план, когда они снова были вместе.

— Эти, в металлических шапках, контролируют остальных, руководят ими? — спросил Сигрод.

— Они отдают приказы и управляют всеми установками, я в этом совершенно уверен. Пришельцы привели с собой одного такого колдера, они воспользовались им, чтобы пройти через ворота.

— Но они не смогли с его помощью попасть в крепость,— сказала Джелит.— Иначе они сейчас не толпились бы у стен.

— Быть может, его убили во время нападения на лагерь? — высказала предположение Лойз.

— Значит, ты считаешь, что смог бы повлиять на волю того колдера, с которым ты уже однажды сражался? — спросила Джелит.

— Мы вдвоем смогли бы,— поправил ее Саймон.

— Значит, открыть ворота этим демонам— сказал Сигрод.— Но если даже они и проникнут внутрь, то все равно орешек для нас останется не расколотым, а они той же породы, что и колдеры, не так ли? Так не получится ли, что мы сменим одних колдеров на других?

— Вот для этого нам и нужен флот. Будем надеяться, что Инглину удастся привести нам помощь. Подождем немного.

Саймон привык к ожиданию: жизнь каждого военного полна им. Он перевернулся на спину, глядя в темное ночное небо.

— Я покараулю первым, лорд,— сказал Сигрод, спускаясь по склону.

Саймон пробормотал слова благодарности и продолжал обдумывать свой план.

Больше всего ему не нравилось то, что многое в этом плане зависело от случая, как и большая часть того, что произошло с ним после выезда из Южной Крепости. Можно ли принести кому-то беду, если сильно пожелаешь? Мысли его потекли в другом направлении. Правдивы ли были старинные волшебные сказки его родного мира, в которых рассказывалось, что обратить

зло против своего заклятого врага не труднее, чем выпустить стрелу?

Он почувствовал, как прохладная рука коснулась его горячего лба, нежно погладила мокрые от пота волосы, прилипшие ко лбу.

— Саймон... — Она всегда произносила его имя так, словно в нем была музыка. Саймон... только это, больше ничего.

Он поймал рукой эти прохладные пальцы, прижал их к пересохшему рту. Им не нужны были слова. Любовь их всегда была нелегкой, но Саймон считал, что от этого она становится только глубже. Теперь рухнул последний барьер, разделявший их. Он понял, что временами ей просто необходимо уйти в себя, отгородиться от всех молчанием, и от этого он не становится ей менее дорог. Значит, это было частью ее, и Саймон готов был принять все, как есть. Ведь не бывает так, чтобы один человек занимал абсолютно все мысли и чувства другого. В нем тоже есть что-то, что будет навсегда закрыто для нее. Принимать безо всяких вопросов и ревности — вот это и был их настоящий союз.

— Отдохни.

Ее рука снова легла ему на лоб. Саймон знал, что она повторяет его мысли слово в слово. Глаза его закрылись, и он уснул.

Утром перед ними была все та же твердыня колдеров, столь же недоступная, как и Айль. С высоты им было видно, что привидения из другого мира по-прежнему стоят у стен крепости.

— Они не воспользовались своим огненным лучом,— сказал Сигрод.

— Вероятно, они не осмеливаются в такой близости от стен,— возразил Саймон.

— Или же он иссяк...

— На это мы не можем рассчитывать.

— Они потеряли слишком много «одержимых». Возможно, поэтому они не пытаются отбить атаку. Интересно, сколько же эти еще могут выжидать?

Саймон пожал плечами. Очень может быть, что колдеры в состоянии долгое время обходиться без пищи и воды, неделями выжидать у вражеских ворот.

— Саймон! — Лицо Джелит было обращено к нему, когда он оглянулся.— Сообщение, Саймон. Наши приближаются!

Он бросил взгляд на южный берег моря. Высоко подняв голову, Лойз посмотрела на Джелит с надеждой.

— Сигрод.

— Да, лорд!

— Отправляйся к югу, чтобы встретить прибывших. Пусть они обойдут кругом и присоединятся к нам, только сзади, вот так... — Саймон пояснил свою мысль жестом.

— Слушаюсь.

Салкар исчез за скалой.

Лойз вцепилась в руку Джелит.

— Корис? — Она едва выдохнула имя.

— Этого я не могу сказать наверняка, моя сестренка. Топор Кориса еще не раз поднимется, чтобы защитить тебя, но будет ли это именно здесь, я не могу сказать.

И снова ожидание. Они немного попили, поделили между собой горсточку сухого порошка, который был все же пищей, а тем временем день разгорался. Солнце было закрыто облаками. Саймон не покидал наблюдательного поста, но внизу все оставалось по-прежнему: крепость молчала, осаждающие терпеливо ждали.

Сигрод появился только к полудню, ведя с собой группу воинов. Главным образом это были салкары, но среди них то там, то тут виднелись крылатые шлемы сокольничьих и еще несколько человек со смуглой кожей. Они подбежали к Саймону — это были его пограничники.

— Лорд! — Ингвальд отсалютовал ему мечом.— На этой высоте удобно развивать военные действия?

— Будем надеяться,— сказал Саймон.

Они провели военный совет. Четверо капитанов-салкаров, старшие офицеры их команд, командиры отряда пограничников и сокольничьих, которые чувствовали себя среди этих скал, словно в родных горах. Саймон изложил им тот единственный план, который, как он считал, может открыть перед ними ворота твердыни колдеров.

— Это можно сделать? — спросил капитан Стимкр, но в голосе его не было сомнений. Салкар слишком многое знал о могуществе колдуний Эсткарпа. Только сокольничьи держались настороже, не слишком доверяя волшебству: они считали, что власть женщин не может привести ни к чему хорошему, так как в крови у них жил страх перед слабым полом.

— Мы можем попытаться,— сказал Саймон и посмотрел на Джелит, которая ответила ему едва заметным кивком.

Из-за спин воинов появилась еще одна фигура в стальной кольчуге и шлеме, как у всех остальных. Но поверх кольчуги был накинут серый плащ, на котором переливался и сиял колдовской камень — знак колдуний Эсткарпа.

Она вышла вперед и оглядела Саймона и Джелит.

— Вы считаете, что сможете это сделать?

В голосе ее был не просто вопрос, а сомнение.

— Мы сможем это сделать! — голос Джелит зазвенел.— Мы сделали много больше за прошедшие несколько дней, сестра!

Колдунья нахмурилась: было видно, что ей пришлось не по душе обращение Джелит.

— Но она была готова подождать и увидеть, как они потерпят неудачу,— подумалось Саймону. Это вызвало у него в душе такой же протест, какой слышался в голосе Джелит. Может быть, именно то возмущение даст им новые силы, когда придется действовать.

Он вызвал в своем воображении картину той комнаты в крепости, которую видел и в которой разговаривал с двумя колдерами... Потом сосредоточился только на том колдере, который был в металлической шапке. Воля его стала могучей, неодолимой, он собрал ее в кулак, нацелив туда, куда желал! И сразу же

убедился, что страх его был напрасен. Колдер с металлической шапкой на голове был жив. Жив, но от него осталась только пустая оболочка, ибо разум покинул его тело. Пустую оболочку можно использовать, это входило в план Саймона. Воля его влилась в тело колдера, и сразу же Саймон почувствовал, что возможности его становятся все больше, что воля крепнет, силы растут — это пришла на помощь Джелит.

Саймон не замечал больше ни скал, ни стоящих вокруг него людей, ни презрительного выражения на лице колдуньи, ни даже Джелит. Сейчас для него существовало только одно: войти вместе с Джелит в тело колдера, превратить его в послушное орудие, сделать его таким же «одержимым», как те многие десятки пленных, которых колдеры захватили при набегах на Горм и Карстен, а также на корабли салкаров.

Где-то в глубине крепости колдер уже задвигался, повинуясь мысленным приказам Саймона... — «Отвори ворота. Впусти в крепость осаждающих». Это было очень просто — колдер больше не был колдером, он был «одержимым», и он повиновался.

Перед мысленным взором Саймона мелькали залы и переходы, лестницы и комнаты. Колдер спешил выполнить приказ. Кто-то попался ему на пути, попытался удержать его и тут же упал замертво.

И вот, наконец, Саймон увидел пульт со множеством кнопок, с мерцающими сигнальными огоньками. Руки колдера торопливо двигались, нажимали кнопки, прикасались к рычагам. Подчиняясь этим движениям, защита крепости нарушилась и... исчезла совсем.

Сразу же на Саймона обрушилась холодная тьма и пустота, а когда он пришел в себя, над ним было облачное небо. Они с Джелит держались за руки и оба еще не оправились от ужаса погружения в небытие.

— Он мертв.— Это сказала не Джелит, а колдунья. На лице ее отразился ужас. Но она медленно подняла руку, приветствуя их.— Вы сделали, что обещали.

Саймон едва шевельнул сухими губами.

— Этого было достаточно?

— Сал! — раздался крик с наблюдательного пункта.— Демоны зашевелились!

Они и впрямь зашевелились, ибо в стене крепости теперь зияло отверстие. И в этот проход один за другим выряли живые скелеты, пришедшие из-за ворот. Они даже не крикнули, просто молча двинулись вперед. Меньше половины их пришло внутрь, когда вдруг сверху на брешь стала опускаться стальная завеса, придавив тех, кто оказался под ней. Но не успела завеса коснуться земли, как те привидения, у которых были ружья, принялись стрелять в нее. Стальная завеса задрожала и рассыпалась в прах, а остальные демоны продолжали свой путь внутрь твердыни.

— Вниз и в крепость! — Это крикнул один из капитанов-салкаров.— Сал! Сал!

Подхватив его клич, лавина эсткарских воинов хлынула вниз.

Трудной и отчаянной была эта битва в стенах крепости, похожая больше на охоту. Неведомое и страшное оружие равно разило и привидения и настоящих людей. А потом вдруг все прекратилось, словно крепость колдеров сдалась, словно не хватило энергии.

А когда Саймон во главе своих пограничников вместе с отрядом сокольничьих ворвался в центральный зал, там сидели шесть колдеров с металлическими шапками, подключенными к пульту. Они были мертвы — вместе с ними умерло и сердце крепости. Началась новая битва, ибо привидения из-за ворот обратили свою ярость на воинов Эсткарпа. Солдаты умирали в муках, но их стрелы и мечи разили без промаха. Снаружи, за стенами крепости, бушевал шторм, а в стенах разразилась не меньшая буря. Мужчины, которые устали разить и убивать, мужчины, которые в эти часы потеряли многих из тех, с кем были в родстве и боевой дружбе, мужчины, которые сами не верили, что уничтожили твердыню колдеров с помощью мечей, стрел и топоров, собрались, наконец, в центральном зале.

— Колдеры мертвы! — Саймон победоносно подбросил свой топор высоко в воздух, поймал его и стал восторженно потрясать им. Позади него воины делали то же самое. Они понимали, что свершилось в этот великий день, несмотря на тяжелые потери.

— Колдеры мертвы! — эхом откликнулась в ответ Джелит. Она вошла вместе с колдуньей и Лойз в зал вслед за воинами.— Но зло, которое они посеяли, все еще живо. И вот это... — Она кивнула на пульт.— Возможно, придут другие и воспользуются этим.

— Нет! — Колдунья сняла с шеи камень и поднесла его к панели управления.— Это не так, сестра. Мы с тобой позаботимся об этом!

Обычно бледные щеки Джелит порозовели, она подошла к колдунье, встала рядом с ней плечом к плечу. Вместе они устремили пристальный взгляд на камень. Свет в комнате стал постепенно тускнеть, и вскоре в ней уже царил полумрак.

На пульте управления вдруг вспыхнули крохотные огоньки, в тишине стали раздаваться негромкие хлопки взрывов. Искры побежали по всему пульту, вызывая все новые и новые взрывы. В комнате запахло горелой изоляцией, металлические детали стали плавиться на глазах. Энергия, вызванная к жизни обеими женщинами, быстро уничтожила созданное колдерами сооружение, разрушая пульт и все, что было к нему подключено. И, возможно, эта разрушительная энергия достигла большего, уничтожая паутину, которую колдеры сплели за морями.

Саймон так и сказал, когда вместе с Ингвальдом и капитанами выслушал рапорты тех, кто осматривал самые дальние щели и переходы крепости, чтобы убедиться, что никого из врагов не осталось в живых.

— Паутина останется,— колдунья сидела немного поодаль, лицо ее было усталым, а глаза ввалились: напряжение оказалось большим.— Хотя ее соткали колдеры, но то, из чего она

сделана — ненависть, жадность и зависть — все это было в нашем мире прежде, чем колдеры воспользовались этим. Карстен охвачен смятением... Некоторое время этот хаос был нам на пользу, так как великие лорды в тех краях были заняты Карстеном и отвернули от нас свои взгляды, но это не может продолжаться вечно.

Саймон кивнул.

— Да, не может. Из такого хаоса неизменно появляется более могущественный вожак, который вполне может объединить всех остальных лордов против Эсткарпа. Но вероятно и другое: остальные лорды будут так заняты постоянной войной с ним, что им будет не до нас.

Джелит и колдунья согласно кивнули.

— А Ализон? — впервые за все время подала голос Лойз.— Как идет война с Ализоном?

— Сенешаль сражается, словно лев. Дела у него идут хорошо, лучше, чем мы могли ожидать. Но все же мы не сможем удержать за собой Ализон, равно как и Карстен,— слишком велика неиависть к нам. Но нам, Эсткарпу, это не нужно. Пусть только оставят нас мирно доживать свой вечер. Ибо мы знаем, что для нас наступает вечер, который постепенно перейдет в ночь, а после нее не будет нового утра. Ни одно живое существо не захочет добровольно расстаться с жизнью. Велик инстинкт самосохранения, он заложен в нас от рождения, от природы. Наш вечер может стать вечером огней и пожарищ, мучений и смерти. И если нам предстоит ночь, полная сражений... — Колдунья торжественно подняла руку.— Что ж, будем сражаться до конца!

— Так не должно быть!

Сама натура Саймона противилась столь мрачной картине будущего.

Колдунья посмотрела на него, потом перевела взгляд на Джелит, с нее на капитанов, Ингвальда и улыбнулась.

— Я вижу все в вас противится этому... Что же, хотя мы сейчас и пробудили в нашем мире неведомые ранее силы, все равно настало время великих перемен. Может быть, из посеянных нами семян вырастут новые могучие плоды. Во всяком случае, скажу вам, товарищи по оружию: то, что вы сделали сегодня — великий подвиг, и барды станут прославлять его. На многие тысячелетия будут славны ваши имена! Нелегко достаются нам победы, и мы гордимся ими! А поэтому не станем думать о возможных будущих поражениях!

— И все же колдерам конец! — воскликнул Ингвальд.

— Колдерам конец! — согласился Саймон.— У нас впереди еще немало битв, как сказала Мудрая, но и побед тоже будет немало!

Он протянул руку, и Джелит сделала движение навстречу ему. В этот час Саймон не мог ни о чем думать и не видел ничего — ни поражения Эсткарпа, ни его заката. Сейчас во всей Вселенной для него было только одно — то, что принадлежало лишь ему... Джелит.

ТРОЕ ПРОТИВ КОЛДОВСКОГО МИРА

Пусть мои слова не помогут отважным сулькарцам атаковать вражеские корабли, пусть не закалят они мечи бесстрашных воинов Эсткарпа, защищающих Древнюю Расу от набегов многочисленных врагов. Мои слова не помогут и тем, кто воздвигает неприступные форты, чтобы спасти свою землю от набегов кровожадных соседей. Но каждому хочется оставить свой, пусть и незначительный, след в истории, чтобы начатое дело не пропало даром, чтобы те, кто придет за тобой, продолжили его, подхватили твой меч, разожгли огонь в родном очаге и смогли понять, во имя чего жили, боролись и погибали их предшественники. Именно поэтому я и решился поведать вам всю правду о Троих против Эсткарпа, о том, как задумали они сломить Колдовскую Силу, которая правила Древней Расой больше тысячи лет, затуманивая настоящее и вычеркивая из памяти прошлое. Я расскажу вам о тех великих временах, в которые мне довелось жить.

Итак, нас было трое в самом начале, только трое — Кемок, Каттея и я, Кайлан. Мы не принадлежали к Древней Расе целиком, и в этом заключалось как наше горе, так и наше спасение. Нас отвергли сразу же после рождения, потому что мы были из рода Трегарта. Нашей матерью была госпожа Джелит, Обладательница Колдовского Дара, которая могла вызывать, посылать и применять силы, не подвластные простым смертным. И даже после того, как она стала женой Саймона Трегарта, Хранителя Границы, и родила ему троих детей, она не утратила своего Дара, что не соответствовало никаким прежним представлениям о колдовстве. Хотя Совет и не вернул ей Колдовской Камень, на который она потеряла право в момент замужества, им все же пришлось признать, что она по-прежнему оставалась колдуньей.

А тот, кто был нашим отцом, тоже опроверг все старые представления о Даре. Ведь он был из другого мира и из другого времени и пришел в Эсткарп через Ворота. В том мире он был воином — отдавал приказы другим, но попался в ловушку злой судьбы, и враги загнали его в угол. За ним стали охотиться, и ему пришлось скрываться, уходить от погони. Саймона Трегарта спасли только Ворота, через которые он попал в наш мир, где присягнул на верность Верховной Владычице, став

воином Эсткарпа, и с чистым сердцем сражался против колдеров. Победу над этой нечистью одержали во многом благодаря ему и моей матери. Саймон и госпожа Джелит закрыли Ворота, через которые колдеры проникли в наш мир. После этого род Трегарта стали высоко почитать. Подзиг наших родителей воспели во многих песнях.

С колдерами было покончено, но Эсткарп продолжал бороться за свое существование, так как окружавшие его со всех сторон враги постоянно покушались на истерзанное в сражениях государство. Древний Эсткарп переживал период заката, и утро могло не наступить никогда. Мы были рождены в сумерках.

До нас Древняя Раса не знала рождения тройни. Когда моя мать слегла в постель в последний день уходящего года, она пела заклинания воинов, чтобы подарить Эсткарпу настоящего защитника. Так я и появился на свет, с плачем, словно надо мной сгустились все беды мрачного будущего. Но мучения моей матери на этом не закончились. Все вокруг были обеспокоены ее состоянием, поэтому меня быстро запеленали и отложили в сторону. Родовые муки продолжались долгие часы, и казалось, что ни госпожа Джелит, ни новая жизнь внутри нее не в состоянии больше бороться за свое существование.

В это время к Хранителю Границы пришла какая-то босая странница, проделавшая, как позднее выяснилось, длинный путь по пыльной дороге. Во внутреннем дворе она громко заявила стражам, что за ней прислали, и она должна увидеть госпожу Джелит. Отец был так напуган состоянием жены, что приказал впустить страницу. Из-под плаща она вытащила меч, острие блеснуло на свету и убийственный холод сковал окружающих. Подняв меч перед лицом моей матери, женщина начала что-то напевать, и все присутствующие почувствовали, что связаны невидимыми нитями воедино по воле незнакомки. Госпожа Джелит вдруг поднялась из моря забытья и боли и заговорила словно в бреду:

— Воин, мудрец, колдунья — трое — едины!

В единстве их сила!

И во втором часу наступившего года на свет друг за другом появились мои брат и сестра, словно связанные между собой. Мать наша была слишком слаба после родов, и жизнь ее висела на волоске. Женщина, колдовавшая при рождении брата и сестры, убрала меч и взяла детей на руки, будто имела на них полное право. И никто не посмел возразить ей. Мать лежала на постели в полном изнеможении. Так Ангарт из селения фальконьеров* стала нашей кормилицей и приемной матерью и ввела нас в этот мир. Оказалось, что она воспротивилась суровому закону фальконьеров и среди ночи ушла из родной деревни, в которой жили одни женщины. У этого странного воинственного народа существовали свои обычаи, неприемлемые для Древней Расы, где женщины обладали большой силой

* Фальконьер — охотник, ухаживающий за соколами и обучающий их для охоты *(пер. с англ.)*

и властью. Традиции и обычаи фальконьеров вызывали у колдуний Эсткарпа такое отвращение, что они отказали им в земле в пределах государства, когда те несколько веков назад пришли откуда-то из-за моря. Поэтому владения этого народа находились высоко в горах, между Эсткарпом и Карстеном. Их мужчины жили отдельно от женщин, в боевых отрядах. Смысл жизни фальконьеров заключался в войне и набегах, в женщинах они видели лишь бездуховную плоть, непригодную ни на что, кроме рождения детей. Между мужчиной и женщиной по их понятиям не существовало любви или страсти. С любовью мужчины относились только к своим соколам. А женщины жили в долинах, и несколько раз в году избранные мужчины отправлялись в женские поселения, чтобы зачать новое поколение. Что касалось рождения детей, то здесь существовал жесткий отбор, и новорожденного сына Ангарт убили только за то, что у него была повреждена ножка. Женщина покинула свой дом и отправилась в Южный Форт. Но никто так никогда и не узнал, почему она выбрала именно тот день и тот час и каким образом узнала о том, что нашей матери нужна помощь. Да никто и не осмеливался спросить ее об этом, потому что она смотрела на всех угрюмым, тяжелым взглядом. Нас она окружила теплом и любовью, которую не в состоянии была нам дать родная мать, госпожа Джелит. С того часа, как на свет появились Кемок и Каттея, она погрузилась в некий транс и так проводила день за днем — ела то, что клали ей в рот, не ведая, что творится вокруг.

Мой отец обратился за помощью к колдуньям, но получил в ответ следующее — Джелит всегда шла своей дорогой, и они не собираются вмешиваться в игры судьбы и не будут догонять того, кто по собственной воле ушел от них так далеко. После таких слов отец стал мрачным и молчаливым. В ратных боях он пытался заглушить свое горе. Стали поговаривать, что он упорно ищет дорогу, ведущую к Черным Воротам. До нас ему не было дела, лишь изредка он справлялся о нашем здоровье. Не волновало его и то, что нас воспитывает чужой человек.

Госпожа Джелит поправилась лишь через год, но была еще настолько слаба, что быстро уставала, и ее постоянно клонило в сон. Она казалась омраченной чем-то, словно ее разум был охвачен непонятной печалью. Наконец, беды и тревоги остались позади, и наступили светлые времена. В канун нового года в Южный Форт прибыл сенешаль Корис со своей женой, леди Лойз, чтобы немного отдохнуть после того, как благодаря огромным усилиям удалось добиться перемирия в нескончаемой войне. И впервые за многие годы вдоль границ Эсткарпа не было огня и погонь — ни на севере, где рыскали ализонские волки, ни на юге, где все кипело от бесконечных набегов. Но не успели жители древнего Эсткарпа вздохнуть облегченно, как через четыре месяца нависла новая угроза, исходящая от Пагара.

В то время Карстен представлял из себя огромное поле битвы для многочисленных лордов, рвущихся к власти. [illegible] как герцога Ивьяна убили в войне с колдерами. Леди Л[illegible] тоже имела все права на это разваливающееся на глазах герцогство. Выданная замуж за герцога насильно — это был ритуальный брак на топоре — она никогда не претендовала на то, чтобы стать владычицей Карстена, но после смерти супруга она могла вступить на престол по закону. Однако ничто не связывало ее с этой страной кроме перенесенных там страданий. Горячо любя Кориса, она с легким сердцем отказалась от прав на Карстен. Ее вполне устраивала политика Эскарпа, которая заключалась в том, чтобы сохранить и укрепить древнее королевство, а не идти войной на своих соседей. И Корис с Саймоном, энергично поддерживающие гаснущую мощь Древней Расы, были против ссор на границе и уповали на то, что распри в герцогстве отвлекут внимание их соседей.

Но настали другие времена. Пагар, который начинал мелким арендатором на юге, чтобы прийти к власти, стал набирать в свои войска всякий сброд. Сначала он завладел двумя южными провинциями, затем стал владыкой Карса — разорившиеся местные торговцы готовы были провозгласить своим повелителем кого угодно, лишь бы им обещали восстановить мир. К концу того года, когда мы появились на свет, Пагар был уже достаточно силен, чтобы рискнуть выступить против объединенных сил противника. А еще через четыре месяца его провозгласили герцогом. Он пришел к власти в государстве, раздираемом на части войнами, междоусобицами, распрями. Его окружение состояло из всякого сброда, главным образом из наемников, которых под знамена Пагара привела лишь жажда наживы. Удержать их можно было, только обещая неплохую добычу, иначе они в любой момент сами отправились бы на разбой. И Пагар сделал то, чего ожидали и опасались мой отец и Корис: он устремил свой взор за пределы герцогства в поисках доступной добычи. И смотрел он на север. Эскарп стоило потрясти хорошенько. Ивьян, под воздействием колдеров, изгнал и уничтожил тех людей Древней Расы, что давным-давно основали Карстен, так давно, что никто и не помнит точной даты. Они погибали в мучениях или их изгоняли далеко в горы. За их спинами остался лишь страх и унижение. В Карстене были уверены, что в один прекрасный день Эскарп потребует расплаты за эти жертвы. Теперь Пагару оставалось лишь слегка подыграть таким настроениям, выступить против Древней Расы и тем самым сплотить герцогство. Но Эскарп был грозным противником, и Пагару нужно было еще кое в чем убедиться — дело было не столько в непреклонных и достойных воинах Древней Расы, сколько в колдуньях Эскарпа, которые обладали Силой, не подвластной никаким объяснениям. Выступать против них было опасно. К тому же между Эскарпом и сулькарцами существовал прочный и нерушимый союз, а

сулькарцы были бесстрашными мореходами, вынудившими Ализон пойти на перемирие после тяжких сражений. В любой момент они готовы повернуть свои корабли на юг, и тогда не защищенному со стороны моря Карстену было бы не сдобровать, а это грозило восстанием торговцев Карса. Поэтому Пагар начал готовиться к войне тайно.

В то лето все началось с небольших набегов на Эскарп — то там, то здесь — достаточно осторожных, чтобы сокольничьи и стражи границы, которыми командовал мой отец, не заподозрили приближение войны. Набеги эти без труда отражали, и похожи они были на укусы комара. Потери в несколько человек то там, то здесь, чтобы незаметно истощать силы Эскарпа. Мой отец предупреждал об этом. В ответ Эскарп обратился за помощью к флоту сулькарцев, что заставило Пагара призадуматься. Остоврул выставил против него двадцать кораблей, благополучно перенесших шторм благодаря отличной морской практике, и нанес сокрушительный удар по патрульно-сторожевой службе карстенцев, что вывело из строя войско герцога на целый год. За этим последовал мятеж на юге, в тех местах, где когда-то правил Пагар, под предводительством его единокровного брата — так что Пагару пришлось бросить все силы на подавление повстанцев. Таким образом, три года, а может и больше, были отвоеваны и угрозы хаоса удалось избежать, а закат Эскарпа не завершился вечной ночью, чего так боялась Древняя Раса.

Во время военных действий нас увезли из форта, но не в Эс, так как мать и отец держались подальше от того города, где правил Совет. Леди Лойз перебралась в небольшое поместье в Этсфорде и взяла нас к себе. Ангарт по-прежнему заменяла нам родную мать, и с хозяйкой Этсфорда у них установились отношения, основанные на взаимной заботе и уважении. Ведь когда-то леди Лойз, переодевшись в платье наемника, отважилась вместе с моей матерью пробраться в самое логово врага, в Карс, и противостоять там герцогу Ивьяну и его силам.

Наконец, после затяжного выздоровления госпожа Джелит совсем поправилась и начала помогать моему отцу, приняв на себя обязанности вице-хранителя границы. Вместе они управляли Силой, но не так, как это делали колдуньи. И теперь я знаю, что колдуньи с подозрением и завистью относились к их единому Дару, хотя он был направлен только на благо Древней Расы и Эскарпа. Колдуньи утверждали, что мужчина не может обладать Колдовским Даром, и к тому же втайне недолюбливали мою мать за то, что она связала свою судьбу с Саймоном, человеком из другого мира и времени. В то время Совет не проявлял к нам, их детям, никакого интереса. Скорее всего они просто игнорировали факт нашего существования. Каттею даже не подвергли проверке на обладание Даром, что проделывали со всеми девочками Древней Расы, достигшими шестилетнего возраста.

Я смутно помню нашу мать в те годы. Изредка она появлялась в поместье в окружении стражей границы — с интересом наблюдала за тем, как я ползаю по полу, клала мою детскую ручонку на гладкую рукоять меча. Но такое случалось очень редко, отца же мы почти совсем не видели. Охрана южной границы отнимала у родителей все время. Со всеми вопросами и проблемами мы обращались к Ангарт и были очень привязаны к леди Лойз. К матери и отцу мы относились с уважением и почитанием, но и только. Отец был не тот человек, что умеет ладить с детьми, и мне кажется, что в глубине души он считал нас причиной тех страданий, что выпали на долю его жены при родах, а она была для него самым дорогим человеком на свете. Итак, с родителями нас не связывали тесные родственные узы, но зато втроем мы были словно одним целым, хотя и сильно отличались друг от друга. По воле моей матери в этой жизни у меня было предназначение воина, у Кемока — мудреца, а у Каттеи — колдуньи. Кемок, к примеру, столкнувшись с проблемой, не действовал поспешно и несвоевременно; он все обдумывал и взвешивал и только после этого приходил к какому-либо решению. С ранних лет он начал задавать много вопросов, и если не получал вразумительного и обстоятельного ответа на некоторые из них, сам погружался в глубокие раздумья и докапывался до сути.

Каттея обладала Даром. На ней лежала печать исключительности — не только по отношению к нам, но и ко всему окружающему: животным и людям. Очень часто ее Сила подавляла мои действия или решения Кемока. Не помню точно, когда мы осознали впервые, что обладаем Силой. Втроем мы были одним целым: я — это действие, Кемок — ум, а Каттея — сердце и наши эмоции. Но из какой-то неясной осторожности мы ни с кем не делились нашей тайной, хотя я не сомневаюсь, что Ангарт было хорошо известно о нашей единой Силе.

В шесть лет нам с Кемоком подарили маленькие, специально для нас сделанные, мечи и дротики, и мы приступили к освоению искусства владения оружием — все представители Древней Расы должны уметь постоять за свою землю в трудные времена. Нашим наставником стал сулькарец по имени Откель. Его направил к нам отец, чтобы мы получили настоящее боевое образование. Откель владел в совершенстве почти всеми видами оружия, а во время нападения на Карс он был одним из офицеров Остоврула. Несмотря на то, что никому из нас не пришлась по душе секира, что очень разочаровало нашего наставника, мы с Кемоком в совершенстве освоили другие виды оружия, заслужив одобрение Откеля, весьма требовательного к ученикам.

Нам шел двенадцатый год, когда представилась первая возможность проявить на практике боевое искусство. К тому времени Пагар навел порядок в своем герцогстве и решил еще раз попытать счастья на севере. Флот сулькарцев доблестно сражался с Ализоном, и разведчики, должно быть, сообщили об

этом герцогу. Он направил лучшие отряды на север, в горы, чтобы те одновременно атаковали противника в пяти различных местах.

Фальконьеры приняли на себя один из таких ударов, а две оставшиеся шайки добрались до той долины, где до этого не ступала вражеская нога. Отрезанные с тыла, они дрались как безумные, стремясь во что бы то ни стало уничтожить все на своем пути. Горстка этих дикарей добралась до реки Эс, захватила одно судно, предав команду мечу, и направилась вниз по течению, задумав, вероятно, добраться до моря. Их удалось выследить, и в устье реки пришельцев поджидал военный корабль. Они сошли на берег в пяти милях от Этсфорда, и все мужское население с окрестных ферм устроило на них охоту. Откель запретил нам следовать за ним, и мы не посмели настаивать на своем. Но не прошло и часа после того, как его вооруженный отряд покинул Этсфорд, как Каттея получила послание. Оно так резко вошло в нее, что она схватилась за голову и вскрикнула от неожиданности, стоя между нами на сторожевой башне. Это было послание колдуньи, предназначавшееся не маленькой девочке в нескольких милях от нее, а опытным Колдунам Древней Расы. Но часть этой мысленной мольбы о помощи попала к нам через нашу сестру.

Некогда было задумываться, имеем ли мы на это право: мы поспешили на помощь, оседлав тайком своих коней. Не раздумывая мы взяли с собой Каттею — она была не просто нашим проводником — мы были одним неделимым целым. Трое детей, но не обычных, а наделенных Силой, поскакали прочь от Этсфорда. Мы помчались к тому месту, где укрылись дикие волки из Карстена, взяв в плен заложницу-колдунью.

В сражении все решает счастливый случай или судьба. Говорят, например, что вот, мол, этому командиру везет, потери у него всегда незначительные, и всегда-то он оказывается в нужном месте и в подходящий или самый решающий момент сражения. В чем-то, конечно, это заслуга того, что превосходит обычное оружие, а именно стратегии и опыта, ума и сноровки. Но почему-то другим, обладающим теми же качествами при подобных обстоятельствах никогда не везет. В этот день именно удача сопутствовала нам. Мы обнаружили логово врага и убили охрану — пятерых хорошо обученных и отчаянных бойцов — так что раненная, истекающая кровью, но при этом гордая колдунья была спасена. Мы почему-то почувствовали себя неловко под ее властным взглядом, и наше единство распалось. Только потом я понял, что мы с Кемоком словно и не существовали для нее: она была полностью сосредоточена на Каттее, и от ее изучающего взгляда исходила некая непонятная нам угроза. Мы были беззащитны перед ней.

За неповиновение Откель сек нас с Кемоком несколько дней подряд несмотря на то, что мы так отличились. Но мы были полны радостью из-за того, что колдунья снова исчезла из нашей жизни, проведя в Этсфорде всего одну ночь. Намного

позже, потерпев первое поражение, мы узнали наконец, что стояло за ее визитом — оказывается, Колдуньи приказали подвергнуть Каттею проверке на обладание Даром, но наши родители отказали им в этом, и Совету пришлось на какое-то время смириться. Колдуньи не потерпели поражение, нет, они никогда не полагались на опрометчивые поступки и считали, что время их союзник. И время работало на них. Спустя два года Саймон ушел в море на корабле сулькарцев, чтобы проверить сообщение о том, что ализонцы сооружают какие-то странные укрепления на островах. Подозревали, что колдеры снова дали о себе знать. Больше ни о нем, ни о корабле ничего не слышали. Из-за того, что мы так мало знали о своем отце, его исчезновение не внесло в нашу жизнь каких-либо существенных изменений. Вскоре в Этсфорд вернулась наша мать, на этот раз это был не просто короткий визит. Она прибыла в сопровождении личного эскорта и осталась с нами. Говорила она мало, и взгляд ее часто устремлялся куда-то вдаль. В течение нескольких месяцев они с леди Лойз на несколько часов каждый день запирались в одной из башен. С тех пор леди Лойз изменилась: она побледнела и исхудала так, словно ее покидала жизненная сила. Моя мать тоже таяла на глазах; черты ее лица обострились, взгляд стал отсутствующим. Потом она вдруг потребовала, чтобы мы втроем пришли к ней в комнату. Там царил полумрак, хотя все три окна были раскрыты и день был солнечным. Она указала на портьеры, и они опустились, подчинились ее воле. Открытым осталось лишь одно окно, выходившее на север. Джелит начертила какие-то линии на полу, и они вдруг задрожали и словно ожили, превратившись в замысловатый узор. Потом, не проронив ни слова, она приказала нам встать на него, а сама бросила сухие травы на небольшую жаровню. Повалил дым и заслонил нас друг от друга. И в тот же миг мы снова стали едины, как тогда, до встречи с колдуньей.

А потом — трудно передать словами то, что мы ощутили — нас метнули словно стрелу. И в тот же миг я утратил чувство времени, пространства и своего «Я» — существовала только цель и воля, они поглотили меня целиком. И мы снова стояли перед нашей матерью. Теперь она была уже не той чужой и далекой женщиной, как раньше. Она была живой, близкой. Она протянула к нам руки, слезы бежали по ее впалым щекам.

— Мы дали вам жизнь,— молвила она наконец,— а вы вернули мне Дар, дети мои!

Она взяла со стола маленький пузырек и вылила его содержимое на те угасающие угольки, что остались на жаровне. Вспышка — и все изменилось. Но невозможно объяснить, что именно. Я моргнул и снова стал самим собой, а не частью кого-то. Моя мать уже не улыбалась, она была полна решимости. И решимость эта передалась нам.

— Да будет так! Я иду своей дорогой, вы выбираете свою. Я сделаю то, что будет в моих силах — верьте мне, дети мои! И в том, что судьба разъединяет нас, никто не виноват. Я

отправляюсь на поиски вашего отца — если он все еще жив. Вам уготована другая участь. Воспользуйтесь тем, что в вас заложено. Пусть меч никогда не подведет вас, а щит всегда охранит! Быть может когда-нибудь в конце пути, наши дороги сольются. И вопреки всему и всем судьба улыбнется нам!

Итак, в то летнее утро наша мать умчалась прочь из наших жизней; желтая пыль вздымалась из-под копыт ее коня, и небо над ее головой было безоблачным. Со сторожевой башни мы провожали ее взглядом, пока она не скрылась вдали. Она оглянулась два раза, и на прощанье подняла руку — мы отсалютовали в ответ, клинки наших мечей грозно блеснули на солнце. Но Каттея, стоявшая между нами, неожиданно вздрогнула, словно от прикосновения прохладного ветра, неизвестно откуда налетевшего в такой жаркий день. Рука Кемока нашла и накрыла ее руку, вцепившуюся в парапет.

— Я видела его,— сказала она,— когда она обратилась к нам мысленно — я видела его — совсем одного... Среди скал, высоких скал и бурлящей воды...— На этот раз ее била крупная дрожь.

— Где? — властно спросил Кемок.

Наша сестра покачала головой.

— Не могу сказать где, но очень далеко — дальше, чем море и суша вместе взятые.

— Этого недостаточно для того, чтобы заставить нашу мать прекратить поиски,— заметил я, сжимая меч. Я ощутил чувство утраты, но как измерить потерю того, чем никогда не обладал? Мои отец и мать в отличие от многих семей построили собственный мир. Для них он был всем, и никто не смел вторгаться в этот мир. Ничто — ни Сила, ни добро, ни зло — не могли удержать госпожу Джелит от поисков мужа, разве что ее собственная смерть. И предложи мы ей свою помощь в поисках, она бы отвергла ее.

— Мы вместе.— Кемок подхватил мою мысль словно я произнес ее вслух.

— Надолго ли? — Каттея снова вздрогнула и мы обернулись и посмотрели на нее. Я опять сжал рукоять своего меча. Кемок положил свою руку сестре на плечо.

— Что ты имеешь в виду? — спросил он, но мне показалось, что ответ мне известен.

— Обладающие Даром Провиденья скачут с воинами. Тебе не надо оставаться здесь, когда Откель позволит нам присоединиться к стражам границы!

— Обладающие Даром Провиденья! — воскликнула она. Кемок еще крепче вцепился в ее плечо.

— Колдуньи не возьмут тебя к себе на обучение! Наши родители запретили!

— Наших родителей нет с нами, чтобы отказать им! — резко ответил мне Кемок.

Нас вдруг охватил страх. Ведь колдунью учат совсем другому,

не тому, как владеть мечом, стрелами или топором. Она уходит от тех, кто близок ей по крови, удаляется в мир волшебства на многие годы. А когда возвращается, то никакие узы родства для нее уже не существуют, она подвластна только зову тех, в чьих руках сокрыто обладание Даром. Возьми они Каттею к себе и облачи ее в серые безликие одежды, мы потеряем сестру навсегда! И Кемок прав: Саймона и Джелит нет с нами, и кто кроме них сможет воздвигнуть сильный барьер между нашей сестрой и волей Совета?

Итак, с того самого часа над нашей жизнью нависла угроза. И страх еще больше укрепил наше единство, словно сжал нас в тугое кольцо. Мы читали мысли друг друга, хотя я владел этим умением в меньшей степени, чем Кемок и Каттея. Но жизнь шла своим чередом, и мы понемногу успокоились, так как страх питают сигналы беды, а их не было. Тогда мы еще не знали, что мать боролась за нас что есть сил до тех пор, пока не покинула Эсткарп. Она пошла к Корису и заставила его поклясться на Топоре Вольта — наделенном сверхъестественной силой оружии, которое подчинялось только ему и досталось из мертвой руки того, кто был меньше, чем Бог, но больше, чем человек — поклясться в том, что он защитит нас от ухищрений Совета. Он дал клятву, и мы жили в Этсфорде как и прежде.

Шли годы, набеги со стороны Карстена становились все более настойчивыми. Пагар возобновил прежнюю политику постепенного ослабления Эсткарпа. В ту весну, когда мы насчитывали за своими спинами по семнадцать зим, он потерпел крупное поражение, понеся тяжелые потери. В том сражении мы с Кемоком тоже принимали участие, нас даже хвалили за храбрость. И хотя война оказалась делом темным и грязным, Эсткарпу угрожала опасность, а когда выбора нет, то берутся за меч.

В полдень, когда наш отряд шел легким галопом, напав на след неприятеля, мы неожиданно получили послание. Каттея словно наяву стояла передо мной и плакала в отчаянье. И хотя я видел ее не глазами, но чувствовал, как ее голос болью отдается не только в моих ушах, но и во всем теле. И я услышал, как вскрикнул Кемок, пришпоривая коня. Командиром у нас был Дермонт, беженец из Карстена, примкнувший к стражам границы, когда мой отец организовывал первые отряды. Он преградил нам дорогу. Его смуглое лицо ничего не выражало, но он так решительно встал на нашем пути, что мы остановились.

— Куда? — спросил он.

— Нам нужно уехать,— ответил я, зная, что меня уже ничто не остановит.— Мы получили послание — наша сестра в опасности!

Он изучающе посмотрел мне в глаза и понял, что я говорю правду. Затем он отошел влево, освободив проход.

— Скачите! — Это был одновременно приказ и разрешение.

Знал ли он, чем рискует? Если бы знал, наверняка не отпустил нас. А, быть может, он дал нам возможность попытать счастья, ведь мы были молоды и выносливы, и хотя бы поэтому у нас были шансы добиться успеха. Мы помчались во весь опор. Дважды меняли мы лошадей в лагерях, говоря, что должны передать срочное сообщение. Галоп, шаг, опять галоп... Дремали в седле по очереди, когда лошади шли шагом. Казалось, прошло много времени — целая вечность. Наконец среди бескрайней равнины впереди показался Этсфорд. Больше всего мы боялись встретить налетчиков, но их не было. Огонь и меч не дошли до этого места. Но от этого бремя нашей тревоги не стало легче.

В ушах звенело от усталости, но уже различимы стали звуки рога со сторожевой башни, и мы пришпорили своих уставших лошадей, чтобы поспеть на помощь сестре. Мы были покрыты белой пылью с ног до головы, но гербы нашего Рода на груди были различимы, поэтому мы беспрепятственно преодолели Колдовской барьер, и в крепости уже знали, что приближаются свои.

Моя лошадь споткнулась, как только мы въехали во двор, и я едва успел вытащить онемевшие ноги из стремян и соскочить на землю, как она упала на колени. Кемок к тому времени уже спрыгнул со своего коня и помчался в дом. Она стояла, удерживаясь на ногах лишь благодаря последнему усилию воли. Но не Каттея, а Ангарт. И, заглянув в ее глаза, Кемок остановился, как вкопанный. Я встал рядом с ним и опустил руку на его плечо. Первым заговорил мой брат:

— Ее нет — они забрали ее!

Ангарт кивнула — очень медленно, словно малейшее движение причиняло ей нестерпимую боль. Ее длинные косы расплелись, в темных волосах блестела седина. А ее лицо! — она стала старухой, из которой вырвали какое-либо желание жить. Проклятие Силы — вот что это было! Ангарт встала между своей воспитанницей и Колдовской волей, она противопоставила всю свою человеческую силу той страшной Силе, что во много раз превышала мощь любого оружия.

— Они — забрали — ее... — В словах ее не было плоти, это были лишь серые призраки человеческой речи, звучавшие будто из уст самой смерти.— Они отделили ее от вас стеной. Гнаться за ней — это — смерть.

Мы не хотели верить, но это была правда. Колдуньи забрали нашу сестру, и, последуй мы за ней, их преграда убьет наше тело и дух. И смерть наша не спасет Каттею. Кемок так крепко вцепился в мою руку, что ногти его впились в мою кожу. Так захотелось ответить ему болью на боль, причинить ему физические страдания... В тот миг нас скорее всего спасло полное изнеможение после долгой и утомительной дороги. И когда Кемок схватился руками за голову и зарыдал, а потом бросился ко мне, мы оба упали на землю без сил. Ангарт умерла через час. Мне кажется, она последними усилиями воли цеплялась за жизнь только потому, что ждала нас. Но перед

тем, как навсегда покинуть этот мир, она снова заговорила, и, успев немного прийти в себя после огромного потрясения, мы внимательно вслушивались в ее слова.

— Вы — воины,— она перевела взгляд с Кемока на меня, потом снова посмотрела на убитое горем лицо брата.— Колдуньи считают, что воины сильны лишь действиями, а потому смотрят на них свысока. И сейчас они думают, что вы будете приступом брать их ворота, чтобы высвободить свою дорогую сестру. Но — сейчас сделайте вид, что вы смирились, и со временем они поверят в это.

— А сами в это время сделают с Каттеей все, что им нужно, и она станет одной из них — Обладательницей Дара, колдуньей. Они лишат ее даже имени! — с горечью воскликнул Кемок.

— Вы недооцениваете свою сестру.— Нахмурилась Ангарт.— Она не какая-нибудь послушная девочка, с которой можно сделать все, что угодно. По-моему, этим Колдуньям она доставит много неприятностей. Сейчас они не ожидают этого.

Мы с детства считали Ангарт женщиной мудрой, к ее словам следовало прислушаться. Но в нас бушевала такая ненависть к проклятой Силе, что мы не могли смириться. В те часы разорваны были последние нити, которые связывали нас с Советом. В тот вечер мы получили еще одно печальное известие — сенешаль Корис, который все эти годы был для Эсткарпа символом непобедимости и нерушимости границ, истекал кровью на юге. Леди Лойз поспешила к своему раненному мужу, тем самым лишив Каттею последней защиты. И теперь все то, что поддерживало наш маленький собственный мир, исчезло без следа.

— Что нам делать? — задавал Кемок один и тот же вопрос на протяжении всей ночи, когда мы предали прах Ангарт земле и остались одни в комнате.

— Вернемся назад...

— В отряд? Чтобы защищать тех, кто все это сделал?

— Пусть все так думают, ведь в их глазах мы еще зеленые юнцы. Ангарт сказала, что от нас ждут решительных действий, а значит ловушка для нас готова. Но...

Глаза его вдруг блеснули.

— После таких слов, брат, никогда не говори, что ты не способен на глубокие мысли. Ты прав, абсолютно прав! Для них мы дети, а дети слушаются старших. Подыграем им. И еще...— он задумался, потом продолжил,— нам нужно еще кое-чему поучиться у Колдуний...

— Но ведь мы мужчины, а Даром обладают только женщины.

— Ты прав. Но Сила может быть разной. Разве наш отец не доказал это? Как бы Колдуньи не хотели того, но отрицать его Дар они не могли. Им не принадлежат все знания. Ты слышал что-нибудь о Лормте?

Сначала это имя показалось мне незнакомым. Но потом я вспомнил, как однажды случайно услышал разговор между

Дермонтом и одним человеком. Лормт — Летописец.

— Но что мы можем узнать из старых бумаг?

Кемок улыбнулся.

— Кое-что может нам пригодиться, Кайлан,— твердо ответил он.— Восток, брат мой, восток!

Я недоуменно уставился на него. Восток — зачем нам восток? Восток — Восток — я пожал плечами. Восток... На севере Ализон, готовый вцепиться нам в горло, на юге Карстен со своими нескончаемыми набегами, на западе корабли сулькарцев бороздят бушующее море, а за горизонтом какие-то острова и неизведанные земли, именно там Саймон и Джелит обнаружили гнездо колдеров. Но на востоке пустота — там ничего нет...

— А теперь скажи, почему! — потребовал Кемок. Ведь у Эсткарпа есть граница и на востоке, но слышал ли ты когда-нибудь хоть малейшее упоминание о ней? Теперь подумай, что может быть там?

Я закрыл глаза и представил карту Эсткарпа, которую часто изучал во время военных действий. Горы?..

— Горы? — нерешительно повторил я.

— А за ними?

— Одни горы, на всех картах — и ничего больше! — Я говорил уже уверенно.

— А почему?

Почему? Действительно, почему? На картах подробно изображали земли за границами Эсткарпа и на севере, и на юге, и на западе. У нас были и морские карты, нарисованные сулькарцами. Но ничего, абсолютно ничего на востоке. И это «ничего» в действительности должно было означать что-то очень важное.

— О востоке даже не задумываются,— продолжил Кемок.

— Как?

— Спроси кого угодно о востоке. О нем не говорят.

— Может быть, но почему?

— Сознание людей заблокировано. Готов поклясться.

— Но зачем?

— Вот это мы и должны узнать. Разве ты не понимаешь, Кайлан, нам нельзя оставаться в Эсткарпе, если удастся освободить Каттею. Колдуньи никогда добровольно не выпустят ее из своих рук. А куда мы можем уйти? Где спрятаться от них? Ализон или Карстен будут только рады принять нас... но в качестве пленников. Род Трегарта слишком хорошо известен. И сулькарцы не помогут нам, когда Колдуньи станут нашими врагами. Но представь, что мы скроемся в той стране или месте, существование которых отказываются признавать...

— Конечно! Но не так же все просто на самом деле! Для того, чтобы заблокировать сознание людей, причина должна быть очень серьезной.

— Этого я не отрицаю. И мы откроем эту тайну, чтобы воспользоваться ею в своих целях.

— Их сознание, но почему же мы?..— начал было я, а затем сам ответил на собственный вопрос новым вопросом: — Из-за того, что мы нечистокровные?

— Скорее всего. Давай попытаемся выведать все у Лормта.

Я встал. Нужно было действовать и немедленно.

— Ты думаешь, нам удастся? Неужели Совет позволит вторгаться в то, чего нам знать не положено? Я решил, что ты согласился разыгрывать из себя послушных их воле, вернуться в отряд и вести себя так, будто мы признали свое поражение.

Кемок вздохнул.

— Ты не находишь, что быть молодым трудно, брат? — спросил он.— За нами безусловно будут наблюдать. Нам неизвестно, насколько они осведомлены о нашем мысленном контакте с Каттеей. Конечно, они догадаются о нем, ведь мы появились в Этсфорде по первому ее зову. Но... после этого случая контакта с ней почему-то не было.— Он не смотрел на меня, потому что знал: я не скажу ему об обратном. Мы никогда не говорили об этом, но знали, что между Каттеей и Кемоком существовала более тесная связь, казалось, что несколько часов между нашим появлением на свет отдалили меня от них.

— Кемок! Та комната в башне, где наша мать...

Но Кемок покачал головой.

— Наша мать много лет изучала Колдовство. У нас же нет опыта, нет знаний и силы, чтобы идти этой дорогой, по крайней мере сейчас. Будем опираться на то, чем владеем в совершенстве. Что касается Лормта... знаешь, я уверен, что при желании можно открыть любые ворота. Или хотя бы подобрать к ним ключи. Мы...

Что заставило меня поправить его? Вспышка предвиденья?

— Ты сделаешь это, Кемок. Я уверен, Лормт твой.

В Этсфорде нас больше ничто не удерживало. Откель возглавил небольшой отряд, который доставил леди Лойз в Южный Форт. И никто из горстки оставшихся не возражал, когда мы заявили, что возвращаемся в свой отряд. На следующий день мы покинули Этсфорд, совершенствуя по дороге свои способности — старались общаться, посылая друг другу мысленные сигналы с настойчивостью, которую никогда не проявляли в подобных упражнениях раньше.

Месяц за месяцем мы тренировали себя, скрывая от товарищей свои занятия. От Каттеи по-прежнему не поступало никаких сообщений, хотя мы уже знали, что она находится в абсолютно уединенном месте для новообращенных. Некоторые стороны нашего таланта проявились сами по себе. Так, Кемок обнаружил, что после наших занятий он может легко запоминать очень многое из однажды услышанного или увиденного и вбирать в себя информацию из сознания окружающих. Допросы всех пленников теперь стали доверять только ему. Возможно, Дермонт догадывался о способностях Кемока, но ни о чем не спрашивал. Со своей стороны, не обладая таким талантом, но всем сердцем желая внести свой вклад в побег за горы, я начал медленно осознавать, что от родителей тоже унаследовал некоторые способности. Оказалось, что я могу воздействовать

на животных. Я знал лошадей так хорошо, как никто среди воинов. Я мог укротить их злой норов или направить их в нужном направлении одним лишь усилием воли.

Казалось, до Лормта добраться невозможно. Схватки на границе становились все более частыми, и мы с головой ушли в тактику ведения партизанской войны. Над Эскарпом сгущались тучи, и мы знали, что наш побег из опустошенной земли — вопрос времени. Корис остался жив, но из-за увечий Топор Вольта ему стал не под силу. Рассказывали, как он отправился на юг, к морским скалам, и вернулся оттуда без своего сверхсильного оружия. С того самого момента удача отвернулась от него, и его люди терпели одно поражение за другим.

Месяцами Пагар водил нас за нос, словно и не собирался наносить решающий удар, а просто получал удовольствие от своих маневров. Говорили, что корабли сулькарцев отправились в неизвестном направлении с представителями Древней Расы на борту. Я был уверен, что причиной задержки финального удара являлся давний страх перед Силой и незнание в полной мере того, что она окажется способна, когда Колдуньи объединят всю свою мощь в борьбе с противником. Эскарп может сгореть дотла, а может поработить весь мир.

Шел второй год, как забрали Каттею. Наконец-то Кемоку удалось открыть путь к Лормту, но не совсем так, как мы это себе представляли. Он попал в засаду и ему покалечили правую руку. Было неясно, сможет ли он свободно владеть ею в дальнейшем. Перед тем, как его отправили на лечение, мы успели поговорить:

— Рана скоро заживет, надо только очень захотеть. Ты тоже приложи свои усилия, брат,— проговорил он, хотя в глазах его застыла печаль.— Очень скоро я буду здоров, и тогда...

Слов больше не требовалось.

— Время в любой момент обернется против нас,— предупредил я его.— Карстен может напасть совершенно неожиданно. Сколько часов у нас в распоряжении?

— Не знаю. А надо делать то, в чем уверен! Будем надеяться на успех!

Мы расстались, но наши сердца были по-прежнему вместе. Расстояние лишь чуть-чуть ослабило нашу связь, заставив нас прикладывать новые усилия. Я знал, когда он отправился к Лормту. Затем он сообщил мне, что мы должны на время прервать контакт, так как он обнаружил, что с Лормтом связаны какие-то ухищрения Силы, а это опасно. Потом — на несколько месяцев — тишина.

На границе было по-прежнему неспокойно, и несмотря на то, что я был совсем молод, мне доверили небольшой отряд. Нас объединяла постоянная опасность, мы были друзьями. Но я знал, что другое единение сильнее, и если я потеряю Кемока или Каттею, я потеряю все. Я не позволял себе расслабляться и продолжал работать над собой. Я ждал... и казалось, что ждать придется намного дольше, чем я способен выдержать.

Мы исхудали и озлобились, став похожими на своры-ализонских собак, которых специально натаскивали для охоты на людей, и носились по долинам и горам, каждую ночь удивляясь тому, что все еще сидим в седле, а утром, после короткого сна, снова приветствуем рассвет живыми и невредимыми. Объединись Ализон и Карстен в борьбе против нас, Эсткарпу придет конец, его растопчут и проглотят. Но, похоже, Пагар не желает праздновать победу вместе с Фасилианом из Ализона — у него, видимо, были свои причины действовать в одиночку. Возможно, мы даже не догадывались о том, на что способна Сила. Но мы знали наверняка, что Колдуньи во главе с Верховной Владычицей способны управлять по-своему некоторыми людьми. На тот случай, если Сила потеряет свою мощь и влияние на события, в критический момент потребуются люди, которых Колдуньи смогут использовать в своих целях.

В конце второго лета, после того, как Кемок покинул нас, они задумали предпринять решающий шаг. На все посты были разосланы сообщения, а за тем поползли слухи. Мы должны были отступить, спуститься с гор и сгруппироваться в долинах Эсткарпа, забрав с собой с тех земель, что так долго защищали, всех представителей Древней Расы, носящих на своей груди Гербы Эсткарпа. Для чужих глаз все это было просто безумием, но слухи сделали свое дело — мы якобы устраиваем ловушку, да такую, что наш мир никогда не видывал; будто Колдуньи, встревоженные постоянным истощением наших сил в этой войне, задумали сконцентрировать всю свою мощь и либо преподнести Пагару урок, который ему не забыть вовеки, либо похоронить всех нас на поле битвы. Нам было приказано отступить так незаметно и быстро, чтобы противник не сразу обнаружил, что в горах никого нет, и все дороги открыты. И мы исчезли, отряд за отрядом, группа за группой, под надежным прикрытием. Потребовалось чуть больше недели для того, чтобы вся Древняя Раса собралась в долинах.

Сначала люди Пагара насторожились. Слишком уж часто они попадались в наши ловушки и засады. Но вскоре они начали просачиваться через горы. Флот сулькарцев выстроился в той бухте, где в море впадала река Эс, некоторые из кораблей встали на якорь даже около пустынного Горма, где никто не жил после того, как оттуда изгнали колдеров, другие — в самом устье реки. Был пущен слух, будто в случае провала всей операции остатки Древней Расы поднимутся на борт этих кораблей для того, чтобы скрыться за морем. Не было сомнений в том, что все эти сплетни предназначались для ушей шпионов Ализона и Карстена, которые, вероятно, были среди нас. Иначе все это было действительно похоже на безумие, а в Совете не было глупцов. Возможно, поверив в наши замыслы, армия противника поспешила в горы, и вскоре все там кишело воинами Карстена.

По воле случая мой отряд оказался в нескольких милях от Этсфорда, где мы разбили лагерь и выставили пикетчиков. Лошади были неспокойны, и, проходя мимо них и стараясь по-

нять причину их беспокойства, я тоже ощутил, что над нами сгущается какая-то сила, что все в природе начинает смещаться, терять равновесие. Словно все вокруг, земля и то, что на ней находится — люди и звери — оказалось под воздействием какой-то внутренней энергии... И вдруг меня осенило. Вся жизнь в Эсткарпе словно собиралась вокруг некой сердцевины... и готовилась...

Я старался успокоить лошадей силой своей воли, и теперь я был убежден, что нас вбирают в себя... Гнетущую тишину не нарушало ни пение птиц, ни дуновение ветерка; жара становилась невыносимой. Некая мертвая тишина ожидания. Все чувства обострились, и меня вдруг пронзила мысль. Кайлан — Этсфорд — немедленно! И эта мысль была такой же сильной, как зов о помощи Каттеи несколько лет тому назад. Я вскочил на неоседланную лошадь, которую держал за гриву, отвязал ее и помчался во весь опор в замок, который служил нам домом. Позади что-то кричали мне вслед, но я не оглянулся. Я направил послание:

Кемок — Что случилось?

Скорее! — прозвучал приказ.

Чувство потери жизненной энергии во всем, что я видел вокруг, охватило меня. Настораживало то, что природа не издавала ни малейшего звука, мир замер.

Впереди показалась сторожевая башня замка, но флага над ней не было. Я не увидел ни часовых, ни каких-либо признаков жизни у стен. Наконец, я добрался до ворот, открытых как раз настолько, что мог въехать одиночный всадник.

Кемок ждал меня там, где мы когда-то увидели умирающую Ангарт. Но он не был раздавлен Силой, он был жив. Причем его жизненная сила кипела и передавалась мне, словно оказавшись вдруг один на один с врагом, я услышал воинственный клич товарища по оружию. Нам не требовались слова. Мы — как передать это чувство? — словно слились в один сильный поток.

— Вовремя...— Он пошел к дому.

Я спрыгнул с лошади, и она сама направилась в конюшню, словно за конюхом. Я снова оказался под сводами замка Этсфорда. Теперь это было пустынное место, исчезли те мелочи, что сопровождают ежедневный быт. Я знал, что леди Лойз живет в Южном Форте вместе с Корисом. Я еще раз огляделся вокруг, словно искал что-нибудь родное среди вещей. У большого стола стояла скамья, на нее Кемок выложил галеты и фрукты. Но я не чувствовал голода.

— Потребовалось много времени,— громко сказал мой брат.— Подобрать ключ к такому замку не так-то легко.

Я не стал спрашивать его, достиг ли он успеха: глаза его блестели от радости.

— Сегодня ночью Колдуньи выступают против Карстена,— Кемок ерзал на скамье, словно не мог сидеть спокойно.— А через три дня,— он посмотрел на меня,— Каттея должна принять Колдовскую Клятву!

У меня перехватило дыхание. Либо мы вырвем сестру из их пут, либо навсегда потеряем ее, и она станет одной из них.

— У тебя есть план.— Я не спрашивал.

Он пожал плечами.

— И, по-моему, преотличный. Мы вызволим ее из Места Власти и отправимся на восток!

Так все просто на словах, но на деле... все обернется по-другому. Забрать ее из Места Власти равносильно тому, чтобы пробраться незамеченными в Карс и выкрасть Пагара.

Кемок улыбнулся, прочитав мои мысли. Он показал мне свою руку — грубый шрам рассекал ее, и когда он попытался согнуть пальцы, то два из них остались неподвижны.

— Вот мой ключ к Лормту. К тому же мне пригодилось то, что находится здесь.— Он постучал негнущимися пальцами по лбу, на который ниспадали непослушные черные кудри — все мы унаследовали их от своих родителей.— Мне удалось узнать у Лормта то, что держалось втайне ото всех. Они даже не представляют, какое направление мы выберем для побега. Ведь Место Власти...

Я горько усмехнулся.

— Да? А что ты скажешь о стражах, расставленных вокруг него? Попади мы самовольно в их владения, нас ничто не спасет. И говорят, это не обычные люди, против которых можно идти с оружием в руках.

— В чем-то ты действительно прав, брат. Стражи может быть и не люди, и это так. Но и мы не безоружны. А завтра они могут потерять былую силу. Знаешь ли ты, что произойдет под покровом темной ночи?

— Совет выступит против...

— Да, но каким образом? Говорю тебе, они используют всю Силу, которая накапливалась несколько поколений. Они обратятся к востоку!

— К востоку? И что тогда?

— Они заставят горы и землю прийти им на помощь. Это будет финальный удар в битве против угрозы смерти.

— Но... смогут ли они сделать это? — Власть может создавать иллюзии, может усилить свое влияние... Но то, о чем так самоуверенно заявил Кемок... что-то не верится.

— Однажды им это удалось, и они попытаются еще раз. Но для того, чтобы осуществить задуманное, они должны собрать такой запас энергии, что на некоторое время наступит истощение. Не могу сказать, умрет ли кто-нибудь из них. Возможно, многие выживут после подобного опустошения, но им потребуется время, чтобы восстановить былую мощь. Значит все их стражи будут бессильны, и нам удастся их победить.

— Да, Древняя Раса зародилась не в Эскарпе — они пришли оттуда, из-за гор, так много лет назад, что никто не помнит об этом. Они бежали от какой-то опасности, и за их спинами Сила воздвигла горы, изменила ландшафт, отрезала их от преж-

него мира. Сознание заблокировали, внушая людям на протяжении нескольких поколений, что их родина здесь. Скажи, ты хоть раз слышал, чтобы кто-нибудь говорил о востоке?

С тех пор, как Кемок высказал свое предположение относительно востока, я стал прислушиваться к разговорам в отряде, но ни разу не услышал ни слова, ни намека, а стоило мне попытаться навести воинов на подобную тему, я ощущал, что натыкаюсь на пустоту, словно этой стороны света не существовало вовсе.

— Если они бежали от такой опасности, что им пришлось прибегнуть к...— начал было я.

— Между тем временем и днем настоящим пролегла пропасть в тысячу лет, а может и больше. Древняя Раса сегодня уже не та, какой была раньше. Всякий огонь когда-либо гаснет. Я уверен, что за нами будут охотиться не так, как за шпионами Карстена или налетчиками из Ализона, даже не так, как за колдерами, если кто-то из них все еще живет в этом времени и в этом мире. Мы для них опаснее. Но никто не последует за нами на восток.

— Мы нечистокровные, не принадлежим к Древней Расе целиком — сможем ли мы преодолеть их заграждения?

— Этого мы не узнаем до тех пор, пока не попробуем. Но ведь мы можем думать и говорить о востоке в отличие от остальных. От Лормта мне удалось узнать, что даже сам он, Летописец, не верит в эти легенды. Он не догадался, что я прочитал все манускрипты.

Кемоку удалось убедить меня. Другого плана действий у нас не было. Нам пора было отправляться в путь, ведь Место Власти и Этсфорд разделяют многие мили. Я сказал об этом Кемоку.

— У меня есть пять скакунов Торских кровей,— ответил он.— Двое из них здесь и готовы для дальней дороги, еще трое спрятаны в надежном месте. На них мы отправимся на восток.

Он заметил в моих мыслях восторг и уважение и улыбнулся.

— Да, нелегко было их достать. Их покупали по одному в течение года под вымышленными именами.

— Но откуда тебе было известно, что произойдет?

— Я просто верил, что нас ждет успех, и мы должны быть готовы ко всему. Ты прав, брат, пора в путь-дорогу, чтобы гнев Колдуний не успел выбить нас из седла.

Торских скакунов вывели в высокогорных районах, поросших вереском, скрывающих своими вершинами Торовы Топи. Их отличают выносливость и скорость — те качества, которые не всегда встретишь у лошадей. И они так высоко ценятся, что приобрести сразу пять скакунов было делом практически невыполнимым, тем более для одного человека. К тому же, все они были наперечет, и сенешаль самолично следил за ними. С виду они были неприметными, серовато-коричневыми, с темными гривами и матовой шерстью, которая не блестела, как бы ее не чистили. Но в смелости, выносливости и скорости им не было равных. Седла на обоих скакунах были легкими —

такие обычно использовали при объездах морского побережья. Под воздействием этой жуткой ночи они возбужденно пританцовывали, чего обычно не делали. Мы вывели их во двор, вскочили верхом и покинули стены замка. Солнце уже почти опустилось за горизонт, но на небе сгустились пурпурно-черные тучи причудливой формы... Надвигалась опасность... Земля же словно притаилась в угрожающей тишине.

Мой брат продумал все, определив в том числе кратчайший маршрут. Но в эту ночь даже Торские скакуны не неслись как обычно. Казалось, что мы пробираемся сквозь вязкий песок, и вместо того, чтобы идти галопом, мы плелись почти шагом. Тучи заволокли все небо, не стало видно ни звезд, ни луны. Какая-то неведомая сила подчинила себе природу. Однажды мне приходилось проезжать мимо Торовых Топей и наблюдать некое жуткое свечение в полумраке. На этот раз такие же тусклые огоньки стали появляться то там, то здесь вокруг нас — на ветках деревьев, на кронах кустарников, на плюще, обвивающем стену. Нас постепенно охватывало какое-то мрачное предчувствие. Лошади тоже ощущали приближение чего-то неведомого и жуткого — они стали пофыркивать и вставать на дыбы. Я обратился к Кемоку: — Надо их успокоить!

Последние полмили я изо всех сил пытался их усмирить мысленно, но тщетно. Мы остановились, спрыгнули на землю, и я встал между двумя скакунами, положив руки на их могучие шеи и стараясь успокоить их. Кемок тоже присоединился ко мне и совместными усилиями нам удалось добиться результата. Хотя они продолжали храпеть и дрожать всем телом, но встали неподвижно.

Сконцентрировавшись на лошадях, я и не заметил, что все вокруг стремительно менялось. Меня вдруг ослепила яркая вспышка на небе. Потом раздался зловещий грохочущий звук, не похожий на гром. Он исходил не сверху, а откуда-то из-под земли, которая внезапно пришла в движение. Лошади заржали, но по-прежнему стояли на месте. Они прижались ко мне, словно в нашем единстве пытались найти якорь спасения в обезумевшем мире. Жуткие вспышки мелькали со всех сторон, озаряя небо. И снова раскаты грома из-под ног. Потом полная тишина, и неожиданно на нас обрушился такой шквал ярости, который невозможно вообразить. Земля стала уходить из-под ног, словно под ее поверхностью по направлению к горам прокатилась огромная волна. Ветер, с утра притаившийся где-то, вдруг обезумел, вырывая с корнем деревья и кустарники, вбирая в себя воздух из наших ноздрей. Бороться с этим было бесполезно — это безумство природы лишало нас даже возможности двигаться. Нам оставалось только выстоять и не терять надежду, очень слабую, что нам удастся спастись и пережить схватку земли, огня, воздуха, а потом и воды — начался дождь, если, конечно, можно назвать дождем такие хлесткие удары воды. Если сила этой бури лишала нас возможности мыслить, то что тогда твори-

лось там, наверху? Этой ночью горы пришли в движение, теряясь в огромных волнах земли, пожирающих их склоны, превращающих равнины в холмы, сдвигающие все на своем пути... Барьер, устроенный природой между Эскарпом и Каретеном, который мы фортифицировали на протяжении многих лет, рассыпался у нас на глазах, исчезал под воздействием неведомой разрушительной силы, которой ничто не могло противостоять.

Рука об руку, единые духом, мы с Кемоком стали одним целым, пережив весь этот кошмар, мы соединились. Конец света — вот что это было такое. Из нас вырывали слух и зрение, из последних сил мы бились за то, чтобы не потерять осязание, ведь потеряв способность чувствовать, мы утратим все остальное, перестанем быть самими собой.

Наступил конец привычного мира — мы уже не смели надеяться на спасение. И тут сумрак ночи стал сменяться тусклым рассветом, верхушки деревьев посеребрились, буря понемногу утихла. Мы все еще стояли на дороге, прижавшись друг к другу — Кемок, я и лошади — и не могли поверить тому, что остались живы. Земля больше не уходила из-под ног, разум стал постепенно возвращаться к нам, словно выползая откуда-то из укрытия, где пытался схорониться во время кошмара ночи. К нашему удивлению следов шторма мы почти не обнаружили — лишь несколько сломанных веток, чуть влажная дорога. Мы посмотрели на юг. Там по-прежнему нависали тучи, рассвет не сменил ночь, и мне показалось, что на горизонте еще появлялись вспышки. Было ясно, что Совет пустил в ход невиданную до сих пор в Эскарпе силу. И я почти не сомневался в том, что Пагара наконец остановили. Находиться в горах в такую ночь! Я пригладил мокрую взъерошенную гриву своего коня. Он фыркнул, переступил с ноги на ногу, пробуждаясь после какого-то ужасного сна. Вскочив в седло, я все еще не мог поверить в наше спасение, оно казалось призрачным.

Кемок уже был на коне.

— Вот наш час!

Мысленный контакт был более разумным, словно все то, что мы будем предпринимать теперь, сможет пробудить неведомые силы. Мы слегка пришпорили Торских скакунов, и на этот раз они рванули с места и помчались словно по ветру с привычной для них скоростью. Занималась заря, неожиданно утреннюю тишину нарушило пение птицы. Напряжение ночи спало. Мы свободны, перед нами только дорога, а время теперь — наш злейший враг.

С основной дороги Кемок свернул на узкую тропу, и здесь нам пришлось перейти на шаг, так как пробираться сквозь завалы, образовавшиеся после бури, было не так-то легко. Но мы упорно двигались вперед, компенсируя задержки на открытых пространствах. То ли мы скакали по тайной дороге, то ли весь Эскарп в тот день был не в силах опомниться от потрясения, но на пути мы не повстречали ни души, даже около ферм. Мы ехали по опустошенной земле. Удача сопутствовала нам.

К закату мы добрались до заброшенной усадьбы, пустили коней пастись и оседлали тех трех скакунов, что Кемок припрятал до решающего часа. По очереди мы вздремнули, и когда взошла луна, прикосновение Кемока разбудило меня.

— Час настал,— полушепотом произнес он.

А потом, когда мы соскользнули с седел и заглянули в лощину, где роща окружала старинный темный замок, ему не пришлось добавлять:

— Вот это Место!

Чем дольше я смотрел на замок, тем больше ощущал некую вибрацию — словно перед нами висел невидимый занавес. Почти неуловимые искажения тени и света вытянули дерево, удлинили куст, заставили камень дрожать... В следующий миг все встало на свои места. Кемок протянул мне свою изувеченную руку, я сжал ее. И тут я проник в его мысли так, как никогда ранее. Он направил послание в самое сердце Места Власти! Но попав в невидимое заграждение, оно отлетело назад, как стрела, пущенная в крепостную стену Эса. Кемок снова направил всю свою силу и попытался проделать то же самое во второй раз, вобрав одним глотком и мою энергию. На этот раз мы пробили стену, прошли сквозь нее! А потом... Словно в огонь бросили сухую ветку — вспышка, неистовство, радость — Каттея! Если бы я хоть на секунду в пути предположил, что она могла измениться, что ей может не понравиться наше вмешательство, я бы не пытался спасти ее. Она узнала нас, обрадовалась, я ощутил ее безмерное желание стать свободной... Затем, вслед за радостью наступило мрачное предчувствие и предупреждение. Она не могла сказать нам, что разделяет нас, из ее послания мы лишь поняли, что стражи не являются воинами-людьми. Она не могла пойти нам навстречу и предупреждала, что наш мысленный контакт может привлечь внимание охраны. Внезапно она прервала нить нашего общения.

— Пусть будет так,— тихо произнес Кемок.

Я разжал руку и опустил ее на рукоять меча, хотя понимал, что в эту ночь сталь не поможет нам в бою.

— Налево, под деревьями, потом быстро добежать до стены, вон туда...— Моя военная выучка взяла верх, я обследовал каждый уголок этого странного искаженного места.

— Да...

Кемок полностью положился на мои навыки разведчика, но он и сам не был новичком в подобных делах, и мы спустились со склона по всем правилам военного искусства. Я обнаружил следующее — если быстро посмотреть вперед, а затем, секунду спустя, оглянуться, то искажение вокруг становилось заметно меньше. Мы добрались до рощи, и снова столкнулись с внешней защитой Места. Как будто мы словно с размаха ударились лицом о стекло. Его не было видно, даже ощутить его было нельзя, но мы и шага не могли ступить дальше.

— Усилием воли — заставим барьер исчезнуть! — сказал

Кемок, обращаясь не ко мне, а как бы подбадривая самого себя.

Переключиться на работу мысли было не так-то легко, но я заставил себя и сказал, что перед нами нет никакой стены, ничего, кроме земли, растущих на ней деревьев, ночи...

Медленно мы начали продвигаться вперед, пробивая барьер волевым усилием. Теперь я поверил в то, что Сила ослабела, сдвигая прошлой ночью горы, Кемок оказался прав. Невидимая стена неожиданно отступила, мы словно прорвали плотину и по инерции пробежали вперед.

— Это только начало...

Я и сам понимал то, о чем хотел предупредить меня Кемок. Все заграждения и ловушки, устроенные Колдуньями вокруг самого сердца Власти, должны быть неожиданными и непредсказуемыми. И, одержав первую победу, нельзя расслабляться, глупо радоваться — главное впереди.

Среди деревьев возникло какое-то движение. Моя рука снова опустилась на рукоять меча. Это было нечто осязаемое — я видел блеск металла в лунном свете, слышал шаги. Стража? Здесь?.. Шлем фальконьера, потом сулькарца... Потом возникли лица, знакомые черты... Дермонт, Никон... Я знал их всех, воевал с ними бок о бок, делил с ними скудный паек. А теперь от их лиц исходила угроза, ненависть. Я понимал их, они исполняют свой долг, а мы предатели... Рука моя соскользнула с меча и я чуть было не рухнул перед ними на колени и...

Кайлан!

Сквозь накатившую волну вины и стыда я услышал этот крик. Логика взяла верх над чувствами. Их же нет здесь, всех этих товарищей по оружию, чуть не погубивших меня. Я снова обрел ту решительность, с которой пробивал невидимую стену. Передо мной стоял Дермонт. Глаза его блестели от гнева, стрела его была направлена прямо на меня. Но — Дермонта здесь нет — на самом деле это всего-навсего дерево или кустарник. Сила направила против меня мое собственное сознание. Я увидел, как он выстрелил. Его здесь нет! Все исчезло — стрела, люди, блеск металла! Я услышал приглушенный голос брата.

— Мы миновали второе заграждение.

Мы направились дальше. Интересно, насколько хорошо эти стражи изучили нас, если выставляют передо мной призраки знакомых мне людей? Кемок вдруг засмеялся.

— Разве ты не понимаешь, брат? — Он услышал вопрос в моих мыслях и ответил вслух.— Ты же сам подыгрываешь им.

Как же я не догадался! Галлюцинации! Колдуньи любят эти штучки, и человек сам помогает им, порождая в своем мозгу образ.

Мы очутились под стенами замка. Настоящий камень — можно было ощутить его влажность и прохладу. Интересно, что еще приготовили Колдуньи? А может это все?

— Их так легко не победить,— снова раздался смех Ке-

мока.— Я знал, что ты недооценишь их, Кайлан. Худшее — впереди.

Я встал лицом к стене, а Кемок взобрался мне на плечи и подтянулся. Потом я ухватился за его руку и тоже оказался наверху. Мы заглянули в сад. С одной стороны его окружала стена, на которой мы стояли, с трех других сторон — дом. Было тихо. В лунном свете сад казался сказочным. Музыкальный фонтан, бассейн овальной формы, благоухание цветов и трав... Этот запах, что-то знакомое... Я вспомнил — травы с таким запахом способны усыпить человека, одурманить его...

— Не думаю.— Снова Кемок отвечал на мои мысли.— Они живут здесь, совершенствуют свою Силу. Они не должны устраивать здесь такое.— Он осторожно наклонил голову и глубоко вдохнул этот волшебный аромат.

— Нет, не надо бояться.— Мы спрыгнули на землю. Где теперь искать Каттею? В доме темно — еще разбудим кого-нибудь...

— Может, обратиться к ней?

— Нет! — Сердито воскликнул Кемок.— Никаких посланий здесь — они сразу же перехватят их. Это тоже их оружие!

Но он не был уверен в том, что предпринять дальше. Здание было погружено в темноту. Мы не знали, в какой комнате находится наша сестра. Теперь... Опять движение, чья-то легкая тень. Кто-то вышел в сад — уверенно, не чувствуя опасности. Только счастливая случайность не позволила мне вскрикнуть, когда я увидел ее в лунном свете. Темные волосы, распущенные по плечам, лицо повернуто на свет, словно она желала, чтобы мы увидели ее черты. Девичье лицо, но повзрослевшее, с печатью того опыта, который был ей неведом, когда я видел ее в последний раз. Каттея разрешила нашу загадку — она сама идет нам навстречу! Кемок подался вперед, раскрыв для объятий руки. Настала моя очередь предупредить его, заставить не поддаваться эмоциям. Инстинкты бывалого разведчика подсказывали мне: здесь что-то не так. Сначала Дермонт, теперь Каттея — она может оказаться таким же миражом, как и те воины. Разве не о ней мы думали, и наши мысли без труда могли использовать Колдуньи? Она улыбалась, и красота ее могла растопить сердце любого мужчины. Стройная, высокая, шелковистые темные волосы оттеняли ее бледную кожу, такое изящество походки... Она протянула руки, глаза ее блестели, она радовалась нашей встрече. Я оттолкнул Кемока. Он даже не оглянулся на меня: все его внимание было приковано к ней.

— Кемок! — Голос ее был тихим, чуть громче шепота, и таким манящим, ласковым...

Я схватил брата, он сердито глянул на меня.

— Каттея! Пусти меня, Кайлан!

— Каттея — быть может.— Не знаю, что удерживало меня от того, чтобы поверить своим глазам. Но брат либо не слышал меня, либо не хотел понимать.

Она была уже близко, и цветы склонили свои головы, когда

она коснулась их подолом своего серого одеяния. Но я до сих пор слышал звук металла и шаги в роще. Как проверить, мираж это или реальность?

— Кемок...— Тот же полушепот. Но я ведь тоже был рядом, почему она зовет только брата? Конечно, связь между ними всегда была более тесной, и теперь глаза ее видели только его, произносила она только его имя — казалось, она вовсе не замечала меня. Почему?

— Каттея? — Я понизил голос тоже почти до шепота.

Она не отвела глаза от брата, казалось, я не существовал для нее. В тот же миг Кемок вырвался из моих рук, ринулся к ней и обнял ее. Она глянула поверх его плеча, но по-прежнему не замечала меня, и губы ее расплывались все в той же улыбке. Я все больше сомневался. Если это женщина, а не галлюцинация, то она затеяла какую-то игру. Когда мы мысленно искали нашу сестру, она могла перехватить наш контакт. И то послание, что дошло до нас от сестры, было полно радости от предстоящей встречи. Разве можно лгать в мыслях? По-моему, я бы не смог, хотя кто знает, на что способны Колдуньи...

— Пойдем! — Обняв ее за талию, Кемок подтолкнул ее вперед себя к стене. Может, я совершаю ошибку, но лучше узнать сейчас, чем потом, когда будет слишком поздно.

— Послушай, Кемок! — Я схватил его за плечо, вложив в свой порыв гораздо больше силы, чем хотел.

Он попытался вырваться и отпустил девушку из рук. Его охватила ярость.

— Не думаю, что это Каттея,— медленно проговорил я, вложив в свои слова всю свою волю. А она стояла чуть поодаль и улыбалась, она видела только его, словно я был невидимым.

— Кемок...— Опять она произнесла его имя, ни слова протеста в мой адрес.

— Ты сошел с ума! — Лицо моего брата стало белым как мел. Он готов был разорвать меня на куски.

Смогу ли я убедить его сейчас, когда он в таком состоянии? Я заломил его руку за спину, а затем развернул лицом к девушке. Он пытался вырваться, но я держал его мертвой хваткой. Я снова обратился к нему.

— Да посмотри на нее! Посмотри на нее хорошенько!

Ему пришлось повиноваться. Он посмотрел на ту, что выдавала себя за Каттею. Постепенно он перестал сопротивляться, по-моему, я победил. Каттея, улыбаясь, как ни в чем не бывало, продолжала твердить его имя, словно знала одно единственное слово.

— Кто — кто она?

Я отпустил его. Теперь ему было ясно, что это не наша сестра. Но если это мираж, то где настоящая Каттея? И девушка не исчезла после того, как мы узнали правду. Я дотронулся до ее руки — под пальцами я ощутил плоть, человеческое тепло. Если это галлюцинация, то такого нам еще видеть не приходилось.

— Не знаю, кто это — но не та, кого мы ищем.

— А если бы мы забрали ее и ушли...— Кемок не договорил...

— Ты прав. Колдуньи одержали бы победу. Но если это двойник, то где наша сестра?

Кемок постепенно приходил в себя после того, как чуть было не совершил ошибку.

— Эта — эта пришла оттуда.— Он указал на дверь.— Значит вон там, в противоположной стороне находится та, которую мы ищем.

Похоже он прав, по крайней мере другой идеи у меня не было.

— Кемок... — Она снова протянула к нему руки. Она смотрела на него и звала к стене, показывая, куда нужно бежать.

Он вздрогнул, отвернулся.

— Кайлан, скорее — нужно спешить!

Повернувшись к ней спиной, мой брат побежал к дому, я — следом, с ужасом представляя, как в любой момент раздастся за нашими спинами крик той, что выдавала себя за нашу сестру, и все проснутся. Вот она, эта дверь. Кемок первым коснулся ее. Я представил, какие крепкие засовы должны быть на ней. Как нам с ними справиться? Но дверь легко поддалась, и Кемок заглянул в темноту.

— Держись за мой пояс,— приказал он.— И в его голосе прозвучала такая настойчивость, что я подчинился. Соединившись, мы нырнули в кромешную тьму.

Кемок продвигался быстрыми, решительными шагами, словно знал дорогу. Мое плечо задело косяк еще одной двери. Кемок свернул налево. Я протянул свободную руку в сторону и коснулся стены — наверное, коридор. Затем Кемок остановился, резко повернул направо, раздался звук открываемой двери. Свет, тусклый и еле различимый, но свет. Мы стояли на пороге маленькой комнаты, похожей на келью. Я выглянул из-за плеча Кемока. На краю узкой кровати сидела она и ждала нас. В ней не было той свежести, улыбчивости, нетронутой красоты, что у той, в саду. Опыт тоже отложился на лице этой девушки, но иначе. Красота ее не была похожа на оружие, она словно и не догадывалась о ней. Губы ее разомкнулись и безмолвно произнесли два имени. После этого Каттея вскочила на ноги и побежала к нам, протянув руки к обоим.

— Быстрее, о, быстрее! — Шепот ее был еле слышен.— У нас так мало времени!

На этот раз никаких сомнений не было. Я схватил Каттею за руку, никаких галлюцинаций! Наша сестра! Затем мы втроем нырнули в темноту, выбрались на свежий воздух ночного сада. Той, второй Каттеи, не было. К стене, в рощу — она все время мысленно поторапливала нас. Каттея подобрала длинный подол платья, с треском отдирая его от кустарников, за которые он цеплялся, словно хотел задержать нашу сестру. Теперь мы уже ни от кого не прятались, главное — скорость. Задыхаясь

от усталости, мы добежали до того места, где спрятали своих Торских скакунов. Как только мы оседлали лошадей, раздался глухой звук колокола. Чем-то он напоминал те раскаты, что мы слышали прошлой ночью во время движения гор. Лошади наши заржали, будто испугались повторения кошмара. Мы поскакали прочь от этого места, и я прислушивался ко всем посторонним звукам — но гром не грянул, земля была спокойна. На всякий случай я спросил Каттею:

— Какая будет погоня?

Волосы ее развевались, глаза блестели. Она повернулась ко мне.

— У них есть другие слуги, но сегодня их нет...

Даже Торские скакуны не выдерживали той скорости, с которой мы неслись по долине. Я знал, что они волнуются и могут встать на дыбы. И на то были свои причины. Я вложил все умение обращаться с животными в то, чтобы успокоить их, восстановить равновесие.

— Отпустить поводья! — приказал я.— Они пойдут сами — отпустить поводья!

За наших с Кемоком лошадей я не боялся, но в той, на которой скакала Каттея, уверен не был. Торские скакуны подчинились не сразу. Сначала они продолжали нестись во весь опор, но почувствовав мое желание, начали успокаиваться, а затем перешли на шаг. Над головами вдруг раздался режущий ухо вой — услышав хоть раз в жизни голос снежного барса, никогда его не забудешь. Они безусловно некоронованные владыки гор. Но непонятно, что ему нужно в здешних краях, так далеко от тех мест, где он привык охотиться. Может быть тот зов, что заставил нас покинуть границу, услышали животные и покинули привычные места обитания?

Мой конь встал на дыбы, заржал, словно барс очутился перед его мордой. Кемок тоже с трудом справился со своей лошадью. Но скакун моей сестры как ветер пронесся мимо нас, и остановить его, как я ни старался, было невозможно. Его переполнял ужас. Вероятно, он представил, что снежный барс приготовился к прыжку и выбрал его своей жертвой. Необходимо было укротить скакуна Каттеи — я связался мысленно с сестрой, и попытался усмирить ее коня. Это оказалось делом нелегким, так как мне нужно было удерживать собственного. Наконец, удалось приказать ему пересилить страх перед барсом.

Я оглянулся на Кемока и произнес сквозь стиснутые зубы:

— Мы можем не справиться с лошадьми!

— Была ли это уловка Колдуний? — спросил он.

— Наверняка. Будем скакать до последнего.

И мы помчались дальше, с Кемоком во главе, по той дороге, что он выбрал заранее. Я держался чуть поодаль на случай нападения. Лишь усилием воли я удерживал себя в седле, валясь от усталости и напряжения, я, который верил, что силен

настолько, что в состоянии выдержать все, особенно в последние дни существования Эсткарпа. Каттея ехала молча, она давала нам силы двигаться к цели.

Свет! Может быть, занимается заря? Нет, не похоже... Огонь! Прямо перед нами! Кемок натянул вожжи, Каттея поравнялась с ним, чуть позже я встал рядом. Зловещая огненная стена преградила нам путь. Лошади под нами опять забеспокоились, начали пофыркивать, мотать головами! Заставить их пройти сквозь эту стену невозможно. Каттея медленно оглянулась по сторонам, словно искала ворота среди огня. Затем она издала звук, похожий на смех.

— Неужели они решили, что я так глупа? — властно спросила она, но не у нас, а у самой природы.— Не верю! Ничему этому не верю!

— Иллюзия? — спросил Кемок.

Да, но я ощущал запах дыма, слышал, как потрескивают языки пламени. Сестра кивнула. Теперь она смотрела на меня.

— Мне нужен факел!

Лошадь чуть не сбросила меня, потом понеслась прочь. Я с трудом заставил ее остановиться, успев сорвать на ходу сухую ветку. Отдав ее Кемоку, я достал из поясной сумки спички и поджег. Ветка загорелась не сразу, словно не хотела подчиняться моей воле. Наконец она вспыхнула, Каттея выхватила ее из руки Кемока и начала размахивать ею в воздухе, чтобы получился настоящий факел. Затем она поскакала вперед. Я заставил ее скакуна ринуться прямо к огню. Каттея размахивала своим необычным оружием из стороны в сторону, и вскоре появилась новая, созданная сестрой, стена пламени. Две огненные преграды шли друг на друга, словно их притягивала какая-то неведомая сила. Но как только густой огонь столкнулся с тем, что зажгла наша сестра, он моментально исчез!

Продолжал гореть лишь факел... Каттея снова засмеялась, и на этот раз в голосе ее звучало удовлетворение.

— Детские игры! — закричала она.— Не могли придумать что-нибудь получше, Колдуньи?

Из горла Кемока вырвался крик протеста, он поскакал к ней, протянув свою несгибающуюся руку вперед.

— Не провоцируй их! — приказал он.— Нам повезло.

Когда она посмотрела на него, а потом перевела свой взгляд на меня, глаза ее светились, но лицо приняло какое-то отчужденное выражение.

— Вы не понимаете,— холодно повторила она.— Лучше сейчас сразиться с ними, когда они слабы; потом, когда мы устанем, они наоборот соберутся с Силой. Нельзя ждать того момента, когда они сами захотят сразиться с нами!

Она была права. Боюсь, что Кемоку так не казалось. Он вероятно решил, что наша сестра, проведя в заточении так много времени и вырвавшись на свободу, опьянела от нее. Она

заговорила снова.

— Нет, братья, свобода не опьянила меня, как того сулькарца, что сошел на берег после долгого плаванья и на радостях выпил много вина! Хотя так вполне могло быть. Доверьтесь мне: я узнала достаточно хорошо тех, с кем прожила все это время. Нам бы не удалось спастись сегодня ночью, не потеряй они так много Силы. С ними надо сразиться сейчас, когда они слабы — иначе потом они уничтожат нас. Она начала напевать какие-то заклинания, опустив поводья. И странно было наблюдать за Торским скакуном, который стоял под ней как вкопанный, словно его лишили жизни. Некоторые из слов, которые она напевала, были мне знакомы, имели смысл, другие были непонятными и чужими. Но они значили многое. Я с ужасом ждал чего-то страшного — на вражеской территории, где за каждым камнем нас поджидала смерть, могло произойти все, что угодно. По спине пробежал холодок — нервы были на пределе. В другой ситуации я бы знал, как действовать, но сейчас приходилось сидеть и ждать, а ждать неизвестное — это так ужасно! С каждым моментом напряжение нарастало.

Каттея вызывала Силу, притягивая ее невидимыми нитями к себе, как магнитом, чтобы поглотить ее нашей совместной Силой так, как это сделал наш огонь с их иллюзией. Но удастся ли нам победить их на этот раз? Я знал, Колдуньи способны на многое, и начал сомневаться в том, что Каттея пересилит их. Вот-вот весь мир восстанет против нас. Но в ответ на заклинания моей сестры не разразилась буря, сметающая все на своем пути, не появились галлюцинации и иллюзии. Внешне ничего не произошло. Но появился... страх. Черный, сковывающий страх — самое опасное оружие против разума, способное уничтожить все, что живет в душе человека.

Кайлан — Кемок!

Немного помедлив, я ответил на послание.

Нас было трое, но мы были одним целым, пусть чуть неуклюжим и потрепанным, но целым — против скольких? Но с чувством единения пришла и поддержка Каттеи — нам не нужно нападать, нам придется лишь защищаться. Если мы выстоим, продержимся, не сдадимся, то у нас остается надежда на победу. Это было похоже на схватку борцов, когда один противопоставляет другому всю свою силу. Я утратил чувство собственного «я». Кайлан Трегарт, Капитан Разведотряда, стал частью нас троих и ждал... Вдруг, после вечности ожидания, пришло сообщение:

Расслабься.

Я подчинился безоговорочно. Потом неожиданно, откуда-то сверху — резко, со всего маха —

Объединиться — держись!

Мы чуть не упали. Но как борец может применить какое-то неожиданное движение, для того, чтобы свалить противника с ног, так и Каттея выбрала подходящее время и тактику. Она лишила противника равновесия. Еще одно усилие, мы опять устояли на ногах; волна ударов, один за другим, но я

чувствовал, что с каждым разом они становились замедленнее и слабее. Потом все исчезло. Мы посмотрели друг на друга, оглядели себя с ног до головы — трое людей, три человеческих тела — целы и невредимы.

Первым заговорил Кемок.

— На какое-то время...

Каттея кивнула.

— На какое-то время — но на сколько, не могу сказать. Но мы наверняка выиграли достаточно времени.

Мы отправились дальше, и настоящее утро приветствовало нас рассветом. Торские скакуны устали, и мы не подгоняли их. Перекусили мы на ходу тем, что осталось от пайков. Мы почти не разговаривали, берегли все силы для того, что могло быть впереди.

На горизонте стали вырисовываться восточные горы, темные и мрачные. И я знал, что впереди нас ждет последняя стена между Эскарпом и Неизвестностью. Что лежит там? Из того, что удалось выведать у Лормта, было ясно, что за горами ждала какая-то опасность. А может, время уменьшило ее? И лучше ли мчаться от того, что мы знали, в неизвестность, которая может оказаться во много раз опаснее?

Наступил день. Мы старались держаться подальше от селений. На наше счастье ферм здесь почти не было. Многие поля поросли лесом. Все реже встречались признаки человеческого вмешательства в природу. Горы стали принимать угрожающие размеры. И хотя мы почти приблизились к их склонам, сами они были далеко. Казалось, что они покоятся на некой огромной платформе, которая движется со скоростью, равной нашей, и уносит их вперед. Весь день я ожидал следующего проявления Силы, пытаясь разглядеть хоть какие-нибудь признаки охоты на нас. Я не верил, что она была до такой степени истощена, что не в состоянии нас перехватить, не дать уйти на восток. Но мы ехали без чьего-либо вмешательства. Мы остановились, чтобы дать лошадям передохнуть, а самим поспать по очереди, и снова отправились в путь. Все вокруг дышало ожиданием, вдруг мимо нас пробежала какая-то странная зверюшка и скрылась в зарослях. Чутье подсказывало мне: опять что-то не так. Нас поджидает опасность...

— Может быть,— ворвался в мои мысли Кемок,— они не понимают, что мы не заблокированы против востока, и до сих пор верят в то, что мы направляемся прямиком в ловушку, и спасения для нас нет — вернемся обратно к ним в руки.

Возможно, брат прав. Но я не мог полностью согласиться с ним. И, устроившись на ночлег, не разжигая огня, на берегу горного ручья, я продолжал всматриваться в ночь с таким чувством, что придет облегчение, если они атакуют нас.

— Думать так, Кэйлан,— прозвучал голос Каттеи, которая склонилась к ручью, чтобы умыться,— значит открыть себя для атаки. Нерешительность человека — это тот рычаг, при помощи которого они могут сломить его.

— Не приняв мер предосторожности, мы не можем ехать дальше,— возразил я.

— Да, но они всегда будут держать открытой маленькую дверь. И эту дверь нам никогда не закрыть, брат. Скажи мне, где находится то место, где мы должны укрыться от них?

Она удивила меня. Она что, думает, что мы вызволили ее из Места Власти только для того, чтобы вслепую скакать по стране, не имея никакого плана действий?

Каттея рассмеялась.

— Нет, Кайлан, я высоко ценю ваши умственные способности. Я знала, что у вас есть определенный план действий с того самого момента, как вы позвали меня из-за крепостной стены Места. Я знаю, все дело в этих горах, к которым мы так стремились. Но теперь настало время поведать мне обо всем.

— Идея принадлежит Кемоку, пусть он...

Она стряхнула капли воды с руки на высохшую под солнцем траву.

— Тогда пусть Кемок расскажет обо всем.

И мы уселись рядом перекусить, и Кемок поведал ей всю историю с самого начала, рассказал о том, что ему удалось узнать от Лормта. Она внимательно слушала, не прерывая его рассказ вопросами, потом, когда он закончил, кивнула.

— Я могу продолжить твой рассказ, брат. До последнего часа, до того, как добрались до этого места, я ехала вслепую...

— Что ты имеешь в виду?

Она посмотрела на меня.

— Я уже сказала, Кайлан. Я ехала сквозь мглу. О, иногда я различала дерево, или куст, камни. Но в основном это был туман.

— Но ты ничего не сказала!

— Нет, потому что понимала, что это иллюзия, которая не коснулась вас.— Она завернула часть пирога в салфетку и положила его в сумку.— И это подстроили не они. Вы говорите, что наше сознание не заблокировано против востока, потому что мы не чистых кровей. Я согласна с этим. И мне кажется, что на меня повлияло обучение у Колдуний, а если бы я приняла Клятву, я бы стала полностью принадлежать им...

— А если ты и дальше не будешь видеть так, как мы? — высказал я свое беспокойство.

— Тогда вы поведете меня,— тихо ответила она.— Если это вызвано какой-то прежней пустотой, пробелом в сознании, то не верю, что это надолго — надо только преодолеть барьер, пройти через горы. Но теперь я с тобой полностью согласна, Кемок. Они успокоятся, прекратят охоту на нас, так как убеждены, что мы вернемся назад. Они не понимают, что по крайней мере двое из нас могут свободно пройти в Никуда!

Я не мог полностью разделить ее убежденности, но из опыта Стража Границы я знал: оттого, что будешь гадать о будущем, твоя жизнь не продлится ни на секунду, и ход событий тоже

не изменится ни в плохую, ни в хорошую сторону. Ее объяснения по поводу того, что вокруг нее словно туман, были мне понятны. Но сможем ли мы без труда пробраться на свободу? Идти через горы вслепую — поступок отчаянный. Кемок задал вопрос, который крутился у меня в голове.

— Этот туман — какой он? Ты сказала, что какие-то предметы видишь?

— Не знаю.— Каттея покачала головой.— По-моему, это зависит от воли. Стоит мне сосредоточиться на чем-нибудь, чего почти не вижу, на размытых очертаниях, и заставить себя всмотреться, очертания становятся четче. Но это требует концентрации, которая может сработать против нас.

— Каким образом? — спросил я.

— Потому что я должна слушать...

— Слушать? — Я тоже поднял голову и напряг слух.

— Не при помощи ушей,— быстро ответила она,— а внутренним слухом. Сейчас они не надвигаются на нас, они предпочитают выжидать. Но думаете, они будут вести себя так и тогда, когда мы отправимся на восток, и они узнают, что их границы нас не удерживают? Думаете, они отступят?

— Интересно, кто-либо раньше отказывался от Колдовства? — поинтересовался Кемок.— Совет должно быть так удивился, узнав, что ты сбежала, как если бы против них восстал один из камней городской стены Эса. Но зачем им было удерживать тебя против воли?

— Это довольно просто объяснить — я оказалась не совсем такой, как они. Поэтому сначала они не проявляли ко мне особого интереса. Некоторые в Совете считали, что я подорву их авторитет, если окажусь в их рядах. Потом, когда угроза из Карстена стала нарастать, они готовы были на любую лишнюю силу, чтобы их общая Сила преумножилась. Итак, они решили учить меня своему ремеслу, чтобы с моей помощью их Сила, накапливаемая веками, обогатилась. Но до тех пор, пока я не приняла Клятвы и не стала одной из них, подавив свое «я», они не могли использовать меня в своих целях. Я откладывала этот момент как могла. Но при этом...— Она замолчала, скрыв лицо в руках, что покоились на коленях. Она сцепила пальцы, словно боясь уронить голову.— Я хотела... ну, узнать то, что знают они! Каждой клеточкой своего организма я стремилась впитать все их знания, ведь я была уверена, что тоже могу творить чудеса. Но потом я вдруг вспомнила о том, что выбрав их путь, я потеряю часть своей жизни. Как вы считаете, тот, кто был частью трех, сможет ли быть счастлив один? И я замкнулась, не отвечала на их вопросы. И наконец пришло то время, когда они решились выступить против Карстена. Они объясняли мне — применение Силы с использованием энергии людей означает, что многие погибнут, они послужат сосудами, из которых будут черпать энергию. Им потребуется замена, поэтому выбора у меня не было. А теперь, после полного истощения, они тем более не позволят мне уйти, если у них хватит

сил. И еще...— Она подняла глаза и посмотрела на нас.— С вами обоими они обойдутся безжалостно. Они всегда в глубине души не доверяли и боялись нашего отца — я узнала об этом, когда попала к ним. Для них противоестественно то, что мужчина может обладать, пусть и частично, Даром. И еще больше они не доверяли нашей матери за тот талант, который она обрела с помощью отца, тогда как по всем их правилам она должна была утратить Колдовской Дар, отдав свою жизнь мужчине. Они даже испытывали отвращение к этому, так как считали извращением. Они знают, что вы тоже обладаете неким Даром. И после прошедшей ночи и дня они еще больше озлобятся — и на то у них будет основательная причина. Ни один мужчина не может войти в Место Власти и, тем более, выбраться оттуда. Их охрана, безусловно, была истощена, но любой ценой они должны были убить любого мужчину, проникнувшего в замок. Итак, вам нельзя доверять, вы враги, вас следует уничтожить!

— Каттея, что за девушка была там, в саду? — неожиданно спросил Кемок.

— Девушка?

— Ты, и в то же время не ты.— ответил он.— Я поверил ей — чуть не забрал ее и не ушел. Кайлан не позволил мне сделать это. Почему? — Он повернулся ко мне.— Почему ты не поверил ей?

— Сначала мне просто показалось. Потом... Она словно была запрограммирована. Она так вцепилась в тебя, будто перед ней была поставлена задача — удержать тебя...

— Она была похожа на меня? — спросила Каттея.

— Как две капли воды — такая же нежная, улыбалась. Но... теперь я понял — ей не хватало человечности.

— Призрак, мое подобие! Тогда они ждали вас, знали, что вы попытаетесь прийти мне на помощь и вызволить оттуда! Но для того, чтобы создать такого двойника, требуется очень много времени. Интересно, кто из новообращенных это был на самом деле?

— Перевоплощение? — спросил Кемок.

— Да. Но еще сложнее, ведь они должны были сделать ее такой, чтобы вы ничего не заподозрили. К тому же мы общаемся мысленно — они узнали и об этом? Да, скорее всего! И это многое доказывает — теперь они более чем уверены, что вы враги. Интересно, когда они догадаются, что мы не в ловушке, и кинутся за нами?

На этот вопрос ответа у нас не было. Но на душе стало как-то неспокойно. Ручей журчал в темноте, лошади мирно жевали траву, а мы всматривались в темноту, но ничего подозрительного не видели.

Наступило утро, и для нас с Кемоком оно было солнечным, Каттея же видела сплошной туман перед глазами. Она почти не ориентировалась, когда мы стали взбираться на лошадях на склон горы. Наконец, она попросила привязать ее к седлу

и вести ее лошадь — она боялась, что желание повернуть назад станет таким сильным, что захлестнет ее, и она не сможет контролировать себя. Мы тоже чувствовали себя неуютно. Иногда что-то странное начинало твориться с нашим зрением, и нам казалось, что мы смотрим вниз и видим там Место Власти. Возникало такое чувство, будто мы скачем в темноту, но мы упорно пробирались вперед. Мы сделали так, как попросила нас Каттея, и иногда она пыталась вырваться, один раз закричала, что прямо перед нами притаилась смерть — бездна, хотя на самом деле ничего подобного мы не видели. Наконец, она закрыла глаза и заставила нас завязать их платком, сказав, что, погрузившись в себя таким образом, она сможет справиться с приступами страха.

Еле заметная горная тропа вскоре исчезла, и нам пришлось пробираться сквозь настоящие дебри. Я долгое время жил в горах, но меня поразила неестественность природы в здешних местах. Мне показалось, что я знал причину этого. Горы на юге сдвинули с места, перевернули; наверное, то же самое проделали и с этими горами.

Наступил вечер второго дня с того момента, как мы покинули привал у ручья, когда мы наконец добрались до того места, где лошади уже не могли идти. Стало ясно, что наверх придется взбираться пешком. Мы опечалились.

— Почему мы остановились? — спросила Каттея.

— На лошадях дальше не пройти, придется подниматься без них.

— Подождите! — Она вытянулась как струна.— Развяжите мне руки!

В ее голосе и движениях была такая решимость, что Кемоку пришлось подчиниться. Словно в состоянии видеть, несмотря на слепоту, ее пальцы коснулись его бровей, потом глаз, которые он закрыл. Она долго держала на них свои руки, прежде чем проговорила:

— Повернись лицом туда, куда следует идти.

Не раскрывая глаз, мой брат медленно повернул голову налево, в сторону отвесной скалы.

— Да, да! Теперь я вижу! — В голосе Каттеи чувствовались радость и надежда одновременно.— Этой дорогой нам и нужно идти!

Но каким образом? Мы с Кемоком еще могли справиться с таким подъемом, хотя меня и волновала его поврежденная рука. Но Каттея — ничего не видящая, да к тому же связанная — это невозможно.

— Не думаю, что меня придется тащить на себе,— возразила Каттея в ответ на мои безмолвные сомнения.— Пусть пройдет эта ночь, дайте мне собрать всю свою силу, а потом, с рассветом, попробуем. Я уверена: мы пройдем.

Я не разделял ее уверенности. Скорее всего, с рассветом, нам придется не взбираться на гору, а отступать назад и искать другой путь среди кошмарных дебрей древнего поля битвы.

Спать я не мог, хотя понимал, что для тела это необходимо — но разум противился. В конце концов я встал и направился туда, где неподвижно сидел Кемок.

— Ничего,— ответил он, хотя я и не успел задать свой вопрос вслух.— Может быть мы уже на неведомой земле, и нам не надо больше бояться преследования.

— Хотел бы я знать сейчас, на чьей границе мы находимся.— Я посмотрел на вершины, которые завтра нам предстоит покорить.

— Друзья или враги? — Он протянул руку к своему мечу, блеснувшему в лунном свете.

— Стрелы тоже пригодятся нам.

Кемок поднял свою поврежденную руку.

— Если ты думаешь об этом, брат, не стоит меня недооценивать. Я научился многому за это время. Если человек настойчив, он может овладеть и левой рукой в совершенстве. Завтра я перевешу клинок на другую сторону.

— У меня такое чувство, что нам придется пробивать себе дорогу мечом.

— Возможно, ты прав. Но лучше меч там, чем то, что осталось за нашими спинами.

Я огляделся. Ярко светила луна. Так ярко, что становилось не по себе. Мы находились в долине между двумя скалами. Кемок занял свой пост на выступе чуть выше человеческого роста. Оттуда можно было видеть то, что находилось над нами и ниже, откуда следовало ждать погони.

— Поднимусь повыше и посмотрю оттуда,— сказал я Кемоку.

При ярком свете луны я хорошо ориентировался. Склон был довольно каменистым, со множеством выступов, и я без особого труда стал взбираться наверх. Наконец, я остановился и посмотрел на запад. Весь день мы потратили на то, чтобы подняться к этому месту. Теперь дебри уже казались слабо поросшими рощицами, все было видно. Я вытащил из-за пояса бинокль и стал внимательно осматривать местность.

Я увидел костры! Они даже не пытались спрятаться, а может, их зажгли специально, чтобы мы знали, что нас ждут. Я насчитал около двадцати костров и ухмыльнулся. Да, высоко нас ценят те, кто направил за нами такую орду. По опыту службы на границе я знал, что там должно быть больше ста человек. Интересно, а сколько среди преследователей тех, с кем мы воевали бок о бок? Есть ли кто-нибудь из моего небольшого отряда? На юге теперь делать особо нечего, и их могли послать сюда. Но в ловушку мы еще не попали. Я стал изучать отвесную стену над собой. Подъем будет нелегким. А те, что ждут нас, останутся ли у той линии, что проведена для Эскарпа, или пойдут за нами?

Я спустился к Кемоку.

— Итак, они там...

Мысленный контакт моментально передал новость.

— Около сотни воинов, если не больше.

— Интересно, сунутся ли они за нами?

— Лучшего места для подъема я не нашел.

Мне не пришлось выразить свои опасения вслух: Кемок уже услышал меня.

— Поверь Кайлан, она сможет забраться наверх.

— Но как, она ведь не видит?

— Нас двое, у нас есть веревки, и не забывай о мысленном контакте, он будет служить ей вместо зрения. Будем продвигаться вперед медленно. И забудем о дороге назад, ее для нас нет.

Я улыбнулся.

— Зачем мы тратим слова? Ты ведь читаешь мои мысли...

Он прервал меня:

— А ты мои?

Я задумался. У нас с ним был контакт, я мог общаться с ним и Каттеей, но только в тех случаях, когда нужно было что-то спросить или ответить, либо если дело касалось нас обоих. Но если он не хотел, я не мог прочитать его мысли.

— Я тоже,— добавил он.— Когда требуется, мы можем быть одним целым, но мы три разных человека — каждый со своими мыслями, чувствами, проблемами, а возможно и судьбами.

— Но ведь это здорово! — воскликнул я, не раздумывая.

— Иначе и быть не может, не то мы были бы теми одержимыми — ходячими мертвецами — которых колдуны использовали для того, чтобы те работали и воевали за них. Тела их были послушны, а душа и сознание мертвы. Достаточно того, что мы можем раскрыть часть своих мыслей друг другу, если нужно, но что касается остального — это личное.

— Завтра Каттея будет все видеть, даже если пойдет вслепую?

— Надеюсь. Но дело в том, брат, что открытые для другого мысли должны иметь поддержку воли, тогда мы преодолеем подъем. Не думаю, что ты один справишься с этим, мы разделим усилия воли поровну между собой. И...— Он снова протянул к свету свою покалеченную руку,— не верь в то, что это будет мешать мне. Я приучил свое тело и плоть подчиняться духу!

В этом я не сомневался. Кемок встал, пристегнул оружие, и я занял его место, чтобы он немного отдохнул. Мы договорились, что Каттея не будет нести караул в эту ночь, ведь ей надо справиться с внутренней преградой, которая возникла во время ее пребывания у Колдуний. Чем больше я всматривался в ночь, тем сильнее притягивала меня долина. Мертвенно-бледный свет действовал ослепляюще — появилось то искажение, что мне уже доводилось видеть. Еще немного, и я поддамся действию чар, затеряюсь среди их видений. Надо взять себя в руки и не обращать внимания на долину.

Немного погодя я спрыгнул с выступа и начал ходить взад-

вперед, стараясь не смотреть ни на камни, ни на кустарники, ни на участки открытой земли. Я подошел к тому месту, где паслись Торские скакуны. Двигались они медленно, и я ощутил, что их сознание притуплено. Такого раньше не случалось — и дело не в том, что они были сильно переутомлены. Наверное, на животных тоже действовал в какой-то мере тот запрет, который мешал Древней Расе даже думать о востоке. Мы не можем взять их с собой. Но они могут послужить нам еще немного. Я быстро развязал путы, затем оседлал и обуздал коней. Они понемногу приходили в себя. Когда я собирался отдать им последние приказания, за моей спиной раздались какие-то странные звуки. Я резко повернулся, схватившись за оружие. Позади стояла Каттея — она срывала повязку с глаз. Последний рывок, и она идет ко мне, вглядываясь в темноту и силясь разглядеть меня сквозь пелену тумана.

— Что...— Начал было спрашивать я, но она остановила меня нетерпеливым движением руки.

— Для того, чтобы твой план сработал,— тихо произнесла она,— на лошадях должны быть всадники, брат.

- Чучела? Да, я думал об этом, но под рукой нет никакого подходящего материала.

— Чтобы создать иллюзию, он не обязателен.

— Но ведь у тебя нет Колдовского Камня,— возразил я.— Разве без него ты сможешь создать подобную иллюзию?

Она нахмурилась.

— Может быть, и не смогу, но убедиться в этом надо, попробовав свои силы. Наша мать утратила свой Камень в день замужества, но многого смогла добиться и без него. Возможно, Камень и не является средоточием Силы, как нас заставляли думать Колдуньи. Конечно, у меня нет их опыта, но я уверена, что невозможно измерить то, чего можно добиться усилием воли, желания и Силы. Если привыкаешь пользоваться чем-либо, то кажется, что без этого уже не обойтись. Теперь...— Она сорвала серебристый листок с ближайшего куста.— Положи сверху несколько волосинок со своей головы, Кайлан, но вырви их с силой, чтобы они были с корнем — живыми. И смочи их своей слюной. Тон ее не допускал возражений. Я снял свой шлем, прикрывавший лоб и шею, ощутил прохладу ночного ветерка. Я вырвал несколько волосков, положил их на листок, затем плюнул сверху.

Каттея направилась к спящему Кемоку, разбудила его и заставила проделать то же самое. Потом повторила все сама. Держа на ладони три листочка, она пошла к лошадям. Правой рукой она скрутила первый листок, и начала бормотать какие-то непонятные заклинания. Потом она сунула его между завязанными поводьями и седлом. И то же самое проделала с оставшимися двумя листками. Затем она отошла в сторону, поднесла руки ко рту — получилось что-то вроде рупора. И в этот живой рупор она запела, сначала полушепотом, потом все громче и громче. И ритм этих звуков стал частью меня, и

я почувствовал их в биении своего сердца, пульсации жил. Лунный свет осветил место, на котором мы стояли, яркой вспышкой. Каттея неожиданно оборвала свое пение.— Теперь прикажи им, брат! Пусть они скачут прочь! Я направил приказ в затуманенные головы Торских скакунов, и они поскакали по долине, в сторону разожженных костров. И вдруг я увидел, что они несут в своих седлах трех всадников... Невероятно!

— Похоже, сестра, мы не знаем и половины из того, на что способны Колдуньи,— заметил Кемок.

Каттея покачнулась и ухватилась за его руку. Он успел поддержать ее.

— Колдовство имеет свои преимущества.— Она устало улыбнулась.— Мы наверняка выиграли время — ночь, а может и больше. И теперь мы можем спокойно отдохнуть.

Мы донесли ее до импровизированной постели, которую устроили для нее заранее. Когда она закрыла глаза, Кемок оглянулся и посмотрел на меня. Даже мысленного контакта не потребовалось для того, чтобы понять друг друга — завтра не стоит рисковать и подниматься в гору. Если те, кто направил за нами погоню, обмануты, то у нас есть время.

Я встретил рассвет на своем сторожевом посту, на выступе скалы. Костры все еще горели, хотя и не так выделялись с приходом солнца. Я искал глазами лошадей. Показалось, что прошла целая вечность, пока я разглядел их в бинокль — они мчались по лощине. Я опешил — всадники на них были словно живыми, и будь я на месте ожидавших нас, я бы поверил в их существование. Они наверняка их увидели, обрадовались, что те возвращаются. Не буду гадать, насколько реальна иллюзия вблизи. Но на какое-то время мы в безопасности. Кемок присоединился ко мне, и мы по очереди стали следить за лошадьми до тех пор, пока они не скрылись за одним из холмов. Затем мы спустились вниз и стали осматривать скалу. Выступов на ней было много, а недалеко от вершины можно было устроить небольшой привал. Но мы не знали, что нас ждет потом, какие препятствия и какие трудности.

Весь день мы отдыхали, собирались с силами, спали по очереди крепким сном — даже сны не тревожили нас. Каттея окрепла за это время, восстановила силы, потраченные на создание иллюзии. Под покровом ночи я снова взобрался на скалу. На этот раз костров я не увидел. Это могло означать одно из двух: либо они приняли иллюзии, созданные Каттеей, за реальных людей, либо моментально разгадали нашу уловку, покинули место стоянки и теперь движутся к нам. Но тщательно обследовав каждый уголок местности при помощи бинокля, я не обнаружил ни единого признака погони.

— Я думаю, они действительно ушли,— уверенно сказала Каттея, словно стараясь убедить меня.— Но дело не в этом. Утром мы тоже выступаем, но вверх, в горы.

С рассветом мы отправились в путь. Провизию, оружие и пледы мы упаковали и взвалили на плечи. Каттею обвязали

веревкой — она будет идти между нами — оставив руки свободными, поклажи у нее не было. Она сняла повязку с глаз, но по-прежнему не открывала их, стараясь «смотреть» только при помощи мысленного взора, так как туман все еще застилал ей глаза. Мы медленно начали взбираться на скалу — все осложнялось еще и тем, что приходилось концентрироваться не только на собственных усилиях, но помогать Каттее. Она проявляла удивительную сноровку — несмотря на свою полуслепоту, ни разу не оступилась и досконально выполняла все мои мысленные указания. Добравшись до одного из выступов, я так обессилел и понял, что не смогу за двоих подниматься дальше. Кемок вслед за Каттеей взобрался на выступ и опустил руку на мое трясущееся колено.

— Отдых,— приказал он тоном, который не допускал возражений.

Я не мог рисковать их безопасностью, потеряв много сил. Поэтому, отдохнув, мы с Кемоком поменялись местами — теперь он пошел впереди, лицо его стало сосредоточенным, должно быть, у меня было такое же: я вдруг ощутил, как ломит все тело... Кемок пошел первым, и это нас спасло, потому что оставшийся участок подъема оказался просто кошмаром. Я заставлял свое дрожащее тело подчиниться силе воли, прекрасно представляя себе, что может случиться — когда идешь в связке и оступаешься, тянешь за собой впереди идущего. Но наконец мы добрались до вершины, которая оказалась чем-то вроде большого плато.

Здесь дул холодный ветер — он осушил наш пот, взбодрил нас. Мы поспешили к расселине между двумя остроконечными вершинами. Каттея вдруг закинула голову назад и открыла глаза, вскрикнув от радости. Нам не потребовались слова, чтобы понять: ее слепота исчезла. Стало заметно холоднее. Кемок поддел носком сапога что-то белое — оказалось, это снег, несмотря на то, что стояло лето, и внизу все изнывало от жары. Мы остановились, чтобы достать пледы, и накинули их на плечи. Это немного согрело нас, и мы двинулись дальше, и, дойдя до обрыва, заглянули вниз — в неведомый мир.

Мы глазам своим не поверили. Перед нами предстала искромсанная чужая земля, уходящая далеко вниз, в туман — и не было видно, что там — земля, вода или и то, и другое. Увиденное было похоже на какую-то тряпку, которую сначала изваляли в грязи, потом скомкали и дали высохнуть, и теперь все это было изломано, смято, расходилось тысячью морщин во все стороны... Раньше я думал, что повидал горы, но представшая перед нашим взором земля была не похожа ни на что из ранее увиденного, и склоны, которые мы преодолели до этого, казались просто сказкой. Каттея глубоко вдыхала незнакомый воздух — не потому, что задыхалась — она словно хотела выделить какой-то один запах из множества других, опознать его, как гончая или снежный барс, которые напали на след.

— Здесь есть...— начала было она, но затем передумала.—

Нет, я не буду ничего говорить. Но эта земля перенесла сильную боль по воле или вине человека, а не природы. Только было это давным-давно, и сейчас она понемногу оживает. Давайте уйдем отсюда: я ужасно замерзла.

С одной стороны, испещренная морщинами местность была нашей помощницей — гора уходила вниз огромными каменными ступенями. Каттея обрела зрение, и спускаться будет намного легче, чем подниматься. Но ведь то, что находилось внизу, было окутано туманом, и это не придавало нам уверенности. И вот еще что: на другом склоне горы была жизнь. Я видел свежие следы животных, пролетела какая-то птица... Но здесь признаков жизни не было. Мы спустились пониже и увидели первую растительность на этой земле — выглядела она, правда, как-то странно. Узкие листья кустарников были намного светлее тех, к которым привыкли у себя на родине, да и вид у них был какой-то сморщенный, словно выросли кустарники из пораженных непонятной болезнью семян. Мы вышли к скале над долиной и там решили остановиться на ночлег. Местность внизу казалась отсюда еще более неправдоподобной, чем сверху. Сначала вообще было трудно сказать, что это такое. Затем, внимательно оглядевшись вокруг, я понял, в чем дело. Скорее всего это были деревья, потому что ни один кустарник не вырастает до такой высоты, но деревья странные. Им наверняка по несколько сотен лет — они заполнили всю долину, верхушки их почти касались наших ног. Когда-то в далеком прошлом это были обычные саженцы, но достигнув высоты приблизительно в десять футов, они вдруг резко отклонились вправо или влево. Развиваясь в новом направлении несколько футов, они снова устремлялись вверх, и так продолжалось бесчисленное количество раз — получились такие многоуровневые скрещенные гиганты, а той земли, на которой они стояли, даже не было видно. Чтобы преодолеть эту долину, нам придется идти по этим веткам-стволам, как канатоходцам — подскользнешься и либо сломаешь себе шею, либо сядешь на кол — вершину нижерастущего дерева. Я покинул наш наблюдательный пункт.

— Нам потребуется целый день...

Каттея заслонила глаза рукой от последних солнечных лучей, отражающихся от скал.

— Ты прав. Но здесь холодно — где мы укроемся?

Кемок нашел подходящее укрытие в скале — небольшую расщелину, которую мы загородили камнями — и протиснулись в нее. Огонь мы решили не разжигать. Кто знает, чьи глаза увидят костер там, где его не должно быть, и что может случиться? Мы легли на землю, Каттея между нами, и укрылись сверху пледами. Если в дневное время горы казались безжизненными, то ночью они ожили — неожиданно раздался рев снежного барса, упустившего свою добычу, потом крик совы откуда-то из долины. Но никто и ничто не потревожило наш

сон. Мы часто просыпались, прислушивались, потом засыпали снова — так прошла ночь. На этой стороне гор она была намного длиннее.

Рано утром мы доели последние крошки хлеба, у нас осталось лишь по несколько глотков воды во фляжках, которые мы заполнили у горного ручья. Кемок встряхнул свою пустую сумку.

— Похоже, теперь у нас есть еще одна причина для того, чтобы продвигаться вперед,— заметил он.

Я провел языком по пересохшим губам и попытался вспомнить, когда в последний раз наедался досыта. Это оказалось делом нелегким, так как я перебивался на сухом пайке с тех пор, как по зову Кемока покинул свой отряд. Следы какой-либо дичи нам не попадались — лишь снежный барс выл в ночи, а там, где рыскает этот охотник, должна быть добыча. Я представил огромный кусок мяса на вертеле, стекающие с него капли жира... И это дало мне стимул — желание переступить опасную черту и идти в неизвестность...

Мы приняли необходимые меры предосторожности — обвязались веревкой, чтобы в том случае, если кто-либо из нас поскользнется, подстраховать его. Но переход через эту долину деревьев-уродов не вселял в нас оптимизма. Нашей целью был не противоположный склон, нам нужно было спускаться вниз, держа курс все время на восток. Туман по-прежнему застилал все внизу, и нам оставалось лишь надеяться на то, что там есть равнина. Мне всегда казалось, что я неплохой альпинист, но лазая по горам, я обычно имел дело с камнем и землей. Теперь же под ногами были раскачиваемые ветром и прогибающиеся при каждом шаге гладкие стволы деревьев. И пройдя всего несколько футов по этому лабиринту, я обнаружил, что кошмарная долина обитаема.

Раздался резкий стрекочущий крик, и с верхней ветки, за которую я только что ухватился, внезапно устремилось вниз какое-то крылатое существо, затем оно снова взмыло вверх и исчезло среди листвы. Каттея вскрикнула, а меня спасло от падения лишь то, что я держался за верхнюю ветку. Наше продвижение еще более замедлилось. Три раза мы отмахивались от этих летающих тварей. Нам пришлось даже сделать крюк в одном месте, когда мы увидели еще одного обитателя здешних мест — более уродливого — чешуйчатый, с узким вилкообразным языком, дрожащим в зеленой пасти, сам серебристо-зеленый, цвета той листвы, среди которой притаился, он смотрел на нас немигающими глазами. Не змея, нет — у него были небольшие конечности и когтистые лапы, которыми он цеплялся за ствол; тело вытянутое — было в нем что-то зловещее, но он не причинил нам зла. Всему приходит конец. Изможденные, истекающие потом, готовые упасть от усталости, мы шагнули с неустойчивой ветки на каменистый склон. Каттея, тяжело дыша, словно подкошенная, рухнула на землю. Тела наши го-

рели от множества царапин и следов хлестких ударов веток. Наша военная форма была достаточно крепкой, чтобы выдержать такой переход, но платье Каттеи порвалось во многих местах, а в ее волосах, выбившихся из-под платка, запутались сломанные веточки.

— Я похожа на жительницу Страны Мха,— проговорила она, осмотрев себя с ног до головы, и неопределенно улыбнулась.

Я оглянулся на проделанный нами путь.

— Да, больше эта страна ни на что не похожа,— усмехнулся я. Тишина, повисшая над нами, заставила меня повернуться к своим спутникам. Они оба уставились на меня так, будто я сказал что-то очень важное, сам того не понимая.

— Страна Мха,— повторила Каттея.

— Кроган, Тас, Люди Зеленой Тишины, Фланан...— добавил Кемок.

— Но ведь это все легенды, предания — сказки, которые рассказывают детям, пугают тех, кто не слушается...— возразил я.

— Да, все это чуждо Эсткарпу,— сказала Каттея.— Но что ты скажешь о Вольте? Ведь до тех пор, пока Корис не нашел Пещеру и его самого, сидящего там, все считали, что это выдумка, небылицы. И Топор Вольта, который Корис прихватил с собой, разве не из легенды?

— А женщины из Страны Мха, которые просят матерей понянчить детей и платят им за это золотом и наделяют удачей? А летающие существа, предающие пыткам тех, кто пытается проникнуть в их тайны? Создания, живущие в сумрачном подземелье, и заманивающие к себе людей, а люди, похожие на деревья...— Я вспоминал всякие обрывки из старых сказок, от которых становилось то смешно, то так страшно, что мороз пробегал по коже. Их рассказывали, собравшись у камина, в замке.

— Истории эти такие же древние, как Эсткарп,— сказал Кемок,— и вероятно имеют под собой реальную почву.

— Нам и так хватает всяких ужасов — давайте хоть сказки оставим в покое,— проворчал я.— А то будут мерещиться за каждым кустом всякие призраки!

Но воображение уже работало, да и сама эта земля действительно напоминала старые предания и легенды. Ведь Вольт оказался не выдумкой, а реальностью — наш отец доказал это. И чем дальше мы углублялись в эту страну, тем чаще вспоминались фантастические существа из детских сказок.

Мы добрались до нижнего склона, но характер местности не изменился, оставался изрезанным. Главное сейчас — найти воду. И хотя растительность стала значительно богаче, мы не встречали ни ручейка, ни родника, а жара становилась все нестерпимей. Туман не исчез, и мы видели перед собой лишь небольшой участок пути. Этот туман больше напоминал пар. Нам пришлось снять с себя шлемы и кольчуги. Не знаю, когда

я осознал то, что мы не одни в этом диком мире, окутанном туманом. Наверное усталость и жажда притупили во мне навыки разведчика. Но ощущение того, что за нами постоянно наблюдают, становилось все отчетливее. Теперь я был уверен в этом, и приказал своим спутникам спрятаться в зарослях, а сам стал пристально всматриваться во все стороны, держа наготове оружие.

— Это где-то там...— Кемок тоже взял в руки меч.

Каттея сидела, закрыв глаза, чуть приоткрыв рот, и вслушивалась в окружающее, но не уши служили ей в данный момент, она слушала всем телом, всем своим нутром.

— Не могу понять,— шепотом произнесла она.— Контакта нет...

— Ушел! — Я был уверен, что видел, как притаившееся существо, похожее на то, крылатое, что мы видели в долине, улетело прочь. Надо было продвигаться вперед, подальше от этих тварей. И мы стали спускаться в низину. Туман наконец-то рассеялся. Высокие деревья и кустарники сменились огромной поляной, покрытой густым, пружинящим под ногами, сероватым мхом. Идти по нему было приятно, ноги утопали словно в мягкой подушке. Раздавалось пение птиц, то там, то здесь пробегали какие-то мелкие зверюшки. Так, дичь мы нашли, но воды по-прежнему не было видно. Затем мы наткнулись на первые следы человека — полуразрушенную стену, служившую, как мы решили, заграждением, так как за ней было по всей вероятности поле, заросшее высокой травой, среди которой можно было заметить чахлые колоски пшеницы. Когда-то здесь была ферма. Мы пошли вдоль этой стены и вскоре вышли на открытое пространство. Солнце палило нещадно, и мысли о воде вытесняли все остальное. На ферме могла быть вода. Каттея споткнулась и ухватилась за стену.

— Извините,— тихо произнесла она.— Но я не могу идти дальше.

Я прекрасно ее понимал, но оставить ее одну в таком опасном месте, а самим идти на поиски воды... Кемок подхватил ее под руки.

— Вон туда, потерпи немного.— Он указал на деревья, под которыми можно было передохнуть в тени. Добравшись до них, мы огляделись по сторонам, и увидели, что удача сопутствует нам — стена в этом месте была увита виноградом. Спелые красные ягоды свисали огромными гроздьями — я знал этот сорт, его сочные плоды были терпкими и вяжущими на вкус, но хорошо утоляли жажду, и мы начали собирать их и отдавать Каттее.

— Где-то поблизости должна быть вода.— Я взял с собой оружие и фляжки.

— Кайлан! — Каттея быстро проглотила полную горсть винограда.— Будь осторожен! Не теряй с нами контакт!

Кемок покачал головой.

— Не думаю — мысленной связью надо пользоваться только в случае необходимости. Не стоит привлекать к себе внимание.

Значит, он тоже чувствует, что мы пробираемся не сквозь пустой мир, что вокруг нас сгущается чье-то присутствие — за нами наблюдают, нас изучают, выжидают момент...

— Я буду думать только о воде, ни о чем больше.— Не знаю, почему я прибег к таким заверениям, но они казались мне необходимыми. И я пошел, сконцентрировавшись на мыслях о ручье, на каком-нибудь роднике, рисуя в уме живую картину того, что я должен найти.

За этим полем, отгороженным стеной, и за участком бывшим когда-то дорогой, я увидел другое поле. Я присмотрелся повнимательней и увидел пасущихся там антилоп. Самец был крупнее тех, что обитали у нас в Эсткарпе — его замысловато перекрученные рога отливали красным на солнце. Рядом с ним паслись три самки с небольшими блестящими черными рожками, четверо «подростков» и один годовалый детеныш. Вот он-то и будет моей добычей. Стрелы — оружие бесшумное, лишь чуть свистят в воздухе при выстреле. Моя жертва дернулась и рухнула на землю. Секунду иди две его спутники удивленно смотрели на упавшего, изогнув головы, затем их охватил страх, и они помчались в другой конец поля. Я перелез через стену и направился к добыче. Свежуя убитое животное, я услышал журчание воды — где-то поблизости есть ручей! Завернув теплое мясо в содранную шкуру, я направился на этот звук. Не ручей, а целая река открылась моему взору. Я кубарем скатился с высокого берега к воде. Течение было быстрым, дно — каменистым. Я подбежал к воде, встал на колени и стал жадно пить, черпая воду ладонями. Она была холодной, наверное река текла с гор, и утолив наконец жажду, я стал плескать ее на голову и лицо. Я не мог оторваться от живительной воды, потом наполнил обе фляжки до краев и плотно закрыл их крышками, чтобы не проронить ни единой капли. Еда и вода — Каттея и Кемок ждут и то и другое. Нужно было возвращаться. Но в том месте, где я скатился к воде, берег был слишком крутым, чтобы забраться на него с тяжелой поклажей — мясом и увесистыми фляжками. Я пошел вдоль берега в поисках более пологого склона. Выйдя к тому месту, где река делала поворот, я обнаружил еще одно подтверждение тому, что земля эта была когда-то обжитой. Это были не развалины дома, не какое-то знакомое мне строение — платформа из массивных блоков, заросшая травой и мхом, какие-то странные колонны, стоявшие не рядами, а концентрическими кругами. Интересно, над ними когда-нибудь была крыша? Из чистого любопытства я шагнул с земли на эту платформу и прошел между двумя колоннами.

Потом... Я прошел медленным размеренным шагом по одному кругу, и не смог остановиться. Круг за кругом, по спирали, в глубь лабиринта, откуда исходило — не приветствие — а злорадное предвкушение того, что я иду прямо в пасть, в ненасытную утробу. Все во мне противилось этому, но я уже ощущал чье-то мерзкое дыхание, меня словно облизывали... Черное зло... Я закричал что есть силы как голосом, так и про себя,

моля о помощи... И она пришла — я не был больше одинок. Силы вернулись ко мне, соединили меня с силой общей, теперь я не был один на один с этим чудищем — обитателем каменной паутины. Еще одно послание, и черное зло огрызнулось, обозлилось. Я ухватился за колонну, подался назад, нарушив механическое продвижение по спирали. Так, опираясь о колонны, я шел обратно, веря с каждым шагом в то, что имею защиту против этого мерзкого существа, которое я даже не видел. Он терпел поражение, это выводило его из себя. Добыча была совсем рядом, сама шла в руки. Он почувствовал сопротивление, мою силу. Я добрался до последнего круга, когда он снова напал на меня. Черное существо — я видел, как налетает что-то мерзкое и черное. Мне показалось, что я снова закричал, бросившись к выходу, собрав последние силы. Я упал — в темноту, во мрак, в полную противоположность того, что значила для меня жизнь.

Я страшно болен — первая мысль, которая пришла мне в голову, когда я опомнился. Меня выворачивало наизнанку. Я открыл глаза — Кемок поддерживал меня под руки, потом положил на землю. Я приподнялся на локте и осмотрелся вокруг, боясь увидеть каменные колонны. Но вокруг было только поле, а над ним солнце, и ни облачка на небе — никакой угрозы. Каттея склонилась надо мной и приложила к моим губам фляжку с водой. Я попытался поднять руку, но у меня не хватило сил даже на это. Лицо ее было суровым и несколько отчужденным, рот плотно сжат. Кемок опустился на колено рядом с сестрой, глаза его горели.

— Зло...— Каттея обхватила мою голову обеими руками.— Но благодаря Силе, оно ушло к себе в нору! На этой земле существует опасность. И ее зловоние должно предупредить нас...

— Как я сюда попал? — прошептал я.

— Когда тебя забрали — или хотели забрать — ты позвал нас. И мы пришли. Ты, шатаясь, выбрался из этой ловушки, и мы утащили тебя подальше от гиблого места, ведь его сила может выходить за границы холодной паутины...— Она подняла руку, посмотрела по сторонам, глубоко вдыхая теплый ветер.— Никого нет, нам ничто сейчас не угрожает, мы в безопасности. Но ты вступил на место зла, очень древнего зла, а там, где есть одно зло, наверняка найдется и другое.

— Какое зло? — спросил я.— Колдеры? — Произнося имя нашего старого заклятого врага, я был уверен, что наткнулся у реки на нечто совсем другое.

— Я никогда не видела колдеров, но не думаю, что это имеет к ним какое-нибудь отношение. Это зло, как... зло Силы! — Она посмотрела на меня, словно сама не верила в то, что только что выпалила.

— Но это противоречит всему! — воскликнул Кемок.

— Я тоже была уверена в этом до сегодняшнего дня. Но говорю вам, что породила это не какая-то посторонняя сила, а то, что мы знали всю свою жизнь, но в искаженном виде. Разве можно не узнать то, что я изучала, мое собственное оружие,

пусть его и изменили? Но опасность таится именно в том, что вид его нам незнаком, в нем лишь крупица того, к чему мы привыкли. Но что все-таки произошло здесь, почему все так изменилось?

Ответа на ее вопрос не последовало. Она приложила ладонь к моему лбу, пристально посмотрела мне в глаза. И снова начала напевать что-то, вытягивая из меня, из тела и из души, оставшуюся тошноту и ужасные спазмы — осталось лишь чувство опасности и желание, чтобы случившееся со мной не повторилось в дальнейшем. Постепенно я пришел в себя, набрался сил, и мы двинулись дальше. Открытое поле было своего рода защитой, но приближалась ночь, и нужно было искать какое-нибудь убежище. Пройдя вдоль стены еще немного, мы увидели груду камней, бывших когда-то углом некоего строения. Мы с Кемоком соорудили подобие баррикады, а Каттея собрала немного хвороста. Вернувшись, она положила на камни какие-то травы.

— Здесь нет плохих запахов — когда-то здесь жил целитель, выращивал травы. Посмотрите, что я нашла. Вот это,— она прикоснулась к каким-то листочкам,— камнеломка, отличное средство от лихорадки, снотворное. А это,— она дотронулась до тонкого стебелька,— трехлистник, проясняет ум и обостряет все чувства. Наверняка, здесь растут и другие целебные травы, доказательство тому вот эта — дурман — очень сильное снадобье...

Я знал, что по очень старому обычаю весной это растение высаживали у дома, а осенью собирали белые цветы, сушили и вывешивали над дверью и над входом в конюшню. Согласно поверью, это приносило удачу, оберегало от зла — их дурманящий запах отпугивал нечистую силу. И если сорвать или разломить это растение, то его резкий запах надолго сохранялся.

Каттея разложила костер. Я хотел было возразить — ведь мы могли привлечь чье-нибудь внимание — но Кемок покачал головой, приложив палец к губам. Затем она растерла между пальцами камнеломку и трехлистник и бросила получившийся порошок на хворост. Потом осторожно оторвала несколько цветков с дурмана и положила их сверху. Взяв ветку с оставшимися на ней цветками, она начала ходить вдоль нашей баррикады и обмахивать ею камни, затем воткнула ветку в землю, как флаг.

— Разжигайте костер,— приказала она.— Он только поможет нам этой ночью. Темным силам преградят дорогу дым и пламя.

Я поджег сухие ветки. К запаху дыма примешивался терпкий аромат трав. А немного погодя мы почувствовали еще один чудесный запах — жареного мяса. Каттея, наверное, на самом деле отпугнула их — я больше не чувствовал на себе чьего-либо взгляда, никто не прислушивался к нам, не изучал нас...

Мы спали как убитые всю ночь — даже сны не приходили к нам — и проснулись бодрыми и полными сил, помня лишь о

том, что надо быть начеку. Когда я открыл глаза, Каттея уже всматривалась в утреннюю даль, облокотившись на тот барьер, что мы соорудили вечером. Солнце не выглядывало из-за облаков, и в эти ранние часы над землей еще стоял туман. Сестра обернулась, услышав, что я проснулся.

— Кайлан, как ты думаешь, что это такое?

Я проследил взглядом за движением ее руки. Чуть вдалеке, за небольшой рощицей, я увидел зарево — но не красное, как отблеск пожара или костра, а какое-то зеленоватое, таинственное.

— Оно не меняется — не ослабевает и не усиливается.

— Может быть, сигнальный огонь? — предположил я.

— Может быть. Указывающий путь или предупреждающий — для чего он?! Я не помню, чтобы мы видели его вчера вечером. Я слушала — ничего, тихо.

Я знал, что, слушая, она напрягала все свое внутреннее чутье.

— Каттея...

Она обернулась и посмотрела на меня.

— Эта земля может быть полна тех ловушек, в которую угодил я. Наверняка она была закрыта — да и сейчас по какой-то серьезной причине в нее не проникнуть тем, кто одной крови с нашей матерью.

— Ты прав. Я думаю, что нас сюда направила неизвестная внешняя сила, не только наша воля, Кайлан. Если судить по тем злым местам, одно из которых ты обнаружил, это волшебная страна. Оглянись вокруг. Разве ты не замечаешь, что эти поля притягивают к себе, облака манят?

Действительно, хотелось идти и идти по этим древним заросшим полям, погрузить руки в эту землю, ожидающую прикосновения, переполняло желание стащить тяжелые шлем и кольчугу и бежать вприпрыжку, налегке, ощущая ветер и тепло под ногами... как в детстве... У меня не появлялось таких желаний с тех пор, как нас начал обучать Откель.

Каттея кивнула.

— Видишь, брат? Разве можем мы отвернуться от той земли, что страдает от непонятной болезни? Мы знаем, что здесь есть места зла, но должны узнать и добро. Уверяю тебя, те травы, что я нашла вчера вечером, не могут расти там, где правят только Темные Силы.

— Дело не в том, волшебная это земля или нет,— раздался голос Кемока за нашими спинами,— у человека должно быть две вещи — убежище и запас еды. Не думаю, что мы сможем жить в этих руинах без крыш и стен. И на какое-то время нам придется стать охотниками, чтобы раздобыть себе пропитание. Да, и о соседях следует узнать побольше.

Я согласился с ним. Всегда лучше быть уверенным в том, что тень, отбрасываемая деревом — всего-навсего тень, а не хитрая неприятельская уловка. Мы съели по куску мяса и грозди винограда и приготовились к дальнейшему путешествию.

Перед тем, как покинуть наше убежище, Каттея сорвала еще немного трав и завернула их в лоскут, который оторвала от подола своего платья — теперь оно было чуть ниже колен.

Солнце по-прежнему чуть проглядывало из-за облаков, и мы шли осторожно, стараясь держаться поближе к лесу. Каттея не чувствовала никаких посторонних запахов, лес жил своей обычной жизнью — пели птицы, какие-то зверюшки пробегали то там, то здесь. Вскоре лес кончился, и мы вышли на открытое пространство. Перед нами заблестела река, над которой возвышалось первое настоящее строение, которое мы встретили на этой стороне гор. Оно напоминало те замки, что строили у нас в Эсткарпе — строгих пропорций, со сторожевыми башнями. Из узких окон-щелей лился свет — там кто-то жил. Рассматривая замок, я поймал себя на мысли, что никакого желания разведать, что там внутри, не возникало. От него не исходило такое зло, как от каменной паутины, в которую я попал... но явное предупреждение — совать в него свой нос человеку не стоит. Возможно, там живут не враги, но там не будут рады пришельцам. Я и не могу объяснить, почему я так подумал. Кемок согласился со мной.

Каттея погрузилась в себя, потом тряхнула головой.

— Туда не проникнуть даже мысленно... Не стоит пытаться узнать, что там. Всегда существовали силы, которые в действительности не добрые, но и не злые — они могут как убить, так и помочь. Но иметь с ними дело рискованно, лучше не будить их.

Мне показалось, что за нами все-таки наблюдают со сторожевой башни. Мои спутники согласились с тем, что лучше вернуться в лес и под его прикрытием выйти к реке. Мы двинулись вниз по течению. Каттея все время принюхивалась к ветру, прислушивалась в постоянном ожидании сигналов опасности. Дождя не было, но тучи сгущались. Стало пасмурно. Я увидел свежие следы крупной лесной птицы, которая считалась отличной добычей у охотников Эсткарпа. Птицы эти очень осторожны, охотиться на них лучше в одиночку. Пообещав соблюдать осмотрительность и не попасть в очередную ловушку, я снял с себя шлем и кольчугу, чтобы бесшумно подкрасться к добыче, отвязал флягу. Птицы продолжали спокойно прохаживаться вдоль реки, я спрятался в камышах. Но вдруг я почувствовал опасность. Из-за реки ко мне подкрадывались какие-то черные существа — проворные, стремительные — не похожие на знакомых мне зверей. Они продвигались осторожно, их становилось все больше. Словно почувствовав мою нерешительность, они ринулись ко мне, нырнув в реку, рассекая воду узкими мордами. Скоро они выйдут на берег. Они охотятся не на птиц, на меня!

Опасность — голова не защищена шлемом — к ближайшему полю! После этого предупреждения я вскочил и рванулся к открытому пространству. Там с ними можно сразиться, а здесь камыши будут мешать! Кемок подсказал мне бежать

направо. Я последовал его совету, и вовремя, так как несколько секунд спустя первая черная стая появилась из-за кустов у огромного поваленного дерева. Я продирался сквозь колючий кустарник — преотличное место для засады. Животные! Наверное, я все еще не мог прийти в себя после тех кошмарных колонн. Ведь я могу управлять животными, почему бы не попробовать сейчас. Я направил пробную мысль тем, что скрывались за деревом. Нет, это не животные — по крайней мере, не обычные животные! Тогда кто? От них исходило лишь кровожадное стремление убивать, раздирать на куски и пожирать — это не животные, но кто? Они неуправляемы — по отношению к ним только отвращение и страх... Я снова допустил ошибку — мой контакт разъярил их еще больше, подзадорил их аппетит. Их было много, очень много... Я хотел бежать, прорваться сквозь кустарник, который стал моей тюрьмой, не выпускал из своих зарослей, но продвигался медленно. Я приготовил стрелы, чтобы в случае нападения отбиться... Кустарник стал реже, наконец-то я на свободе, на открытом месте. Вдалеке я увидел Каттею и Кемока — они направлялись ко мне. Но за мной гонится целая стая... Сможем ли мы выстоять? Я споткнулся и упал. Каттея вскрикнула — я приподнялся и увидел, что черные твари несутся прямо на меня. Безмолвно, не так как гончие, подающие голос на охоте, и эта тишина была такой жуткой, сверхъестественной. Коротконогие, но при этом быстрые, гибкие и проворные, гладкошерстные, с узкими головами и резко заостренными мордами; желтые клыки выделялись на фоне темной шкуры. Маленькие глазки горели злобным огнем. Не теряя времени и не вставая, я выстрелил. Вожак стаи закружился на месте, яростно кусая стрелу, вонзившуюся в его плечо. Но даже от боли эта тварь не закричала, не издала ни единого звука. Выстрел заставил всю стаю сначала остановиться, а затем отползти обратно в укрытие. Вожак остался лежать на земле, извиваясь в предсмертной агонии, потом затих. Я побежал к тому месту, где стояли Каттея и Кемок. Кемок держал оружие наготове.

— Охотники,— сказал он.— Откуда они взялись?

— Переплыли через реку,— ответил я.— Никогда не видел таких...

— Разве? — Каттея прижимала к груди пучок трав, словно все эти листочки, веточки и цветы служили защитой от опасности.— Ведь это рàсты.

— Рàсты? — Как можно сравнить грызунов величиной с палец с этими хищниками? Хотя, конечно, если не обращать внимание на их размеры, то они похожи на этих грызунов. Ну, может, не совсем рàсты, но из того же семейства, и при этом гигантских размеров, еще более злобные, чем их меньшие собратья. Наверное, мутанты. Подумав так, я немного успокоился, чувство страха перед чем-то неизвестным прошло.

— А расты не так-то просто отказываются от своей добычи,— добавил Кемок.— Ты видел когда-нибудь, как они задирают домашнюю птицу?

Действительно, однажды мне довелось быть свидетелем такой схватки. Стало как-то не по себе. Окружали... да, они стали нас окружать, как тогда, на птичьем дворе. Они выползали из укрытия, прижимаясь животами к земле, как змеи...

Кемока предупреждать не надо — он выстрелил. Трое черных тварей подлетели в воздух, перевернулись и рухнули на землю. Надолго ли нас хватит? Сколько стрел понадобится? У нас есть мечи, но нельзя допустить, чтобы эти мерзкие существа подступили к нам так близко — тогда против них не выстоять.

— Не могу — Сила не действует на них! — взволнованно проговорила Каттея.— В них нет ничего из того, на что я могу воздействовать!

— Будем действовать вот этим! — Я снова выстрелил. Похоже, природа ополчилась против нас. Резко стемнело, и хлынул ливень, такой сильный, что нас словно били хлыстом. Но враг не отступал.

— Стойте — посмотрите вон туда!

Я промахнулся, оборачиваясь на крик Кемока, и зарычал на него, как снежный барс, упустивший свою добычу. Потом только я заметил, кто приближается к нам. Лошадь — по крайней мере в такой мгле это было похоже на лошадь — мчалась прямо на нас галопом. На ней всадник. Лошадь проскакала между нами и стаей растов. Потом нас ослепило вспышкой молнии. Наверное, всадник призвал на помощь небесные силы, чтобы избавиться от ползущих тварей. Три раза молния ослепляла нас. Затем я увидел, что всадник на лошади удаляется — вскоре они скрылись в лесу, а с земли, опаленной грозным оружием, поднимались струйки дыма. Не проронив ни слова, мы с Кемоком подхватили Каттею и побежали прочь — подальше от этого места и от дождя. Мы укрылись под деревом и тесно прижались друг к другу. Каттея тихо произнесла:

— Это... это была Сила — не злая, добрая. Но она не откликнулась на мой зов! — В голосе ее прозвучала обида.— Послушайте,— ее пальцы вонзились в наши руки,— я вспомнила кое-что. Бегущая вода — если мы найдем такое место среди бегущей воды, и поблагодарим его, то мы спасены!

— Но эти расты хорошо плавают,— возразил я.

— Да, но мы будем среди бегущей воды. Надо быстрее найти это место.

У меня не было никакого желания возвращаться к реке. Похоже, все зло исходит именно от нее. Лучше попытать счастья, направившись вслед за всадником...

— Пошли! — Каттея потянула нас под хлесткие струи воды.— Поверьте, этот мрак, ветер и вода могут высвободить другие силы — нам нужно найти безопасное место.

Ничто не могло остановить нашу сестру, да и Кемок не противился ей. Мы вышли из укрытия, ливень обрушился на нас с тем же неистовством, с каким всадник метал молнии в кровожадных тварей. По крайней мере, мне удалось убедить Каттею в том, что надо идти в том направлении, в котором исчез всад-

ник. Лес словно расступился, наверное мы вышли на какую-то дорогу или тропу, которая вскоре вывела нас к реке. Каттея стала пристально всматриваться сквозь пелену дождя в бурлящую воду и наконец увидела небольшой каменный островок. На нем можно было найти укрытие.

— Надо добраться до него сейчас, пока вода не поднялась,— сказал Кемок.

Сможем ли мы перебраться туда с оружием и поклажей на плечах? Каттея, не раздумывая, кинулась в воду. Она была уже по пояс в воде и боролась с течением, когда мы настигли ее. Мы добрались до островка и заползли на него без сил. Природа соорудила на острове отличное укрытие от дождя и некое подобие сторожевой башни. Попасть на берег можно было только с одной стороны, с других мы были надежно защищены отвесными скалами и рифами. Если рàсты сунут сюда свой нос, то для нападения они могут выбрать только одно место, и не смогут окружить нас.

— Это место не подвластно злу,— сообщила нам Каттея.— Я тоже сооружу защиту.— Она достала из узелка веточку дурмана, крепко сжала ее в кулаке и прижала к губам. Затем она начала напевать свои заклинания. Опустившись на колени, она стала водить травой по тому месту, откуда мы вышли из воды, потом вернулась к нам, прислонилась к камню без сил, словно трудилась несколько часов подряд.

Ливень понемногу стихал, хотя вода вокруг нашего островка все еще бурлила. Продолжало моросить, потом все стихло.

Наши мысли занимал тот всадник, что пришел к нам на помощь. Каттея заявила, что он один из тех, кто использует Власть по назначению, хоть и не так, как она. Он не откликнулся на зов моей сестры, но и не проявил к нам враждебности. То, что нам оказали такую услугу, говорило о добрых намерениях. Всадник был первым жителем этой страны, которого нам довелось увидеть воочию, если, конечно, не считать обитателя каменной паутины и тех, кто жил в замке. Да и самого всадника мы не успели рассмотреть как следует из-за мрака и пелены дождя, хотя было очевидно, что это человек, что у него не было злобных намерений, и что он знал, как справиться с рàстами. Больше о нем мы ничего не знали. Присутствие же лошадей в этой стране заставило меня задуматься. С тех пор, как я объездил своего первого пони — а было мне тогда всего четыре года — заставить меня ходить пешком было почти невозможно. Всю свою жизнь я провел в седле. Когда нам пришлось оставить Торских скакунов на той стороне горного перевала, я испытал чувство огромной потери. А теперь — если здесь есть лошади — то, чем скорее мы их раздобудем, тем лучше! На конях нам нечего бояться рàстов! Завтра отправимся по следу этого всадника, выследим его, узнаем, что за люди живут в этих местах...

Посмотрите! Осторожно...

Два приказа, отданные Кемоком один за другим.

На поверхности бурлящего потока появилась птица. Ее крылья блестели неестественно ярко — мне никогда не доводилось видеть подобное. Она нырнула, снова появилась на поверхности воды и направилась в сторону нашего прибежища.

Еда...

Мысль Кемока отозвалась во мне чувством голода. Воды теперь хоть отбавляй, но еды у нас нет — во время схватки с растами мы потеряли последние запасы мяса. Конечно, можно поймать какую-нибудь рыбу, но птица вот она, рядом... Крупная — мы можем неплохо поужинать сегодня вечером. Но стрелять сейчас рано — ее унесет течением. Мой брат приготовил оружие, но Каттея перехватила его руку.

— Нет! — громко крикнула она.

Птица была уже совсем близко, она снова нырнула и выбралась на берег, потом отряхнулась и заковыляла в нашу сторону. Вблизи ее оперение озаряло все вокруг своим блеском, излучало сверхъестественное сияние. Клюв и ноги были ярко красными, глаза большими и темными. Птица остановилась и сложила крылья, потом стала внимательно разглядывать нас, словно ждала с нашей стороны каких-то действий. Моментально расхотелось охотиться на нее. Каттея пристально смотрела на птицу, изучала ее. Затем она осторожно подняла правую руку, протянула ее к птице и вырвала блестящее перышко. Наша крылатая гостья вытянула шею и заглянула Каттее в глаза. Сияние стало еще ярче. Моя сестра произнесла какие-то слова — похоже, команду — и хлопнула в ладоши. Перед глазами появился мерцающий туман, затем он рассеялся. Птица исчезла — на каменном выступе покачивалось невиданное существо — ни птица, ни человек.

— Фланнан! — прошептал я, не веря собственным глазам.

Существо, стоявшее перед нами, было точь-в-точь из сказки, которую нам рассказывали в детстве — человек-птица... С красными лапами и ногами, как у птицы, но бóльших размеров; человеческое тело, руки, но и крылья над ними и маленькие пальчики-коготки. Шея длинная и гибкая, но голова как у нас, хотя на лице вместо носа клюв. Вместо одежды — ослепительно белое оперение, по всему телу, за исключением рук и ног. Фланнан быстро заморгал и протянул к Каттее руки. Фланнан, крылатый человек... Я стал припоминать множество сказок и легенд, в которых упоминалось это крылатое племя. По отношению к людям они дружелюбны. По характеру очень подвижны, им быстро все надоедает, они не умеют на чем-либо долго сосредотачиваться, не доводят до конца ни одно из начинаний. Многие герои и героини в разных историях терпели неудачу, положившись на Фланнана и приняв его помощь. Однако, он никогда не вступал в союз с темными силами. Каттея начала бормотать, напевать что-то по-птичьи. Фланнан придвинулся к ней

поближе, вытянул шею. Затем клюв его открылся, и он стал ворковать что-то в ответ. Сестра моя нахмурилась, задумалась ненадолго, потом ответила — Фланнан защебетал громче. Снова пауза, еще какое-то щебетание — в его голосе чувствовалось нетерпение.

— Он отвечает,— сказала нам Каттея,— на мой зов. Но я не могу понять его. Не думаю, что он меняет облик по собственной воле.

— Он послан для того, чтобы следить за нами? — поинтересовался Кемок.

— Возможно.

— Тогда он может вывести нас на тех, кто направил его! — Я по-прежнему думал о всаднике.

Каттея засмеялась.

— Только в том случае, если он сам этого захочет — у тебя ведь не вырастут крылья, и ты не полетишь вслед за ним.

Она развязала узелок с травами, достала из него дурман и протянула его Фланнану. Он вопросительно посмотрел сначала на траву, потом на Каттею. Сестра заметно повеселела.

— По крайне мере старые сказки нас не обманывают. Это не посланник какой-либо злой силы. Поэтому...— Она снова запела что-то — медленно, с расстановкой.

Фланнан завертел головой. Когда он защебетал в ответ, я даже смог разобрать некоторые звуки. Несколько раз Каттея одобрительно кивала, словно понимала то, о чем он хочет ей поведать.

— Он прислан, чтобы наблюдать за нами. В этой стране зло и добро существуют бок о бок, и иногда зло может даже захлестывать добро. Он говорит нам, чтобы мы возвращались туда, откуда пришли.

— Кто направил его? — Резко спросил я.

Каттея проворковала что-то. Длинная шея Фланнана изогнулась, он посмотрел на меня безучастно и ничего не ответил. Каттея повторила свой вопрос, на этот раз в более резкой форме. Ответа не последовало. Тогда она начертила в воздухе перед собой какой-то знак. Реакция на это действие оказалась неожиданной. Раздался треск, и человеческая часть Фланнана как бы испарилась, мы снова увидели перед собой птицу. Она расправила крылья и взмыла в воздух, потом облетела три раза наш островок и каждый раз пронзительно выкрикивала что-то, пролетая над нашими головами. Глаза моей сестры заблестели, она проделала какие-то непривычные движения руками и пропела несколько слов гортанным голосом. Птица зависла в воздухе, потом крикнула и полетела как стрела на север.

— Что ж... ладно, не получится! — Заговорила Каттея.— Я не дала Клятвы, не стала настоящей Колдуньей, но у меня хватит Власти для того, чтобы не подчиниться им!

— А что он пытался сделать? — спросил я.

— Да так, элементарное колдовство.— Моя сестра издала звук, близкий к презрительному фырканью.— Облетел нас три

раза для того, чтобы пригвоздить к этому месту. Если те, кто направил его, способны лишь на такую магию, то мы с ними без труда справимся.

— Он полетел на север, наверное, направился к ним? — Кемок произнес вслух тот вопрос, что крутился у меня в голове.

— Думаю, что так оно и есть. Он полетел к ним, чтобы рассказать о нас.

— Тогда на севере находится то, что мы ищем.

— И всадник ускакал в том же направлении,— добавил я.

— А на севере нам может встретиться и каменная паутина, и стража, и всевозможные ловушки. Должно пройти какое-то время, прежде чем мы разберемся...— В ее голосе послышалась неуверенность. Мы посмотрели на нее. Каттея уставилась на свои руки, словно пыталась прочитать там будущее — похоже оно не было у нас счастливым...

— Быть лишь наполовину кем-либо не так-то легко,— продолжила она.— Это всем известно. Я не присягала на верность Колдуньям, никогда не носила на груди Колдовской Камень. Но несмотря на это я — колдунья. И хотя я не имею на это права, я могу предпринять еще один шаг. Это наверняка поможет нам, даже спасет!

— Нет! — Кемок уже понял, на что она намекала, я еще нет. Он обхватил своими руками ее голову, притянул к себе, пытаясь встретиться с ней глазами.— Нет! — повторил он, и это прозвучало громко, как боевой клич.

— Если мы будем продвигаться дальше по этой таинственной стране, что сможет направлять нас по верному пути, вести нас? — спросила она.

И ты сделаешь это, несмотря на ту опасность, что нам может грозить? Разве ты уверена в успехе? Скольким колдуньям удавалось сделать это, Каттея? И они всегда прибегали к помощи общей Власти...

Да, Власти!..— прервала она его.— Неужели ты веришь всему тому, что они говорят, Кемок? Они держат власть над теми, кто не обладает Даром, любой ценой. Кое-кто из колдуний в Эскарпе действительно пользовался этим, но сейчас им нечего изучать. Они знают свою собственную страну от и до. На протяжении нескольких сотен лет они не вторгались в чужие земли, а, следовательно, им не требовался их посланник. И против колдеров выступили не Колдуньи, а наши отец и мать. Именно они, а не Совет, уничтожили их на Горме. Но здесь властвует не одна Сила, мы знакомы лишь с ее частью, да и она могла претерпеть большие изменения. Значит, нам нужно прибегнуть к...

О чем она говорит? — обратился я к Кемоку.

О создании посланца.— ответил он. Лицо его было таким же суровым, как в тот момент, когда мы скакали в Место Власти, чтобы спасти нашу сестру.

— Посланца? — переспросил я, ничего не понимая.— Какого посланца?

Каттея властным движением отстранилась от Кемока. Она не смотрела на меня, только на него, словно направляя на брата всю свою волю и подчиняя его себе.

— Я должна создать посланца, Кайлан. Именно он сможет изучить эту страну, но не так как мы видим, понимаем и чувствуем ее сейчас, нет. Наш посланец сможет вернуться в прошлое и убедиться в том, что произошло здесь и что может спасти нас сейчас.

— И как это сделать? — Воскликнул Кемок.— Так же, как женщина, рождающая ребенка? Возьмешь и создашь существо усилием воли и духа, но не из плоти! Но ведь это будет нечто неживое!

— При родах всегда есть доля риска,— произнесла Каттея спокойно.— И если вы оба захотите, то наше усилие утроится. Ведь никогда в Эсткарпе не знали такой тройной Силы, как у нас. Разве я не права? Мы можем слиться воедино в случае необходимости. Если вы объединитесь со мной сейчас, то вероятность риска будет минимальной. Я бы и не пыталась предпринять ничего подобного одна, клянусь вам. Только в том случае, если вы по своему желанию и по своей воле захотите помочь мне, тогда у меня все получится.

— А ты уверена, что делать это необходимо? — спросил я.

— У нас есть выбор — мы можем идти вслепую, как при переходе через перевал, или все видеть и понимать. Семена зла в этой стране посеяли в далеком прошлом, и время взлелеяло их и видоизменило. И стоит нам только выкопать эти семена и понять причину их возникновения и развития, мы сможем найти защиту от того, что из них выросло за такое время.

— Я не хочу! — закричал Кемок.

— Кемок...— Она не выпускала из рук его ладони, все крепче вминаясь в них своими пальцами.— Разве ты говорил: «Я не хочу», когда тебе нужно было идти воевать?

— Но это совсем другое дело! Я был воином, мужчиной... Я видел своих противников в лицо...

— Почему ты меня так недооцениваешь? — спросила она.— Мои сражения не выиграть при помощи меча и стрел, но я многому научилась за те шесть лет, что мне довелось провести в Месте Власти. И мне пришлось сталкиваться с такими врагами, которых ты себе и представить не можешь. И я не говорю, что справлюсь с этим делом одна. Я призываю вас помочь мне, поддержать меня в моей битве, это намного легче, чем заставлять вас стоять в стороне и наблюдать, как рискуют жизнью другие.

Он не разжимал губ, но уже не возражал, и я понял, что она одержала победу. Возможно, я не был на его стороне, потому что не знал, что за опасность поджидает ее, но мое незнание было ей на руку. В такие минуты она не была молодой неопытной девушкой — она словно надевала на себя одеяния власти и становилась старше нас.

— Когда? — Кемок сдался, произнеся это слово.

— Лучше всего здесь и сейчас. Но сначала нам следует

подкрепиться. Сила тела поддерживает силу духа и воли.

— Вода-то есть, но еда...— Кемок приободрился, будто нашел в земных потребностях тот аргумент, что сможет опровергнуть все задуманное.

— Кайлан позаботится об этом.— Она опять даже не посмотрела в мою сторону. Но я знал, что делать, хотя никогда раньше не стоял перед столь сложной задачей, не считая ситуации с Торскими скакунами.

Если кто-либо обладает Даром или хотя бы частицей Власти, тот знает, что есть предел возможностям. Но стоит лишь раз попробовать преступить эти границы и одержать победу, как оказывается, что ты способен на большее, и тогда начинаешь верить в собственные силы. С тех пор, как я понял, что могу управлять животными на расстоянии, подчинять их своей воле, я ни разу не пользовался этим для охоты на них. У меня был опыт с Торскими скакунами, несколько раз мне удавалось заставить диких животных отступить, но чтобы умертвить животное — в этом было что-то запретное.

Но сейчас я должен сделать именно это. Я понимал, что полностью отвечаю за свой поступок. Я заставил себя настроиться на добычу, которую мне придется заманить. Мозг рыб и рептилий, насколько мне известно, сильно отличается от человеческого, поэтому на них воздействовать не стоит. То, что нам требуется, это млекопитающее. Антилопы умеют плавать... Мысленно я как бы нарисовал антилопу, представил, как она пасется. Держа в уме эту картину, я стал вести поиск. Никогда раньше мне не доводилось заниматься подобным делом — я либо видел животных перед собой, либо знал, что они где-то близко. Такого рода поиск — не определенного животного, а одного из них — может провалиться.

Но к моему собственному удивлению, все получилось. Я почувствовал ответную реакцию — инстинктивно я напряг волю, стараясь не спугнуть животное. И немного погодя на берег выскочила молоденькая антилопа. Я заставил ее ринуться в реку в том месте, где перебирались мы, чтобы течением ее вынесло прямо на наш островок.

— Нет! — Я запретил Кемоку стрелять. За убийство несу ответственность только я один, вина не должна переходить на другого. Я дождался, когда животное настигнет смерть — я мог предложить ему только быстрый конец, без мучений.

Каттея пристально наблюдала за тем, как я вытаскиваю мертвую антилопу на берег. Я спросил ее мысленно:

— Это в какой-то мере уменьшит Власть?

Она тряхнула головой, но глаза ее были встревожены.

— Нам нужна только сила тела, Кайлан. Хотя, конечно, ты взвалил на себя эту ношу... И я не могу сказать, чем тебе придется отплатить за это...

Наверное, это отразится на снижении моих способностей, но я решил, что не стоит расстраиваться раньше времени, к тому же это не Эсткарп, и правила, которые существуют в

этом колдовском мире, могут сильно отличаться от привычных нам. Мы разожгли костер и поджарили мясо, потом сытно поужинали.

— Приближается ночь,— заметил Кемок.— Лучше подождать следующего дня. Наша сила питается светом. Ночью мы можем вызвать Силу тьмы.

— Напротив, то, что мы задумали, лучше всего начинать с закатом. Если создать посланца в полночь, то он попадет в более раннее время. И не всегда свет и тьма враждуют, Кемок. А теперь слушайте внимательно, я не могу сказать и объяснить вам все. Мы должны взяться за руки и мысленно слиться воедино. Не обращайте внимание на меня, главное не выпускать друг друга из рук. И... что бы ни случилось, оставайтесь со мной!

Обещаний с нашей стороны не требовалось. Я, как и Кемок, боялся сейчас за нашу сестру. Она слишком неопытна для подобного дела. И хотя она так уверена в успехе и в своей силе, она напоминала мне воина, который еще ни разу в жизни не попадал в засаду.

Тучи, которые нависали над нашими головами целый день, расступились, небо прояснилось, закат полыхал вовсю. Мы увидели горы, через которые попали в эту загадочную страну. Взявшись за руки, мы объединили наши мысли. Возникло такое же ощущение, как в тот миг, когда наша мать призвала нас троих к себе в комнату. Тогда мы впервые потеряли самих себя, растворились друг в друге, зная, что нельзя бороться против этой потери. После этого нас качнуло из стороны в сторону... волна... чего? Не знаю, как долго все это длилось, но я вдруг очнулся, рука моя сильно дергалась. Каттея тяжело дышала, вскрикивала, то и дело ее колотила крупная дрожь. Я схватил ее за плечо свободной рукой, стараясь успокоить. Потом я услышал, как застонал Кемок. Он стал помогать мне. Она вскрикнула от боли. Потом стала вырываться так настойчиво, что мы еле сдерживали ее, помня о том, что не должны выпускать друг друга из рук. Я валился с ног от усталости и изнеможения, мне с трудом давалось каждое движение. Глаза ее были закрыты. Я подумал, что она сейчас где угодно, но только не с нами. Тело сестры боролось с ее волей. В свете гаснущего костра лицо ее было не только бледным, но и немного светилось, и мы явились свидетелями всех ее мучений. Наконец она вскрикнула в последний раз и выгнулась всем телом. Мне вдруг почудилось, что из нее вылетело пламя — размером с мою ладонь, оно зависло в воздухе, излучая яркий свет, затем качнулось из стороны в сторону, словно огонь свечи на легком ветерке. Каттея снова вздрогнула и открыла глаза, чтобы посмотреть на то, что явилось на свет. Пламя постепенно стало приобретать форму жезла, освещенного ореолом яркого света, напоминающим крылья. Каттея вздохнула и устало произнесла:

— Это не похоже на...

— Зло? — Резко спросил Кемок.

— Нет. Форма не совсем та. Хотя она не имеет особого значения. Теперь...

Она потянулась к крылатому жезлу, как тогда, при разговоре с Фланнаном. Мы поддерживали ее под руки, чтобы она не упала. Мысленно мы услышали, что она начала произносить какие-то непонятные слова. Она повторяла древнее заклинание для того, чтобы этот ребенок, или больше, чем ребенок, слушался ее, понял то, что ему нужно сделать. Она раскачивалась из стороны в сторону, произнося старые слова, которые подхватывал ветер. Потом она вдруг смолкла и выпрямилась. Последнее слово прозвучало, как выстрел стрелы:

— Лети!

Все исчезло, и мы оказались в темноте. Каттея освободилась от нашей поддержки и прижала к себе руки, словно пытаясь заглушить боль. Я подбросил хворост в огонь. В отблесках пламени костра я вдруг заметил, что лицо ее осунулось, постарело, на нем появилась печать страданий — мне доводилось видеть подобное у раненых воинов. Кемок вскрикнул и прижал ее к себе, по щекам ее струились слезы. Она медленно подняла руку и дотронулась до своего лица.

— Все кончено! Мы хорошо поработали, братья мои! Наше дитя отправилось на поиски времени и места, ничто не может помешать ему, и то, что оно узнает, поможет нам, спасет нас. Я знаю наверняка. А теперь давайте спать...

Каттея уснула, Кемок тоже рухнул на землю без сил. Но, несмотря на то, что я смертельно устал, что-то не давало мне покоя. Страх за Каттею? Нет — она выполнила то, что задумала, выстояла в своей битве. Ожидание немедленного нападения? Вряд ли: мы в безопасном месте, можем спать спокойно. Моя собственная вина? Скорее всего. Но из-за этого не стоит будить остальных. Когда-нибудь я расплачусь за то, что совершил, а сейчас лучше выкинуть это из головы. Я лег на плед, закрыл глаза, и задремал. Неожиданно я приподнялся на локте, отогнал от себя сон — я услышал протяжный, очень знакомый звук в ночи. Недалеко заржала лошадь!

Я услышал стук копыт. И на том берегу реки я вдруг увидел — а может, мне показалось — вспышку молнии, как тогда, в схватке с рàстами... Я напряг свою волю и стал думать только о лошади. Интересно, что это означает для нас? Во мне росло чувство уверенности — с рассветом я отправлюсь на поиски... Такая мысль словно разрешила все мои волнения, и я уснул. Звуки охоты стихли, если это вообще была охота, и нежный шепот реки убаюкал меня. Я уснул последним, но проснулся раньше всех. От костра остался один только пепел, утро было прохладным и пасмурным, рассвет только-только занимался. Я разложил оставшийся хворост и развел огонь. И, наклонившись, я увидел его — он шел к воде...

Торские скакуны безусловно самые лучшие в Эсткарпе, но в них нет красоты. Их шкура никогда не блестит, сколько ее не

холи, да и сами они мелковаты. Но этот... О таком жеребце я мечтал всю свою жизнь! Он приподнял морду от воды — могучий, с изящными ногами и благородной шеей, вороной; его шерсть блестела как начищенное острие меча, струились грива и хвост как волосы у девушки...

И стоило мне увидеть этого красавца, как я понял, что завладею им во что бы то ни стало. Он посмотрел на меня, приподняв голову от воды. Без страха, да, скорее с любопытством. Дитя природы, он наверняка не знал, что такое подчиняться чьей-то воле. Он стоял так какое-то время, изучая меня. Я медленно направился к воде. Он снова начал пить — значит, не боится — зашел в воду, словно ему доставляло удовольствие чувствовать, как вода обтекает его ноги. Я потерял голову, любуясь его красотой, благородством и независимостью. Я попытался мысленно связаться с ним, заставить его подождать меня, вслушаться в мои желания. Он поднял голову, фыркнул, сделал несколько шагов из воды, чуть насторожился. Я попытался коснуться смутных воспоминаний о всаднике, которого он нес... Он стоял на берегу и наблюдал за тем, как я зашел в реку, сбросив с себя шлем, кольчугу и оставив на берегу оружие. Я пошлыл к нему — жеребец по-прежнему стоял на месте и от нетерпения бил землю копытом, чуть наклонив голову, так что его шелковистая грива струилась на легком ветерке, а длинный хвост слегка резвевался. Он ждал меня! Я победил — он мой! Глупо было думать, что я утратил свой дар, никогда еще мое общение с животными не было столь близким и успешным. С таким конем весь мир принадлежит только мне! В это раннее утро мы были с ним одни, ничего больше не существовало...

Я выбрался на берег, не обращая внимания на промокшую одежду и прохладный ветер; я видел перед собой только могучее и прекрасное животное, которое ждало меня — только меня! Он склонил свою благородную голову и фыркнул в ладонь, которую я протянул ему. Затем он позволил мне положить руки ему на спину. Он принадлежал мне, словно я воспользовался очень древним приемом приманки, когда животному дают овсяное печенье, которое три дня носят под одеждой, а потом смачивают своей слюной. Нас уже никто и ничто не разлучит. Это было так очевидно, что я без колебаний вскочил на него — он не воспротивился. Он пошел рысью, и я восхищался мощью его тела, грациозностью движений. За всю свою жизнь мне ни разу не доводилось сидеть верхом на таком изящном, сильном, гордом скакуне. Я опьянел больше, чем от любого вина. Это... это был король, полубог, явившийся откуда-то из небытия.

Река осталась позади, перед нам расстилался весь мир. Нас было двое, свободных и независимых. Двое? Река позади? Что-то важное оставалось там, но что? Могучий круп подо мной напружинился, мы пошли галопом. Я крепче ухватился за развевающуюся гриву, которая хлестала меня по лицу, и все внутри меня ликовало...

Солнце поднималось над нашими головами, а жеребец ска-

кал все дальше и дальше по долине, казалось, он не знает, что такое усталость. Он мог скакать так часами. Но ликование понемногу сменилось тревогой. Река... Я оглянулся через плечо — вон та узкая полоска вдали... Река... а на ней... Что-то щелкнуло в моем мозгу. Каттея! Кемок! Почему, зачем я покинул их? Назад — я должен повернуть назад. Я смогу повернуть жеребца усилием воли, без хлыста и поводьев. Я стал приказывать ему... Не действует. Могучее животное продолжало мчаться все дальше и дальше от реки, в неизвестность. Я попробовал еще раз, более настойчиво, так как чувство беспокойства сменилось страхом. Но он не сбавил скорости, не повернул назад. Тогда я решил приложить все свои силы, как тогда, с Торскими скакунами или антилопой, которую я умертвил. Я словно шел по насту, под которым бурлила совершенно иная субстанция. И стоит наступить чуть посильней на этот хрупкий слой, как ты провалишься в то, что там, под ним. И в эти секунды я узнал правду. Я сел на то, что внешне являлось жеребцом, но не заглянул внутрь, и в действительности оказалось, что подо мной совершенно другое существо. Я не мог сказать, что это, но оно было противоположным тому, что я знал или хотел знать. Теперь я понимал, что имею над ним такую же власть, как над рекой, которую мне никогда не повернуть вспять и не заставить течь в обратную сторону. Я не управлял конем — я попался в очередную ловушку, потеряв голову при виде этого животного. Может быть, попробовать спрыгнуть с него на ходу, но я наверняка разобьюсь насмерть, с такой скоростью он несся в неизвестном направлении. Куда он несет меня и зачем? Я попытался заглянуть в его мысли. Меня завлекают в ловушку, а что потом?

Я допустил страшную ошибку. Но я могу навлечь беду и на остальных. Вдруг те, кто заманил меня в свои сети, воспользуются нашим мысленным контактом? Через меня они смогут воздействовать на Каттею и Кемока. Они — кто это или что это? Кто правит этой землей, и чего они хотят от нас? Я не был знаком с той силой, что обманула меня подобным образом. Я уже попадался в западню — в каменную сеть... Скорее всего, это взаимосвязанно. И теперь я не должен просить помощи у брата с сестрой, чтобы не причинить им вреда.

Равнина, по которой мы мчались, наконец-то кончилась. Впереди появилась темная полоса деревьев, с каждым шагом вырастающая все выше из земли. Деревья показались мне очень странными — с поблекшей листвой, серыми ветками и стволами, казалось что-то вытягивает из них последние соки. И от этого мрачного леса исходило какое-то зловоние — некое зло, очень старое и дряхлое, как будто испускало тяжкие вздохи. Жеребец поскакал через этот лес по дороге, которая звенела под его копытами так, словно была сделана из стали. Он бежал неровно, меня подбрасывало из стороны в сторону, и на этот раз не было никакого желания слететь на землю, так как я был уверен, что в таком случае меня ждет верная погибель, стоит лишь коснуться этой проклятой дороги. А конь все скакал и

скакал вперед. Я уже не пытался заглянуть в его сознание. Мне казалось, что лучше приберечь свои силы для борьбы с неизвестностью, для последней битвы за собственную свободу. И я попробовал создать некую оболочку вокруг себя, своего рода панцирь отчаянья, чтобы те, кто захочет прочитать мои мысли, наткнувшись на этот заслон, решили, что я сломлен. Я всегда полагался больше на тело, чем на разум, и поэтому подобные занятия требовали от меня огромного напряжения. Сейчас я должен приложить всю свою волю, спрятать вглубь желание воспротивиться той силе, что поджидает меня, сохранить способность бороться до того момента, когда у меня появится шанс на спасение.

Мы миновали лес, но дорога не кончилась. Она вела нас прямиком к городу — башням, стенам... Это был город безжизненный, если считать жизнью то, что знал я. От него исходила аура холода, полного отвращения к моему существованию. Как только я взглянул на этот город, я понял, что стоит мне, Кайлану Трегарту, попасть в его серые стены, как наступит конец. В этот момент я помнил не только о себе, но и о тех, кого я мог вовлечь в беду. Я должен предпринять сейчас неимоверное усилие — именно сейчас! Я бросился сквозь тот наст, что создал сам, внутрь себя, воспротивился воле тех, что поймали меня в свои сети. Моя воля — вот что сейчас самое главное! Спастись можно только так, нельзя позволить затащить себя в ту ловушку, что разверзла зловонную пасть...

Наверное, мне удалось обмануть их. Может быть, они плохо разбираются в таких, как я. А может быть, они расслабились, решили, что без труда завладеют мной. Жеребец свернул с дороги. Я чувствовал, как закипела позади меня их воля — спину обдало такой вспышкой ярости, что мне даже показалось, я слышу, как мне вслед кричат проклятия с городских стен. Отлично, если мне удалось спастись на этот раз, возможно, не все потеряно... Еще один, сердитый отголосок, но уже поражения...

Жеребец шел ровно — он опять несет меня к месту смерти. Но человек не умирает покорно, и я буду бороться до последнего. Вдруг я заметил вспышку на небе — появилась какая-то птица. Сияние... Фланнан! Тот, что прилетал к нам на островок? Но почему? Он ринулся вниз, и жеребец метнулся в другую сторону, издав при этом злобный крик, и помчался, не сбавляя шага. Вновь и вновь птица устремлялась вниз, чтобы сбить животное с дороги — наконец, мы взяли курс на север, оставив позади себя мертвый город, туда, где возвышался темный лес — настоящий, зеленый — не изрыгающий зло. Как только жеребец поскакал в этом направлении, Фланнан стал сопровождать нас сверху, внимательно следя за животным. И в душе у меня появилась слабая надежда, огонек, который в любой момент может задуть ветер... Фланнан помогал мне, был союзником, и значит на этой земле есть другая Сила. Ко мне относятся с добром, спасают от зла.

Так хотелось заговорить со своим незнакомым другом, мыс-

ленно обратиться к нему. Но я не изучал Колдовство, и вряд ли у меня это получится. Потом я испугался за тех, кто — как я надеялся — еще жив. Но перед тем, как задуматься, что же мне делать дальше, я рискнул и обратился к жеребцу. Добравшись до его сознания, я обнаружил пустоту и один лишь приказ — бежать и бежать — который мне не под силу было изменить. Мы очутились среди ущелий и скал — чем-то местность напоминала изрезанный ландшафт на западе. Жеребец мчался без устали — вот-вот мы свалимся в одно из ущелий — вот она смерть...

Мы оказались на самом верху, узкая тропинка пролегала между отвесной скалой и бездонной пропастью. Моя надежда угасла, как только Фланнан ринулся на нас — конь споткнулся и мы начали падать...

Каждый человек рано или поздно задумывается о смерти. Наверное, когда молод, такие мысли редко посещают тебя, но будучи воином нельзя забывать о том, что в любой момент тебя может настигнуть смерть в бою. И меч может открыть последние ворота в твоей жизни — а что там, за ними? Некоторые верят в то, что за этими воротами им уготован другой мир, где ждет расплата, где придется выложить на весы все добро и зло, все содеянное тобой в той, прежней жизни. Другие убеждены, что наступит вечный сон и благодать, и ни за что уже не придется платить. Но я и представить себе не мог, что умирать так мучительно больно — казалось, я вобрал в себя грехи всего этого воинственного мира, и буду расплачиваться за них один. Боль... дикая боль... у меня больше не было тела, его сжигал огонь... Я превратился в факел...

Потом я открыл глаза — надо мной небо, голубое, как в той жизни, и горы. Но боль не стихала, заслоняла собой все вокруг... Боль... и вдруг я понял, что смерть не настигла меня, что она еще впереди, и страдаю я в этой жизни. Я закрыл глаза, чтобы не видеть ни это голубое небо, ни вершины гор, и желал только одного — скорее бы наступила смерть. Немного погодя боль стихла, и я открыл глаза, надеясь на то, что смерть уже близко, ведь перед самым концом агония сменяется иногда таким вот затишьем. Я увидел птицу на скале — но не Фланнана, а настоящую птицу с блестящим изумрудным оперением. Она смотрела на меня, потом подняла голову и позвала — да-да, я не ослышался, она позвала меня. Разве такая сказочная птица может поедать падаль, как зловещее черное воронье на полях сражений? Я попытался повернуть голову, но тело не слушалось меня. Небо, скалы, сказочная птица — вот мой мир. Но небо такое голубое, и птица такая красивая, да и боль уходит... И так же отчетливо, как я слышал зов птицы, я услышал другие звуки. Топот копыт! Конь! Но на этот раз им не удастся заманить меня — я больше не сяду на него... Топот копыт смолк. Послышались другие звуки... Теперь ничего не имеет значения. Уже не было так больно... Я заглянул в лицо, склонившееся надо мной. Этого не опишешь словами. Доводилось ли вам видеть

когда-нибудь существа без плоти, состоящие лишь из облака легкого тумана? Что это, дух, явившийся незадолго до смерти? Видение? Боль, неожиданная и острая, пронзила все мое тело. Я вскрикнул и услышал, как мой собственный крик зазвенел в ушах. Я почувствовал чье-то холодное прикосновение и провалился в темноту. Но отсрочка оказалась недолгой. Я опять пришел в себя. На этот раз я не увидел над собой ни вершин гор, ни птицы — только голубое небо. Боль продолжала мучить мое истерзанное тело. Меня словно обстреливали из стрел со всех сторон.

Я застонал. Голову мою приподняли; я заставил себя открыть глаза и силился рассмотреть того, кто причиняет мне столько мучений. Скорее всего, боль размывала то, что было у меня перед глазами — картина получалась смазанной и зыбкой. Я лежал, лишенный тела, и видел то, что было когда-то моей плотью — сломанные кости, красное месиво...

Я с трудом разглядел своих мучителей. По крайней мере, двое из них были животными — они месили красную вязкую жижу передними лапами, черпали ее и вываливали на мои беспомощные и сломанные кости. Другой был весь покрыт чешуей, которая переливалась на солнце. Но четвертый... Дух, явившийся за мной в виде тумана? Она казалась то облаком, то вдруг становилась реальной, непрозрачной, потом неожиданно таяла на глазах, растворялась в зыбкой дымке... И я не знаю, то ли мое воображение делало ее такой, то ли она сама меняла свой облик. Но я чувствовал, что от нее исходит добро, а не зло по отношению ко мне.

Они работали сосредоточенно, в полной тишине, возились с обломками костей и израненным телом. Так не хоронят... Никто из них не смотрел мне в глаза, не обращал внимание на то, что я вижу их действия. Спустя некоторое время мне надоело смотреть — может быть, все это галлюцинации... Только после того, как вся эта престранная четверка закончила колдовать надо мной, а призрачная незнакомка провела по моему подбородку рукой, я встретил на себе ее взгляд. Она по-прежнему казалась нереальной, менялась на глазах — то ее волосы казались темными, то вдруг она становилась блондинкой, менялся цвет глаз, овал лица. Казалось, что в одной женщине существует множество других, и в ее власти принимать нужный ей облик. Вид ее меня так поразил, что я вновь закрыл глаза. Я почувствовал прохладное прикосновение к щеке, затем кончики пальцев коснулись моего лба. Я услышал тихое пение — голос был так похож на голос моей сестры, потом изменился, стал напоминать пение птиц. От ее прикосновения по телу моему разлилась приятная прохлада, которая заглушила боль — я чувствовал, как страдание покидает меня. И слушая над собой ее волшебное пение, я думал уже, что не лежу в страшном месиве, а плыву вне времени и пространства в неизвестность. Там царили силы, не подвластные человеческому восприятию. Дважды я словно возвращался к своему телу, открывал глаза и вглядывался в лицо,

склонившееся надо мной — оно постоянно менялось. Сначала ночное небо и лунный свет, потом опять голубое небо, легкие белые облака... И каждый раз я возвращался в то место, за пределы привычного мира, слыша ее пение. Я знал, что это не смерть, скорее — вторая жизнь, второе рождение.

Потом я очнулся — я был один. Голова моя была ясна, как раньше, до рассвета, до того, как а увидел жеребца на берегу реки. Я посмотрел на свое тело — оно было покрыто какой-то коркой, сухой и местами потрескавшейся. Я прикован к земле. Но никто не поет над моей головой, не прикасается ко мне. Это обеспокоило меня. Я с невероятным трудом повернул голову.

Склон, напоминающий по форме блюдце, чуть в стороне — резервуар с той же самой красной жижей, что затвердела на моем теле. Я медленно повернул голову: снова склон и еще один резервуар с густой булькающей субстанцией. Был день — не пасмурный, хотя облака затянули все небо. Я слышал, как булькают и лопаются пузыри в резервуарах. Потом раздался еще один звук — кто-то стонал от страшной боли. Я сразу вспомнил то, что мне довелось пережить самому. Я увидел: какое-то существо с трудом пробирается по краю склона-блюдца, изгибаясь, прилагая неимоверные усилия. Я понял, что оно серьезно ранено. Опять резкий вопль. Снежный барс! Его богатая белая шкура в крови — на боку зияла глубокая рваная рана. Мне даже показалось, что я вижу обнажившуюся белую кость. Барс полз к ближайшему резервуару, издавая мучительные и леденящие кровь стоны. Собрав последние силы, он скатился в тягучую жижу, которая тут же облепила его тело. Затем он замер, тяжело дыша и высунув набок язык, и больше не издавал никаких звуков. Казалось, он умер... Нет, я отчетливо слышал его тяжелое дыхание.

Я огляделся вокруг и увидел в ложбине еще много таких резервуаров, в которых покоились раненые. Потом я вдруг ощутил, что моя боль стихла. У меня не было никакого желания двигаться, сломать засохшую корку, сковывающую меня. Потому что я почувствовал себя легко, ничто не болело, а тело наполнялось силой. На засохшей жиже остались кое-какие следы. Я присмотрелся к ним повнимательней. Значит, это не сон — я действительно был смертельно ранен, а создания в облике животных, одно из которых было покрыто чешуей, трудились надо мной под руководством меняющего свой облик духа? Эта женщина оставила отпечаток руки — такой отчетливый — над моим сердцем. Длинные тонкие пальцы, узкая ладонь — след человеческой руки, а не лапы животного. Я попытался вспомнить ту, которая меняла свои обличья...

Глаза снежного барса были закрыты, но он дышал. Жижа вокруг его тела уже почти застыла и образовала защитную корку. Как давно я здесь? В первый раз я подумал о времени. Каттея... Кемок! Сколько часов прошло с тех пор, как я покинул их, ускакав на дьявольском коне-приманке?

Надо действовать! Я попытался пошевелиться — застывшая масса не поддавалась. Я был беспомощным пленником, закованным в каменные кандалы. Что делать? Не знаю, почему я не закричал вслух. Я мысленно обратился — не к тем, кого оставил на островке, нет — я позвал духа, которого могло вовсе и не существовать в этом мире: «Зачем я вам нужен»?

Что-то мелькнуло — что-то блестящее, переливающееся всеми цветами радуги, легко и быстро пронеслось над ложбиной, приземлилось на задние лапы и уставилось на меня яркими глазами-бусинками. Я не видел подобных существ в Эсткарпе, оно не напоминало никого из легенд. Ящерица? Конечно, только намного больше, чем обычное золотисто-зеленое пресмыкающееся. По-своему красивое. Существо остановилось у моих ног, дотронулось до них и подбежало на задних лапах к моей голове. Здесь оно снова замерло и стало внимательно изучать меня. И я был уверен, что в его узкой заостренной голове есть разум.

— Приветствую тебя, брат по мечу.— Слова эти вылетели из меня сами по себе.

Он отпрянул назад, из чешуйчатого горла вылетел странный звук. Затем он ушел. Странно, но его приход дал мне почувствовать, что я не пленник. Ящер вовсе не имел по отношению ко мне злобных намерений — как и те, что оставили меня здесь. Ведь я отлично себя чувствую, боль ушла, да и снежный барс приполз сюда не зря. В этом месте лечат раненых животных. И меня тоже спасли от смерти... Но кто? Ящер, другие животные... дух... да, конечно, дух!

И хотя я не умел определять колдовство по запаху, как Каттея, я был уверен, что здесь нет места злу — это оазис некой Власти. И я выжил только благодаря ей. Теперь я ощущал каждой клеткой кожи, всем своим существом: что-то должно произойти.

В ложбине появилось несколько ящеров, за ними следом шли два пушистых зверя, задние лапы которых тоже отливали зеленым цветом. Их узкие головы и хвосты-завитки напомнили мне древесных животных, но они были намного крупнее своих собратьев из Эсткарпа. Шествие завершала она. Ее темные волосы ниспадали до пояса — но темные ли? Не отливали ли они красным? Или все это игра света и волшебство? На ней была зеленая туника, плотно облегающая ее тело; руки и ноги были открыты. Это одеяние было подпоясано широким изумрудным поясом, украшенным бледно-золотистыми драгоценными камнями. Тонкие запястья украшали широкие браслеты с такими же камнями, а через плечо был перекинут колчан со стрелами, с голубовато-зелеными блестящими перьями на концах, и лук бледно-золотистого цвета. Ее одеяния вроде бы не менялись, и я сосредоточился на лице, на этом развевающемся облаке волос, и я не был уверен, что вижу что-либо отчетливо. Она опустилась передо мной на колени.

— Кто ты? — спросил я, так как ее изменчивость начала меня раздражать.

К собственному удивлению я услышал смех. Она дотронулась до моей щеки, потом лба, и после этого прикосновения мое зрение прояснилось. Я увидел ее лицо — или одно из ее лиц — отчетливо и ясно.

Черты Древней Расы не спутать ни с чем: утонченные, с заостренным подбородком, небольшим ртом, огромными глазами, дугообразными бровями. Все это делало ее такой красивой, что могло заставить любого мужчину испытать к ней настоящее влечение. Но было в ней и нечто такое, что отличало ее от людей. Но это показалось несущественным. Воин разбирается в женщинах. Я не сокольничий, который свысока смотрит на женщин, не чистокровный представитель Древней Расы, чтобы воспринимать их только как носителей Дара и ставить себя ниже их, не отношусь я к ним и так, как это делают многие сулькарцы, проводя час-другой с вольной спутницей. И теперь, глядя в ее лицо, я испытывал какое-то странное, непривычное чувство — сильное волнение, трепет, ощущая рядом ее присутствие. Она улыбнулась, потом снова стала серьезной, не отрывая от меня взгляда, и я понял, что она слышит мои мысли. Я смутился.

— Лучше так — кто ты? — Ее вопрос прозвучал мягко, но требовательно.

— Кайлан Трегарт из Эсткарпа,— ответил я формально. Что возникло между нами? Я не мог понять.— А ты? — спросил я во второй раз, более настойчиво.

— У меня много имен, Кайлан Трегарт из Эсткарпа.— Она подсмеивалась надо мной, но я сделал вид, будто не замечаю этого.

— Назови одно из них, или два, или все.

— А ты смелый мужчина,— мягко ответила она.— В нашем мире ко мне не обращаются по имени необдуманно.— Она снова смеялась.

— А я и не собираюсь обращаться к тебе необдуманно.— Я повторил это странное слово.

Она промолчала. Пальцы ее затрепетали, я испугался, что она уберет свою руку с моего лба — тогда лицо ее может снова стать размытым или измениться.

— Меня зовут Дахаун, а также Морквант, некоторые называют меня Леди Зеленой...

— Тишины,— закончил я за нее. Легенда — нет! Она настоящая, живая — я чувствовал прохладу и упругость ее плоти на своем лице.

— Тогда мы знакомы, Кайлан Трегарт.

— Я знаю тебя по старым преданиям...

— Преданиям? — Снова раздался переливчатый смех.— Но предание — это сказка, которая может и не быть правдой. А я живу здесь и сейчас. Эсткарп — храбрый воин, где находится Эсткарп, который знает Дахаун по старым легендам?

— На западе, за горами...

Она убрала руку, словно прикосновение обожгло ее. Ее облик снова расплылся перед моими глазами.

— Я вдруг превратился в чудовище? — прервал я внезапно нависшую тишину.

— Не знаю...— Она снова положила свою руку мне на лоб, и я опять мог видеть ее отчетливо.— Нет... хотя я не знаю, кто ты на самом деле. Те, Кто Живут Отдельно, хотели, чтобы тебя забрал к ним Кеплан, но тебе удалось спастись. Ты боролся неизвестным мне способом, незнакомец. И потом, я вижу, что в тебе присутствует сила добра, а не зла. Но горы и то, что лежит за ними, это тот барьер, через который может просочиться только зло — или по крайней мере так говорится в наших легендах. Почему ты пришел к нам, Кайлан Трегарт из Эсткарпа?

Не было смысла обманывать ее — между нами должна быть только правда.

— В поисках убежища.

— А от чего ты бежал, незнакомец? Какое зло оставил ты позади себя, почему тебе пришлось бежать через горы?

— Потому что отличался от других...

— Да, но ты не один, вас трое — но при этом, как один...

Ее слова отозвались во мне болью.

— Каттея! Кемок? Что...

— Что случилось с ними после того, как ты ускакал на Кеплане, так глупо попавшись на их уловки? Они пошли своей дорогой, Кайлан. Твоя сестра сделала то, что ей не следовало делать. Мы не любим чужих колдуний, воин. В прошлом это приносило нам зло. Будь она более опытной в колдовстве, она бы не стала тревожить силы, которые дремлют во Тьме. Она еще не столкнулась с тем, на что не действует ее оружие и защита. Но долго так длиться не может — это Эскор.

— Но ведь ты колдунья.— Я был уверен в этом, хотя не видел на ее груди Колдовского Камня — я знал, что она того же происхождения, что и Обладательницы Дара в Эсткарпе.

— Существует много видов колдовства, о чем ты, наверное, уже знаешь. Давным-давно в Эскоре дорога раздвоилась, и мы, Зеленые Люди, выбрали свой путь. Некоторые из нас ушли друг от друга очень далеко, но мы пронесли сквозь года умение противопоставлять добро злу; нам не требовалось прибегать к новым колдовским хитростям. Потому что в противном случае при малейшем сдвиге можно потревожить те силы, что дремлют веками, но могут проснуться, и тогда зло победит добро. Именно это попыталась сделать твоя сестра — словно наивный ребенок, который ударяет по поверхности пруда палкой, и радуется кругам на воде, разбудив при этом то чудовище, что притаилось в глубине.— Она поджала губы, словно собираясь выносить приговор, и этим полудетским движением растопила отчужденность между нами, она напоминала теперь девушку, такую, как Каттея.— Конечно, мы не можем отнять у нее право на то, что она делает, но мы хотим, чтобы это совершалось не у нас! — Дахаун снова улыбнулась.— А теперь, Кайлан Трегарт, сделаем вот что.

Ее рука скользнула с моего лба на грудь, покрытую запекшейся коркой. Там она начертила ногтем линию, потом продолжила ее по моим рукам и ногам. Существа, сопровождающие

ее, приступили к работе, раздирая корку вдоль этих линий быстро и аккуратно — было видно, что они привыкли к такой работе. Дахаун поднялась и направилась к снежному барсу, дотронулась до засохшей жижы, провела рукой между его глазами и за ушами.

Наконец слуги Дахаун освободили меня от покрова и помогли выбраться из углубления, повторяющего форму моего тела. От переломов не осталось и следа, а раны зажили — без помощи Дахаун и этих существ мне бы не выжить.

— Смерть теряет свою силу в этом месте, если ты доберешься до него,— сказала она.

— А как я попал сюда, госпожа?

— Благодаря огромным усилиям, воин, так что теперь ты в долгу.

— Признаю все долги,— ответил я, как и полагается в таких случаях. Но я чувствовал себя при этом несколько неловко, так как на мне ничего не было. Интересно, я так и буду ходить голым?

— За тобой еще один долг, воин.— Она засмеялась.— То, что ты ищешь сейчас, ты найдешь вон там.

Она не оставила раненного барса, и показала рукой наверх, на край ложбины-блюдца. Земля под ногами была мягкой — я поспешил на склон в сопровождении двух ящеров. Трава на склоне была по колено, мягкая и сочная, около каменной колонны я нашел зеленый сверток. Я развязал его и увидел перед собой новую одежду. Сначала я решил, что она сделана из тонкой кожи, но, присмотревшись повнимательней, понял, что материал мне совершенно незнаком. В свертке я нашел зеленый плащ, странного покроя брюки, куртку с металлической пряжкой, на которой красовался изумрудный камень, похожий на тот, что носила Дахаун. На поясе висел не меч, а какая-то металлическая плеть длиной в локоть и еще одно непонятное оружие — с таким иметь дела мне не приходилось.

Одежда сидела на мне отлично — она давала телу полную свободу действий, чего нельзя было сказать о кольчуге и кожаном обмундировании Эскарпа. Но рукам моим было непривычно без меча и стрел, которые сопровождали меня все прошедшие годы. Перекинув плащ через руку, я направился обратно к ложбине. Оказалось, что это место намного просторнее, чем я представлял. Больше десятка резервуаров, и почти все они не пустовали — я видел в них животных и птиц. Дахаун, сидя на корточках, поглаживала барса по голове. Она подняла глаза, посмотрела на меня и помахала свободной рукой. Затем она встала и пошла навстречу, разглядывая меня с нескрываемым интересом.

— А ты настоящий Зеленый Человек, Кайлан из рода Трегарта.

— Зеленый Человек?

Теперь было нетрудно различать ее черты, но я по-прежнему не мог определить цвет ее волос и глаз.

— Зеленый Народ.— Она показала на плащ, который я держал.— Это цвет их одежды, наружность у них другая. Но тебе поможет этот цвет.— Она поднесла руку к губам, как моя сестра при заклинаниях, но издала при этом призывный звук, похожий на звук рога.

Послышался топот копыт — моя рука потянулась за мечом, которого больше не было. Чутье подсказывало мне, что это не тот жеребец, что нес меня на себе, но по телу пробежали мурашки. Они выбежали из зеленой тенистой рощи, плечо к плечу, двигаясь легко и непринужденно. Без седел и уздечек — только в этом напоминали они того жеребца. Они не были похожи на настоящих лошадей, больше на антилоп, да и то не совсем — размером они были с обычную лошадь, но хвосты плотно прижаты к телу. У них не было гривы — вместо нее торчал распушенный хохолок, прямо над изящным гнутым рогом, отливающим красным. Сами они были чалыми, гладкошерстными. И, несмотря на их непривычный вид, я нашел их красивыми. Остановившись перед Дахаун, они чуть склонили головы и посмотрели на меня огромными желтыми глазами. Как и ящер, они обладали интеллектом.

— Сабра, Сабрина,— представила Дахаун своих слуг, и они гордо посмотрели на меня.

Из травы выскочил один из ящеров, подбежал к Дахаун. Она взяла его на руки. Он перебрался с рук на плечо.

- Поскачешь на Сабре.— Одно из рогатых существ подошло ко мне.— Не надо бояться этих лошадей.

Ты направляешь меня к реке?

- К тем, что ищут тебя,— ответила она.— Удача будет сопутствовать тебе — добрая, не злая.

Не знаю почему, но я хотел, чтобы она отправилась со мной. Я просто не представлял, как расстаться с ней. Это было равносильно тому когда обрывается веревка, а ты идешь в связке в горах.

— Ты... ты не поедешь со мной?

Она уже сидела верхом на своей лошади. Она одарила меня долгим многозначительным взглядом.

— Почему?

Ничего кроме правды я не мог ей сказать.

- Потому что я не могу расстаться с тобой...

— Ты чувствуешь, что долг передо мной давит на тебя?

— Если считать долгом то, что я должен тебе свою жизнь, то да. Но... даже если бы не мой долг, я бы хотел, чтобы ты была рядом. Если нет, я буду искать тебя.

— Ты не волен поступать так.

Я кивнул.

— Не стоит напоминать мне об этом, госпожа. В этом я действительно не волен. За тобой нет долга — выбирать тебе.

Она закрутила на палец завиток своих длинных волос, ниспадающих до пояса.

— Хорошо сказано.— Что-то рассмешило ее в моем ответе,

хотя мне не хотелось, чтобы она смеялась в такой момент.— Мне даже начинает казаться, что, узнав одного из Эсткарпа, я узнаю намного больше. Но твоя сестра может причинить нам столько неприятностей... Хорошо, я еду с тобой... на этот раз.— Эй! — Ее лошадь рванула вперед.

Я вскочил на Сабру и, вцепившись за подобие гривы, устремился за Дахаун. Солнце выглянуло из-за облаков и, косувшись ее своими лучами, превратило развевающиеся по ветру волосы Дахаун в золотистый поток — цвета ее драгоценных камней. От нее исходила энергия света и жизни.

Навстречу нам кто-то неуклюже передвигался то на трех ногах, то на негнущихся передних, потом снова спотыкался и бежал на трех. Дахаун осадила свою лошадь и подождала, пока это существо приблизилось. Поравнявшись с ней, оно подняло узкую голову, оскалило клыки. На черных губах выступила пена, пятнистые шея и плечи взмокли. Когда я догнал Дахаун, то испытал чувство отвращения и ужаса одновременно. Перед нами было не животное, а нечто среднее между зверем и человеком — оборотень. Волк-человек зарычал на меня.

— Согласно договору.— Слова его больше напоминали хриплый кашель. Он приподнял раненую руку-лапу.

— Согласно договору,— ответила Дахаун.— Странно, Фиккольд, что ты рыскаешь в наших краях. Что, дела так плохи, что Тьма ищет помощи у Света?

Страшное существо снова зарычало, глаза его сверкнули злобным огнем — желто-красные вкрапления зла, против которого восставало все человеческое — плоть и дух.

— Придет время... злобно рыкнул он.

— Да, придет то время, Фиккольд, когда мы померимся Силами, и не так, как сейчас, а в открытом бою. Но похоже, ты уже проиграл сегодня.

Желто-красные глаза оборотня не смогли выдержать властного взгляда Дахаун, и уставившись на меня, он сердито рыкнул и передернул плечами, словно хотел кинуться и разорвать меня на куски. Рука моя дернулась к мечу, которого не было.

Дахаун резко заговорила.

— Ты потребовал своего, Фиккольд. А теперь ты переступаешь через запретную черту?

Полуволк-получеловек обмяк, облизал своим красным языком пену с губ.

— А ты связалась с одним из них, Морквант? — спросил он в свою очередь.— Серые Существа и Те, Кто Живет Отдельно, будут рады услышать такое. Нет, я не переступил черты, скорее всего ты сама перешла через барьер, и если ты имеешь дело с ними, не медли, Зеленая Леди, им срочно требуется помощь.

Рыкнув на меня на прощание, Фиккольд заковылял дальше, по направлению к целительным резервуарам, прижав раненую лапу к груди.

Значит, Каттея и Кемок, если верить его словам, в опасности. Нужно мчаться по его следу.

— Нет! — Дахаун схватила меня за плечо.— Нет! Никогда не двигайся вдоль следа оборотня. Иначе ты сам оставишь свой след открытым для них. Нужно пересекать его, вот так...

Она поскакала зигзагом, перепрыгивая то и дело через кровавый след, оставленный раненым Фиккольдом. И хотя мне казалось, что тратить драгоценное время на подобные маневры бессмысленно — ведь мой брат с сестрой нуждаются в помощи — я подчинился ей.

— Он сказал правду? — спросил я, поравнявшись с ней.

— Да, в данном случае Фиккольду лучше было говорить правду.— Она нахмурилась.— И если они почувствовали себя достаточно сильными для того, чтобы противостоять в открытую Власти, которой обладает твоя сестра, то равновесие действительно нарушено, и силы, дремавшие на протяжении долгого времени, пробудились! Сейчас мы узнаем, кто или что действует...

Она поднесла руки к губам, как тогда, когда звала своих рогатых слуг. Но сквозь пальцы не проник ни один звук. Я услышал его внутри себя — полный отчаянья, боли. Наши лошади высоко подняли головы и захрапели. Я не удивился, увидев в небе сияние — Фланнан в облике птицы летел к нам. Он опустился рядом с Дахаун. Она слушала его какое-то время, потом обернулась ко мне, лицо ее выражало тревогу.

— Фиккольд сказал правду, но на самом деле все значительно хуже, Кайлан. Люди твоей крови попали в одно из Мест Тишины, и вокруг них наложено тройное кольцо, которое не сломить никаким колдовством — твоя сестра бессильна сделать что-либо. Там они будут до тех пор, пока смерть не настигнет их тела...

Я уже видел смерть. Но Каттея и Кемок! Нет, пока я дышу, двигаюсь, пока у меня есть руки для того, чтобы держать оружие или сражаться без него, я не допущу их смерти. Я ничего не сказал Дахаун, меня переполняли гнев и решимость. Я бросил их тогда у реки, и теперь должен действовать немедленно.

— Я знала, что ты захочешь поступить именно таким образом,— сказала она.— Но не считая силы телесной, воли, присутствия духа и зова сердца, тебе потребуется еще кое-что. Где твое оружие?

— Найду! — процедил я сквозь стиснутые зубы.

— Вот одно из них.— Дахаун показала на металлическую плеть, которая свисала с моего пояса. Не знаю, подойдет ли оно тебе. Его делали для другой руки и другого восприятия действительности. Попробуй. Это сильное оружие — действуй им, как хлыстом.

Я вспомнил те молнии, что неизвестный всадник посылал в растов. Я стегнул плетью по земле — мелькнула вспышка огня, и земля обуглилась и почернела. Я закричал от радости. Дахаун улыбнулась.

— Похоже, ты вовсе не отличаешься от нас, Кайлан Трегарт из Эсткарпа. Теперь ты сможешь драться не голыми руками, но тебе придется сражаться одному. Звать подмогу некогда. Тебе надо спешить на помощь. Мы расстанемся здесь, воин. Иди по кровавому следу, и делай то, что задумал. У меня свои дела.

Она с места пошла галопом и не успел я опомниться, как ее рогатый скакун исчез из вида — я не ожидал от него такой прыти.

Я последовал дальше, по следу оборотня, исполняя наставления Дахаун и постоянно пересекая эту кровавую дорожку. Мы спустились с того места, куда примчал меня жеребец. Я не увидел ни мертвого леса, ни города — лишь слева от меня вдалеке мелькнуло серое облако. Сабра избегала и многие другие опасные места, огибая нагромождение камней, бесцветное скопление растительности и тому подобное. Я полностью полагался на лошадь в принятии таких решений, потому что это место было в руках незнакомых мне сил. Сабра сбавила скорость. Я подумал о том, как удалось Фиккольду преодолеть такое расстояние с поврежденной лапой. Стая черных крылатых существ поднялась из зарослей кустарника и начала кружить над нами, хрипло крича.

— Хлыст!

Откуда пришло это предупреждение? Затем я увидел, что Сабра повернула голову. Я понял: та, что несла меня на себе, спасла меня от беды. Я ударил плетью. Яркая вспышка... одна из тварей перевернулась в воздухе и рухнула на землю. Остальные разлетелись в стороны и образовали кольцо. Три раза они пробовали атаковать нас, и каждый раз их останавливал удар хлыста. Потом они улетели вперед, решив, наверное, устроить засаду. Мы продолжали спускаться со склона. Трава была гуще и темнее, чем в горах. Местами она была сильно примята, словно здесь прошло какое-то войско. Навыки разведчика заставили меня насторожиться. Скакать прямиком в лапы неведомой силы неразумно, когда требуется твоя помощь. Я мысленно обратился к Сабре.

— Они знают, что ты приближаешься. Ты не спрячешься от тех, кто правит здесь.

Ответ прозвучал отчетливо и вовремя. Я принял во внимание совет лошади. Она перешла на шаг. Затем Сабра высоко задрала голову, ноздри ее сильно раздувались — казалось, что по запаху она пытается определить, что ждет нас впереди. Кровавый след вел нас прямо, но лошадь повернула направо.

— Вдоль колонн. Здесь перемирие.

Объяснения Сабры были мне непонятны, поэтому я ничего не имел против нашего маршрута. Я не чувствовал в воздухе каких-либо особых запахов. Но что-то заставляло насторожиться — давило на душу, затемняло сознание, и мрак этот нарастал с каждой минутой...

Мы добрались до вершины другого склона, и перед нами открылась равнина, вдали блестела река. Я увидел колонны-мегиры, но расположенные не по спирали, как в каменной

паутине, а образующие одну кольцевую линию колонн, две из которых упали. Они словно охраняли каменное возвышение — платформу голубоватого цвета. И на этом возвышении были те, кого я искал. Вокруг них кишела стая всяких тварей — они ползали, рыскали вокруг менгиров, втягивали носами воздух. Черные своры рàстов шныряли туда-сюда среди примятой травы. Несколько оборотней бегали мимо каменного возвышения, то на четырех лапах, то на задних. Черные птицы рассекали небо. Какой-то чешуйчатый монстр то и дело поднимал уродливую голову и вытягивал лапы. Собирались и сгущались белые шары тумана. Но все это двигалось за кольцом из камней, не ступая на то место, где лежали две колонны. От кольца расходились две каменные линии из колонн — одна к реке, другая на склон холма, чуть правее от нас. Многие колонны упали, некоторые были сломаны, почернели, словно в них попала молния. Сабра поскакала рысью к ближайшим менгирам. Она опять начала петлять — сломанные и почерневшие камни она перепрыгивала или обегала, около остальных ускоряла шаг. Так мы продвигались к осажденному кругу.

— Кайлан! — Приветствие от тех, кого я искал.

Затем:

— Будь осторожен! Слева...

Среди тварей возникло замешательство, потом один из монстров неуклюже побежал к нам. Он раскрыл свою пасть, чтобы обдать огнем и паром. Я стеганул его хлыстом — молния мелькнула над головой чешуйчатого чудища. Но это не остановило его. Следующий удар пришелся ему по голове, между глазами. Он издал дикий вопль и все-таки ринулся на нас.— Держись!— Не Кемок, не Каттея — Сабра предупреждала меня.

Животное подо мной напружинилось, прыгнуло и приземлилось у вертикальной колонны. Монстр со всего маха ударился о камень, взвыл еще громче, пытась настигнуть нас. К нему присоединились другие атакующие. Оборотень, пожирающий нас своими желто-красными глазами, шипящие рàсты, туманный шар...

— Держись!

Я ухватился свободной рукой за шею лошади, держа наготове хлыст. Она проскочила через одну из разрушенных колонн, в то время, как я стеганул по туману, пытающемуся нас окутать. Яркая вспышка огня. То, что было туманом, исчезло. Рàсты заверещали и бросились врассыпную, когда плеть настигла двух из них. Мы добрались до следующего безопасного места у колонны. Впереди нас поджидали расты и оборотни. Туман сдался, не хотел больше связываться с моим грозным оружием.

— Вперед — сейчас!

Это Каттея. Она стояла на голубом камне, прижав руки к губам и напевая заклинания. И хотя я не слышал того, что она пела, я почувствовал, как все мое тело откликается на ее голос, наполняется силой. Мой рогатый друг помчался еще быстрее. Я размахивал плетью по сторонам, прокладывая до-

рогу. Я услышал, как взвыл человек-волк. Он кинулся на меня, пытаясь сбросить с Сабры. Я опалил его ударом хлыста — удача сопутствовала мне — но он успел разодрать мне руку. Я умудрился не свалиться с лошади и не выронить свое оружие. Наконец-то мы добрались до круга. Снаружи эти твари завопили от досады и поражения.

Сабра поскакала к голубому каменному возвышению. Кемок полулежал, облокотившись на свернутый плед. Шлема на нем не было, рука перевязана. В другой руке он сжимал расколотый надвое меч. Каттея стояла рядом, прижав руки к груди. Она превратилась в собственную тень, как после многих месяцев тяжелой болезни, ее красоту сменила усталость — я боялся взглянуть ей в глаза. Спрыгнув с лошади, я подошел к ним, бросил хлыст, распахнул для объятий руки — пусть берут всю мою силу, любовь, все, что у меня есть. Кемок приветствовал меня чуть заметным движением губ, слабым подобием своей прежней улыбки.

— Добро пожаловать обратно, брат. Я должен был знать, что бой — это то, что вернет тебя, когда ничто другое уже не подействует.

Каттея подошла к краю камня и упала мне в руки. Она прижалась ко мне — не колдунья, а сестра, которая страшно напугана и ждет успокоения. Она подняла голову, не раскрывая глаз.

— Сила.— Она беззвучно произнесла это слово — только губами.— Ты был во власти Силы. Когда — где?— Любопытство побороло ее усталость.

Кемок приподнялся, стиснув губы, и медленно встал. Он осмотрел меня с ног до головы, дотронулся до шрамов, которые уже зарубцевались.

— Похоже, это не первая твоя битва, брат. Но... у тебя рана...— Он показал на разорванный рукав, на то место, за которое меня ухватил оборотень. Каттея взволнованно посмотрела на меня.

Я не чувствовал боли. Наверное, те резервуары давали некий запас целительных сил на будущее, потому что пока Каттея осматривала рану, края ее зарубцевались и она перестала кровоточить.

— Кто помог тебе, брат мой? — спросила она.

— Леди Зеленой Тишины.

Моя сестра подняла на меня удивленные глаза, словно искала намека на шутку.

— Она также называет себя Дахаун и Морквант,— добавил я.

— Морквант! — Воскликнула Каттея.— Зеленый Народ, жители лесов! Мы должны узнать больше!

— Вам что-нибудь удалось узнать? — Я надеялся, что посланник, которого мы сотворили, уже передал что-либо.— Что случилось на этой земле? Как и почему вы попали сюда?

Первым ответил Кемок.

— Отвечаю на твой первый вопрос, брат. Где-то рядом беда. Мы покинули остров, потому что...— Он замолк, отвел глаза.

Я закончил за него:

— Потому что отправились на поиски того, кто стал легкой добычей для врага? Разве я не прав?

И он уважал меня достаточно, чтобы не лгать мне.

— Да. Каттея... Когда мы проснулись, она поняла, что тебя забрало к себе зло.

Каттея тихо спросила:

— Разве не ты открыл ворота, используя свой дар, даже во имя добра? Мы не знаем, как тебя забрали к себе. Только то, что мы должны были найти тебя.

— Но посланец... вы должны были ждать его возвращения.

Она улыбнулась.

— Не совсем так. Он явится туда, где я... хотя этого еще не произошло. Мы нашли твой след — по крайней мере, след зла. Но куда он ведет...— Она вздрогнула,— нам туда нельзя, у нас нет защиты. Потом явились эти, мы убегали от них. Сюда им не проникнуть И мы укрылись здесь, а потом поняли, что сами загнали себя в ловушку — они поджидают нас снаружи, а мы окружены двумя стенами, одна из которых вражеская. Она вздохнула и покачнулась — я успел подхватить ее. Каттея закрыла глаза. Я положил ее на плед.

— У тебя наверняка нет с собой еды, брат? Мы три дня не видели ни крошки. Сегодня утром мы утолили жажду росой. Но такое количество влаги не спасет от пустого желудка!

— Зато у меня есть вот что,— я коснулся хлыста ногой.— Он выведет нас из этого места...

Кемок покачал головой.

— У нас нет сил на такой рывок сейчас. К тому же, стоит только Каттее попытаться выбраться отсюда, как она потеряет свой Дар.

.Я не хотел соглашаться с ним.— Каттею посадим на Сабру, а сами побежим рядом — стоит попробовать! — Но я уже знал, что он прав. Вне защиты этих камней мы не сможем противостоять своре, рыскающей, ползающей и вынюхивающей все вокруг и поджидающей нас. В добавок ко всему, Кемок и Каттея заперты здесь злыми чарами.

— Ох! — Каттея вдруг вздрогнула, потом ее начало трясти, как в ту ночь, когда она выпустила нашего посланца. Она открыла глаза и уставилась невидящим взглядом куда-то вдаль.

— На камень, рядом с ней! — закричал Кемок.— Там самое безопасное место.

Мы перенесли Каттею на это место, подложили под ее исхерзанное тело плед, а затем сели рядом с ней. Она стонала, размахивала руками, иногда поднимала их вверх и пыталась что-то поймать.

Дикий гул голосов, сопровождавший меня при входе в круг, стих. Дикие твари выстроились в ряд вокруг нас, не проронив

ни звука. Каттея ухватилась за руку Кемока, крепко сжала ее. Мысли брата передались мне, и я взял ее за другую руку. Теперь мы слиты воедино, как в ту ночь.

Наступило ожидание. Потом в воздухе появилось какое-то свечение. Оно разрасталось, становилось все ярче, принимало знакомые очертания — крылатый жезл! На некоторое время он завис в воздухе над нашими головами, а потом вдруг стремительно метнулся вниз и превратился в белое пламя. Каттея изогнулась, потом громко закричала — посланец вернулся к той, что дала ему жизнь. Вслух она ничего не произносила, но мысленно мы слышали ее слова. Потом вдруг все исчезло.

Мы увидели вдруг все как бы двойным зрением. Сначала мы зависли в воздухе над этой землей — такой, какой она была в прошлом: под нами раскинулись поля, леса и горы. Прекрасная страна — без намека на царство Тьмы, без Мест Зла. И населяли ее прекрасные люди. Мы увидели цветущие сады и красивые замки, мирные города. На склонах гор раскинулись высокие башни. Люди Древней Расы жили беспечно и радостно.

Другой народ, населявший эту землю, был более древнего происхождения и обладал Даром, за что удостаивался особого почитания. Повсюду лился золотистый свет — казалось, что мы скачем сквозь сумерки вопреки ветру и темноте, а впереди нас ждут гостеприимные огни замков — там живут друзья. Но между нами лежал временной барьер. Потом все стало меняться. Здесь тоже были колдуньи, но они не обладали столь сильной Властью, как в Эсткарпе. В этой стране Дар был не только у женщин, но и у некоторых мужчин.

Откуда же пошло Зло? Из добрых побуждений, не из злых умыслов. Горстка исследователей решила поэкспериментировать с Силами, которые, как они считали, понятны и подвластны контролю. И их открытия, в свою очередь, еле заметно изменили дух, ум, а иногда и тело. Они искали новые способы применения Силы, а получили Силу ради Силы; но они не остановились на этом, а продолжили свои опасные опыты.

Годы пролетали перед нашими глазами как мгновенья. Появилось множество всяких братств и обществ, сначала тайных, потом легальных, которые занимались подобными экспериментами — сначала с добровольцами, затем по принуждению. Дети, животные, другие существа рождались непохожими на своих родителей. Некоторые были еще краше и обладали какими-то особыми ценными качествами. Но таких с каждым разом становилось все меньше и меньше. Сначала тех, кто рождался с какими-либо тяжкими отклонениями, уродствами, уничтожали. Затем предложили оставлять их для дальнейшего изучения и исследования. Позже их выпустили на свободу, чтобы наблюдать за ними в естественной обстановке. А потом этих уродов, чудовищ, мутантов стали использовать в корыстных целях — зло растекалось по всей земле. Их создатели стали целенаправленно производить таких слуг — оружие Зла. И началась борь-

ба за выживание Света. Часть представителей Древней Расы не коснулось это зло. Они попытались собрать под свои знамена войска против страшного врага. Но было слишком поздно — они оказались лишь горсткой храбрецов против полчищ нечисти. Войска Древней Расы терпели поражение за поражением, их ряды на глазах таяли, и вот-вот они могли окончательно затеряться в этом океане грязи и злобы, утонуть в жутком болоте, в которое превращалась их земля. Шансов на спасение не оставалось.

Некоторые считали, что лучше погибнуть в бою, чем жить под игом врага, способного растоптать все доброе на своем пути — лучше смерть, чем такое рабство. У них нашлось много сторонников. Мы видели, как они собирают гвардию, держат оборону в замках, а потом на них обрушивается страшная сила...

Другие решили, что не стоит хоронить себя заживо или идти на верную смерть в бой с противником. Среди этой малой части людей были те, кто обладал Даром, и кого побаивался враг. И они объединили своих сторонников, выбрали собственную дорогу. И вот часть Древней Расы, уходившей глубокими корнями в эту землю, покинула ее, вырвав из земли и забрав с собой жизненные силы и энергию. Никогда не приходилось им странствовать, скитаться по чужим землям, но они смело отправились навстречу неизвестности. Им было страшно покидать эту землю, но они были полны решимости и надежды. Они двинулись на запад, к горам. Их преследовали слуги Зла, заставляли повернуть назад. Они теряли мужчин, женщин, целые семьи... но не сворачивали со своего пути, прокладывали дорогу через горы. Наконец, они перестушили вековой барьер, и горы закрылись за ними на многие столетия.

Оставшись хозяйничать на этой земле, Зло упивалось своей свободой. Но оно не являлось полноправным владельцем мира, хотя то, что притаилось в глубине, еще не давало о себе знать. Древняя Раса не взяла с собой ни одного мутанта — ни доброго, ни злого. Некоторые незлые существа отделились и заселили огромные пространства. Остались и те люди, что не принадлежали к Древней Расе, и жили на этой земле с незапамятных времен. Они были так привязаны к родине, что не смогли покинуть ее.

Были и другие представители Дреней Расы, которых новые правители остерегались: несмотря на то, что они не выступали против Зла, не помогали активно Добру, эти люди владели той Силой, что не подвластна Злу. Они тоже удалились в уединенные места. Но на большинстве территории всецело правило Зло!

Время текло как быстрая река. Те, кто упивался своей властью, стали использовать ее все более расточительно. Они ссорились, грызлись друг с другом, так что страну раздирали почти беспрерывные ужасные войны с демоническими существами. И так продолжалось столетиями; одни силы поглощали другие, злоба пожирала свои жертвы, не задумываясь. Потом многие опомнились, создание новых чудовищ прекратилось. И лишь го-

ды, века спустя на измученной земле наступил покой. Силы ... продолжали существовать, но большинство из них, под воздействием многочисленных экспериментов и опытов погрузились в некое странное бездеятельное бытие. И те, кто удалился в свое время от Зла, стали понемногу набирать силу, истощенную многими столетиями самообороны. Они выжили, потому что не сражались со Злом в открытую. Со временем они вновь стали управлять половиной страны, не вступая в прямую конфронтацию со Злом, иногда показывающим зубы. И это длилось так долго, что стало общепринятой нормой жизни.

Потом... в этот уравновешенный мир пришли мы. Мы увидели кое-что из того, что натворили. Колдовство пробудило дремавшие злые силы. И против них мы были также беспомощны, как пылинка на ветру. Ведь Зло жило на этой земле с давних пор, имело здесь прочные корни. Будь мы сильнее — хоть ненамного — нам бы удалось выгнать Зло из этого мира, закрыть за ним двери, освободить страну и наполнить ее только добром.

Я открыл глаза и посмотрел на Кемока.

— Ну вот, теперь мы все знаем,— спокойно ответил он.— И нам не стало лучше от этого. Совет, будь он на нашем месте, справился бы со Злом. Но мы не сможем! Эта земля осталась такой же загадочной.

Я разделял ностальгию по той сказочной земле, которая явилась нам вначале. Всю свою жизнь я видел только войны и беды. И с раннего детства знал, что это закат страны, и надежда на выживание ничтожно мала. Но, увидев, как можно было бы жить в мире и согласии, мы омрачились еще больше, так как были не в силах что-либо изменить, спасти эту землю — мы не могли спасти даже собственные жизни...

Каттея зашевелилась и открыла глаза. Слезы текли по ее впалым щекам.

— Как прекрасно! Как хотелось бы там жить! — прошептала она.— Ах, если бы только у нас была Власть, мы бы вернули все это!

— Будь у нас крылья,— сказал я,— мы бы улетели отсюда! — Я посмотрел через плечо на тех, что притаились за нашими спасительными камнями. Создания Тьмы по-прежнему рыскали кругом. И я знал, что так будет продолжаться до тех пор, пока нас не станет — они дождутся нашей смерти.

Темнело, и хотя в этом месте мы были в безопасности, становилось не по себе от одной только мысли, что ночью наступит их время, и они наберутся сил. Я почувствовал, что проголодался,— представляю, как голодны Каттея и Кемок. Оставаться здесь и ждать смерти — нет, я не согласен! Я снова подумал о Сабре. Она доставила меня живым и невредимым сюда — сможет ли она выбраться обратно? Сможет ли послужить нашим посланцем? А Дахаун — захочет ли она помочь нам на этот раз? И сможет ли? Прошло уже несколько часов, а ее все нет... Ведь одним нам не справиться. Опять я подумал о том, что можно посадить Каттею на Сабру, самим рядом... Раздался слабый голос сестры:

— Разве ты забыл, брат? Они поставили колдовской заслон. Но, может, вы с Кемоком — может быть вас это не касается...

Втроем мы подумали об одном и том же — либо вместе, либо никто.

— Может быть их все-таки удастся побороть нашей Силой?

Она покачала головой.

— Я и так натворила слишком много неразумного. Пробудила злые силы — они сейчас охотятся на нас. Ребенок, который играет с мечом, обязательно поранится, потому что у него нет ни навыков, ни силы для того, чтобы им пользоваться. Остается одно, братья мои: черные твари не могут добраться до этого места. Благодаря такой защите нам грозит обычная смерть, а не та, что уготовили нам они.

Вспомнив свои ощущения в тот момент, когда жеребец нес меня прямиком в город мертвой тишины, я принял окончательное решение. Я не собираюсь ждать смерти, какой бы она ни была; я буду сопротивляться. Все мои надежды были обращены к прекрасному духу, к той, что спасла мне жизнь и ускакала от меня...

Я закрыл глаза и попытался сосредоточиться на ее лице, хоть как-нибудь добраться до нее мысленно, узнать, стоит ли мне надеяться. Если нет, то остается только один отчаянный и, безусловно, последний в моей жизни рывок. Но не так-то просто было представить ее в воображении — слишком изменчивым был ее облик — я видел то неясное лицо, то сразу несколько лиц. Дахаун то походила на Древнюю Расу, то причудливо менялась. Она, наверняка, более древних кровей, и человеческого в ней мало.

Заржала Сабра. С наступлением вечера менгиры начали тускло светиться. Казалось, они увиты светом, как виноградом. И голубой камень, на котором мы расположились, тоже излучал таинственный свет. В отблесках я увидел, как мой рогатый друг оглядывается по сторонам, задирает голову, раздувает ноздри. Ее рог засиял красным огнем, потом вдруг лошадь закричала. Что это — вызов невидимому врагу?

Я уже приготовился увидеть черное мерзкое создание, затащившее меня в свои каменные сети, среди окружавших нас тварей. Но в ответ на голос Сабры появилось нечто другое — на склоне замерцали огоньки и стали спускаться вдоль колонн. Сомнений не было — удары волшебного хлыста!

— Дахаун! — Я вложил в этот безмолвный призыв всю свою надежду.

Ответа не последовало. Потом еще один удар хлыста, вспышка молнии в небе. Загорелся кустарник. И за нашим кругом вдруг раздался дикий вой — подали голос те, кто сторожил нас.

— Сабра...— я попробовал связаться мысленно с лошадью.— Кто это?

— Тише! Разве ты хочешь, чтобы Тьма узнала? — раздалось в ответ.

Я удивился. Получалось, что лошадь разговаривает со мной на равных, даже поучает меня, как ребенка. Это непохоже просто на контакт с животным. Значит, Сабра — не только лошадь... Я уловил довольную нотку в ответ на мое удивление. Потом вдруг она словно закрыла передо мной двери, контакт прекратился.

Каттея взяла меня за руку, потом ухватилась за Кемока и с трудом приподнялась.

— Приближаются силы,— молвила она еле слышно. Но свечение колонн мешало нам рассмотреть то, что двигалось к нам. Мы слышали гул злобных голосов. Удары хлыста смолкли.

— Ты можешь связаться...?— потребовал Кемок.

— Нет, нельзя. Я могу потревожить, разбудить...— Каттея чуть помедлила.— Наша Сила — это своего рода смесь. Официальное колдовство, обрядовое, постигается в процессе учебы. Настоящая магия намного древнее, примитивнее, связана тесным образом с природой. Она не разделяется, как это принято у нас, на черное и белое, на добро и зло. В Эскарпе используют и то, и другое, но больший упор делают именно на колдовство, не на магию. Здесь же царит магия, но она претерпела столько изменений, стала как бы нечистой, дьявольской. А колдовство отступило и приняло древнее обличье. Поэтому я всколыхнула своим колдовством неведомые нам силы. Сейчас нам может помочь только магия, а в ней я не сильна. Скажи нам, Кайлан, кто она такая, эта Леди Зеленой Тишины, и как ты с ней познакомился!

Продолжая внимательно следить за тем, что происходит вокруг, я рассказал то, что со мной приключилось, особенно подробно описав события после моего пробуждения в целебном резервуаре.

Природные силы,— прервала меня Каттея.— Изменение облика... Она обладает Силой, которая приспосабливается...

— Что ты имеешь в виду? — Интересно, как моя сестра, ни разу в жизни не видев Дахаун, сможет объяснить какие-то ее тайны.

— Зеленая Тишина — страна лесов... их населяют Зеленые Люди. И их колдовство буквально произрастает из ветра, воды, неба и земли. Совсем не так, как мы применяем силы природы, создавая иллюзии, разрушая что-либо, нет — они чувствуют ритм и настроение природы. Они используют, например, бурю, не вызывая ее, бурлящий поток реки — но в его пределах. И все животные и птицы, даже растения, могут им подчиняться — если только они уже не подчиняются силам Зла... Они принимают тот цвет, что их окружает в природе. Ты можешь не заметить их среди листвы, в воде, даже на открытом месте. Но они не могут жить среди каменных стен, среди привычной нам обстановки — там Зеленые Люди погибнут. Они — сами жизнь. И они слишком осторожны, чтобы рисковать всерьез. В чем-то они, действительно, сильнее нас, хотя мы и занимаемся искусством колдовства на протяжении многих веков; а в чем-то более уязвимы. Подобных им нет в Эскарпе, они бы никогда не смог-

ли покинуть ту землю, в которую глубоко вросли своими корнями. Но в наших легендах о них говорится...

— Легенды — это было давным-давно,— прервал я сестру.— Дахаун... она не может быть той Леди...

— Но, послушай, Морквант — это одно из имен, которым мы, колдуя, вызываем ветер, а ты говоришь, что она представилась еще и так. Не забывай и о том, что, несмотря на клятву, она безбоязненно знакомится с тобой, значит, не боится, доверяет тебе. Ей не грозят чужие заклинания...

Над нашими головами раздалось щебетание. Удивленные, мы посмотрели на зеленую птицу — я уже видел ее, когда меня мучила боль. Три раза она прокружила над нами, издавая красивые трели. Каттея побледнела, вцепилась мне в плечо.

— Они... они действительно всемогущи! Меня заставили... замолчать! — прошептала она.

— Замолчать? — переспросил Кемок.

— Я не могу использовать свой Дар. При любой попытке колдовства я не смогу произнести ни одного заклинания! Почему, Кайлан? Зачем они сделали это? Они желают нам зла, брат! Они объединились со Злом!

Она отпрянула от меня и бросилась к Кемоку. Он посмотрел на меня враждебно, как никогда раньше. Я не отрицаю, у него были для этого все основания. Я вернулся к ним при помощи этой силы, а она направлена против Каттеи, забирает у нее единственную защиту. И я не принес им спасения, лишь навлек новую беду. Я не хотел верить в то, что нам желают зла, я не терял надежды на помощь. Твари продолжали сновать вокруг. На фоне мерцающего менгира появилась вытянутая голова волка — огромная лапа, растопыренные когти... Каттея убрала руку с плеча Кемока. В глазах ее появился страх.

— Огни... Посмотрите на эти огни!

Я и не заметил, что произошли изменения. Когда мы очнулись после путешествия во времени, воздух был такой же голубой, как каменная платформа. Теперь все вокруг было окутано желтоватым дымом, вселявшим в душу тревогу. Кольцо нечисти вокруг нас начало сужаться. То там, то здесь вырисовывались их морды и лапы.

Сабра нетерпеливо забила копытом по земле — почудилось, что бьют в барабаны. Каттея силилась что-то сказать, но не могла. Она размахивала руками, словно пыталась воспротивиться невидимым силам, не подчиниться их воле. Я знал, она отстаивает право использовать собственную силу...

Лошадь понеслась вдруг рысью по кругу, огибая голубую платформу, потом перешла на галоп. Она громко заржала, и в желтой дымке появилось еще больше обличий зла. Потом я заметил то, что привело меня в замешательство — Сабра бежала уже не по примятой траве, а по стремительному зеленому потоку. Под ее ногами он бурлил и образовывал водовороты. Не свет, не туман — именно поток, но чего, я не мог понять. И голубой камень под нами вдруг начал нагреваться, голубоватые

струйки с четырех сторон изгибались и сливались с зеленым потоком, принимая его цвет. И все это стало надвигаться на желтый туман. Сабра продолжала идти по кругу галопом. У меня закружилась голова от ее стремительного бега. Зеленый поток охватил менгиры — последовала вспышка света, напомнившая мне тот момент, когда я ударил хлыстом по туманному шару. На мгновение меня ослепило, я невольно прикрыл глаза руками. Менгиры превратились в зеленые свечи. Не было видно стражей с их жадными глазами. Колонны начали покачиваться, свет поднимался все выше. Дальше мы ничего не видели, лишь слышали — сначала крик, потом, судя по всему, кто-то побежал... Твари кинулись врассыпную! Я вскочил на ноги, спрыгнул с платформы, нашел свой хлыст.

Колдовство! Может быть, не то, что мы знали, но колдовство пришло к нам на помощь. С хлыстом в руке я всматривался вдаль.

— Дахаун! — прошептал я, и был почти уверен, что она ответит мне.

Они появились неожиданно между двух свечей-менгиров — словно возникли из воздуха. Дахаун — не призрачная, настоящая, в ореоле зеленых волос, точно таких же, как поток под копытами Сабры, с отливающей зеленью кожей. Ее спутники были того же цвета. Они лениво помахивали хлыстами, Дахаун держала свое грозное оружие наготове, потом стеганула им по небу.

Мы ничего не увидели, только услышали, как все выше и выше уносится пение птицы, потом оно смолкло в ночном небе, чтобы уже не вернуться. Потом откуда-то сверху хлынул огненный дождь, разбрасывающий зеленые блестящие брызги между нами и звездами. Эти блестки медленно падали, мерцая в воздухе. Трое всадников по-прежнему сидели верхом и задумчиво смотрели на нас.

Дахаун сопровождали двое мужчин внешне похожие на людей, если не считать небольших изогнутых рожек, не таких, как у их лошадей, а цвета слоновой кости. На них была такая же одежда, как и на мне, но плащи были пристегнуты на плечах и развевались за их спинами. В их облике не было ничего изменчивого, как у Дахаун, но какое-то отчужденное выражение их лиц ставило между нами барьер.

— Идите! — Ее зов прозвучал властно и настойчиво.

Я чуть было не поддался без раздумий. Но другая половина моего «Я» удержала меня на месте. Я обернулся и протянул руку Каттее. Теперь они стояли рядом со мной, мои брат и сестра, и смотрели на тех, что ждали нас между менгиров и не делали навстречу ни шага. Я понял, что они не могут — это место не пускало их. Один из спутников Дахаун нетерпеливо ударил хлыстом о землю — посыпались искорки.

— Идите! — На этот раз она позвала нас вслух.— У нас мало времени. Свора отступила ненадолго.

Подхватив Каттею под руки, мы направились к ним. Я вдруг заметил, что взгляд Дахаун обращен не ко мне, а к моей сестре. Каттея тоже пристально смотрела на Дахаун.

Всадница подалась вперед. Она протянула руку, и та засветилась зеленым огнем, потом осторожно начертила какие-то линии в воздухе, и они тоже светились. Каттея с трудом подняла руку. Мы с Кемоком мысленно помогали ей, вливая в нее новые силы. Пальцы ее двигались медленно, очень медленно, но чертили в ответ какие-то линии, которые мерцали голубым светом, а не зеленым, как у Дахаун.

Я услышал, как воскликнули от удивления всадники.

— Иди... сестра...— Дахаун протянула руку Каттее. И я услышал, как облегченно вздохнула моя сестра.

Мы прошли через освещенные зеленым сиянием камни, чувствуя, как пощипывает кожу. Маленькие искорки стали отлетать от нас. Я ощутил, как встают дыбом волосы.

— Она поедет со мной! — распорядилась Дахаун, подавая руку Каттее.— Нужно уезжать немедленно!

Я вскочил на Сабру, Кемок уселся за мной. И мы помчались прочь от этого места. Впереди скакала Дахаун со скоростью ветра, Кемок и я — за ней, завершали шествие два всадника, размахивающие своими хлыстами. Мы миновали мерцающие менгиры — нас сопровождал зеленоватый туман, застилавший все вокруг. Я пытался разглядеть хоть что-нибудь, но тщетно. Что же, будем полностью полагаться на Дахаун. Она мчалась уверенно, не сбиваясь с темпа. Я удивлялся выносливости ее скакуна.

— Куда мы едем? — спросил Кемок.

— Не знаю,— ответил я.

— Может быть нам грозят еще большие неприятности,— заметил он мрачно.

— Кто знает, хотя сомневаюсь. Здесь нет зла...

— Что-то не верится. Посмотри на тех, кто скачет сзади — не очень-то они расположены к нам.

— Они пришли, чтобы спасти нас.

В чем-то брат был прав. Дахаун вызволила нас из убежища, которое стало нашей тюрьмой — оказала нам услугу. Но что ждет нас впереди? Неизвестно.

Я не видел дороги, но мне казалось, что мы скачем в горы, к целебным резервуарам — наверное, там живут те, кто сопровождает нас.

— Не нравится мне ехать вот так, ничего не видя, вслепую,— проворчал Кемок.— Но не думаю, что они используют такое прикрытие, чтобы сбить нас с толку. Эта земля, которую мы воспринимаем по-своему, словно ослеплена неведением. Кайлан, если мы нарушили равновесие мира, то должны ответить за это — поплатиться жизнью?

Заглядывая в глубь веков, я не мог найти, как можно было бы что-либо изменить — наши знания ничего не давали для спасения этой земли. Я услышал приглушенный смех брата.

— Отлично, Кайлан, предлагаешь прийти на помощь этому миру? Разве не наши родители выступили против колдеров вслепую, обладая лишь внутренней силой? Чем мы хуже их? И нас трое, а не двое. По-моему, мы скачем к неприятелю — но втроем мы выстоим.

Мы не сбавляли шага, и туман стирал ощущение времени и пространства. Наверное, уже утро. Туман медленно таял, мы начали различать деревья, кустарник, траву. А потом нас озарил рассвет. И с первыми лучами солнца мы въехали в узкий проход между двумя скалами. Дорога под ногами наших рогатых лошадей стала ровной, а на скалах я увидел некие символы, которые показались знакомыми, хотя разобрать их я не мог. Я услышал, как Кемок за моей спиной присвистнул.

— Эйтаян!

— Что?

— Слово Власти — я встречал его в древних свитках у Лормта. Должно быть, это хорошо защищенное место, Кайлан. Ни одна злая или вражеская сила не может проникнуть через такую преграду!

Символы кончились, и вскоре перед нашими взорами предстала прекрасная долина с лесами, равнинами, серебряной извивающейся полоской реки... Сердце мое затрепетало от радости. Такая же картина возникла перед нашими глазами, когда мы увидели эту страну в далеком прошлом — сказочная золотистая земля, которая не знает Зла... Пьянящий воздух, свежий ветер,— добрая страна, свободная от нечисти, полная сердечности и миролюбия.

И этот мир был реальным. Над нами парили птица с изумрудным оперением, сияющий на солнце Фланнан; на камне я заметил двух ящериц, сидящих на задних лапках и провожающих нас взглядом. Рогатые кони мирно паслись на лугах. И над всем этим ощущалась аура такого покоя и благодати, которых я не испытывал за всю свою жизнь.

Мы пошли легким шагом, минуя новый коридор каких-то знаков. По обе стороны дороги благоухали цветы, словно садовники соткали богатый гобелен по случаю праздника. Потом мы выехали к реке и увидели замок. Нет, это было не здание в привычном для нас смысле слова — он вырастал из земли словно специально для того, чтобы стать пристанищем для его обитателей. Стены его — не из камня, не из мертвого леса. Это деревья или мощные высоченные кусты неизвестных нам пород образовывали крепкие перекрытия, поросшие виноградом, цветами, листвой.

Не было ни привычных крепостных стен, ни внутреннего двора. Широкий свод входа был увит виноградом. Но больше всего меня поразила крыша, пронзающая острием небо, она вся была словно соткана из перьев — изумрудных перьев тех птиц, которых мы уже видели.

Мы спешились, и наши рогатые скакуны помчались по своим делам — а для начала к ручью, напиться воды. Дахаун обняла

мою сестру за плечи и повела к двери. Мы с Кемоком пошли следом, изрядно устав после длинной дороги. За виноградным занавесом нас ждал зал, устланный упругим мхом. Ширмы, сплетенные из перьев и увитые виноградом, образовывали всевозможные навесы и ниши. И везде мягкий зеленый свет.

— Проходите...— обратился один из стражей к нам с Кемоком. Дахаун и Каттея успели уже скрыться за одной из ширм. Мы направились в противоположном направлении и вышли к тому месту, где пол переходил в бассейн. Я увидел густую красную жижу — знакомый запах — как в тех резервуарах. Я разделся, Кемок последовал моему примеру. Мы погрузились в бассейн — постепенно вся наша усталость и волнения куда-то ушли, наступил покой и благодать как для тела, так и для души.

Потом мы как следует подкрепились тем, что поставили перед нами на гладких деревянных подносах. Наконец, глаза наши закрылись, и мы уснули на кушетках, покрытых сухим мхом. И мне приснился сон.

Опять золотистая страна. Не та, в которую привели нас спасители, а та, что существовала когда-то давным-давно, увиденная глазами нашего посланника. Я смотрел на замки, такие знакомые, словно я сам жил в них. Я ехал в окружении других мужчин — тех, чьи лица были мне хорошо известны — Стражей Границы из Эсткарпа, людей Древней Расы, с которыми мне доводилось пировать в редкие минуты перемирия, и даже тех, кого я знал в Этсфорде. И, как обычно бывает в снах, реальность и вымысел переплелись, прошлое и настоящее слились воедино, мои детские страхи исчезли, и народ наш был сильным, жизнерадостным, не знал опасностей вражеских нашествий и заката цивилизации. Но в памяти всплывала какая-то война, принесшая нам много страданий и поражений, но выигранная. И эта страшная война стоила всего, чем мы владели.

Потом я проснулся и открыл глаза — надо мной нависла полупрозрачная пелена. Я не мог опомниться после увиденного во сне — казалось, в нем заключалось что-то важное для меня... Я понял в эту минуту, что мне делать!

Кемок безмятежно спал на соседней кушетке. Я даже позавидовал ему, потому что его в данный момент ничто не тревожило. Я не стал будить брата, оделся в ту одежду, что приготовили для нас хозяева, и прошел в зал. Четыре ящерицы сидели вокруг плоского камня, передвигая что-то маленькими лапками — они наверняка играли во что-то занимательное. Они повернули головы в мою сторону и приветствовали меня немигающим взглядом. Были в зале еще двое. Они тоже посмотрели на меня. Я поднял руку, приветствуя ту, что сидела, скрестив ноги, на большой подушке: рядом с ней стоял кубок.

— Кайлан Трегарт из Эсткарпа,— произнесла Дахаун.— Эсутур Зеленой Тишины,— представила она другого.

Тот, что сидел рядом с ней, привстал. Он был одного роста со мной, темноглазый. На нем были такие же куртка и брюки, как на мне, но помимо этого он носил украшенные драгоценными

камнями пояс и браслеты, как Дахаун. Несмотря на то, что у него были рожки чуть побольше, чем у тех, что сопровождали нас от кольца менгиров, он был похож на представителя Древней Расы. Я не мог сказать ничего определенного о его возрасте. Может быть, он чуть постарше меня; но, встретив его взгляд и увидев, что скрыто в их глубине, я засомневался. Он обладал властью того, кто привык командовать людьми — или силами — на протяжении многих лет, принимать решения и приказывать, спрашивать с подчиненных по всей строгости. Он походил на полководца, такого, как Корис или мой отец, Саймон Трегарт, насколько я его помню. Он оценивающе оглядел меня с ног до головы. Я выдержал его тяжелый властный взгляд. Затем он протянул ко мне руки, ладонями вверх. Не зная смысла этого жеста, я тоже протянул в ответ свои руки, ладонями вниз. Наши ладони соприкоснулись. Что-то возникло между нами — не тот контакт, что у нас был с Кемоком и Каттеей, нет — какое-то другое непонятное единство. Он принял меня.

Дахаун перевела взгляд с меня на него, затем улыбнулась. Имело ли для нее значение то, как пройдет наша встреча, не знаю, но она жестом пригласила меня присесть на соседнюю подушку и налила золотистую жидкость из сосуда в кубок.

— Каттея? — спросил я до того, как прикоснулся к напитку.

— Она спит. Ей требуется отдых, она устала не только телом. Она сказала мне, что не давала клятву колдуньи, но она не уступает им ничуть! Она обладает Волей и Силой!

— Но не всегда пользуется ими правильно,— промолвил Эсутур.

Я поглядел на него поверх края кубка.

— Она никогда не пользовалась им неправильно,— возразил я возмущенно.

Он улыбнулся, и снова показалось, что он молод, а не умудрен опытом ведения войн.

— Я имел в виду нечто другое,— мягко сказал он.— Но наша страна отличается от вашей — течение здесь опасно и полно неожиданностей. Ваша сестра поймет сама, что новое следует сначала изучить. Однако...— Он помедлил, потом снова улыбнулся.— Вы на самом деле не догадываетесь, что значит для нас ваше появление? Мы прошли по очень узкой тропе между кромешной Тьмой по одну сторону и Хаосом по другую. Сейчас силы тянут нас к опасной черте. Все решит случай — либо мы обретем нечто новое, либо наступит конец. Сегодня мы взвешиваем все свои возможности, Кайлан. Здесь, в долине, мы в безопасности, так сложилось веками. У нас есть союзники, но нас очень мало. Возможно, враг тоже немногочислен, но тех, кто служит ему, гораздо больше.

— А если ваши ряды пополнятся?

Он поднял свой кубок.

— Может быть, вам неизвестно, но мы не берем к себе тех, кто существует в других измерениях. Это корень всех нынешних бед!

— Да нет. Что если вашими союзниками станут другие люди — из Древней Расы? Испытанные в боях воины?

Дахаун приблизилась ко мне.

— Они могут поддаться влиянию Сил... А о каких людях ты говоришь? Все живущие в Эскоре уже давным-давно сделали свой выбор. Горстка тех, что присоединились к нам, совсем иссякла, а наша кровь перемешалась, так что чистой Древней Расы здесь не найти.

— Вы забываете о западе.

Я заставлю их поверить в то, что задумал. И хотя их лица не выражали эмоций, а мысли были упрятаны далеко от меня, они внимательно слушали.

— Запад закрыт.

— Но мы втроем прошли.

— Вы нечистокровные! Для других этот путь закрыт.

— Но если вести их будет тот, кому дорога открыта!

— Каким образом? — вяло спросил Эсутур.

— Послушайте, возможно вы не догадываетесь. Мы тоже, подобно вам, шли узкой тропой, но у себя в Эсткарпе...— Я рассказал им о закате Эсткарпа и о том, что это может означать для тех, кто одной крови со мной.

— Нет! — Эсутур с рахмаха ударил по столику, так что даже кубки подпрыгнули.— Нам не нужны колдуньи! Колдовство откроет двери колдовству. Мы и сами можем покончить жизнь самоубийством!

— А кто говорит о Колдуньях? — спросил я.— Я не хочу искать с ними встречи — я поплачусь за это своей жизнью. Но воины Эсткарпа не всегда одного мнения с Советом. Колдуньи живут своей жизнью, в их сердцах нет места для простого воина.— Я пытался убедить их.— Браки там стали редки, так как колдуньи не хотят лишаться своего Дара, а значит, рождается совсем мало детей. Многие мужчины так и живут всю жизнь без жен и очага...

— Но если там война, то все они на службе, и тебе не найти добровольцев,— возразил Эсутур.— Либо это будут те, кому ты не сможешь доверять...

— Война скорее всего кончилась — по крайней мере, на время. Удар, нанесенный по Карстену, наверняка остановил Ализон. Но я смогу узнать это, увидев Эсткарп собственными глазами.

— Почему? — На этот раз вопрос задала Дахаун, и я ответил откровенно:

— Не знаю, почему, но я должен это сделать. И с этого пути не сверну...

— Да! — она поднялась и встала передо мной на колени, обняв меня за плечи, словно удерживала меня. Она заглянула мне в глаза, стараясь разглядеть мои помыслы. Потом она встала. Повернувшись к Эсутуру, Дахаун проговорила:

— Он прав.

— Но, Леди! — Эсутур вскочил, глаза его заблестели.

— Кто знает, что произошло, когда нарушили равновесие? То, что оно нарушено, несомненно. Но... справишься ли ты, Кайлан Трегарт из Эсткарпа?

— Думаю, да,— ответил я.

Мы скакали по опустошенной земле. Никаких признаков тех, кто держал осаду нашего убежища из менгиров, даже следов на земле не осталось. Но я чувствовал, что за нами продолжают следить, что пустота вокруг — всего лишь короткое затишье...

Люди Эсутура ехали позади, а рядом, как я не отговаривал ее,— Дахаун. Перед нами лежали западные горы, и где-то там впереди есть проход между двумя мирами...

Мы почти не разговаривали — за всю дорогу обменялись лишь несколькими незначительными словами, фразами. Дахаун иногда показывала мне некоторые ориентиры, по которым легко найти путь. Она была убеждена в том, что я обязательно вернусь, и мне пригодится знание дороги. Но по мере того, как приближались горы, моя уверенность таяла. Я уже не понимал, почему я выбрал для себя такой путь. Я уехал тайком, не разбудив Каттею и Кемока — их жизни не должны подвергаться той опасности, что поджидает меня.

На ночь мы расположились под деревьями, которые хотя и не были такими красивыми и высокими, как те, что росли в Зеленой Долине, но были одной с ними породы, а значит, от них исходило добро. На этот раз никаких снов я не видел — а может быть просто не запомнил...— но утром я еще сильнее поверил в то, что мне предназначено идти вперед. Дахаун ехала справа от меня и что-то тихонько напевала — и ей отвечали изумрудные птицы, а возможно Фланнан в облике птицы. Она посмотрела на меня краешком глаз и улыбнулась.

— У нас тоже есть свои разведчики, воин. Они хорошо справляются со своими обязанностями. Скажи мне, Кайлан, что движет тобой? Почему ты решился на это?

Я пожал плечами.

— Надеюсь, мне удастся найти тех, кто пойдет за мной.

— Ты уверен, что на твой зов откликнутся?

— Я постараюсь их убедить. Стражи Границы, которых я знаю, остались без земли и крова. В Карстене их объявили вне закона, и они бежали, прихватив с собой лишь оружие. Их мечи могут послужить вашей земле.

— Эти воины, должно быть, сильно отчаялись, если поддадутся на твои уговоры. Впрочем, большинство людей ищет место, где можно пустить корни и посадить свое дерево. Но ведь вместо покоя их ждет здесь новая война. Да... ты руководствуешься в данном случае лишь догадками, а это вещь ненадежная.

Я не смотрел на Дахаун. Я не хотел спорить с ней, и чем ближе был час расставания, тем сильнее я сомневался в собственном предназначении. Почему я? У меня нет дара слова и убеждения, нет особых заслуг на полях сражений. Почему я взвалил на себя непосильную задачу?

— В этом твое предназначение...— Она читает мои мысли? Я смутился.— Ты поможешь нам выстоять.

— Так! Но справлюсь ли я?

— Если только избавишься от сомнений,— холодновато заметила она.— Удача сопутствует тем, кто верит в свои силы. И хотя дорога твоя не из легких, я верю, что ты справишься. Правда, я не знаю...— Она внезапно замолчала. Потом заговорила снова, словно торопилась сказать все, что хотела.— Я не знаю, какие силы могут помочь тебе там, за горами. Но здесь ты оставляешь тех, кто желает тебе удачи. Мы сделаем все от нас зависящее. Если тебя настигнет беда, вспомни об этом. Я не могу ничего тебе обещать; то, за что ты взялся, неподвластно нашим силам. Но помни: я сделаю все возможное, чтобы прийти к тебе на помощь! О брате и сестре не волнуйся...

Потом она начала рассказывать о себе, о своей жизни — передо мной открылся ее мир, тот, в котором она жила до нашего появления в Эскоре. Казалось, она взяла меня за руку и провела по огромному залу своей жизни, позволила заглянуть в потайные комнаты своей души... Из таинственной властительницы неких сил она превратилась просто в девушку, какой была моя сестра до того, как ее забрали у нас Колдуньи, задумав переделать на свой манер. Потом Дахаун захотела услышать мои воспоминания. Я рассказал ей об Этсфорде, о нашей жизни там, о тех трудных годах, когда мы с братом несли службу на границе. И от того, что мы поделились с ней самым сокровенным, личным, я успокоился.

— Ах, Кайлан Трегарт,— воскликнула она.— Мы ведь понимаем друг друга. Тебе тоже нравится это?

Я почувствовал, как кровь прилила к моим щекам.

— Я не могу спрятать от тебя свои мысли, леди...— мой голос сорвался.

— А разве это нужно делать? — улыбнулась она.— Ведь с первой минуты нашего знакомства все было ясно.

Она произнесла то, о чем я подумал. Меня охватил жар, я хотел сжать ее в объятиях. Но нужно держать себя в руках, я не смею... Надо сосредоточиться на предстоящем...

— Да! Да! Да! — воскликнула она.— Но только будь осторожен, и расскажи мне подробно, как вы шли сюда! Какой дорогой ты пойдешь?

Я вспомнил наш путь во всех деталях.

— Там ты будешь пешим,— Дахаун настраивала меня на те трудности, что поджидали меня впереди.

На мне был шлем и кольчуга Кемока, его стрелы — мой собственный меч и стрелы остались на островке. Да, я буду без лошади; почти без оружия...

— Для нас это будет испытанием — проверить, как можно проникнуть через горы,— Дахаун закинула голову и запела. Горы были совсем близко. Зеленая птица пролетела над нашими головами. Она прощебетала что-то в ответ на пение Дахаун и взмыла высоко в небо, взяв курс на запад. Мы наблю-

дали за ней, пока она не скрылась из вида. Но Дахаун и после этого продолжала смотреть в ту сторону. Наконец, она радостно воскликнула:

— Там нет барьера! Она над проходом. Посмотрим, сможет ли она сделать еще что-нибудь.

Наступил тот момент, когда мне пришлось спрыгнуть с Сабры, Дахаун и ее слуги остались в седлах. Дахаун молча проводила меня взглядом, потом подняла руку, как при первой встрече с Каттеей, и начертила в воздухе какой-то знак. Он ослепил меня — черты ее лица снова стали расплывчатыми, изменчивыми...

Я поднял руку, стиснул кулак, потом развернулся и начал взбираться на вершину, зная, что лучше не оглядываться, не медлить, иначе уверенность пропадет, а удача, как сказала Дахаун, сопутствует только тем, кто верит в свои силы.

Я ни разу не оглянулся; лишь добравшись до долины деревьев, по веткам-стволам которых мне предстояло пробираться, я обернулся, чтобы запечатлеть в памяти эту землю, словно перед ссылкой в неведомое. Я не чувствовал себя таким оторванным от чего-то родного, когда покидал Эсткарп. Но туман закрыл пеленой все, что лежало за моей спиной. Я ничего не увидел, и даже обрадовался этому. Ночь я провел в горах, а с рассветом начал спускаться вниз там, где мы вели ничего не видевшую Каттею. На этот раз все оказалось намного проще, потому что мне приходилось думать только о себе. Однако, пешком пробираться дальше не хотелось. Я задумался. Те, кто мне нужен, скорее всего в лагере, там, где я оставил их, когда помчался на зов Кемока. Но прошло столько времени, что все могло измениться.

К фальконьерам лучше не обращаться. Они живут обособленно, поставляют наемников для Эсткарна и моряков для сулькарцев. Они привязаны к своим горам, у них свои устоявшиеся традиции и обычаи. В Эскоре для них не найдется места.

Сулькарцы не представляют себе жизни без моря, они никогда не променяют его на то место, где не бушует шторм, не бьются о берег волны. Значит, вся надежда только на представителей Древней Расы, которых вытеснили с юга. Лишь немногие из них просочились в Эсткарп, остальные скитаются вдоль границы, пытаясь отомстить за ту резню, что учинили в Карстене их враги. С тех пор прошло уже четверть века, но они не забыли ужасных дней. В Карстен дорога для них закрыта. Они это понимают. Но если я предложу им пойти со мной на новые земли, прихватив с собой мечи, они могут прислушаться к моим словам. Остается только найти их и не попасть при этом к тем, кто предаст меня в руки Совета.

Я забрался на тот выступ, с которого видел костры наших преследователей, и дождался ночи — впереди лишь темнота, но это вовсе не означает, что там нет патрульных. Выдумка Каттеи с Торскими скакунами — какую службу она нам сослужила? Я вздрогнул. Колдовство — не мое оружие. У меня есть

стрелы, разум и опыт разведчика. Утром посмотрим, на что я способен. Я поймал себя на том, что в последних лучах заходящего солнца ищу глазами птицу, которую Дахаун направила через горы. Что она сможет сделать для меня, я не знал, но ее присутствие означало бы для меня в ту минуту многое. Но среди птиц, обитающих на этой земле, я не увидел ни одной с изумрудным оперением.

Рано утром я отправился в путь — я шел той же дорогой, которая привела нас в Эскор. Так хотелось прибавить шаг, но я сдерживал себя, продвигался медленно, осторожно. Иногда я останавливался, чтобы утолить жажду из фляги. Никаких искажений предметов, мешавших нам, когда мы шли в прошлый раз,— наверное, они существуют только для тех, кто движется на восток. Я дошел до того места, где когда-то разжигали костры. Лишь пепел и следы людей, ничего больше; преследователи ушли. Здесь мне ничто не угрожает.

Следующую ночь я провел, укрывшись под кряжами. Я долго не мог уснуть, рисуя в своем воображении карту местности. Сюда нас вел Кемок, но я внимательно следил за дорогой, примечая детали. Я надеялся, что мне не составит труда проложить путь по этой земле, где я знал каждое поле, лес и холмы. Впереди раскинулась окраина заброшенного селения, там я смогу, наверное, найти пристанище.

Неожиданно в уже откуда-то из-под земли отозвался стук копыт — я приподнял голову. Патруль? Но почему один всадник? Я спрятался за кряжами. Но лошадь шла прямо на меня. Что это, злой рок? Я выполз из своего укрытия и метнулся вправо, в кустарник, приготовил стрелы. Лошадь заржала — как-то заунывно. Я вздрогнул. Лошадь изменила курс и опять пошла прямиком в мою сторону, словно всадник видел меня при лунном свете! Развернуться, бежать, спрятаться? Нет, лучше встретить Силу лицом к лицу... Странно, что всадник скачет в мою сторону, не скрывая своих намерений. Я притаился за кустом, приготовившись к выстрелу. Я увидел седло и уздечку, запекшуюся пену на груди и морде коня, но всадника не было. Испуганное животное! Я вышел из укрытия, лошадь отпрянула назад, но я успел установить с ней контакт. Ее охватила паника, но я не мог определить причину страха. Теперь лошадь стояла с опущенной головой. Я ухватился за вожжи. Возможно, это ловушка — но тогда я бы уловил это в ее мыслях... Я почувствовал, что опасность не угрожает мне. Я смогу быстрее продвигаться по стране, да и чувствую я себя верхом намного увереннее.

Я оседлал коня, и мы понеслись на юг. Я видел, что мое присутствие по душе животному, страх его постепенно уходил прочь. Мы не мчались во весь опор, соблюдали осторожность, держались поближе к лесу. Я не терял с лошадью мысленного контакта, чтобы быть уверенным, что не являюсь добычей колдуний. На ночь я снял седло и уздечку с лошади, стреножил ее и пустил пастись, а сам устроился под кустом. Под голову

я подложил седло и стал гадать, откуда и почему прибежала моя лошадь. Потом я вспомнил о крылатом посланце Дахаун, и как ни странно, мысли эти переплетались. Но в памяти лошади я не нашел никакого воспоминания о птице.

Мой новый друг совсем не походил на Торского скакуна, хотя его легкое седло с замысловатым серебристым гербом было таким же, как у стражей границы. Гербы сулькарцев обычно простые — голова животного, пресмыкающегося или птицы, иногда — некоего чудища из легенд. Сокольничьи, не признающие семей, изображали только соколов и символы своих отрядов. Герб на седле моей лошади явно принадлежал одному из родов Древней Расы, и так как в Эсткарпе они вышли из употребления, то упряжь, вероятно, принадлежала тому, кого я искал,— беженцу из Карстена.

Проверить мои догадки не составляло особого труда. Завтра утром мне нужно будет лишь оседлать своего нового друга, который пасется на лунной опушке и заставить его вернуться к хозяину... Конечно, рискованно ехать на пропавшей лошади в незнакомый лагерь. Но, приблизившись к нему, можно отпустить животное, будто оно только что вернулось назад, а я буду мысленно следовать за ней.

Просто? Безусловно, но что я скажу им? Незнакомец, пришедший из ниоткуда и зовущий присоединиться к нему, покинуть Эсткарп и отправиться в чужие, неведомые земли — поверят ли они мне? Начало простое, но следом возникает куча проблем. Если бы я смог установить контакт с теми, кого я знал, они бы прислушались к моим словам, даже в том случае, если я объявлен вне закона. Дермонт и те, с кем мне доводилось вместе воевать и нести службу. Но где искать их сейчас — вдоль всей границы? Может быть, выдумать какую-нибудь правдоподобную историю? Но вдруг я встречу кого-либо из старых знакомых?

Любой самый гениальный план военных действий может провалиться из-за какой-нибудь мелочи. Такая вещь, как упавшее после бури дерево, может свести на нет работу многих дней; это я знал по собственному опыту. «Удачливый» командир тот, кто способен принимать моментальные решения и вырывать победу из рук противника, когда, казалось бы, поражение неизбежно. Мне не доводилось командовать большим отрядом разведчиков, принимать решения, подвергающие опасности жизни многих. Как заставить умудренных опытом воинов поверить мне? Сомнения не покидали меня, когда я пытался заснуть, чтобы набраться сил перед новым днем.

Наконец я уснул, но сон был таким тревожным, что я почти не отдохнул за ночь. И тогда пришло простое решение: вернуться в тот лагерь, откуда прискакала испуганная лошадь, отпустить животное, самому спрятаться и понаблюдать за теми, кто там хозяйничает. Что я и сделал, направив лошадь на юг. Мы шли рысью, избегая открытых пространств, держась поближе к естественным укрытиям. Я всматривался в небо и

искал глазами зеленую птицу. Меня не оставляла надежда — посланник Дахаун где-то поблизости.

Мы покинули Эскарп в разгар лета, с тех пор прошло не так много времени, но все вокруг сильно преобразилось, веяло осенней прохладой. И ветер скорее напоминал зиму. Пурпурный цвет листвы, незнакомые горы — мне казалось, что я хорошо знал раньше эту местность. Несомненно, Власть изменила все вокруг. Лошадь шла на юг, и вскоре мы приблизились к возделанным полям. Я увидел недавно выкорчеванные деревья, кострища. Я спешился, так как лошадь могла, оступившись, легко поранить ногу. Я опустил руку в золу и начертил на своем лбу и груди древний знак. Никогда еще мне не доводилось применять эту колдовскую хитрость — таким образом отпугивать от себя зло. Лошадь подняла голову, и я уловил ее мысль. Она дома. Я отпустил поводья, похлопал животное по крупу и отправил на поиски хозяина. Сам же под прикрытием корней деревьев стал пробираться к краю холма.

То, что я увидел с холма, не было военным лагерем. Посередине сооружено нечто вроде убежища — не на день, не на неделю, а по крайней мере на сезон — обнесенного частоколом. Несколько бревен валялось рядом — ограду достраивали.

В загоне я насчитал около двадцати лошадей, теперь к ним присоединился и мой скакун — остальные лошади приветствовали его негромким ржанием. От группы людей, занимающихся строительством убежища, отделился один мужчина. Он поймал лошадь за поводья и что-то закричал.

Из укрытия показалась женщина в ярко-желтом платье. Мужчины побросали орудия труда и собрались вокруг лошади. Древняя Раса! Правда более светловолосые — наверное, в их крови есть примесь сулькарской крови. Все они были одеты в кожаные формы воинов. Готов держать пари, что все они в недавнем времени служили на границе. Как разведчик я знал: такая мирная картина свидетельствует о том, что где-то поблизости есть часовые и охрана. Если они обнаружат, что я выслеживаю их, мне несдобровать, но идти в открытую, не зная их намерений...

На стене убежища я увидел свеженарисованный герб — такой же замысловатый, что и на седле лошади. Те, что поселились здесь, наверняка, не ждут опасности с юга — а значит, Карстен потерпел поражение. Но зачем тогда сооружать частокол? Причем в первую очередь — ведь жилье они только начали строить? Может быть, причина кроется в том, что они слишком долго жили в страхе и не представляют жилище без подобного сооружения? И что мне теперь делать? Наверняка они выбрали это место сами, именно таких людей я ищу. Впрочем, уверенности у меня не было. Они продолжали осматривать лошадь, словно она только что возникла из воздуха, сняли с нее седло и тщательно обследовали его. Потом начали что-то горячо обсуждать, резко повернули головы в мою сторону —

они не поверили, что лошадь вернулась сама по себе! Женщина в желтом платье скрылась в убежище, потом появилась снова. Она несла кольчугу, следом за ней шла девушка в розовом платье, в руках у нее были шлемы. Четверо мужчин облачились в доспехи, пятый поднес пальцы ко рту и пронзительно свистнул. Ему ответили по меньшей мере с пяти точек — одна из них прямо за моей спиной, другая слева! Я прижался к земле. Неужели они уже заметили, где я? Если да... почему не набросились на меня? Если не заметили, то малейшее движение может меня выдать. Я принял рискованное решение: лучше самому встать и направиться в лагерь, чем быть пойманным в качестве шпиона. Я поднялся, подняв руки ладонями вперед, подальше от пояса с оружием. И начал спускаться с холма. Они сразу развернулись ко мне.

— Давай, смельчак, пошевеливайся! — Раздался резкий голос за моей спиной.— Мы не любим тех, кто приходит без предупреждения!

Я не стал поворачивать голову.

— Вы видите, что в руках у меня нет оружия. Между нами не брошена перчатка...

— Как сказать, воин. Но друг не ползет на животе, как тот, что является за головой противника и покоряет дух сраженного пулей.

За головой противника! Наверное, этот часовой один из тех фанатиков, что славились в битвах своей свирепостью. Они родом из Карстена, пережили слишком много, и поэтому придерживаются теперь варварских обычаев. Свирепый народ!

Я спускался, не торопясь. Опытным глазом я оценил местоположение их укрепления. Как только они завершат строительство частокола, их жилище превратится в надежную и неприступную крепость. Они поджидали меня в недостроенной части частокола — с оружием в руках, в шлемах и кольчугах... У того, кто стоял в центре, на шлеме были знаки отличия, выложенные желтыми драгоценными камнями. Он был средних лет, как мне показалось, хотя у людей Древней Расы трудно определить возраст. Я остановился в нескольких шагах от него и снял шлем, чтобы они видели мое лицо.

— Роду вашему приветствие, принадлежащим Роду — удачи, дню — хорошего рассвета и заката, усилиям — поддержку.— Я произнес древнее официальное приветствие и стал ждать ответа. От него зависело во многом то, кем я буду для них — гостем или пленником.

Последовала пауза. Подбородок их предводителя рассекал длинный шрам от удара меча, а на кольчуге виднелась вмятина. Тягостно тянулись минуты ожидания. За моей спиной раздалось покашливание — наверное, по первому же приказу своего хозяина караульный кинется на меня. Я беззащитен перед ними, и руки подняты — я, Кайлан Трегарт, жду чьей-то прихоти!

— Род Дульмата открывает свои ворота кому?

Я услышал недовольный вздох караульного и опять встал перед сложной дилеммой. Назвать свое настоящее имя и род, к которому я принадлежу — более, чем опасно; это может меня погубить, если я объявлен вне закона, а наверняка так и обстоят дела. Называя себя вымышленным именем, я могу навлечь еще больший гнев, потому что, минуя их ворота, я наверняка подвергнусь проверке на ложь при помощи специального приспособления. Остается использовать очень старый обычай, сохранившийся со времен войны. Но не знаю, поможет ли это мне здесь и сейчас.

— Род Дульмата, которому солнца, ветра и богатого урожая желаю, открывает свои ворота посланнику.— Я сказал правду, и в далеком прошлом это означало, что я не могу раскрыть своей тайны, и никто не смеет выспрашивать ее у меня, иначе меня покарает Сила. Я ждал, пока хозяин примет решение.

— Ворота открыты для того, кто клянется, что не несет беды Дульмату, его людям, дому, урожаю, лошадям...— Он произносил слова медленно, с расстановкой, словно доставал их из глубин своей памяти.

Я вздохнул с облегчением. Такую клятву я могу дать. Он протянул мне свой меч — это означало, что в случае нарушения клятвы меня ждет смерть от этого оружия. Я преклонил колено и прикоснулся губами к холодному металлу.

— Я не несу беды Дульмату, его людям, дому, урожаю, лошадям!

Он подал еле заметный знак, и женщина в ярко-желтом платье принесла кубок, наполненный смесью воды, вина и молока — так обычно встречали гостя. Они, действительно, придерживаются очень древних обычаев, наверное, потому, что оторваны от того, что давным-давно было их домом.

Хозяин сделал несколько глотков, потом протянул кубок мне. Я немного отпил, уронив по обычаю по несколько капель направо и налево — дому и земле — потом передал по кругу кубок, который переходил от воина к воину, и, наконец, дошел до караульного, который стоял теперь рядом со мной и косился на меня с явным подозрением. Он походил на поджарого волка, выносливого и упрямого, как сталь, из которой сделан его меч. Знавал я таких. Итак, меня приняли в доме Дульмата — в неком подобии крепости. Хозяина звали Лорд Хеврон, и хотя он не говорил об этом, я догадывался, что когда-то он владел огромным поместьем. Леди Крисвита, его вторая жена, вела хозяйство. Его первая семья погибла во время резни в Карстене. Леди Крисвита подарила ему двух дочерей и сына. Дочери выбрали себе в мужья тех, у кого не было земли, и пополнили род Дульмата. Люди эти пришли сюда и начали устраивать свою жизнь в новых краях.

— Мы приметили эту долину, когда служили на границе,— сообщил мне Хеврон, когда передо мной поставили еду,— и

разбивали здесь лагерь много раз, возводя постепенно вот это укрепление. Может быть, в твоем возрасте не понять этого, но человеку необходимо место, куда он может вернуться, и мы нашли его. Когда горы сдвинулись, а служба наша на границе подошла к концу, мы решили обосноваться здесь.

Я порывался расспросить его о том, что случилось с Эсткарпом за то время, что нас здесь не было. Но понимал, что это невозможно.

— Карстен действительно не опасен? — я рискнул задать только такой вопрос.

Тот, что вел меня с холма, хмыкнул. Его звали Годгар. Хеврон улыбнулся.

— Похоже на то. Ничего нового пока не слышно, но если после такого поражения кто-либо из людей Пагара выжил, то он не человек, а дьявол. Потеряв всю армию, не имея прохода в Эсткарп, они придут в себя не скоро. Сокольничьи по-прежнему несут службу в горах — вдруг осталась какая-нибудь лазейка — и их соколы следят за малейшим движением с южной стороны.

— Но Ализон ведь не побежден? — спросил я.

На этот раз рассмеялся Годгар.

— Ализон? Эти собаки попрятались в своих конурах. Не думаю, что им придется по нраву что-либо наподобие того удара по Карстену! И раз Сила...

Я заметил, как Хеврон метнул в его сторону недовольный взгляд, и Годгар сразу затих, смутившись.

Да, Сила поработала что надо, вставил я. — Благодаря Колдуньям мы теперь можем вздохнуть свободно.

Но сами колдуньи при этом пострадали, — раздался голос леди Крисвиты, сидевшей рядом с мужем. — Они лишились своей мощи — многие погибли, другие истощены. Знай Ализон об этом, нам было бы несдобровать.

Хеврон кивнул.

— Так что правы те, молодой человек, кто называет это перемирие лишь вздохом. — Он опустил глаза. — Возможно мы зря тратим свои силы, воздвигая все это. Но так трудно терять все.

Рука женщины легла на плечо Хеврона. Затем ее глаза обратились к дочерям, стоявшим поодаль. Я заколебался. Если каким-то чудом мне удастся уговорить этих людей следовать за мной на восток, что предложу я им, кроме новых опасностей и трудностей? Возможно, бедствия хуже тех, от которых бежали они из Карстена. Оставить их в их маленьком, с таким трудом завоеванном мире? Я вспомнил золотистую землю. Ничто не остановит меня, я должен исполнить свой долг.

Годгар кашлянул.

— Молодой человек, куда ты едешь или идешь, ведь несмотря на то, что на тебе обувь всадника, тебе пришлось пробираться и пешком?

И тогда я решился открыть им свою тайну, рассказать,

зачем явился к ним, преодолев горы, хотя чувствовал, что там, где только-только наступил долгожданный мир, говорить о новых войнах неуместно.

— Я ищу людей...

— Людей, а не человека? — Хеврон приподнял брови. Мне показалось, что им движет желание мстить, уходящее корнями в его прошлое.

— Да, людей. Тех, кто захочет попытать счастья на новой земле...— Как заставить их поверить мне, какие слова найти и как при этом не сказать лишнего?

Годгар нахмурился.

— Ты не похож на сулькарца, набирающего рекрутов. Глупо было бы проникать в глубь страны вместо того, чтобы собрать добровольцев вдоль рек и в портах. Если ты затеваешь что-то против Ализона, то знай: сенешаль запретил кому бы то ни было заниматься этим...

— Нет. Я не призываю вас сражаться ни на море, ни в северных краях. Я предлагаю вам землю — хорошую землю — которую нужно отстоять с мечом в руках.

Леди Крисвита пристально посмотрела на меня. Она подалась вперед, не отрывая глаз, словно была колдуньей и могла разгадать, правду я говорю, или лгу.

— И где находится эта твоя земля, странник?

Я провел языком по пересохшим губам. Настало время испытаний.

— На востоке,— ответил я.

Недоумение отразилось на лицах окружающих. Неужели их сознание так заблокировано, что я не могу заставить их даже подумать о переходе в Эскор?

— На востоке, — повторила леди Крисвита недоуменно, будто я произнес слово, не имеющее абсолютно никакого смысла.— Восток? — снова переспросила она, но на этот раз резче.

Я рисковал, но вся моя жизнь прошла в постоянных опасностях. Именно сейчас надо узнать смогу ли я убедить этих людей. Рассказать им все, что знаю сам? Может быть, эта правда освободит их от пут, что надели на их сознание давным-давно?

И я поведал им о том, что удалось узнать Кемоку у Лормта, о том, что увидели мы за горами, закрытыми для Эсткарпа. Но при этом я не раскрыл своего настоящего имени. Меня прервала леди Крисвита.

— Если бы это была правда, то каким образом вам удалось проникнуть через эти горы, которые мы не помним, о которых нам не дозволено даже знать, и которые были закрыты для нас на протяжении веков? — подозрительно спросила она.

Но теперь заговорил хозяин, словно не услышав слова жены:

— Действительно, я никогда не слышал о востоке. В Карстене — да, но здесь — ни разу. Словно это направление вовсе не существует.

— Леди задала вопрос, который требует ответа,— рыкнул

Годгар с другой стороны.— Я бы тоже хотел услышать его.

Выхода нет. Чтобы доказать свою правоту, мне придется рассказать им все — раскрыть причину, по которой я ушел на восток.

— Я направился туда по двум причинам. Я объявлен вне закона — скорее всего так оно и есть — и я не чистокровный представитель Древней Расы.

— Я так и знал! — Годгар сжал кулак.— Вне закона, и он хитростью заставил тебя считать его своим гостем, Хозяин! Но он не смеет являться таковым! Его надо убить, иначе он принесет нам много неприятностей!

— Возьми себя в руки! — прервал его Хеврон.— Как зовут тебя, объявленный вне закона? Тебе придется открыть свое имя!

— Кайлан из рода Трегарта.

На какое-то мгновенье мне показалось, что мое имя ничего им не говорит. Но Годгар вдруг взревел и бросился на меня с кулаками — в голове у меня зазвенело. Шансов на спасение нет — вон их сколько против меня! Еще один удар — темнота, голова раскалывается, тело гудит, опять темнота...

...Еле различимые очертания двери или ворот прямо надо мной, земля под ноющим телом, руки крепко связаны веревкой — наверное, я в каком-то подвале. Я представил подобное сооружение — глубоко под землей, выложенное камнем или глиной, сверху лаз.

Но почему я до сих пор жив? Почему они не убили меня на месте? Годгару мое имя известно. Но они оставили меня в живых, значит, решили передать в руки Совета — а это похуже любой смерти. Я потерпел поражение. Свои ошибки начинаешь понимать уже после того, как допустишь их — они словно щиты завоевателей на стенах побежденного замка. Впрочем, я не рассчитывал самонадеянно на победу. Сколько мне здесь еще лежать? Наверняка, до властей добираться больше дня, ведь это окраина страны — даже если они отправились на самых быстрых скакунах. Если только поблизости нет того, кто может общаться с Колдуньями на расстоянии.

Я попытался шевельнуться — малейшее движение доставляло нестерпимую боль, раскалывалась голова, подступала тошнота. Тот, кто связывал меня, знал толк в этом деле. Мне не хватит сил выпутаться. Стоит ли надеяться на помощь? Если я попаду в руки владычиц, то должен кое-что сделать для других. Повернут ли Колдуньи на восток? Могут. Я не умею заглядывать в будущее. Но я должен предупредить тех, кто ждет меня с той стороны гор... Я сосредоточился, представил в своем воображении Каттею, пытаясь мысленно найти ее, где бы она ни находилась в настоящий момент. Слабый, слишком слабый отголосок... Тонкая нить... Кемок? Я напрягся — нет, я не слышу его. Наш талант не развит до такой степени. Дахаун ошибалась, говоря, что в экстренных ситуациях я могу общаться подобным образом. Дахаун? Я представил ее такой, какой видел

в последний раз. Лишь намек на контакт — не тот, что существовал между мной и Кемоком или Каттеей, когда слова и мысли переходят друг к другу, но достаточный для того, чтобы предупредить об опасности. В ответ я услышал нечто неясное — словно кто-то пытался докричаться до меня, но на чужом языке — я не понимал этого послания. Я почувствовал, как от напряжения выступила испарина на лбу. Потом контакт прервался.

Я тяжело дышал, сердце мое билось, словно я убегал от врага. Раздался какой-то звук — словно из другого мира, издалека. Неожиданно глаза ослепил луч света — открыли лаз. За мной пришли. Я приготовился к самому худшему. Шелест платья. Я высоко поднял голову. Почему леди Крисвита пришла одна? Дверь за ней захлопнулась, наступила кромешная тьма. Она подошла ко мне. Я уловил запах сладкой травы, которую женщины обычно кладут между свежевыстиранным бельем. Она приблизилась ко мне вплотную.

— Скажи мне, почему ты бежал из Эсткарпа?

Ее вопрос прозвучал властно. Но почему она решила спросить меня об этом? Какое теперь имеет значение причина нашего бегства? Я рассказал ей обо всем, что знали мы трое. Она слушала меня, не перебивая.

— Для той земли это шанс на спасение? Кто будет править ей?

— Добро вместо Зла, но этому будет предшествовать война,— озадаченно ответил я.— Но почему это вас так заинтересовало, леди?

— Это может значить многое или абсолютно ничего. Они отправили гонца в Замок Эс... Скоро... за тобой придут.

— Я так и думал.— Голос мой не дрогнул.

Снова шелест платья. Она покидает меня. Но, поднявшись по лестнице, она заговорила вновь:

— Не все думают одинаково. Вне закона можно оказаться потому, что не всем законам можно подчиняться.

— Что ты имеешь ввиду?

Она не ответила на мой вопрос, лишь проговорила:

— Пусть удача сопутствует тебе, Кайлан Трегарт. Ты заставил о многом задуматься.

Я слышал, как она ступила на последнюю перекладину, увидел, как открывается дверь. Опять темнота. Я задумался.

Они пришли за мной утром, когда небо заволокли серые облака, и чувствовалось приближение дождя. Годгар и еще трое, но к моему удивлению, без стражников Совета, они развязали меня. Не знаю, сколько я пролежал в этом подземелье. Они принесли мне еду и воду, но проделали все это молча, не проронив ни слова. Я не задавал вопросов. За те часы, что я провел здесь, я о многом думал. Снов я не видел, только утром, проснувшись, продолжал видеть перед собой золотистую страну.

Снаружи меня ждал конь — наверное, самый худший из всего табуна — они привязали меня к седлу, словно боялись,

что у меня вдруг вырастут когти и клыки человека-волка. Кроме этих четверых вокруг не было ни души. Мне стало не по себе — быть может, Годгар задумал что-то скверное, ведь с первых минут нашего общения было ясно, что он отнесся ко мне крайне подозрительно. Он возглавил шествие, чуть поодаль от меня ехал один из сопровождающих, другие двое держались позади. Все они были среднего возраста и суровостью походили на своего вожака. Они не выражали явной враждебности, но никакой надежды на спасение у меня не оставалось. Мы повернули на север — перед нами раскинулась истерзанная земля. Годгар задавал неторопливый, ровный темп. Я оглянулся на крепость. Из головы не выходили слова леди Крисвиты. Зачем она посетила меня? Я не верил в то, что это поможет. Но я верил, что там, за частоколом, меня кто-то понимает и не осуждает. Но крепость словно вымерла. Ехали молча, и мне не хотелось задавать вопросы. Тучи сгущались, потом начал накрапывать дождь — казалось, спутникам моим все равно: что солнце, что непогода. Несмотря на безвыходность своего положения, я продолжал изучать сопровождающих и местность, запоминая все детали, которые могли бы мне пригодиться в случае побега. Но руки мои были привязаны к седлу, ноги — к стременам, а поводья держал тот, что ехал впереди. Шлема на мне не было, лишь кольчуга. На поясе — никакого оружия. Да и лошадь мою догонит любой из их скакунов.

Мы ехали по открытому пространству, где невозможно укрыться. Пожелтевшая трава по обочинам дороги доходила до стремян. Дождь моросил по-прежнему. Кроме антилоп, скачущих вдали, никакой живности я не заметил. И птицы... Не знаю, почему я начал всматриваться в небо и искать там изумрудную птицу. Скорее Фланнан неожиданно опустится передо мной. Но каждый раз, стоило только увидеть птицу, как я начинал напрягать зрение.

Годгар остановился и дождался, пока тот, что ехал рядом со мной, не поравняется с ним. Затем он что-то тихо сказал, перехватил вожжи моей лошади и поравнялся со мной. Глаза злобно сверкали сквозь металлическую сетку шлема.

— Кто прислал тебя, нарушающий клятву? Кто направил для того, чтобы причинить неприятности Роду Дульмата?

Я не понимал, чего он добивается.

— Я не нарушал клятвы и не желал Роду Дульмата зла.

Я был привязан и не смог увернуться от его удара, последовавшего в ответ на мои слова — в глазах потемнело, я покачнулся в седле.

— Ты знаешь, как можно заставить человека говорить,— рявкнул он.— Карстен многому научил нас!

— Наверное, ты можешь заставить человека говорить,— выдавил я,— но если тот знает, что должен сказать.

На мое счастье, кроме жестокости он обладал в определенной степени и умом, хотя привык полагаться на силу. На этот раз он задумался.

— Ты отправляешься в Совет. Если ты тот, за кого себя выдаешь, то знаешь, что тебя ждет.

— Да.— Годгар — воин до мозга костей, а значит верит в неотвратимость судьбы. Мне оставалось лишь надеяться на чудо.

— Они вытянут из тебя все, что тебе известно, и мы рано или поздно узнаем то, что хотим знать. Почему бы не рассказать это сейчас? Кто направил тебя к Хеврону, чтобы очернить его имя?

— Никто. Я пришел для того, чтобы...

— Прискакал на одной из наших лошадей — той, что умчалась вдруг в неизвестном направлении и вернулась через два дня и ты вслед за ней? Судя по твоим словам, ты тоже обладаешь частично колдовским Даром, нарушитель клятвы, значит мог подстроить все это. Но зачем? Почему ты хочешь Хеврону зла? Кровная месть? Но мы не враждовали. Кто заставил тебя?

— Я не выбирал вашу крепость преднамеренно,— устало произнес я. Переубедить его невозможно. Он уверен, что я желаю его хозяину только зла. То, что среди представителей Древней Расы до сих пор существует кровная месть, удивило меня. Но Годгар ждал объяснений.

— Я понял, что должен помочь Эскору. И отправился сюда для того, чтобы набрать добровольцев, которые пожелали бы освободить ту землю, что когда-то была их родиной, от власти Зла.

Я ожидал очередного удара, требований говорить ту правду, которую он ждал от меня. Но к моему удивлению Годгар повернул голову и посмотрел на восток. Потом он засмеялся, что больше походило на хриплый лай.

— И ты думаешь, что твой рассказ поможет тебе набрать воинов и отправиться с ними в никуда, объявленный вне закона? Да я могу придумать кучу всяких слов, которые сослужили бы тебе верную службу!

— Думай, что хочешь,— ответил я, устав спорить.— Но вот как все было. Мою сестру силой увезли в Место Власти. Она, как и мой брат и я, обладает Даром. И благодаря тому, что ей удалось мысленно связаться с Кемоком и позвать его на помощь, она не успела дать клятву колдуньи. Мы забрали ее из Места Власти, так как Колдуньи были истощены после того, как закрыли горы. Отвоевав ее свободу, мы направились на восток, в неизвестность. Мы прошли через горы, там оказался Эскор, который населяют как враги так и друзья. Там очень нужны люди, чтобы одержать победу над Злом в очень древней войне. Не то, чтобы я сам того пожелал — я могу поклясться своим гербом или именем — но на меня словно возложили эту миссию некие силы. И вот я здесь, ищу тех, кто пойдет со мной через горы. Больше никакая сила ничего не вытянет из меня, так как это чистая правда!

Годгар уже не смеялся. Напротив, он очень внимательно смотрел на меня.

— Я слышал о Хранителе Границы, Саймоне Трегарте...

— И о госпоже Джелит,— добавил я.— И ни для кого не секрет, что он чужестранец и владеет некой Силой — разве я не прав?

Он неохотно кивнул.

— Так можешь ли ты поверить в то, что мы, плоть от их плоти, тоже обладаем Даром, который не присущ другим? Мы рождены вместе, и всегда едины духом, а иногда и мыслями. Когда Каттея позвала нас из Места Власти, мы услышали ее и пришли ей на помощь. Если за это мы заслужили смерть от меча, что ж...

На этот раз Годгар промолчал, потом рванул вперед. Мы шли рысью по каменистой дороге. Дождь не прекращался. За все длинное утро он больше не проронил ни слова. Днем мы сделали привал среди камней, там, где выступ скалы образовывал естественное укрытие от непогоды, а рядом с почерневшим кольцом камней были приготовлены дрова. Место стоянки.

Я с трудом размял затекшие ноги, когда они спустили меня с лошади. Но, развязав ноги, они оставили руки связанными. Они достали хлеб, вяленое мясо, фрукты, потом освободили мои руки, чтобы я смог поесть, но один из них встал при этом за моей спиной; потом меня снова связали. Но, к моему удивлению, они не оседлали коней, а разложили костер, тщательно укладывая дрова. Но для чего? Ведь мы уже поели! Затем Годгар разжег огонь, отошел вправо и стал размахивать своим плащом. Подает сигнал! Влево, вправо, вперед, назад, опять вперед... Я всматривался сквозь пелену дождя, пытаясь разглядеть что-либо вдали в ответ на эти позывные. Безрезультатно.

Однако мои стражи, казалось, были довольны. Они не стали гасить огонь, а разложили вокруг него свои промокшие плащи. Я не отрываясь смотрел вдаль — кого они ждут и зачем?

Годгар кашлянул — звук гулко отозвался среди камней, ведь после того, как мы спешились, никто не проронил ни слова.

— Мы ждем тех, кто передаст тебя в руки Совета,— обратился он ко мне.— Никто из них не знает, что ты укрывался у Хеврона.

— Но ты же сам говорил, что если они захотят, они узнают, все, что им надо.— Я не понимал, к чему все эти условности, какие-то слова при прощании.

— Может быть.

И тут до меня дошло: из меня не вытянут ни слова только в том случае, если я буду мертв! Они даже не узнают, что это имеет какое-либо отношение к Хеврону.

— Зачем кому-то другому перерезать мне горло? — спросил я.— У тебя у самого в руке меч.

Он не ответил, и я заговорил вновь:

— Или твой меч вспыхнет синим огнем, как только его озарит кровь и все поймут, что это сделал ты? Твой хозяин наверняка не способен убить человека, когда тот связан, а ты?

Годгар замешкался. Глаза его вспыхнули, он соображал,

как поступить. Старые обычаи все еще имели влияние на этих людей. В моем сознании вдруг мелькнуло что-то — словно чей-то голос подсказывал мне слова клятвы, против которой не устоит ни один воин, способный держать в руках меч.

— Ты знаешь меня — я Кайлан Трегарт. Я служил разведчиком на границе, верно? Слышал ли ты что-нибудь плохое о нашей службе?

Он не понимал, к чему я клоню, и ответил вполне искренне:

— Я слышал, что ты был разведчиком. Ты был воином... и неплохим..., но раньше.

— Тогда слушайте меня внимательно, ты, Годгар, и вы...— Я помолчал, затем медленно и с расстановкой, как сестра, когда произносила свои заклинания, начал говорить.

— Пусть меня сразит собственный меч, пронзят собственные стрелы, если я когда-либо замышлял зло против рода Дульмата или кого-либо из жителей Эсткарпа.

Они удивленно смотрели на меня. Смогу ли я убедить их? Они переступали с ноги на ногу, переводя взгляд с меня друг на друга. Годгар сорвал с себя шлем, как будто снова собирался заняться едой.

— Ты хотел зла! — сердито воскликнул он.

— Зла? — резко переспросил я.— Какого зла, Годгар? Я поклялся на мече, что не желаю зла ни тебе, ни кому-то другому. О каком зле ты говоришь? — Я повернулся к другим.

— Вы верите мне?

Они пожали плечами, потом тот, что стоял в центре, заговорил:

— Верим, потому что должны верить.

— Тогда в чем заключается мое зло?

Годгар сделал несколько шагов взад-вперед, потом остановился и взглянул на меня.

— Мы служим им. Ты не наш, ты пришел из ниоткуда. Но почему из-за тебя у нас должны возникать неприятности с Советом? Что за колдовство ты применил, объявленный вне закона?

— Никакого колдовства, кроме того, что нас с вами объединяет,— я показал на каждого из них,— с тобой, с тобой и с тобой, Годгар. Я воин, я выполнял свой долг честно. Но Совет объявил меня вне закона. Я пришел сюда, потому что некая сила заставила меня. Но никто не докажет, что я пришел к вам со злыми намерениями, потому что это не так.

— Слишком поздно.— Один из моих стражников махнул рукой.

К нам приближались всадники. Пять... нет, шесть.

Годгар кивнул в их сторону.

— Они наши должники за один бой. Раз ты говоришь, что попал к Хеврону случайно, клянешься на мече... ладно, ты останешься живым, тебя не убьют. С Колдуньями разбирайся сам, хотя не думаю, что тебе повезет. Но это... уже не мое дело, воин!

— Да, не твое дело,— согласился я.

— Подожди!

Он заговорил резко.

— Что там?

Со всадниками нас разделяло лишь поле, поросшее высокой травой. Он показал на траву, которая вдруг затрепетала, стала похожей на неспокойное море. И сквозь него шло такое войско, какого никто из нас никогда не видывал. На нас надвигались антилопы, неуклюжий медведь, барс, еще какие-то звери, которых трудно было различить из-за вздымающейся волнами травы... все они шли прямо на нас!

— Что они собираются делать? — Растерянно спросил Годгар, словно никогда не видел перед собой атакующего противника. Все это шествие было сверхъестественным, жутким.

Я подался вперед, и никто из них не остановил меня, они стояли как зачарованные. И также, как заволновалась трава, пришло в движение небо — вдруг налетели и стали собираться стаями птицы. Они пикировали вниз, галдели и пытались достать нас под навесом. Эти люди видели в своей жизни многое, участвовали во многих сражениях, но подобное им довелось испытать впервые. Я старался мысленно связаться с животными. Я установил с ними контакт, прочитал в их мыслях решимость — но не мог управлять ими каким-либо способом. Я отошел от своих спутников, которые прижались к скале. Птицы кружились вокруг меня, били крыльями, щебетали, но не атаковали. Войско животных ходило вокруг, но смотрело не на меня — а на тех, кто привел меня сюда. Я пошел от Годгара и его людей в поле, под дождь.

— Стой! Стрелять буду!

Я оглянулся. Он навел на меня стрелу. Вдруг я увидел ту, что искал в небе — изумрудную птицу. Она ринулась прямо на Годгара. Он вскрикнул и едва успел увернуться от ее удара. Я прошел мимо барса, сердито помахивающего хвостом и рыкающего — он смотрел не на меня, а на тех, что стояли за моей спиной; мимо антилопы, выбивающей из камня искры, мимо всего этого мохнатого и разномастного войска. Я старался найти того, кто направил эту силу, управлял ею. И я был уверен, что этот кто-то существует. Лошади, на которых мы прискакали сюда, фыркнули, заржали и умчались, испугавшись этой сверхъестественной мощной атаки. Я услышал за спиной крики, но на этот раз решил не оборачиваться. Если мне суждено умереть от стрелы Годгара, то зачем встречать ее лицом? Лучше идти навстречу свободе. Но со связанными руками двигаться не так-то просто. Земля под ногами была скользкой от дождя, я боялся упасть, и поэтому приходилось смотреть под ноги. Затем я услышал позади какие-то странные звуки, заставившие меня оглянуться. Когда я пошел прочь от укрытия, за мной поплелись и мои стражники — не по собственному желанию, по принуждению. Их вели животные и птицы. Что стало с их оружием, не знаю, но шли они с пустыми руками. Было

непривычно видеть их безоружными и беспомощными. Они шли, отбиваясь от птиц, словно в каком-то кошмарном сне. Я держал курс на восток, так мы и шли гурьбой — над головами птицы, вокруг — войско животных, больших и поменьше. Они ревели, рычали, выли, хрипели, словно выражали протест против той силы, что их вела. Я посмотрел в ту сторону, откуда появились всадники Совета. Никого! Испугались этой дикой орды? Это было самым странным шествием за всю мою жизнь. Звери шли кто рядом, кто чуть поодаль от меня. Потом маленькие зверюшки отстали, продолжали путь только большие. Птицы собрались в стаи, громко кричали. Но моя изумрудная птица исчезла.

Мы брели и брели по полю, не имея перед собой цели, но явно шли не к крепости Хеврона. Снова и снова я пытался установить мысленный контакт с этой природной силой, чтобы как-то управлять ею. Потом вдруг я вспомнил старую-престарую походную песенку:

— На суше, на море

Настигнет любого наш меч суровый!

Потом оказалось, что пою ее во весь голос. Рев вокруг меня постепенно стих, птицы тоже замолчали. Так они и шли в полной тишине, сами не понимая, куда идут.

Я повернул голову и посмотрел на людей, которые шли следом за мной. Лица их потемнели. Они холодно смотрели на меня, не понимая, что за сила ведет их в неизвестном направлении против их воли.

— Годгар! — я повысил голос, чтобы вывести его из оцепенения.— Годгар, иди своей дорогой. Она ведет к Роду Дульмата. Говорю тебе, между нами нет кровной вражды, я не держу на тебя зла и за сегодняшний день. Был бы у меня меч, мы бы обменялись с тобой оружием в знак перемирия.

Он помедлил.

— Капитан,— обратился он ко мне почтительно,— если ты предлагаешь мир, мы согласны. Но те, что ведут нас, позволят ли они?

Этого я не знал.

— Попробуйте,— ответил я.

Затем, внимательно следя за флангами, Годгар и его люди повернули на юг. Медленно и неохотно звери расступились. Увидев это, Годгар распрямил плечи. Он снова посмотрел на меня.

— Об этом придется сообщить,— сказал он.

— Что ж,— ответил я.

— Подожди! — Он направился ко мне. Барс оскалил клыки, зашипел. Годгар остановился чуть поодаль.— Я не желаю тебе зла. Но идти с завязанными руками трудно. Я развяжу тебя.

Но барс не позволил ему приблизиться ко мне.

— Похоже, наши клятвы здесь недейственны, Годгар. Иди с миром и сообщи о случившемся, как полагается. И повторяю — я не держу зла ни на тебя, ни на твоих людей.

Он вернулся к своим воинам, и они пошли на юг в сопровождении животных. Я понял: их доведут до места. Но мне уготована другая дорога — изумрудная птица снова появилась в небе, призывая меня следовать за ней.

Постепенно сопровождающих меня зверей становилось все меньше. Когда Годгар и его люди скрылись из вида, я огляделся вокруг — оскалившийся барс, фыркающая, бьющая копытом антилопа. В прошлом враги, теперь их объединила одна цель. Барс зарычал; я посмотрел на восток — он затих. Войско таяло на глазах, но я чувствовал, что еще кто-то ведет меня к цели.

Пение птицы над головой — посланник Дахаун предупреждает меня о чем-то. Я свернул с дороги в мокрую траву, больно хлеставшую по рукам и ногам, и скрывавшую иногда моих спутников. Птица все время летела впереди. Дахаун — она прошла через горы? Вряд ли, она слишком тесными узами связана с Эскором, чтобы проникнуть сюда. Кемок? Но я чувствовал, что животными и птицами управлял не Кемок, не Каттея, не чья-то другая колдовская сила, рожденная в Эсткарпе.

Впереди возвышались темные горы. Этой дорогой я выйду к их склонам. Я попытался освободить руки от веревки. Там, в горах, без помощи рук мне не обойтись. Веревки врезались в кожу, из ран сочилась кровь. Как избавиться от них? Превозмогая страшную боль, я, наконец, высвободил одну руку, потом другую, поднял опухшие руки вверх и пошевелил пальцами.

Дождь кончился, но небо не просветлело, наступили сумерки. Меня не столько пугала тьма, сколько то, что из-за дикой усталости я продвигаюсь слишком медленно. Я оглянулся. Антилопа приподняла голову, глаза барса сверкнули злобой. Я сделал шаг или два по направлению к ним. Рычание и шипение — предупреждение. Из травы показались другие звери. Дорога на запад для меня закрыта. Они не пошли за мной дальше, остались стоять в траве — словно перед тем барьером, что разделяет эти земли, за которыми я найду себе подобных. То нас преследовали люди, то изгоняли из Эсткарпа звери. Я добрался до большого камня и присел отдохнуть. Ноги гудели: сапоги для верховой езды неудобны при пеших переходах. Я посмотрел на животных — неуклюжий медведь исчез, остальные внимательно следили за мной. Похоже, кто-то или что-то хочет, чтобы я вернулся в Эскор. Все во мне восстало против подобного насилия. Сначала направили в Эсткарп с бесполезной миссией, теперь тащат обратно. Какой смысл? Не очень-то приятно ощущать себя пешкой в чьей-то игре, которой двигают туда-сюда с непонятной целью.

Дермонт как-то рассказывал мне об очень древнем обычае в Карстене, который прекратил свое существование, когда Древняя Раса перестала править там, а землю захватили пришельцы с далекого юга. Раз в десять лет устраивали одну игру. На доске расставляли вырезанные из дерева фигурки. По одну

сторону доски садился тот, кто считался великим лордом, по другую — тот, у кого не было ни земли, ни слуг, ничего, но кто хотел испытать свои силы в игре. Этот игрок олицетворял силы разрушения и неудачи, а лорд — силы согласия и успеха. И они начинали игру — на кон ставилось не только все то, чем владел лорд, но и благополучие страны. И в том случае, если безземельный игрок одерживал победу над лордом, в стране наступал каос и раздор. Может быть, сейчас играют именно в эту игру, а меня — живого человека — используют вместо пешки? С одной стороны — Эсткарп, с прочными традициями, крепко стоящий на ногах после победы над Карстеном, с другой стороны — Эскор, с давними проблемами и неприятностями. И возможно за этой древней игрой скрыта некая вечная истина, то колебание весов, в котором одна сила побеждает другую. Так можно додуматься неизвестно до чего, решил я. Интересно, есть ли в моих догадках хоть доля правды? Меня определенно направили в Эсткарп, также, как теперь выпроваживают. Я покачал головой — только животные могли видеть меня в этот момент. Я стал рвать траву и готовить ночлег. Одно ясно — сейчас я никуда не пойду.

Этой ночью я спал крепко. Наверное, я слишком устал, а может быть, мой покой кто-то охранял. Если я и видел сны, то, проснувшись рано утром, ничего не вспомнил. Поднявшись с примятой травы, я посмотрел на горы. Да, если я действительно всего-навсего пешка в чьей-то игре, то надо идти на восток. С пустыми руками, без оружия, без еды — мне предстоит взобраться по этим скалам. Дважды я оглядывался. Наверное мой сон охраняли животные, но теперь они исчезли. Однако, желания возвращаться в Эсткарп не возникало.

В течение всего дня мной кто-то постоянно командовал — я не могу передать словами свои ощущения, но это так. Моей целью были только горы. Бессмысленно, бессмысленно — повторяла одна половина моего «я». Заставить меня проникнуть туда, потом забрать — чего я добился? Встретил всего-навсего одну крепость, да и там произвел отрицательное впечатление. Если моей задачей было набрать добровольцев, привести их в Эскор, я провалил дело. У края скалы я остановился — зачем меня вернули в Эсткарп? Для чего? Я пнул камешек — он полетел вниз, гулко отзываясь в полной тишине.

Какова их цель? Для чего меня использовали? Я не находил ответа. Оставалось одно — идти и идти вперед, вернуться к тем, кто ждет меня за горами. Я кубарем скатился вниз и побежал, как безумный, испугавшись собственных мыслей и не находя ответа на свои вопросы.

Наконец я упал без сил. Я не смогу убежать от тех страхов, что терзают меня. В отчаянии я стал бить руками о землю, пока не довел себя до изнеможения и не успокоился. И как только кровь перестала стучать у меня в висках, я услышал журчание воды, пошел на этот звук и увидел горный ручей. Я жадно начал пить холодную воду, потом плескать ее в лицо.

Я приходил в себя. Страх — не помощник, лучше прислушаться к чьим-то таинственным приказам, может, тогда я узнаю, в чем дело. Покинув ручей, я обрел некую уверенность. Все это исходит только из Эскора. Войско животных — дело рук не колдуний Эсткарпа. Значит, чем скорее я попаду в Эскор, тем быстрее узнаю, какое место мне отведено во всей этой игре.

Я страшно проголодался. Прошло много времени с тех пор, как я доел последние крошки, оставшиеся от сухого пайка. Но здесь мне никакого пропитания не найти. Что ж, мне часто доводилось голодать, надо продвигаться дальше. Горы — найду ли я ту долину, что вела к перевалу? Иногда, оглядываясь по сторонам, я ничего не узнавал, словно действовали те же силы, искажающие все вокруг, как тогда, когда мы шли с Кемоком и Каттеей в Эскор, а может, причиной тому был голод.

Сумерки не остановили меня, так как мной двигала лишь одна цель — скорее попасть в Эскор. Я не знал, верно ли выбираю дорогу. И вдруг... свет впереди! Я остановился, как вкопанный, и протер глаза. Я боялся, что все это плод моего воображения, галлюцинации, а, может быть, это враги — меня схватят...

Я перебрал в воображении все возможные варианты поведения — обратной дороги нет, возвращаться никак нельзя...

— Брат!

Я был так занят своими мыслями, что не сразу понял, что значит это слово. Потом... Кемок! Не знаю, закричал ли я его имя во весь голос, когда побежал к костру — но меня переполняла радость оттого, что меня ждут.

Он пришел, чтобы встретить меня, но силы ушли, и я не мог бежать. Он подхватил меня и дотащил до оазиса света и тепла, потом прислонил к кустарнику и поднес к моим губам чашу. Я почувствовал руками тепло ее содержимого и припал к ароматному тягучему напитку.

Кемок — в одежде людей Дахаун — даже хлыст за поясом, но такой же родной, как раньше, когда мы вместе объезжали границу. И то, что меня окружало нечто знакомое, притупило ощущение беспомощности, давления извне, так же как напиток утолил чувство голода.

— Ты знал, что я иду? — Я первым нарушил тишину, он словно дал мне время, чтобы успокоиться, прийти в себя.

— Она знала... Леди Зеленой Тишины.— В его голосе чувствовалось напряжение.— Она сказала нам, что тебя забрали...

— Да.

— Они не позволили Каттее помогать тебе, поставили мысленный заслон.— Он сердито насупился.— Но они не смогли удержать меня. Они позволили мне прийти сюда и проверить, как сработало их колдовство.

Интересно, Кемок тоже чувствует, что его привела сюда чья-то воля?

— Их колдовство.— Животные... конечно, это колдовство Дахаун.

— Они не были уверены, что их ждет удача в Эсткарпе. Но похоже, все получилось, ведь ты вернулся, Кайлан. Но почему ты пошел туда? — он вопросительно посмотрел на меня.

— Потому что я должен был это сделать.— И я рассказал ему обо всем, начав с того самого момента, когда я проснулся в Зеленой Долине. Я не скрыл от него мыслей о том, что меня использует какая-то неведомая сила в неизвестных для меня целях.

— Дахаун? — спросил он.

Я покачал головой.

— Нет, это была не ее воля. Поверь мне, Кемок, мы участвуем в некой игре, где не в праве что-либо выбирать или понимать. И я не знаю, зачем меня отправили туда, а потом приказали вернуться!

— Говорят, что в Эскоре сгущаются тучи, зло пришло в движение, и им тоже нужно собирать свои силы. Время перемирия прошло, теперь и те, и другие готовятся к схватке. И поверь, брат, я приветствую это, как бы трудно ни пришлось. Я не хочу быть просто наблюдателем, я приму участие в этой игре.

— Каттея... ты сказал, что они поставили ей мысленный заслон.

— До тех пор, пока она не согласится отказаться от применения своей Власти. Они говорят, что в противном случае она разбудит то, чего следует бояться. Она ждет нас вместе с остальными, вон там.— Он показал на скалу позади себя.— Днем мы встретимся.

Той ночью я видел сон. Я ехал верхом по полям Эскора — облаченный в кольчугу, вооруженный, готовый сразиться на мечах. За мной следовали те, кого я знал когда-то. Среди них я увидел Леди Крисвиту, в боевом одеянии, с оружием в руках, как было принято в периоды великой опасности. Она улыбнулась мне, проезжая мимо, за ней следовали другие люди Древней Расы. Мы скакали то вправо, то влево, охваченные тревогой и отчаяньем. Над нами развевалось знамя в виде огромной зеленой птицы (а может быть, это была настоящая птица, только в несколько раз больше обычной?), и ветер трепал его так, что оно хлопало словно крыльями. По пятам за нами шла смерть — наши жизни могли потребоваться в виде дани некоему владыке.

— Кайлан! — Я проснулся и почувствовал руку брата. Он тряс меня за плечо.— Тебе приснился плохой сон?

— Как знать, хороший или плохой. Нам предстоит сражаться, Кемок. Мы либо очистим землю от Зла, либо погибнем...— Я пожал плечами.— Так или иначе, у нас есть руки, способные держать мечи. И кто знает, может быть на этот раз удача не отвернется от нас...

Мы стали медленно подниматься на скалу. Оказавшись наверху, я обернулся. Кемок тоже. Он поднес к глазам бинокль и вдруг весь напрягся — он что-то увидел.

— Что там?

Вместо ответа он протянул мне бинокль. Деревья и кустарники замелькали перед глазами. И среди них — люди. Снова идут по моим следам? Но они не смогут пройти, их остановит барьер. Большой отряд... погоня? Потом я навел резкость — один всадник, другой, третий... Не веря своим глазам, я оглянулся и посмотрел на Кемока. Он кивнул, с лица его тоже не сходило удивление.

— Твое зрение тебя не обманывает, брат! В основном это женщины!

— Но почему? Колдуньи сами решили поймать меня.

— Какая колдунья повезет с собой ребенка?

Я снова посмотрел в бинокль — действительно, поперек седла на одной из лошадей была прикреплена люлька, а всадница была одета в походные брюки, значит, отправилась в долгий и трудный путь.

— Силы вторжения... За ними наверняка кто-то гонится...— Я не мог собраться с мыслями.

— Не думаю. Они едут с юго-запада. А вторжение можно ожидать только с севера, из Ализона. Нет, наверняка, это добровольцы, за которыми тебя направляли, брат.

— Не может быть... женщины, дети? Я звал только людей из крепости Хеврона, но там меня не стали слушать, узнав, кто я такой. Они не могли...

— Это ты считаешь, что не могли,— поправил он.

Не знаю почему, но в этот момент на меня нахлынули детские воспоминания. В Эстфорд приехал наш отец, что случалось редко. Да, именно тогда он привез с собой Откеля для того, чтобы тот начал обучать нас боевому искусству. И он рассказывал о том, что произошло в Горме. Корабль сулькарцев принесло течением в бухту, вся команда оказалась мертвой. Но они успели написать на бревне, что с ними произошло. Так дошла до других правда. Оказалось, что всех их сразила чума, которую они подхватили в далеком порту. Корабль отбуксировали подальше в море, подожгли и затопили вместе с мертвыми. Эта беда случилась из-за одного человека, вернувшегося с берега с семенем смерти.

Наверное, и я был послан в Эскарп для того, чтобы бросить там какое-то семя — но не смерти и болезни — хотя кто знает, чем все это кончится. И я заразил их необходимостью отправиться вслед за мной в Эскор? Странно, но это, наверное, и дает ответы на все мои многочисленные вопросы. Кемок услышал мою мысль, взял у меня бинокль и еще раз внимательно посмотрел на тех, кто шел к нам с определенной целью.

— Они не похожи на заколдованных или затуманенных,— сообщил он.— Твоя чума подействовала на них.

Женщины и дети... нет! Ведь мне нужно было набрать воинов, привыкших держать в руках оружие. Но женщины и дети в мире, полном опасностей, в Эскоре — нет!

— Похоже, кто-то решил обновить нацию,— Кемок опустил бинокль.

— Что они задумали, в какую игру играют? — возмущенно воскликнул я, отстраняясь от бинокля, который протянул мне Кемок. Нет, все это моя вина, и мне одному придется отвечать за случившееся.

— Они не смогут провести с собой лошадей,— сказал Кемок. Меня поразило то, как быстро он сориентировался в ситуации.— Но их упряжь можно поднять при помощи веревок, а там, за долиной деревьев, их пересадят на рогатых скакунов...

— Ты так уверен? Они идут к нам? — спросил я.

— Да, Кемок прав!

Каттея! Она подбежала к нам, схватила меня за руку, потом взяла руку Кемока и мы, трое, вновь соединились.

— Почему? — спросил я, надеясь, что у нее есть ответ на мой вопрос.

— Почему они пришли? Не все захотели, лишь те, кто может услышать зов. Почему тебя послали к ним, Кайлан? Потому, что ты один из нас, способных донести семя этого зова. Но во мне слишком много осталось от колдуний Эскарпа, я бы не справилась, Кемок слишком тесно связан со мной. Поэтому именно тебе пришлось стать посланцем, сеятелем... И вот он — урожай!

— Они пришли за своей смертью!

— Некоторые из них действительно умрут, не скрою,— согласилась моя сестра.— Но разве не все живые существа в конце концов находят свою смерть? Ни один человек не может предсказать заранее, когда наступит его последний час. Все мы подвластны воле случая, и многого не понимаем. Разве можно винить меч за то, что он убивает? За ним всегда стоит рука, его держащая, и помыслы, ответственные за смерть!

— Но чья рука и чьи помыслы стоят за нами?

— Разве можно назвать имена тех, Кто Вечен?

Ответ ее меня озадачил. Я знал, что некоторые до сих пор верят в сверхъестественные силы, стоящие выше природы, человека и мира. Какое-то колдовство?

— Да, Кайлан. Я не знаю, под чьим знаменем мы идем сейчас. Вполне возможно, что впереди нас поджидают большие неприятности. Но пути назад нет!

Так говорит она — чужестранка в Эскоре. И я, тот, что привык к звону мечей в битве, снова возьмусь за оружие. И пусть впереди нас ожидает неизвестность, неведомая нам магия, мы сделали свой выбор. Это лишь начало новой страницы в нашей жизни, семя, которое даст урожай намного позже. И об этом — следующий рассказ.

ЧАРОДЕЙ КОЛДОВСКОГО МИРА

Историю нашего появления на свет сейчас знают многие. Матерью нашей была Джелит из Эсткарпа, колдунья. Она без памяти влюбилась в Саймона Трегарта — чужестранца, который попал к нам из другого мира, пройдя через Ворота Времени. Чтобы выйти за него замуж, Джелит пожертвовала своим Колдовским Даром и отдала Владычицам Эсткарпа Волшебный Камень. Но какое-то время спустя она почувствовала, что все же не совсем утратила Силу — та понемногу стала к ней возвращаться. И вскоре Джелит поняла, что может обходиться и без Камня.

Мы, трое близнецов, которых она родила в страшных муках, также были отмечены печатью Дара. Правда, у каждого из нас он проявлялся по-своему. Мать предсказала нам это. Того, кто увидел свет первым, она назвала Кайлан-воин, сестру — Каттея, что значит Колдунья, а мне досталось имя Кемок — Мудрость. Но сам я считаю, что ее у меня хватило как раз настолько, чтобы понять: чашу истинной мудрости я едва пригубил — знаний у меня еще очень мало. И потому я всегда стремился узнать как можно больше. Так что можно сказать, что мудрецом меня сделало сознание собственного несовершенства.

Трое близнецов! Такого в Эсткарпе еще не бывало. Но благодаря этому я никогда не испытывал одиночества. Мы всегда чувствовали, что связаны так, словно представляем собой единое целое. Кайлан был действием, Каттея — чувством, а я — мыслью. Для того, чтобы понять друг друга, нам не нужны были слова, мы обходились без них. И порой казалось, что не только духом, но и телами мы сливаемся в нечто единое. Но эти счастливые времена кончились, когда в один прекрасный лень Владычицы забрали у нас Каттею и надолго укрыли ее в своей тайной Обители.

Теперь наши с братом силы полностью поглощала война, в которой Эсткарп защищался от напавшего на него соседа — это был Карстен. Мы с Кайланом жили только военными победами и поражениями. И, не загадывая наперед, казалось, ограничивали свою жизнь только одним днем — от сумерек до рассвета, от восхода до заката, от одной военной тревоги до другой. Иногда сутками не слезали с коней.

Но однажды удача отвернулась от меня. Всего один быстрый и точный удар вражеского клинка — и здоровяк, крепкий воин, каким я был, превратился в беспомощного калеку. Но хотя перестрадать пришлось немало, в душе я даже обрадовался этой неожиданной передышке. Тем более, что только благодаря ей, нам, наконец, удалось вызволить сестру из-под власти Колдуний, Владычиц Эсткарпа.

Рана оказалась серьезной. Когда она затянулась, стало ясно, что моя правая рука не годится теперь для боев — она так и осталась изувеченной. И я, едва оправившись от болезни, отправился в Лормт.

История Эсткарпа теряется в глубине веков. Ученые до сих пор не могут прийти к единому мнению о его происхождении. Это страна древняя. Но на Лормте отпечаток древности лежал особенно явственно. С первого же взгляда на него становилось понятно, что когда-то это был цветущий и богатый город, но сегодня от него остались одни руины. Уцелевших зданий насчитывалось совсем не много. И сам собой напрашивался вопрос: кто и для чего построил в этих пустынных местах такой большой город?

В обветшалых дворцах под старинными сводами до сих пор хранились пожелтевшие рукописи древней расы. Любители истории, переписчики, просто любопытные без всякого толку рылись в древностях, шелестели ветхими страницами, всяк на свой лад выискивая то, что, по их мнению, достойно остаться в памяти потомков. В то время, как в соседнем шкафу или даже рядом, на соседней полке, таились сведения куда более ценные.

В Лормте я надеялся найти разгадку тревожащей меня тайны. Еще в те дни, когда мы с братом воевали в горах, я обратил внимание на странную особенность в географических познаниях эсткарпцев. Судите сами. Все знали, что к югу от Эсткарпа находится враждебный нам Карстен. На севере расположился столь же недружественный Ализон. На западе, омывая скалистые берега, плещется море, и волны его бороздят суда мужественных салкаров, которые были нашими древними союзниками. Но что скрывается на востоке? Этого в Эсткарпе не знал никто. Словно синевшая вдали горная гряда обозначала конец земли, и за ней простиралась бездна. Мои товарищи никогда не говорили о востоке — эта сторона света для них просто не существовала, как не существовало и восточное направление. Но почему? Что за тайна крылась за этим?

Мой интерес не был праздным. Дело в том, что мы с Кайланом вынашивали планы, как отыскать Обитель Колдуний, где они прячут Каттею, отнять или выкрасть у них сестру, чтобы опять, как когда-то, счастливо зажить втроем. И если бы наш план удался, нам пришлось бы где-то скрываться от страшного гнева Владычиц. Может быть, лучше всего это

было сделать в таинственной стране на востоке, путь в которую столько веков был закрыт.

Добравшись до Лормта, я поставил перед собой две цели — найти в древних рукописях ответ на свои вопросы и научиться держать меч в левой руке. Мир, в котором я жил, был достаточно суровым. И я понимал, что, когда садится солнце и на землю опускается мрак, тому, кто не умеет себя защитить, несдобровать.

Читая свитки древней расы, я убедился в том, что мои предположения были верны и спасения от гнева Владычиц нам следует искать на востоке. Кроме того, после долгих упражнений я научился отлично владеть саблей, держа ее в левой руке, и полностью восстановил утраченные воинские навыки. Теперь оставалось главное — спасение сестры. Может, нам так и не удалось бы освободить ее из-под власти Колдуний, но помог случай. Как раз в это самое время Мудрейшие решили нанести по Карстену удар небывалой силы, чтобы в одночасье положить конец затянувшейся войне. Соединив все свое колдовское умение, всю свою энергию, они вызвали ужасающую, кипящую ливнями и молниями, грохочущую громами грозу, заставили земную твердь плясать под ногами, сдвинули с мест долины и горы. В эти ночные часы Колдуньи перемешивали все окрестности так, как кухарка мешает в огромном котле кипящее варево.

В эту страшную ночь, когда Владычицам было не до нас, мы с Кайланом встретились в Этсфорде, где прошло наше детство, и оттуда направились в Обитель Мудрейших, в которой Колдуньи спрятали Каттею. Владычицы после невероятного усилия настолько ослабели, что не смогли помешать нам. И, освободив сестру, мы вместе с ней поскакали на восток.

Там, за горами, лежал полный тайн Эскор. Когда-то в этих краях жили люди древней расы, но Зло вынудило их покинуть родные места. Они ушли отсюда в Эсткарп, а чтобы отгородиться от Зла навсегда, колдовством воздвигли за собой непроходимые горные хребты. Там, за горами, мы нашли разоренную землю, где выпущенные на волю светлые и темные силы приняли самые неожиданные формы. Равновесие между ними было таким неустойчивым и хрупким, что своим появлением здесь мы, сами того не желая, нарушили его. Нам не раз приходилось преодолевать действие темных сил. Мы сомневались, сумеем ли достичь цели. И тогда Кайлан воспользовался своим даром, но ему пришлось преступить границы дозволенного, и потому он попался в ловушку, расставленную Темными, и едва не погиб. Хорошо, что на помощь ему пришла Дагона, Владычица Зеленой Долины. Нам пришлось пройти через очень тяжелые испытания, пока, наконец, мы не добрались до самого сердца Эскора — чудесной Зеленой Долины, которую охраняли руны, написанные или, скорее, высеченные на скалах древние письмена.

Кровь ее жителей только частично была кровью древней

расы. Но мы и сами принадлежали к ней только наполовину — наш отец попал в Эсткарп из какого-то другого мира. Предки тех, кто жил в Зеленой Долине, были народом еще более древним. Когда-то эти земли принадлежали только ему. Здесь, в Эскоре, мы с удивлением услышали знакомые нам с детства легенды. Очевидно, они попали в наши края вместе с теми, кто когда-то, убегая от Зла и его ужасных дел, покинул эту страну и постарался о ней забыть.

Вскоре какая-то неведомая, но могучая сила заставила Кайлана вернуться в Эсткарп, чтобы рассказать там о благодатной стране, лежащей на востоке, которую в стародавние времена покинули люди древней расы и куда сейчас их потомки могут вернуться. Вернуться, чтобы, объединившись с обитателями Зеленой Долины, прогнать отсюда Зло и остаться в Эскоре навсегда, навечно. Рассказ Кайлана послужил как бы толчком — он пробудил глубоко дремавшие желания. Вскоре непреодолимая потребность идти на восток охватила потомков древней расы. Ведь с тех пор, как во время войны с колдерами их изгнали из Карстена, они стали бездомными скитальцами Эсткарпа. Теперь пришла пора вернуться на свою древнюю родину.

Но путешествие через горы было трудным и опасным. Поэтому обитатели Зеленой Долины с их Владычицей Дагоной, которая уже однажды спасла Кайлана от гибели, а также с Эфутуром, Хранителем Зеленого Безмолвия, помогли им пройти через ущелье, подняться по скалам в Эскор и провели их в Зеленую Долину, где было безопасно. Хотя эти события и предшествовали началу Великой войны между Добром и Злом, они были очень важны, так как благодаря им светлые силы выстояли и победили.

К счастью, Зеленую Долину охраняли руны, к которым враждебные силы не смели приближаться. Но каждый, кого древние письмена пропускали сюда беспрепятственно, обретал здесь покой и радость. Эти чудодейственные знаки были мне уже знакомы — я встречал их в свитках Лормта, чувствовал их силу и доверял ей.

Недолгой была наша спокойная и светлая жизнь в Долине. Вскоре зашевелилось разбуженное нашим приходом Зло, и весь Эскор стал похож на растревоженный улей. Когда-то, в давние времена, его раздирали такие же опустошительные войны, как наш Эсткарп. Кроме того, люди в своем стремлении овладеть знанием преступили черту дозволенного. Многих из них снедала жажда власти ради самой власти. Они хотели добиться ее полноты любой ценой. И потому над страной нависла Тень, что чернее самой черной ночи. Вот тогда часть людей отреклась от прошлого и ушла отсюда в другие земли, воздвигнув за собой высокие горы. С помощью колдовской силы они оградили подступы к ним непроходимым барьером и стерли из памяти своих соплеменников всякое воспоминание о востоке.

Те же, кто остался в Эскоре, вынуждены были продолжить ужасную войну со Злом. Так и не отступившие от древних законов зеленые ушли в глубь страны, в Зеленую Долину. Перебрались на необитаемые земли и другие. Это были те, на ком проводили свои безумные опыты ведуны, стремившиеся овладеть тайным Знанием. И хотя эти люди подверглись кощунственным изменениям, они все же не успели стать орудием Зла. Но тех, кто не потерял здравого смысла, было очень мало, и они не могли противостоять Великим, которых пьянила власть над непостижимыми силами. Поэтому горстка людей, противостоящих Злу, выбрала тактику выжидания и терпеливо дожидалась, когда же, наконец, стихнет страшная буря.

Ну а Темные силы продолжали свои сокрушительные схватки, безжалостно уничтожая друг друга. Многим из них пришлось уйти отсюда, открыв ворота в иное время и другие миры, как это когда-то сделал мой отец. Но Зло все равно оставалось, оставались и слуги Великих, которых они забыли здесь или же просто отпустили. Случись что — и эти слуги опять, как и прежде, готовы служить Темным.

Когда мы попали в Эскор, нас пугала эта непонятная и опасная страна. И тогда, ради нашего спасения, Каттея прибегла к колдовской силе. Мы не знали, что этим она нарушила царившее здесь неустойчивое равновесие между Добром и Злом. Сестра растревожила темные силы, которые сразу же стали действовать. Спокойствие в Эскоре нарушилось. И зеленые, которые избегали войны, поняли, что выхода нет, и на этот раз Злу надо дать решающее сражение, иначе оно возьмет верх.

Поэтому Эфутур собрал на совет представителей всех светлых сил, чтобы обсудить всем вместе, как дать отпор Темным. И странные, на мой взгляд, существа присутствовали на этом совете — не то люди, не то животные. Эфутур представлял на нем зеленых. Справа от него устроился Шапурн, глава рентанов. Я уже знал, что они могут нести на спине всадников и разговаривать, и чувствовать совсем как люди. Он был опытным воином, хорошо чующим тайную опасность. Рядом с ним на большом камне сидела ящерица, чешуя которой отливала радугой. Тонкими пальцами с острыми коготками она озабоченно перебирала нанизанные на шнурок серебряные шарики. Казалось, каждый из них напоминал ей о каком-нибудь важном вопросе, который обязательно нужно было обсудить на Совете. Рядом с ней занимали свои места Хорван Дальмот, так и не снявший военного шлема, его жена Крисвита в торжественном облачении и командующий их войском Годгар — все они только недавно пришли сюда из Эсткарпа. По соседству с ними восседали Дагона, Кайлан и Каттея. А тут же, на камне, устроился фланнан Форфар — человек-птица. Крылья и лапы у него были, как у пернатых, а лицо и тело — совсем человечьи. Правда, тело полностью покрывали перья. Я понял, что его присутствие на Совете — скорее

дань уважения, чем действительная необходимость. Слишком рассредоточены фланнаны на всем пространстве Эскора, и собрать войско просто невозможно. Но зато они — отличные гонцы.

Это все были лица мне знакомые. Но напротив разместились те, кого я еще не знал. Один из них щеголял птичьим телом в сизом оперении и головой зубастой ящерицы, которую покрывала красноватая чешуя. Это создание время от времени нервно хлопало крыльями и во все стороны вертело головой, внимательно разглядывая окружающих, словно мысленно их оценивая.

— Привет тебе, крылатый Форлонг,— вежливо раскланялась с ним Дагона.

Странное существо оказалось предводителем врангов, живущих на горных вершинах. Зато четверо его соседей были самыми обычными людьми. Дагона шепнула, что это потомки древней расы, которые когда-то обосновались в горах. Один из них, судя по всему, был главным. Черты его лица говорили, что он и вправду потомок древних. Высокий, смуглолицый, темноволосый, он казался довольно молодым. Но судить о возрасте по одному только виду в данном случае было напрасно. Потомки древней расы выглядят очень молодо и стремительно стареют только незадолго до смерти. Правда, до старости они в последнее время почти не доживают. Он был хорош собой, и его отличала приятная обходительность. Но я вдруг почувствовал, что ненавижу его.

Конечно, мы, трое близнецов, были настолько тесно связаны, что легко обходились обществом друг друга. А когда Колдуньи украли у нас Каттею, я еще больше привязался к Кайлану. Во время войны с Карстеном кто-то из боевых товарищей мне нравился, а кто-то — нет. Но еще никогда и ни к кому я не испытывал такой нестерпимой ненависти, какая пронзила мое сердце сейчас, когда я смотрел на Динзиля — так звали этого представителя горцев. Такое чувство возникало у меня разве что во время боя с воинами Карстена. Но и тогда это была скорее ненависть к врагу вообще, чем к какому-то определенному человеку. Динзиля же я ненавидел отчаянно, нестерпимо, яростно — и сам не знал, за что. Эта ненависть охватила меня так внезапно, что я растерялся и, когда Дагона представила нас друг другу, едва смог что-то пробормотать в ответ.

Мне почудилось, что Динзиль понял, что со мной происходит, и это немало его позабавило — так, как иногда взрослого забавляют чувства ребенка. «Но я не дитя,— мелькнула у меня мысль,— думаю, Динзиль скоро в этом убедится».

Скоро убедится... Глядя на это лицо, такое спокойное и красивое, я понял, что меня не только гнетет непонятная ненависть, но и тревожат мрачные предчувствия. Словно этот горец неминуемо должен был навлечь на всех нас ужасную беду. Но если зеленые пригласили его на Совет, пытался я

сам себя успокоить, значит они уверены в его дружбе. А то, что он откликнулся на их призыв, служит добрым знаком. Уж они-то хорошо знают, откуда ждать опасности, и ни за что не открылись бы тому, кто отмечен печатью зла. Однажды, когда мы впервые ехали по землям Эскора, Каттея в шутку заметила, что нюхом чует враждебную силу. К сожалению, я не мог бы сказать то же самое и о себе. Но сейчас какой-то внутренний страж предупреждал меня об опасности. И это несмотря на то, что Динзиль выказал себя на Совете толковым военачальником — у него оказались немалые познания в военном деле, и он сделал множество разумных замечаний. К тому же его спутники то и дело вспоминали о его прежних заслугах и успехах.

Эфутур, Хранитель Зеленого Безмолвия, вытащил карты местности, чтобы обсудить, откуда следует ждать вражеского удара. Они были мастерски изготовлены из сухих листьев, в которых прожилки и оттенки цвета служили условными обозначениями. Мы внимательно их рассматривали, обменивались мнениями, то и дело передавая их друг другу. Когда же их, наконец, дали Форлонгу, он квакающим голосом встревоженно сказал, что холм с тремя кругами менгиров — очень опасное место, над ним пролетать и то рискованно. Мы отметили его на карте, и она опять пошла по кру́гу.

Когда же она снова оказалась у меня, и я стал ее разворачивать, меня словно что-то толкнуло — я вдруг посмотрел на свои искалеченные пальцы, хотя, приспособившись к своему уродству, давным-давно перестал его замечать. Несколько секунд я в растерянности смотрел на свою руку, потом поднял глаза. Динзиль! Это он разглядывал мои негнущиеся пальцы и едва заметно улыбался. Я вспыхнул и с трудом удержался, чтобы не спрятать их за спину.

Но почему? Ведь меня ранили в честном бою, и в этом не было ничего постыдного. Но Динзиль смотрел на старые шрамы, на изуродованную руку с такой насмешкой, что мне стало не по себе. Его лицо ясно говорило, что всякое уродство постыдно и его следует прятать от людских глаз.

Но когда он поднял глаза и наши взгляды встретились, я понял, что для него это всего лишь забава — есть люди, которых чужое несчастье только веселит. Динзиль прочитал по моим глазам, что я все понял, и это развеселило его еще больше.

«Нужно поскорей предупредить Кайлана и Каттею,— взволнованно подумал я,— пусть они прочтут мои мысли, окунутся в мои смутные подозрения и мрачные предчувствия. Пусть будут начеку. Но как сказать, чего им следует опасаться? И почему?» На эти вопросы я не мог найти ответа.

Я перевел глаза на карту и нарочно стал разглаживать ее своими негнущимися пальцами. Гнев захлестнул меня.

Наконец Эфутур подвел итог.

— Необходимо послать наших представителей к фасам и кроганам.

— Я бы не стал рассчитывать на них,— заметил Динзиль.— И те, и другие до сих пор сохраняют нейтралитет. Вполне возможно, что они захотят сохранить его и дальше.

— Но они просто глупцы, если думают, что во время такой войны можно отсидеться в сторонке,— нетерпеливо перебила его Дагона.

— С нашей точки зрения это и в самом деле так,— ответил Динзиль.— Но даже если интересы кроганов не противоречат нашим, они все равно не потерпят никакого нажима. Нам не раз приходилось иметь с ними дело, и мы знаем, что они дают отпор даже малейшей попытке нажать на них, чтобы добиться того, чего хочешь. Поговорить с ними, конечно, надо, но очень осторожно. Когда наши представители вручат им Меч Союза, нужно не требовать немедленного ответа, а дать им время собрать свой собственный Совет. И если они ответят отказом, не показывать им своего гнева. Раз уж мы хотим заполучить надежных союзников, надо позволить им сделать свой выбор самим, когда придет время.

Я был с ним не согласен. Разве можно начинать войну, когда кто-то в тылу колеблется? Ведь в любой момент он может превратиться во врага и нанести удар в самое слабое место. Но Эфутур в ответ на речи Динзиля кивнул головой, да и остальные тоже согласно закивали. И я решил, что на этот раз мне лучше промолчать. Не стоило мне с ними сейчас спорить — это их земля, им видней.

— Решено,— сказал Эфутур,— мы посылаем Меч Союза кроганам — водяным людям и фасам — обитателям торфяных болот, подземным жителям.

— Если только сумеем их найти,— насмешливо заметила Дагона.— От них никогда не знаешь, чего ждать, они на все способны. Зато в тех, кто сегодня здесь, с нами, мы можем быть полностью уверены. Не так ли, господин Динзиль?

Но он в ответ только пожал плечами.

— Кто я такой, чтобы поручиться за всех? Конечно, собрать союзников необходимо. Как необходимо узнать, в чем наши интересы и устремления совпадают. Вполне возможно, что даже старым друзьям сегодня доверять нельзя. Но думаю все же, что в Долине собрались все, на кого можно рассчитывать. Горы — с вами. Позже, может быть, присоединятся и другие. Так что не медлите — скорей посылайте гонцов в низину.

Я не решился на мысленное общение с Кайланом и Каттеей во время Совета, боясь, как бы кто-нибудь нас не подслушал. Вдруг кто-нибудь из здешних обладает таким же даром? И теперь с нетерпением ждал, когда же он, наконец, закончится, чтобы поговорить с братом и сестрой. Поэтому, как только Кайлан отправился с Хорваном, чтобы помочь ему найти место, где можно было бы разбить лагерь, я увязался за ними. И по

дороге разговорился с Годгаром, военачальником Хорвана, о войне Эсткарпа с Карстеном. Оказалось, что мы, хоть и в разное время, воевали на одних и тех же горных склонах. Мы говорили так, словно давным-давно знакомы и встретились после долгой разлуки. Я хорошо знал таких людей. Это крепкие орешки. Они составляют надежное ядро любого войска, ведущего честную войну. Но в мирное время не могут найти себе места — для них жизнь не в жизнь, если меч ржавеет в ножнах. Это прирожденные воины, хорошие командиры. Им цены нет, когда они служат под началом того, кого уважают. Сейчас Годгар приглядывался ко всему вокруг опытным глазом разведчика и на всякий случай запоминал ориентиры, чтобы в случае надобности хорошо разбираться в этой еще незнакомой нам местности.

Но вот место для лагеря найдено, палатки разбиты. Хотя, если правду сказать, вполне можно было бы обойтись и без них. На редкость мягкий климат Долины позволял заночевать и под открытым небом. Я дождался, когда Кайлан остался один, подъехал к нему и наконец-то заговорил о Динзиле. Но, к своему удивлению, после первых же слов заметил, что Кайлан недовольно хмурится. Тогда я переключился на мысленный контакт и сразу же понял, что брат мне не доверяет Ему казалось, что я напрасно придираюсь к Динзилю и таким образом сею раздоры. Я был потрясен.

— Да нет,— стал горячо оправдываться Кайлан, который тоже прочел мои мысли,— это не так. Но кроме смутных подозрений у тебя ничего нет. Ну скажи, в чем ты можешь его обвинить? И если он отмечен печатью Зла, то как пропустили его в Долину руны? Они ведь надежно защищают нас от темных сил.

Все это звучало убедительно. И все-таки он ошибался! Но тогда мы этого не знали. А я ничем не мог доказать обоснованность своих подозрений. Что их вызвало? Глумливое выражение его лица? Тщательно скрываемое высокомерие? Все это только неуловимые ощущения. Но, собственно говоря, именно они и помогают нам правильно ориентироваться в жизни.

Кайлан улыбнулся мне, недовольство его рассеялось. Но какая-то дверца в моей душе захлопнулась, и я замкнулся в себе. Я чувствовал себя, словно ребенок, который доверчиво потянулся к тлеющим углям, привлеченный их ласковым светом, и, неожиданно обжегшись, с опаской смотрит на все вокруг.

— Хорошо,— сказал мне брат,— считай, что я предупрежден.

Но я понимал, что впервые в жизни он не поверил моим предчувствиям.

Совет, как всегда, кончился вечерним пиром. Когда вот-вот должна начаться война, тут, конечно, не до веселья. Но требования этикета тем не менее следовало выполнять. Кроме

того, его соблюдение создавало у собравшихся иллюзию, что в общем все идет, как надо, и придавало им уверенности. После нашей стычки с Кайланом я так и не решился поговорить с Каттеей. И теперь меня бесило то, что за пиршественным столом она сидит рядом с Динзилем, и он, наклоняясь к сестре, что-то с улыбкой говорит ей, а она ласково смеется ему в ответ.

— Ты что так молчалив сегодня, воин с суровым лицом?

Это была Дагона. Ее волосы отливали чернотой ночи, а на белом лице нежно розовел румянец. Но только совсем недавно в свете заходящего солнца длинные ее пряди казались медными, а кожа — золотисто-смуглой. Владычица зеленых постоянно меняла свой облик, становясь такой, какой хотел бы ее видеть собеседник. «Интересно, каково это — иметь струящийся облик, быть все время разной?» — невольно подумал я, глядя на нее.

— Мудрый Кемок,— продолжала поддразнивать меня Дагона.— Что за думы легли на твое чело?

— Невеселые думы...— вздохнул я.

Улыбка сбежала с ее лица. Она перевела взгляд на кубок, качнула его и пурпурная влага плеснула в тонкие края чаши.

— Но они слишком завладели тобой — твои невеселые думы,— тихо сказала Дагона.

— Это так, моя госпожа.

Как это у меня вырвалось? До сих пор я был откровенен только с братом и сестрой — когда-то мы с ними были единым целым. Были... Я опять посмотрел на Каттею — она ласково улыбалась Динзилю, потом на Кайлана — он так был поглощен беседой с Эфутуром и Хорваном, словно стал между ними незаменимым связующим звеном.

— Эй, ветка, не удерживай свои листья,— засмеялась Дагона.— Осенний ветер все равно оторвет их от тебя и унесет прочь. И не грусти — взамен вырастут новые.

Я уже знал, что между ней и Кайланом установились особые отношения, и понял намек. Но как раз эти отношения меня нисколько не огорчали — я понимал, что рано или поздно у Каттеи появится близкий ей мужчина. Пусть бы она сегодня весело смеялась, пускай бы женское кокетство заслонило в ней колдунью и сестру. Пускай бы рядом с ней сидел ее любимый. Но в том-то и дело, что рядом с ней сидел — Динзиль!

— Кемок! — и я снова встретил испытующий взгляд Дагоны.— Кемок! Что с тобой?

— Моя госпожа,— глянул я ей прямо в глаза,— у меня дурные предчувствия. Я чую опасность. Я — боюсь!

— Кого? Динзиля? Боишься, что он отнимет у тебя твое сокровище — твою сестру?

— Ты угадала, Дагона. Я боюсь Динзиля. Боюсь, что он не тот, за кого себя выдает.

Сведя брови, она пригубила свой бокал.

— Вначале, воин, я тебя неправильно поняла. Оказывается, дело не в том, что ты ревнуешь своих близких. Я при-

смотрюсь к Динзилю, обещаю тебе. Но скажи, почему он тебе так неприятен?

— Не знаю. Какое-то смутное ощущение...

— Чувства бывают точнее слов и разума. Я буду наблюдать за ним. Будь спокоен, воин.

— Благодарю,— ответил я.

И почувствовал себя так, словно тяжкий груз свалился с моих плеч после этих ее слов.

— Поезжай с легким сердцем, Кемок,— продолжала Дагона.— Да не покинет тебя удача. Но не выпускай из рук свой меч.

Я кивнул Владычице Зеленой Долины и, почти успокоенный, поднял свой кубок.

Утром мы отправлялись к таинственным кроганам. Дагона всерьез отнеслась к тому, что последнее время лишало меня покоя, и тревога моя стала спадать. Но потом беспокойство мое проснулось снова: я уезжал, а Динзиль оставался здесь! Он словно бы и не думал покидать Долину.

Собравшиеся на Совет решили заключить Союз с жителями низин. Кайлан с Дагоной отправлялись к живущим под землей фасам. Нам они еще не встречались ни разу. Но мы знали, что хотя подземные жители любят ночь и сумерки, с Великой Тенью они связаны не были. Ну а мы с Эфутуром должны были отыскать водяных обитателей — кроганов, которые владели всеми ручьями, реками и озерами этой страны. То, что я и Кайлан родом из Эсткарпа, придавало нашей миссии особый вес.

Мы с Эфутуром выехали ранним утром. Нас провожали Кайлан и Дагона, сами они отправлялись в путь ночью. В далеком и пустынном месте они должны были зажечь факелы — это был условный знак, говорящий о том, что они ждут представителей фасов для переговоров.

Мы ехали на рентанах. Эфутур восседал на их предводителе Шапурне, а я на Шиле — одном из помощников Шапурна. Наши скакуны были намного крупнее лошадей. На спине их лоснящаяся шкура ярко рыжела, а на животе, между ушей и на хвосте становилась почти кремовой. На лбу у каждого из рентанов торчал красиво изогнутый красный рог. Переходя на галоп, они всякий раз поднимали вверх свои пушистые хвосты.

Рентаны предложили нам свои услуги только из дружеских побуждений — им хотелось, чтобы мы как можно быстрей добрались до места встречи с водяными людьми. Они чувствовали себя такими же полноценными представителями Совета, как и мы, и потому не позволили накинуть на себя узду, словно на обычных лошадей. Рентаны оказались для нас поистине замечательными спутниками. Они и лошадей заменили, и были отличными разведчиками, с помощью которых мы узнавали, что делается на много миль впереди. Все пять чувств

были у них гораздо острей, чем у людей, и они чутко улавливали малейший намек на опасность.

Отправляясь на встречу с крогана́ми, Эфутур надел зеленое одеяние жителей Долины. Я же поехал в одежде воинов Эсткарпа — кожаной куртке и кольчуге. За последнее время я успел отвыкнуть от них, и кольчуга казалась мне очень тяжелой. Шлем с кольчужным шарфом тонкой работы я снял и подставил голову свежему утреннему ветерку.

Пора в Эскоре стояла осенняя, и до холодов было рукой подать. Но лето словно забыло о том, что пора уходить. Рассветная прохлада скоро сменилась теплым ветром. По временам с деревьев слетали желтые и красные листья. Было очень тихо.

— Обманчивая тишина,— озабоченно сказал Эфутур.

Его прекрасное и всегда такое невозмутимое лицо стало настороженным. На лбу у него, как и у всех мужчин долины, виднелись небольшие светлые рожки. Как и у Дагоны, у него постоянно менялся цвет лица и волос — только, пожалуй, не так часто и стремительно. Пока не встало солнце, щеки его были бледными, а кудри, волной спадавшие на плечи, темными. Но с первыми же солнечными лучами лицо Эфутура посмуглело, а волосы стали отливать золотом.

— Тишина эта очень подозрительна,— повторил он.— Тут на каждом шагу ловушки да еще и с приманкой.

— Ага, уже познакомился с ними,— кивнул я ему.

Шапурн прибавил шагу и свернул в сторону от дороги, по которой мы ехали с самой Долины. И хотя приказа никакого не было, мой рентан послушно последовал за ним. Мне вдруг показалось, что наши скакуны решили повернуть назад, но проехав немного в гору, они опять стали спускаться в низину. Тропа, по которой мы ехали, казалась давно заброшенной старой дорогой. Иногда в земле виднелись каменные плиты, которые напоминали разрушенные ступени, и рентаны осторожно спускались по ним еще ниже. Новая долина, в которой мы вскоре оказались, густо поросла не то низкими деревьями, не то высоким кустарником. Сквозь ветви мы увидели какие-то разрушенные и, видно, очень древние стены.

— Ха-Гарк,— кивнул в их сторону Эфутур.

— Что? — переспросил я.

— Когда-то здесь была надежная крепость...

— Но Великая Тень ее разрушила?

— Нет, сама земля вдруг содрогнулась, заходила ходуном, и древние стены рухнули. Под чью дудку она плясала в ту ночь — мы не знаем. Надеюсь, это неведомо и тем, к кому мы идем сейчас.

— Но неужели кто-то снова прибегнет к тайному Знанию? — спросил я, хорошо понимая, что на такие вопросы нет ответа.

— Нам остается только гадать. Многие из Великих в той страшной войне уничтожили друг друга. А многие ушли через Ворота Времени в другие миры — навстречу новым испытаниям.

И теперь они так далеко, что их не интересует то, что творится здесь. И лучше всего было бы, если бы нам пришлось воевать не с самими Великими, а всего лишь с их темными слугами, которые остались здесь. Но и они для нас — грозная сила.

Да, подумалось мне, я встречался с ними, а такое не забывается. Заброшенная дорога петляла теперь среди развалин. Кое-где они уже были засыпаны землей, а в расщелинах виднелись засохшие деревца, так и не сумевшие вырасти среди камня. Много лет, может, и веков пролетело с той поры, как Ха-Гарк был разрушен. Вскоре дорога, вильнувшая влево, вывела нас из мрачной долины на поросшую травой плоскую равнину.

Высоко поднявшееся солнце стало припекать, и Эфутур распахнул свой плащ, положив на колени Меч Союза, который был сделан не из стали, а из какого-то светлого дерева. Он был широким и тупым, лезвие его покрывали руны, а рукоять причудливым узором оплетали зеленые и красные шнуры.

Мы давно уже ехали по широкой равнине, как вдруг Шапурн и мой рентан замерли на месте. Раздувая ноздри, они принюхивались к легкому ветерку, дувшему нам в лицо.

— Это серые,— мысленно передал нам Шапурн.— Я узнаю их запах.

Волнующаяся под ветром трава была достаточно высокой, чтобы скрыть человека, в особенности, если он подбирался ползком. После того, как нам с Каттеей пришлось убегать от здешних чудовищ, мне стало казаться, что даже самый безобидный на первый взгляд ландшафт таит в себе угрозу.

Чего они хотят? — продолжали я и Эфутур мысленную беседу с рентаном.

— Они подкрадываются..

— К кому? К нам?

Шапурн еще раз шумно втянул в себя воздух.

— Нет... Вот вспугнули какую-то птицу. А сейчас за кем-то погнались. Их мучает голод, и они вышли на охоту.

Издалека донесся едва различимый вой. Когда-то они так же охотились и за мной. Какого же бедолагу они преследуют сейчас? Мне стало жаль несчастную жертву серых. Я заметил, что по бесстрастному лицу Эфутура опять промелькнула тень недовольства.

— Они совсем близко,— обеспокоенно заметил он.— Нам нужно держаться подальше от границ.

Рука его сама собой потянулась к боевому кнуту, но Эфутур тут же опустил ее — тот, кто везет Меч Союза, по обычаю не имеет права касаться оружия.

Рентаны рванулись вперед, мы в один миг пролетели равнину и съехали в небольшое ущелье, склоны которого поросли трудно проходимым кустарником. На дне его, петляя, бежал небольшой ручей — видимо, все, что осталось от бешеного потока, бурлившего тут весной. И вдруг среди намытого песка

и гальки мелькнуло что-то голубое. Это был зеленовато-голубой камень — точь-в-точь как те, которые так ценились в Долине. Одним из таких камней владела Дагона, они украшали пояс и браслеты Эфутура. Тот, который нашел у ручья я, был неотшлифован, но когда я повернул его, чтоб получше рассмотреть, он вспыхнул на солнце веселым ярко-голубым огнем. Эфутур в нетерпении оглянулся, чтобы узнать, почему я отстал, но, увидев голубой камешек, обрадовался:

— Вот так находка! Если такого камня коснется Тень, он сразу же тускнеет. Значит Зло сюда еще не проникло. Кемок, эта земля щедро одарила тебя. Да принесет он тебе удачу!

Всю дорогу он крепко сжимал Меч Союза правой рукой. Но сейчас, отпустив его рукоять, начертал в воздуке какой-то знак — движение его было мне понятно. я встречал его описание в древних Лормтских свитках. Жест этот означал пожелание добра. Теперь Эфутур повеселел и разговорился. Он принялся рассказывать мне и об этих местах, и об их таинственных обитателях. А я с интересом слушал.

Оказывается, народ кроганов, которых мы хотели бы видеть своими союзниками, образовался в результате самых первых опытов, проделанных когда-то Великими. Вполне возможно, что люди приходили к ним по доброй воле. И на опыты, в результате которых они неслыханно менялись, соглашались тоже добровольно. Может, на это их толкало любопытство, а может, жажда неизведанного, но как бы то ни было превращение их в людей-амфибий состоялось. И давным-давно они стали жить в воде, хотя часть времени могли проводить и на суше. Когда началась война, разрушившая Эскор, они ушли в глухие места, на дно водоемов и стали сторониться остальных обитателей страны, так что встретить их можно было очень редко. Иногда кроганы селились на берегах уединенных рек, а чаще на недоступных островах посреди озер.

Люди-амфибии, кроганы, никогда не враждовали с зелеными, а иногда даже приходили им на помощь. Так, однажды они затопили обиталище темных сил, с которыми всадники из Долины никак не могли справиться. И сейчас кроганы были бы неоценимыми союзниками. Ручьи и реки и озера в Эскоре можно встретить на каждом шагу, зачастую они связаны между собой протоками. Так что люди-амфибии могли бы стать отличными разведчиками и тайком проникали бы в самый глубокий тыл врага. Для них в Эскоре не было недоступных уголков. До сих пор их помощь зеленым была кратковременной и случайной, и Эфутур надеялся добиться более прочного союза с кроганами.

За разговорами мы не заметили, как выехали к озеру с заболоченными берегами. Как ни странно, здешние болота, видимо, тронула засуха — прибрежный тростник высох и порыжел. Но выступающие из воды кочки по-прежнему оставались зелеными. Болото незаметно переходило в озеро. И хотя

день был солнечным, над ним клубился белый туман. Вдали, мне казалось, я заметил острова, но клочья тумана тут же скрыли их от моих глаз.

Туман колыхался, переползал с места на место, все вокруг было зыбким, ни в чем нельзя было быть уверенным наверняка. Мне припомнились Торовы топи в оставшемся за горами Эскарпе. Во время войны с колдерами отец мой попал к торам в плен. В их таинственные земли никто не отваживался явиться без приглашения.

Мы подъехали к краю болота и сошли с верных рентанов на землю. Эфутур держа Меч Союза левой рукой, сложил правую ладонь трубкой и поднес ее ко рту. Протяжный звук пронесся над озером — он начался на низкой ноте и оборвался на высокой, словно Эфутур о чем-то спрашивал. Но на наш призыв никто не откликнулся. Вокруг не было никого, кроме каких-то крупных насекомых, которые сновали над высоким тростником или скользили по темной воде болота. Окаменевшая тина под нашими ногами рассыпалась, превращаясь в рыжую пыль. Не было видно ни птиц, ни зверей... Тишина.

Эфутур протрубил еще два раза. Но нам по-прежнему никто не ответил. Я глянул на своего спутника — Хранитель Зеленого Безмолвия сохранял спокойствие и невозмутимость, хотя на его лице я заметил едва уловимые признаки нетерпения... Было непонятно, сколько еще времени нам придется стоять здесь в ожидании, когда же, наконец, хозяева этих мест откликнутся на наш призыв. И вдруг я почувствовал, что они приближаются. Нет, я ничего не услышал, звуков никаких не было — тишину так ничто и не нарушило. Скорее всего, это было смутное движение воздуха. Обычно я всегда чувствовал приближение матери или Каттеи. И тогда, как и сейчас, было такое ощущение, словно кто-то очень уверенно двигался к своей цели. Похоже, что это был сильный поток энергии, исходящий от живых существ. Я глянул на Эфутура и понял, что он тоже чувствует приближение кроганов. Хранитель Зеленого Безмолвия повернулся лицом к озеру, держа перед собой Меч Союза, словно эта была верительная грамота. Красный и зеленый шнуры на его рукояти сверкали в солнечных лучах, словно были сделаны из драгоценностей.

Но вот тростник, зеленеющий на краю озера, качнулся, и из воды поднялись две фигуры. Легко ступая по топкому илу, они двинулись к нам навстречу. Кроганы были совсем как люди. Разве что ступни у них клином расширялись от пятки к перепончатым пальцам. Бледные их тела, по которым струями стекала вода, блестели на солнце, а прилипшие к голове короткие волосы были не намного темнее кожи. На шее у кроганов с обеих сторон виднелись жаберные щели — на воздухе они смыкались и сейчас были похожи на две полоски. Набедренные повязки водяных жителей были сделаны из сверкающих всеми цветами радуги чешуек. А с пояса свисали раковины, которые, видимо, служили им сумками. В руках с перепон-

чатыми пальцами кроганы держали покрытые резьбой остроконечные жезлы, одна половина которых была черной, а другая зеленой. По виду они скорее напоминали какое-то смертоносное оружие, чем символ мира. Но люди-амфибии в знак своих миролюбивых намерений держали их остриями вниз. Когда же они подошли, я разглядел их глаза — немигающие, темно-зеленые, почти кошачьи, они мало походили на глаза людей. Скорей, это были глаза животных.

— Эфутур,— вместо приветствия утвердительно сказал один из кроганов, словно отмечая факт, который видел.

— Ориас? — с вопросительной интонацией произнес Эфутур имя кроганского владыки.

Он повернул Меч Союза к ним лезвием, и красно-зеленая рукоять опять ярко сверкнула на солнце.

Кроганы молча смотрели на нас, на покрытый рунами Меч Союза, наконец, тот, который, по всей видимости, был главным, махнул рукой. Это можно было расценивать, как приглашение следовать за ними. Они повернулись и зашагали к озеру, и мы, прыгая с кочки на кочку, последовали вслед за кроганами. В воздухе разливался тухлый запах болота, наши сапоги увязали в тошкой жиже. А наши проводники-кроганы шли впереди как ни в чем не бывало. К их перепончатым ступням болотная грязь не приставала.

Когда мы, наконец, добрались до чистой воды, я решил, что дальше нам придется следовать за хозяевами вплавь. Но тут в тумане шевельнулась какая-то неясная тень, и от одного из островов к нам скользнуло что-то вроде лодки — водяные жители умело натянули на деревянный каркас кожу какого-то неведомого зверя. Ее быстро тянул за собой большой крроган. Но был ли это кто-то из наших провожатых или же кто-то новый, я не понял, поскольку для меня они пока что были все на одно лицо. Суденышко, предложенное нам кроганами, было очень неустойчивым, так что сесть в него оказалось совсем непросто. Наши рентаны даже и не пытались сделать это и, переглянувшись, молча поплыли рядом с лодкой, которую кроганы, как и недавно, ловко потащили за собой, с той лишь разницей, что сейчас в ней торжественно восседали мы с Эфутуром.

Постепенно тухлый болотный запах рассеялся, в лицо повеяло пресной свежестью чистой озерной воды. И вскоре сквозь туман проступили очертания какого-то острова. Когда мы к нему приблизились, я увидел, что берег его усыпан тончайшим серебристым песком, а вдали, за прибрежной полосой поднимаются невиданные деревья. Их высокие тускло-серебристые ветви напомнили мне легкие и пушистые перья, которые иногда привозили из-за моря салкарские купцы. Чуть не до самой земли свисали с них гирлянды бледно-желтых цветов, придавая всему вокруг сказочный вид.

На прибрежной полосе кроганы из разноцветных раковин и камней выложили различные геометрические фигуры, между

которыми вились песчаные дорожки, искусно отгороженные по краям гладкими белыми колышками. До зеркальной гладкости их отшлифовала вода, а выбелило солнце. Пока мы шли по одной из таких дорожек, на зеленых лужайках по обеим их сторонам виднелись брошенные на траве плетеные циновки, рядом с которыми валялись тростниковые корзинки, но хозяев нигде видно не было. Может, им просто не хотелось с нами встречаться? Когда же мы вошли под сень перистых деревьев, в воздухе разлился нежный аромат бледно-желтых цветов, который делал удивительный остров еще более сказочным. В отдалении, среди серебристых стволов, можно было разглядеть тех, кто ушел с берега, чтобы избежать нечаянной встречи с нами. Это были большей частью мужчины, которые ничем не отличались от наших провожатых. Но мне удалось разглядеть и нескольких женщин. Они перехватывали распущенные волосы изящным обручем, сплетенным из тростника, и украшали ракушками или цветами. На них были бледно-желтые, зеленоватые и нежно-розовые одеяния, и они скрепляли их на плечах красивыми застежками из раковин, а узорчатые пояски украшали ракушками помельче.

Выйдя из зарослей, мы оказались перед грудой каменных глыб, на которых неведомые мастера высекли злобных чудовищ. Глазами из потускневших драгоценных камней они угрожающе смотрели на нас, но мне некоторые из свирепых морд показались даже забавными. Двое из этих чудищ охраняли плоскую скалу, на которой, словно на троне, восседал предводитель кроганов с остроконечным жезлом на коленях. Увидев нас, он не опустил его острием вниз, как это сделали кроганы, встретившие нас у болота. И меня это насторожило.

Эфутур подошел и воткнул перед ним в песок Меч Союза.

— Ориас! — серьезно произнес он.

Я же во все глаза глядел на таинственного владыку кроганов. Но он казался мне точно таким же, как и наши провожатые. От них его отличал только большой шрам, тянувшийся через всю щеку от виска к подбородку. Он оттягивал веко вниз, так что один глаз владыки был полуприкрыт.

— Зачем пожаловал, Эфутур? — спросил он пискляво.

— Вот зачем,— Хранитель Зеленого Безмолвия коснулся Меча Союза.— Мы должны все обсудить.

— Чтобы опять с кем-то сражаться? — перебил его владыка и уставился на меня здоровым глазом.— Это вот они, чужаки, растревожили весь Эскор, не думая ни о чем, разбудили то, что дремало. Что вы нашли с ними общего? Мало вам прошлых побед?

— Прошлые победы — это прошлые победы. И это не повод, чтобы забыть об оружии и повесить его на высокий сук — пусть себе ржавеет. Темные силы проснулись — вот что сейчас главное. И неважно, кто их разбудил. Придет день, и бой барабанов будет звучать везде, вы его услышите, даже если заткнете уши. Горцы, вранги, рентаны, фланнаны, зеленые

и пришельцы из-за гор сегодня заключили Союз и смыкают свои ряды перед темными силами. Другого выхода нет — нам нужно объединиться. От этой войны не спрячешься ни в небе, ни на земле, ни под землей,— Эфутур немного помедлил и веско добавил: — Ни под водой!

— Прежде чем принять Меч Союза, нам надо все обдумать, все взвесить...

Я понял, что Ориас хитрит. Чтобы узнать наверняка, о чем он думает, надо было пойти на мысленный контакт, но я, поколебавшись, все же не решился — слишком рискованным был этот шаг.

— Я не могу решать за весь свой народ,— продолжал хитрый кроган.— Мы соберем свой собственный Совет и обсудим на нем, как же нам теперь быть. А вы отдохните пока на соседнем острове.

Эфутур согласно кивнул и повернулся лицом к берегу. К Мечу Союза, воткнутому в песок, он больше не притронулся. Той же самой дорогой кроганы провели нас к воде, опять усадили в лодку и оттащили ее к другому острову. Там мы нашли площадку, выложенную плитами, с ямкой для костра. Рядом лежала охапка хвороста. Мы достали из походных мешков свои припасы и наскоро перекусили. Мне хотелось как следует разглядеть серебряный остров, с которого нас так ловко выдворили, и я подошел к воде, но колдовской туман тут же скрыл его от моих глаз. Когда его дымка временами редела, мне казалось, что я вижу, как кроганы то выходят на берег из озера, то опять скрываются в воде. Но вокруг нас было тихо и пустынно. Эфутур ломал голову, пытаясь предугадать, что решат кроганы, потом, махнув рукой, сказал, что для них закон не писан, и Динзиль был прав, считая, что повлиять на них, уговорить, склонить на свою сторону просто невозможно. При звуке этого имени тревожные предчувствия, которые я все время гнал от себя, охватили меня с новой силой. И я, скрывая свою заинтересованность, стал расспрашивать Эфутура о предводителе горцев. И вскоре узнал, что Динзиль был потомком людей древней расы. Зеленые считали его самым обычным человеком, хотя и восхищались храбростью горца и его воинскими подвигами. В детстве его взял в обучение один из колдунов, которых к тому времени осталось в Эскоре совсем немного. Чародей пользовался тайным Знанием, чтобы уберечь от темных сил тот уголок Эскора, где он нашел убежище. Так что вполне возможно, что Динзиль, как и его учитель, обладал тайной силой. Мне хотелось поделиться своими сомнениями насчет предводителя горцев с Эфутуром. Но он с таким неподдельным уважением говорил о Динзиле, что я не решился. Да разве могли мои смутные подозрения поколебать его уверенность в давно знакомом ему человеке? Конечно, нет.

Стало темнеть, но с серебристого острова до сих пор не было никаких вестей. Поужинав, мы улеглись, покрепче завернувшись

в свои плащи. Но ужасный сон заставил меня встать посреди ночи. Я решил, что он предвещает несчастье — такой же кошмар привиделся мне, когда колдуньи похитили у нас Каттею. Я тогда проснулся в таком же ужасе, напрасно силясь вспомнить, что же это такое страшное мне приснилось.

Уснуть я больше не смог, но будить Эфутура, чтоб поделиться с ним своей тревогой, мне было жаль. Меня охватило жгучее желание поскорей покинуть остров кроганов и вернуться в Долину, чтобы узнать, не случилось ли какой беды с Каттеей или Кайланом. Я спустился на берег. И хотя ориентироваться здесь было трудно, повернулся в ту сторону, где, как мне казалось, была Долина, и, прижав к лицу ладони, стал мысленно призывать Каттею. Я д о л ж е н был знать, что с ней происходит. Ответом было молчание. После недолгой передышки я вновь собрал всю свою волю и опять позвал сестру. Ответ пришел слабый, едва уловимый. Каттея беспокоилась обо мне, но я сказал ей, что опасность угрожает не мне, а им с Кайланом. Не случилось бы чего-нибудь с ними плохого. Но сестра успокоила меня. Может быть, сказала она, это действие какого-нибудь Зла, которое сейчас находится в пространстве, разделяющем нас. Возможно, это оно наслало такую тревогу. И чтобы какая-нибудь враждебная сила не нашла меня по моему зову, посланному Каттее, как по маяку, сестра попросила, чтобы я оборвал связь с ней. Мне очень не хотелось делать это, но Каттея так настаивала, что я вынужден был подчиниться. И все же тревога почему-то не утихла. Видно, спокойствие продлится недолго.

— Кто ты? И кого зовешь? — вдруг послышалось из темноты.

От неожиданности я выронил меч, остро блеснувший в лунном свете. Ко мне бесшумно приближалась женщина. Ее перепончатые ступни, казалось, едва касаются песка. В свете луны я увидел бледное лицо, на голове тростниковый обруч, украшенный ракушками, маленькое хрупкое тело облеплено туникой, с которой стекают струи воды.

— Кого ты зовешь? — тихо спросила она, откидывая со лба влажные пряди волос.

Голосу ее не хватало выразительности. Как и у всех кроганов он был монотонным, что ли. Обычно с первым встречным я в откровенности не пускаюсь. Но тут, неожиданно для себя самого, ответил:

— Мне приснился ужасный сон, думаю, он вещий. И я испугался за сестру и брата. Мне кажется, им что-то грозит.

— Я Орсия, а кто ты? — она словно и не слыхала того, что я только что ей сказал, так важно было ей узнать, кто я такой и откуда.

— Меня зовут Кемок. Кемок Трегарт из Эсткарпа.

— Кемок...— задумчиво повторила она.— Видно, ты из тех трех чужеземцев, которые пришли, чтоб накликать на нас беду...

— Ну, нет,— мне стало обидно и захотелось переубедить незнакомку.— Мы ведь и сами бежали от беды. Едва перебрались через горы. И знать не знали, что творится у вас здесь. Просто нам нужно было убежище.

— Как бы там ни было, а вы нарушили наш покой.

Орсия подняла с песка камешек, бросила его в озеро, мы услышали тихий всплеск и увидели расходящиеся по воде круги.

— Вы разбудили Зло. И теперь ты хочешь втянуть в это кроганов?

— Разве дело во мне? — пожал я плечами.— Просто для того, чтобы защититься от него, нам всем нужно объединиться.

— Не думаю, чтобы Ориас и остальные пошли на это, нет,— покачала она головой, и волосы, которые уже успели высохнуть, серебристой волной легли на плечи.— Нет, они не согласятся. Ты напрасно пришел к нам, чужеземец.

Она медленно вошла в озеро, нырнула в чистую воду и исчезла.

Орсия была права. Утром молчаливые кроганы снова привезли нас на серебристый остров. И мы увидели, что Меч Союза по-прежнему воткнут в песок. Никто к нему так и не притронулся. Новых шнуров на его рукояти тоже не добавилось. А трон перед ним был пуст — Ориас не пришел, чтобы приветствовать нас. Нам давали понять, что мы — гости непрошеные, и пора нам отсюда убираться по добру по здорову.

Кроганы доставили нас к болоту и тут же нырнули в воду, мы даже не успели с ними проститься.

— Что же теперь делать? — спросил я.

— Ничего не попишешь,— вздохнул Эфутур.— Они решили сохранять нейтралитет. Да только вряд ли им это удастся.

Он, нахмурясь, оглядел холмы. Я, подражая ему, тоже посмотрел по сторонам, но ничего тревожного не заметил. Ярко светило солнце. Было тихо и пусто. Но вдруг в небе возникла черная точка, за ней другая, третья.

— Это рузы! — крикнул Эфутур.— Поехали! Скорей! Сейчас начнется!

Наши рентаны поскакали по дну оврага вдоль почти пересохшего ручья. И хотя вокруг было совершенно сухо, я ясно почувствовал тухлый запах болота и взглянул на сапоги: я насухо вытер их пучком травы, когда мы вышли из болота, но, может, на них все-таки осталась болотная жижа? Нет, все в порядке. А тухлый запах между тем усиливался. Но все-таки я прежде всего был солдат, поэтому первым делом надел шлем, застегнул кольчужный шарф, вынул из ножен тяжелый меч и затем внимательно оглядел высокие склоны оврага. Солнце по-прежнему светило вовсю, но мы теперь держались тени. Ничего подозрительного я пока не видел, но мерзкий запах, который с каждым порывом ветра становился все сильней, и ощущение подстерегающей нас опасности заставляли держаться настороже. Эфутур больше не держал Меч Союза перед собой, а пристегнул его к поясу. Дело было сделано, роль посланников

мы выполнили, и теперь в руках он сжимал боевой кнут. Незримый враг, притаившийся на холмах, крадучись, стягивал свои силы. И мы приготовились к бою. Но рентаны вскоре вынесли нас из опасного оврага — из оврага-ловушки на волю. И я недоумевал — отчего же враг ее не захлопнул? Почему упустил такую возможность?

— Почему? — повернулся я к Эфутуру.

Помедлив секунду, он ответил:

— Пока что мы им не по зубам. Но рузы полетели за подкреплением, и когда мы выедем на открытое место...

Когда же рентаны вынесли нас на равнину, среди высокой и густой травы я увидел, наконец, тех, кто охотился на нас. И узнал их. Это были серые — помесь людей и волков. Пока что они только нюхали воздух, запрокидывая узкие морды, настороженно к чему-то прислушиваясь. Но травы неподалеку от них тихо шевелились. Там прячутся расты, подумал я. Эфутур не стал медлить и резко щелкнул боевым кнутом. Яркая даже в солнечном свете вспышка — и на траве остался горелый след. А я опять с сожалением вспомнил о самостреле, который верно служил мне в Эсткарпе. Я взял его с собой в Эскор, но здесь иглы скоро кончились, и пришлось с ним расстаться. Теперь оставалось только ждать, когда враг бросится на меня, и тогда пустить в ход меч.

Но серые и их союзники расты, притаившиеся в траве, в страхе перед боевым кнутом Эфутура нападать боялись и выжидали удобного момента поодаль. И все же пути на Ха-Гарк для нас не было — мы оказались в окружении.

— Три круга! — крикнул мне Эфутур.

И я все понял. Лормтские свитки не раз предупреждали о том, что нельзя допускать, чтобы враг трижды обежал вокруг вас. Если ему это удастся, и он трижды замкнет вас в свой круг, ваша воля будет парализована, и теперь он справится с вами, даже если и не решится напасть открыто.

Шапурн и Шил, наши друзья рентаны, изо всех сил рванулись вперед. Их мощные мускулы буграми перекатывались под лоснящейся шкурой, и я невольно подумал, что с ними не может сравниться даже самый лучший боевой конь Эсткарпа.

Меня никто не обучал колдовству, но вдруг, неожиданно для себя самого, я выкрикнул несколько с л о в, которые прочитал в древних свитках Лормта, и в тот же миг у в и д е л эти слова так же ясно, как и услышал. Они взлетели, словно огненные стрелы, выпущенные из того самого боевого оружия, которого сегодня мне так недоставало, и, как кнут Эфутура, ударили по серым. Одновременно с этим над нами грозно громыхнул гром. Я сам произнес эти древние слова, но я же и был потрясен их могучим действием. Душа моя замерла.

Но почти в тот же миг послышался леденящий сердце визг. Эфутур крикнул что-то, но я не расслышал, а только увидел, как его кнут принялся щелкать над нашими головами, в небе.

Невыносимый визг вдруг оборвался, и позади нас с неба что-то упало. Тяжело грохнувшись о землю, оно взорвалось, выпуская клубы черного удушливого дыма. Рентаны пронесли нас сквозь него на полном скаку — мы и вдохнуть его не успели. Оглянувшись назад, туда, где только что с неба свалилось на землю какое-то жуткое чудище, я ничего не увидел.

И опять завыли серые, и опять из густой травы послышался злобный вой, это расты окружили нас цепью и теперь подбирались все ближе и ближе. Рентаны, которые больше не могли скакать вперед, встали на дыбы и завертелись на месте. Но Эфутур яростно прокладывал, а вернее сказать, прожигал нам своим кнутом среди этой нечисти путь. Там, где дорога поворачивала на Ха-Гарк, мы вынуждены были принять бой.

Мой меч со свистом рубил врагов. Но я слышал, как стонет от боли мой верный рентан, когда зубы серых впиваются в его бока, и не смог удержаться, и снова выкрикнул те же самые с л о в а. И опять увидел, как ослепительные молнии прожигают шкуры серых. Но тут шум боя заглушил всесокрушающий грохот. Казалось, он обрушился на землю сверху, как лавина, и накрыл всех, в том числе и нас. Невольно я прижался к спине Шила, краем глаза успев заметить, как безвольно повисла рука Эфутура, хотя боевого кнута он так и не выпустил. Серые, зажав уши лапами, бросились кто куда. У тех же, кто остался, головы дергались, как в агонии.

Не знаю, сколько прошло времени, но когда я, наконец, очнулся, то почувствовал, что Шил подо мной дрожит, как в лихорадке. Один шаг, другой, третий... Подняв голову, я увидел, что он идет за Шапуриом по дороге, ведущей в Ха-Гарк, и что Эфутур едет, повесив голову на грудь, словно все еще не вышел из забытья. Мне хотелось оглянуться, чтобы узнать, не догоняют ли нас враги, но сил не хватало даже на такое простое движение. Когда же я все-таки заставил себя сделать это, дорога позади была пуста, исчезло и болотное зловоние, донимавшее нас от самого озера. Правда, теперь в воздухе чувствовался другой непонятный запах — он был каким-то металлическим.

Рентаны наши все шагали и шагали, и вскоре мы добрались до развалин Ха-Гарка. Здесь Эфутур, наконец, очнулся. Он был страшно бледен, а когда глянул на меня, в его глазах я прочитал холодок отчуждения.

— Никогда больше не делай этого! — его просьба звучала как приказ.

— Сам не знаю, как это вышло...— растерянно пожал я плечами.

— Ты призвал древние силы, и они о т в е т и л и на твой призыв. Здесь нельзя прибегать к колдовству, чужеземец. Я не знал, что ты можешь вызывать Силы...

— Я и сам не знал этого,— оправдывался я.— Не понимаю даже, как это вышло. Ведь я воин, а не колдун.

Мне и самому было трудно поверить в то, что произошло. В Эсткарпе свято верили, что управлять тайными силами могут

только Колдуньи. Однако мой отец был наделен таким же Даром, как и они. Даже Владычицы были вынуждены признать это. А моя мать, госпожа Джелита из Эсткарпа, не побоялась разделить с ним свою Силу, которую она восстановила, опираясь на разум и волю.

Но то, что случилось со мной, меня просто ошеломило. Довольно! Мудрости моей достаточно, чтобы понять: без подготовки, без необходимой защиты пользоваться такими вещами нельзя — это безрассудно. И может навлечь беду не только на меня, но и на всех окружающих. Пусть Эфутур будет спокоен — больше я никогда не решусь на такое. Но, вспоминая происшедшее и тот жуткий грохот, от которого содрогнулся весь мир, я невольно задумался: что же это было? Удар оказался настолько сильным, что рассеял всех наших врагов, и погони теперь, как я убедился, за нами тоже не было. По ступенчатой дороге мы миновали Ха-Гарк, спокойно проехали дальше и вскоре без всяких приключений добрались до границ Долины.

Теперь вдоль нашей тропы возвышались скалы, на которых горели высеченные на них руны, оберегающие Долину от врагов. Многие из них были мне знакомы по древним рукописям Лормта. И когда Эфутур, останавливаясь у каждого камня, проводил над рунами рукой, я догадался, что он замыкает в единую цепь все знаки и вновь готовит их к защите Долины от Темных. На Ютаяне, самой большой скале, руны горели зеленым огнем, словно их глубокие борозды были выложены драгоценными камнями. Когда мы подъехали к ней, Хранитель Зеленого Безмолвия повернулся ко мне:

— Приложи-ка к ним свои ладони, Кемок,— сказал он.

Мне это не понравилось — я понял, что он мне не доверяет. После того, что случилось, Эфутур стал сомневаться во мне. «Не опасный ли человек этот чужеземец? Не принесет ли он Зло нашей Долине? — думал он.— Может, не стоит его в нее впускать?» Чтобы разрешить свои сомнения, Эфутур решил подвергнуть меня испытанию. Однако я и виду не подал, что понимаю, в чем дело. Без лишних слов я спешился, подошел к скале и с замирающим сердцем прижал к рунам свои ладони. Холодный камень был неровным и шершавым, я чувствовал пальцами наметенные ветром песчинки. Но вскоре мои ладони ощутили нечто почти неуловимое. Зеленые письмена стали ярче, а сам камень теплее. А со мной не произошло ничего. И никакого предзнаменования тоже не было. Не отрывая ладони от камня, я оглянулся на Эфутура:

— Ну, теперь ты веришь, что я не предатель?

Он в раздумье смотрел на горящие зеленые руины, а потом, как будто очнувшись, провел рукой по глазам, словно снимая мешавшую смотреть паутину.

— Я ведь не знаю тебя, Кемок, но вижу, тебя можно не опасаться. Не сердись, я обязан был в этом убедиться.

Тон у Хранителя Зеленой Долины был извиняющийся, и я коротко ответил:

— Это твой долг.

Хотя самолюбие мое и было задето, я прекрасно понимал, что Эфутур не имеет права рисковать. Проберись в Долину кто-то, связанный с Великой Тьмой, и беды не миновать. А что он знал о нас — трех пришедших из-за гор чужестранцах? Только то, что делали мы здесь, в Эскоре. Не так уж и много, чтобы с уверенностью судить о нас. Так что я не стал таить обиды. Все было правильно.

Солнце уже село, когда мы подъехали к домам, накрытым вместо черепицы голубовато-зелеными перьями, оплетенными вьюнками. Нам навстречу выехали люди Эфутура. Никого из тех, кто сопровождал Динзиля, я не увидел, и на душе у меня полегчало. На той самой площадке, где собирался Совет, нас уже ждала большая толпа. Лица у всех были серьезными. И когда мы спешились, первой заговорила Дагона:

— Тут было...— и она запнулась, подыскивая нужное слово,— что-то совершенно ужасное, невероятное... Вы не знаете, что произошло?

— Спросите у Кемока,— устало ответил Эфутур.

И все повернулись ко мне. Кайлан смотрел на меня изумленно, а Каттея, стоявшая рядом, чуть сдвинула брови.

— Не знаю,— смущенно пожал я плечами,— Серые и расты решили замкнуть нас в три круга, это был бы конец, и тогда я произнес с л о в а, которые вычитал в свитках Лормта... Сам не пойму, как они у меня вырвались. А потом...

— Потом тебе о т в е т и л и. Разве ты не понял? Это был о т в е т. Ты очень легкомысленно сунулся туда, куда не следует. Ты же не обучен колдовству! Зачем ты сделал это?

Когда я говорил с Кайланом о Динзиле, меня ошеломило его недоверие. Но Каттея впервые в жизни говорила со мной с такой явной неприязнью! Она не пускала меня в свои мысли, наглухо закрыла их от меня, и я понять не мог, что произошло. Может, это оттого, что Колдуньи Эскарпа внушили ей, что ни один мужчина не может овладеть тайным Знанием? Но прежняя Каттея никогда не стала бы так говорить со мной. И я не мог успокоиться. Она вдруг отдалилась от меня. А я был так обижен, что замкнулся и даже не попытался объясниться с ней. Если признаться, я этого и побаивался — мы часто предпочитаем неопределенность только потому, что избегаем неприятной правды.

А сейчас я ответил не Каттее, а Дагоне:

— Не бойся, Владычица, больше я не рискну воспользоваться Силой. Это получилось случайно.

В ответ Дагона положила руки мне на плечи и ясно заглянула в глаза:

— Успокойся, Кемок,— сказала она так, чтобы слышали все,— Воля, Дар или Сила, скрытые в человеке, дают о себе знать, когда это и вправду необходимо. Тебе о т в е т и л и — вот что главное, и мы потрясены этим. Ведь мы думали, что Великие давным-давно покинули эту землю. Но благодаря тебе,

теперь знаем, что ошибались и что нам надо считаться с ними. А знать это очень важно. Сегодня, Кемок, ты оказал нам огромную услугу.

После этих слов Дагоны разом схлынуло напряжение, и все облегченно вздохнули. А Кайлан первым делом спросил, что решили кроганы, будут ли они нашими союзниками. И когда узнал о неудаче — помрачнел. Эфутур, в свою очередь, поинтересовался, чем кончился разговор с фасами.

— Они даже не вышли к нам,— развела руками Дагона,— не явились на свет наших факелов. И теперь мы не знаем — то ли они в союзе с врагом, то ли решили соблюдать нейтралитет.

— Из-за гор к нам идет еще один отряд,— озабоченно сказал Кайлан.— С вершин нам уже подали сигнал.

— Надо поскорей встретить их и провести в Долину,— распорядился Эфутур.— Я думаю, Темные пойдут на все, чтобы помешать нам создать свое войско.

Я был так измотан, что первым делом пошел к одному из здешних водоемов, которые излечивали раны, восстанавливали силы, наполняли тело легкостью. Мне хотелось поскорей прийти в себя, избавиться, наконец, от походной одежды. Легкое одеяние зеленых было куда удобней. Идя к уже знакомому озеру, я все время искал глазами Динзиля, но его не было.

Вода смыла с меня боль и усталость, освежила, наполнила силой и бодростью. Когда я вышел из озера и стал одеваться, подошел Кайлан и сел поодаль на скамейку — видно, ждал меня.

— Куда это подевался Динзиль? — не удержавшись, спросил я его.

— Он уехал на рассвете, было еще темно. Ну так что же кроганы? Расскажи!

Мне показалось, что Кайлан так резко сменил тему разговора потому, что ему больше не хотелось говорить со мной о Динзиле. Я не стал настаивать и подробно рассказал ему обо всем, что довелось нам с Эфутуром увидеть у речных людей.

— Так ты считаешь, что их отказ — большая для нас потеря? — озабоченно спросил Кайлан.

— Видишь ли, Эфутур рассказывал, что кроганы тайно проникают повсюду, где есть река, пруд, озеро или хотя бы ручей. А их здесь, ты и сам знаешь, хоть отбавляй. Так что кроганы — идеальные разведчики. Оружия я у них не заметил. Правда, их заостренные жезлы могут, конечно, нагнать страху, но это несерьезно. И разве можно поручиться, что где-то речные люди не припрятали свое настоящее боевое оружие? Эфутур не стал с ними спорить и думает, что они будут соблюдать нейтралитет. Но знаешь, Хранитель Зеленой Долины на этот раз меня озадачил — совсем не в его характере так кротко встречать отпор.

— Я думаю, это потому, что так уж сложились в этой стране отношения. Война заставила здешние народы найти для себя новые земли, новые убежища, обжить их, сделать своими.

Но после этого каждый пошел своей дорогой, и с тех пор они стараются обходиться без принуждения, ни о чем не просить друг друга, ни в чем не мешать соседям. Так чему же тут удивляться? Эфутур поступил в полном соответствии со здешними обычаями.

— Ну...— пожал я плечами,— в обычаях сейчас не приходится искать спасения,— и опять вернулся к больной для нас теме: — А в какую сторону поехал Динзиль? Пойми, Кайлан, разве стал бы я так упорствовать, если бы не был уверен в том, что нам троим грозит какая-то опасность. Ты же меня знаешь!

Он глянул на меня в точности, как Дагона, и мы перешли на мысленный контакт.

— Я надеюсь,— спросил брат,— ты по-прежнему веришь мне, Кемок?

— Я-то верю... Но дело в том, что ты мне больше не веришь,— вздохнул я.

— Нет, верю. И, конечно, буду настороже, когда он вернется. Но, знаешь, не настраивай против него Каттею — из этого ничего не выйдет, этим ты только оттолкнешь ее от себя.

— Так вот оно что...— я стиснул кулаки так, что побелели даже те пальцы, которые давно уже не сгибались.

— Она и не скрывает своей тяги к нему. И говорить о нем так, как это делаешь ты, бесполезно. Она отвернется не от него, а от тебя. Она... очень изменилась, брат. Каттея теперь совсем не та, что прежде.

Кайлан был так же растерян, как и я, хотя ему и не довелось испытать такой непереносимой боли, как мне, когда Каттея, сестра, закрыла от меня свои мысли.

— Кайлан, брат мой! Мы же с тобой знали, что рано или поздно сестра посмотрит на какого-нибудь мужчину с такой нежностью, с какой никогда не смотрела на нас. Мы ведь были к этому готовы. Но кто угодно, только не этот человек! Ни за что! — сказал я, словно произнес клятву, и на этот раз брат понял меня.

— К сожалению,— покачал он головой,— это не в нашей власти. Динзиль ей нравится — это и слепой бы понял. А здесь все относятся к нему, как к очень достойному человеку. Твою неприязнь и Каттея, и все остальные посчитают простой ревностью. У тебя ведь нет никаких доказательств!

Кайлан был прав. Но в иные моменты слышать правду непереносимо. И сейчас мне было тяжко как никогда.

— Просто не верится, что ты позвал Великих — и они о т в е т и л и! Нас всегда уверяли, что это под силу только посвященным. В Эсткарпе ни одного мужчину к этим делам и близко не подпускали. Поэтому Каттее трудно принять то, что случилось. Но как же тебе это удалось?

— Я и вправду не знаю. Эфутур крикнул, что эта нечисть хочет взять нас в три круга. Мы поскакали, что было сил, хотели прорваться, но из этого ничего не вышло.

Я рассказал брату о том, как невольно в минуту страшной

опасности выкрикнул магические слова, словно последнюю надежду на спасение, как они превратились в огненные стрелы, а может, молнии, хлещущие серых, как вдруг раздался оглушительный всесокрушающий грохот, разметавший наших врагов, и едва не погубивший вместе с ними и нас. Когда же я, наконец, умолк, Кайлан задумчиво сказал:

— Когда мы родились, и наша мать давала нам имена, она назвала тебя Кемок — Мудрый. Кажется, тебе и вправду ведомо нечто такое...

— Между Знанием и Мудростью,— возразил я,— огромное расстояние, так что не путай одно с другим. С моей стороны глупо было воспользоваться Знанием, не думая о том, к чему это приведет.

— Так, да не так. Ведь это спасло вас! Да и Дагона права. Теперь мы знаем, что Великие все еще здесь и могут действовать.

Кайлан вытянул перед собой руки и стал их разглядывать так, словно видел впервые.

— Я воин,— в раздумье сказал брат,— большую часть своей жизни я воевал — но мечом! Здесь же идет какая-то другая война. А я не колдун. Вся моя сила только вот в этих руках да в мече, которым они владеют. И никакой другой я не воспользуюсь!

— И я тоже!

— Не зарекайся, Кемок,— глянул он мне в глаза.— Мы не можем узнать свое будущее. А если бы и могли, то, может, не захотели бы. Чему быть, того не миновать. И ты, и я, и каждый здесь, в Эскоре, совершит то, что ему суждено. Мы не знаем, к чему мы идем — к победе или к поражению, но у каждого на этом пути своя роль.

Мне было не по себе оттого, что брат так невесел. И я перебил его:

— Помнишь, тебе приснился сон, в котором ты увидел, что на этой земле царят мир, покой и радость, и наш народ поселился здесь навсегда?

— Увы, чаще всего сны расходятся с явью. Тебе прошлой ночью приснился ужасный сон, но, как видишь, ничего страшного не произошло.

— Тебе Каттея рассказала?

— Да. Сестра уверена, что тобой пытается овладеть какая-то темная сила. Она, так считает Каттея, и наслала на тебя этот сон.

— Ты тоже так считаешь?

— Не знаю. Вполне возможно, что вы оба правы — это и предзнаменование, и в то же время происки темных сил. Для меня ясно одно — надо быть готовым ко всему.

На рассвете мы с Кайланом, Хорван с Годгаром, Дагона и еще трое эскорцев, которых нам дал Эфутур, отправились к Западным горам, чтобы встретить тех, кто бежал сюда из Эсткарпа. Над нашими головами кружились фланнаны и птицы

Дагоны — ее гонцы и разведчики. Они-то и предупредили нас, что вокруг неспокойно. На холмах мы несколько раз видели вражеских то ли разведчиков, то ли наблюдателей. Одни из них казались обыкновенными людьми, другие — чудовищами. Мы не знали, готовились ли они к нападению сами, или же просто служили глазами и ушами какому-то более сильному противнику. Нам оставалось только гадать, откуда последует нападение. А в том, что оно будет, мы почти не сомневались, и потому держались крайне осторожно.

Подозрительные места мы обходили стороной. Когда наш небольшой отряд подошел к реке, на берегу которой поднимался маленький лесок, скорее даже не лесок, а роща, ничего необычного я в нем не увидел, но Дагона, став к нему лицом, поднесла к губам два растопыренных пальца и плюнула сквозь них в обе стороны. Она почуяла, что в нем место темных сил. Меня же он не насторожил — ни дать ни взять обычная роща, каких полно в Долине, и вид у нее такой же безмятежный. Сколько же ловушек, подумал я, подстерегает здесь тех, кто не знает этой страны, не обладает Знанием, а вдобавок еще и неосторожен.

Хотя рентаны и быстрей лошадей, до гор мы добрались только через два дня. Оставив своих скакунов внизу, мы с Кайланом решили подняться по скалам навстречу тем, кто шел из Эсткарпа. Но на этот раз подъем показался нам намного легче, чем тогда, когда мы втроем пробирались сюда впервые. Теперь здешние горы были нам уже знакомы, и мы выбирали путь самый короткий и легкий. Тех, кто направлялся к нам из Эсткарпа, сейчас, должно быть, вело сюда то самое стремление, которое заронил в тамошних жителей, потомков древней расы, Кайлан. В основном это были воины, защищавшие границы Эсткарпа, и потому многих из них мы с братом хорошо знали — нам не раз приходилось бок о бок сражаться с ними против отрядов Карстена.

Увидев нас, они, словно не веря себе, стали протирать глаза кулаками, а потом с радостными криками бросились нам навстречу. Кто душил нас в могучих объятиях, кто тряс руку, кто дружески хлопал по плечу — нет, мы не превратились для них в изгоев, а по-прежнему остались старыми боевыми друзьями. Прошлое, от которого мы, казалось, отгородились навсегда, снова догнало нас в горах Эскора. От эсткарпских воинов мы узнали, что удар, который Колдуньи нанесли по армии Карстена, настолько ослабил их, что вскоре Совет Владычиц утратил свою власть над страной, и теперь ею правил Корис из Горма, старый друг моего отца. Он немедленно занялся укреплением в стране власти, иначе ее грозил поглотить хаос.

Это Корис послал отряд воинов в Эскор, чтобы они отыскали здесь нас, Трегартов. Ведь в свое время он заменил нам отца, а его жена, госпожа Лойз, была нам вместо матери, потому что нашей настоящей матери, которая была Хранительницей границ, важные дела не позволили посвятить себя материнским

обязанностям. Так что если бы теперь мы захотели вернуться в Эсткарп, сделать это можно было бы очень легко — изгнанию пришел конец. Но мы с Кайланом знали, что наше место только в Эскоре, и обратного пути для нас нет. Воины, искавшие нас, и в самом деле встретились с оставшимися за горами людьми Хорвана и от них заразились неукротимым стремлением добраться до Эскора. Теперь они жадно слушали рассказ Кайлана обо всем, что случилось с нами, об этой удивительной стране и, по всей видимости, не собирались возвращаться назад. А мы радовались, что судьба послала под наши боевые знамена столь опытных солдат.

Мы с ними быстро спустились вниз, где нас поджидали остальные. Но Дагона встретила нас нерадостно. Она была какой-то рассеянной и с беспокойством оглядывалась вокруг. То и дело к ней подлетали ее крылатые разведчики и гонцы, она молча выслушивала их донесения и еще больше хмурилась. Ее тревожное настроение вскоре передалось и нам. Солнце заволокло мрачными тучами, поднялся ветер. Но не это было причиной вдруг охватившего нас гнетущего чувства. Нет, совсем не потому пробегал по спинам легкий озноб. Просто мы не могли побороть недоброго предчувствия.

Но как бы то ни было, а люди, перебравшиеся через труднопроходимые горы, смертельно устали. Для женщин и детей, которые пришли сюда вместе с воинами, все это было нелегким испытанием. И теперь они нуждались в отдыхе. Нужно было найти место для лагеря

Но оставаться здесь на ночь нельзя,— встревоженно сказала Дагона.— Стоит нам задержаться здесь хоть ненадолго, и мы станем легкой добычей для того Зла, что притаилось во мраке. Скорее! Скорее в путь! — махнула она рентанам.

— А что же это за силы? — спросил у нее Кайлан.

— Я и сама не знаю. Мои разведчики не могут этого увидеть. Но я чувствую, как они приближаются.

Чувствовали это и мы, и воины, пришедшие из Эсткарпа, хотя они и были лишены Дара. В тревоге смотрели они по сторонам, потом надели шлемы, застегнули кольчужные шарфы, приготовили мечи и окружили женщин и детей, готовые защищать их до последнего. Видно, опасность и в самом деле нависла над нами так, что это ощущалось почти физически.

— Без отдыха они не смогут добраться до Долины,— поделился я своими опасениями с Дагоной.

— Неподалеку отсюда есть место, где можно разбить лагерь,— кивнула она.— Лучше бы убраться отсюда как можно дальше. Но там все-таки безопасней, чем здесь.

И мы пошли за Дагоной. В предгрозовом сумрачном свете ее волосы из золотистых стали серебристо-черными. Всадники посадили рядом с собой на рентанов женщин и детей. Со мной ехала девочка, из-под алого капюшона высовывались туго за-

плетенные косички. От испуга и усталости она крепко вцепилась в мой пояс.

— Куда мы едем? — спросила она нежным, как свирель, голоском.

— Мы едем за госпожой. Она родилась в этой стране и знает здесь каждую тропинку. Меня зовут Кемок Трегарт. А тебя?

— Я Лоэлла из рода Мокахаров, господин Кемок. Скажите, что это за птицы кружатся над госпожой? Ой, да это... человечек!

Один из фланнанов, быстро махая крыльями, повис в воздухе рядом с Дагоной, а она, повернувшись к нему, что-то говорила.

— Это фланнан, Лоэлла. Ты что-нибудь слышала о фланнанах?

— Но про них ведь все выдумали. Моя няня Гринвелла говорила, что это сказки,— и она еще крепче ухватилась за мой пояс.

Но вот мы выехали в долину, и рентаны что было сил поскакали вперед. А я опять подумал о том, что ни одна, даже самая быстрая, лошадь Эсткарпа не смогла бы за ними угнаться. Мы неслись по долине, и Дагона скакала впереди всех. Опасность, которую мы почувствовали в предгорьях, стала явственней, ощутимей, она давила на нас почти физически. Плотные черные тучи затянули небо от края и до края, все вокруг окутал зловещий сумрак, в котором то тут, то там загорались тусклые огни. Они напомнили мне призрачные «свечи», озарявшие кусты и деревья в ту ночь, когда Колдуньи Эсткарпа заставили горы сойти со своих мест. От этих огней хотелось спрятаться куда-нибудь подальше, хотелось не смотреть на них, но они все же притягивали к себе взгляд.

Наш отряд поднялся на небольшой холм, и мы увидели огромные камни-менгиры, только не серые, как в прошлый раз, а голубые. Они светились неярким нежным светом. У таких же менгиров, из которых в давние времена кто-то соорудил жертвенник, мы уже однажды искали спасения. К ним-то и вела нас Дагона. Но здесь они не стояли полукругом, а были беспорядочно разбросаны, словно неведомая сила давным-давно в бешеной ярости разрушила то, что когда-то было из них построено. Их голубое сияние притягивало и успокаивало, так что, спешившись, мы почувствовали облегчение. В наших измученных тревогой сердцах снова вспыхнула надежда на то, что здесь мы найдем спасение от той грозной силы, что следовала за нами по пятам от самых гор.

Среди голубых камней рос зеленый куст. Дагона сломала большую ветку и, спустившись опять к подножию холма, стала хлестать ею землю. Так, ударяя зеленой веткой по земле, она обошла весь холм, словно возводя вокруг нас невидимую стену защиты. Поднимаясь снова на холм, к лагерю, который мы успели разбить на его вершине, она собирала в полу плаща одной ей ведомые травы, листья, а иногда отламывала и не-

большие веточки. В лагере меж двух камней уже пылал костер, вокруг которого собрались люди, и, подойдя к нему с охапкой зелени, Дагона стала понемножку кидать ее в огонь. Повалил белый дым, в грозовом воздухе разлился живой и теплый аромат. Владычица Зеленой Долины полой плаща махала на костер, раздувая его пламя, и вскоре плотным белым и душистым дымом заволокло весь холм.

Когда же он рассеялся, стало заметно, что тьма сгустилась, что призрачные белые «свечи» сияют в темноте еще ярче. Странный это был свет — он не освещал тьмы. За холмом мне чудилось какое-то движение, но стоило туда глянуть, как там все замирало.

— С кем мы собираемся сражаться, Кемок? — спросил меня Ротхорф Доломайн, один из эсткарпских воинов.

— Не с кем, а с чем. Мне кажется, с самой неизвестностью,— ответил ему я. А что еще можно было сказать?

Как и многие из воинов Эсткарпа, Ротхорф был полукровкой. Когда Ивьян стал преследовать людей древней расы, мать Доломайна бежала из Карстена, и ее спасли салкарские моряки. За одного из них она потом и вышла замуж. Но когда ее муж, бывалый вояка, сложил голову во время очередного набега на Ализон, она вернулась к своим родным. Ротхорф, ее сын, душой принадлежал к народу матери. От салкарских морских бродяг ему в наследство достались широченные плечи и светлые волосы, что выделяло его из всего древнего рода. Но море не тянуло его, он любил горы, и потому стал воином, охраняющим границы Эсткарпа среди горных пиков и глубоких ущелий. Еще мальчишками мы вместе с ним приняли боевое крещение — это был первый в нашей жизни бой с воинами Карстена.

Сейчас, задумчиво глядя в темноту, он сказал:

— Значит, это и вправду заколдованная земля...

— Сейчас — да,— согласился я,— но когда-то это был благодатный край, и все в нем жили счастливо и мирно. Мы можем снова сделать его таким. Правда, пройдет, наверное, немало времени, пока мы...

— Очистим его? — закончил Ротхорф начатую мной фразу и оживился. Это была его стихия.— Так какова тактика вашего врага? — с интересом спросил он.

И мне на миг показалось, что мы с ним опять в горах Эсткарпа, на границе, склонились над картой, и еще не прозвучал приказ выступать.

Все же в глубине души я опасался того, как мои боевые друзья воспримут здешнюю обстановку. К войнам им, конечно, не привыкать. Но те войны, по сравнению с этой, сложной, запутанной, странной, кажутся детскими играми. Вдруг эти бывалые воины перед лицом неведомых, непонятных разуму опасностей окажутся беспомощными, словно дети? Когда Кайлан вернулся из Эсткарпа, он все время терзался мыслями о том, что подвергает наших земляков неоправданному риску. Теперь-то

я хорошо понимал, что он тогда чувствовал.

— Какова тактика? — переспросил я в замешательстве.— Да самая неожиданная. Такая, Ротхорф, о которой мы и понятия не имеем.

Я рассказал ему о коварных растах, о злобных и свирепых серых, о хитрости Кеплиана — того самого жеребца, который заманил Кайлана в ловушку. О других ловушках, которые поджидают тебя здесь на каждом шагу. Ротхорф слушал меня с напряженным вниманием. Он не сомневался в том, что я ничего не выдумываю и говорю одну только правду, хотя многое в моих рассказах казалось невероятным.

— Да...— задумчиво протянул он, когда я закончил,— земля оживших легенд. Похоже, чтоб по-настоящему понять ее, нам придется вспомнить сказки, которые мы слышали в детстве. Так ты говоришь, в Долине безопасно? А далеко ли до нее?

— Да не меньше дня пути. Мы стягиваем туда все силы, которые могут противостоять Темным.

— А откуда вы собираетесь начать наступление? — продолжал уточнять положение дел Ротхорф.

— Еще не решили. Вначале надо собрать армию и привлечь под наши знамена тех, кто надеется остаться в стороне от схватки.

Ночной мрак окончательно завладел землей. Тяжелые низкие тучи грозили бурей. Холм озарялся огненными полосами, которые то и дело подчеркивали небо. Каждая такая вспышка сопровождалась оглушительным грохотом, треском. Казалось, там, вдали, идет бой, и слышно, как хлопают боевые кнуты зеленых. Но это были молнии. Еще немного — и хлынет дождь. В медлительности, с которой подбиралась буря, чудилось что-то зловещее.

Спать я не мог, Кайлану тоже было не до сна, и мы с ним решили еще раз обойти холм с развалинами, в которых укрылся наш отряд, проверить, не прорвала ли какая-нибудь нечисть защиту, возведенную Дагоной. Когда-то, давным-давно, мы с ним так же обходили дозором стены родного Эса.

У камней ярко пылал костер, и Дагона, Владычица Зеленой Долины, сидела у его огня, окруженная женщинами и детьми. Это был островок безмятежности, на котором расцветали улыбками лица, слышался тихий смех. К коленям Дагоны прижалась моя старая знакомая — Лоэлла. Она, не отводя глаз от Владычицы, слушала ее так, как в жаркий полдень пьют прохладную воду чистого родника.

В развалинах, кстати сказать, мы наткнулись на такой родник. Он все еще бил из середины полузатопленного илом бассейна. Видно, когда-то он был прекрасен, да и сейчас был похож на чашу фонтана, к сожалению, давно разрушенного. Нехитрый ужин подошел к концу, и люди, сидевшие у костра, стали укладываться спать. Они поплотней заворачивались в свои походные плащи, придвигались к угасающему огню и, несмотря на тревоги, один за другим засыпали.

Вглядываясь в темноту, я прислонился к выступающему из земли огромному валуну. Тучи по-прежнему низко висели над нашим холмом, но буря все еще медлила. В ночном мраке бледные огни «свечей» казались еще призрачней, чем раньше. Они так и притягивали к себе — я почувствовал, что не могу оторвать от них взгляда, и с трудом заставил себя отвернуться. Ко мне подошел Годгар.

— Тут что-то затевается,— сказал он,— нет, я не о буре. Думаю, вершина холма — неплохая позиция для защиты. Да только, правду сказать, совсем не хочется, чтобы дело дошло до этого.

— Но сниматься отсюда в такую темень тоже не годится,— заметил я.

— Ты прав, старина. Ничего не попишешь. Но будем начеку. Смотри, что это? Иди-ка сюда!

Вслед за ним я подошел к бассейну с бьющим в нем родником. Чтобы лучше видеть его другую сторону, Годгар даже опустился на колени. Потом молча указал мне на что-то. В тусклом свете угасающего костра можно было разглядеть, что в этом месте стена бассейна была разрушена, а потом ее наспех заложили валявшимися здесь же камнями. И хотя кладка была торопливой и неровной, главную свою задачу она выполнила — вода через дыру больше не утекала. Я вопросительно посмотрел на Годгара — ну и что в этом такого?

— Сдается, это сделано неспроста,— покачал он головой. Почему?

В ответ он только махнул мне рукой, зовя за собой — мы вместе обошли бассейн и на противоположной его стороне наткнулись на каменную плиту, которая наполовину ушла в землю и даже поросла травой. Рядом виднелись такие же плиты, ими была когда-то вымощена площадка. Годгар достал охотничий нож, несколько раз копнул им землю, и стало ясно, что между плитой и площадкой какой-то полузасыпанный провал.

— Видимо, сюда выпускали воду,— предположил Годгар.

— А нам-то что за дело до этого? — нетерпеливо спросил я.

— Не знаю,— озадаченно покачал головой Годгар.— Но не кажется ли тебе это странным? Не забывай — мы окружены врагами, и значит должны обращать внимание на все, что кажется странным и чему нет объяснения. И...

Он вдруг умолк. Во время нашего разговора Годгар все еще стоял на коленях, опираясь о плиту рукой. Теперь же он уставился на нее чуть ли не с испугом. А потом припал к ней ухом.

— Слушай! — шепнул он мне.

И мы услышали какой-то непонятный вибрирующий звук, который доносился до нас снизу. Убедившись, что нам это не почудилось, мы тут же позвали Кайлана и Дагону.

— Может, это фасы? — нахмурилась Дагона.

Она опустилась на колени, кончиками пальцев прикосну-

лась к плите и закрыла глаза, сосредоточившись на ином зрении. Мы притихли.

— Не получается...— спустя некоторое время растерянно сказала Владычица.— Под землей совсем другой мир. Там я бессильна. Но чувствую, что снизу что-то надвигается. Еще хорошо, что судьба предупредила нас. Да... Никогда не думала, что фасы перейдут на сторону врага. А вдруг это простое любопытство? Но зачем же тогда подкрадываться тайком? Нет, они нам, конечно, никакие не союзники. Но и на нейтралитет это не похоже...

— А почему их не остановил твой защитный барьер? — удивился я.

— Он только от тех, кто ходит по земле. Они же пролезли под землей... А почему эта плита отличается от остальных?

— Все дело в бассейне,— объяснил я.— Годгар считает, что воду из него уже когда-то выпускали, чтоб расправиться с теми, кто напал снизу. Если будет такая необходимость, мы могли бы сделать то же самое.

— Если фасы ни в чем не виноваты и ничего против нас не замышляют, то не хотелось бы настраивать их против нас понапрасну. Давайте-ка разглядим получше эту водяную западню!

Горящей головешкой из костра она осветила стенку бассейна. И мы увидели, что Годгар был прав: когда-то здесь пробили дыру, чтобы в нее хлынула под землю вода, а потом отверстие наспех заложили камнями.

— Смотрите,— сказал дотошный Годгар,— если как следует стукнуть по этому и по вот этому камням, стенка рухнет.

Мы вернулись к плите и опять прислушались. Сейчас внизу все затихло. Но тревога, не отпускавшая меня от самых гор, стала еще сильней.

— А что, если эту плиту чем-нибудь придавить сверху?

— Но я не знаю, какие силы подчиняются фасам. Мы сильны и многое можем в своем мире, кроганы — под водой, а фасы — под землей. Они там у себя дома. Надо быть начеку, друзья,— и, подняв головешку повыше, Дагона посмотрела в сторону спящих женщин и детей.— Как говорят у нас, держись подальше от стоящих камней — они могут опрокинуться.

Годгар слушал Дагону, все еще сидя на корточках и опираясь рукой о каменную плиту. Владычица медленно повернулась и пошла к костру. Но вдруг старый воин страшно вскрикнул, закричали и мы с Кайланом. Земля неожиданно стала уходить из-под наших ног. И если бы я не ухватился за один из голубых камней, она бы засыпала меня. Шум, грохот... Я увидел, что склон холма шевелится, по нему ползли и катились камни.

В костер что-то упало, во все стороны брызнули огненные искры, полетели головешки, кто-то пронзительно закричал. Паника охватила наш лагерь. Я же повис на камне, пытаясь поймать ногой опору, но земля вздымалась волнами, как озеро кроганов, по которому мы плыли недавно. Пытаясь удержаться

на поверхности, Кайлан втыкал в ходящую ходуном землю меч и, вцепившись в него, подтягивал свое тело вперед, чтобы хоть так, хоть ползком добраться до лагеря. Я последовал его примеру. Но в это время раздался крик Годгара:

— Эй, сюда, скорей!

Оглянувшись, я увидел, что его зажали в кольцо и атакуют какие-то маленькие проворные твари. В бешенстве взмахнул я мечом и наугад стал кромсать их уродливые тела. Пробиваясь к Годгару, я рубил и рубил фасов, но их становилось все больше. Издали я увидел, что Годгар, споткнувшись, упал, а пронырливая нечисть с радостными визгами набросилась на него со всех сторон. Мои удары стали еще стремительней, я раскидывал по сторонам маленьких злобных уродцев. Годгар, пытаясь подняться, наконец, дотянулся до меня, и я поддержал его своей искалеченной рукой. Перед нами в темноте плавали какие-то зловещие красные огоньки, и я вдруг сообразил, что это — глаза подземной нечисти! Так какие же у них лица? — подумалось мне.

— Бассейн...— прохрипел Годгар.— Надо пробить стенку... Затопить...

Пошатываясь, он добрел до бассейна и, рухнув на землю, стал ощупывать камни, закрывающие пролом. Пробираясь к нему сквозь клубок пронзительно визжащих тварей, я услышал, как Годгар стучит по камню. Одно из маленьких существ ловко прыгнуло мне на спину и попыталось повалить на землю. Скинув его, я с трудом добрался до Годгара, и мы с ним стали расшатывать камни кладки. Отбиваясь от вылезшей из-под земли нечисти, задыхаясь от мерзкой вони, которая окутывала фасов, мы на ощупь колотили по камню, пытаясь сдвинуть его с места, обдирали об него ладони. Наконец, нам удалось расшатать самый большой камень, а потом и совсем выбить его из кладки. Наружу вырвался бурлящий, полный упругой силы поток. Он и для нас был полной неожиданностью. Никто из нас и предположить не мог, что здесь, где бьет совсем небольшой родник, таится такая сила.

И тут наши враги — и те, что были рядом, и те, которых скрывал ночной мрак, в ужасе завопили. Похоже, что воды они боялись гораздо больше, чем стали и огня. Потеряв от страха голову, фасы бросились кто куда. Но вода все прибывала, она стремительно набирала силу, и вскоре ее струя стала напоминать большой и мощный речной поток. Ее было гораздо больше, чем мог вместить похожий на заброшенный фонтан бассейн.

Годгар рванул меня за руку, пытаясь оттащить в сторону, но я не понимал, в чем дело. Он что-то кричал, показывая назад. Я оглянулся — и ахнул. В ночное небо взметнулся могучий столб воды, от которой исходил голубоватый свет. Поднимаясь все выше и выше, она достигала какой-то крайней точки и потом с силой обрушивалась вниз. В ней не было ничего похожего на ту маленькую родниковую струйку, которая тихо била посреди затянутого илом бассейна.

Голубой поток подхватывал косматых подземных жителей так, словно они были жалкими щепками, и, крутя в своих волнах, стремительно нес к той дыре, из которой они появились. Вода нашла путь к плите Годгара, а вернее, к той яме, которая была прикрыта этой плитой, и ринулась в нее стремительным и мощным водопадом.

Но бурный поток отрезал от лагеря и нас с Годгаром. Старый воин что-то кричал мне, но я ничего не слышал — рев водопада заглушал все. И тут какая-то маленькая черная нечисть, которую завертел в водовороте поток, вдруг вцепилась острыми зубами мне в ногу. Я попытался отбросить злобного фаса, но было поздно — мое бедро пронзила такая жгучая боль, что я отчаянно закричал. Мне опять пришлось привалиться к одному из голубых камней — на раненую ногу невозможно было ступить. Пытаясь понять, велика ли рваная рана, оставленная кривыми зубами фаса, я попробовал было ощупать ее, но боль оказалась такой нестерпимой, что я не смог к ней даже прикоснуться. Силы мои были на исходе. Где-то рядом слышалось тяжелое дыхание Годгара.

А вода все прибывала и прибывала. Источник казался неистощимым. Нашу сторону неудержимый поток уже совсем очистил от зловонных и злобных тварей. На его другом берегу дела, видно, тоже шли неплохо. Отсюда было видно, как запылал там костер, как блестят в его свете мечи собравшихся вокруг пламени людей.

Я услышал, что меня зовет Годгар, но не смог откликнуться — боялся потерять сознание. А это могло случиться даже от самого незначительного усилия. Рана моя нестерпимо болела.

У самой воды неподвижно лежал один из подземных жителей, уставясь на меня мертвыми, ничего не видящими глазами. Это было небольшое и довольно-таки уродливое создание. Его конечности были тощими и жилистыми, их покрывали жесткие волосы. Это жалкое подобие рук и ног скорее походило на выдернутые из земли мохнатые корешки. Да и на всем его теле волосы росли жесткими пучками, ни у кого из людей или даже животных я не видел таких странных волос. Тело убитого фаса казалось серовато-белым, но сейчас оно бледнело у меня на глазах.

Лицо его совсем не было похоже на человеческое. Круглая голова без шеи была посажена прямо на широкие и покатые плечи. Глаза прятались в глазницах так глубоко, что это казалось противоестественным. Нос заменяла небольшая выпуклость с двумя отверстиями. Зато нижняя челюсть с острым подбородком выдавалась далеко вперед. Одежды на фасе не было никакой. Его можно было бы принять за зверя. Но я все-таки почувствовал, что передо мной существо, стоящее к человеку гораздо ближе, чем это могло показаться с первого взгляда.

— Кто это? — спросил Годгар с отвращением.

— Не знаю,— пожал я плечами.

Но было ясно, что и это тоже какие-то слуги на — такие же как серые и расты.

— Смотри! — воскликнул Годгар и показал на воду.

Еще недавно ее струя с силой била высоко в небо, мощь ее была сокрушающей, но теперь напор ее ослабел, она становилась все меньше, и поток, отделявший нас от лагеря, стал постепенно сужаться. Но я не мог этому радоваться, у меня не осталось сил ни на какие чувства. Я понимал, что если сейчас упаду на землю, то подняться больше не смогу. Словно в тумане видел я, как бурный и пенистый поток превратился в быстрый ручей, а ручей, в свою очередь, вскоре стал тоненькой и безобидной струйкой родника.

— Кемок! — крикнул кто-то от костра.

Но я не смог ответить, и тогда на зов откликнулся Годгар. К нам тут же подбежали, и я с облегчением опустился на руки Кайлана, невыносимая боль, рвущая мою ногу, растворилась в черной волне беспамятства.

Очнувшись, я увидел лица Дагоны и Кайлана. Они наклонились надо мной, встревоженно осматривая мою рану. Я отрешенно выслушал то, что они мне сказали. Оказывается, укусы фасов ядовиты. А на нас напали именно они. Дагона своими травами может на какое-то время успокоить боль, но вылечить меня в походных условиях невозможно. Нужно скорей добраться до Долины. Кроме меня, были еще пострадавшие. Одних поранили камни, другие ушиблись при падении, нескольких, как и меня, укусили фасы. Моя рана была самой серьезной и могла нас задержать в пути. Поэтому Кайлан предложил, чтобы мы с ним остались здесь на холме и ждали, когда из Долины за нами приедут. Но Дагона только головой покачала, и по ее глазам я понял, что затея эта рискованная.

Ее травы не только прогнали боль, но из-за них я впал в какое-то дремотное состояние. Все было, как во сне, все доходило как бы издалека. И поэтому дальняя дорога меня не страшила. К тому же я хорошо понимал, что остаться здесь одним — значит угодить в новую ловушку. Хотя вода и заставила фасов отступить, они на этом не успокоятся.

— Привяжите меня к рентану, к Шилу,— едва ворочая языком, попросил я.— И поехали... Иначе — конец...

— Ты в самом деле этого хочешь, Кемок? — наклонилась надо мной Владычица.

— Да...

Мы тронулись в путь на рассвете. Я жевал какие-то листья, которые мне дала Дагона. Их сок был кисловато-горьким, он приглушал боль, и она становилась не такой мучительной, как раньше. Меня и в самом деле привязали к Шилу, чтобы я случайно не свалился с него, впадая в забытье. Небо над нами по-прежнему было затянуто грозовыми тучами. Но я видел окружающее, как сквозь сон — то очень четко, то как в тумане, а то в беспамятстве, и вовсе не сознавая, где мы.

Без особых приключений добрались мы до реки, и тут вдруг

неожиданно меня настиг чей-то мысленный удар. Он был настолько сильным, что я едва не свалился с рентана. Шил взревел и, сломя голову, кинулся вниз по крутому берегу. Позади что-то кричали наши воины, слышался топот их рентанов. Но Шил, не останавливаясь, с размаху бросился в воду, и казалось, он сделал это с отчаянья, словно спасаясь от какой-то ужасной погони. А так как я был к нему привязан, то погрузился в воду вместе с ним. Волны накрыли меня с головой, я судорожно старался сбросить с себя путы, а Шил уходил под воду все глубже. Наконец мне удалось освободиться от веревок, я отчаянно рванулся куда-то и, задыхаясь, вынырнул на поверхность.

Хорошо, что когда-то в детстве салкар Откель научил меня плавать. В многочисленных битвах ударами вражеских мечей его тело было так изуродовано, что он уже не годился для войны, и отец приставил его к нам, чтобы старый вояка учил нас военному ремеслу. Так что, благодаря ему, плавал я очень хорошо, но сейчас мне мешала раненая нога, она совсем перестала меня слушаться. Все еще тяжело дыша, я с трудом подплыл к скале, которая выступала из реки, и ухватился за ее ребристую поверхность. От холодной воды сонливость сразу же прошла, но зато боль возобновилась. Силы мои таяли, а сильное течение отрывало меня от спасительного камня.

И тут я почувствовал, как кто-то схватил меня сзади за плечи. Кайлан! Я хотел крикнуть ему, но не смог разжать сцепленные от напряжения зубы. Пришлось позвать брата мысленно. Но ответа не было. Кто же это?

Кто бы это ни был, он крепко вцепился в меня и рывком потащил за собой в воду. Оглянуться, чтоб увидеть, кто на меня напал, мне не удалось. Вырываясь из чьих-то цепких и сильных рук, я закричал. Но неизвестный, крепко вцепившись в мою куртку, оттаскивал меня все дальше и дальше от берега.

И вдруг на крутом откосе я увидел Кайлана верхом на Шабрине. Он напряженно вглядывался в речные волны — видимо, искал меня. На какое-то мгновение мне показалось, что он меня видит — видит, как я борюсь и с неизвестным, и с бурной рекой. Но, к сожалению, это было не так. Голова моя едва поднималась над водой, и он меня не заметил. Мне снова захотелось крикнуть ему, но я так и не смог разжать губ. Кайлан повернулся и медленно поехал вдоль берега, продолжая высматривать меня среди волн, хотя, казалось, не увидеть меня было просто невозможно. Тогда я попробовал крикнуть ему мысленно, но из этого тоже ничего не вышло. Было такое ощущение, что я наткнулся на сплошную, без малейшего просвета стену. С чувством безнадежности смотрел я на берег. Вот уже и Шил, выйдя из воды, взобрался по откосу наверх и встал там, повесив свою большую голову. Он словно спрашивал себя — а что же это было? Вот уже и брат остановился. А меня стремительно тащили все дальше и дальше. И вскоре остались позади, исчезли за речным поворотом и берег, и брат, и рентаны, и все остальные. Надежды на спасение не оставалось.

Не было ни волн, ни реки, ни стремительного течения. Я лежал на чем-то твердом и сухом. Сознание вернулось ко мне, но я не стал открывать глаза. Мне сначала хотелось узнать, где я, в чьи руки попал. Рана болела все сильней, все нестерпимей. А тут еще и пронзительный ветер. Меня стало трясти от холода. Я потихоньку пощупал поверхность, на которой лежал, и понял, что это песок. Неподалеку плескалась вода, а надо мной завывал ветер. Мне почему-то показалось, что он раскачивает голые ветви деревьев. Узнать что-либо определенное было невозможно. Я открыл глаза. Черные тучи все еще низко нависали над землей, белым днем насылая на землю сумерки. Над собой, вверху, на фоне мрачного неба я увидел толстый и корявый сук — словно скорбный памятник когда-то зеленеющему дереву.

Я попытался привстать, но все поплыло перед глазами, к горлу подступила тошнота, и я едва успел повернуться набок, как тело мое свела судорога, и изо рта хлынула вода, которой, видимо, я все же успел наглотаться. Однако стоило мне чуточку прийти в себя, как я опять предпринял отчаянную попытку встать. Боясь нового приступа тошноты, я осторожно огляделся и увидел, что лежу почти у самой воды, а рядом громоздятся огромные валуны, среди которых тут и там застряли побелевшие от воды и времени щепки, обломки тростника, водоросли — всякий речной мусор, видимо, принесенный сюда каким-то давним паводком.

Меча и шлема со мной не было, должно быть, они потерялись. Рана нестерпимо болела, повязка, наложенная Дагоной, ослабела и пропиталась кровью. А вокруг — ни души. Тот, кто утащил меня от нашего отряда, от брата и Дагоны, оставил меня в живых. Но теперь, кажется, мне угрожала участь еще более жестокая. Идти из-за раны я не мог, а остаться здесь — значило обречь себя на верную смерть. Надежды на спасение не было никакой.

Но эсткарцы так легко не сдаются, они народ упрямый. Да и моего отца тоже невозможно было сломить. С трудом преодолевая боль, я кое-как дополз до ближайшего валуна, ухватился за огромный камень, навалился на него всем телом и, обливаясь потом от напряжения, заставил себя подняться. Стоило мне посмотреть вокруг, как я понял, что положение у меня действительно безнадежное. Дело в том, что я очутился на небольшом островке посреди реки. Видно было, что временами его заливает полностью. Вокруг не было ни былинки — один только песок и камни. Мне припомнился тот остров, который послужил нам убежищем, когда Каттея послала своего разведчика в прошлое Эскора. Но тогда я был полон сил, а в наших с ней отношениях еще не появилась трещина. Опираясь о камень, я с тоской смотрел на широкую реку и думал о том, что, хотя берега обрывисты, а течение быстрое, я не задумываясь сбросил бы кольчугу и пустился вплавь, если бы не больная нога, которая, к моей безмерной досаде, делала меня совершенно

беспомощным. Привалившись к валуну, я попытался потуже затянуть на ране повязку, но боль была такой, что я невольно заскрипел зубами. Зато теперь она хорошо держалась и плотно охватывала рану.

Я почувствовал, что очень озяб. На островок то и дело налетал холодный ветер. Затянувшееся лето, спохватившись, торопилось уступить место хмурой осени. В поясной сумке я всегда носил с собой кремень, и сейчас, конечно, неплохо было бы развести костер и обсушиться. Но я боялся, что огонь привлечет внимание врага.

Не торопясь, я оглядел берега, реку и неподалеку заметил еще один остров, побольше, чем мой. Вот бы туда добраться! Но течение было сильным, стремительным, и я понял, что побороть его не сумею — не хватит сил.

А что, если... И я с новым интересом посмотрел на застрявший среди камней плавник — палки, сучья, ветки, хворост. А что, если сделать плот? Или найти какое-нибудь, пусть даже небольшое, бревно, чтобы, уцепившись за него, опять довериться течению. Авось где-нибудь прибьет к берегу. Без верного меча, без лука, двигаясь только ползком, я очень скоро стану легкой добычей для серых, растов или еще какой-нибудь нечисти, которой тут вдоволь.

Однако делать нечего. И я, стараясь не потерять равновесие, нагнулся пониже и попробовал подтянуть к себе плавник. Но мне попадалась только трухлявая мелочь — прутья, небольшие палки, которые в моих руках тут же ломались. Одна палка все же попалась покрепче других да и подлинней. И я решил, опираясь на нее, как на костыль, обойти остров. Ступать на больную ногу было невозможно, боль была так сильна, что приходилось часто останавливаться, и я подолгу стоял, борясь с головокружением. Вскоре оказалось, что идти дальше некуда. Песчаная полоса была очень узкой, а за ней начиналось нагромождение камней. И я не решался карабкаться по ним наверх, чтобы посмотреть, что же скрывается за ней.

С большим трудом мне все же удалось насобирать целую кучу плавника. С облегчением опустился я на песок, раздумывая, как теперь все это связать. Если бы в воде не потерялся и мой нож, я бы сейчас нарезал всю свою одежду на длинные полосы — и плот был бы готов. К сожалению, ножа у меня не было. И не было на этом голом острове ни длинных трав, ни лиан, ни каких-нибудь других растений, с помощью которых можно было бы скрепить плавник.

И тут мне пришла в голову счастливая мысль: а ведь можно набить легким и сухим плавником кожаную куртку, которая надета под кольчугой. Но будет ли она держаться на воде? И если будет, то как долго сумеет продержать меня на плаву? Видно, у меня был жар, мысли в голове путались. Но даже в полузабытьи, не очень-то веря, что сумею довести дело до конца, я упорно цеплялся за свой рискованный план.

Очень хотелось пить. Волоча раненую ногу, я медленно

пополз туда, где в галечный берег плескалась волна, и, наклонившись над водой, стал черпать ее пригоршнями и жадно глотать. Потом плеснул прохладную влагу на лицо и, прижимая к нему ладони, почувствовал, как оно горит. Утолив жажду, я сел на песок и стал стаскивать с себя кольчугу. Это мне никак не удавалось, и несколько раз я устраивал небольшие передышки — сидел, уронив руки на песок и хватая воздух ртом. Когда же я, наконец, освободился от нее, мне стало так жарко, что захотелось, забыв обо всем на свете, поскорей нырнуть в прохладные волны и лежать, ни о чем не думая, раскинув руки. Но кольчуга — зачем я снял ее? Что хотел сделать? В недоумении я смотрел на груду металлических колечек у моих ног, пытаясь вспомнить, зачем я разделся. Ах да, я хотел снять куртку. Непослушными руками я стал дергать ремешки, но каждое движение давалось с таким трудом, что я то и дело хватал воздух ртом.

Меня все еще мучила жажда. Пить... Воды... Воды... И я, теряя сознание, пополз из последних сил к реке, обдирая о гальку руки. Скорей зачерпнуть студеной влаги и пить... пить... Но из воды передо мной вдруг возникла чудовищная пасть, она была разинута во всю ширь, я ясно видел острые зубы. С криком рванулся я назад, подвернул раненую ногу и от боли провалился в беспамятство.

— Очнись! Очнись же!

— Кайлан, ты?

Да очнись же! Скорей! Дусса, помоги! Сделай что-нибудь, чтобы он очнулся! Прошу тебя!

Я почувствовал, что в лицо мне плещут водой. Кто-то звал меня, но не вслух, а мысленно — так, как говорила между собой наша троица.

— Кайлан?

— Очнись же! Слышишь? Очнись, если ты жив!

Нет, это не Кайлан и не Каттея. Голос совсем незнакомый — тонкий, пронзительный. От таких голосов, если они звучат наяву, режет уши. Ну а у меня такая резь началась в глубине мозга. От этого голоса хотелось уйти, спрятаться, но он не оставлял меня в покое, не давал опять уйти в глубину беспамятства.

— Ну очнись! Очнись же поскорей!

Я открыл глаза, думая, что увижу то самое чудовище, которое так напугало меня недавно. Но передо мной неожиданно оказалось милое девичье лицо — очень бледное, обрамленное серебристым туманом волос.

— Очнись! — чьи-то руки трясли меня за плечи, пытаясь оторвать от земли.

— Кто ты?

Но она все оглядывалась по сторонам, словно ждала, что чудовище, напугавшее меня, вот-вот появится опять. Я видел, что девушка очень встревожена, но мной владело полное безразличие ко всему на свете. Глянув на меня, она нахмурилась, и голос

ее стал еще требовательней и громче. Ее мысли, словно ножи, пронзали мой измученный мозг.

— Послушай! У нас нет времени! Они договорились и заключили сделку, а ты — обещанная им плата. Понимаешь? Ты что, хочешь попасть к т е м?

Я порывисто вздохнул. Ей все-таки удалось растревожить мой инстинкт самосохранения, который порой действует вернее разума. Она тянула меня к реке, и я, хоть и с трудом, пополз за ней сам. Но тут же опомнился и стал вырываться из ее рук.

— Там... там что-то...

Но девушка обхватила мои плечи еще крепче.

— Не бойся! — кричала она мне в отчаяньи.— Он послушный. Не бойся его! За тобой с минуты на минуту придут! Скорей!

И я поверил ей, не стал больше сопротивляться, послушно пополз за ней к реке, и вскоре мы уже были в воде.

— Перевернись на спину! — попросила девушка.

Бережно поддерживая мою голову над водой, она стремительно потащила меня вниз по течению. Оно было для нее чем-то вроде быстрого коня, который помогает убежать, скрыться от погони. А это было самое настоящее бегство. В воде я окончательно пришел в себя и понял, наконец, что нам угрожает опасность.

Вдобавок ко всему вдруг хлынул ливень. Словно бичом, хлестал он водяными струями речную гладь. Тучи, таившие его в себе, вдруг выпустили дождь на волю. Они, наконец, решились расстаться со своей тяжелой ношей. Его струи заливали мне лицо. Я закрыл глаза и почувствовал, что теперь девушка тревожится еще больше, чем раньше.

— Скорей на берег, пока вода не поднялась,— услышал я ее торопливую мысль.

Потом она что-то мысленно крикнула, но на такой высоте, что я не смог воспринять эту мысль. И тут же от нее ко мне передалось чувство огромного облегчения. Я услышал:

— Теперь надо нырнуть. Вдохни как можно больше воздуху и задержи дыхание.

Мне ничего другого не оставалось — только слушать ее и подчиняться. Все равно на мои протесты она не обращала ни малейшего внимания. Мы нырнули, и через несколько мгновений под водой вдруг стало темно — очевидно она отыскала какую-то подводную пещеру. Меня томила неизвестность, и страх перед ней возрастал от сознания собственной беспомощности. Да понимает ли эта кроганка, что мне нужен воздух?! Воздуха, черт побери! Воздуха! И с е й ч а с ж е!

Я с облегчением почувствовал, что мы вынырнули на поверхность, и стал жадно дышать. В ноздри мне ударил запах какого-то животного. Хотя вокруг плескалась вода, было ощущение, что мы залезли в чью-то нору. Несмотря на темноту девушка уверенно тащила меня вперед.

— Где мы? — спросил я кроганку.

— В подземном туннеле — он ведет в жилище асптов. Здесь нам придется пробираться ползком, держись за мой пояс.

Трудно было переменить положение тела в такой тесноте, к тому ж мешала и темнота. Но руки моей спутницы по-прежнему бережно поддерживали и направляли меня, помогали ухватиться за ее украшенный ракушками пояс. Наконец мы вползли в большую пещеру. Откуда-то сверху струился бледный свет. Таинственно и призрачно светились какие-то растения, торчащие из расщелины в каменных сводах. Сухие листья и речной тростник мягким ковром устилали пол, а стены были покрыты ровным слоем затвердевшего ила.

В этом призрачном мерцающем свете у противоположной стены я увидел большое и лохматое существо. Вздумай оно подняться на задние лапы, оказалось бы, что мы чуть ли не одного роста. По крайней мере, оно было бы вровень с моим плечом. Необычное и странное это было создание. Ушей на его круглой голове не было и в помине. Зато на широкую пасть с выступающими вперед зубами нельзя было не обратить настороженного внимания. Сильные передние лапы заканчивались клешнями, как у рака, но в отличие от него казались очень большими и тяжелыми. При других обстоятельствах я, глядя на него, может, и испугался бы. Но сейчас это страшилище мирно сидело у стены и неторопливо расчесывало клешнями лохматую шерсть, уставившись выпуклыми глазами на мою спутницу. Я ничего не мог уловить, но был уверен, что сейчас они мысленно ведут разговор, и очень важный.

Я уже знал, что крогапку зовут Орсия, что она забрала меня с островка, но все еще терялся в догадках, стараясь понять, от какой же опасности мы так стремительно бежали. После недолгих переговоров с девушкой мохнатый хозяин пещеры неуклюже поднялся и на кривых лапах заковылял к отверстию в стене и вскоре исчез. Напряжение, владевшее мной все последнее время, спало, и я почувствовал, что боль вернулась ко мне с новой силой.

— Дай-ка, я посмотрю рану,— сказала Орсия, видимо, почувствовав, что я страдаю от боли, и это была не просьба, а приказ.

Я не стал протестовать. Из чехла на поясе девушка достала нож, распорола мою штанину, осторожно разрезала повязку и внимательно осмотрела рану. Видимо, в сумраке она видела гораздо лучше меня.

— Яд, к счастью, не проник в рану,— удовлетворенно заметила она.— Та женщина из Долины неплохо разбирается в травах.

Я было приподнялся, чтобы получше видеть, что она делает, но Орсия, положив руку мне на грудь, повелительным жестом уложила меня опять.

— Лежи! Я сейчас вернусь.

Она скрылась в той же дыре, что и странный наш хозяин. Я остался один. Боль жгла ногу огнем, все плыло перед моими

глазами. Ожидание было мучительным, и мне пришлось собрать все силы, чтобы опять не потерять сознания. Я чувствовал, как сухой жар сжигает мое тело, я боялся одиночества в этой чужой вонючей пещере, из которой мне самому никогда не выбраться.

Но вот бледное лицо Орсии опять склонилось надо мной, и я с облегчением вздохнул. Когда же она опять прикоснулась к ране, я чуть не закричал от боли. Набирая мазь пальцами из большой плоской раковины, Орсия бережно обмазывала мое бедро чем-то мягким и влажным. Боль понемногу утихала, и вскоре освежающая прохлада разлилась по всему измученному болезнью телу. Девушка обмазывала мою ногу три раза, она терпеливо дожидалась, чтобы предыдущий слой подсох, и тогда накладывала новый слой мази. Сверху она облепила ногу широкими листьями. Просунув ладонь под затылок, она приподняла мою голову, сунула мне в рот какие-то шарики и велела их разжевать. Рот мой наполнился горьковато-соленой жидкостью.

— Глотай! — велела Орсия.

И я, преодолевая отвращение, проглотил противную жидкость и тут же закашлялся, потому что от нее першило в горле.

— А теперь запей! — Орсия подала мне воду в раковине, которая служила ей чашей. Она сгребла с пола охапку тростника и сунула его мне под голову вместо подушки. Засыпая, я смотрел на свою спасительницу. Она сидела у противоположной стены, поджав ноги, и я никак не мог разглядеть, что у нее в ладонях. Видел только, что этот предмет светится и рассеянным мерцающим светом озаряет каменные своды пещеры.

Когда же я проснулся, голова была ясной, нога не болела, я чувствовал себя почти здоровым. Рядом со мной никого не было, пещера опустела. И мне вдруг так нестерпимо захотелось поскорей выбраться из этого убежища, где царил тяжелый запах его хозяина, наверх, на волю, так захотелось поскорей вдохнуть свежего воздуха, что я в нетерпении кинулся было рубить каменные стены, которые держали меня здесь взаперти.

Когда я попытался встать, оказалось, что повязка из мази и листьев, которую наложила на ногу Орсия, стала тяжелой и твердой, как камень, и сковывала мои движения не хуже кандалов. Меня охватила тревога — что же делать? Но тут через узкий лаз в пещеру вползла Орсия и втащила за собой тяжелую сетку из водорослей.

Она внимательно глянула на меня и обрадованно сказала:

— Ну вот, яд из раны вытянуло, и это очень хорошо. Сейчас надо поесть и набраться сил, потому что опасность идет за тобой по пятам.

Поесть? Да, конечно. Я вдруг почувствовал, что очень хочу есть. Ведь у меня давным-давно и маковой росинки во рту не было. Я очень проголодался. Орсия достала из зеленой сетки, которую притащила с собой, множество свертков, сделанных из широких листьев. Мне не терпелось узнать, что в них. Там

оказались кусочки какого-то белого мяса, по всей видимости, сырого. Орсия присыпала их чем-то похожим на цветочную пыльцу и протянула мне. Я подумал, что опять придется глотать что-то отвратительное, но, к своему удивлению, обнаружил, что это довольно вкусно, и с аппетитом набросился на еду. В сетке оказались еще неведомые мне корни, пряные, слегка обжигающие язык и тоже довольно вкусные.

— Теперь давай-ка все с тобой обсудим, чужеземец,— сказала девушка, когда я покончил с едой.— Тебе грозит серьезная опасность, по крайней мере, за пределами этих стен. Твои друзья думают, что ты погиб, и не придут на выручку. Долина отсюда далеко. Один ты до нее не доберешься.

— Но как я попал на остров?

Девушка медлила с ответом. Достав гребень она стала расчесывать свои легкие, тонкие, как паутинка, волосы. И видно было, что это доставляет ей удовольствие. Наконец, она сказала:

— Они послали Оборо, чтобы он захватил кого-нибудь из вас. Речные люди очень напуганы и злы на вас за то, что вы накликали на всех нас беду — так они считают. Кроганы не хотят принимать ничью сторону, они сами по себе. Вы с Эфутуром приходили к Ориасу, нашему правителю, просить помощи. Но до вас у него были другие, более могущественные, чем вы. Когда вы ушли, они опять прислали к нам своих гонцов, да таких, которым кроганы не осмеливаются перечить. Послушай, нам не нужны ваши войны! Никакие — понимаешь?

Все это девушка говорила мысленно, и этот ее мысленный крик на высокой ноте прозвенел у меня в мозгу. А она продолжала:

— Оставьте нас в покое! Мы хотим мирно жить в своих реках и озерах!

— Но ведь это Оборо похитил меня...

Орсия не отвечала. Казалось, она целиком поглощена расчесыванием своих легких, как облако, волос. Девушка распутывала одну из своих прядей так, словно это было для нее сейчас самым важным на свете. Но я понял, что это занятие просто помогает ей уйти от ответа. Что она просто прячется за ним от того, что ее смущает, как путник прячется от непогоды под каким-нибудь деревом.

— Когда на вас напали фасы,— опять горячо заговорила она,— вы, чтоб расправиться с ними, воспользовались водой. Вы наткнулись на наше древнее оружие — кроганы когда-то, давным-давно, создали его для своего властелина, которого и на свете уж нет. Вот сколько времени прошло с тех пор! Но вы воспользовались этим нашим оружием, и теперь фасы и их могущественные хозяева думают, что мы с вами в тайном сговоре. Они теперь не верят нам и следят за каждым нашим шагом. Они потребовали дань...

— Но при чем тут я? Зачем схватили меня?

— Ты — один из тех чужеземцев, которые нарушили равно-

весие, ты помог выпустить воду, ты был ранен и мог стать легкой добычей,— ответила девушка со всей прямотой.

И тут я вдруг заметил, что не отдавая себе в том отчета, как завороженный, слежу за движениями ее гребня. Я словно очнулся от сна наяву и с трудом заставил себя оторвать от него взгляд, и это насторожило меня еще больше. Теперь я смотрел только на каменный свод пещеры — уж он-то меня не заворожит.

— Так вот значит как было...— протянул я.— Оборо решил, что я легкая добыча!

— Ориас повелел во что бы то ни стало захватить хотя бы одного из вас. Чтобы освободиться от жуткого надзора т е х, нам надо было умилостивить и х жертвой. Для нас это было выгодной сделкой.

— Но тогда зачем ты меня спасла?

Гребень замер в ее руках.

— Видишь ли, я считаю, что Ориас затеял опасное дело. Это может привести к еще большей беде. Скажи, это правда, что ты п о з в а л, и Великие тебе о т в е т и л и?

— Но... откуда ты знаешь об этом?

— Разве тебе не известно, кто мы такие? Наши предки и ваши были одной крови, но потом их пути разошлись. И потому мы появились под влиянием тайных сил, которыми управляли Великие. И когда кто-то из них начинает действовать, мы не можем не знать об этом. Так что уж если они тебе о т в е т я т, то ты можешь навлечь на нас большее зло, чем т е.

— А разве Ориас этого не понимает?

— Видишь ли, ему сказали, что ты случайно, наобум, воспользовался какой-то тайной силой, которая едва не открыла уже давно закрытые Ворота. Его убедили, что лучше будет отдать тебя т е м, а уж они сумеют вырвать у тебя ключ от этих Ворот.

— Ну уж нет, ни за что!

— Я тоже так думаю, чужеземец.

— Меня зовут Кемок.

— Кемок? — переспросила девушка и впервые за все это время улыбнулась.— Так вот, Кемок. Мне хотелось бы, чтобы твоя мудрость и твое з н а н и е послужили тем, кто живет в Зеленой Долине, а не д р у г и м. Потому-то я и забрала тебя с острова.

— А где мы сейчас?

— В зимнем доме одного из асптов. Это наши помощники. Они живут в реках и очень независимы, и если к ним хорошо относиться, то они слушаются и во многом помогают. Но, Кемок, Темные зря времени не теряют. Говорят, они скоро возьмут Долину в кольцо, и тогда тебе туда по суше не добраться.

— И долго мне еще придется вот так сидеть? — похлопал я рукой по своей повязке.

Орсия наконец отложила свой гребень.

— Не дольше, чем мне понадобится времени для того, чтобы снять это,— улыбнулась она.

Действуя ножом и камнем, девушка ловко сколола панцирь, взявший в тиски мою ногу. И мне подумалось, что, наверное, это та же самая целебная глина, с помощью которой Дагона когда-то спасла от верной смерти моего брата.

Когда Орсия ее сняла, оказалось, что раны больше нет,— на ее месте красовался свежий рубец. А нога двигалась легко и свободно. Пора было собираться в путь. По подземному тунелю мы выбрались на поверхность и спрятались в тростниковых зарослях. Только рассвело, над водой клубился утренний туман. Подняв голову, Орсия глубоко вдыхала свежий воздух, казалось, она принюхивается к чему-то такому, чего я не могу ощутить.

— Облака и тучи приводят за собой Тьму, а Солнце — могучий враг наших врагов,— сказала девушка.— Хорошо, что день сегодня будет ясный.

— Скажи, Орсия, как мне добраться до Зеленой Долины?

— Не тебе, Кемок, а нам. Я не могу отпустить тебя одного. Это значило бы обречь тебя на верную гибель. Ты ведь совсем не знаешь этой земли.

Сначала мы спустились вниз по реке, потом юркнули в какой-то заросший зеленью проток и поплыли против течения, держа курс на юг. Светило яркое солнце, манили к себе прекрасные берега, все вокруг дышало миром и покоем.

Но я, наученный горьким опытом, не спускал глаз с Орсии — не почует ли она какую-нибудь опасность в этом на первый взгляд таком безмятежном утреннем мире. Однажды к берегу спустились серые. И нам с Орсией пришлось затаиться под водой в тростниковых зарослях. Чтоб не выдать себя, я дышал через полый стебель тростника. Хорошо слышно было, как серые, ворча и переругиваясь, шумно лакают воду. Нас они так и не почуяли.

Без меня Орсия наверняка плыла бы гораздо быстрее. Но мне трудно было подолгу находиться под водой, приходилось делать передышки. Понимая это, кроганка старалась приспособиться ко мне. Когда стало темнеть, Орсия нашла на склоне, круто спускавшемся к реке, чью-то заброшенную нору, и мы там переночевали.

В этот вечер она рассказала мне о себе. Оказывается, ее матерью была старшая сестра Ориаса, предводителя кроганов. И по их традициям Орсия считается более близкой его родственницей, чем собственные дети Ориаса. Девушку с детства влекло к себе все новое, неизведанное. Ум у нее, по-видимому, был от природы острым, к тому же Орсия оказалась смелей и любознательней сверстников. Не раз, потихоньку ускользая из дома, она в одиночку пускалась в такие путешествия, исследовала такие места, куда вряд ли отважился бы забраться и взрослый кроган. Много поистине удивительного увидела девушка в горах, и сейчас она очень жалела о том, что из-за разгорающейся войны ей пришлось отказаться от своих путешествий. Заговорив о войне, она тяжело вздохнула, нахмурилась

и замолчала. Вскоре, свернувшись калачиком, Орсия уснула чутким и тревожным сном.

Утром мы опять продолжили свой опасный путь. Но наша водяная дорога становилась все уже, все мельче, плыть дальше было невозможно, и Орсия остановилась.

— Кемок, видишь вон ту вершину? — указала она в сторону горной гряды.— Она будет тебе надежным ориентиром. Поспеши — и к вечеру доберешься до своей Долины. Смотри, будь осторожен. Здесь нам придется расстаться — к сожалению, я не могу обойтись без воды.

Благодарные чувства переполняли меня, но я молчал, так как слов, чтобы выразить их, не хватало. Орсия в последний раз улыбнулась мне, помахала рукой и — исчезла в волнах. А я стоял опечаленный нашей разлукой, и думал о том, что так и не сумел выразить ей свою благодарность. Но делать нечего, и я зашагал к вершине, на которую мне указала Орсия.

Мне казалось, что вокруг совершенно пусто, нет ни единой живой души, но вдруг откуда-то сверху ко мне метнулся флаппан, описал надо мной круг и стремительно унесся прочь. Крылатые дозорные долины заметили меня раньше, чем я их. Путь, который указала мне Орсия, был незнакомым. Узкая петляющая по горам тропа привела меня к такому же узкому проходу меж двух скал, на которых, как и полагается, когда входишь в Долину, были высечены магические знаки. Видно, это был запасной или, может, просто заброшенный вход в края зеленых.

Я почувствовал чей-то взгляд и поднял голову. Так и есть! Сверху на меня неподвижными изумрудно-зелеными глазами уставился один из дозорных ящеров.

— Кемок! — услышал я.

Навстречу мне бежал Кайлан. Мы обнялись, и в этот счастливый миг наши мысли опять стали едины, как когда-то в детстве.

Меня окружили со всех сторон, повели к зеленым домам, на ходу засыпая вопросами и ахая от удивления. Мое возвращение стало для Долины праздником. Но, узнав о враждебном отношении к нам кроганов, зеленые помрачнели.

— Да, нерадостные вести ты принес,— Дагона, в этот миг наполнившая вином чашу гостеприимства, опустила ее на стол так, словно увидела в ее влаге картины, предвещающие что-то страшное.— Плохо, если кроганы будут на стороне врагов. С водяной страной справиться нелегко. Но что это за Великие, которых Орсия так боится, что готова на все, лишь бы заслужить их милости? Ведь кроганы не из робких, мы хорошо знаем это, потому что раньше были с ними в дружеских отношениях. Что, если мы попробуем узнать это с помощью Сил?

— Не стоит пока что этого делать,— покачал головой Эфутур.— Если только другим путем ничего не сможем выведать — тогда другое дело. А пока не надо. Помнишь старое правило? Того, кто ищет, легче обнаружить. Сила, которой владеет другая

сторона, может оказаться не меньше нашей, а, может, даже и больше.

Среди тех, кто меня встречал, не было Катти. Где же она? Неужели она избегает меня? Я посмотрел на Кайлана. Но брат, уловив мои тревожные мысли, поспешил меня успокоить.

— Мы думали, что тебя уж нет в живых, и Каттея очень страдала. Она решила узнать, так ли это, и потому отправилась на восток. Там, на краю Долины, есть магическое место, где можно говорить с тайными силами, и сестра хочет с помощью колдовства узнать у них твою судьбу. Сама она была уверена в том, что ты жив, но попал в беду. Она сказала, что если бы ты погиб, мы с ней знали бы об этом. И это правда.

Я почувствовал, что мне необходимо сейчас же связаться с Каттеей мысленно, и, опустив голову на руки, стал звать ее, зная, что здесь, в Долине, среди друзей, это безопасно. Ответа не было. Тогда Кайлан объединил свои мысли, свой призыв с моим, чтобы наш зов стал вдвое сильней. Я, собрав всю свою энергию воедино, все усиливал и усиливал мысленный поток, обращенный к Каттее, и одновременно чувствовал, как мощно нарастает мысленный поток Кайлана. Но в ответ по-прежнему — ничего. Даже если бы в этот миг она творила свое колдовство, то и это не помешало бы сестре услышать нас и откликнуться. К нашему огорчению и тревоге мы не смогли ощутить даже ее присутствия в этом пространстве и времени. Казалось, вокруг нее снова сомкнулись стены Обители Мудрейших, навсегда похитив ее у нас.

В панике я стал рассылать свои мысли-стрелы во все стороны, но они терялись в зловещей пустоте. Оторвав лицо от дрожащих ладоней, я взглянул на побледневшего Кайлана и понял, что он, как и я, охвачен страхом.

— Исчезла...— прошептал брат, но вокруг нас установилась такая тишина, что шепот его был услышан всеми.

— Но куда? — этот вопрос был для меня самым мучительным.

Когда я призывал сестру, попав на озеро кроганов, ее ответ был слабым и невнятным. Нас разделяло огромное пространство, разделяла земля, принадлежащая врагу. Но все-таки она услышала и ответила. А тут, в Долине, где никаких опасностей и препятствий, на мой призыв Каттея не отозвалась. И я нигде не мог ее найти своей мыслью-поиском.

— Где это магическое место, куда она отправилась? — повернулся я к Дагоне.

— Если держать на восток, на самом краю Долины, в горах.

Так вот оно что! В горах! Значит опять Динзиль! Все стало настолько ясно, словно на все мои страхи и сомнения пришел ответ, написанный огненными рунами. Дагона сразу поняла, о чем я думаю.

— Но зачем? — она не спорила со мной — все было слишком очевидно, просто старалась понять, что происходит.

— Зачем? — как эхо, повторил Кайлан.— Непонятно... Она

не скрывала, что Динзиль ей нравится. Но разве могла она поехать к нему, ни слова не сказав об этом мне? Кроме того, она ведь говорила, что едет узнать твою судьбу...

— Она поехала против своей воли,— сказал я и стиснул от волнения зубы.

Но Дагона не согласилась со мной:

— Нет, это не так, Кемок. У нее такая колдовская сила, что никому не удалось бы выманить ее из Долины. А все наши ворота под надежной защитой.

— Но по доброй воле она не поехала бы...

— Откуда нам знать? Мало ли как ее могли убедить.

Меня охватил гнев, так нелепо все это было. И от отчаяния я излил его на первого, кто попался под руку. А попался мне, конечно, Кайлан.

— Почему ты не узнал, что с ней творится? Почему не поддерживал мысленную связь? — набросился я на него.

Лицо брата вспыхнуло от обиды, но он все же сумел удержаться от резких слов.

— Каттея сама этого не захотела. Сказала, что ей нужна энергия для колдовства, что не дала в Обители Мудрейших клятву и не получила от Владычиц свой Волшебный Камень, поэтому не уверена в своих силах и должна беречь каждую их каплю.

Да, конечно... Это было похоже на Каттею, я понимал, что брат говорит правду. Но... он был рядом с ней, мог ее уберечь — и не уберег. Эта мысль жгла меня огнем. Теперь мой черед позаботиться о сестре.

— Дагона, может ли Шил отвезти меня на восток, в горы? — спросил я.

— Что это даст? Там обитают страшные Силы, а у тебя от них нет защиты.

— Я должен...

Меня пронзительным криком перебила какая-то птица, которая с размаху опустилась на плечо Дагоны. Она принесла весть о беде.

— Кемок, твоя кроганка сказала правду — о н и идут на Долину! — крикнула Владычица.

Все смешалось в один миг. Все бросились вон из-за пиршественного стола. Зазвенело оружие. Так началось для нас самое тяжелое время. Враги окружили Зеленую Долину и устроили засаду. Все дороги, все тропы и тропинки, ведущие сюда, были надежно защищены магическими знаками. Они не пропускали Темных в Долину. Но вокруг ее границ тянулась горная гряда — беспорядочное нагромождение скал. И сейчас их приступом пытались взять всевозможные чудовища. Они лезли на неприступные утесы, карабкались, ползли, летели, и остановить их казалось невозможно. Мы держали оборону из последних сил. Над нами нависли грозовые тучи, ветер швырял в лицо колючие дождевые потоки, а от нас врага скрывали сумерки, он растворялся в них, становился незаметным и потому

вдвойне опасным. Порой было трудно понять, где блеск молний с громовыми раскатами, а где щелканье и вспышки боевых кнутов зеленых.

Атака следовала за атакой. А недолгие передышки не приносили отдыха. Они, скорей, тревожили — ведь обычно именно после затишья налетает самый яростный ураган. И точно — вражеские легионы обрушивались на нас с новой яростью и злобой. А предугадать следующий штурм Темных не удавалось никак.

Расты были нам сейчас не страшны — они не могли взбираться по почти отвесным скалам. Серые, полулюди-полузвери, выискивали всевозможные лазейки, и с ними тоже можно было справиться. Для нас с Кайланом хуже всего был клубящийся бесплотный туман, который нельзя было ни поразить мечом, ни проткнуть копьем, ни пронзить стрелой, ни ударить камнем. И мы с замиранием сердца слышали, как, скрываясь в этом липком тумане, огромные чудища-броневики, свирепо пыхтя, подкапывались под разделяющую нас каменную стену.

В воздухе тоже кипел бой. Там, прямо над нашими головами, фланнаны и вранги сражались с какой-то летучей нечистью. Казалось, этот кошмар никогда не кончится. Он ужаснул даже тех воинов из Эскарпа, которые на своем собственном опыте узнали адскую силу колдеров.

Кошмарные ночи сменялись такими же ужасными днями. И в полдень было ненамного светлей, чем в полночь. Утром мы зажигали на вершинах факелы. Их багровый свет отпугивал ночных тварей. А Дагона пустила в ход магию. Под ее началом зеленые собирали, чтоб ударить по врагу, им одним подвластные силы. Дагона очень опасалась, как бы с тыла не ударили кроганы. В Долине было великое множество рек, ручьев, речушек и озер, по которым они могли незаметно проникнуть в глубь страны. Поэтому на берегах все время дежурили патрули из ящеров. Но ничего подозрительного пока замечено не было.

Эфутур считал, что это всего лишь начало, что нам пока что досаждают только мелкие слуги Зла. А Великие все еще выжидают. Ему это казалось дурным предзнаменованием. Но, может, сомневался он, Великие так далеко ушли в другие миры, что они просто не знают о том, что здесь происходит?

Потери наши были печальны. Погиб старый воин Годгар, успев прихватить с собой в мир иной нескольких врагов. Гибли зеленые, редели ряды их крылатых и четвероногих союзников. Но нам некогда было подсчитывать свои потери. Все силы уходили на охрану границ, на отпор Темным, на сопротивление силам Зла. Кайлан рубился со страшными тварями где-то на другом конце Долины, я знал, что он жив и даже не ранен. И это придавало мне сил. Но по-прежнему, несмотря на боевые схватки и ежедневную опасность, душу мою терзала мысль о Каттее. Теперь я окончательно уверился, что в Долине сестры нет. Бок о бок с нами сражались и горцы, но Динзиля среди

них не было. И это усиливало мои подозрения, как бы ни оправдывали зеленые его отсутствие.

Может, магические силы, призванные Дагоной на помощь, оказались сильнее воинства Тьмы. А может, враг, наконец, просто обессилел, растеряв за эти дни свои клыки и когти. Но, наконец, в черных тучах появился просвет, через который выглянуло солнце, осветив своими яркими лучами землю — и горы, и Долину, и все тропы и дороги. Перед их всемогущей силой уродливое и страшное воинство Тьмы окончательно отступило. Оно унесло с собой и своих убитых. Так что мы даже не смогли узнать, какой урон нанесли врагу. И все же это была самая настоящая Победа — в этом никто не сомневался.

На Совете мы подсчитали свои потери и опечалились. Стало ясно, что еще одна-две таких победы, и они будут равносильны поражению. Надо было срочно что-то предпринимать. Прежде всего было решено построить укрепления, затем произвести разведку и не ждать покорно очередного набега Тьмы, а самим нанести ей упреждающий удар.

Во всем этом помощи от меня было мало. И я решил воспользоваться передышкой для другого. У меня была своя цель, и я сказал об этом Совету. Кайлан хотел идти вместе со мной. Мы трое, говорил он, словно единое существо, и если между нами нарушается связь, то страдают от этого все трое. Но я напомнил ему те дни, когда мы были разлучены. Он сражался, защищая границы Эсткарпа от отрядов Карстена, я лечил раненую руку, а Каттею Колдуньи держали в Обители Мудрейших. И сейчас каждый из нас, как и тогда, должен выполнять свой долг. Кайлан — воин, его место здесь, он тут нужнее. Мой долг — спасти сестру. Ведь я с ней связан тесней, чем он, значит мне отыскать ее будет легче, чем ему.

Дагона и Эфутур отнеслись к моим словам с сочувствием и пониманием. Но эсткарпцы нахмурились. Они были суровыми воинами, и что значила для них жизнь одной женщины по сравнению с судьбой целой страны? Тем более, что Каттея была колдуньей. А их они по вполне понятным причинам терпеть не могли, хотя и боялись.

Уезжая на поиски своей сестры, я понимал, что в этом деле могу рассчитывать только на себя. Я взял в дорогу свой верный меч и немного еды в походном мешке. Меня вела надежда. Старый мой друг, рентан Шил, сказал, что хочет сопровождать меня в этом опасном путешествии, но я отказался. Мы договорились, что я поеду на нем только до границы Долины. Не думаю, чтобы в этом предприятии, полном страшных опасностей, я имел право рисковать еще чьей-нибудь жизнью.

Кайлану не хотелось отпускать меня одного. Его очень задели мои слова о том, что он не сумел сберечь нашу сестру и что теперь я найду ее сам. Но он понимал, что это правда и что без его воинского умения Долине придется туго.

Когда я уезжал, было тихое, ясное утро. Покой и мир царили в Долине. Кровавые бои, которые шли здесь еще только

вчера, сегодня казались дурным сном. Шил быстрее любого скакуна мчал меня вдоль реки все дальше на восток. Здесь не было врагов, не нужно было опасаться их коварных ловушек. Тем более, что впереди нас на всякий случай летели фланнаны, а на берегах нам то и дело встречались дозорные ящеры, которые все еще следили за тем, чтобы враг не застал нас врасплох, пробравшись в Долину тайком.

Я вспомнил Орсию и со страхом подумал о том, что сделали бы с ней ее соплеменники, узнай они о том, что это она спасла меня, их заклятого врага.

Наконец, мы стали приближаться к предгорью. Луга и рощи постепенно уступили место каменистым склонам, вдали показались высокие отвесные скалы. Где-то там утесы должны были сойтись, оставляя место только для заброшенной горной дороги, по которой и отправилась моя Каттея, чтобы обратиться к могущественным силам, внушающим страх даже Дагоне, которая была Владычицей этих мест.

Она когда-то сказала, что у каждого из здешних народов своя магия, свои, подвластные им силы. Так, зеленым подвластны силы растительного мира, фасам — подземного, кроганам — водяного. Ну а там, куда отправилась Каттея, властвовали силы воздуха.

Я вспомнил, что Колдуньи Эсткарпа управляли стихиями — ветром, огнем, дождем и бурей. Вьюлне может статься, что Каттея обратилась к ним, но потерпела неудачу. Что же с ней?

Мой друг, рентан Шил, донес меня на своей спине до узкой расселины в скалах и остановился в нерешительности. Потом осторожно пошел по узкой тропе дальше. Здесь было как-то тревожно, и несмотря на то, что до захода солнца оставалось еще несколько часов, вокруг царил полумрак. Вскоре рентан остановился окончательно.

— Прости,— услышал я его мысли,— дальше не могу. Я должен вернуться.

Я посмотрел вперед, туда, куда убегала узенькая тропинка, и почувствовал исходящую оттуда угрозу, какое-то смутное предостережение. Что-то говорило чувствам — и моим, и рентана, что дальше идти нельзя. Я спешился, перекинул через плечо мешок с едой и повернулся к Шилу:

— Спасибо тебе, мой быстроногий друг. Когда вернешься, скажи, что оставил меня здесь целым и невредимым.

Но Шил почти не слушал меня. Задрав голову, он смотрел вверх, на отвесные скалы. Ясно было, что врагу там негде укрыться. Да и не место здесь для той нечисти, что атаковала Долину. Но упрямый Шил, раздувая ноздри, бил копытом:

— Я нутром чую, что тут обиталище Силы!

— Но это не злая Сила? — обеспокоенно спросил я.

— Есть Силы,— отвечал рентан встревоженно,— недоступные нашему пониманию. Они за пределами наших понятий о Добре и Зле, о плохом и хорошем. Ты идешь на риск.

— У меня нет выбора...

— Будь осторожен,— вскинул голову Шил.— Как говорим мы, рентаны, смотри под ноги, по сторонам и вверх. Смотри и слушай!

Хотя Шилу и не хотелось оставлять меня одного перед лицом неведомой опасности, но он не мог преодолеть невидимый барьер, не пускавший его дальше. Как знать, может, когда-нибудь такой барьер встанет и на моем пути. Но сейчас — вперед! И я зашагал по тропинке, ожидая, что вот-вот натолкнусь на невидимую стену, как было тогда, когда мы с Киланом пришли за сестрой в Обитель Колдуний. Я оглянулся со стесненным сердцем и увидел Шила, который все еще смотрел мне вслед, и помахал ему на прощание рукой, он тоже кивнул мне ободряюще. Надо отбросить колебания. И я решительно устремился вперед, запретив себе оглядываться и стараясь больше не думать о том, что осталось позади.

Шагать в этой мрачной расселине было нетрудно — тропинка поднималась достаточно полого. Но потом расселина стала сужаться, и вскоре я уже мог касаться раскинутыми в стороны руками ее стен. А впереди круто вверх уходила вырубленная в скале лестница. На ее ступеньках я увидел вырезанные в камне знаки. Некоторые из них были похожи на охранные руны Долины, другие казались совершенно незнакомыми. Страшно было наступать на них, но другого пути к спасению Каттеи не было. Я стал подниматься по лестнице, считая ступени. Семь ступеней — площадка шириною в три ступеньки. Три ступеньки — и новая площадка. Потом еще девять ступеней. Никакой необходимости располагать их именно так не было, и это заставляло предполагать, что тут кроется какой-то тайный смысл. От одной площадки до другой лестница делалась все уже, и на последних тринадцати ступеньках она стала настолько узкой, что на ней трудно было уместить рядом две ступни.

Высеченные на ступенях знаки были мне незнакомы. Но я почувствовал, что смотреть на них неприятно, хотя никакой прямой угрозы они как будто не таили. В Эскоре я научился различать притаившееся Зло. Но здесь, понял я, было нечто другое. Просто они предназначались не для человека, не для его глаз и разума.

Меня охватила непривычная усталость, руки и ноги стали пудовыми, и мне приходилось делать передышку чуть ли не на каждой ступеньке. И дело было не в ране, она давно зажила. Но все тело налилось непривычной тяжестью. Кроме того, сам не зная отчего, я был очень подавлен.

И вот преодолена последняя ступенька, и я очутился на вершине скалистой гряды, кольцом окружавшей Долину. По ее каменной поверхности была проложена тропа, которая начиналась прямо от последней ступеньки. И если лестница с каждым шагом сужалась, то тропа, напротив, становилась все шире, а потом скрывалась в лесу из каких-то каменных столбов. Уже стемнело, но надо было идти дальше, я спешил. Спешил —

и едва передвигал ноги. Усталость навалилась на меня таким грузом, что, пройдя еще несколько шагов по каменной дороге, я буквально повалился на нее. Не в силах сдвинуться с места, я завернулся в плащ и мгновенно уснул. Но не так, как обычно, когда медленно погружаешься в сон, а буквально провалился в него, как в глубокую трясину. И не было на свете силы, которая могла бы заставить меня подняться.

Пробуждение мое было таким же мгновенным. Я с трудом сел на своем каменном ложе и принялся растирать онемевшие за ночь руки и ноги. А придя в себя, слегка перекусил, хлебнул из фляги воды и был готов продолжить свой путь. Рассвет едва брезжил. Впереди меня ждал долгий и трудный день, полный неизведанных опасностей. Завязывая походный мешок, я вспомнил, как Дагона говорила, что расходовать припасы надо очень бережно и расчетливо, чтобы их хватило надолго. Там, где хозяйничает Тьма, нельзя прикасаться даже к самой соблазнительной пище, иначе попадешь во власть злых сил.

Я углубился в каменный лес, на который смотрел вчера только издали. Каменные столбы стояли без всякой системы и порядка, словно и вправду здесь когда-то росли деревья, которые потом окаменели. А верхушки с ветками обломились, оставив только странные каменные стволы. Я невольно посмотрел вниз, на землю,— уж не лежат ли там сломанные сучья? Но на каменной поверхности ничего не было. Подул ветер, и я ясно услышал шум листвы. Стоило зажмуриться, и начинало казаться, что стоишь посреди зеленой рощи, полной живых шелестящих листьев. Но как только я их открывал, со всех сторон меня обступал тот же самый безжизненный и холодный камень.

Ветер крепче не стал, но невидимая листва шумела все сильней. Вскоре к ее шуму присоединились чьи-то вопли и стоны, словно скорбящие всех времен оплакивали своих мертвецов. А еще через некоторое время все это сменилось совсем другими звуками, чем-то вроде с л о в на неведомом мне языке. Но я, в отличие от того, кто откликнулся на мой призыв тогда, на равнине, ничего н е о т в е т и л. Верилось, что слова эти произносил Кто-то в мире, смежном этому. Я настолько сильно ощущал чье-то зловещее присутствие, что упал, а вернее сказать, был повержен на колени. Страшно было подумать, с чьих уст могли срываться эти с л о в а.

И вдруг дверь в тот другой, могущественный мир захлопнулась. Больше не было ни шума ветра, ни шелеста листвы, ни скорбных воплей — полнейшая тишина царила в каменном лесу. Потрясенный, поднялся я с колен и пошел дальше по каменной тропе. Но она вскоре оборвалась, и я остановился в раздумье, что же теперь делать, куда идти. Оглядываясь по сторонам, я видел одни только камни и ничего, кроме камней. И вдруг на этом безжизненном сером фоне мелькнуло яркое пятно. Это был голубовато-зеленый шарф. Казалось, его обронили совсем недавно, может быть, даже только что. Я поднял

его, он был такой тонкий, шелковистый, что цеплялся за мои шершавые, покрытые рубцами пальцы. Женщины Долины набрасывали такие шарфы по вечерам. Такой шарф был на плечах Каттеи в тот вечер, когда на пиру она весело смеялась с Динзилем.

Я понимал, что посылать мысленный зов здесь нельзя — меня могут обнаружить. И все-таки не удержался, изо всех сил мысленно позвал сестру:

— Каттея! Где ты? Каттея! Отзовись!

Теребя в руках легкий шелк, я с нетерпением ждал ответа. Тишина... Точь-в-точь похожая на ту, которая воцаряется после того, как все ушли, и дверь захлопнулась. Я продолжал звать, но ответа не было. Что же случилось? Что произошло? Я был уверен, что шарф здесь потеряла Каттея, и сунул его за пазуху в расчете на то, что с его помощью мне все-таки удастся установить с ней связь. Он принадлежал сестре, это ее вещь, и она может для нее стать точкой притяжения.

Но в какую сторону ушла отсюда Каттея? В Долину она, конечно, не вернулась. Дорога, по которой я пришел, здесь обрывалась. Значит, сестра прошла дальше между этих каменных столбов. И мне ничего не остается, как отправиться следом за ней. Я вошел в каменный лес, но так как дороги не было, то вскоре я потерял всякое представление о направлении. В какую бы сторону я ни направился, покружив бессмысленно среди каменных стволов, вновь приходил к тому же самому месту, где нашел шарф сестры. Что делать? Я сел и задумался. Это место заколдовано — вот к какому выводу я пришел. Здесь все так странно, так обманчиво. Путаница каменных стволов, их одинаковость сбивала с толку, завораживала, мешала думать. И я закрыл глаза.

А потом вспомнил далекие дни, проведенные в Лормте над древними рукописями. В Эсткарпе считалось, что ни один мужчина не способен овладеть колдовской силой, поэтому ветхие свитки не охранялись. А они и вправду были полны иносказаний, ссылок на разные неизвестные предметы, так что непосвященным было просто не под силу разобраться во всех этих премудростях. Я же листал древние свитки и фолианты только потому, что хотел узнать, где мы можем спрятаться от Колдуний, и почти не замечал того, что мне так могло бы пригодиться сегодня. А ведь там было столько тайных сведений! Кое-что, правда, запомнилось, можно сказать, само по себе, безо всякого усилия с моей стороны. Так, я запомнил с л о в а, вызвавшие о т в е т. Но зарекся когда-нибудь прибегнуть к ним опять. Однако что же еще могли нечаянно подсказать мне древние свитки?

Я постарался воссоздать в памяти картину их чтения. Перед моим мысленным взором возникла пожелтевшая от времени страница, испещренная устаревшими письменами, от которых веяло тайной. Кое-что мне тогда все же удалось прочитать. Может, все-таки воспользоваться Знанием, которое я оттуда

мимоходом почерпнул? Но вопрос: есть ли во мне Сила и сколько ее? А что, если от отца я все же унаследовал Дар? И в отличие от остальных мужчин-эсткарпцев он у меня есть?

Я достал шарф Каттеи, который лежал у меня на груди, скатал тонкую ткань в жгут — получилось что-то вроде витой веревки, потом связал концы и положил на плоскую скалу. На сером камне передо мной лежало яркое голубовато-зеленое кольцо. Я смотрел на него, собирая воедино всю свою волю. Несколько строчек на древнем пергаменте и неодолимое стремление к цели — больше у меня ничего не было.

Каттея... И она встала перед моим мысленным взором, может быть, не совсем такой, как в жизни, но такой, какой я любил ее. Я собрал всю свою энергию, все силы и сосредоточился на этом ее образе. Я старался увидеть мою Каттею в середине яркого кольца. Кто я? И что могу? Сейчас я узнаю это!

Я плавно провел несколько раз над кольцом руками, негромко вымолвил три заветных слова и, затаив дыхание, стал ждать — что будет? Вот голубовато-зеленый круг сдвинулся с места, вот одна его сторона медленно поднялась вверх, а другая теперь опиралась о камень. Он стоял передо мной на ребре. Затем зеленовато-голубой обруч дрогнул и покатился в глубь каменного леса. И я отправился вслед за своим проводником.

Яркий обруч не спеша катился по окаменевшему лесу, и мне казалось, что мы с ним ходим по кругу среди безжизненных каменных стволов. Но я упрямо шел за ним, не желая отказываться от своей надежды во что бы то ни стало пройти через это заколдованное место. Когда приходилось идти навстречу солнцу, мне вдруг вспомнилось старинное поверье: если твоя тень у тебя за спиной, то сзади могут подкрасться злые силы. Но я отгонял эти мысли, не похоже было, чтобы в этом лесу обитало Зло. Просто эту каменную чащу воздвигли на пути у людей непосвященных, забредших сюда случайно или просто чужих. Его назначение запутать, отпугнуть, не пустить дальше. Наконец зеленый обруч вывел меня из каменной путаницы стволов на неровную каменистую площадку, сглаженную временем, дождем и ветрами. Здесь он, покачиваясь, замедлил свой бег, словно сила, катившая его, постепенно таяла.

Мой проводник прокатился еще немного, потом, покружившись на одном месте, окончательно улегся на землю и опять стал обычным жгутом из голубовато-зеленого шелка. Но если силы, к которым я обратился, откликнулись и послали мне проводника, значит Каттея действительно здесь проходила. И может быть, даже не так давно. Но зачем? И как она перебралась через эту бездну, к которой меня привел мой проводник?

Я поднял шелковый шарф сестры, сложил его и опять спрятал на своей груди. А потом побрел по краю расщелины. Может, думал я, здесь где-то есть спуск. Но нет, ничего похожего. Пришлось опять вернуться к тому месту, где упал зеленый круг.

И тут в косых лучах заходящего солнца я увидел на скале какие-то выбоины, словно раньше здесь стояло что-то очень тяжелое. Я посмотрел на другой край ущелья — там виднелась такая же площадка. Видно когда-то в этом месте через ущелье был перекинут мост. Я пощупал бедро — рана меня не тревожила. Интересно, что за расстояние между краями расщелины и можно ли через него перепрыгнуть? Да, на такой прыжок можно было решиться только с отчаяния. Но моя бесконечная тревога за сестру сделала меня безрассудным.

Я привязал свой меч к мешку с припасами, ухватился за лямку и, раскрутив его над головой, швырнул, как пращу, на другую сторону пропасти. Ударившись о камень, меч зазвенел, и я увидел, что мешок, перелетев через пропасть, упал на площадку, неподалеку от ее края. Сейчас очередь за башмаками. Я связал их ремнем и швырнул вслед за мешком. Теперь я стоял босиком. Это было даже приятно. За день солнце нагрело камень, и он отдавал это тепло мне. Я отошел далеко назад, почти к опушке каменного леса. Постоял там, собирая всю свою силу, мужество и решительность. Разбежался, оттолкнулся что было сил от каменного края и — прыгнул! Прыгнул, слабо надеясь на удачу.

Перелетев через пропасть, я, как и моя котомка, со всего размаху шмякнулся о камень, чуть не переломав себе кости. От боли перехватило дыхание, и я долго лежал не двигаясь, пока мысль о том, что я все-таки перебрался через бездну, не наполнила меня ликованием. И хотя все тело ныло, я поднялся, кое-как доковылял до башмаков, обулся, опять закинул за спину свой мешок и огляделся.

Те выбоины, которые я заметил на той площадке, здесь были еще более четкими. Борозды от них тянулись к высокому каменному выступу, словно совсем недавно здесь протащили что-то очень тяжелое. Я пошел вслед за бороздами, и они привели меня к спрятанным за скалой бревнам, которые были связаны ремнями. Мост не разрушили, его просто припрятали. Значит, кому-то он будет еще нужен. Может, для безопасности Зеленой Долины его лучше уничтожить? Но как? Оттащить назад и сбросить в пропасть? На это у меня не хватит сил. Поджечь? Но по дыму враги меня тут же найдут. Если сказать правду, не верилось мне, чтобы вся та нечисть, которая взяла нашу Долину в осаду, смогла бы пройти через каменный лес.

Когда-то я охранял границы Эсткарпа и теперь наметанным глазом разведчика приметил и другие следы, которые оставили те, кто здесь хозяйничал. Под скалами ветром намело немного земли, здесь даже росли карликовые деревца. И вот на земле я увидел следы копыт рентана, а на колючем кусте клок его шерсти. Обнаружив этот след, я пошел по нему через пустынный каменистый склон и вошел в лес. Деревья его были затейливо искривлены. Поначалу они были не выше меня, но постепенно становились все больше и больше, пока не превратились в мрачную чащу. Листьев на них было мало, но все равно солнцу в этот лес доступа не было.

С кривых ветвей повсюду свисали подушки мха. Местами он свешивался длинными лохматыми хвостами, а кое-где походил на дряхлый, превратившийся в лохмотья полог. Те, по чьему следу я шел, продираясь сквозь цепкие ветки, невольно стягивали его с деревьев, и теперь он грудами валялся на земле, распространяя в воздухе пряный запах.

Куда ни глянь — везде один мох. Он плотным ковром покрывал землю, мягко пружиня под ногами. Тут и там над его бархатом поднимались на тонких стеблях бледные, светящиеся цветы, которые при моем приближении начинали медленно колыхаться. Кое-где под деревьями тускло мерцали какие-то огни. И чем дальше я шел, тем глуше становилась чаща, тем ярче было их фосфорическое свечение. Издали они казались шестиконечной звездой, но стоило над ними наклониться, как свет их все тускнел, и они постепенно угасали, оставляя после себя только комок серой паутины.

Надвигалась ночь. Тропа в сумерках была едва различима. Но оставаться на ночь в таком жутком месте мне совсем не хотелось. До сих пор, правда, я не заметил здесь ни единого живого существа. Но тем не менее понимал, что в таком месте без сюрпризов не обойдется. Так или иначе, а ночлег нужно было найти и поскорей. Назад пути все равно нет. Я торопливо шагал вниз по склону, но странный лес становился все гуще. Я невольно прислушивался к каждому шороху. Подул ветер, он шевелил свисающие с веток гирлянды мха, чем-то зловеще шуршал. И казалось, я слышу чей-то невнятный шепот, чью-то непонятную речь, будто за мной крадутся, тихо переговариваясь, какие-то неведомые существа.

Наконец я увидел огромное дерево, все в гирляндах и ключьях мха, и решил устроить под ним привал. Пора было и поесть, глотнуть из флаги воды, отдохнуть. Ныли бесчисленные ушибы, ноги отказывались меня держать, я мечтал об отдыхе. Кроме того, в темноте так легко угодить в ловушку. А под этим большим деревом, привалившись спиной к его толстому стволу, я чувствовал себя в относительной безопасности. Ветер принес откуда-то едва уловимое благоухание. Это тоже успокаивало. Я достал припасы. Походный паек, который обычно брали в дорогу зеленые, хорошо поддерживал силы, так что ел я совсем мало. Но мой желудок упрямо требовал большего количества пищи. Давала о себе знать и привычка жевать, глотать. И хотя умом я понимал, что еды достаточно, скудный ужин оставлял чувство неудовлетворенности.

И вдруг на меня накатила такая усталость, с которой я не мог совладать. Она была сродни той, что свалила меня прямо на дороге после того, как я одолел лестницу. Заснуть здесь, в этом странном и чужом лесу — просто безумие... безумие... Я еще пытался сопротивляться, но волны сна накрыли меня. Они накатывали одна за другой, и вскоре я растворился в них полностью...

Но что это? Вода... Со всех сторон подступает и захлестывает вода. Вот она сомкнулась надо мной окончательно, я тону в реке, я потерял Орсию...

Охваченный ужасом, почти задохнувшийся, я проснулся. Было сухо, никакой воды, никакой реки. Но дышать невозможно. Я погрузился в сухие волны мха и почти утонул в них, он дошел уже почти до подбородка, а тот, что свесился с дерева, мягкой подушкой накрыл мне лицо. Я изо всех сил рванулся, чтобы освободиться из мягкого плена, сбросить с себя это лишающее жизни одеяло, но не смог пошевелить ни рукой, ни ногой. Меня словно связали. Мох мягкими путами приторочил меня к дереву, не давал от него оторваться. Неужто я и в самом деле утону в этой сухой трясине? Я снова попытался вырваться, и снова ничего не вышло.

Но, к своему удивлению, я вдруг почувствовал, что раскачивающийся надо мной мох больше не мешает мне дышать, а путы, которые не дают моим рукам и ногам двигаться, не останавливают бегущую по жилам кровь. Итак, я был пленником. А то, что моей жизни ничто не угрожало, служило довольно слабым утешением.

Я оставил бесполезную борьбу и, прижимаясь к стволу затылком, затих. Стало совсем темно. В этой темноте под деревьями еще ярче загорелись шестиконечные звезды. Как это я раньше не замечал, что они, оказывается, выстроились в два ряда, которые поворачивают налево и уходят вдаль, словно указывая кому-то путь. Кому? И куда?

Снова подул ветерок, и снова зашелестел, зашуршал, зашептал что-то мох. Кроме этого шепота, тишину не нарушал больше ни единый звук. Не было, как обычно бывает ночью, ни стрекотания кузнечика, ни пения цикад, ни кваканья лягушек, ни уханья сов. Только пугающее шуршание и шепот. Я стал осматривать опутавшие меня гирлянды мха. Оказывается, меня связали не те моховые космы, что росли из земли, а длинные, свисающие с ветвей полосы. В бледном свете лесных звезд я увидел, что сейчас их петли на ветках почему-то ослабели и могут обрушиться на меня сверху. Мне припомнилось, как салкарские моряки, вернувшись из южных стран, рассказывали об удивительных и страшных растениях, которые, подобно хищным зверям, нападают на человека и питаются его плотью и кровью.

Я еще раз попытался двинуться — путы вокруг раненой ноги стали слабей, я с облегчением почувствовал, что теперь могу изменить ее положение. Странно, подумал я, словно то, что держало меня здесь, под деревом, прочитало мои мысли, узнало, как я нуждаюсь в этом, и откликнулось на них.

Но разве могут растения читать мысли? А может, это и не растения? Нет, конечно, и мох, и деревья, и цветы — это растения. Наверное все дело в том, что они служат кому-то орудием. И связали меня по чьему-то велению. Да, наверное, так оно и есть. Надо проверить.

— Кто ты? — спросил я мысленно и направил эту мысль во мрак, где могло таиться какое-то существо, повелевающее и деревьями, и мхом.— Кто ты? И что хочешь со мной сделать?

Нельзя сказать, чтобы я очень уж рассчитывал на ответ. А мне никто и не ответил. Но во тьме я все-таки уловил н е ч т о. Это было чье-то присутствие. Было такое ощущение, словно своей мыслью я вдруг коснулся мыслей существа совершенно другого уровня. Так было и тогда, когда в пещере Орсия разговаривала с аспидом. Этот уровень совсем не такой, как у зеленых или даже кроганов, которые были все же другими, чем мы. Он был, если можно так выразиться, менее человеческим. Хотя в то же самое время чувствовалось, что это и не животное. Встревоженный этим, я теперь один за другим посылал во тьму мысленные призывы, все свое внимание сосредоточив только на них.

— Кто ты? Кто ты? Кто ты?

И в ответ опять мимолетное, едва уловимое касание, настолько краткое, что я даже не смог понять, на каком уровне оно произошло. На верхнем, на котором Орсия разговаривала с хозяином пещеры, или на нижнем, с которым я еще никогда не сталкивался.

В лесу стало светлее. Может, уже светает? Нет, это так ярко вспыхнули лесные звезды. Их нежный перламутровый свет, словно что-то обещал мне, успокаивал.

— Кто ты? — послал я свой зов на нижнем уровне, хотя никогда не делал этого раньше.

На этот раз контакт состоялся. Я не только четко ощутил чужой разум, но и удержал это соприкосновение. К сожалению, оно было не настолько длительным, чтобы мы успели обменяться хотя бы парой мыслей. Но зато я успел ощутить чувства существа, вызванные моим вопросом. Это было волнение. Оно смешилось недоумением, а потом и страхом. Страх, конечно, хуже всего, что я знаю. Он может подтолкнуть неведомое создание на какие-то опасные действия.

— Кто ты? — я снова поискал его на нижнем уровне, но на этот раз не нашел.

Лесные звезды теперь пылали, как горящие свечи. И хорошо, что их свет ничем не напоминал зловещие бледные огни, которые предвещают несчастье. Их свет не тревожил, не притягивал к себе, парализуя волю, он просто рассеивал лесной мрак. Стало так светло, словно в этот мшистый лес заглянуло хмурое утро.

В этом пасмурном свете я увидел, как по тропинке ко мне приближается какая-то фигурка — маленькая, сгорбленная, нелепая. Но она не вызывала таких чувств, как фасы,— ничего враждебного, ничего отталкивающего. Лесное создание подходило ко мне медленно и как-то робко, то и дело останавливаясь и поглядывая на меня издали. Страх... Когда оно задержалось меж двух лесных свечей, я, наконец, смог разглядеть его как следует. Оно было серым, как лесной мох, и с такими

же, как свисающий с веток мох, длинными волосами.

Корявыми, похожими на скрюченные ветки руками, оно раздвинуло свои свисающие мшистые волосы, чтобы получше разглядеть меня. И тогда в свете лесных свечей передо мной возникло маленькое личико с плоским носом и большими глазами, которые окаймляли кустики густых ресниц. Когда корявая ручка откинула серые космы назад, я понял, что передо мной женщина. Сквозь сетку из мха, которая, видимо, служила ей нарядом и была украшена бледными пахучими цветами, просвечивали обвислые груди и толстый живот.

В памяти сама собой всплыла картина из детства. Вечер, свеча, и нянька рассказывает сказку: «В глухих чащах живут моховухи. Они выходят на человечьи тропы, чтобы найти себе мужа среди людей». В старинных преданиях древней расы говорилось, что каждая из моховух стремится родить ребенка от человека. И если какой-нибудь мужчина соглашался на это, то в благодарность лесная жительница показывала ему, где зарыт клад.

Если верить этим преданиям, моховухи — добрые и робкие существа, страдающие от того, что вид их отпугивает людей, которым они желают только добра. Неужели именно мне предстоит узнать, так ли это?

Моховуха сделала навстречу еще один робкий шаг. Невозможно было понять, молода она или стара, добра или зла. Мы молча разглядывали друг друга. Потом я, спохватившись, снова попытался вступить с ней в мысленный контакт, и снова у меня ничего не вышло. Значит она отгородилась от меня барьером. Но не смотря ни на что, от нее веяло мягкостью, робким доброжелательством, смешанным с неуверенностью. Казалось, она сама опасается меня.

И я заговорил с ней, как обычно один человек разговаривает с другим, тем более, что давно уже убедился, что язык Эекора и язык древней расы Эсткарпа — один и тот же, несмотря на мелкие различия. Во всяком случае до сих пор меня везде хорошо понимали. Выражением лица, мимикой, жестами я старался внушить лесному созданию, что меня не надо бояться, что я сам ищу ее помощи.

— Я твой друг...— сказал я ей просто.— Понимаешь — друг. Я пришел с добром, а не со злом...

Моховуха пристально смотрела на меня, и я не стал отводить своего взгляда.

— Друг...— прошептала она, словно ветер прошелестел среди свисающих с веток моховых бород.— Друг...

Моховуха умолкла и долго стояла, не отрывая от меня взгляда. А потом, словно сняли, наконец, крепкие запоры и настежь распахнули двери — ко мне хлынули ее мысли.

— Кто ты, идущий по следу через мхи? Куда идешь? Откуда?

— Я — Кемок Трегарт, пришел из-за гор,— ответил я, но

тут же сообразил, что она не понимает, о чем я говорю, и добавил: — Из Зеленой Долины.

На этот раз моховуха поняла. Она что-то прошелестела — я не понял, что, но теплый поток успокоенности мягко коснулся меня и обрадовал. В ее шепоте-шелесте я различил древнее магическое слово, веками оберегавшее людей от злых сил,— ютаян.

— Ютаян...— повторил я вслед за моховухой, чтобы показать, что, вот, говорю это магическое слово и меня не поразит за это гром.

Моховуха подняла вверх ладони, они плавно заколыхались в такт движениям моховых гирлянд, которые раскачивал над нашими головами ветер. И сразу же моховые путы распались, отодвинулись от меня. Теперь я просто сидел в гнезде из мха.

— Пойдем! — прошелестела моховуха и поманила меня рукой.

Я поднялся, и она отшатнулась, должно быть, ее испугал мой рост. Закутавшись в свои серые волосы, как в плащ, она поплыла между двумя рядами пылающих лесных свечей. А я двинулся за ней. Лесные огни освещали нам дорогу, но в стороне от нее по-прежнему было темно. Значит, до рассвета еще далеко, подумал я. Мы шли, и лесные светильники отступали все дальше и дальше в стороны, тускнели. Боясь потерять свою провожатую, я ускорил шаг. Хотя моховуха была низенькой и коротконогой, шла она очень быстро, и я едва поспевал за ней.

Лес становился все гуще, а моховые пологи, свисающие с деревьев, все длинней и тяжелее. Местами они висели так плотно и были такими тяжелыми, что ветру было уже не под силу всколыхнуть их, стронуть с места. Совсем как стены, подумалось мне. Может, мы идем мимо чьих-то жилищ? И действительно, моховуха вдруг отодвинула один из пологов в сторону и жестом позвала меня за собой. Я вошел в просторный шатер из мха, посреди которого возвышалось огромное дерево. Ствол его был аккуратно очищен от коры и снизу доверху усажен горящими лесными звездами. Казалось, это пылает большой костер, свет от которого освещал весь шатер. На полу пружинил под ногами пушистый моховой ковер, на котором сидели — кто? Радушные хозяйки? Мои судьи? Спасительницы? Враги? Пока что я этого не знал. Все моховухи были очень похожи на мою провожатую, и я решил, что они сестры. Та, что восседала у светящегося ствола, жестом повелела мне сесть. Я скинул на пол свой походный мешок и опустился на моховой ковер.

Моховухи долго и молча рассматривали меня своими большими глазами. Потом та, что, видимо, была здесь главной, представила мне всех с той церемонностью, которая, как я заметил, была свойственна всем жителям дальних окраин Эскора.

— Фуузу,— прошелестела она,— Ферув, Фроно, Фингри, Фубби.

В шатер, как я понял, меня привела Фубби. Затем главная моховуха спросила:

— Кто ты?

— Кемок Трегарт,— ответил я коротко и добавил, как это было принято у нас в Эсткарпе: — Мир твоему дому, Фуузу, и твоим сестрам, и всему роду, и пажитям и стадам.

Может, моховухи и не все поняли, но добрый смысл пожелания был им ясен. По знаку Фуузу моховуха, сидевшая от нее справа, налила из каменного кувшина в деревянную чашу какой-то жидкости, коснулась ее губами, а затем передала мне.

Дагона предупреждала меня, что в незнакомом месте пить и есть очень опасно. Но разве мог я отказаться от чаши гостеприимства? Жидкость была горьковато-кислой. Радуясь про себя тому, что не нужно пить чашу до дна, я пролил несколько капель на пол, желая процветания этому дому и этой земле. Выполнив таким образом общепринятый в Эскоре обряд, я поставил чашу на колоду и обернулся к Фуузи.

— Зачем ты пришел в страну мхов, Кемок... Трегарт? — Имя мое звучало для нее непривычно и она чуточку запиналась, произнося его.— И куда ты держишь путь?

— Я ищу ту, которую у меня отняли, и след привел меня в этот лес,— отвечал я прямо.

— Здесь были те, что появились и ушли.

— Куда ушли? — спросил я с волнением.

— Этого мы не знаем,— покачала головой Фуузу.— Позади себя они оставили колдовскую завесу. Никто не сможет поднять ее, чтоб последовать за ними.

Я впервые слышал про колдовскую завесу и не знал, что это такое.

— А девушка с ними была? — спросил я Фуузу с надеждой.

Фуузу перевела взгляд на Фубби:

— Пусть она скажет, это она их видела.

— Да, девушка была,— послушно ответила Фубби,— и еще один из Великих.

— Один из Великих? — удивился я и подумал: неужели Каттею увел не Динзиль, а кто-нибудь из врагов?

— Я сразу поняла, что девушка из Светлых,— между тем продолжала моховуха.— Но ее окружали только Темные. Они пронеслись здесь, как буря, и сразу же вслед за ними опустилась колдовская завеса...

— Но в какую сторону они поехали? — в нетерпении перебил я бедную Фубби.

И Динзиль опасен, лихорадочно соображал я, но если Каттею пленили Темные, дорога каждая минута. Теперь моим врагом становилось даже время.

— Показать-то я могу,— вздохнула моховуха,— да ты не сможешь пойти за ними.

Но я не поверил ей. До сих пор мне все удавалось, и потому

я был до смешного самоуверен. А слова «колдовская завеса» были для меня пустым звуком.

— Он должен убедиться в этом сам,— сказала Фуузу,— покажи ему!

Я распрощался с моховухами и вышел из шатра. Свечи погасли, и больше не озаряли наш путь. Было темно. Но Фубби вела меня куда-то, взяв за руку, как ребенка. Ладонь у нее была теплая, сухая и шероховатая, словно древесная кора. Без нее я, конечно, заблудился бы. Мы шли, словно слепец с поводырем. Но вот забрезжил рассвет. Да и лес поредел. Как бы то ни было, а идти стало легче. Пошел дождь, но мох впитывал влагу, как губка. На оголенных участках земли я увидел отпечатки копыт рентана. Это значило, что я опять вышел на след похитителей Каттеи.

Но вот лес кончился. Мы с Фубби теперь шли по следу сквозь густой и колючий кустарник. И когда наступило утро, он привел нас к очень странной, совершенно отвесной и черной скале, которую наискосок пересекала широкая красная жила. И самое удивительное было в том, что след похитителей Каттеи уходил прямо в черный камень, хотя не только входа в скалу, но даже маленькой трещины не было видно на ее гладкой поверхности. Каменная стена была сплошной.

Я стал колотить по ней кулаками, пробовал даже толкнуть, но она оставалась такой же неподвижной и твердой, войти в нее было невозможно. Вопреки разуму следы, которые уже начинал стирать дождь, уходили прямо в этот неподатливый камень. Я оглянулся на Фубби и увидел, что она смирно стоит сзади, закутавшись в плащ из собственных волос, а дождевые капли одна за другой стекают вниз по ее длинным серым прядям. Из них выглядывало только ее маленькое плоское личико. Фубби терпеливо наблюдала за моими бесплодными попытками сладить с неприступной скалой, но в ее больших глазах я прочитал добродушную усмешку.

— Они проехали сквозь скалу? — спросил я, надеясь, что моховуха возразит.

Но она, словно лесное эхо, повторила:

— Проехали сквозь скалу...

Но где же они теперь?

— Кто знает. Эта скала — колдовская завеса. Лучше спроси у Лоскиты — она что-нибудь да подскажет.

— У Лоскиты? А кто это?

— Лоскита из Каменного Сада, Читающая-Судьбу-По-Песку. Если она прочтет про тебя и ту, которую ты ищешь, то ты все узнаешь.

Фубби, высвободив из-под необычного плаща корявую ручку, указала на восток:

— Ищи ее там.

И, повернувшись, так проворно засеменила прочь, что я не успел ее остановить. Моховуха нырнула в заросли — только я ее и видел. А я, в растерянности, остался стоять под проливным

дождем, который старательно смывал следы проехавших сквозь черную стену. Куда же мне теперь идти? Я глянул на корявый мокрый лес, и все во мне воспротивилось возвращению назад. Фубби права, надо идти на восток, туда, где в каком-то Каменном Саду над песком сидит неведомая мне Лоскита. Я озяб и вымок, но ничего не поделаешь. И я зашагал вдоль черно-красной скалы, а потом обогнул ее острый выступ.

Здесь не было ни деревьев, ни кустарника, только необычные растения с мясистыми желтыми листьями, собранными в пучок на конце толстой и колючей ножки. Об эти колючки я больно оцарапался, когда упал, поскользнувшись на размякшей от дождя земле. Некоторые из этих растений даже цвели, если, конечно, то, что я видел, можно назвать цветами. Из пучка листьев поднимался стебель с гроздьями мелких закрытых соцветий. И под ними, и под мясистыми листьями копошились какие-то омерзительные насекомые.

Мне не хотелось прикасаться ни к цветам, ни к листьям, и, чтобы обойти их, я все время петлял. Но они росли все гуще, поднимались все выше и выше, пока не стали вровень со мной. С неба спустилась крылатая ящерица со змеиной шеей и тускло-коричневыми перьями на спине. Она уцепилась лапками за стебель и, повиснув вниз головой, стала жадно хватать этих насекомых. Чтобы схватить новую жертву, крылатая рептилия всякий раз выбрасывала вперед свою узкую змеиную головку. На миг она замерла, и черные бусинки ее глаз с любопытством остановились на мне.

Крылатая ящерка понравилась мне еще меньше, чем все, что я здесь видел. Это был мир, чуждый человеку. Здесь от всего исходило то же самое предостережение, которое я уловил еще в каменном лесу. Нет, это место не было заколдованным. Просто оно было не для человека. Не предназначено ему. И потому людям тут было плохо.

По склону бежали мутные дождевые потоки. Я вдруг заметил, что странные растения тянутся к ним жадными усиками, а дотянувшись, погружают их в воду и начинают ее сосать. А, насытившись, опять поднимаются вверх. Видно было, что при этом они набухают, становятся толще, словно запасаются влагой впрок.

Мне давно уже хотелось есть, но останавливаться в таком месте нечего было и думать. Я пошел быстрей, чтоб уйти отсюда, и неожиданно вышел на открытое пространство. Как и весь здешний мир, оно тоже было странным. Казалось, землю острым ножом разрезали надвое. Здесь, с моей стороны, лес, кустарник, хоть и противные, но цветы. Там, в двух шагах от меня, только ровный голый песок. Здесь дождевые ручьи прочертили на земле множество канавок, а там все сухо, на безжизненном песке ни единой капли. Словно невидимая стена разделила эти земли. Я даже протянул руку, чтобы пощупать ее, но ладонь моя не встретила преграды. В раздумье смотрел я на эти две такие разные земли, лежащие сейчас передо мной.

Слева нависла черно-красная скала. Справа тянулась сложенная из нетесанных камней стена. А между ними лежала песчаная пустыня, к которой дождь не смел подступиться.

На подступах к Торовым топям в моем родном Эсткарпе были зыбучие пески. Только ступи на них — и они тут же тихо поглотят тебя, и никто не спасет. А что если и здесь так же? Я поднял камешек побольше и бросил его на песок. Он так и остался лежать на нем. Но, может, камень недостаточно тяжел? Я швырнул меч в ножнах, но он тоже как упал на песок, так и остался лежать на нем. Удивляло и то, что песок казался тонким и мягким, а отпечатков на нем не оставалось никаких. Словно и камень, и меч упали на каменную поверхность. Я стал на колени, вытянул руку и потрогал песок. Он и вправду оказался мягким и мелким, как пыль. Но сколько я ни надавливал на него ладонью, мне так и не удалось оставить на нем хоть какой-нибудь след. Значит идти по песку можно без опаски. Но кто и зачем воздвиг здесь эту каменную стену? Может, владения Лоскиты где-то здесь?

Я шагнул вперед, поднял меч и пошел дальше. Стояла такая сушь, словно над этой песчаной пустыней никогда не выпало ни единой капли дождя. Я шагал по каменно-твердому песку, и вскоре мне стало ясно, что и черно-красная скала, и стена параллельно друг другу поворачивают и уходят дальше на север. Стена эта была сложена из разных по величине камней. Внизу лежали огромные необработанные валуны, потом шли камни помельче, а наверху их сменяли камешки совсем маленькие. Но все они настолько плотно были подогнаны друг к другу, что между ними нельзя было просунуть и лезвия ножа.

За поворотом лежала круглая песчаная долина. Стена старательно огибала ее, чтобы затем сомкнуться с черно-красной скалой. Я заглянул вниз, в долину. Песок на ее дне казался голубоватым. А на нем лежали беспорядочно разбросанные каменные глыбы. Песок окружал их причудливыми волнообразными складками.

И вдруг у меня возникло необъяснимое ощущение, словно внизу подо мной были не камни и не песок, а огромный океан, омывающий горные утесы и острова. И я парил над ним, словно дух облаков, и с небесной вышины взирал на горные вершины, высящиеся над туманной бездной океана.

У моих ног лежал целый мир, и я, как исполин, шагая с одного острова на другой, мог в два счета перебраться через морскую бездну. Горы были для меня не больше брошенных в ручей камней. Я был огромней и сильней целого мира...

— Сознаешь ли ты свое величие, человек? Посмотри и ответь.

Я окинул взглядом мир подо мной — с его океаном, горами и островами. Да! Да! Конечно! Я мог пинком опрокинуть целую гору. Мог схватить кусок суши и зашвырнуть его на другое место.

Разрушить ты можешь, человек. Теперь ответь: что можешь ты создать?

Я перевел взгляд на свои руки. Пальцы левой действовали свободно — сжимались, разжимались. Но искалеченная правая... Нет, я не Великий, чтобы перекраивать мир, как мне захочется. Я всего лишь человек, обыкновенный человек, какой-то там Кемок Трегарт. Наваждение исчезло. Усилием воли я отогнал безумие. И снова увидел внизу только голубоватый песок да камни.

— Значит, ты не всесилен? — спросил насмешливо голос ниоткуда.

— Нет, не всесилен...

Мне было горько, я был уязвлен.

— Запомни же это, человек. А теперь скажи, зачем ты потревожил меня?

Вокруг по-прежнему не было ни души. И все-таки я был здесь не один.

— Ты... Ты Лоскита? — спросил я пустоту.

— Лоскита? Да, пожалуй. Со временем от друзей и от недругов получаешь множество имен. Но раз ты назвал это, значит, тебя прислали моховухи. Зачем?

— Фубби сказала, ты можешь помочь.

— Тебе? Зачем? Какое мне до тебя дело? Разве ты мне родня? Кто твои отец и мать?

— Мой отец — Саймон Трегарт, Хранитель Границ Эсткарпа. Мать — Джелита, Колдунья.

— Сын воина и колдуньи, ты не моего рода! Почему же ты просишь моей помощи? Ты что, связан со мной договором, человек из Эсткарпа?

— Нет.

Я то и дело озирался по сторонам, в надежде увидеть, наконец, невидимку, которая говорила со мной. Почему я должен стоять здесь и отвечать неизвестно чьему голосу? Во мне нарастало раздражение.

— Значит мы с тобой не связаны ни родством, ни договором. Но, может, ты торговец? Может, ты принес мне сокровище и теперь хочешь за него плату?

Только врожденное упрямство заставляло меня несмотря ни на что продолжать этот нелепый разговор.

— Нет, я не торговец, и сокровищ не принес.

— Значит, ты просто возомнил себя титаном, повелителем миров,— насмешничал голос.— Но постой! Что-то давно никто не спрашивал у меня совета. Я и не помню, когда это было в последний раз. Уж не совета ли ты ждешь от меня, человек? Совет я дать могу. Так и быть — ступай вниз. Только смотри не наступи на морскую гладь. А то как бы это море не оказалось больше, чем ты думаешь. А ты меньше, чем о себе воображаешь.

Поодаль я увидел на крутом склоне ведущие вниз ступеньки. А на дне долины, как раз под каменной стеной, вилась желтая тропинка, по которой можно было пройти, не наступив на голубое

пространство. Я спустился вниз, и тропинка привела меня к пещере, пройти в которую можно было через трещину в скале. Но вместе с тем это была вовсе и не пещера. Высоко над головой здесь голубело небо. Тут я увидел Лоскиту.

Наверное у нее с моховухами какие-нибудь древние предки были общими. Она была такой же, как и они маленькой и сморщенной. Волос, правда, у Лоскиты было мало, и она стягивала их на макушке кольцом из блестящего зеленого камня. Браслеты из такого же камня украшали ее костлявые запястья и болтались на лодыжках. Свободное одеяние без рукавов, бывшее на Лоските, казалось усыпанным голубым песком.

На первый взгляд Лоскита показалась мне очень старой и немощной. Но когда мой взгляд встретился с ее живыми глазами, я понял, что ошибаюсь. Они были такими же зелеными и сверкающими, как зеленые камни, которые она носила, а взгляд таким живым и острым, что поневоле вспоминался ястреб. Я понял, что ни один самый зоркий человек не в силах сравниться с Лоскитой.

Она сидела на камне, а перед ней была небольшая выемка с голубым песком на дне — точь-в-точь долина, на которую я смотрел сверху.

— Ну, здравствуй, человек,— ее зеленые глаза сощурились.

— Меня зовут Кемок Трегарт,— уточнил я. Уж очень унизительно звучало это ее — человек.

— Кемок Трегарт? — ее маленькое сосхшееся тело сотрясалось от смеха.

И вдруг, к моему удивлению, она лихо вскинула костлявую руку к голове, изображая жест, которым воины Эсткарпа приветствовали друг друга.

— Кемок Трегарт,— повторила Лоскита,— идущий навстречу опасности, как настоящий герой. Только похоже, Кемок Трегарт, не в добрый час тронулся ты в путь.

— Почему?

— Да потому что вскоре встанешь перед выбором. И если ошибешься, все превратится в ничто — и твои желания, и то, чем ты был, и то, чем еще должен был стать.

— Ты говоришь слишком темно, госпожа...— начал было я.

Но она меня перебила:

— Госпожа-а-а...— Передразнила меня Лоскита, пронзая насквозь своим ястребиным взглядом.— Я — Лоскита, уж коль ты назвал меня этим именем. И никакие другие титулы мне не нужны. Не забывайся, сын воина и колдуньи.

— Прости, я не хотел тебя обидеть.

— Что ж, невежество можно простить,— сказала она с той надменностью, с какой Колдуньи Эсткарпа обращались к мужчинам.— Ты хочешь узнать свое будущее? Стоило ради этого пускаться в такой путь! У всех людей один и тот же конец.

— Я ищу сестру,— сказал я.— Но след привел меня к черной скале. Фубби сказала, что это колдовская завеса.

— Колдовская завеса? — Лоскита, сощурившись, принялась

вертеть зеленые браслеты.— Что ж, сейчас узнаем, кто это из Великих или их прислужников посмел сунуть нос в мои владения.

Она протянула руки над выемкой и стала обмахивать ладонями дно с голубым песком. Песчинки вздымались вверх фонтаном и, покружившись, опять опускались на дно. Но теперь они ложились неровно, складываясь в настоящую картину. Вот на ней возникла башня. Такая же, как сторожевые башни Эсткарпа, только без бойниц.

— Ага...— удовлетворенно кивнула Лоскита,— Черная Башня. Время бежит, и маленький человек натянул слишком большие сапоги.

Внезапно она наклонилась над выемкой, словно в картине, которая перед ней открылась, ее что-то поразило. И меня охватила безотчетная тревога. Лоскита вновь протянула ладони над голубым песком, песок снова взметнулся вверх и, покружившись, опал. На этот раз на дне был один из гербов древней расы. Но, приглядевшись внимательней, я понял, что это магический знак. Не отрывая от него взгляда, Лоскита повторила переплетение его линий, водя пальцем по воздуху.

— Твоя сестра — колдунья? — спросила она коротко, не поднимая глаз.

— Она обучалась колдовству в Эсткарпе в Обители Мудрейших, у Владычиц, но так и не дала клятву и не получила Колдовской Камень. Но все же, я думаю, она обладает Даром...

— И гораздо большим, чем ты думаешь, Кемок Трегарт. Слушай меня внимательно. Это было давным-давно. Могущественные силы, обитавшие на этой древней земле, дремали в бездействии. Но здесь жили те, кто жаждал власти и хотел добиться ее с помощью этих сил. Есть люди, которые рождаются с этой жаждой. Она для них — главное в жизни. И чтоб добиться ее, они готовы на все. Если только что-то может приблизить их к этой цели, они обязательно воспользуются случаем. В те далекие времена многие попытались достичь своей цели с помощью магического Знания, и им это удалось. Это из-за них войны стали раздирать эту землю. Это они перенесли свою судьбу в такие сферы, о которых и помыслить кощунство. В конце концов Великие ушли. Но до сих пор рождаются люди с жаждой власти. Их мучает желание походить на Великих. Они знают очень мало и овладели всего лишь случайными и разрозненными обрывками древнего Знания. Но эти гордецы упрямо пытаются соединить эти обрывки, заполнить в них пробелы только для того, чтобы добиться своего. Здесь в горах живет именно такой человек...

— Динзиль! — не помня себя, воскликнул я.

— Но если ты знал, зачем пришел ко мне?

— Я не знал. Я только все время чувствовал, что он...

— Отторгся от человеческого рода? — подхватила Лоскита.— Значит, ты уловил его тайную суть. Но, Кемок Трегарт, ты ведь не Колдунья из Эсткарпа. Кем бы ты ни был сейчас и кем бы

ни стал в будущем, ты — не твоя сестра. А Динзилю она очень нужна. Для него она — средство достичь той цели, к которой он так жадно стремится. Она не давала клятву — и значит открыта его влиянию. В то же время она очень много знает, и через нее он добьется...

— Она никогда не согласится на это! — горячо перебил я Лоскиту.

Я и мысли не допускал о том, что Каттея может заключить союз с тем, кто так опасно играет с темными силами, которые вырвались на волю.

— Динзиль обойдется и без ее согласия. Если она не захочет помогать ему по своей воле, он все равно использует ее как ключ. Кемок Трегарт, твоя сестра находится в самом центре тайного мира Динзиля. Она — в Черной Башне.

— Я пойду за ней туда.

— Но как? — спросила Лоскита.— Ты же видел колдовскую завесу.

— Но Фубби сказала мне...

— Фубби! — всплеснула руками прорицательница.— Пойми, я — Лоскита! И делаю только то, что умею: читаю будущее и предлагаю его на выбор.

— На выбор? — растерянно переспросил я.

— Ну да, на выбор. Понимаешь, Кемок Трегарт, любая жизнь содержит в себе очень много всяких «если». Пойдешь налево, встретишь нищего, бросишь ему монетку, а он потихоньку пойдет за тобой следом и воткнет нож в спину, чтобы поживиться всем кошельком. А пойдешь направо — и проживешь еще долго-долго. Мы, конечно, сами выбираем свое будущее, но делаем это вслепую, не ведая, к чему же в конце концов приведет нас шаг, который мы сегодня сделали и который кажется ничего не значащим.

— Но если ты можешь увидеть будущее, прошу тебя только об одном. Покажи мне дорогу к Черной Башне.

Я сомневался, под силу ли это Лоските.

— Откуда мне знать, есть ли в твоем будущем Черная Башня? Но хочу предостеречь. Стоит тебе узнать о своем будущем, и, может статься, от твоей решимости не останется и следа.

В это я никак не мог поверить.

— Я пойду за Каттеей, чего бы мне это ни стоило! — твердо воскликнул я.

— Ну что ж, что бы ни случилось, вини только себя.

С этими словами Лоскита схватила меня за руки и так резко дернула к себе, что я невольно упал на колени перед углублением с голубым песком. Цепко ухватив мои запястья прорицательница стала водить над ним моими руками. И все повторилось. Взметнулись вверх голубые фонтаны, повисло над донышком голубое облако. И когда оно осело, я увидел — нет, не плоскую картину, какую рассматривал на дне выемки раньше, сидя рядом с Лоскитой. Теперь сверху, откуда-то из-под облаков,

я смотрел на лежащую далеко внизу землю. Там стоял я, и передо мной возвышалась угрюмая Черная Башня, в стенах которой не было ни единого окна. Когда я подошел к ней ближе, стена, вытянувшись каменным языком, вобрала меня в себя. Потом я увидел перед собой Каттею, обрадовался, бросился к ней, взял за руку, чтобы увести ее с собой. Но рядом мелькнула какая-то зловещая тень. Каттея гневно вырвалась от меня. И оттуда, сверху, я увидел на своем лице ужас. Увидел и услышал, как страшно вскрикнув, я своей рукой убиваю сестру, чтобы не дать ей соединиться с черной тенью.

Мой крик еще звучал у меня в ушах, а картина уже замутилась, песок снова взметнулся вверх, и я увидел, как еду на рентане рядом с Кайланом, а чуть позади отряд наших воинов-эсткарпцев. Но что это? Навстречу нам несется враг. Не та нечисть, с которой мы сражались в прошлый раз. На нас летели призрачные всадники, и среди них скакала Каттея. Глаза Колдуньи сверкали, а поднятые кверху руки насылали на нас черные молнии. Это была сама смерть. Размахивая мечом, я рванулся к Каттее и метнул в нее, как копье, свой меч. На моих глазах он рассек голову сестры, хлынула кровь, она упала, и бешеные всадники затоптали ее копытами боевых рентанов.

И в последний раз взметнулся и опал на дно голубой песок. Я опять стоял перед Черной Башней. Ко мне навстречу бежала сестра. Я знал, что она убегает от врагов. Но тут меня окутало черное облако. И я рубил мечом этот мрак, словно сражаясь с кем-то невидимым. И когда Каттея бросилась мне на грудь, ища у меня защиты, я в третий раз убил ее мечом. И тогда мрак рассеялся, и я увидел, что наделал.

Лоскита выпустила мои руки из своих.

— Три выбора,— сказала она,— но конец один и тот же. Теперь ты знаешь, что должно случиться, но не знаешь, какое решение к этому приведет. Будущее зависит от очень многих событий.

— Значит, судьба Каттеи была решена не тогда, когда я поднял на нее меч, а гораздо раньше. Тогда, когда я совершал или, напротив, не совершал какие-то действия, поступки. И от них зависело, все, что случилось потом?

— Да.

— Значит, если я сумею поступить или не поступить каким-то определенным образом, что-то сделать или не сделать, то Каттея не... не...

— Не погибнет от твоей руки? Да!

— Но скажи! Скажи, что мне делать? — теперь уже я схватил ее за руки, но гладкие зеленые браслеты сами собой выскользнули из моих ладоней.

— Этого я не могу. То, что было можно, я уже показала.

— Но ведь есть еще и другое будущее? То, в котором все хорошо. Ведь возможностей не три — их гораздо больше!

— Кемок Трегарт, у тебя будет выбор. И если ты выберешь верно, тогда, может быть, судьба будет к тебе милостива. Но

только один или двое смогли избежать той участи, которую я им показала.

— А если совсем ничего не делать?

— Лучше убей себя тем самым мечом, который грозит сестре смертью. Но разве это выход? Посуди сам. Теперь, принимая решения, ты будешь понимать, какое из них верное, а какое — нет.

— Я знаю, что делать. Я не буду искать Черную Башню. Я останусь здесь, в этих пустынных местах...

— Это и будет твоим решением, Кемок Трегарт,— сказала Лоскита,— в результате каждого нашего решения приходит то или иное будущее. Ты останешься здесь. Хорошо. Но как знать, к чему это приведет. Не кончится ли это тем, чего ты так боишься. Но я устала от тебя, Кемок. Мне больше нечего тебе ни сказать, ни показать.

Лоскита хлопнула в ладоши. И звук этот долго еще отдавался у меня в ушах, словно летящее в горах эхо. Когда оно умолкло, я оглянулся и увидел, что стою на горном склоне, как раз над черно-красной скалой... Надвигалась ночь, дул пронизывающий ветер и по-прежнему лил дождь. Мне было холодно, очень хотелось есть. Я был взволнован и, не зная, что и думать, побрел наугад, вышел к какому-то углублению в скале или маленькой пещере и почти скатился туда, потому что ноги меня больше не держали.

Уж не уснул ли я? И была ли вообще Лоскита? Что означали ее картины прорицания? Наши решения... Из них сплетается судьба. Если три картины, которые показала мне Лоскита, и вправду три варианта моего будущего, то что мне делать, чтобы победить судьбу, как добиться другого будущего, не похожего на эти?

Я развязал мешок с едой, достал сухую маленькую лепешку и, не торопясь, съел ее, чтоб унять сосущее чувство голода. Сам же продолжал думать о решениях, которые мы принимаем. Вот я принял решение переночевать именно здесь, принял решение поесть. К какому исходу приближает меня каждое из них? Уж не к тому ли, что показала Лоскита? Печальный конец был дважды связан с Черной Башней и один раз с Долиной. А если держаться подальше и от Башни, и от Долины? Может ли это как-то изменить то ужасное будущее, что ждет меня впереди? Кто знает, где стоит эта Черная Башня! А вдруг я случайно набреду на нее в горах? В Долину я в любом случае не собирался возвращаться. Это было единственное решение, которое на вызывало у меня сомнений. Но остальные... Каждая мелочь, со страхом думал я, может самым решительным образом повлиять на мою судьбу.

Я обхватил колени руками и спрятал в них лицо. Неужели Лоскита сказала правду, и я могу спасти Каттею, только обратив свой меч против себя? В двух картинах будущего, которые я увидел на голубом песке, Каттея выступала на стороне Зла. В Долине она огненной молнией сеяла в наших рядах

смерть, а в Черной Башне отрекалась от меня, чтобы соединиться со Злом. В третьей картине Каттея бежала ко мне за помощью, но уже не она, а я был околдован. Значит в двух случаях из трех она принадлежала к Темным, и я не мог больше считать ее своей сестрой, а чтобы спасти ее, надо было забыть обо всем, что было для меня в ней дорого.

Лоскита сказала, что все-таки есть или были счастливцы, которым удалось изменить предназначение судьбы. Но если не знаешь, какое решение считать верным...

Обняв руками колени и уткнувшись в них лицом, я раскачивался, как от сильной боли. Безысходные мысли совсем измучили меня. А что, пришла мне в голову нелепица, если Лоскита — еще одна колдовская завеса Динзиля? Еще одна его защита, которую он выставил, чтобы замести следы? В Эсткарпе мне не раз доводилось видеть наваждения, которые насылали Колдуньи. Я и сам бывал обманут ими. И если Лоскита — просто наваждение, то ее прорицания — самый обыкновенный обман. Но как узнать это?

Голова раскалывалась от этих мыслей. В пещеру угрюмо заглядывали дождь и мрак. Я привалился спиной к стене. Спать... Надо уснуть... Вот и еще одно решение. А оно к чему приведет? Все равно — спать... спать...

Мне снился жуткий сон, и я проснулся в холодном поту. Но когда опять уснул, мне приснились новые кошмары. Может, их породило мое собственное воображение. А может, они были вызваны колдовскими силами, которые обитали в этих местах. Утром я проснулся с больной головой, так и не зная, какое решение принять. Остаться здесь и до конца дней жить отшельником? Или же назло всему и всем попробовать все же сразиться с судьбой, которую предсказала Лоскита? И пусть защитой мне будет вера в правоту собственного дела. Какой из этих двух путей выбрать?

Мысли мои в это неприветливое хмурое утро текли вяло. Если в Эскоре, думал я, есть злые силы, значит должны быть и добрые? Но можно ли их вызвать? В Эсткарпе воины в трудную минуту призывали какие-то имена, но делали это, скорее, по привычке. На самом деле они и не думали ждать от этих сил помощи, а рассчитывали только на себя да на Колдуний. То, что я хорошо владел мечом и был опытным воином, сейчас ничего не значило... Да, силу, с которой я хочу сразиться, мечом не одолеть. Так с чем же я собираюсь против нее выступить? На что рассчитываю? На крупицы древней мудрости, которые случайно попались мне на глаза в пергаментах Лормта? Они были так изъедены временем, что на них и полагаться-то не стоило. Я вздохнул, передо мной неотступно стояли картины, которые я увидел на голубом песке — мой меч рубит Каттею!

Дождь, наконец, кончился, но все равно не распогодилось, и солнце в это утро не зажгло горы яркими красками. По небу

ползли тяжелые, низкие тучи. Все казалось безжизненным, застывшим. Всюду были жалкие, скрюченные и бледные растения. А посреди них поднимались из земли каменные глыбы, на которых проступали страшные видения — то чье-то зверское лицо, то злобная гримаса, то грозно растопыренная когтистая лапа, то клыкастая пасть. Они мгновенно возникали на каменной поверхности и так же мгновенно таяли. Я и отводил глаза, и закрывал их, только бы не видеть мрачных серых камней, не натыкаться взглядом на эти видения. Я гнал их от себя, а думал все о том же: как найти выход? Но мысли мои были смутными, беспорядочными, они надоедливо толклись в мозгу, всюду натыкаясь на преграды. И мне казалось, что это я сам мечусь в тесной клетке, налетая на железные прутья.

Откуда-то послышался не то стон, не то плач — как в каменном лесу, где я нашел шарф Каттеи. Я сунул руку в вырез рубашки и нащупал на груди тонкий шелк. Да, Каттея... сестра... трижды погибающая и всякий раз от моей руки — руки брата. Так можно ли верить тому, что показала Лоскита? Или, как нашептывало мне зудящее подозрение, это еще одна уловка врага?

Я запил свой скудный завтрак водой из фляги. Воды в ней оставалось совсем немного. Без еды можно долго протянуть, но без воды не проживешь и нескольких дней. Хватит ли у меня мужества оставаться здесь, пока не придет смерть?

Нет, бездействие — путь не для меня, даже если в нем и заключается высшая мудрость жизни. Я из рода Трегартов. А они всегда шли навстречу опасности. Мои мать и отец были людьми действия. Я решительно выбрался из пещеры и огляделся по сторонам. Мне припомнилась картина, которую мне показала прорицательница на голубом песке. Я хорошо запомнил то место, где была Черная Башня. Но здесь все было другим. Где-то неподалеку, услышал я, журчала вода. Очень хотелось пить, но опять вспомнилось предостережение Дагоны: в тех местах, где обитает Зло, питье и еда таят опасность. А если попробовать смешать воду с той, что осталась во фляге? Может, тогда риск уменьшится? Опять решение...

Угрожающие видения, которые возникали на поверхности скал, стали ярче, страшней, отчетливей. Это, конечно, были наваждения, и я старался не смотреть на них, чтобы они меня не заморочили. От завываний ветра на душе становилось тяжело. В его звуках я различал вопли ужаса, чьи-то стоны, жалобы, просьбы о помощи. Иногда мне казалось, что я слышу знакомые голоса. И потому все время приходилось напоминать себе, что это всего лишь ветер среди скал. Старое поверье салкаров говорило, что если воин в шуме битвы вдруг услышал свое имя, значит его призывает смерть. Я невольно стал прислушиваться к ветру — вдруг в его завываниях я различу протяжное «Ке-е-ем-о-ок... Ке-е-мо-о-ок...»

Некоторые из воинов с окраин Эсткарпа, где люди все еще придерживались старинных обычаев, носили талисманы.

Айдан, который был оттуда родом, показал мне однажды камешек с круглым отверстием. Считалось, что такой талисман, в особенности, если его дала любимая, надежно защищает воина от беды. Айдан... Давно я не вспоминал о нем. Жив ли он? Уцелел ли в ожесточенных схватках пограничной войны? Вернулся ли к той, что дала ему талисман?

Узкая лощина, по которой я шел, свернула в сторону, и привела меня к неширокой долине. Края ее поросли травами и кустарником, а на дне бежала та самая неглубокая речка, журчание которой я слышал, пока его не заглушил ветер. Я взглянул на ее берега и тут же, почуяв опасность, метнулся за ближайший валун. Внезапно вой ветра был заглушен звоном мечей, гневными криками жаркой схватки. Оказывается, трое кроганов, среди которых, как я успел заметить, была и женщина, видимо, попали в засаду. Здесь, на мелководье, на них напали воины в кольчугах и черных плащах. И пока звенели мечи, чуть выше по течению реки несколько фасов торопливо катили к воде камни, забрасывали узкое русло землей, чтобы отрезать кроганам путь к отступлению. Но с водяными жителями не так-то легко было справиться. Им помогали какие-то лохматые существа. Схватка становилась все ожесточенней, вверх взлетали сверкающие брызги.

Я видел, как у одного из кроганов черный воин выбил из рук пику, повалил его наземь и резким движением занес над ним меч. Кроганам пришлось туго. Видно, у врага все было подготовлено заранее, потому что из-за речного поворота на помощь воинам в черных плащах уже бежало подкрепление. Кто это, понять было трудно. На них были длинные балахоны с капюшонами, которые скрывали их полностью. Но в руках они держали посохи, из которых короткими вспышками вылетал огонь. Это напомнило мне боевые кнуты зеленых. Но вот все утихло. Кроганы неподвижно лежали в воде, а река стала красной от крови.

Один из черных наклонился над каким-то кроганом и, ухватив его за волосы, выволок на берег и повернул к себе лицом. Я ахнул. Это была Орсия! Те, в балахонах, стояли поодаль и как будто чего-то ждали. Потом, обменявшись с черными воинами им одним понятными жестами, исчезли в кустах. На смену им с гортанными криками прибежали фасы, которые уже успели запрудить речку. Они с такой жестокостью набросились на неподвижные тела, что я поспешил отвернуться. Может, кто-нибудь из кроганов или их мохнатых защитников был еще жив, но фасы позаботились о том, чтобы они никогда больше не смогли подняться.

Потом они подошли к черным, которые окружили Орсию. Какой-то фас, видимо, их главный, уже потянулся к ней своими мерзкими лапами, чтобы утащить ее с собой и отдать на растерзание всей своей своре. Но воин в черном плаще оттолкнул его и даже замахнулся на него мечом. Фас обиженно заскулил, но и не подумал отступить. Тогда меч просвистел у самого

его носа, и наглец был вынужден отскочить в сторону. Он зафыркал, заскулил, заскрежетал зубами. Потом отбежал подальше, остановился и, размахивая корявыми лапами, принялся ругаться так, что слюна брызгала ему на грудь и торчащий яйцом живот.

Воины с мечами вначале презрительно смотрели на фасов, потом двое из них с угрожающим видом двинулись на подземных коротышек. Те сразу забегали, засуетились, подхватили тела рогганов, лежащие в красной от крови воде, и побежали со своей страшной ношей вверх по течению реки. Самый главный из фасов на бегу оборачивался и, колотя себя в грудь широкими лапами, пронзительно верещал.

Черный воин поднял лежащую без памяти Орсию и взвалил ее на плечо. Моя рука легла на рукоять меча, опираясь на валун, я привстал. Так... Их пятеро. Пусть только фасы отойдут подальше. И когда черные отправятся вниз по реке, надо пойти тихонько за ними, выждать удобный момент и...

Но тут, к своему удивлению, я понял, что не могу двинуться с места. Мои ноги словно приросли к земле! И, сжимая в ярости рукоять меча, я беспомощно смотрел, как черные уносят Орсию все дальше и дальше. Они шли совершенно спокойно, ни от кого не таясь, не озираясь по сторонам. Чувствовалось, что они у себя дома. Скоро черные скроются из виду, а я все стою на месте, не в силах пошевелиться.

Может, это проклятие наслала на меня Лоскита? Или же я сам навлек его на себя? Ведь сейчас я наконец принял действительно важное решение. И это совсем не то, что выйти из пещеры, отыскать воду или пройти мимо наваждений. Решиться на то, что я задумал — значит по-настоящему рисковать, по-настоящему искушать судьбу. Если я брошусь вслед за темными, чтобы отбить у них Орсию, то могу пойти именно по тому пути, который приведет к убийству сестры.

Душа моя разрывалась между Орсией и Каттеей. Орсии я обязан жизнью. Но разве можно выразить словами, чем я обязан Каттее? Я не мог сделать выбор и потому не мог сдвинуться с места. А черные вот-вот скроются с глаз. Обессиленный внутренней борьбой, я потерянно опирался о валун, не зная, на что решиться. Черные с Орсией уже скрылись за поворотом, а я все глядел и глядел на опустевший берег.

Но вот с меня словно оковы упали, и первым делом я побежал к месту схватки. Там все еще лежало тело одного из лохматых существ — искромсанное мечами, изорванное острыми зубами фасов. Остались и другие свидетельства кровавой схватки. Сам не зная зачем, я поднял обломок пики, которой защищался один из рогганов. Вода стекала по нему, по моим изуродованным пальцам, а я оцепенело смотрел на падающие капли.

Лоскита говорила, что невозможно узнать, какое из наших решений может поставить тебя перед роковым выбором. И она была права. Выйти из пещеры — одно мое решение, найти воду —

другое. В результате этих двух ничего не значащих решений, я сейчас должен принять третье, роковое для меня решение. То самое, которого я все время старался избежать. Я должен принять его. И может быть, отныне мне не останется ничего другого, кроме как считать себя презренным трусом. Обломок пики выскользнул из моих рук и ударился о камень. И мои мысли потекли по другому руслу.

Темные забрали Орсию с собой, и это говорит о том, что она жива. Фасам они ее не оставили, но и от них ждать пощады тоже не приходится, в этом не было никаких сомнений. Но если быть честным с самим собой, то, что я остался жив, стало возможным только потому, что Орсия однажды приняла решение. А это было нелегко — она пошла против воли своих соплеменников.

— Но Каттея? — простонал я, сам не зная, кому задаю этот вопрос.

Где-то впереди на моем пути стоит Черная Башня. Мне ее не миновать. Это ясно. И раз уж мне отведена какая-то роль, я должен ее сыграть. В конце концов Лоскита сама сказала, что есть на свете люди, которым удалось переломить свою судьбу.

В раздумье смотрел я на воды реки, мутные от крови, которую волны потихоньку смывали с прибрежных камней, и от земли, которую набросали фасы, когда строили плотину. Затем так, как единым усилием разламывают стены, чтобы разом вырваться на волю, я в один миг стряхнул с себя чары, сковавшие мой дух после встречи с Лоскитой. Человек не может обойтись без решений. Дышать, ходить, улыбаться, плакать — это тоже неизбежные решения, которые мы принимаем чуть ли не автоматически. Но мне хватает мужества совершать еще и те поступки, которых от меня требуют ум и сердце, и делать это я должен, призывая на помощь мудрость, ведь я — Кемок. Так долой же страх! Действовать надо так, как я это делал до встречи с Лоскитой.

Орсия спасла мне жизнь, и, как говорится, долг платежом красен. Пускай где-то впереди поджидает меня Черная Башня, у меня хватит сил справиться со Злом и, может быть, даже разрушить его гнездо. Я больше не чувствовал себя загнанным в угол, а в душе и следа не осталось от порождающей слабость раздвоенности. Прячась за валунами, которые усеяли склон долины, перебегая от одного к другому, я пошел по следу черных воинов. Только бы где-то за поворотом реки, думал я, их не ждали оседланные кони. Тогда все пропало — они ускачут, и мне их не найти.

И еще одна мысль не давала мне покоя, заставляя то и дело оглядываться. Как бы обиженные фасы не повернули вслед за черными, чтобы догнать их и свести счеты. Если они окажутся у меня в тылу, все мои планы рухнут. К счастью, сзади никого не было.

Вскоре я догнал черных — почему-то их теперь было четверо,

и с облегчением увидел, что один из них по-прежнему тащит на плече Орсию. Значит, с облегчением вздохнул я, она жива, только все еще без сознания. Теперь наступал самый трудный момент. Но что, если сейчас подойдут те, в балахонах, с огненными посохами? Против такого оружия меч бессилен. Я пожалел о том, что не взял самострела, но с таким же успехом можно было жалеть, что со мной нет вооруженного самострелами боевого отряда. Хорошо еще, что коней нигде не видно. Ну а вдруг своего пятого собрата черные послали за ними?

Я спрятался за длинным каменным выступом, что протянулся по откосу вдоль реки. Потом, пригнувшись, пробежал до самого его конца и, выглянув, убедился, что наконец поравнялся с черными. Они остановились как раз подо мной — внизу, под откосом, на берегу. Тот, что тащил Орсию, с равнодушной жестокостью свалил ее на землю, а она по-прежнему не подавала никаких признаков жизни. Черные уселись поодаль и стали чего-то ждать.

День был пасмурный, он бросал на все вокруг серые длинные тени, так что можно было бы укрыться в зарослях на том берегу. Но как попасть туда? Пришлось бы вернуться назад, чтобы перейти речку выше по течению, иначе черные сразу же заметили бы меня. Если же я вернусь назад, то могу потерять их из виду. Вдруг именно в этот момент появится пятый воин с лошадьми? Нет, это отпадает. Надо действовать здесь.

Итак, черных четверо... Для рукопашной схватки их перевес слишком велик. Если я погибну, то что от этого выиграют Орсия и Каттея? Да, надо быть осторожней. Меня все-таки притягивала река. Она давала надежду на спасение Орсии. Здесь было гораздо глубже, чем там, где черные напали на крганов. Если бы Орсия пришла в себя, подумал я, то, уйдя на глубину, она могла бы уйти от погони. В реке все преимущества на ее стороне. Вода — ее стихия, ее родная среда.

Но пора было действовать. Я посмотрел вниз. Один из вражеских воинов развязал походный мешок, достал еду и разделил ее между всеми. Пока они ели, я вытащил из своей котомки плащ, какие обычно носили жители Долины. Своим изумрудно-зеленым цветом он резко выделялся среди бурых камней. Я смотрел то на плащ, то на усеянный камнями склон долины. Может ли человек быть одновременно в двух разных местах? Надо попробовать. Я старательно застегнул плащ на все пуговицы, связал снизу, получился мешок. Затем нарубил мечом веток и туго набил ими зеленый мешок, и вот передо мной нечто вроде человеческой фигуры. Теперь оставалось только быстро сплести из травы веревку и обвязать ею зеленое чучело. Готово! Я пополз вверх и просунул чучело между двух скал. Только бы веревка выдержала!

Конечно, окажись у меня под руками что-нибудь еще, да будь попрочней веревка, надежд на удачу было бы больше. Но приходилось довольствоваться тем, что есть. Я пополз вниз, а веревку осторожно потянул за собой, боясь, что она не вы-

держит и оборвется. Выглянув из-за камня, я прикинул расстояние до Орсии и применил одну военную хитрость, которой часто пользовались воины Эсткарпа, охраняя свои границы от Карстена. А я не прибегал к ней со времен своего ранения, и потому не был уверен, что все получится так, как надо. Хитрость эта состояла в переброске голоса. Я набрал в грудь побольше воздухе и изо всех сил крикнул. Но это был особый крик — он прозвучал не оттуда, где притаился я, а с того места, где лежало набитое ветками чучело. Потом я крикнул еще раз, и получилось даже лучше, чем я ожидал, потому что крик мой неожиданно повторило и усилило эхо. Оно вторило ему с разных сторон, словно кричал не один, а несколько человек. Я дернул посильней за сплетенную из травы веревку, и на этот раз она-таки оборвалась. Один ее кусок, мелькнув в воздухе, вернулся ко мне, словно отпущенная пружина. Но дело было сделано: чучело от рывка упало и исчезло меж камней.

Черные воины внизу вскочили и, схватившись за мечи, уставились туда, куда упало чучело. Коротко посовещавшись, они разделились — двое поползли вверх по склону, а двое остались внизу. Они не отрывали глаз от скал. Я же мгновенно перекатился к камню, который торчал из земли ближе к берегу, и опять прикинул, сколько осталось до Орсии. Если бы удалось отвлечь чем-нибудь внимание стоящих внизу черных, я успел бы схватить девушку и скрыться с ней в кустах... Решающий момент настал.

Я снова крикнул, но на этот раз постарался изобразить нечто вроде невнятной команды, которая опять прозвучала оттуда, где залегло мое чучело. И, выскочив из-за скалы, кинулся к Орсии. К счастью, под ногами у меня оказался мягкий дерн, и я бежал совершенно бесшумно. Но те, что были внизу, все-таки увидели меня. Что-то выкрикивая, они кинулись ко мне с мечами в руках. Раскрутив над головой свой походный мешок, я что было сил швырнул его, как пращу, в того, что был подальше, и схватился на мечах с тем, что подбежал ко мне. На нем была добротная кольчуга, и он неплохо владел боевым оружием. Казалось, превосходство на его стороне. Да, видно, не было у него такого учителя, как у меня. Откель, старый вояка, как и все салкары, прекрасно умел вести бой на качающейся палубе корабля, а это особое искусство. Озадачило черного и то, что я сражаюсь, держа меч в левой руке. Вдобавок ко всему у него не было кольчужного шарфа, без которого себя не мыслят эсткарпцы. Я вонзил меч ему в горло и повернулся, чтобы сразиться со вторым черным, но он как упал ничком, так и остался лежать. Вряд ли мой мешок мог оглушить его так сильно. Но выяснять, что с ним, я не стал, а вместо этого схватил Орсию и бросился с ней через кустарник к реке. Сзади послышались крики, и, оглянувшись, я увидел, что те черные, которые поднимались вверх по склону, повернули назад.

Хорошо, что река и вправду оказалась здесь глубокой. Нигде не просвечивало дно, не высовывались камни. Я надеялся,

что в воде Орсия очнется. Набрав в легкие побольше воздуха, я увлек ее на глубину и, плеснув, как большая рыбина, поплыл под водой к другому берегу, где, как я успел заметить, волнами прибило большое полузатопленное дерево. Видно, буря вырвала его с корнями, и оно медленно плыло вниз по реке, а здесь зацепилось за что-то и теперь плавно покачивалось на волнах. Я плыл, придерживая девушку за плечи и чувствовал, как под моей рукой едва уловимо бьется ее сердце. Вынырнув на одно ооротное мгновение, чтобы сделать новый вдох, я заметил, что если поднырнуть под разбухшие корни дерева, то там можно притаиться и дышать.

Так я и сделал. Скрываясь в путанице корней, я высунул из воды лицо и застыл. Это было нелегко, потому что Орсию мне приходилось держать обеими руками, иначе сильное течение вырвало бы у меня ее и унесло бы неизвестно куда. Дерево, казалось, надежно укрывало нас от врага. Но вместе с тем я чувствовал себя слепым и глухим, так как не видел и не слышал, что происходит на берегу. Гонятся ли за нами черные? Куда они пошли? И заметят ли меня, если я подниму голову над водой? Все это не давало мне покоя, и в конце концов я решился на то, что в этих местах было далеко не безопасно. Я мысленно позвал:

— Орсия!

Но она не ответила.

Я усилил энергию мысленного потока, хотя и понимал, что таким образом открываю врагам, где мы.

— Орсия!

Я уловил только слабое трепетание, но обрадовался ему и крикнул в третий раз:

— Орсия!

В ответ всплеск страха, ненависти, отчаяния, и девушка стала с такой силой вырываться из моих рук, что я с трудом удержал ее.

— Это я! — теперь я не звал ее, а требовал, чтобы она узнала меня.

Наконец, Орсия успокоилась и спросила:

— Кто это?

— Не двигайся! — властно приказал я.— Нас ищут. Мы спрятались в реке под плавучим деревом. Все, кто были с тобой, погибли.

— Кемок... Это ты?

— Да.

— Меня выследили... Хотели вернуть... Они обо всем узнали...

— Что ты спасла меня? Хотели вернуть, чтобы судить?

— Суд уже был. Они устроили его, когда меня не было. Они... решили отдать меня вместо тебя.

— Так решили твои сородичи?

— Они боятся, Кемок. Они в плену у страха. Не знаю только, чем их так запугали Темные. Но сейчас они на все способны.

Орсия, видимо, окрепла, потому что мысль ее лилась свободно.

— Но если крогаиы решили отдать тебя, то почему...

— Черные напали на Орфонса и Оббо, которые были со мной? Не знаю... Может те, с кем Ориас вел переговоры, не ладят с сарнами? Знаешь, союзы, которые заключают Темные, тут же распадаются. У них это обычное дело: сегодня — союзник, а завтра — враг.

— А кто такие сарны?

— Отряды воинов, которые охраняют предгорья. Говорят, они на службе у кого-то из Великих, кто не совсем закрыл за собой дверь. Мы не знаем, от кого их командиры получают приказы, кому они подчиняются. Тихо!

Теперь командовала она, и я замер. Лежал, вытянувшись в воде, дышал, пользуясь завесой из корней, ничего не видел, ничего не слышал. Но ясно почувствовал, как напряглось тело Орсии.

Ждать врага, не видя его, все равно, что перед боем связать себе руки. Орсия замолчала. Мысленное общение с ней было прервано. Значит, понял я, с помощью всех внутренних сил она прислушивается к опасности. Река качнулась, волны накрыли мое лицо, я захлебнулся и стал ловить ртом воздух. Видно, кто-то прошел по воде у берега, и это от его шагов по реке пошли волны. В любой миг нас мог пронзить меч врага.

Орсия изо всех сил сжимала мое плечо, давая понять, что надо затаиться. Мысленный контакт она отключила, чтобы не навести врагов на наш след. Шли минуты, они казались часами. Наконец вода успокоилась, и Орсия сказала:

— Ушли... Но могут и вернуться. Они еще ищут.

Как она узнала это, было непонятно. Но я верил ей, я уже знал, что она всегда очень точна.

— Путь свободен?

— Пока — да. Но ты же не можешь все время плыть под водой...

— Зато ты — можешь! Плыви, Орсия! Я воин, у меня есть меч, и голыми руками меня не возьмешь,— я говорил таким же уверенным тоном, как она.

— Чуть ниже река становится глубже — так они и устроят новую засаду.

— Но выше фасы почти перегородили реку. И кроме того, там очень мелко. Может, все-таки поплывешь вниз?

— Крогаиы тоже охотятся за мной. Ты забыл об этом? Надо найти такие места, куда им не добраться. Я как раз туда и плыла, когда меня поймали.

— ? ?

— Выше того места, где на нас напали сарны с фасами, река сужается и становится очень глубокой. Временами она прячется в подземное русло. Крогаиы в эти места не заглядывают. Сарны подняться вверх по реке или заглянуть в под-

земное русло просто не догадаются. А фасы, хоть и подземные жители, но есть места, которых они боятся и предпочитают обходить стороной,— Орсия помедлила, а затем снова продолжила свой рассказ.— Там я нашла прорытый еще в давние времена, а потом заброшенный туннель, на который наложено заклятье. Фасы, натолкнувшись на него, с визгом умчатся прочь, потому что человек, наложивший это заклятье, запечатлел его огнем и воздухом. Сарнам туда путь тоже заказан, даже если они и отыщут вход в туннель. От них его защищает магическое слово. Но того, у кого сильная воля, все это не остановит. Не знаю, что ждет нас внутри, но путь туда для нас открыт.

— Придется идти через мелководье,— напомнил я и спросил: — А дальше пойдем вверх по реке?

— Да,— кивнула Орсия,— по направлению к Черной Башне.

Услышав эти слова, я вздрогнул.

— Тебя это пугает? — спросила Орсия с недоумением таким же явным, как и мой испуг.

Я рассказал ей о Лоските из Каменного Сада, Читающей-Судьбу-По-Песку, о трех своих судьбах, которые она показала мне на голубом песке.

— Но другого пути у тебя просто нет,— пожала плечами Орсия.— Кажется, Черная Башня притягивает тебя с колдовской силой. Видно, слишком тесно связан ты со своей сестрой. И потому не можешь оставить ее, повернуться к ней спиной, даже если и считаешь, что бегство от нее, от решений, от выбора спасет и тебя, и ее. Ты придешь в Черную Башню, это так. Но почему твоя судьба обязательно должна совпасть с тем, что предсказала Лоскита? Я слышала о ее магии. Понимаешь, в давние времена на этой земле равновесие между силами Добра и Зла было нарушено. Поэтому сегодня здесь не может быть ничего неизменного, определенного. Так что пока мы доживем до своего будущего, оно наверняка не раз еще изменится. Сегодня, Кемок, в него лучше не заглядывать.

— Но Лоскита сказала, как влияют решения... даже самые пустячные...

— Послушай, Кемок, надо сделать выбор. А сделал — твердо держись его, вот и все. Ты, наверное, не знаешь, что все пути, ведущие к Башне, охраняют стражи не только видимые, но и невидимые. Тебе туда ни за что не добраться. Но я знаю один путь, про который неизвестно ни Динзилю, ни его слугам. Пошли!

То, что говорила Орсия, звучало убедительно. Если Башня — центр всех владений Динзиля, то она, конечно, надежно защищена. Я не смогу пробиться сквозь его защиту. На том пути, о котором говорила Орсия, нас тоже поджидает немало опасностей — успевай только смотреть по сторонам, чтоб не застали врасплох. Но тут выбирать не из чего, и придется воспользоваться предложением речной девы.

Мы незаметно покинули свое укрытие и поплыли вверх по реке. И хотя сарнов можно было не опасаться, так как они

ждали нас ниже по течению, мы были очень осторожны. Орсия плыла впереди. Она пряталась за каждой скалой, нависающей с берега, за каждым камнем, торчащим из воды, за каждым полузатопленным деревом, высматривая, нет ли поблизости врагов, не преследует ли нас кто-нибудь. Наконец, мы добрались до мелководья, и тут нам пришлось брести по воде. Вот и место недавнего сражения. Уже темнело, и я надеялся, что сумерки скроют пятна крови на камнях и изрубленный труп мохнатого помощника кроганов и что Орсия их не заметит.

Наступила ночь, но девушка шла вперед все так же неутомимо. После всего, что пришлось ей сегодня испытать и пережить, она, казалось, не чувствовала ни слабости, ни усталости. Сам же я очень устал, и меня поражала такая выносливость.

Остатки запруды, которую соорудили фасы, давным-давно остались позади. Темно было хоть глаз выколи. Чтобы не потеряться, мы с Орсией держались за руки. Я напряженно прислушивался к каждому звуку. Порой из мрака доносились какие-то странные, пугающие вопли. Тогда мы в страхе останавливались, и так стояли, напрягая слух — уж не последует ли вслед за этим нападение? Но нет, звуки не приближались, и мы опять шли дальше.

Постепенно берега начали сужаться, а река становилась все глубже. Мы шли по пояс в воде, и с каждым нашим шагом со дна к поверхности устремлялись светящиеся пузырьки воздуха. Это было похоже на подводный фейерверк. Я понял, что мы приближаемся к тому месту, о котором говорила Орсия. Меня одолевала такая усталость, что я едва переставлял ноги. Мне стыдно было в этом признаться, но я чувствовал, что еще несколько шагов и я просто свалюсь. Может, Орсия прочитала мои мысли, а может, и сама вынуждена была признать, что сделана не из железа, как механические слуги колдеров, а из обычной человеческой плоти.

Она опустилась на четвереньки, потянув за собой и меня, и мы с ней вползли в нору, вроде той, в которой она прятала меня от кроганов. Правда, никакого неприятного запаха я здесь не уловил, видно, хозяин уже давно оставил ее. Нора оказалась маленькой, но если тесно прижаться друг к другу, то ночь в ней провести было можно.

— Спи,— сказала Орсия,— нам нужно хорошо отдохнуть. Впереди долгий путь. Завтра нам придется плыть под землей, а в темноте трудно не сбиться, надо быть все время настороже. Так что отдыхай, набирайся сил.

Мне казалось, что я не смогу здесь уснуть. Но усталость взяла свое. И вскоре я провалился в сон без сновидений и кошмаров, которые не дали мне как следует выспаться прошлой ночью. Проснулся я от сосущего чувства голода и от того, что хотелось пить. Еда осталась в походном мешке, которым я сбил с ног черного воина, целый день мы уходили от погони и потому не думали о пище. Но теперь так хотелось есть, что я готов был пренебречь советом Дагоны — в землях, где оби-

тает Зло, не прикасаться ни к еде, ни к питью. Вылезти из норы, не разбудив Орсию, было невозможно, а голод не давал лежать спокойно.

— Что с тобой? — уловил я сонную мысль Орсии.

— Есть очень хочется. А снаружи все вроде бы спокойно. Хочу раздобыть какой-нибудь еды.

Светало. Солнце еще не взошло над скалами, но небо было чистым и обещало ясный день. Орсия вслед за мной вылезла из норы и побрела по реке, вглядываясь в воду. Вдруг она молниеносно рухнула в речные волны и исчезла. Мне показалось, что кто-то рывком рванул ее под водой за ноги. Я не знал, что и подумать, и нырнув вслед за девушкой, стал шарить руками по дну, но ее нигде не было.

Вынырнув и хватая ртом воздух, я услышал позади тихий смех. Орсия стояла у меня за спиной с каким-то коричневым корнем в руках, от которого отходили длинные стебли. Отломив его, девушка потерла корешок между ладонями, чтобы с него сошла тонкая кожица и протянула мне.

— Ешь,— повелительно сказала Орсия.

— Но Дагона говорила...— пробормотал я в нерешительности, глотая слюнки.

— Она права,— перебила меня девушка.— Там, где обитает Тьма, есть и пить опасно. Еда и влага таят в себе смерть. Да, можно умереть, а в лучшем случае потерять и память, и волю, и, может быть, даже рассудок. Но здесь чистое место, здесь нет ловушек Тьмы. Так что ешь без опаски. Это вкусно, отличная еда для путешественников.

Я вонзил в корень зубы. Сладкий, хрустящий, сочный, он не только оказался вкусным и сытным, но и утолял жажду. Орсия нырнула за новым корнем, очистила и подала его мне. И только потом раздобыла два корня для себя.

Позавтракав таким образом, мы поплыли дальше. Стало гораздо глубже, а берега поднимались круче. Орсия устремилась вперед, и я даже не пытался ее догнать. Не хотелось зря тратить силы. Здесь они могли пригодиться для другого. И я просто старался не терять ее из виду. Тем более, что девушка часто останавливалась, вглядываясь в прибрежные скалы, то и дело подплывая к берегу, чтобы отыскать зарубки, которыми когда-то отмечала свой путь. А однажды Орсия метнулась назад и, схватив меня за плечо, увлекла под воду.

— На скале наблюдатель рузов,— сказала она мне мысленно.— Они очень зоркие. Хорошо, что вода все искажает. Если он не спустится ниже, нам нечего бояться.

Потом она отпустила меня, я вынырнул на поверхность, и мы поплыли дальше, стараясь держаться правого берега. Он казался мне таким же пустынным и странно-диким, как и те земли, которые примыкали к владениям Лоскиты.

С отвесных берегов свешивались необычные растения, чем-то похожие на лианы. Вид у них был настолько омерзительный, что Орсии и предупреждать не надо было, чтобы я к ним не

прикасался. Мертвенно бледные, гладкие, разбухшие, они почему-то вызывали чувство гадливости.

А смрад от них шел, как от падали, казалось, подплыви ближе — и задохнешься. Хотя эти лианы и висели над водой, она, благотворная для всего живого, на них действовала губительно. Отростки, дотянувшиеся до реки, высыхали, скрючивались, костенели.

Отвращение увеличивалось еще и оттого, что в зарослях этих трупных растений копошились какие-то существа. Листва от их движений шевелилась, колыхалась, двигалась, хотя ни одного из них я так и не увидел, а, сказать правду, то и не стремился к этому.

— Уже недалеко,— подбодрила меня Орсия.

Там, где над водой нависали скалы, она остановилась. Омерзительные лианы, обвивавшие утесы, были здесь не так густы, и, приглядевшись, я увидел: то, что я принимал за обыкновенную скалу, на самом деле было огромной каменной головой не то человека, не то зверя, не то какого-то неведомого чудища. Наклонясь над рекой, она смотрела на нас сверху своими пустыми и страшными глазницами. От этого грозного взгляда становилось жутко и хотелось спрятаться.

— Это наблюдатель,— сказала Орсия.— Он остался от прежних времен. Не знаю, для чего его тут оставили, но нам он не страшен. Сюда, Кемок, за мной,— она проплыла еще немного и повернулась ко мне.— Дальше нам нужно...— начала Орсия и с сомнением посмотрела на меня.— Понимаешь, для нас, кроганов, это проще простого, но для тебя...— девушка помолчала.— Придется долго плыть под водой. Не знаю, выдержишь ли ты...

Я все понимал. Дело обстоит именно так, как говорит Орсия. Но оттого, что я, сильный и опытный воин, был в глазах девушки словно нуждающийся в опеке ребенок, был, вполне возможно, тяжкой для нее обузой — от всего этого мне стало не по себе. Я вспыхнул, чувствуя себя уязвленным.

— Вперед! — коротко ответил я ей.

— Тогда приготовься!

Я несколько раз глубоко вдохнул и выдохнул, пусть легкие как следует расширятся. А Орсия нырнула под скалу, чтобы проверить, по-прежнему ли открыт потайной вход, и опять вернулась ко мне.

— Ты готов?

— Да.

Я набрал в грудь как можно больше воздуха и нырнул. Прикасаясь к моему плечу, девушка направляла меня вперед и в темноту, под скалы. Мы плыли и плыли. Воздуха мне вскоре стало не хватать, перед глазами пошли разноцветные круги, легкие, казалось, сейчас разорвутся. Воздуха! Во что бы то ни стало воздуха! Дохнуть хотя бы только раз — это непреодолимое желание заполнило всего меня целиком. Рванувшись вперед и вверх, я больно ударился головой о каменный свод, стал

метаться, рванулся еще раз, ободрал руку и вдруг... вынырнул на поверхность. Я снова мог дышать!

Но не успел я этому обрадоваться, как страх сжал мое сердце с новой силой. Вокруг были только тишина, вода и мрак — тяжелый, душный, несмотря на то, что здесь, в глубине горы, чувствовался подземный холод.

— Кемок!

— Я здесь!

Голос Орсии развеял чувство оторванности от всего мира, она опять была со мной, рядом, я почувствовал прикосновение ее пальцев и, отбросив страхи, осознал, что вокруг меня, хотя и чужой, неведомый, опасный, но вполне реальный мир.

— Это туннель,— сказала Орсия.— Это только одна подземная река, по крайней мере она была одна, когда я приплывала сюда последний раз. Вот стена, плыви вдоль нее.

Трудно было понять, где кончается вода и где начинается спертый воздух подземелья. Я долго барахтался в этом безликом мраке, пока моя вытянутая рука не уперлась в каменную стену.

— Но как ты узнала об этом туннеле? Как нашла сюда дорогу?

— Кроме нас, под водой живут и другие существа, мы с ними в неплохих отношениях. С одним мерфеем я даже подружилась. Это он рассказал мне об этом туннеле, а потом, когда я его попросила, показал мне в него вход. Ты уже знаешь, что вход этот находится под водой, и поэтому о нем никто не знает. А мерфей забрался сюда случайно, в поисках кваст и. Он большой лакомка и очень любит этих моллюсков. Они здесь, в пещере, вырастают до огромных размеров. Им тут хорошо. Течение приносит сюда водоросли, которыми они питаются, врагов у них здесь нет, и потому кваст и тут развелось видимо-невидимо. Но оказалось, я не первая, кто побывал здесь.

— Почему ты так думаешь?

— Увидишь.

— В такой темноте можно что-то у в и д е т ь? Или тут где-то есть свет?

В ответ Орсия тихо рассмеялась.

— Кемок, бывают светильники, которые горят даже здесь. Может, где-то они и горели, но пока что мы по-прежнему плыли на ощупь, и путь в темноте казался бесконечным. Потом я с удивлением стал замечать, что темнота становится не такой плотной. Постепенно она рассеивалась, а где-то далеко впереди показался бледный свет. Не похоже, чтобы там горели факел и даже фонарь, свет этот, скорее, походил на тот, что брезжит рано-рано утром.

Внезапно я почувствовал, что перед нами широкое пространство. Наверное, мы забрались в самую глубь горы, и это была огромная пещера. Но в тусклом свете невозможно было понять, насколько она велика. В бледном призрачном свечении я разглядел небольшой островок и обрадовался тому, что могу

наконец-то передохнуть на твердой земле. Стоя на его галечном берегу, я с удивлением увидел, что ракушки облепили под водой камни, и свет льется из их полуоткрытых створок.

— Это и есть квасти,— кивнула на них Орсия.— Лакомство не только для мерфеев. Здесь, на глубине, они очень вкусные.

И она нырнула. А я, стоя на островке, с любопытством разглядывал пещеру. Нет, совсем не похоже, чтобы здесь побывали разумные существа. О ком же говорила девушка? Мысли мои прервала Орсия. Она вылезла на берег, вода стекала с нее ручьями, белое одеяние облепило стройное тело, а в руках у нее была тяжелая сетка из водорослей, доверху набитая квасти. Когда-то, мне казалось, что это было давным-давно, когда я лежал раненый в пещере у аспта, она так же появилась передо мной с такой же сеткой в руках.

Раковины, которые принесла Орсия, светились, но на воздухе они постепенно стали тускнеть. А когда девушка подошла ко мне, и совсем погасли. Орсия ловко открыла их моим ножом, проткнув при этом лезвием каждого моллюска, одну створку она протянула мне, и я принялся за еду. В таких обстоятельствах не стоит привередничать. Голод не тетка и заставит есть все. Главное, что моллюски не вызывали отвращения, чего я очень боялся. Корни, конечно, вкуснее, но и странноватое на вкус жесткое мясо квасти было вполне съедобным. Правда, жевать его приходилось довольно долго, но я был доволен. И глядя на колонии моллюсков, светившиеся под водой, понял, что голод нам не угрожает.

Когда с едой было покончено, Орсия сложила пустые раковины в сетку внутренней стороной кверху, переложив их камешками, чтобы они не перевернулись, и прикрепила ее к поясу.

— Ты готов? — спросила она.

— Да. Куда поплывем?

— Туда,— показала она рукой.

Но был ли это север или юг, запад или восток, я уже не понимал. Как только Орсия вошла в воду, раковины опять задвигались, и из сетки полился мягкий прозрачный свет. Плыть теперь было гораздо легче. Тьму рассеивал и свет от створок в сетке, и свет от колоний квасти под водой. Вскоре, правда, они стали редеть, все больше стало появляться совершенно темных участков. А через какое-то время я почувствовал под ногами дно. Оно полого поднималось вверх. Из темноты проступили каменные стены. Видно, из пещеры в глубь горы вела подземная расщелина. Мы шли сначала по пояс в воде, потом по колени. Орсия отцепила сетку с раковинами от пояса и тащила этот необычный светильник за собой по воде, иначе он бы погас, и мы опять оказались бы в темноте.

Вскоре расщелина стала расширяться, под водой опять засияли квази. Но... я остановился, как вкопанный. Что это? Здесь моллюски прикреплялись не к камням, а к постаментам,

которые шли по обеим сторонам расщелины, образуя нечто вроде галереи. А в ее конце виднелась какая-то темная глыба. На постаментах возвышались высеченные из камня фигуры.

Балахоны, бывшие на многих из них, скрывали очертания тел. И все равно было совершенно ясно, что это люди, что тела у них человеческие. Но лица... Лиц не было! Вместо голов виднелись едва обработанные круглые глыбы с глубокими глазницами — такими же, как у головы, нависшей над рекой.

— Пошли! — Орсия двинулась вперед, не забывая тянуть за собой сетку с раковинами. Не глядя по сторонам, она направлялась прямо к темной глыбе, вставшей перед нами в конце галереи.

Я не отставал от Орсии, но в отличие от нее чувствовал себя довольно неуютно. Мне казалось, что через эти глубокие и пустые глазницы за нами безучастно, но пристально и сосредоточенно наблюдают. Я так загляделся на мрачные фигуры, что, только споткнувшись, понял, что передо мной лестница. Она вела на высокую площадку, на которой поднималось что-то вроде замка. Но так ли это, при тусклом свете было непонятно. Да, здесь как будто возвышались стены, в них виднелись темные провалы. Но были ли это окна и двери? И я, досадуя на то, что ничего не видно, сказал Орсии, что, кажется, ее светильники на суше не действуют.

— Так оно и есть,— согласилась она,— но подожди немного. Смотри!

Мы поднялись по лестнице, и я застыл от изумления. Площадка под нашими ногами стала светиться. Свет был не ярче, чем от кварти, но его было достаточно, чтобы увидеть все вокруг.

— Это действует какая-то магия,— сказала Орсия,— приложи к полу ладони!

На ощупь пол был совсем не похож на каменный. И там, где мои руки касались его, свечение становилось ярче. Орсия тоже приложила к нему ладони, свет вспыхнул и под ее руками.

— А теперь попробуй босиком! Так еще ярче! — радовалась Орсия, показывая мне здешние чудеса.

Она, как ребенок, прыгала на одной ноге, стягивая со ступней гибкие чехольчики, служившие ей обувью. Я же стоял в нерешительности. Орсия пробежалась по полу босиком и в недоумении оглянулась на меня. Она не понимала моего замешательства. Тогда, отбросив колебания, я стащил с ног свои легкие башмаки и пошел следом за девушкой. Свет под нашими ступнями стал гораздо ярче, так что в его бледном зареве можно было легко разглядеть поднимающиеся перед нами темные стены. Теперь в них ясно обозначились пустые окна и зияющий дверной проем. Глядя на них я пожалел, что мой меч остался на берегу реки. Воображение рисовало мне такие опасности, против которых мой нож с восьмидюймовым и хорошо отточенным лезвием был бессилен.

Вокруг огромных окон и двери не было ни резьбы, ни какой-

нибудь другой отделки, голые стены были строгими и суровыми. Когда же мы с Орсией решились наконец шагнуть внутрь, свет под нашими ногами засиял еще ярче. Это был огромный и пустой зал, а на противоположной стене мы увидели десять дверей, и все они были плотно закрыты, хотя никаких запоров я не заметил. Орсия наугад подергала одну из них, но та не поддалась.

— Раньше я не заходила внутрь,— призналась она,— потому что тогда на этих стенах лежало древнее заклятье. Ты видишь — сейчас оно исчезло!

— Зачем ты это сделала? Мы ведь безоружны!

Меня возмутило, что из-за нее мы чуть не угодили в ловушку.

— Это было очень старое заклятие,— беспечно отозвалась Орсия,— и оно отзывалось на наши, а не на их защитные слова.

Слова... Когда я услышал это, мне в голову пришло, что я тоже могу сказать их. Глядя на запертые двери, я произнес всего только два с л о в а, которые узнал в Лормте.

Те Великие Слова, на которые мне о т в е т и л и, я поклялся не произносить. А эти служили для испытания чужих сил и оберегали от Зла. Но и они были достаточно сильны. Я громко произнес их, и они эхом прокатились по залу, повинуясь им, свет под ногами вспыхнул так ярко, что Орсия вскрикнула. Затем мы услышали треск, грохот и отдаленное ворчание грома. И в ослепительно-белом сиянии увидели, как рухнула дверь, которую до этого подергала Орсия. Она раскололась на куски, они обрушились наземь, заставив Орсию отскочить в сторону, и, коснувшись пола, рассыпались в прах.

Это произошло только с одной дверью. Было похоже, что Орсия своим прикосновением проложила путь магической силе. Мне даже показалось, что трещина на двери пошла от того места, до которого она дотронулась.

И вдруг в полной тишине послышались какие-то звуки — может, это было пение? Потом они умолкли, а я так и не понял ни одного слова из этой странной песни.

— Что это? — спросил я Орсию, пораженный.

— Не знаю,— вздохнула она.— Но чувствуется, что это такая древность! Некоторые слова...— покачала она головой,— нет, не знаю... Когда-то здесь была поставлена защита, теперь ее нет, снята. Пошли! Не бойся!

Я не торопился — чувство недоверия ко всему, что окружало нас, не покидало меня. Но мне так и не удалось удержать Орсию. Она решительно шагнула вперед, и мне не оставалось ничего другого, как отправиться за нею следом.

Мы шли, окутанные облаком золотого сияния, пока не оказались в другом зале, в центре которого на возвышении стоял трон с высокой спинкой и широкими подлокотниками. На троне кто-то сидел. На миг я вспомнил рассказ отца о том, как когда-то

он с Корисом и другими гвардейцами обнаружили в горах Карстена пещеру легендарного Вольта.

Он вот так же сидел на троне, держа в руках боевой топор. Кориса охватило непреодолимое желание взять его себе. Когда же, спросив разрешение у Вольта, он сделал это, величественная фигура вдруг рассыпалась, и на троне осталась только горстка праха. Казалось, он столетиями терпеливо поджидал того, кому наконец сможет вручить свое грозное оружие, выкованное не для обычного человека, но для полубога.

Того, кто сидел на троне перед нами, окутывало голубое сияние. Оно мешало его разглядеть, за ним только угадывалась огромная неподвижная, словно окаменевшая фигура. «Да это же усыпальница!» — понял я наконец. Это был такой же склеп, как и пещера Вольта. Странно, мой страх исчез, меня так и тянуло подойти поближе. Я сам себе удивлялся.

— Кто это? — спросила Орсия, подходя к трону все ближе и все пристальней вглядываясь в голубое сияние. Вот она уже совсем рядом.— Кто это?

— Тот, кто не причинит вам вреда...— коснулся моего сознания голос из ниоткуда.

Вокруг тронного возвышения стояли полуистлевшие ларцы со сверкающими сокровищницами. Но я смотрел только туда, где на верхней ступеньке лежал ярко освещенный меч. Мои пальцы сами собой нетерпеливо потянулись к боевому оружию. Его клинок казался длиннее обычного и не отливал голубизной, как хорошая сталь, а был золотистым. Может, на него просто ложился отсвет того золотого сияния, которое заполнило весь зал. Рукоять меча тоже казалась золотой. Она была высечена из цельного куска золотого желтого кварца. На ней, словно сквозь дымку, вспыхивали красные, золотые и голубые искры. Время не тронуло его.

Я смотрел на меч, и мои руки тянулись к нему сами. Желание владеть им было сильнее голода, сильнее жажды, сильнее всего на свете, ему невозможно было противостоять. Еще никогда и ничего в жизни мне не хотелось так сильно. Может, те же самые чувства владели Корисом, когда он смотрел на Топор Вольта? Теперь я понимаю, почему он решился взять его. Осмелюсь ли я на то же самое?

Обобрать мертвого — кощунство. Но Корис попросил согласия у самого Вольта. И с тех пор, поражая Топором врагов, совершил немало славных подвигов. Нет, что ни говори, а взять оружие у мертвеца не так просто, как кажется. Это означает, что ты хочешь сравняться с ним в силе и ловкости, в боевом искусстве. Салкары верили, что если воин взял меч у убитого, то призрак мертвого теперь не оставит его. Если он станет союзником воина, то тот совершит такие ратные подвиги, о которых раньше и мечтать не мог. Но если призрак захочет ему отомстить или же просто позавидует, то в первом же бою воин встретится со своей смертью.

Когда-то давно, когда у салкаров были на Северном побе-

режье свои гавани и когда они еще не заключали союза с Колдуньями Эсткарпа, они все же иногда похищали из гробниц прославленные мечи. Воины, владеющие такими мечами, совершали столь славные подвиги, что о них слагали легенды.

Помня обо всем этом, я, как мог, боролся с непреодолимым желанием сомкнуть пальцы вокруг золотистой рукояти, ощутить ее тяжесть в своей ладони. Но все было напрасно. Обычно доводы разума для меня много значат. Мысль у меня всегда опережает действие. Но есть желания, которые сильней рассудка. И я не смог побороть искушение.

Я обошел Орсию, упал на колени и потянулся за мечом. Притом потянулся я не левой рукой, а правой — искалеченной. Сделал я это машинально, и те из моих пальцев, которые были еще подвижны, согнулись, охватив рукоять. Но тут же я пришел в себя и, оторвав взгляд от меча, глянул на фигуру, затянутую призрачным туманом. Корис когда-то не побоялся унести с собой Топор Вольта, но это был дар великого предка, он не украл его. Как же быть мне?

Я заставил себя отпустить меч, пальцы мои этому противились, но я заставил их разжаться. И, не поднимаясь с колен, обратился к тому, кто сидел, окутанный туманом.

— Мое имя Кемок Трегарт. Я из Эсткарпа. Меня обманули. Меч мой остался на поле боя. Мне никак нельзя быть безоружным. Без меча я пропаду. Я не славы ищу. Если надо, я скажу эти слова.

И я назвал слова из Лормта, уже произнесенные, когда нужно было открыть двери. Однако на сей раз они прозвучали не воинственно, а только затем, чтобы доказать, что с тьмой меня ничто не связывает. Трудно было предположить, что последует за этим. Могло случиться все, что угодно. Из голубой дымки меня могли приветствовать, а могли поразить мечом. Но все оставалось точно так, как было — не ослепила меня молния, не оглушил гром.

Я напряженно ждал, и вдруг, неожиданно для самого себя, подняв руку, по-воински отсалютовав тому, чье присутствие так явственно чувствовалось здесь, хотя его и скрывала голубая завеса тумана, и решительно взял заветный меч. Он показался мне совершенно новым, словно только из горнила — так блестела его сталь, так отточено было лезвие. И тут же произошло чудо — пальцы, сжимавшие его, теперь легко сгибались, будто минуту назад не сковывал их недуг.

Меч не входил в ножны, оставшиеся у меня от прежнего оружия. Встав, я достал из-за пазухи влажный шарф и сделал из него перевязь для меча.

— Все правильно,— услышал я долетевшую до меня мысль Орсии.— Мы не можем оценить узоров, вытканных Великими, потому что наши глаза не в состоянии увидеть их. Сейчас ты получил больше, чем просто меч. Да не оттянет твое плечо эта ноша.

Я не знал, как относятся к оружию мертвеца кроганы —

так ли, как салкары или же по-другому. Но меч не был тяжел для моей руки. Как только он у меня появился, я ощутил, что какая-то сила тянет меня вперед. Беспокойство вошло в мое сердце. Я был готов немедленно выполнить то, что мне было предназначено.

Я уже почти достиг выхода, как вдруг заметил, что Орсия остановилась у возвышения. Мне пришлось задержаться тоже. Она обошла трон и того, кто возвышался над нами в тумане. Взгляд ее скользил по старинным ларцам с драгоценностями. Уж не хочет ли она по моему примеру что-нибудь прихватить отсюда? — подумал я. И решил уговорить ее не делать этого, но затем передумал. Каждый поступает, как знает. Да и вправе ли я здесь кем-то повелевать?

За троном Орсия замешкалась. А после появилась с покрытым спиральной резьбой коническим жезлом. Он был цвета слоновой кости. Орсия несла его острием вверх — и я увидел, как на этом острие заплясали искры белого пламени.

Он не был оружием, не украшали его и драгоценные камни. Но Орсия несла его торжественно и радовалась, что жезл достался ей так же, как я радовался своему мечу. Возле призрачной фигуры в голубой дымке Орсия замедлила шаги. Она, как и я раньше, опустилась перед ней на колени. Слова ее звучали размеренно, как обычно звучит речь кроганов.

— Меня зовут Орсия. Я происхожу из кроганов, хотя мои соплеменники отреклись от меня. Я знаю, как обращаться с тем, что вынула из ларца. Я владею Силой, хотя она и не велика. У меня есть оружие, оно не выковано из стали. Я взяла этот жезл потому, что знаю, что он такое, и умею им пользоваться. Я знаю все это, так как я — это я, и направляюсь туда — куда направляюсь.

Орсия подняла руку с этим странным символом, и из него вырвался яркий язык пламени. Затем она взглянула на меня, и мы заторопились к выходу.

Когда мы вышли, пришлось остановиться, чтобы перевести дух. Вокруг нас возвышались слепые статуи. Я думал, что и назад мы пойдем по той же дороге, что привела нас сюда, но Орсия была против. Она смотрела по сторонам, втягивая ноздрями воздух, словно хотела уловить запахи, которые приносили сюда потоки воздуха. Мне казалось, что пахло только стоячей водой, но Орсия наверняка почувствовала опасность.

— Там кто-то есть? — прошептал я.

Она отвечала тоже тихо.

— Там фасы и еще кто-то, не знаю кто.

Приготовившись к встрече, я сжал рукоять меча. Здесь, в глубине горы — фасы у себя дома. Нам с Орсией грозила опасность. Я принюхивался, но так и не уловил никакого запаха. Орсия чувствовала запахи гораздо лучше, чем я. Она улавливала их малейшие оттенки.

— Они уже близко,— Орсия ткнула жезлом в сторону пло-

щадки со скульптурами.— Спрячемся вон там.— Она махнула рукой вправо, вдоль стены склепа.

Мне было непонятно, зачем мы должны идти туда, но я решил подчиниться ей. Она здесь не первый раз — ей виднее.

Мы обулись, так как ступни наши все еще светились и этот свет мог бы выдать врагам наше присутствие, и тихонько пошли мимо темных окон, похожих на пустые глазницы.

За склепом была пустая площадка, а дальше начиналась стена пещеры. Орсия снова втянула в себя воздух.

— Неужели и сейчас ничего не чувствуешь? — Она показала рукой.— Оттуда веет.

Сейчас уже и я ощутил движение воздуха, несущего холодок.

— Там какой-то ручеек. Пахнет водой.

Она рванулась вперед, и я побежал за ней, боясь остаться один в темноте. Чем дальше мы уходили от склепа, тем делалось темнее. Раковины Орсии на суше не светились, а темнота становилась все гуще. Вокруг стало черно, как в том туннеле, по которому мы плыли. Я старался уловить, нет ли за нами погони. Я изо всех сил вглядывался в темноту, совершенно безуспешно пытаясь понять, что ждет нас впереди? Видимо, где-то фасы роют свои норы. А вдруг их пути пересекутся с нашим?

Орсия поняла, чего я опасаюсь.

— Нет, нет,— сказала она,— там их не ищи. Да и прежде их здесь не было. Куда бы они ни сунулись, за ними тянется их мерзкий запах. Они пахнут ужасно. Но не так, как здесь. Это какой-то совсем новый запах. Первый раз встречаюсь с таким.

Орсия излучала едва уловимое сияние. Она разула одну ногу, чтобы оно было поярче. Так мы миновали площадку. Над нами нависли своды пещеры, чуть подальше была ее стена. Из подземного лабиринта между стеной и площадкой, на которой мы стояли, несся стремительный поток воды. Спутница моя обулась, и мы опять погрузились в черный мрак.

— Отвяжи-ка свой шарф от пояса,— велела Орсия.— Дай мне его конец, а второй держи сам. И спустись к ручью, окунись в него.

Я так и сделал. Шарф мой натянулся, как поводок. И я пошел по воде за Орсией. Опасения мои по поводу того, что ручей глубокий, были напрасны. Вода была мне по пояс. Ракушки Орсии снова зажглись.

Мы пошли против течения. Раковины уже едва тлели, а я ждал, что они и вовсе погаснут. Орсия сказала, что скоро так оно и будет. Без моллюсков раковины светятся недолго. Еще немного, и нас поглотит тьма.

Делая вид, что это меня не очень волнует, я спокойно спросил у Орсии:

— А дорога эта тебе хорошо известна?

Орсия потрогала ладонью воду. Шарф и жезл она подняла повыше, чтобы не замочить их.

— Да нет,— ответила она.— Но этот ручей совсем недавно видел небо и солнце. Он, конечно, выведет нас.

Я ступал на ощупь, опасаясь и воды, и темноты. Меня всегда пугало замкнутое пространство. Вот и сейчас мне казалось, что стены сдвигаются, а там, впереди, они совсем сойдутся и сожмут меня. У Орсии были совсем другие ощущения. Она шла легко. Видимо, вода придавала ей силы. Мне не очень-то хотелось, чтобы она знала, что испытываю я.

Вдруг неожиданно Орсия дернула шарф. Не зная, что это может означать, я замер и приготовился встретить опасность. Орсия подтягивала к себе шарф, и вскоре наши руки встретились. Ее ладонь коснулась моей, и я понял, что насторожился не напрасно.

Впереди что-то плескалось. Наше освещение к этому времени совсем потухло, мрак окружал нас со всех сторон. Я взмахнул над головой мечом и описал им широкую дугу справа. Его острие царапнуло камень, и я выбрался к стене. Там мне казалось безопаснее, и я потянул за собой Орсию. Невидимый пловец приближался. Что за звери могут видеть в этой адской темноте и вообще ходить этими подземными путями?

Орсия была близко-близко. Мою щеку грело ее дыхание. Она шепнула:

— Никак не пойму, кто это. Мой зов до него не доходит. Наверное, он не из нашего, не из подводного мира.

— Может быть, это фасы?

— Да нет же, фасы смердят за сто верст,— с брезгливым отвращением сказала Орсия.

Я ждал не дыша. Что делать? Можно было, конечно, вернуться в пещеру. Но там мы могли натолкнуться на фасов. Вот бы умел я, как Кайлан, воздействовать на животных. Ему ничего не стоило бы заставить ретироваться плывущее нам навстречу существо. Если только это и вправду какая-то зверюга, а не мерзкое отродье Тьмы.

Орсия стиснула мою ладонь. Я вглядывался во тьму еще пристальнее. Над водой плыли два круглых огня. От них отходили бледные лучи.

Это были глаза. Огромные, размером с мой кулак, они располагались так далеко друг от друга, что страшно было даже подумать, какова же должна быть голова, на которую посажены такие глаза.

Я прижал Орсию к стене и закрыл ее своим телом. Меч я держал в увечной руке. И когда попробовал его взять здоровой, оказалось, что она почему-то стала хуже слушаться меня.

Вдруг глаза поднялись вверх. Почти рядом раздалось отвратительное шипение. Было ясно — от этих всевидящих глаз нам не спрятаться. И темнота не спасет нас. А мы все еще стояли в темноте. Свет, излучаемый горящими глазами, еще не доходил до нас.

И я уже думал: «Хорошо хоть, что они светятся. Вот туда я и буду целиться своим мечом». А зверь шипел все громче. Его зловонное дыхание пахнуло в наши лица.

И тогда я приготовился к бою. Меч мой, будто сам знал, что ему делать. Я еще ребенком обучился владеть этим оружием. Но никогда не было такого радостного предчувствия атаки. Этот меч слился с моей рукой, он был ее продолжением.

А глаза почему-то снова спустились к воде. Они летели над ней уже совсем рядом с нами. Я опять почувствовал веяние зловонного дыхания.

— Кемок! — Мысли и чувства Орсии нахлынули на меня, в моем сознании слышался ее крик.— Отвернись от этих глаз. Держи меня! Не пускай меня к ним! Помоги-и-и...

Я прижал ее своей спиной к стене, а она вырывалась и пыталась броситься навстречу пылающим глазам.

— Держи меня сильней! Эти глаза... Они манят меня! Не отпускай! Помоги! — В ужасе Орсия кричала уже не мысленно, это был ее собственный голос. Она кричала изо всех сил. И в то же время вырывалась, словно притягиваемая каким-то мощным магнитом. Удержать ее было невозможно. И когда чудовище было уже совсем рядом, я отбросил Орсию как можно дальше. Видимо, она полетела в воду, так как за моей спиной что-то плеснуло.

Я уже успел понять, что магниты светящихся глаз притягивают только Орсию. На меня они совершенно не действовали.

Идти навстречу врагу было невозможно. Сильное течение не позволяло сделать и шагу. Больше всего я опасался, что потеряю равновесие. Я примеривался. Глаза над водой находились чуть выше моего пояса. Где же должна быть пасть этого чудовища — под водой? Скорее всего так.

— Ситри!

Не знаю почему я выкрикнул это неизвестное мне слово, словно боевой клич. В эти страшные минуты я словно бы перестал быть Кемоком Трегартом. Я стал другим человеком, и этот другой хорошо представлял себе, как он будет сейчас сражаться с невидимкой, один на один с чудищем в кромешной тьме. Я и сражался с чудовищем и в то же время словно следил за собой со стороны, с восхищением видя, как поднимаю меч, как обрушиваю его на эту гигантскую голову. Моя рука! Хоть бы она не подвела! Нет, я не чувствовал боли. Когда же она успела исцелиться?

Я владел теперь ею еще лучше, чем до ранения. Удар пришелся прямо по светящемуся глазу. Казалось, рухнут своды от рева, сдавленного каменными стенами. Громадина выпрыгнула из воды. Я отлетел в сторону. Видимо, лапа, похожая на кувалду, задела мое плечо. Но меч был у меня в руке, и я вскочил, будто подброшенный пружиной. Прислонившись к стене, ждал я второй атаки. Но теперь на меня надвигался только один светящийся глаз.

Я махнул мечом почти наугад. Мне казалось, что я должен

промахнуться, но меч наткнулся на какую-то глыбу каменной твердости, потом опустился ниже и безошибочно вышиб и второй глаз. На меня снова опустилась кувалда. Она подкосила меня и прижала к скользкой стене. Упади я в воду, тут бы мне и конец, так как сознание мое помутилось от удара, и я захлебнулся бы. Но к счастью, я не упал в воду и, очнувшись, понял, что придавлен к стене громадной тушей поверженного зверя.

Я притронулся к нему. Скользкая, холодная чешуя оцарапала мою ладонь. Видимо, это была лапа. Я попытался выползти из-под нее, но сделать это оказалось довольно трудно. После долгих усилий я все-таки освободился. Поднялся и подумал о мече. Он был у меня в руке. Никакая сила не могла его у меня отнять.

Я стал звать Орсию. Она не откликалась. Тогда я позвал ее мысленно.

Что с ней? А вдруг чудище придавило и ее? А вдруг она раздавлена его тушей?

— Орсия! — думал я, уже теряя надежду.

— Я здесь,— почувствовал я ответную мысль.

Боясь, что упаду, я оперся о стену. Очень болел бок. Но я пощупал — ребра целы, руки — в порядке, голова на плечах, ноги пока что держат. Значит, остался цел. Разорвана только куртка, но это ерунда.

Какое редкое везение уцелеть в такой схватке. Что-то здесь большее, чем просто счастье. А вдруг салкары говорят правду? А что, если меч наградит меня бессмертием того, кому он принадлежал? А слово, которое я выкрикнул, кидаясь в атаку? Каков его смысл? Не забыть бы его.

— Кемок!

— А вот и я,— это была уже Орсия. Она стояла рядом. Я протянул руку, и наши пальцы встретились. Радостным было это прикосновение.

— Я была без сознания, и течение меня унесло довольно далеко. А что было тут?

— Зверюги больше нет.

— Ты победил его?

— Это сделал не я, а меч. Мне кажется, он воевал сам, двигая моей рукой. Однако, должен заметить, путь мы выбрали не из легких. Не знаю, что еще нас ожидает впереди.

— Но и назад идти тоже нельзя. Там фасы, а с ними еще что-то, не могу понять, что. Мне известно только, что оно связано с Тьмою. Это — совсем не человек. Фасы тоже его побаиваются, хотя сейчас и вынуждены иметь с ним дело.

Таким образом, единственное, что оставалось,— это идти вперед. Нам пришлось перелезть через убитого зверя, который возвышался над подземным потоком. Уровень воды стал выше из-за этой страшной запруды. А вода все поднималась, и была опасность, что она заполнит весь туннель. Поэтому надо было спешить.

— Ты сказала, что глаза тянули тебя. Что это значит? — на ходу спросил я.

— Неужели ты этого не ощущал? — из темноты отвечала Орсия.— Меня будто на веревке тянули в его пасть. Впрочем, конечно же, на тебя он так не действовал. Иначе как бы ты мог с ним сразиться? Меч тут ни при чем. Видимо, у тебя, чужеземец, есть какая-то своя защита.

Я понял, что чудище парализовало ее волю к сопротивлению, чтобы взглядом притянуть к себе. Наверное, так вот оно и охотится под землей, поджидая очередную жертву. То, что на меня его сила никак не подействовала, нас удивило. Все-таки, возможно, мне помогал меч. Больше того, мне вдруг показалось, что меч уже воевал против этого монстра и уже убил его однажды. А сейчас только память меча и помогла мне осилить великана, пожирающего все живое в этой беспредельной тьме.

Вода перестала прибывать. Мы шли по ней, и она была нам по грудь. Но зато фасам будет непросто преодолеть гигантскую тушу, когда они доберутся до нее.

А подземный ручей привел нас к небольшому подземному озеру. Издали еще услышали мы гул водопада. И самое главное — вместе с падающей водой из-под высокого свода пещеры струился тусклый, приглушенный каменной перегородкой свет.

Брызги разлетались в разные стороны и были похожи на туман, но уже можно было разглядеть все, что делается вокруг. Я вылез из воды и подал руку Орсии. Мы прислонились к стене и наблюдали за водопадом. Глазам было больно и радостно видеть свет, проникающий сразу в три расщелины.

Я подумал, что по отвесной, скользкой стене к выходу из этого подземного мира нам не взобраться. Самая нижняя расщелина была совсем невысоко. Но даже до нее не доберешься. Я изучал третье отверстие, которое было уже других, но, пожалуй, подлиннее. Правее водопада к нему вели неглубокие уступы, которые промыла в скале вода. Пожалуй, хотя и с большим риском, по ним можно было попробовать подняться. Но что это давало? Ведь совсем не ясно, куда мы попадем там, наверху.

Я сказал об этом Орсии. Она отвечала:

— Почему не ясно? Там горы. И совсем недалеко до Черной Башни.

Я удивился тому, что она говорила без тени сомнения.

— Ну хорошо, а взберешься ли ты наверх?

Ноги ее с перепонками между пальцами, наверняка не годились для восхождения по скалам. Орсия подумала и серьезно сказала:

— Попробую...

Я еще раз взглянул на влажный камень с углублениями и выпуклостями — что ж, надо попытаться. Только не следует торопиться.

Я нащупал выпуклость и поставил ногу, затем прилепил пальцы к выемке. Чуть потянулся и нашел новый выступ. Затем остановился и глянул, как это будет получаться у Орсии. Карабкаться ей было непросто, и все же она медленно, дюйм за дюймом поднималась вслед за мной.

Больше чем полскалы было уже позади, вернее внизу. Я нашел площадку и, хотя она была крохотной, мы могли перевести на ней дух. Сил уже почти не оставалось. Я влез на нее и подал руку Орсии. Она подтянулась и стала со мной рядом. Мы тесно прижались друг к другу, только так и можно было здесь поместиться. Орсия вдруг тревожно втянула воздух, и посмотрела на скальную трещину, что была неподалеку от нас:

— Там фасы,— сказала она неожиданно.

— Там? — спросил я.

Воевать на такой маленькой площадке было бы безумием. Но лезть дальше, оставив противника внизу было бы безумием еще большим.

— Нет, нет, сейчас там пусто. Но это ход в их нору. Надо поторопиться.

Делать привал у логовища фасов дело рискованное. Малейший толчок, и ты полетишь вниз, на скалу. Поэтому — никакого отдыха. Руки болели, спина ныла. Но надо думать только о нескольких дюймах, что впереди. Вот эта выемка, вот этот выступ. Дотянуться до него. Выпрямить ногу. Еще один шаг наверх. Затем еще один шаг.

Больная рука снова дала о себе знать. Пальцы ее не хотели слушаться. Они совсем онемели. Еще немного — и я сорвусь.

Неужели это та самая расщелина? Да, свет льется оттуда. Я просунул пальцы в отверстие. Рука моя уже на свету. Свет, правда, какой-то тусклый. Ну и что? Наверное, там наверху небо заволокло тучами. Я подтянулся и вывалился на дно ущелья. Поток, который струился по туннелю, начинался здесь. А вокруг были горы. Я подал руку Орсии и вытащил ее из влажной темноты. Вид у нас был ужасный. Одежда наша превратилась в лохмотья. Руки и ноги были в грязи. На лице ссадины. Но, выйдя из-под земли к свету, мы были счастливы. Голова у меня закружилась. Впрочем, вполне возможно, что это давал о себе знать голод.

Орсия упала перед ручьем, струящимся по ущелью, на колени. Она смотрела на воду. Так Лоскита склонялась над голубым песком. Молниеносным движением она выхватила что-то из воды, что-то длинное и тонкое, отчаянно извивающееся. Это, скорее, была змея, чем рыба. С силой ударила ее Орсия о камень, а затем выбросила на песок. И снова рука ее упала в воду. И опять полетела на песок переставшая извиваться змея. Я предпочел бы другой улов, но приходилось мириться с этой странной рыбалкой. А Орсия выбросила из сетки раковины и положила туда свою странную добычу.

И вот мы снова в пути. Орсия ступает по воде, я шлепаю босыми подошвами по влажному песку. Мы идем в глубь ущелья.

Орсия не просто идет против течения, а всякий раз наклоняется, выхватывает из ручья рыбину и бросает ее в сетку.

А ущелье становится шире. Вот уже на склонах появился кустарник. Постепенно начинает вечереть. В поисках ночлега мы отошли от воды. Между скалой и огромным мшистым валуном можно было неплохо отдохнуть. Для безопасности я решил соорудить еще одну стенку и принялся таскать для нее камни. Орсия тем временем начала потрошить рыбу.

Я не был в восторге от того, что придется жевать ее сырой. Орсии хорошо, она привыкла к такому. Я не подал вида, что мне это не нравится. Просто старался не думать о том, что жую. И действительно, вдруг оказалось, что еда гораздо вкуснее, чем я ожидал. Безусловно, переходить на такую диету до конца жизни я не стал бы, но сейчас съел свой обед даже с удовольствием.

Стало уже совсем темно, когда Орсия достала шарф Каттеи и вынула из него жезл. Она вытянула руку, державшую его острием вверх. Приблизив жезл к губам, она подула на него и стала делать свободной рукой какие-то знаки. Так когда-то чертила воздух рукою и Каттея. Я молча наблюдал за этим обрядом, боясь спугнуть вдохновение. «Кто же эта женщина? — думал я.— Неужели в стране кроганов тоже живут колдуньи?»

Совершив священнодействие, Орсия расслабилась и стала тереть ладони, словно для того, чтобы отогреть их. А потом мысленно обратилась ко мне:

— Укладывайся,— думала она.— Этой ночью мы в полнейшей безопасности. Наша охрана понадежней даже той, что была у наших предков.

Я сгорал от любопытства. Так хотелось узнать, что это она нам наколдовала. Но пришлось помалкивать, мне было известно: если колдунья не хочет что-то рассказывать, вопросов ей задавать нельзя. Моя колдунья молчала. Но я был уверен, что, если уж она пообещала безопасность на эту ночь, значит так оно и будет. И это было как нельзя лучше. У меня в эту ночь сил на охрану нашего ночлега не хватило бы. Усталость, наконец, свалила меня.

Пробудился я поздно. Орсия уже поднялась. Она сидела на корточках, и ладони сомкнула над жезлом, над его искрометным острием так, словно протягивала их к костру, когда нужно согреться. Когда я открыл глаза, она вздрогнула и, будто вернувшись из другого мира, глянула на меня.

Волосы ее высохли и серебряным отблеском спадали на плечи и спину. Мне Орсия показалась необычной сегодня, она меньше походила на обычных людей и была более загадочной, чем тогда, когда мы встретились первый раз на острове кроганов.

— Ешь,— она показала на рыбу, ожидавшую меня.— Я проницаю — с помощью колдовства хочу узнать кое-что из будущего.

В словах ее была та же сила, что и у Колдуний Эсткарпа.

Она подчиняла себе, хотя смысл сказанного был неясен. Что она имеет ввиду, сказав «проницаю». Может быть, я неверно расслышал. Может, она сказала: «прорицаю»? Тогда все ясно. Лоскита занималась тем же, и мне все это порядочно надоело.

Орсия поняла, о чем я думаю.

— Нет, нет. Я не пытаюсь узнать нашу судьбу. Я смотрю, какие опасности у нас на пути,— сегодня, завтра. И знаешь, их совсем немало.

Я посмотрел по сторонам. Струился ручей, росли кусты. Больше я ничего не увидел.

— Ты что, думаешь опасность так просто увидеть? Глаза ее не воспринимают. Можно десять раз взглянуть — и ничего не заметить. Что бы тебе ни встретилось, посмотри и раз, и другой, и третий, но и тогда не слишком доверяй своим глазам.

— Наваждения?

— Мы окружены силами Тьмы,— сказала Орсия.— Вот смотри.

Она положила одну свою ладонь на острие жезла,— а другую — мне на лоб. Я поразился тому, что увидел. Внутреннее зрение озарило мои глаза. Поросшая кустарником гора сделалась вдруг гигантским чудовищем. Задвигались бородавки на его чешуйчатом теле. Шевельнулась лапа с острыми когтями. Захлопали огромные глазища.

— А взгляни-ка на свой меч,— сказала Орсия мысленно, и я подчинился.

Скорее всего, когда гора превратилась в зверя, я сжал рукоятку меча, и он откликнулся. На сверкающем металле появились багровые буквы, будто писались они кровью. Что было написано, разобрать я не мог.

— Это наваждение или действительно чудище, и оно рядом с нами? А если оно и вправду есть, почему не бросается на нас?

— Да потому, что оно так же не видит нас, как не видели его мы раньше. Нас тоже от него скрывает наваждение.

Орсия положила жезл на место, и мир стал таким, каким был раньше. Зверь превратился в скалу, будто его заколдовали.

— Можешь ничего не бояться, пока я с тобою рядом.— Она чуть помолчала.— Но я не могу долго без воды. А река или ручей текут не везде. Так что заканчивать эту дорогу ты будешь сам.

— И совсем не надо, чтобы ты шла со мной,— поспешил сказать я.— Ты умеешь себя защищать. И тебе здесь будет лучше, так что оставайся,— я хотел сказать «оставайся, пока я не вернусь за тобой», но подумал — а вдруг мне не придется вернуться? То, что я ищу,— это только мое дело. Что ж я буду втягивать в него еще кого-то?

Я думал, что она занята своим жезлом, и мысли мои ей неинтересны. Но она заговорила, продолжая нить моих размышлений.

— Если на пути твоем появится опасность, меч даст тебе

знать об этом. Я не ведаю, какая тайна скрыта в твоем оружии, мое колдовство бессильно проникнуть в нее, оно связано только с водой и немного с землей, которая рядом с ней. Но есть легенды. Видимо, они говорят правду. Ты ведь видел, как выступила кровь на твоем мече, когда появилась опасность. Без меня меч станет для тебя чем-то вроде колдовского камня. Он будет твоими ушами и глазами. Ведь то, что мы видим, зачастую является совсем другим, не таким, каким оно нам кажется. Зло надевает личину доброты, прекрасное может казаться опасным. Зрение обманчиво. Ему нельзя доверять. Ну, отправляйся — уже светает.

— А как быть с этой мерзостью,— я поднял меч, ожидая, что скала снова обернется зверем.

— Это только сторож,— Орсия завернула жезл в шарф Каттеи.— Ступай за мной по воде. Он чувствует, что мы здесь. Но разглядеть не может.

Я пошел, не отрывая взгляда от скалы. А вдруг то, что она представляет собой на самом деле, сумеет потихоньку подкрасться к нам.

— Не думай об этом,— приказала Орсия.— И давай здесь не разговаривать мыслями. Слуги Тьмы, конечно, не понимают, о чем мы говорим, но чувствуют наши мысли, как люди слышат голоса.

Мы шли по воде рядом, и ее ладонь была в моей. Сильное течение мешало идти, и мы передвигались с трудом, как там, в тоннеле. Когда мы обходили скалу, меч стал кровавого цвета, а потом его поверхность стала бледнеть, пока он не засверкал своим обычным металлическим блеском. Мы долго шли, прежде чем алые знаки снова выступили на металле. Однако на этот раз тех, что нам угрожали, можно было увидеть и не глядя на меч. На скалах мельтешили маленькие фигурки. Это были фасы. Они таскали в корзинах землю и камни. И, высыпая их наверху, бежали за новой порцией. Орсия сжала мою ладонь, я посмотрел на нее и понял, как ей противно встречаться с этими действительно отвратительными существами.

За скалой мы снова увидали работающих фасов. Они сооружали дорогу на самом краю пропасти. Вместе с ними стояли обычные люди в одинаковых темно-желтых плащах, в руках они сжимали не мечи, а палки. По всей вероятности, это были надсмотрщики. Они указывали фасам, что надо делать, и, заглядывая в чертежи, сверяли, правильно ли ведется строительство. Было не ясно, зачем здесь надо строить дорогу, но раз неприятели ее строят, видимо, для них она очень нужна.

Орсия поднесла к губам палец, показывая, что здесь надо молчать. При этом она так посмотрела на меня, что я понял — обмениваться мыслями тоже пока не стоит. Ее ладошка снова скользнула в мою ладонь. Перед опасностью она старалась быть как можно ближе ко мне.

Чуть поодаль собралась большая группа фасов посреди потока. Они сооружали каменную опору. Чтобы установить ее,

нужно было войти в воду. А им этого делать не хотелось. И двое в желтых плащах загоняли их туда палками. Пройти мимо них незамеченными казалось невозможным.

Мечом я показал Орсии, куда нам лучше всего направиться, чтобы обойти их. Она глянула и кивнула мне головой. Но, чтобы попасть туда, нужно было перейти на ту сторону потока. А это было опасно. Во-первых, мы были на виду. Во-вторых, нас выдавал плеск, который слышался, когда мы шли по воде. Но другого пути не было. К счастью, мы перешли поток, и нас никто не заметил.

Я не сомневался, что это проделки Орсии. Конечно же, она сделала нас невидимками. Я знал это, но все-таки шел осторожно — мало ли что? Но вот мы благополучно достигли кустов и прибрежных валунов. Я не впервые использовал такого вида укрытия. Фасы остались позади. Можно было о них забыть, однако меня не оставляло беспокойство — зачем они все это строят, думал я. Понятно было, что такое их строительство ничего хорошего не обещает.

— Подожди здесь, я пойду наверх — посмотрю, что это они задумали.

— Только осторожно. Когда мы рядом, тебя никто не видит. Но как только ты отойдешь от меня, то сразу же становишься видимым.

— Пустяки,— самоуверенно отмахнулся я.— Для меня это привычное дело.

Орсия спряталась за валун, а я, прикрепив к поясу меч, полез по скале наверх. Я почти взобрался на площадку, выступавшую над пропастью, как вдруг услышал угрожающий клич. Если бы на меня напали молча, путь мой на этом бы и кончился. А так я стремительно взобрался на выступ, прилип спиной к камню и вырвал из-за пояса меч.

Смерть налетела на меня с неба. Крылья у нее были такими сильными, что поднятый ими ветер чуть не сбросил меня вниз. Она сделала плавный круг и села прямо надо мной на вершину скалы. Клюв ее был нацелен прямо на меня. На длинной шее, казалось, не было головы, а только глаза и клюв, приготовленный для удара.

Я вскинул меч, магические знаки ярко горели на нем. Расщелина, в которой я примостился, была узкой, и я никак не мог отвести меч для удара. Я подумал, что это все. Клюв уже опускался на мою голову. Я вскинул руку — руны на мече сверкнули, как угли, и он ударил птицу. Мне казалось, что это произошло случайно. Если так — то это была счастливая случайность. Острие меча коротко полоснуло крылатую смерть. Крик, похожий на тот, который я услышал вначале, опять оглушил меня. Шея, напоминавшая извивающуюся гадюку, выпрямилась. Клюв, этот стремительный кинжал, не ведавший пощады, был от этой змеи отсечен. Летающая смерть больше не была смертью. Она начала метаться, опускаясь над пропастью, и, в конце концов, ударилась о скалу и рухнула вниз.

Пораженный, я снова осмотрел меч. Это совершил он. Как и там, под землей, он воевал сам, отдельно от меня. Он исполнял то, что было ему предназначено. Я вскинул его вверх, защищаясь, как закрываются от удара рукой. А он сильно и точно ударил по врагу. Чья же это сила была отдана мне в таинственном склепе?

Однако шум, который поднял этот летающий хищник, не могли не услышать фасы у потока. Надо побыстрее спускаться. Но сначала я все-таки взобрался на утес, откуда было видно все, что делается вокруг.

За ущельем виднелись холмы. Повсюду валялись каменные глыбы.

Между валунами шла какая-то своя жизнь, что-то там двигалось, но туман скрывал это движение. Вдали блестела какая-то полоса. Может, река? Нет, скорее всего дорога. Но никакой башни впереди не было! Я прикинул, что как бы мы ни шли, а дорогу пересечь нам придется.

Как можно скорее спустился я вниз. Прямо под скалой меня уже ждала Орсия.

— Торопись,— схватила она мою руку.— Сейчас они будут здесь. Они, конечно, услышали крик руза, а когда найдут его убитым, сразу же догадаются, что это мог сделать только пришелец. Наша защита против них бессильна.

— Послушай, а где эта самая Черная Башня? Я подумал, двигаться дальше вслепую не стоит.

— Не знаю... Где-то здесь, поблизости. Но ты можешь спросить того, кто ответит тебе точнее.

— И кто же это?

— Та, кого ты ищешь. Обратись к ней мысленно. Ее сердце открыто твоему. Ты почувствуешь, куда надо идти.

— Если наши мысли соединятся, нас могут отыскать по этим токам. Мне об этом когда-то говорила Каттея.

— А ты не думай о колдовстве. Есть ведь просто связь сердец. Ты сам рассказывал, Кемок, что вы трое соединены в одно целое в этом мире. Это вас отличает от других. Попробуй подумать о сестре, но без всяких заклинаний, а просто тоскуя по ней. Ведь, кроме колдовского умения, есть просто память о близком человеке.

— Я не знаю, как это сделать. Конечно, я мог вспоминать Каттею, тревожиться о ней, желать встречи с ней.— Может, именно об этом и говорит Орсия?

— Не бойся. Страх не лучший попутчик. В этих краях он сразу же обернется против тебя. Не надо думать, что с близкими что-то случилось, тревожиться о них. Лучше вспоминай. Вспомни, как вы были счастливы. Вспомни, как она смеялась, когда говорила с тобой, какой была в те дни. И еще — остерегайся наваждений.

Зло может принимать личину доброты. Безобразное может казаться прекрасным, а прекрасное безобразным.

— Ты не так давно это уже говорила.

— Если надо, я скажу это тысячу раз. Опасен острый меч, опасна пасть зверя, но куда опаснее силы, которые помещены внутри нас, в наших мыслях.

Мы шли — рука в руке. Слова Орсии были убедительны. А я все не решался последовать ее совету и вспоминать, какой была Каттея в далекие и такие счастливые времена. Так я еще никогда никого не искал. Может, это похоже на то, как я шел по каменному лесу вслед за шарфом Каттеи? Таинственная сила шарфа вскоре иссякла, но тогда он мне очень помог. Может, воспользоваться им снова.

Орсия, прочитав мои мысли, задумалась. Она потрогала шарф, которым был повязан жезл.

— Нет. Применить здесь колдовство — то же самое, что разжечь огромный костер. Со всех сторон сбегутся на его свет. Впрочем — шарф, возможно, снова приобрел силу. В него ведь был обернут жезл. А это значит, магические силы вновь вошли в него. Но сможешь ли ты справиться с ними?

Она посмотрела на меня вопросительно и спросила — казалось, этот вопрос не имеет никакого отношения к тому, о чем мы говорили:

— Ответь мне, Кемок,— спросила Орсия,— а познал ли ты хоть одну женщину?

Меня этот вопрос обескуражил, но я ответил честно.

— Конечно.

Это случилось в Эсткарпе, в горах, когда на границе было спокойно. Но так давно, что мне казалось, будто это был вовсе не я.

— Тогда ты не справишься с этими силами. Придется мне помочь тебе. Что сказал ты в каменном лесу?

Я тихонько повторил слова, произнесенные там. Орсия повторила их одними губами.

— Я не могу отходить далеко от воды. Сейчас мы найдем валун, у которого я буду ждать твоего возвращения. Я еще раз повторю слова, сказанные тобой, и шарф покажет тебе дорогу. Только думай все время о Каттее. Тут я не могу заменить тебя, мы с ней никогда не встречались и ничем не связаны. Однако не забывай: дорогу тебе откроет сердце. Не голова, а сердце будет управлять шарфом. А вот это,— она показала на жезл,— действует только в руках у той, которая не познала мужчины. Рог единорога — так называли его наши предки. Сила его от прикосновения чужой руки исчезает.

Я по-новому посмотрел на шарф и на жезл, который выглядывал из него. Мне довелось слышать сказания о нем. О его магической силе слагались легенды. В календаре тысячелетий даже год назывался его именем — год Единорога.

Перебегая от валуна к валуну, мы подкрались к дороге. Орсия снова сжала мою руку, да я и сам уже видел, как начал полыхать мой меч, красные руны заговорили вновь.

В этом месте переходить дорогу было опасно, и мы пошли в том направлении, куда она вела, но не по ней самой. Наконец,

мы добрались до небольшой речушки. Дорога ее пересекала. Вернее, обрывалась на одном ее берегу и продолжалась на другом. Моста в этом месте не было. Орсия обрадовалась:

— Воду они еще не покорили.

Я вначале не понял, о чем она говорит.

— Я имею ввиду эту речку. Как ни могущественны силы Зла, а с водой им не справиться. Тут нужно иное колдовство. Дорогу они уже соорудили, а с мостом — дела похуже. Им это не под силу. Зато мы перейдем ее легко.

Она весело нырнула в поток, я последовал ее примеру. Мы добрались до середины реки и поплыли против течения, стараясь не приближаться к берегам. Однако, когда с двух сторон к воде подступила дорога, меч снова заговорил языком огня и крови.

Мы проплыли мимо дороги. Мне казалось, что пора выходить на берег. Здесь с любой стороны нас могли увидеть. Орсия успокоила меня.

— Плыви спокойно. Мы с тобой невидимы.

Я настаивал на своем, но убедить ее было невозможно. Вдруг она вскрикнула, увидев что-то позади. Я тоже посмотрел туда.

Кто-то плыл по течению, и вода пенилась под ним. Он тоже был невидим. Я глянул на меч, крови на нем не было, спокойно блестел боевой металл. А невидимый пловец был уже совсем близко.

У берега Орсия встала на мелководье, повернулась к плывущему и медленно пошла ему навстречу. Меч по-прежнему не чувствовал опасности. Но если к тебе плывет неизвестно кто и вдобавок еще и невидимый, тебе становится не по себе.

— Кофи! Это ты, что ли? — крикнула Орсия.

Плывущий направился к ней. Затем невидимка зашлепал по мелководью.

— Ты его знаешь? — еще настороженно, но уже более спокойно спросил я.

— Это мерфей,— отвечала Орсия.

Она защебетала и, если это был какой-то язык, то скорее подходил птицам, чем речным зверям. Не знал я и что означает слово «мерфей». Невидимка обдал нас водой и поплыл себе дальше. Обрадованная Орсия потянула меня за руку.

— Пошли! Удача на нашей стороне,— сказала она.— Мы должны не отставать от Кофи. Он приведет нас куда надо.

— А ты хоть видишь его?

Орсия удивленно спросила:

— Неужели ты не видишь?

— Там, где он плывет, я вижу, как клином расходятся волны.

— Ну что ты! Его же прекрасно видно!

Я всматривался изо всех сил, но мог разглядеть только рассекающую воду пустоту. А Орсия говорила мне:

— В чем-то они похожи на нас, хотя, правда, пониже ростом. Но выглядят скорее, как животные. Они живут в одиночку и сторонятся друг друга. Но у меня с Кофи много общего. Я тоже люблю неизведанные места, где не встретишь никого из своих сородичей. Когда-то мы с ним вместе путешествовали. У него прекрасно работает голова. Его не обманешь никакими наваждениями. Он здесь знает каждый уголок, лучше него вряд ли кто-то расскажет о том, что сейчас делают враги. Он давно предупреждает меня, что они хотят совершить большой набег на западные земли.

— В Долину?!

— Наверное. Но они все еще медлят. Видно, ждут сигнала. Без него они не выступят.

И я опять вспомнил о Динзиле, вспомнил, что говорила мне Лоскита о том, как он может использовать Каттею, которая теперь полностью в его руках. Значит, надо было поскорее добраться до Черной Башни. Я зашагал быстрей, и Орсия, руки которой я не отпускал, поспешила вслед за мной. А впереди плыл наш новый проводник.

Зелени на берегах стало гораздо больше. Орсия то и дело наклонялась. Она доставала со дна какие-то съедобные корни и складывала их в сетку. На ходу мы наскоро перекусили. А мерфей продолжал плыть. Он обогнул скалу, которая спускалась в воду. То же самое сделала Орсия, она и мне приказала отойти подальше от камня. Огибая его, я увидел, что поверхность скалы сглажена и что вообще эта глыба могла бы служить основанием какому-то строению. На берегу было разбросано много таких каменных громадин, будто какой-то титан раскидал их по округе. Цвет их был не голубым, как у менгиров, а неприятным, желто-серым. Я знал, что мы можем приближаться только к голубым камням.

— Древнее обиталище Силы,— объяснила Орсия.— Плохо придется тому, кто ее растревожит. Опасное место.

Мне было не по себе, когда мы проходили эти места, словно чьи-то ледяные пальцы коснулись меня. Впрочем, может, я сам это вообразил после слов Орсии.

А на берегу росли уже не кусты, а деревья. И листья у них были необычными. Нечто подобное я видел в проклятом лесу. Мы попали в него, когда перебрались в Эскор через заколдованные горы. Там Колдуньи поставили когда-то преграду, разделившую Эсткарп и полную опасностей страну на востоке, из которой они бежали. Листья эти были хоть и живые, но полупрозрачные — от них осталась только сетка, словно они уже наполовину сгнили. И трава тут была какая-то жуткая. Высокая, она была обоюдоострой, как меч, и того, кто пробивался сквозь ее заросли, могла исполосовать, как воина в гуще битвы. Были здесь и другие неприятные растения. Я никогда бы не решился дотронуться до них.

Но в этих страшноватых зарослях были проходы, будто кто-то протоптал здесь тропы — они проходили под обычными

деревьями. Наш проводник-невидимка свернул в боковой проток, по берегу которого и шла одна из таких троп.

В этом краю, за горами, я почему-то не мог определить, где тут север, а где юг, и куда нужно идти. Но у меня было такое чувство, что мы продвигаемся на восток, где нас ожидает неведомое.

Река мелела. Судя по всплескам, Кофи уже тоже шел по воде. Моя обувь уже вовсе прохудилась и требовала срочного ремонта. Я даже подумал, что неплохо бы отрезать полоску кожи от куртки, и подвязать ею башмаки.

Солнца над головой не было, ветки деревьев плотно смыкались над нашими головами, и мы шли под зеленой аркой. В этом живом коридоре стоял полумрак, сгущаясь там, где над водой клубился туман.

— В таком месте неплохо было бы и передохнуть,— нарушила долгое молчание Орсия.— Молодец, Кофи. Благодарим тебя за все.

Посреди протока, по которому мы уже давно шли, стоял остров, зеленый от кустов, росших на нем. Он был слишком круглый, слишком правильной формы, и это говорило о том, что остров этот искусственный.

— Это дом аспта. Он очень большой,— сказала Орсия.— Где-то тут со стороны берега должен быть вход. Но теперь здесь не живут. Очень мелкою стала протока.

И хотя ветра не было, прямо над водой у берега вдруг закачалась ветка. Орсия помахала рукой.

— Я вижу, Кофи. Спасибо за все.— И она опять добавила что-то на том щебечущем странном языке, на котором говорила с ним вначале.

Мы подошли к тому месту, где должен был быть вход. Я расчистил его, отгреб камни, вырвал и отбросил в сторону корни. Открылась небольшая расщелина. И мы на четвереньках вползли в пещеру, напоминавшую ту, где Орсия когда-то врачевала меня. Потолок в нескольких местах обвалился, и в дыры просачивался свет. Его хватало на то, чтобы разглядеть пещеру. Молодец Кофи, это он привел нас сюда. Лучшего места для ночлега и не придумаешь.

У соседней стены послышалась какая-то возня. Может, Кофи решил заночевать рядом с нами?

— Конечно же, это он,— ответила на мои мысли Орсия.— Хочешь его увидеть? Давай попробуем.

Встав за моей спиной, она положила руку мне на лоб.

— Смотри,— велела Орсия.— Что ты видишь?

Щурясь и моргая, я стал вглядываться в сумрак и увидел какой-то клок тумана, который, видно, втянулся в пещеру. Но он шевельнулся, и я понял, что это не туман, а кто-то живой, легкий, как облако. Конечно же, это Кофи — понял я. Кофи оказался очень маленьким — всего лишь до середины моего бедра. Но в отличие от страшноватого аспта, выглядел совсем как человек. У него были руки и ноги, хотя и покрытые чешуей,

как у ящеров Долины, и перепончатые, как у Орсии. Шеи у водяного гнома вовсе не было, голова держалась прямо на плечах. Туловище было заковано в панцирь. Только я стал различать лицо Кофи, как голова его втянулась в панцирь. И теперь я видел только его глаза.

Орсия сняла с моего лба ладони, и видение исчезло. Но я уже знал, что он меня видит, и протянул ему навстречу руку. Ладонь моя была открыта, чтобы Кофи видел, что в ней нет оружия. Так в наших краях приветствуют друга. Кроме того, я сказал слова, которые в таком случае говорят в Эскарпе.

— Я, Кемок Трегарт, салютую тебе. Мир твоему дому, Кофи.

Что-то во тьме шевельнулось. К шрамам на моей руке прикоснулось что-то мягкое и теплое. Я почувствовал пальцы и перепонки между ними и догадался, что это Кофи. Он тоже хочет сказать, что рад со мной познакомиться.

Орсия высыпала корни из сетки, отсчитала штук шесть и положила их отдельно. Мы с аппетитом жевали их, а Кофи отказался от ужина. Я не понял, почему он не хочет разделить с нами трапезу.

— Ему не до еды,— ответила Орсия.— Он пошел в разведку. После он нам расскажет, что творится в мире.

То, что осталось после ужина, Орсия передала мне.

— Спрячь все это в свою сумку. Тебе в дороге тоже нужно будет перекусить, Кемок. А есть что-нибудь другое запрещено. Даже то, что ты ешь постоянно, трогать на этом пути нельзя. С запретом Дагоны надо считаться. А теперь отдыхай. Завтра будет нелегкий день.

Мне не было известно, возвратился ли с ночного дозора Кофи. Спал я тревожно, смутные предчувствия заполнили душу, словно опасность была где-то неподалеку. Что это? Неведомое — то, что я не могу ни увидеть, ни ощутить. Знает ли оно, где я сейчас и какой дорогой пойду дальше? Встретит меня случайно? Или затаилось, приготовившись к схватке? Знать бы все это — и тогда легче было ждать утра. И может быть, даже спокойнее спалось бы. Неизвестность страшит больше, чем опасность, о которой знаешь.

Орсию тоже томила бессонница. Она ворочалась, доставала свой жезл, и вспышки его освещали тьму. Я понял, что она делает для нашей пещеры магическую защиту. Рассвет мы встречали уже выбравшись наружу. Орсия опять завернула дар Единорога в шарф Каттеи.

— Послушай, а Кофи вернулся? — спросил я.

— Вот он,— показала она на облачко тумана. Из зарослей тростника послышался плеск. Орсия в ответ что-то прощебетала. Затем обратилась ко мне.

— Башня вон там, Кофи сказал, что дорога к ней идет по безводным местам. Башню опутали колдовские чары. Раньше ее сторожили солдаты. Сейчас там другая охрана. Я и Кофи доведем тебя вон до той горы. Дальше пойдешь сам. Мерфеям вода еще нужнее, чем кроганам. На земле я тебе не попутчик,

со мной там будут одни неприятности. Но я сделаю для тебя все, что в моих силах.

Опять плеснул в воде разведчик-невидимка. Туман впереди сгущался. Я уже видел только силуэт Орсии. До сих пор дорогу нам указывала бегущая вода. Я не представлял себе, как буду ориентироваться, когда пойду по суше. Да еще в такой туман. Не знаю, как уж мне удастся разглядеть в этом мареве Башню.

— Я же тебе говорила, что сердце твое прозреет и увидит дорогу. Шарф тоже знает, по какой тропе направить тебя. Не печалься. Не все так плохо, как тебе кажется.

Лоскита напророчила беду, смерть, которые были каким-то образом связаны с Башней. Даже если удастся избежать той судьбы, что показала ее третья картина, то остальные две...

— Не думай об этом,— мысль Орсии встретилась с моей мыслью,— верь в то, что ты сам хозяин своей судьбы, что будущее твое никем не предопределено. Даже если перед тобой будет тупик и ты почувствуешь, что сбываются предсказания Лоскиты — и в этом случае не все потеряно. Надо произнести те слова, на которые уже однажды последовал ответ. Что бы после этого ни случилось,— беда будет меньше той, которую тебе предсказали. А поступив так, быть может, ты повернешь колесо судьбы в другую сторону. Надо против силы выставить силу. Конечно, это рискованно, но жизнь иногда требует риска.

В тумане я не мог понять, какое сейчас время и движется ли оно. Солнце уже должно быть высоко, но как давно мы оставили свою пещеру, я не знал. Речушка уже совсем обмелела, повсюду из воды торчали камни.

Орсия отступилась.

— Вот тут, Кемок, мы и попрощаемся.

Она вынула из шарфа жезл, вышла на берег и присела на валуне. Я почувствовал, что мысли ее ускользают от меня. Это оборвалась связь между нашими сознаниями. Орсия закрылась, так как занялась магическим ремеслом. Видимо, ей надо было нащупать нить, связывающую шарф с его бывшей хозяйкой. Уже обтрепавшийся зеленый шелк Орсия разложила на коленях и осторожно, будто зажженную свечу, держала она над шарфом рог Единорога. При этом губы ее шевелились, словно она что-то говорила про себя нараспев.

Затем, подцепив шарф священным рогом, она подняла его и протянула мне.

— Это все, что я могу сделать. Теперь все зависит от тебя. Вспоминай Каттею, именно вспоминай. Ту, которую ты знал. Не теперешнюю. Напряги память. Ту, с которой вы были одним целым.

Я принял шарф. Он был уже не таким ярким, как там, в каменном лесу, где я нашел его на земле. Я собрал его в ладонь, изо всех сил сжал в кулаке зеленый шелк и стал вспоминать. Но где же та Каттея, с которой я и Кайлан были едины? Когда она была мне ближе? Нет, не здесь, не в Долине, и не

тогда, когда мы вместе бежали от Колдуний в Эскор. И не тогда, когда она была у Колдуний, а мы с Кайланом сражались на границе. Так передвигался я во времени, пока не остановился в нашем детстве. Мы жили тогда в Этсфорде. Домой возвратилась наша убитая горем мать. Случилась беда. Исчез мой отец, Саймон Трегарт, и неизвестно было, куда он пропал. Многие считали, что он утонул в море. Да, тогда мы были ближе всего друг к другу, больше того — все трое мы были едины. Колодец памяти. Я достиг его дня и поднял оттуда лик Каттеи. Каттеи, еще не попавшей в Обитель Мудрейших, где колдуньи из нее хотели вылепить свое подобие. Я не знал, такой ли на самом деле была Каттея, но такой я ее видел и такой она мне казалась — в этом я не сомневался. И я постарался увидеть ее снова и опять восторгаться ею, как тогда в детстве. Она была одной третью того единого целого, каким мы тогда были. Того целого, что в своем единстве было гораздо больше, чем каждый из нас по отдельности. Я был связан с Каттеи неразрывными узами.

Шарф становился упругим. Я чувствовал, как он давит на пальцы, и раскрыл ладонь. Материя выпрямилась, свилась в жгут и, как живая, поползла по земле. Казалось, это струится зеленая змейка.

Я побежал вслед за ней и, отойдя довольно далеко, вдруг вспомнил, что, думая только о том, чтобы не отстать, я забыл проститься с Орсией. Мне стало больно, что в спешке я не оглянулся и кто мне теперь подскажет, где находится тот валун, у которого я оставил Орсию. В то же время я знал, что не имею права отвлекаться. Все мои мысли должны быть только о Каттее. Иначе нить, которую едва удалось нащупать, оборвется.

Поспевая за шелковой змеей, я взобрался на крутой берег. Там не было тумана. Речушка еще струилась, но была такой узкой, что кусты и деревья над ней сплетались. Я шел дальше. Пропали деревья, затем исчезли кусты. Оставалась одна трава, вид которой был мне отвратителен.

Я оторвал две полосы от кожаной куртки и подвязал ими свою обувь. Дырявая моя одежда совсем не грела. Я чувствовал, как пробирает меня промозглая осенняя сырость.

А шарф все полз и полз вперед, и я все бежал за ним, боясь потерять его из вида. Хорошо еще, что подъем не был крутым, и дыхание мое оставалось легким. Иногда на бегу я вытаскивал свой меч. Нужно было не забывать и об опасности. Но кровавые руны на его лезвии пока не проступали.

Когда Орсия шла рядом, я был невидим для чужого глаза, сейчас же ее магия рассеялась, так что теперь я был хорошо виден. Но вокруг было совершенно пусто, никто так и не появился. И было странно, что мне позволили свободно идти по земле врага. Было в этом что-то очень подозрительное и даже зловещее. Будто кто-то неведомый устроил мне западню. Впустил меня сюда, а потом захлопнул за мной ворота.

Путь мой шел на подъем, и с каждым шагом я чувствовал, что становится холоднее. И все-таки я думал о Каттее. Я говорил себе, что она моя сестра, что потеряв ее, я словно остался без руки — ее у меня отсекли. И теперь я стал калекой.

И тут заговорил мой меч, на металле снова зажглись магические знаки. По пояс в тумане навстречу мне бежала женщина, которую я так долго и мучительно искал. Как же это могло так случиться — бегущая Каттея и огненные руны на мече, говорящие об опасности?

Она тянула ко мне руки, она кричала:

— Брат мой, я здесь!

Так уже было когда-то. В саду у Колдуний предо мной уже однажды предстала не настоящая Каттея, а умелыми чарами вытканный ее образ. Но вдруг это наступило то самое будущее, которое предрекла Лоскита? И сейчас я, Кемок Трегарт, убью свою сестру, подняв меч на ту, что бежала из тумана навстречу. Так думал я, но эти мысли сменяли другие. Меч не может обмануть. Зло надевает личину добра, и отвратительное может казаться прекрасным. Так совсем недавно говорила Орсия.

Но бегущая Каттея уже называла мое имя. Улыбка ее была радостной и прекрасной. И вдруг шарф стал у нее на пути. Из ее рта вырвался какой-то отвратительный квакающий крик. Человек не может издавать таких звуков. Она отшатнулась от зеленого шелка, словно наткнулась на змею. И я ударил ее, пылавшим кровавым заревом, мечом. Я взмахнул мечом, и его клинок стал красным уже от самой крови, а не от магических рун. И руки моей коснулись капли этой крови. Там, где ее капли брызнули на мои руки, кожу обожгло, словно это были капли огня. А у моих ног в смертных муках корчилось ужасное чудовище. Уже испуская дух, оно все еще хотело дотянуться до меня лапами и вонзить черные когти.

Не послал ли этого зверя навстречу мне хозяин Черной Башни? Не прочло ли чудище мои мысли, не обратилось ли оно ликом той, о которой я думал? Я только сейчас понял, что бежавшая мне навстречу была совсем юной Каттеей. Я ведь и вспоминал в это время сестру, какой она была давным-давно в Этсфорде.

Пришлось несколько раз воткнуть меч в песок, чтобы очистить его от черной крови чудовища. От капель, брызнувших мне на руку, на коже остались волдыри. Но шарф не давал возможности передохнуть. Он уже далеко ушел от меня и продолжал стремительно уползать вверх. Следуя за ним, я вышел на песчаную дорогу. Видимо, кто-то проезжал здесь совсем недавно. Во влажном песке была оставлена глубокая колея. Шарф полз в том же направлении. Понятно, что и я последовал за ним. Будь что будет, даже если зеленая змейка приведет меня к воротам, где стоит стража Динзиля. По бокам дороги громоздились скалы, и я вспомнил тропу, что вела к долине Лоскиты.

Тут также в скалах возникали лики огромных чудовищ. Они наблюдали за мной, но сейчас же пропадали, как только я пристально в них вглядывался.

Откуда-то издали послышались чьи-то рыдания — может, это разбушевался ветер? Они звучали все громче. Тропа становилась круче, переваливала через хребет и падала с кручи, чтобы затем опять устремиться вверх. В низине к скале была привязана женщина, в одежде, какую носят в Зеленой Долине. Одежда эта была изорвана. Тело женщины покрывали ссадины, на ее лице запеклась кровь. Она стояла в какой-то странной позе и бормотала что-то бессвязное. Казалось, она обезумела от боли и страха.

На мече опять вспыхнули руны. Обмануть его было нельзя. Все хитрости Динзиля он тут же разоблачал. Можно было не обращать внимания на этот спектакль. Но оставлять в тылу неприятеля не в моих правилах. Иллюзия была настолько искусной, что я с трудом заставил себя нанести удар.

Окровавленная женщина обернулась мужчиной. К моему удивлению, умирающий был действительно человеком. Человечье лицо, человечьи руки. И только ненависть, горевшая в его глазах, и крик, с которым он рухнул на землю, были звериными.

Чудовище, убитое неподалеку отсюда, мужчина, сраженный моим мечом. Ведает ли Динзиль, что его стражники мертвы? Знает ли он, что я продолжаю свою дорогу? И вообще — известно ли ему, что я здесь?

Когда я опять вскарабкался вверх по склону, передо мною, наконец, появилось то, к чему я так долго добирался.

Черная Башня — я узнал ее, я уже видел ее на голубом песке у Лоскиты. Вот она — неприступная цитадель. Я замер, не зная, что делать дальше. Значит, это здесь определится моя судьба. Я вспомнил о той картине, которую показала мне Лоскита,— неподалеку от этой Башни мне суждено убить Каттею. Я был готов встретить здесь любую неожиданность, я был готов к борьбе.

А моя зеленая змейка все струилась и струилась дальше, все ближе подбираясь к этому чертову пальцу, упирающемуся в небо.

Башня и вправду была черной — из черного мрачного камня сложили неведомые строители ее стены. Камни эти дышали тысячелетиями. Древность здесь была такой же невероятной, как и в колдовском квартале города Эса, где обитали Владычицы Эскарпа. Казалось, что над Башней этой пронеслись не только века, возраст ее надо измерять какими-то другими исчислениями времени. Ее стены были сплошные — ни одного проема, ни одного отверстия. Словно окна и двери придумали после того, как строители возвели эти стены. Ее построили на возвышенности, поросшей серой травой, густой и короткой, как щетка.

Дорога, приведшая меня сюда, неожиданно исчезала прямо

перед холмом. Колея тоже заканчивалась здесь, будто тот, кто сюда приехал, прыгнул в небо.

Шаг за шагом я подходил к концу пути, с тревогой думая о пророчестве Лоскиты, которое прямо сейчас могло сбыться. Подойдя к холму, я успокоился. Две судьбы из трех предсказанных не сбылись. Долину и подступы к Башне я миновал без приключений.

Шарф замер у подножия холма. Затем он вытянулся как шест, которым балансируют, и стал раскачиваться. Видимо, трава, что мне не понравилась, была действительно опасна, и он не решался к ней прикоснуться. Я направил на нее острие меча и увидел багровое свечение.

Тогда я притронулся мечом к шарфу, шелковый лоскут обхватил металл и пополз к моей руке. Он обвился вокруг нее и коснулся плеча, я почувствовал, как телу моему передалось его живое тепло. Это прибавило мне сил.

Однако надо было каким-то образом войти в Башню. Я перестал думать о Каттее. Мне нужно проникнуть внутрь, но вход туда заколдован, и нет ключа, который бы снял чужое волшебство.

А может быть, он у меня в руках? Древнее преданье называет его, но оно же и предостерегает. Открывающий двери Тьмы очень рискует. Защита, которой он окружен, частично теряет силу, и Тьма легко может справиться с ним.

А правду ли говорят предания? В Эскоре легко убедиться, что в легенды заложена истина. А если обратиться к сказанию здесь?

И ждать больше нельзя, и надеяться не на что. Другого ключа мне не вручили, и я вставил в замочную скважину этот.

Подняв меч, я повернулся лицом к солнцу, и пошел вокруг холма. Я начал считать — три, семь, девять — магические числа. Вдруг на одно из них откликнется неприступная Черная Башня. Я трижды обошел холм, но ничего не случилось. Семь кругов тоже не дали никакого результата. Шарф грел меня своим теплом. Меч зажигался только тогда, когда я опускал его к траве. А все остальное оставалось прежним. Ни три, ни семь не пробудили тайные силы, и я продолжал делать круги. Когда я завершил девятый круг, мне показалось, что все сдвинулось с места. Трава исчезла, появился проем. Нет, нет, не в стене башни, а в самом холме. Этот вход вел внутрь кургана.

Я мог идти, сторожей не было. Но что ждет меня там, за темным проемом, внутри? И я пошел навстречу неизвестности, держа меч перед собой, внимательно следя, не проступят ли на нем кровавые руны. Но руны, к моему удивлению, не появились. Впереди был слабо освещенный туннель. Я шел по нему, осматриваясь по сторонам, то и дело поглядывая на меч. Я искал лестницу или двери, ведущие в Башню, но ничего такого не было. В каменных стенах не копошились чудовища, как у владений Лоскиты, но что-то тревожащее душу было и здесь.

Они начинали как-то так странно, страшно и необычно искривлять поверхность, что от этого начинала кружиться голова.

Куда же ведет этот коридор? А сколько он еще будет тянуться? Я шел довольно долго. Мне казалось, что за спиной остались многие мили. Ноги мои ныли от усталости, болела спина. Но останавливаться было нельзя. И вот показалась арка, я прошел под ней и оказался в круглом зале. Видимо, он расположился в самом основании Башни. По кругу было множество дверей. Интересно, ведут ли они в коридоры. Если да, то, значит, они расходятся отсюда, как лучи. Но лестницы наверх нигде не было.

Я попытался открыть двери. Ни ручек, ни замков, ни засовов я не увидел. Но все они были наглухо заперты. Я даже попытался нажать на них плечом, но безуспешно. Значит, уходить мне придется тем же туннелем, что привел меня сюда.

Я стоял в нерешительности. Может быть, оставить это все и вернуться обратно, пока не наступила третья судьба из пророчества? Но пока что вокруг было пусто, не было ни врагов, ни Каттеи, ни той тени, во власть которой она могла бы меня отдать.

Каттея! Я снова стал думать о ней и почувствовал, что шарф, который обвил мою руку, отозвался на эту мысль и стал сползать вниз сначала по руке, потом по мечу и наконец оказался на полу.

Я думал, он подползет к какой-нибудь из дверей, но он покружил у моих ног и, поднявшись, одним своим концом указал вверх, на потолок. Я глянул туда, куда он показывал, но там не было и щелки.

Что за чертовщина! Опять какое-то наваждение? Что же мне делать? Будто кто-то подсказал, совершенно неожиданно я вспомнил отрывок из Лормтской рукописи. Заклинать здесь словом означало еще больше ослабить свою защиту, но выбора у меня все равно не было. В моем мече заключалась магическая сила. Я, правда, не знал, как велика его волшебная мощь, но верил, что она несокрушима. Закрыв глаза, я поднял свое оружие и прислонился к нему лицом, так что ощутил, сколь холоден металл клинка.

Я не решился назвать древние слова, я только думал о них, представляя, будто читаю их на пожелтевшем от времени пергаменте. Их было три, три пламенных слова из свитка, исписанного тайными знаками, потом еще три. Глаза мои открылись. Меч уперся в пол. И там, где коснулось пола его острие, вверх взлетела каменная лестница. Шарф уже взбирался по ней. Магия слова открыла дорогу в Башню. Я стал подниматься, следя, что показывает зеркало моего меча. Но огненные руны так и не появились.

Я взбирался по крутым ступеням. Там, внизу, мне казалось, что надо мной потолок. Это тоже было наваждение. Этажей в этой башне не существовало. Лестница вела в бесконечную

высь. Я поднимался по ней, и глазам моим были открыты только несколько ступеней. За ними все двоилось, расплывалось, туманилось, и было страшно туда смотреть — голова моя кружилась.

А лоскут зеленого шелка стремился все выше и выше. Перил никаких не было, подо мной была пропасть, страшно было посмотреть вниз. Да я и не смотрел. Лестница словно повисла в пустоте. Тяжело дыша, я взбирался все выше, шепотом повторяя заклинание. Меня вдруг охватил страх, мне казалось, что я вот-вот свалюсь вниз. С каждым шагом страх увеличивался, преодолевать его было невероятно тяжело.

Но, к счастью, вслед за последней ступенькой передо мной в потолке возникло отверстие. Я влез в него и снова оказался в круглой комнате. Она была меньше той, которую я оставил внизу. Шарф висел в воздухе. Верхний конец его покачивался.

И в этой комнате я снова увидел двери. Только они были открыты, а за ними не было ничего, вернее, была бездна. Я заглянул туда и увидел только пустоту. Не дымку, не облачную туманность, не марево — полную и абсолютную пустоту, прозрачную и холодную. Я отпрянул назад, у меня подогнулись колени, и я, ошеломленный, уселся на пол. Меч лежал у меня на коленях. Страх объял мою душу, и я боялся пошевелиться. Воображение рисовало, как я лечу в эту бесконечность. Ужасно было еще то, что я почувствовал, как тянут меня к себе эти проемы, ведущие в никуда. Никогда не было мне так одиноко и страшно.

Я не понимал, куда я попал. Ясно было только то, что эти двери ведут в пространство, куда человеку нет доступа. В этом можно не сомневаться. Так зачем же привела меня сюда зеленая змейка, мой надежный проводник?

Может быть, где-то рядом Каттея? И я стал опять думать о ней. Чтобы не отвлекаться, даже закрыл глаза. Каттея! Когда я открыл их, шарф полз к одному из проемов, ведущих в пустоту. Я решил, что это новое наваждение. Не может быть, чтобы моя защита толкала меня в пропасть. Я полагался только на меч, уж он-то не обманет. Я посмотрел на него, губы мои шептали заклинание. Меч молчал, в то время как шарф покачивался у опасного проема. Раньше он так же покачивался у подножия кургана, не решаясь коснуться опасной травы, но эта дорога привела меня в Башню, теперь же он зовет меня в бездну.

Я не решился подняться, мне казалось, что я сразу же потеряю равновесие, поэтому я пополз к проему на четвереньках, толкая перед собой свое оружие. Но я не мог заставить себя приблизиться к самому краю. Шарф опять коснулся моей руки и пополз к плечу. Словно прося защиты, я прошептал:

— Каттея!

Теперь я искал связи с ней, и сосредоточил всю свою волю на мысленном контакте с сестрой. Еще никогда я не вкладывал в это стремление столько энергии. Я так устал, что в изнемо-

жении повалился на пол. Дыхание мое было таким тяжелым, словно я в полном боевом снаряжении взбежал на холм, чтобы принять неравный бой. Я лежал, упираясь лбом в холодный клинок своего меча, приятно было чувствовать его прохладу. Может, мне на помощь пришла его магическая сила, но на мой зов пришел ответ. Он был тихим, слабым, но я знал, что мой зов услышан, что это мне отвечают.

— Кемок,— донеслось до меня едва уловимое, как вздох.

Я чувствовал, что это не обман, что это и вправду голос сестры, а не чье-то колдовство, не наваждение. Как радостно было узнать, что она жива! Конечно, ее заперли. Найти ее будет трудно. Чтобы добраться до нее, надо шагнуть в пустоту. Но она жива. Она зовет меня. И я шагнул туда. Надо решиться. Я должен сделать это.

Каковы мои возможности? Орсия зарядила Силой шарф, который при мне. Неведомо чей меч. Я владею несколькими словами из предания. Они могут помочь мне, а могут и погубить. С закрытыми глазами я иду навстречу неизвестности. Я подполз еще ближе к пропасти, встать я так и не решился. Все, что наполняло меня жизнью, кричало, протестуя, кровь моя стучала в висках, сопротивляясь этому. Мозг мой говорил о том, что это верная смерть, что это безумие, что у меня нет защиты. Я не хотел умирать. Я не хотел лететь в пустоту, где умирает не только тело, но и дух, могучий дух, подаренный мне природой.

Я придвинулся к самому краешку и заглянул в бездну. Ум мой помутился. Собрав всю свою волю, я наклонился и бросился в проем.

Как в страшном сне, я летел долго, долго. Только во сне знаешь, что можно пробудиться. А здесь, казалось мне, пробуждением будет смерть.

Страшной болью налилось мое тело. Я был в полном сознании и чувствовал, как боль становится все сильнее. Это было невыносимо. Я сжался. Все человеческое ушло из меня. Я превратился в рвущий пространство вопль. Тьма сменилась яркой вспышкой. Во мне болела тьма, во мне болел свет. Что это за свет? Значит, мой полет кончился? Я пополз по какой-то гладкой поверхности. Я полз, и передо мной появлялись яркие сполохи. Что-то гудело. А я все продолжал ползти.

Слезами наполнились мои глаза. Огонь клокотал внутри меня. В голове моей разрасталось пламя.

Я! Кто я? Что означает это слово — я?

Главное сейчас — не позволить себе остановиться. Глаза надо закрыть, а то ведь можно ослепнуть. Такие яркие вспышки. Нужно ползти. А зачем, собственно, ползти?

Что такое я? Чье это тело? Сколько времени прошло — миг, час, год? Сколько времени я полз? И почему — я? Сколько времени ползло это мычащее существо, прежде, чем в нем опять искоркой затеплилось сознание? Сколько оно плакало, металось, замирало каждый раз, когда от земли до неба взлетал фонтан

огня? Сначала я только спрашивал. Затем начал думать — как же можно ответить на эти вопросы?

Слезы туманили взгляд. Я остановился, чтобы осмотреть свое тело. Я перестал быть человеком.

Вместо рук и ног у меня теперь были толстые перепончатые лапы, кожа моя стала серой шкурой, усыпанной бородавками. Я хотел встать, но не мог подняться. Голова моя торчала прямо из плеч. Лапу мою обвивало зеленое пламя. Я дотронулся до него другой лапой, и она погрузилась в зеленый туман.

Но я стал о чем-то догадываться, какая-то память, связанная с этим изумрудным огнем, шевельнулась во мне. Ах да, шарф. А что у меня еще было? Меч. Это слово отворило мою память. Сознание полностью вернулось ко мне.

Где мой меч? Я стал смотреть по сторонам. Неужели я потерял его?

Меча при мне не оказалось. Я ощутил ужас. С надеждой увидеть его я стал озираться по сторонам. И словно сигнал был послан специально для меня, скользнул неподалеку луч, и я знал, что его отражает. Я начал было успокаиваться и потянулся туда, где луч начинался. Он осветил мою лапу. Сейчас я дотронусь до рукоятки. Вот она. О ужас! Лапа моя ткнулась в пустоту. Но ведь он мой, он дан мне, и я должен взять его. Пальцы сжимались и разжимались, но передо мной кроме света ничего не было. Я колотил по полу. Я ревел. Из ссадин на лапах выступила киселеобразная зеленая кровь. Я царапал лапами бородавчатую грудь. Я стонал, и голос у меня был нечеловеческий, и я понимал это. Что же это за луч? Где я мог потерять свой меч? Как узнать это теперь? Я долго полз. Может быть, где-то там позади он ждет меня? Или это все-таки он? Если так, то откуда он здесь?

Я смахнул со щеки слезу и вздрогнул от прикосновения своей лапы. Шкура была как наждак. И вдруг меня осенило. Надо ползти дальше, и тогда я узнаю, что это за луч. Нет, я не должен ползти. Меня обволокло чужое тело. Это не моя бородавчатая жесткая кожа. Я не покорюсь тому, кто взял меня в плен. Я должен двигаться стоя. Я человек и пойду навстречу неизвестности в полный рост. Я почувствовал, как возвращаются ко мне прежние достоинство и решимость.

Но удержаться на коротких лапах оказалось очень трудно. Кривой позвоночник переместил центр тяжести далеко вперед. И я опять опустился на четыре лапы. Голова моя почти упиралась в землю, и что делается на два-три метра впереди, я уже не видел. Я поворачивал неуклюжую шею, стараясь увидеть, во что я превратился. Вид мой был на редкость уродлив. Спина горбилась бесформенным холмом, плечи были несоразмерно широки, а поясница узка. Я потрогал лицо неуклюжей лапищей. Губ у меня не было. Узкая щель перерезала пол-лица. Из нее торчали острые клыки. Вместо носа красовалась щель поменьше. На лысой голове уши соединял огромный

мясистый гребень. Уши были размером с лопух. Я понял, что такое чудовище, каким стал я, может испугать кого угодно.

Покачиваясь да пошатываясь, чтобы не упасть, я сделал первый робкий шаг, затем еще один и пошел, как ходят по краю пропасти. Луч дрогнул и тоже задвигался. Он скользил впереди меня, и расстояние между нами не уменьшалось. Я успокоился, радуясь тому, что меч со мной, и, хотя мне невозможно им воспользоваться, он все-таки, наверное, меня охраняет. Теперь я, переваливаясь с лапы на лапу, двигался вперед так быстро, как только мог. Я шел сам не зная, куда.

Впрочем, я знал, куда иду. Я здесь затем, чтобы освободить сестру. Где ты, Каттея? Думая о своем уродстве, я испугался, что и ее заколдовали в нечто подобное. И все-таки, куда меня забросила судьба? Скорее всего, это запредельный мир, где человеку жить заказано, где только и обитают вот такие чудища.

А что если и правда Башня охраняет ворота в другие пространства? Хотя зачем Динзилю переселять Каттею в мир, откуда нет возврата. Ведь сказано Лоскитой, что при помощи Каттеи Динзиль хочет получить власть над тайными силами. Зачем ему забрасывать неизвестно куда ключ от потайной двери? Впрочем, может быть, он совершил непоправимую ошибку.

Я порядочно устал, неся свое массивное тело. Пришлось сделать остановку. Я посмотрел по сторонам. Но по-прежнему впереди была только ровная поверхность, которую озаряли разноцветные вспышки.

Что же это за радуга сопровождает меня? Глаза мои к ней привыкли и перестали слезиться. Я посчитал вспышки и нашел определенную закономерность: они объединялись по три, семь и девять. И цвета сменялись в той же последовательности. Это, конечно, было не случайно. Во всем этом была магическая закономерность.

И всякий раз, когда надо было двигаться дальше, меня терзал один и тот же вопрос: куда идти? И вслед за ним возникал образ сестры. И я произнес громко и жалобно:

— Каттея!

Однажды я уже видел слова, которые потом стали огненными молниями. Вот и сейчас имя сестры возникло передо мной и стало ярко-зеленым кольцом света, в которое превратился шарф. Оно поплыло по воздуху куда-то направо. И я, семеня короткими лапами, заковылял вслед за этим именем, но оно скрылось в одной из вспышек красного пламени.

— Каттея! — опять взмолился я мысленно.

Снова имя сестры полетело впереди меня. Золотой луч волшебного меча тоже продолжал путь вместе со мной. Я опять прикоснулся к зеленой полоске на лапе.

— Каттея!

И мысли мои становились зримыми и летели вперед, а я шел за ними. Но Каттея молчала. И я стал сомневаться — уж

не новая ли это ловушка? Но как бы то ни было, мысль моя торила нам дорогу. Неожиданно после того, как наш путь озарил голубой сполох, я увидел, что впереди какое-то нагромождение красного цвета. Сначала показалось, что это обломок скалы. Затем почудилось, будто это какое-то древнее изваяние. И, наконец, я увидел, что это чудище, вроде меня. Оно нелепо сидело, зажав передние лапы меж колен. Ясно было, что для зверя эта поза совершенно неестественна. Голова его была повернута в сторону моих мыслей, летящих в другое пространство. Одно можно было определить безошибочно — чудище было женского пола. Лицо ее словно вырубили топором — ни рта, ни носа, одни только глазные впадины, из которых стекали похожие на кровь капли. Они падали на грудь и на колени. Это существо было раза в три выше и шире меня. Оно смертельно тосковало, и мне передалась его тоска.

Я не знал, какой образ принимало раньше это уродливое существо. Но сейчас оно было в плену, в заточении. Его страдания окутали все вокруг, словно тяжелое облако. Они тяжким грузом легли на мою душу. Сердце мое разрывалось от жалости. Я хотел как можно быстрее обойти это несчастное создание, но не выдержал и дважды оглянулся.

Затем я оглянулся в третий раз и поднял было уже лапу, чтобы сказать ему слово покоя, с которыми воины Эсткарпа обращаются к тем, кто пал в бою. Но вместо рта у меня была безобразная узкая щель с клыками, и я не мог произнести ни слова. И все-таки я сказал то, что хотел. Я произнес эти слова прощального привета мысленно.

— Земля,— сказал я,— прими свое, вода,— добавил я,— возьми свое, а то, что обрело свободу — да будет свободно и да поднимется ввысь по воле Ситри.

Начало этого приветствия было сказано по верованиям моего народа. Но последние слова появились сами собой. Я даже и не знал таких слов. И в народе моем их не было. Раздавшись в моей душе, они пронеслись над нами, и цвет их был не зеленым, а золотистым, как луч, который двигался впереди меня, как меч. Слова эти коснулись чудовища, слезами которого была кровь, и вошли в него, канули в нем, в его громадном теле.

Некоторое время было тихо-тихо, но затем на меня нахлынули чужие чувства. Мощная их волна свалила меня на пол, словно во время шторма я попал под могучий вал. Я лежал, изо всех сил стараясь преодолеть этот напор чужой личности, чтобы остаться самим собой. Но вот вал чужих чувств схлынул, и я с трудом поднялся. Я увидел, как плачущая громадина опадает, плоть ее напоминала глину, тающую под напором воды. Когда оно осело окончательно, осталась на том месте только груда красной глины.

Я выпрямился во весь рост. И увидел, что луч, скользивший впереди меня, сделался мечом. Чтобы поднять ее, я опустился на одно колено, с трудом нагнулся, протянул к нему бесформенную лапу. Но оказалось, что я не мог его поднять, после

долгих усилий мне удалось только слегка подвинуть его. Я снова поднялся. Неясная тревога висела в воздухе. Откуда же она взялась? Может быть, проявив жалость к чудовищу, я навлек на себя страшную опасность?

Каттея! — опять подумал я, и это имя подтолкнуло меня вперед. Я уже научился быстро передвигать свои короткие лапы. Я шел и думал о превращениях. Каким образом луч стал мечом? Откуда я взял это слово — Ситри? Неплохо было бы вспомнить, кого я звал, убивая в туннеле великана. Кажется, тогда я тоже крикнул — Ситри! Значит, это слово или имя наделено магической силой. А не попробовать ли его, как заклинание? Я повернулся к своему бесплотному золотистому мечу.

— Во имя Ситри,— мысленно произнес я,— вернись в мою руку и сделайся мечом!

Тело мое задрожало, словно землетрясение встряхнуло то место, на котором я стоял. Яркая вспышка света молнией пробежала по мечу, и на какое-то время я ослеп. Глазам было больно, из моей чудовищной глотки вырвался звериный вопль. Но вскоре зрение вернулось ко мне. И я увидел меч, лежавший неподалеку, и опять протянул лапу к своему оружию, с усилием поднял его, сжал в непослушной лапе и почувствовал, как влилась в меня от прикосновения к металлу новая сила.

И все-таки, кто этот Ситри? Ему здесь явно подчиняются. А не попросить ли его возвратить мне мой прежний облик? Ведь только человек может защищаться мечом.

А ну-ка попробуем:

— Во имя Ситри, да буду я снова человеком...

Я ждал какого-то действия или отклика магической силы. Но ничего не случилось. И я остался чудовищем. Значит, с Ситри был связан только меч, а не я.

— Каттея! — опять позвал я.

Мысль, которую я послал, полетела по воздуху. Я тоже последовал за ней и шел по чужому миру в неведомом мне измерении. Движения мои были неуклюжи, но все-таки я продвигался вперед. И снова что-то показалось впереди в разноцветных вспышках — это была стена, излучающая ровный свет. Казалось, она сделана из огромных драгоценных камней. В их чередовании была та же самая, известная мне из легенд, закономерность: три желтых, семь фиолетовых, девять красных камней. Я подошел к стене вплотную и стал думать — мысли мои устремились через стенку к той, которая, как я надеялся, за ней была. Каттея... Пусть услышит она мой зов.

Я пошел вдоль стены. Но оказалось, что она тянется бесконечно. И перемахнуть через нее не было возможности. Особенно в моем теперешнем положении. Как такое неуклюжее существо может залезть на такую гладкую стену? Все мое неуклюжее тело ныло от усталости. Я опустился на четвереньки перед одним из красных камней. Казалось, это конец. Машинально я потрогал меч. Руны не появились. В меня влился приток свежих сил. И я снова глянул на драгоценные камни.

Как прочна эта стена? Я подполз ближе и увидел, что между камнями и горизонтальной поверхностью есть щель. Значит сквозь стену можно пройти.

В лапе у меня был только меч, но я не хотел испытывать его. А вдруг он сломается? Но и меч мне не нужен, если здесь кончается моя дорога.

И после недолгих раздумий я стал долбить мечом основание красного камня. Меч в моих лапах был плохим оружием. Может быть, вспомнить свитки Лормта? А вдруг они подскажут, как поступить? Но, чтобы вспоминать, нужно отвлечься. Я отвлекся, и меч сорвался, скользнув по гладким граням.

Лормт не помог мне. А если обратиться к Ситри?

— Ситри! — позвал я. И меч лег именно туда, куда я метил.

— Во имя Ситри! Властью Ситри! — мысленно я повторил это имя три раза, потом семь, потом девять. Меч вырвался из моей лапы и стал сам долбить камень там, где было нужно. Стена загудела. Гул усиливался. Голова моя пошла кругом. Я зажал уши лапами, чтобы не слышать этого звенящего гула. А меч все продолжал долбить.

Красные осколки брызгами летели во все стороны. Впиваясь в мою шкуру, они поранили меня. Но я не защищался. Лапы мои закрывали уши. Звуки были страшнее острых граней. Меч сверкал, его сияние слилось в один слепящий круг света. Глаза затуманились слезами, и сквозь эту дымку меч казался мне разящей молнией.

Камень дрогнул и зашатался. Меч сам собой поднялся в воздух и со всей силы обрушился прямо в середину камня. Он с треском раскололся и рассыпался на тысячу осколков. Рухнули, расколовшись, и два соседних камня. Трещины пошли по всей стене. Не дожидаясь, когда она обрушится вся, я протянул руку, и меч послушно лег в мою ладонь, его рукоять словно приросла к ней. Ступая по острым осколкам, которые больно ранили меня, я шагнул в пролом и оказался в другом мире. То, что я оставил за спиной, было чужим царством. Здесь же мне было все знакомо. Вначале мне даже показалось, что это Эскор.

Передо мной была знакомая дорога. Она тянулась между скал. Это по ней шарф привел меня к Черной Башне. Но оказавшись на ней, я понял, что это совсем другая дорога.

Здесь все изменялось на глазах. Скалы бесшумно проваливались в землю, а в другом месте вырастали точно такие же. Дорога становилась рекой и текла. Я шел по ней по колено в воде. Чудовища, которые раньше смутно мерещились на поверхности скал, теперь стали живыми и отчетливыми. Я отворачивался от них, чтобы не лишиться разума. Все здесь менялось, только меч оставался неизменным. И когда я, взглянув на него, переводил взгляд на дорогу, она на какое-то время обретала постоянство.

Я спустился в ту самую впадину, в которой мне пришлось убить одного из стражей. Теперь здесь пузырилась зловонная жижа. А дорога выбиралась из нее, шла дальше.

Пузыри вырастали и лопались, выпуская отвратительный газ. Плыть по этой жидкой грязи? Это с моим-то неповоротливым телом? Я посмотрел вокруг — нет ли обходного пути? Все мгновенно менялось, ни на чем нельзя было остановить взгляд. Еще немного — и я сойду с ума.

Я должен был пройти через эту впадину, мой путь лежит через нее. Шарф был привязан к моей лапе. Меч держал я другой. Сжав его рукоять покрепче, я вошел в вонючую жижу, ступить в которую долго не решался. Она была такой густой, что плыть по ней было невозможно. Я барахтался изо всех сил, но грязь меня постепенно затягивала. Это было нечто вроде трясины. Еще немного, и меня бы накрыло с головой. Но мне все же удалось удержаться на плаву, с огромными усилиями я стал продвигаться вперед. Вонь стояла невообразимая, от гнилого запаха можно было лишиться чувств. Глаза мои наполнились слезами. И тут я понял, что не ухожу вглубь благодаря мечу. Я стал ударять им по липкой жиже, и грязь передо мной расступалась. Наконец, я добрался до скалы и попытался вскарабкаться на нее. Но трясина не отпускала меня. Я повернулся, ударил по ней мечом, и в ту же минуту грязь выпустила меня, я взобрался на камень и растянулся, не в силах пошевелиться. Я дышал зловонием, но уже не тонул в нем. Сил у меня совсем не осталось. Но мой внутренний голос говорил мне, что отсюда надо бежать, и чем быстрее, тем лучше. Я полз, оставляя за собой грязный след. «Скорей! Скорей!» — стучала в висках кровь.

Не оглядываясь, я чувствовал, что опасность рядом. Сзади что-то отвратительно чавкало. Я напрягался из последних сил, лапы мои дрожали. Меч я держал в зубах, иначе пришлось бы ковылять черепашьим шагом. Рот мой был поранен его лезвием, но я ни за что бы не выпустил своего оружия.

Чавканье становилось громче. Кто-то догонял меня. А я все полз вперед и не в силах был оглянуться. Страх гнал меня все дальше и дальше. Но вот я, с трудом встав на колени, повернулся всей тушей к тем, кто меня преследовал. Они плыли к скале, по которой я карабкался, гораздо быстрей, чем я. Их было двое.

Сил у меня почти не осталось, и стоять на задних лапах без опоры я не мог. Поэтому я подполз к большому камню. С трудом опираясь о него, поднялся и привалился к скале спиной.

У них была серая, в бородавках шкура, широкие плечи, лягушачьи морды, из ротовой щели торчали острые клыки. От одного уха до другого поднимались мясистые гребни. Я понял, что эти отвратительные твари похожи на меня.

Они переговаривались между собой на таком же чавкающем языке, отворяя и затворяя безобразные ротовые щели. Они, хоть и плыли быстро, но загребали только одной лапой, во второй был топор — огромный, как то боевое оружие, которое Корис взял у Вольта, правда, у этих топоров рукояти были покороче. Я понял, что эти твари охотятся за мной.

Бежать мне было некуда, да я и не смог бы. Оставалось только принять бой. Похожие топоры были у салкаров. Ими хорошо орудовать в рукопашном бою. Но бывалые воины умели метать их издалека. А что за воины эти чудища? Не стоит недооценивать противника. Я решил подготовиться к бою. У меня был только меч — оружие близкого боя, так что я ждал, пока они подплывут ближе. Даже если они и хорошие бойцы, подумал я, они не станут метать топор, барахтаясь в болоте. Мне надо подойти к самому краю уступа и помешать им выбраться на сушу — тогда я буду в лучшем положении.

Однако были преимущества и у них. В отличие от меня, они привыкли к своему телу и были поворотливее. Кроме того, я смертельно устал и еле двигался. Они же, судя по всему, были полны сил. Лапы меня плохо слушались, и я с трудом держал меч. На победу я уже и не надеялся. И тогда я опять призвал на помощь с л о в о.

— Ситри,— сказал я, поднял острие меча в небо и прижал рукоять к губам,— помоги мне одолеть и этого врага. Защити меня. Порази Тьму моим мечом. Дай завершить начатое. Я говорил все, что мне приходило в голову. Но надежды на то, что меня услышат, было мало.

Если бы у меня хватило сил оторваться от уступа и подползти к самому краю, я бы поразил их прямо в болоте. Но идти я не мог, а ползти — значит подставить шею под их топор.

Им, наверное, казалось, что меня можно взять голыми руками, а, возможно, они из-за своей тупости не догадались метнуть топор сразу же, как только выбрались из трясины. Они ринулись на меня с боевым кличем, и я поднял меч, забыв, что у меня лапа, а не рука.

Меч рванулся вперед и превратился в золотой луч. Луч этот был ясен и легок, он метался, как молния, я не успевал следить за его полетом. И даже не понял, как это случилось,— вот повержен один мой враг, вот упал другой с зияющей на горле раной. Топоры выскользнули из их лап и упали, зазвенев о камень. Истекая кровью, они сползали по уступу вниз.

Другой звон, похожий на звон колокола, вернул меня в реальный мир — передо мной лежал меч. Я оттолкнулся от стены, шагнул, потянувшись к своему оружию, и не удержавшись на ногах, рухнул прямо на него. Из металла в мое тело сквозь отвратительную жабью шкуру потекло тепло, а вслед за ним — живительные силы. Свежесть и бодрость вернулись ко мне, словно и не было до этого долгих изнурительных скитаний в этом неизвестном пространстве.

Над тем местом, где упали страшные твари, поднималась только жирная копоть, хлопьями оседая на уступе. А вместо чудовищных туш я увидел двух мертвых людей. Они были так истощены, что казались почти скелетами.

Я уже мог ходить и подошел к краю скалы, чтобы разглядеть убитых. Глядя на их лица, я подумал, что они, наверное, принадлежали к древней расе или, по крайней мере, были

близки ей по крови. Но Зло околдовало их. Смерть сняла страшное заклинание и вернула им их истинный облик. Я посмотрел на свои громадные и неуклюжие лапы. Неужели и я избавлюсь от них только таким путем? Неужели выход из этого — только смерть? Скелеты на глазах распадались и рассыпались в прах. Такое я уже видел по ту сторону прозрачной стены — на моих глазах так рассыпалось плачущее существо. Я посмотрел вдаль, и глазам моим открылась Башня, стоящая на холме. Значит вот она, истинная Башня, цель моего дальнего пути. А все, что случилось до этого, было только наваждением.

Настоящая Башня была еще мрачнее. До боли резко вырисовывались на мрачном небе ее неприступные стены. Абсолютно черная, она зловеще возвышалась на черном кургане.

Я продолжал путь, и снова мои лапы утопали в дороге, как в воде. И снова я остановился у холма. Только на этот раз мне не пришлось искать входа. Черный зев его был открыт и звал меня во мрак неизвестности. Я знал, куда идти, но на всякий случай проверил.

— Каттея! — в который раз подумал я, и слово обрело реальную форму. Оно влетело в черноту проема и скрылось в темноте. Я последовал за ним во внутрь холма, и меч блеснул, одобряя мое решение. Под землей было не так темно, как это казалось под солнцем. Вместе со мной передвигался желтоватый свет. Я не сразу догадался, что его излучает мое тело.

Первое, что я увидел,— это черные плиты. Ими были вымощены пол и стены. Я знал, куда иду и, действительно, вскоре попал в круглую комнату. Я искал запертые двери, но их в этой Башне не оказалось. Лестница посередине зала гулко уходила вверх. Но это была обычная лестница. Я сомневался, что могу втащить по ней свое нынешнее тело. Но попытаться было необходимо. Я опять зажал меч в зубах и медленно полез по ступенькам, переступая четырьмя лапами, хотя рисковал рухнуть вниз и разбиться. Много сил стоил мне этот подъем. Страх сковывал мои движения, но я его преодолел.

И вот я влез в щель, которая как бы сама собой появилась в конце лестницы, сделал еще несколько шагов и попал в комнату, где обитали призраки. Это не были призраки людей или животных. Это были тени вещей.

Стоял стол, на нем были какие-то склянки и колбы с коленчатыми трубками, около него разместились стулья, сундуки и шкафы. Но сделаны они были не из дерева, не из металла или глины. Они походили на туман, набегающий на озерную гладь. Предметы были прозрачны, и сквозь них виднелись плиты стены, стоящей напротив. Я потрогал стол — лапа моя прошла сквозь пустоту.

Здесь была еще одна лестница. Она располагалась не в центре круглой комнаты, а у стены. Я подумал, что это тоже призрак, но она была настоящей. Я полез по ней вверх, ее сту-

пеньки были не так круты, и я решился встать на задние лапы и поднимался, опираясь рукой о стену.

Тишина была необыкновенная. Мне не хотелось ее нарушать, но шаги мои были слышны в этом безмолвии. И дыхание было шумным. Меня в любую минуту могли, если не увидеть, то услышать.

И здесь находились призраки вещей, только это были уже другие вещи. Два стула были вплотную придвинуты к столу. А на столе дымился ужин. Против каждого стула на столе стояли тарелка и кубок. Но все это было соткано из тумана.

Столько прошло времени с тех пор, как мы простились с Орсией, а у меня и маковой росинки во рту не было. Но только сейчас, при виде этого стола, я понял, как мучительно хочется мне есть. Но где же взять еду? И какая пища нужна этому жабьему телу? Я вспомнил изможденных людей, которые были превращены в таких же чудищ, как и я, и оставались ими до тех пор, пока мой меч их не убил. Может быть, они так и голодали до самой своей смерти?

Столовая была аристократической. Стены украшали призрачные гобелены. Их тонкий рисунок я не смог различить. Вдоль стен стояли призрачные сундуки, украшенные богатой резьбой. Все было, как в герцогском замке. Только надо было карабкаться еще выше — новая лестница устремлялась вверх.

Не торопясь, я ступал по ступеням, пока не уперся в люк. Зажав меч в зубах, я изо всех сил нажал на его крышку лапами. Она откинулась со страшным грохотом. Я торопливо протиснулся в отворившийся квадрат, думая о том, что теперь-то меня уж точно обнаружат.

— А, вот и наш славный герой! Добро пожаловать!

Я тяжело поворачиваюсь.

Динзиль! Да, конечно, это был Динзиль.

Оказывается, здесь не все превращается в гигантских жаб. Динзиль так же красив лицом, такая же у него прямая осанка, как и при нашей встрече в Долине. Он излучал мощную энергию. Казалось, у него внутри полыхает огонь — но не сжигающий, а питающий его нечеловеческой силой.

Смотреть на него было больно, дьявольский свет, который он излучал, слепил глаза. По моим уродливым щекам катились слезы, но я не отвел от него взгляда. Я ненавидел Динзиля, и это могучее чувство отняло у меня страх. Я был способен на все и смотрел на него в упор.

Динзиль же откровенно смеялся надо мной, и этот презрительный смех полосовал мою душу, как хлыст.

— Здравствуй, Трегарт, один из трех неразлучных. Уж не потерял ли ты что-то? Потерял, потерял. Но и нашел кое-что. Вижу, что нашел. Уверен, твоя находка отпугнет от тебя даже тех, кто относится к тебе с любовью. А хочешь знать, что они увидят? Вот что, полюбуйся.

Он хлопнул в ладоши, и тут же возникло нечто блестящее.

В нем отражалось чудовище. И мне стало ясно, что это чудовище — я.

Динзиль ожидал, что я буду потрясен. А я был спокоен, я уже давно знал, во что превратился. Да и в тех, кто догонял меня с топорами, я разглядел свой теперешний облик. Так что сокрушаться перед Динзилем о том, что случилось, было незачем.

Мое спокойствие удивило Динзиля, если он еще не потерял способность удивляться.

— Рассказывают,— снова обратился он ко мне,— есть такие места, где человеческое тело перестает быть видимым. Смотришь на человека и видишь не его лицо, а те порочные страсти, которые бушуют в его душе. Пригляделся — и увидел зло, что совершает человек в сердце своем, если даже он боится совершить его в жизни. Посмотри, как выглядит твоя душа, Кемок Трегарт, лазутчик из-за гор. Теперь ты видишь себя настоящего.

Отвечать ему не было никакого смысла. Я подумал о Каттее. В мыслях своих я опять позвал ее.

На этот раз не появилось перед моими глазами зеленое слово, пролетела над нами раненая птица. Бились ее окровавленные крылья, она все пыталась преодолеть какую-то преграду. Но что-то не пускало ее.

Динзиль удивился, увидев мою птицу. Он сердито махнул рукой. Мысль моя, принявшая облик птицы, исчезла. Динзиль опять повернулся ко мне, улыбки на его лице уже не было.

— А ты напористее, чем я думал. Если честно, мне казалось, что ты должен сгинуть по дороге в Башню,— неожиданно он стал серьезен. Затем щелкнул пальцами и опять рассмеялся.— Очень хорошо. Героев я люблю. Да и твое упорство достойно вознаграждения. Кроме того, интересно будет увидеть, как вы встретитесь, насколько сильны ваши узы, выдержат ли они эту встречу.

Он что-то сказал, поднял руки вверх и резко опустил их. Все вокруг пошло ходуном. Комната завертелась, в глазах замелькало, я терял равновесие, но ухватиться было не за что.

Мы оказались в круглой комнате, в столовой. Крышка люка на полу была по-прежнему открыта. Ничего вроде не изменилось. Но все предметы обрели большую реальность, они стали материальны. Ожили выцинявшие гобелены, на них зажглись серебро, золото и драгоценные камни. На стульях, на старинных сундуках появилась резьба старинной работы. Динзиль был здесь, рядом, он издевательски наклонился ко мне.

— Вот это гость! Надо бы угостить его дорогим вином. Но вдруг ты умрешь от моего вина? Нет, нет, пока я этого не допущу. Что-то мы заболтались. А ты ведь пришел сюда не для пустых разговоров. Ты здесь кого-то все ищешь, все высматриваешь. Ну давай, давай.

Я увидел, куда он глядит, и тоже посмотрел туда. Над столиком, стоящим у стены, сверкали канделябры. В них горели свечи. Висело зеркало. Перед ним на небольшой высоте двигался

гребешок. В гребне блестели бриллианты. Казалось, кто-то невидимый расчесывает длинные волосы — так быстро поднимался и медленно опускался гребешок с драгоценными камнями.

Я пошел к зеркалу.

— Каттея,— мысленно позвал я.

Понять было невозможно — это она причесывается у зеркала, став невидимой, или Динзиль продолжает насмехаться надо мной.

Потом в зеркале появилось отражение. Но это был я, мне уже было знакомо мое новое жабье обличье.

Гребешок выпустила невидимая рука, он упал на пол. Я услышал крик ужаса. Динзиль рванулся к зеркалу и обнял невидимку.

Конечно, это мог быть спектакль, разыгранный для меня. Я снова позвал Каттею, вся моя воля была собрана в одно слово, в слово ее имени. И оно столкнулось с ответом.

— Это Зло! — нет, это не был ответ на мой зов. Это был взрыв отвращения. А дальше я услышал новые слова и понял — Каттея колдует. Это могла быть только она. На этот раз обмана не было.

— Милая, ты права, это Зло,— Динзиль говорил так, словно перед ним был маленький ребенок.— Вот это чудовище говорит, что оно Кемок. Он будто бы пришел забрать тебя. Ты не волнуйся и не растрачивай понапрасну свой Дар. Ты все равно бессильна что-нибудь сделать.

— Каттея! — снова позвал я и добавил еще кое-что. Это были два слова.

Если в ней хоть что-то осталось от прежней Каттеи, она поймет, что перед ней не Зло, а светлые силы.

— Это Зло,— подобно сильному порыву ветра, пронеслось надо мной. Но слова она не сказала.— Динзиль, прогони прочь это отвратительное существо.— Услышал я голос Каттеи.— Я не в силах смотреть на него.

— Так и сделаю, дорогая.— Он проделал те же движения руками, что и прежде, только в обратном порядке, что-то сказал. Все вокруг снова завертелось. Женщина, которой не было видно, вообще исчезла. А я с Динзилем снова опустились в комнату, где все было призрачным.

— Ну что, убедился, герой? Она сама сделала свой выбор. Хочу, чтобы ты еще кое-что увидел.

Опять появилось зеркало. Однако отражало оно не меня и не то, что было вокруг, а чудовище, похожее на то, что плакало кровавыми слезами. На горбатом, уродливом туловище нелепо была посажена голова Каттеи. По горбу, массивным плечам и обвисшим грудям ниспадали роскошные волосы. Отвратительные, скрюченные, с потрескавшейся кожей лапы заканчивались тонкими, изящными женскими пальцами.

— Вот такой теперь стала Каттея,— издевательски усмехнулся Динзиль.

Я был взбешен. Динзиль ожидал этого. Он взмахнул рукой,

и я окаменел, тело мое прилипло к полу, словно туша моя вдруг пустила в этот каменный пол крепкие корни.

— Я здесь повелеваю. Я — Динзиль. Я обучу Каттею своей науке. Для того, чтобы вернуть себе прежнее обличье, она должна уподобиться мне. Это прекрасный стимул. Она хорошо усваивает мои уроки. Да и какая другая женщина не поступила бы так же? Ведь уродство ужасает их всех. Я с ней добр. Она даже не знает, как выглядит сейчас. Только однажды, мельком, она увидела свое подобие. А я сказал ей, что она может такой стать, если не научится защищаться при помощи моей магии. И она теперь очень послушна. Раньше я думал, что главная ваша сила — в ней. Теперь вижу, что и ты неплох. Что ж, учтем это. Твои способности могут мне еще пригодиться. Посиди пока там, куда мы тебя поместим, а будущее покажет, как поступить с тобой.

Он сделал движение рукой, и снова все закрутилось, как юла. Это вращение выбросило меня в каменную темницу. Там было бы совсем темно, если б не лучилось мое тело. Каждая стена была здесь, словно каменная скала. Я присел на пол в этой промозглой тесной темноте и горько задумался.

Он называет меня героем и хочет этим уколоть. Но он прав. Что я сделал для того, чтобы вызволить Каттею? Что сделал, чтобы защитить себя? Ровным счетом ничего. Он все время навязывал мне какие-то действия. Я шел туда, куда указывал он. Сопротивлялся, когда на меня наседали, но это не борьба. Даже встреча с Динзилем прошла так, как хотел он, а не я.

Но хватит печалиться. Нужно действовать. Совершенно ясно, что он владеет магией. Я и раньше знал это. Но все-таки я попал в эту проклятую Башню. И он не ожидал этого. Больше того — он не хотел этого. При мне мой меч, так что не все потеряно. А почему он не забрал его у меня? Он не боится его? Или не видит?

Это было открытие. Ну конечно, так же, как я не вижу Каттею, он не видит моего меча. В чем же тут дело? Но почему я не поднял свое оружие против него? И даже не подумал об этом, пока не попал в темницу?

Башня не только его дом, Башня его цитадель, хранилище его силы. В ней его защищают не только камень и металл. Здесь, по всей вероятности, много невидимой защиты. Наверное, она и сковала мою волю. Потому-то я ни разу не бросился в драку, хоть возможностей для этого было немало. Меч разрушил стену из драгоценных камней. Так может, он одолеет и эти каменные стены, в которые я сейчас заточен.

Впрочем, пусть они даже рухнут. Что я выиграю от этого? И за пределами тюрьмы я все равно в Башне. Каттея предпочла Динзиля, она ищет у него защиты от меня. Каттея стала другой под его влиянием не только внешне. Та Каттея, которую показал мне Динзиль, лучше бы она полностью стала чудовищем. Когда-то Каттея была колдуньей. Но только девственница

может пользоваться магическими приемами. Я помнил, как с недоверием относились к моей матери Колдуньи Эскарпа, когда она продолжала заниматься магией и сохранила Силу после того, как вышла замуж за моего отца. В том-то и дело, что Динзиль не мог бы подчинить полностью себе Каттею, не лишив ее колдовского Дара. И значит он лишил бы ее возможности пользоваться своей колдовской Силой. А нужна-то ему именно эта ее Сила!

Он называл ее — «дорогая». Ярость переполняла мое сердце. Я сжал рукоятку меча и прикоснулся к шарфу, в который Орсия вдохнула свою магическую силу. В нем жила колдовская тайна. И эта тайна тоже исходила от женщины. Орсия мне говорила: «Доверяйся сердцу, ищи сердцем». А до конца ли я доверялся ему?

Каким образом я попал сюда? Меня привел этот шарф. Причем он начинал действовать, когда я думал о той Каттее, которая еще не пользовалась своей Силой. Так чья же магия вела меня? Орсии? Каттеи до того, как она превратилась в чудовище? Моя собственная? Когда-то, давным-давно, до того, как Колдуньи увели Каттею, мы пользовались только той Силой, которая была для нас врожденной, естественной.

Я положил одну лапу на меч, другой держал шарф и призвал эту нашу Силу, о которой не знал ни Динзиль, ни кто-нибудь другой в Эскоре. Да, в Эскоре о ней не догадывались. Потому что это была магия нашего прошлого, соединяющая нас. Я вернулся к своим первым воспоминаниям из этого нашего общего прошлого — моего, Кайлана и Каттеи. Был вечер. Мы сидели перед очагом на шкуре медведя. Пламя переходило в искры, и они улетали вверх.

Наша кормилица Анхорта пряла, сумрак шептался с веретеном, между пальцев женщины струилась теплая шерсть.

— Вон волшебный лес, в нем живут волшебные птицы,— слушал я мысли Каттеи.

Я не только слышал ее мысли, я видел их в огне. Языки пламени скакали, словно всадники.

— Вон скачет на боевой лошади во главе отряда наш отец,— видел и слышал я мысли Кайлана.

И, словно всадники, устремлялись куда-то языки пламени.

— А вон, видите, горы,— продолжал этот общий молчаливый разговор я.

И кто мог тогда подумать, что ждет нас за этими горами?

Нет, нет, не надо отвлекаться. Никаких мыслей о том, что произошло после. Только воспоминания давней поры — вечер, медвежья шкура, огонь.

Анхорта с нежностью в глазах посмотрела на нас. Она казалась тогда такой большой.

— Если хотите послушать про снежного духа и про то, как перехитрил его Самсау, я могу рассказать.

Мы слушали ее и продолжали нашу беседу. Мы догадались,

что другие так разговаривать не умеют, и счастливы были хранить свою тайну.

Я тянул нить памяти — день за днем, год за годом. Вспоминал все до мельчайших подробностей. И все, что мы прожили, видел я так отчетливо, словно снова жил в том далеком времени. Помню, как однажды весной поскакали мы верхом на луг. Кайлан на скаку сломал цветущую ветку нежно пахнущей жимолости. А когда мы спешились, я сплел из луговых цветов венок. Мы украсили им Каттею. Венок был, как корона, а ветка в ее руках, как скипетр. Мы говорили ей, что она самая красивая на земле, и даже цветы зарделись от смущения — они не могли с ней сравниться.

— Я это помню...

Чужая мысль так робко, так незаметно вплелась в мои воспоминания, что я не сразу сообразил, в чем дело, и едва не упустил ее. Я сдержал волнение и продолжал думать о прошлом. И сейчас уже чувствовал, что вспоминаю не один. Выцветший от времени гобелен нашей памяти мы теперь ткали вдвоем с той, чей облик был так страшно искажен. И оживали на нем краски. Я еще боялся ухватиться за нить памяти и потихоньку да помаленьку подступиться поближе к ее сердцу. Я старался только привязать этой нитью наших воспоминаний ее к себе.

— Ты... Ты действительно Кемок? Это не обман?

Она первая решилась на то, чтобы разрушить между нами преграду этим робким и тревожным вопросом.

— Да,— ответил я осторожно.

— Если ты и вправду Кемок,— мысль ее дрожала от напряжения,— тогда уходи. Здесь нас окружает Зло. Ты и представить себе не можешь, что ждет тех, кого не может защитить Сила. Я видела страшных чудищ.

Еще бы. Ведь их ей показывал Динзиль.

— Динзиль! — оживилась она.— Доверься ему. Он наша защита.

Я понял — Динзиль внушил ей, что в этом царстве Зла он один рыцарь добра. Всякий раз, когда нужна была помощь, она бросалась к нему, и он делал вид, что борется со Злом и побеждает его.

— Я пришел сюда, чтобы освободить тебя, Каттея,— я решился идти к ее сердцу напрямик. И если в ней еще не все погибло, если она еще не зашла за ту черту, где повернуть назад уже нельзя, по дороге, которую мостит перед ней Динзиль, я достучусь до ее сердца. Ведь стала же она вспоминать вместе со мной, притом бросилась в эти воспоминания отчаянно смело.

— Меня? Освободить? От кого? Зачем? — это была другая Каттея. Мою сестру, независимую, гордую, подменили.

Я говорил просто и убедительно, я торопился, чтобы не оборвалась нить, так неожиданно связавшая нас.

— Ты исчезла из Долины. Неужели ты думаешь, что нам безразлично это?

— Но вы ведь обо мне все знали. Вы же знали, что я хочу совместить различные силы колдовства, чтобы направить их против Тьмы. Здесь я столько узнала, а сколько еще узнаю! Владычицы-колдуньи могли только мечтать о той Мудрости, которой я буду обладать вскоре. Только сейчас я поняла, как мало они знают и могут. Они только приоткрывают двери, чтобы одним глазом увидеть, что за ними делается, вместо того, чтобы шагнуть за порог. Меня теперь удивляет, как мы преувеличивали их мастерство. Как благоговели перед ними.

— Но ведь бывают разные знания. Одни помогают человеку, другие требуют, чтобы он перестал быть самим собою.

— Все, что ты говоришь — это для обычных людей. Но я принадлежу к Колдуньям Эсткарпа. То, что недоступно человеку, доступно нам. Мне уже многое известно. Когда же я узнаю все, я вернусь домой. И тогда вы сами будете благодарить меня.

Я подумал о третьем будущем, которое предсказала Лоскита. Снова я заглянул в свою судьбу, которая проступила на дне ямки с голубым песком. На Долину надвигались всадники Тьмы. Среди них была и Каттея. Молния была в ее руке, и она бросила ее в нас, своих братьев.

— Нет! Нет! Нет! — трижды крикнула Каттея.— Это ложь. Злые силы предсказали то, чему не сбыться. А ты — хорош, поверил, что я, ваша сестра, способна на это. Динзиль сказал...— Она не досказала. Подождав немного, я спросил:

— Так что же сказал Динзиль?

Она замолчала, и я почувствовал, что сестра опять стала так же холодна, как тогда, в Долине.

— Ты хочешь, чтобы я всегда была с тобою рядом. Ты ревнуешь меня к моим друзьям. Кайлан лучше тебя. Мы с ним по-прежнему едины, даже если идем разными дорогами. Ты же всегда решаешь все за всех. И за меня в первую очередь.

— Всему этому научил тебя Динзиль?

Я знал, что так оно и есть. Но что можно на это сказать? Это нельзя опровергнуть. А то, что я пришел за ней, только подтвердит в ее глазах правдивость его слов. Как мог я раскрыть ей глаза?

— Ты его всегда не любил. У него много врагов. Вы там, в Долине, не верите ему. А он хочет объединить разрозненные Силы. И ему удастся это. Вы напрасно считаете, что мечом и жалким лепетом своих колдовских причитаний сумеете пересилить Великих, которых пробудил бунт в Эскоре. Для этого нужны силы настолько могущественные, что люди о них ничего не знают.

— Ты считаешь, что он может соединить эти силы и руководить ими?

— Да, если я буду ему помогать!

Каттея и раньше верила в свои силы, но сейчас это выглядело не как вера, а как самоуверенность.

— Отправляйся домой, Кемок. Я знаю, ты меня любишь. Но твоя любовь для меня сейчас хуже оков. Ты пришел, чтобы сделать мне добро. Я тоже люблю тебя. Я попрошу Динзиля, чтобы он перенес тебя туда, куда ты захочешь. Расскажи всем в Долине, что, когда мы придем, с нами будут такие силы, что при одном их виде Тьма отступит навсегда.

От этой Каттеи я закрыл свой ум. От этой Каттеи я отвернулся. Я не хотел видеть чудовище, которое с удовольствием показал мне Динзиль. Собрав всю свою волю, я опять стал вспоминать прежнюю Каттею. Я ее очень любил. Да и как могло быть иначе, ведь она была частью меня самого, так же, как я — частью ее.

— Кемок,— услышал я крик. И больше не было никакого высокомерия.— Кемок,— кричала мне сестра, и это был крик страдания.— Что ты делаешь, брат? Ты хочешь снова одеть на меня оковы своей любви? Не надо! Это мучительно. Их потом не разорвешь. Я не должна отвлекаться. Я должна выполнить свое предназначение.

Но я не слушал ее. Воспоминания поглотили меня. Вот она, Каттея. Молодая, добрая, веселая. Вот она кружится на весеннем лугу. Чтобы послушать, как она поет, прилетают птицы. Вот зимний день. Каттея смеется. Она отламывает свисающую с ветки сверкающую сосульку, подносит ее к губам. А вокруг сад, заснеженный солнечный сад. Каттея тихим свистом зовет снегиря. Каттея прыгает в прохладную летнюю речку и плывет с нами — кто быстрей.

Детеныш выдры запутался в сетях. И Каттея уже освобождает его. Но до этого всего — вечер, огонь, шкура медверя, неторопливый рассказ Анхорты.

— Умоляю тебя, перестань.— Голос становится тихим.

Одна моя лапа на шарфе, другая на мече. Это два моих талисмана, которые только одни и могли мне помочь в этом мрачном царстве Динзиля. А мысли обгоняют друг друга.

Вот бежит Каттея по пшеничному полю. Мы работаем с поселянами. А на горизонте всадники. Они приближаются. По старинному обычаю Каттею посылают им навстречу с праздничной чашей. Она идет собирать дань. Все смеются. У сборщицы удачный день. Звенят монеты. Всадники накидали полную чашу серебра. Большой отряд, и каждый всадник дал по монете.

Я вспоминал эту Каттею. Я не хотел думать о сестре-колдунье, с которой понемногу начиналась сегодняшняя Каттея. И эту сегодняшнюю я боялся, я не знал, как она.

— Кемок! Я не слышу тебя... Где ты?

Мне показалось, что это голос Каттеи из моих воспоминаний — неуверенный, растерянный, робкий.

Я словно проснулся после страшного сна и, открыв глаза, огляделся. Куда я попал? Динзиль назвал этот каменный мешок хорошим местом. Ничего вроде не произошло. А мне как-то

стало легче. Так бывает, когда после неудач наступает просветление, и душа, стряхивая тяжесть, будто говорит: «Не унывай, терять-то все равно нечего!» И только поэтому побеждает.

— Отзовись, Кемок!

— Я тут,— ответил я.— Скоро мы увидимся.

Я сказал это, но не был уверен, что смогу до нее добраться. Однако надо было хоть что-то делать, и я поднялся, и я вытянул вперед меч.

— Каттея,— снова призвал я на помощь легкое летающее имя. И оно исчезло в каменной стене. Я стал ощупывать ее. Она была монолитной. Какая-то странная уверенность поднималась в моей душе. И тогда я уперся острием в стену и назвал имя «Ситри» и повторил с л о в а из Лормта.

Рукоятка меча стала теплой, потом горячей, она жгла мне лапу, но я не отпустил ее. А острие заскользило по стене и увело меня в сторону. Я шел за мечом, и вскоре он нашел шов, соединяющий камни в том месте, где одна стена примыкала к другой. Я повторил заклинание, и камни расступились перед мечом. И он провел меня сквозь каменные глыбы, как раньше сквозь болотную жижу. Я выбрался из своего заточения и опять попал в первую круглую комнату. Лестница стояла на месте.

В который раз я полез наверх, и все начало повторяться. Только вещи в комнате миражей стали настоящими. Шкаф, как шкаф. Я протянул меч, чтобы потрогать деревянную дверцу, и чуть не выронил его. Из лапы моей высовывалась человеческая рука. Но лапа была настоящая, а пальцы призрачные.

Страшная догадка обожгла мою душу. Я уже видел звериную лапищу с тонкими пальцами женщины. Голова и руки чудовища, которое Динзиль называл Каттей, были человеческие. Иначе она не могла колдовать. Он говорил, что, подчинив ее полностью, он вернет сестре ее облик. И вот такое же происходит со мной.

Почему это случилось? Произнося здесь заклинание, не связал ли я себя с Тьмой? Но ведь я не мог поступить иначе. Я стал подниматься по следующей лестнице в столовую. Здесь тоже очертания предметов стали более четкими, а краски — яркими. Может быть, теперь, когда все обрело форму, Каттея тоже явится такой, какая есть на самом деле. Я хотел этого и боялся этого. А вдруг она так и останется невидимой, а я буду всегда чудовищем, вызывающим ужас и отвращение.

Еще одна лестница. Знакомый люк и проем, ведущий вверх. Если и сейчас там Динзиль, значит, он сильнее нас и бояться ему нечего. Я держал перед собой меч. Ни разу в этом мире на нем не загорались руны. И сейчас я полагался на его чутье к опасности, как военачальник полагается на свою разведку.

Вот и закончилась лестница. Никто не пытается мне помешать. Залезаю в люк. Все тот же столик под зеркалом. Но на этот раз комната пуста. Не летает по воздуху гребешок. Не горят свечи.

— Каттея,— позвал я сестру.

Звук, обретя форму, полетел туда, где был гобелен. И тогда из темноты ко мне двинулось существо, которое показывал мне Динзиль. Лица у этого существа не было, голова была прозрачной, но сквозь нее проступал овал, похожий на голову плакавшего чудовища. Оно двигалось с таким же трудом, как и я, и смотрело на меня с ужасом, словно увидело нечто кошмарное.

— Нет, не может быть, никогда! — узнал я знакомый женский голос.

Она была рядом. Я дошел до нее. Пусть сейчас все рухнет, все равно я выполнил, что задумал.

— Не бойся меня. Это я — Кемок!

— Динзиль сказал... Это не ты. Это не можешь быть ты. Уродство не может быть добрым. Я знаю тебя, я помню твою душу, она не может быть такой ужасной.

Динзиль уже говорил мне здесь о душе. Он сказал, что здесь видна душа человеческая, то же самое он сказал и ей. Она верит ему. Мой облик она принимает за отражение моей души. Надо ее сейчас же разубедить в этом, иначе мы с ней пропали.

— Где твои мысли? Думай сама. Мысли Динзиля — не твои.

Не категоричен ли я? Вдруг ей опять покажется, что мною движет ревность. Она ведь под воздействием его темного колдовства.

Я протянул лапу. Из нее, как из рукава, вырвалась наружу рука. Каттея удивленно посмотрела на нее. Я хотел погладить ее волосы. Она отскочила. Но я все же успел схватить ее за руку и потянул к зеркалу. Я сомневался в том, что она увидит свое отражение. А так хотелось, чтобы она посмотрела на себя.

— Нет, нет! — она вырвалась, отшатнулась от зеркала, она не хотела смотреть в него.— Отпусти меня! Я погибла! Что ты делаешь?

Голова ее менялась каждую секунду. То это был гладкий овал без лица, то ее собственная голова.— Это из-за тебя, ты все испортил! Динзиль предупреждал! — ломала Каттея руки.— Динзиль! На помощь!

Ужасно было смотреть на мою сестру и видеть ее сломленной. Прежняя Каттея не унижалась, даже когда страдала. Она боролась до конца.

— Каттея! — кричал я что есть сил. Но она пятилась, заслонившись от меня руками.— Во что ты превратилась? Стань собою.

Я не знал, что делать. Опять сказать заклинание? Но я уже понял, что таким образом все больше связываешь себя с Тьмой. Однако выхода не было. Я мог навсегда потерять сестру. Нельзя было ее терять. И я поднял меч, и я назвал с л о в о. И опять пламя опалило меня, но я не выпустил из рук волшебный клинок.

— Каттея,— начал быстро говорить я,— ты же никогда не

хотела владеть магией Зла. Да, ты была колдуньей. Но колдунье должно быть известно, сколько капканов расставляет злое колдовство. Ты попала в один из них. Проверь его. Не покоряйся ему. Ты ведь восстала уже однажды в Эсткарпе. Ты ушла из Обители Мудрейших, но ушла, чтобы найти свою магию, а не перейти на сторону Зла. Разве когда-нибудь ты хотела стать оружием Тьмы. Ты и теперь не хочешь. Так усомнись же в своих новых учителях, как усомнилась однажды в старых.

Не знаю, слышала ли она, что я говорил. Она ушла в себя, заслонилась руками. Но не касалась ладонями лица, опасаясь, что прикоснется к личине чудовища.

— Не верю, что тобою движет Тьма. Посмотри в свою душу. Ее нельзя увидеть. Тебя обманули. Это черная магия, и тебя хотят наполнить ею. Твоей доверчивостью пользуются. Ты заколдована чужой Силой, так же, как я. Только я знаю это, а ты боишься узнать.

— Но Динзиль...— уже в чем-то сомневаясь, подумала она, и я услышал ее мысль.

— Здесь его власть, его мир. Он мне говорил, что ты сольешься с этим миром и тогда только обретешь прежние черты. Ты хочешь избавиться от уродства ценой предательства?

Тело безобразного чудовища тряслось. Лицо ее таяло, как воск, и я увидел безобразную голову с пустыми глазницами.— Так значит это она плакала в той комнате кровавыми слезами.

— Я ужасна, отвратительна. Я чудовище. Я погибла.

— Это не твой образ. Это как одежда. На нас здесь ее надели. Мне сказали, что иногда прекрасное становится ужасным. Но уродство превращается в красоту. Теперь я понимаю, это было пророчество.

Страсть, которую я вкладывал в свои мысли, заставила ее слушать меня.

— Что тебе надо? Для чего ты сюда пришел? Зачем мучаешь воспоминаниями? — медленно потянулись ко мне ее мысли.

— Ты должна уйти отсюда со мной.

— Куда?

Я подумал, что и правда уходить некуда. Ну хорошо, пройдем мы комнату, где возникают разноцветные вспышки. Ну разрушим вторично стену из драгоценных камней. Обойдем плачущую кровью глыбу. А дальше что? Сумею ли я отыскать выход из этого ада? Я сомневался. И почувствовав мои сомнения, Каттея оживилась.

— Куда ты меня зовешь, брат? Допустим, я и правда пойду за тобой. Чем мы с тобой займемся? Будем ходить по кругу и натыкаться на такие преграды и опасности, о которых ты даже и не догадываешься. А Динзиль? Ты думаешь, он нас отпустит?

— А где он?

— Ах, где он? — взвизгнула она, передразнивая меня.— Ты боишься, что он придет сюда?

Потом голос ее стал мягче, и между нами опять заструился поток тепла.

— Кемок!

— Слушаю тебя,— отозвался я.

— Скажи правду. Что с нами, со мной произошло? — Я увидел, что она, несмотря ни на что, осталась прежним ребенком. Она растерялась, ее запугали.

— Мы здесь чужие. Это не наш мир. Он хочет переделать нас на свой лад. Мы должны бежать. Ведь если я вошел сюда, значит мы можем отсюда выйти. Ты не знаешь, где выход?

Гладкая голова без лица повернулась ко мне, будто Каттея впервые посмотрела вокруг.

— Я очутилась здесь...

— Да, как ты попала сюда?

Я старался говорить как можно мягче. А вдруг она знает, где дверь Динзиля между мирами — настоящий выход отсюда, а не тот, каким я сюда проник. Тогда, может, нам удалось бы спастись.

— Мне кажется,— человеческие пальцы сжали бесформенную голову. Каттея указала на стену, закрытую гобеленом.— Мне кажется, здесь.

Она неуклюже подошла к стене и приподняла край гобелена. На каменной стене светился багровый знак. Я видел его впервые. Но однажды мне довелось увидеть похожий, и я понял, что это знак чужой силы, который никогда не осмелился бы вызвать.

Мысли Каттеи сузились до предела. Я понял, что она думает только об одном слове. Я догадался, что это за слово, но не успел предостеречь ее. Знак в камне стал извиваться, словно змея, я отвернулся с чувством омерзения. Неприятно было, что Каттея знает это слово. И вдруг каменные плиты раздвинулись, а огненные змеи все извивались. И выплескивался на пол жидкий огонь, и расползалась на полу лужа, похожая на расплавленный металл.

Я схватил Каттею и оттолкнул ее от этой лужи. Впереди была пустота, пропасть. Я уже видел такое в первой Башне.

— Дорога перед тобой,— снова холодно сказала Каттея.— Уходи, Кемок. Если тебе дорого все, что было между нами, оставь меня здесь. Уходи!

Я обнял Каттею своей безобразной лапой, с которой свисал шарф. В другой лапе был меч. И, держа ее так, чтобы она не могла вырваться, я ринулся в бездну. Я не знал, действительно ли это выход. Но это был единственный путь куда-то, и я устремился вперед.

Мы летели в никуда. Я думал о Каттее. Даже в этой неизвестности приятно было сознавать, что она со мной.

Потом был сильный удар. Когда я пришел в себя, тело мое болело. Каменный пол, на котором я лежал, был холоден. Я

приподнялся и посмотрел вокруг. Куда мы попали? Призрачных предметов не было. Сполохи не возникали. Неужели это опять темница? И где меч?

Лапа моя светилась. Все-таки лапа. Значит, я по-прежнему у Динзиля. Печаль и тоска захлестнули мое сердце. Я привстал. И, о чудо,— за лапой начиналась моя прежняя рука. На месте был шрам, который остался у меня после старой боевой раны. Я встал на колени, посмотрел на свои живот и грудь, которые были прикрыты лохмотьями. Я все еще боялся дотронуться лапами до лица, опасаясь, что на человеческое мое лицо перейдет эта жабья скверна, хотя я все еще не мог поверить, что ко мне вернулся человеческий облик.

Неподалеку от меня что-то шевелилось. Я пополз туда, волоча за собой меч. Это была женщина, вернее, тело у того существа, которое я увидел, было женское. Она была одета в одежду, какую носили всадницы Долины. Но нежные ее руки заканчивались безобразными лапами, а вместо головы я увидел голый шар — ни лица, ни волос. Вместо глаз темнели впадины. Когда я подошел, пустые глазницы повернулись ко мне.

— Каттея! — крикнул я, но она отшатнулась от меня. Своими ужасными лапами она закрыла еще более ужасную голову.

Что-то мне подсказало, и я снял с шеи шарф, который больше не был полоской света, и отдал его Каттее. Она схватила его и тут же обмотала им лицо, оставив только щелочки для глазниц.

Я посмотрел вокруг. Где же мы? Это была либо Башня, либо ее двойник, мы сидели у все той же лестницы, двери в иные миры были заперты. Нельзя было терять ни минуты.

— Пойдем отсюда,— сказал я.

— Как я могу идти к людям? — мысленно спросила Каттея.

Мне тоже было страшно: а что если мы так и не сумеем обрести свой прежний облик? Я помог ей встать, и мы спустились по лестнице. Я узнал подземный переход, приведший меня в Башню, мне было ясно, куда идти дальше. Каттея покорно шла за мной, словно во сне — казалось, ей все равно, что произойдет дальше.

Когда мы вышли из туннеля, был серенький дождливый день. Перед нами начиналась дорога, по которой я пришел. Все так же ее прорезала глубокая колея.

Я старался связаться мыслями с Каттеей. Но она была закрыта для меня. Между нами выросла глухая стена. Я посмотрел на меч. Руны погасли. Мы миновали впадину. Я посмотрел вокруг, чтобы вспомнить, куда нам идти дальше. Вон там на меня напал один из стражей Башни. Значит идти нужно туда. Только теперь я подумал о том, что в ином мире мне не хотелось есть. Зато здесь голод я ощутил сразу. Хорошо, что запасы, отданные мне Орсией, лежали в поясной сумке. Я протянул Каттее один из корешков.

— Перекуси, они довольно вкусные...

Но она неожиданно ударила по моей лапе, и я выронил корень. Он закатился в расщелину меж камней. Я чувствовал, что нас разделяет барьер отчуждения, и преодолеть его не мог. Работа Динзиля не прошла даром, Каттея все еще была в его власти. Как я его ненавидел! Если б удалось его встретить, я бросился бы на него, как дикий зверь. Я отомстил бы ему за все, пусть за это пришлось бы поплатиться собственной жизнью.

Каттея чуть не падала. Я попробовал взять ее под руку, но она толкнула меня так, что я не удержался на ногах и упал. А она, не сказав ни слова, повернула назад и пошла к Башне.

Я догнал ее. Она попыталась сопротивляться, но у нее не хватило сил. И я повел сестру дальше, крепко держа ее за руку.

Мы спускались вниз по склону. Вокруг не было ни души. Люди, звери, птицы — все исчезло. И руны на мече не загорались — неужели впереди не было никакой опасности? Кусты по обочинам дороги я, казалось, узнал, хотя сейчас они не прятались в густом тумане. И вот, впереди, наконец, показалась речушка, где у огромного валуна я расстался с Орсией. Я торопился и был уверен, что сейчас увижу ее. Велико было мое разочарование, когда я убедился, что там никого нет. Мысленно я уловил смех Каттеи и ужаснулся: так глумливо смеялся только Динзиль.

— Напрасно ты надеялся на водяную девчонку, глупый мой братец,— уловил я ее мысль.— Но тем не менее, ей повезло.

— О чем ты?

Она опять засмеялась.

— О, мой милый брат, если бы я о чем-то попросила тебя и ты исполнил бы мою просьбу, вот тогда ей бы пришлось плохо.

— Я не понимаю тебя. Скажи, о чем ты? — спросил я и опять наткнулся на барьер. А она опять смеялась, и снова это был не ее смех. Тогда-то я понял, что сестру, которая идет со мною рядом, я потерял.

Мы шли по реке. Я запомнил эту дорогу и сам знал, куда нам идти. Но мысли мои об Орсии были беспокойны! Хорошо, если она спряталась от нечисти, бродящей в этих местах. Хорошо, если находится в каком-нибудь безопасном месте, а не стала жертвой Зла.

Надвигалась ночь. Мы пришли к опустевшему дому аспта. Я убедил Каттею, что здесь нужно заночевать. Она сразу же отползла подальше от меня и свернулась клубочком. Но прежде чем уснуть, я решил поговорить с ней.

— Те, кто живет в Долине,— сказал я,— постараются нам помочь. Они много знают и многое умеют.

— Ты думаешь, мне известно меньше их? Я знаю, что делать, но мне нужна твоя водяная девчонка. А не она, так другая — какая разница! Но лучше пусть это будет она. Позови ее. Может, она где-то поблизости. Мы с нею славно поколдуем —

ты будешь поражен. А вообще-то ты колдун никудышный. Ты думаешь, что постиг тайную мудрость, бедняга! Все твои знания — это жалкие обрывки того, что знают те, кто действительно велик.

Меня это вывело из себя окончательно.

— Опять ты о своем Динзиле.

Какое-то время она молчала, потом я снова уловил глумливый смех Динзиля, которым она теперь смеялась.

— Да, Динзиль хочет прибрать к рукам весь мир. Но вот выйдет ли у него что-нибудь — другой вопрос. Я было возненавидела тебя за то, что ты силой увел меня из того мира. Но думаю, все к лучшему. Уж слишком я там зависела от Динзиля — ты это верно подметил. Твои услуги, милейший мой брат, не должны остаться без вознаграждения,— чудовищная голова, обмотанная зеленым шелком, величественно кивнула.

У меня дыхание перехватило, когда я услышал это: так что же теперь представляет собой моя Каттея, кто страшный вселился в девичью душу? Как его прогнать? Я вспомнил о судьбах, предсказанных Лоскитой. В одной из них сестра моя, действительно, соединилась с противником. Лучше бы она умерла, подумал я.

Однако надежду я не терял. Только бы довести ее до Долины. Я был уверен, что там нам сумеют возвратить наш прежний облик и изгнать чудовище, которое нашло приют в ее душе.

— Не волнуйся, Кемок,— сказала, зевая, сестра.— Я больше не буду убегать от тебя. Теперь наши пути совпали — мне надо идти за тобой, куда бы ты ни пошел.

Она говорила правду, я чувствовал это. Но легче мне не становилось. Спала она или нет, я не знал. Лежала она тихонько, положив голову в шарфе на руку. Я слушал, как она дышит, пока меня не сморил сон.

Мы покинули свой ночлег рано утром. Я опять протянул Каттее немного корней. Она не взяла их, сказала, что не ест такое, и снова установила между нами глухую стену. Я не знал, о чем она думает, но видел, что за мной Каттея идет по доброй воле.

Над речной протокой повис туман. Я был доволен этим. Вода указывала нам путь, а белая мгла скрывала нас от чужих глаз. Я и слушал, и смотрел,— нет ли где Кофи? А вдруг Орсия послала его, чтобы он привел нас к ней. Или может, она ушла отсюда, не веря в то, что я могу вернуться, считая, что мой поход в Черную Башню — пустая затея.

Осень уже прикоснулась к листьям. На траве выступил иней. Это зима послала вперед себя первую, еще робкую стужу. О, как хорошо было бы сейчас закутаться в мой теплый плащ. Но где он? Ведь я сделал из него пугало, чтобы отвлечь внимание стражников от Орсии. Я не забывал глядеть на клинок — не почувствовал ли новую опасность мой меч. Туман поглощал

все звуки, и если кто-то преследует нас, его не увидишь и не услышишь. Вот потому-то только и оставалась надежда на волшебный клинок — он чует Зло за милю.

Вода могла привести нас к подножию гор, но тогда снова пришлось бы спускаться в тоннель. Мне этого не хотелось. Сухопутный путь тоже был опасен. Но из двух зол я выбрал, на мой взгляд, меньшее — сушу. И опять я услышал презрительный смех. Каттея! Чему же она смеется?

— Все опасаешься, что мы не доберемся до Долины, милый братец? Что ж это ты разучился заглядывать в будущее? Ну ладно, сейчас я тебе покажу такое, что и не снилось твоей водяной девчонке. Я уж не говорю о наших вещуньях из Эсткарпа. Можешь успокоиться: раз мы оба хотим вернуться в Долину, раз уж наши желания совпали, значит рано или поздно мы придем туда.

Меня уже не огорчал, а раздражал ее высокомерный, поучающий тон. Откуда такая самонадеянность? Ей, конечно, можно верить. Но вот странно — к помощи сестры мне прибегать не хотелось бы. Другое дело, если бы на выручку пришла Орсия.

— Там кто-то есть,— Каттея вглядывалась в туман, но кроме волнения на воде ничего не видела.

— Кофи! — обрадовался я и мысленно позвал: — Орсия!

Ответа не было.

По всплескам впереди я догадался — мерфей топает по воде.

— Кто это? — опять воскликнула Каттея.— Я не могу прочесть ни одной мысли. Но там явно кто-то есть, и он живой.

— Это наш старый проводник, мерфей.

— Приятель твоей водяной девчонки?

Каттея не решалась дальше идти, видно, не хотела встречаться с Кофи.

Меня раздражало то, как она называет Орсию, и я сказал:

— У нее есть имя — Орсия. Она тоже обладает Силой. Это она привела меня к тебе.

— Орсия. Ну прости меня, брат. Да, да, Орсия. Говоришь, привела тебя? Я запомню это. Ее магия в шарфе... А Кофи? Чем он может нам помочь? Ни увидеть его нельзя, ни мысленный контакт установить. Может, он хочет что-то сказать?

— Наверное.

Мы стояли на мелководье. Я стал на колено и протянул вперед лапу. Как тогда, когда мы были с Орсией. Плеск был совсем рядом. Но руки моей никто не коснулся. Может быть, Кофи испугался лапы? Я не обиделся на него, просто я хотел ему показать, что я друг и я его приветствую — вот и все. Плеск сказал нам, что Кофи плывет вниз по течению. Что это значит? Что он больше не хочет нас знать или что приглашает плыть за собой? Я решил, что нам нужно расценить это, как приглашение следовать за собой. Видимо, я правильно его понял. Он рассчитал нашу скорость и плыл на некотором расстоянии от нас, но так, чтобы мы слышали плеск и видели клином расходящуюся за ним воду. Несколько раз он даже подождал нас.

В одном месте меч показал опасность. Я остановился и придержал Каттею, вглядываясь в густой туман. До нас долетели крики и карканье. Затем снова наступила тишина, и знаки на мече исчезли.

— А вот и он,— услышал я мысли Каттеи и понял, что она говорит о Динзиле.

— Значит он гонится за нами?

Каттея рассмеялась.

— А ты думаешь, он не сделает ничего, чтобы вернуть меня? Столько сил им было потрачено, чтобы добиться от меня помощи. Я ему нужна больше, чем он мне. Ну, что ж — легче будет договориться.

— О чем ты собираешься с ним договариваться?

— А ты хочешь оставаться чудовищем? Я — нет, в каком бы мире мне не пришлось жить.

От самодовольства моей сестры не осталось и следа. Отчаяние и гнев почувствовал я в ее голосе.

— Но что здесь поделаешь? — Я спросил это, чтоб узнать, что может предпринять Динзиль, каким образом рассчитывает освободиться от злых чар Каттея и чего следует ожидать от нее самой. Я вынужден был сознаться себе в том, что этой Каттее я не доверяю.

— Я-то знаю, как должна поступать. Как знаю и то, что от Динзиля можно всего ожидать. Но раз уж я вступила на этот путь, надо дойти по нему до конца. Тем более, что назад мне путь заказан. И еще...— Она не договорила. И снова установила между нами ставший привычным барьер — спряталась за ним.

Холод стал донимать меня по-настоящему, у меня зуб на зуб не попадал. Каттея глянула на меня сквозь щелочку, которую она оставила в шарфе, и попросила:

— Сорви-ка мне немного тростника.

Лапы не слушались меня, но я все-таки нарвал его целую охапку. Она подняла стебли, потянулась к ним и согрела их своим дыханием. Хотя между нами был барьер, я почувствовал, как от ее колдовства волнами расплывается беспокойство. Стебли вздрогнули. Они на глазах стали расти, сплетаться, сливаться друг с другом. И вот уже вместо тростника у нее в руках толстая куртка. Когда наступали первые холода, мы надевали такие дома, в Эсткарпе. Она не только защитила меня от сырости и стужи, но и согрела так, как согревает весеннее солнышко.

— Вот так. Даже в обычных, повседневных делах без колдовства не обойтись,— уловил я ее мысли.— А что уж говорить о главном.

Я потрогал свою обновку — куртка, как куртка. На вид ничего необычного в ней не было. Только бы Каттеино колдовство на этот раз продлилось подольше.

Она услышала меня.

— Не волнуйся. Сколько надо, столько она и будет тебе служить.

Мы вышли к реке. Дымки уже не было. Я хотел проверить, все ли в порядке, глянув на меч, но Каттея уверенно шла по воде, ничего не опасаясь. По-прежнему впереди нас плыл невидимка Кофи, оставляя на воде след.

Издали снова до нас долетели непонятные звуки. Я остановился. Это было не карканье, а нечто напоминающее лай. Когда ализонцы, соседи Эсткарпа, травили людей псами, слышался такой же лай.

— Это сарны,— нахмурилась Каттея.

Я не мог видеть, какие чувства выражает ее лицо. Но мне показалось, что она взволнована, но не испугана. Взволнована, как человек, который видит что-то страшное издали. Но за себя она не боялась — верила, что Динзиль ее не тронет, так как слишком дорожит ею.

— Динзиль все понимает,— это она отвечала мне на мой мысленный вопрос.— Он не будет воевать с небом, пока не завоюет землю. Чтобы добиться своего, он использовал разные средства, но с Силой из Эсткарпа ему еще не приходилось иметь дело, и он еще не знает, что тут ему следует ждать сюрпризов.

Лай был совсем близко. Мерфей стал на всякий случай держаться противоположного берега реки. Я видел, как волнуется трава, это он вылез из воды. А нам спрятаться было негде. Единственное, что нам оставалось,— это нырнуть и переждать опасность под водой. Но Каттея не хотела этого делать.

— Это пусть делает твоя Орсия. Это она любит прятаться в ямах и ползать по илистому дну. Кроме того, у меня нет жабр, как у нее. Да и ты, вроде, не двоякодышащий. Что это ты не расстаешься со своим мечом?

Она потрогала мой меч своей лапой, но сразу же отдернула ее, вскрикнув, как от боли, и прижала ее к груди.

— Что это?

— И мое оружие, и мой талисман.

Я не хотел ничего рассказывать ей о мече. Как раз сейчас на нем появились руны. Они становились все ярче и ярче. Как жаль, что я не могу прочитать эти знаки и узнать, как велика его сила, чтобы пользоваться ею не вслепую, не действовать наугад.

У прибрежных скал послышалась какая-то суета. И я потащил Каттею на глубину, но она вырывалась. Сестра стояла в полный рост и спокойно ждала тех, кто гнался за нами. Я вынужден был стать рядом. Меч, зажатый в моей лапе, налился густой кровью. Казалось, еще немного, и она брызнет в воду.

Они уже были совсем близко. Впереди трое серых, за ними на лошадях похожие на меченосцев, забравших Орсию, дальше парочка, точь-в-точь как те, в балахонах, метателей молний, что помогли воинам-меченосцам расправиться с кроганами.

Смех Каттеи был совсем не к месту.

— Ай да Динзиль! Решил, что я совсем ничего не умею. Направил против меня эту смехотворную рать. Даже обидно.

Она медленно сняла шарф, который скрывал ее ужасную голову. Я почувствовал, что рукоять меча жжет мою руку.

Уже можно было разглядеть пену на клыках серых, кровью налились их глаза. Всадники позади серых ехали не спеша. В их движениях чувствовалась уверенность. Вороные без уздечек были больше и сильней эсткарпских коней. Чем-то они напоминали мне демонического жеребца Кеплиана, который чуть не погубил Кайлана.

Они подошли вплотную к воде и смотрели на нас, не торопясь выполнять свою работу. Серые сидели впереди всех. Остальные остановились по порядку, как ехали. Меченосцы, как и Динзиль, были похожи на людей древней расы. Те же, что держали огненный посох, отличались от всех. На лица их были надвинуты капюшоны. Я присмотрелся и увидел лапы — совсем как мои. «Ну да,— подумал я,— а под капюшонами жабьи морды...» Видимо, Динзиль вызвал их из того мира, воротами в который была Черная Башня и из которого едва удалось вырваться нам.

Я впервые видел так близко страшное лицо Каттеи. Когда она сорвала с лица шарф, я в ужасе отшатнулся. Но тут же овладел собой. Гладкая круглая голова бурого цвета — ни рта, ни носа, вмятины пустых глазниц... Я вспомнил прекрасное лицо прежней Каттеи. Быть красавицей и стать чудовищем — от этого и вправду можно потерять рассудок. Я понял, что она пойдет на все, чтобы стать прежней Каттеей.

Серые в воду не входили. Орсия говорила однажды, что есть злые Силы, которые боятся текущей воды. Но тогда, когда шла схватка меченосцев с кроганами, я видел, как существа в капюшонах метали своим оружием в виде посохов огонь на большие расстояния. Я ждал, что сейчас они начнут действовать.

Но Каттея медленно подняла руки и повела их плавным движением, словно подавая знак тем, что стояли на том берегу. Какие-то колдовские слова и заклятья, которые она произносила мысленно, вонзились в мой мозг, причиняя мне страшную боль, мне хотелось бежать отсюда сломя голову. Я сжал рукоять меча, и от него стало подниматься и вливаться в меня живительное тепло, которое, дойдя до мозга, установило там защитный барьер. Силы, которые колдовством призвала Каттея, стали теперь для меня не страшны.

Серые взвыли, потом заметались по берегу. Они будто взбесились. С жутким диким воем кинулись они к скалам и исчезли совсем.

Кеплианы, встав на дыбы, пронзительно заржали и бросились вскачь вслед за серыми. Своих седоков они сбросили на землю, и те лежали ничком, не проявляя никаких признаков жизни. Но те, в капюшонах, были невозмутимы. Они, правда, спрыгнули со своих лошадей, когда те стали метаться по берегу, и теперь стояли, будто ничто не произошло. Они стояли и смотрели—что же делает Каттея. Но оружием так и не воспользовались.

Руки сестры опустились. Она послала им мысленный приказ. Я его услышал.

— Идите к своему господину,— говорила Каттея.— Скажите ему, что там, где летает орел, ястреб не охотится. Скажите еще — если ему надо со мной поговорить, пусть приходит сам и сам говорит со мной, глядя мне в глаза, как это было раньше.— Она рассмеялась.— Расскажите ему обо всем, что здесь случилось. Да поподробнее. Мы можем поладить. Пока еще не поздно.

Они повернулись, как по команде, к нам спинами и пошли обратно. Удара сзади они, как видно, не опасались. А Каттея опять повязала шарф, скрывая от чужих глаз свое чудовищное уродство.

— Ты бросила ему перчатку,— сказал я.

— Я знаю,— отвечала Каттея.— Больше он не пошлет за нами своих жалких прислужников. Ах, как они бежали! Теперь надо ждать его самого. Он попробует показать нам всю свою Силу, которой, ему кажется, он обладает.

— Но я боюсь...

Я не договорил, она меня перебила.

— Не надо бояться, брат. Динзиль хотел моими руками жар загребать. Может, отчасти ему это и удалось,— Каттея связала свисающие концы шарфа, чтоб они не мешали ей.— Он не таился и позволил мне узнать все, что знает сам, открыл все свои секреты и тайное Знание. Но я не напрасно училась колдовскому мастерству у Владычиц Эсткарпа. Есть другой, неизвестный ему сосуд, в который я влила все эти новые знания. Я стала очень сильной, и поэтому он сделает все, чтоб не потерять меня. Ему еще больше захочется иметь с нами дело,— Каттея огляделась вокруг, неловко поворачивая обмотанную зеленым шелком голову.— Надоело идти по воде. Опасаться нам больше некого. Пошли туда,— махнула она рукой налево.— Долина там.

— А как ты узнала?

Опять меня раздражало ее высокомерие. И откуда в ней появилась эта самоуверенность. Мысли ее щелкали, как хлыст наездницы. Другая Каттея, совсем другая шла со мною к Долине.

— В Долине обитает Сила, поэтому от нее исходят токи или по-другому, сигнал, который воспринимают те, кто способен его воспринять. Подними свой меч, он и тебе поможет его почувствовать.

И я поднял меч. А что, может, и он покажет, откуда веет ветерок Силы. Я держал его ровно, но он упрямо тянулся в ту сторону, на которую указала Каттея.

Мы повернули прочь от реки. Я не хотел уходить от нее, хотя рано или поздно мы должны были это сделать, если решили обойти туннель.

Мы прошли через прибрежные заросли и стали подниматься на холм. Вокруг были разбросаны валуны. Каттея шла без-

рассудно смело, она словно забыла об опасности. Я же был настороже, и время от времени поглядывал на меч. И когда загорались огненные руны, заставлял Каттею обходить опасные места. Вскоре появились какие-то призрачные существа. Они окружили нас со всех сторон и крались за нами по пятам. Некоторые из них были прислужниками Зла — мне они уже встречались. Других же я видел впервые. Но все они внушали отвращение. Вполне возможно, что это снова было наваждение, но избавиться от него я не мог.

Они не мешали нам идти, но могли это сделать в любой момент. Я догадывался, что это молчаливое войско Динзиля, и ждал его самого. Он не мог не появиться после того, как Каттея бросила ему вызов.

Я, конечно, был плохо вооружен для схватки с таким противником. Самым надежным моим оружием были слова из свитков Лормта, на которые уже однажды я получил ответ. Это было очень опасно и очень рискованно. Но в крайнем случае, если не будет другого выхода, можно опять прибегнуть к ним.

Среди этой гиблой природы нам попадались и оазисы. Земля, словно оживала около озера или реки. Сила разрушения, бушевавшая здесь, видимо, боялась воды. Идти было непросто. Всюду возвышались холмы, между ними пролегли овраги. Огромные камни преграждали нам путь. Каттея очень хорошо ориентировалась. Ей не нужна была дорога. Она чувствовала, где находится Долина. Мы все время куда-то поднимались — то всходили на холм, то карабкались на скалу. Но пока это были отдельные выступы. И вот, наконец, подтверждая то, что мы выбрали правильный путь, показались горы.

Мы сделали небольшой привал у озера. Я перекусил маленьким корешком Орсии, хотя с удовольствием съел бы их все. Каттея, как и раньше, отказалась от них. Она оперлась о глыбу и молча сидела, грустно глядя на воду.

Мне все время казалось, что кто-то за нами следит. Я решил хоть о чем-то поговорить с этим существом, которое — трудно поверить! — доводилось мне сестрой:

— Пора бы подумать о ночлеге.

— Да, ты прав. И...— ее мысль прервалась — опять барьер!— если все пойдет, как задумано, то по дороге мы найдем то, что нам так необходимо. Нужно торопиться.

Каттея поднялась и пошла дальше по берегу озера. Я следовал за ней. Неожиданно я заметил на мокрой земле следы — клинообразные отпечатки ступней с едва заметными вмятинами пальцев. Я узнал их. Такой след мог оставить только крроган. Следы уходили от озера — покидали воду! — и это было очень странно.

Может быть, это Орсия? Я надеялся, что это она, но и сомневался. А вдруг за это время, что нас здесь не было, крроганы заключили союз с Тьмой? Тогда, вполне возможно, что кто-то из них следует за нами. Но все равно — почему крроган уходил

от озера? Их всегда пугала суша. Рядом никаких следов больше не было. И значит, крогана не увели, а он ушел добровольно. Следы продолжались и далеко от воды. Их отпечатки на сухой земле были не так заметны, но все же хорошо было видно, что они по-прежнему уводят в глубь горной гряды. Кроган шел туда же, куда и мы. Как же так? Против воли, нарушив обычаи, изменив своей природе, какой-то водяной житель шел нашим путем. Несколько раз опускался я на колени, чтобы изучить следы, но это ничего не дало. Я даже мечом прикоснулся к следу, не враг ли опережает меня. Нет, нет, меч был спокоен — руны на его лезвии не проступили.

Сумерки медленно опускались на землю. Мы приблизились к каменным воротам, за которыми начинался в горах узкий проход. Скалы, громоздясь одна на другую, оставляли пространство для узкой тропы. Каттея не побоялась войти в эту щель между горами. Следы крогана были и здесь. Но по ним было видно, что тот, кто оставил их, постепенно терял силы. Здесь он шел, еле передвигая ноги. Хотя бы впереди он нашел воду. Бедняга, как ему здесь было тяжело — сушь, нависшие скалы, дорога, поднимающаяся чуть ли не отвесно вверх.

Неожиданно что-то сверкнуло. Впереди был огонь, проблеск белого огня. Я вспомнил о жезле Орсии, защищавшем ее от злых Сил. Это мог быть только он. Но почему Орсия, рискуя жизнью, пришла сюда.

— Потому что она нужна нам, брат,— долетели до меня мысли Каттеи.— Ее сила в шарфе. Но, значит, он может связать меня с ней. Я затем и обмотала им голову, что знала,— теперь он укажет мне, где ее искать. И так и есть — она ждет нас.

— Но без воды она погибнет!

— Не тревожься, скоро ей вода вообще не понадобится.

Я еле передвигал ноги от усталости. Но, услышав это, бросился к Орсии, туда, где белым светом мерцал жезл. Он был воткнут в землю. Рядом с ним лежала обессилевшая Орсия. Я упал на колени и увидел, что она приоткрыла глаза. Чем я мог ей помочь? Ни капли воды у меня с собой не было. Первым порывом моим было — взять ее на руки, бежать по всем этим валунам, холмам, ямам и выбоинам назад к озеру. Но было темно, и к воде я бы все равно не добежал. И все-таки я собирался сделать это.

— Незачем это делать,— остановила меня Каттея, странно и пристально глядя на нас сверху.— Все, что нам надо, мы можем сделать здесь и сейчас же.

— Здесь нет воды, а без воды она умрет,— я был в отчаянии.

Каттея не торопясь размотала шарф. Я подложил Орсии под голову руку. Она повернулась в сторону Каттеи, и мне так хотелось закрыть ей глаза, чтобы ее не испугала моя сестра, ставшая чудовищем.

— Да, я чудовище.

Мне стало стыдно и оттого, что я так подумал, и оттого, что Каттея прочла мою мысль.

— Но теперь в наших руках средство, которое поможет нам от этого избавиться. Ты можешь мне помочь, Кемок. И ты мне поможешь, ведь я твоя сестра. Ты мне поможешь, ты меня спасешь, ты это сделаешь... да... сделаешь.— Она как гвозди вбивала в меня эти слова, и я со страхом почувствовал, что не могу противиться ее воле.

— Мне нужна кровь, я должна избавиться от злых чар. Их можно смыть только кровью. Подними свой меч, Кемок, дай мне крови, сделай меня прежней Каттеей!

Я посмотрел на нее с ужасом.

— Крови?!

— Да, да, крови, крови! Убей водяную девчонку. Меня спасет ее кровь. Ты ведь не хочешь, чтобы я навсегда осталась чудовищем.

Она говорила так властно, что я поднял меч. Воля моя была скована. На клинке метались алые руны, жгла мою лапу пылающая рукоять. Я взглянул на Орсию. Она не отводила от меня глаз — не молила о пощаде, не кляла за предательство. А просто смотрела на меня. В ее глазах не было страха. В них было терпеливое ожидание неизбежного.

Я вскрикнул, как от невыносимой боли. Я воткнул меч в твердую землю между нами и Каттеей, и клинок его задрожал. А Каттея страшно застонала, и все во мне отозвалось на этот стон. Я понял — она в отчаянии от того, что считает, будто я ее предал. В этом крике, который говорил о рухнувших надеждах, я узнал свою прежнюю сестру. Она закрылась руками и отвернулась от нас.

Я поднял меч и приставил его острием к своей груди.

— Тебе нужна кровь? Сейчас ты ее получишь.

Но Каттея уже не слышала меня. Внезапно она зловеще расхохоталась, рванулась вперед и растаяла в темноте.

— Хорошо же, Кемок Трегарт! Я поступлю иначе. Но ты еще пожалеешь об этом! — донеслась откуда-то из темноты до меня ее мысль.

Я кинулся было за ней вдогонку. Но, собрав последние силы, Орсия ухватилась за мою ногу, и я растянулся на земле. Она не пускала меня, она держала меня, и было непонятно, откуда у нее взялись на это силы.

— Не уходи. Не догоняй ее, Кемок. Это уже не та... не твоя сестра. Она привела бы тебя прямо к ним. Посмотри, о чем говорит твой меч.

Он лежал рядом со мной, и острие его было направлено во мрак, скрывший Каттею. Руны пылали, как никогда ярко.

— Но ведь мы бежали с ней вместе. И Зло преследовало нас. И она сражалась с Тьмою...

— Говорю тебе — это уже не та Каттея,— слабым голосом повторила Орсия и, обессилев, опустилась на землю и закрыла глаза. Казалось, жизнь уходила из нее, но она продолжала:

— Скажи, Кемок, разве Каттея, та, которую ты любил, потребовала бы от тебя такое?

— Но почему она это сделала? — Ко мне вернулась способность рассуждать, я уже не рвался вслед за сестрой.

Я стоял рядом с Орсией, в раздумье опираясь о меч.

— Кровь — это жизнь, Кемок. Здесь есть нечисть, которая охотится на самых лучших, самых сильных, чтобы напиться их крови, а вместе с ней напитаться и их жизненной силой. А как братаются воины? Они делают надрез на руке и смешивают свою кровь.

— Я знаю. Так делают салкары.

— Твоя сестра уже меченая. Другой мир поставил на ее душу свое клеймо. Каттее не вернуть своего обличья, если кровь не возвратит ее в этот мир. Кемок! Что с твоим руками, Кемок?

Она с ужасом смотрела на мои лапы, и я поднес их к жезлу, излучающему свет, чтобы она получше их увидела.

— На мне тот мир тоже оставил свою метку. Но я не страдаю от этого так, как Каттея. Быть прекрасной девушкой, а потом однажды взглянуть в зеркало и увидеть чудище... Такое трудно пережить.

— Да, это так. Это она колдовством своим заманила меня сюда?

— Да...

Я спохватился — нужна вода! Орсия погибнет без воды. Как хорошо, что я не побежал за Каттеей. Гоняясь за ней по этим скалам, я бы убил Орсию. Она не дождалась бы меня. Не воткнув в нее меч, я убил бы кроганку, оставив ее без воды в этом сухом каменном мешке.

— Воды! — крикнул я и в отчаянии огляделся, словно веря, что сила моего полного любви и боли слова, заставит скалу отворить путь роднику. Что же предпринять? Может, все-таки вернуться с ней на руках к озеру. Но это невозможно. Как в темноте отыскать к нему дорогу? Да если и найдешь, злые силы так и снуют в этих местах. Их взгляды я чувствовал спиной, когда шел сюда с Каттеей.

— Надо идти через перевал,— услышал я мысль Орсии, она от слабости говорила едва различимым шепотом.

Я глянул вперед. Узкая тропа поднималась между почти сомкнутыми скалами. Взбираться в темноте будет непросто.

Орсия, преодолевая слабость, потянулась к жезлу из рога магического зверя. Я кинулся, чтобы помочь ей, но она отвела мою руку.

— Не трогай его. От твоего прикосновения Сила уйдет.

Я поддержал Орсию, она дотянулась до него и подняла слабеющей рукой. Я прикрепил меч к поясу, поднял на руки Орсию и сделал первый шаг. На груди ее светился жезл. Свет его отодвигал от нас мрак на несколько шагов, и впереди нас двигалось пятно белого света. А за ним был мрак.

Это была ужасная ночь. Орсия была на волосок от смерти.

И я, рискуя свалиться в пропасть, медленно шел вверх. Меч предупреждал об опасности. Но я, не останавливаясь, шел ей навстречу. Я знал, что каждая минута промедления — это смерть Орсии.

Небо мутно серело. Еще не появившееся солнце окрасило облака. Я их увидел, достигнув перевала. Позади громоздились камни. А где-то внизу раскинулась Долина. Но до нее было еще далеко. А вода необходима сейчас.

— Вода...— опять услышал я мысль Орсии, но на этот раз в ней звучало не отчаяние, а радость.— Вода... Спускайся налево.

И я пошел, куда она указала, чувствуя боль в ногах, в руках, в спине, продираясь сквозь кусты, спотыкаясь о камни. Я знал, что если упаду — это конец. Сначала ее, потом мой. И я действительно упал. Но рядом была уже вода — маленькое озерцо, до краев полное чистой родниковой влаги.

Я набрал в ладони чистую воду и стал плескать Орсии в лицо. А когда она пошевелилась, чуть не закричал от радости, потом осторожно подтащил ее к самому краешку озера, она погрузила в него голову, плечи, руки и долго лежала так, вместе с влагой впитывая в себя и саму жизнь. Затем Орсия села и опустила в воду ноги. И я вдруг понял, что вижу чудо из чудес. Ее тело, ослабевшее, высохшее, увядшее, как сломанная ветка, прямо на глазах наполнялось жизнью, силой, молодостью, стало упругим. И тогда я растянулся на земле неподалеку, дал наконец своему измученному телу отдохнуть, чувствуя, как сознание мое обволакивает сон. И даже если бы на берегу горного озера неожиданно вдруг появился Динзиль, я не смог бы пошевелиться, не смог бы оторвать голову от земли.

Проснулся я оттого, что кто-то рядом пел. Слова понять было невозможно, но пение слышалось отчетливо. Голос успокаивал, отгонял от измученного сознания страхи, гнал призраки, таящиеся во мраке. Звучала песня, длилась ночь, и рядом была Орсия. Все было так же, как и тогда, когда мы с ней искали путь к Черной Башне. Будто мы и не расставались. Орсия держала ладони над жезлом. А я думал. Думал о себе, о Каттее, об Орсии, о Черной Башне. Мысли мои растревожили меня. Я сел и стал всматриваться вдаль. Рядом было озеро. Позади тропа через перевал, а еще дальше — горы. Где-то там блуждает жестокая колдунья Каттея, бедная моя сестра Каттея.

— И не гляди туда, туда нам путь заказан.

Орсия присела за моей спиной на корточки и приложила к вискам свои ладони. Так она показывала мне когда-то Кофи. Вот и теперь, стоило ее ладоням дотронуться до моего лба, и я увидел полчища прислужников Тьмы. Они суетились, двигались, горы ими просто кишели, чувствовалось, что они готовятся к сражению. Я знал, что они хотят уничтожить Долину. Сердце мое рвалось на части. Что делать? Спасать Каттею? Или поспешить в Долину, чтобы предупредить всех о том, что замышляют Темные?

— Еще не время,— сказала Орсия.— Ты еще не можешь спасти Каттею. А если бросишься в этот бурлящий котел темных сил, то только понапрасну растратишь свои Силы и Дар. Однако это еще полбеды. А что будет, если Динзиль захочет воспользоваться тобой, как он воспользовался Каттеей? Он ведь говорил, что не прочь и тебя сделать своим орудием?

— Как ты узнала, о чем мы говорили с Динзилем?

— Я подсмотрела твои сны, когда ты спал. Там все было. И я многое поняла. Даже то, что твоя сестра зашла так далеко, что тебе ее уже не вернуть.

В это я не мог поверить.

— Не может быть,— сказал я,— чтобы нельзя было что-нибудь сделать. Ведь есть силы, с помощью которых...

— Но мы не умеем владеть ими. Ты не осилишь Динзиля. Так что выбирай — или возвращайся и продолжай бороться там, где победить нельзя, или предупреди Долину, пока Тьма не спустилась в нее.

Конечно, она была права, но это меня не успокаивало. Как жить дальше с сознанием, что борьбу за Каттею я проиграл. И какова теперь моя дальнейшая судьба? Вряд ли я проживу долго, так уж лучше до конца сражаться с Тьмой и погибнуть в открытом бою.

От озера сбегал ручеек. Он петлял между скалами. И мы пошли по его течению, хотя можно было выбрать дорогу и попрямее. Орсия знала, что таким образом мы потеряем много времени, и упрашивала меня, чтобы я пошел один. Но я уже знал, что оставлять ее опасно.

Я винил себя в том, что упустил Каттею — надо было дать ей свою кровь. Потерять еще и Орсию — этого бы я себе никогда не простил.

Было еще темно. И Орсия освещала нам путь жезлом. Она сказала, что, если понадобится, он защитит нас. Но я бы не хотел пускать его в ход. Я уже знал, что это небезопасно. На Силу отвечает другая Сила. В ответ на твой удар ты тоже получаешь удар.

Мы присели отдохнуть между камнями. А на горизонте уже забрезжил рассвет. Небольшой ручей влился в речку. Орсия легла и окунулась с головой, набираясь новых сил. Потом села рядом со мной. Мы так устали, что не заметили, как уснули. Разбудил нас приближающийся топот. Я высунулся из-за камня. Двое всадников скакали на рентанах. Это свои, из Долины, решил я. Но затем, рассмотрев их стяг, понял, что это воины Динзиля.

Они спрячутся в Долине, прикинутся своими, а затем проведут неприятеля. Я заторопился — надо их отогнать, но Орсия сдержала меня.

— Не торопись — они возвращаются из Долины. А времени у нас действительно нет.

И мы пошли дальше. Дважды нам пришлось укрыться за камнями: один раз прошли какие-то светящиеся существа, за

которыми тянулся шлейф вызывающего отвращение запаха, а потом пронеслись мимо трое серых.

Орсия в пути внимательно всматривалась в воду. Иногда она, пошарив руками по дну, доставала съедобный корешок и протягивала его мне. Другой корешок доставался ей. Я не привередничал — надо было хоть немного восстановить силы, и я старательно жевал и глотал все, что она мне давала. К счастью, реке было с нами по пути. Так прошел день, и когда солнце уже было у горизонта, я увидел след, бежавший по водяной глади, хотя самого пловца видно не было.

— Кофи? — спросил я у Орсии.

— Кто-то из его собратьев,— ответила она.— Возможно, он плывет к нам, чтобы сообщить что-то важное.

Она что-то защебетала на языке этих существ. Видимо, ей ответили, потому что она села, опечаленная, и повернулась ко мне.

— Опоздали,— сказала она.— Силы Тьмы на всем пути от нас до Долины. Они только ждут команды, чтобы ринуться на Долину.

— А как же нам теперь попасть туда?

— Ума не приложу. Надо бы плыть под водой, но ведь ты не можешь.

— Если другого пути нет, пройдем под водой,— решительно сказал я.

Орсия не соглашалась. Затем они долго о чем-то говорили с мерфеем, и наконец она сказала:

— Ну что ж, давай попробуем.

Но не успели мы достичь середины речки, как к нам устремились со всех сторон мерфеи.

Я их не видел, но волны, поднятые при полном безветрии, говорили о том, что их довольно много. Я услышал едва уловимые звуки и понял, что мерфеи очень взволнованы, что они, наверное, кричат. Если звуки, которые они издавали, были слышны и мне, значит, они сейчас очень громко разговаривали.

— Что произошло?

— Они рассказали, что поблизости мои сородичи.

— Неужели кроганы заодно с Темными Силами?

— Да нет, они ни с кем. Они идут, чтобы откупиться. Им страшно, они хотят принести завоевателям жертву. И знаешь, что это за жертва, Кемок? Я и ты. Они давно следят за нами. И вот решили купить себе жизнь, выдав нас с тобой.

— Поступим так. Ты спрячешься — мерфеи найдут для тебя безопасное место, и тебя не найдут. А я пойду посуху. Надо поспешить в Долину.

Но Орсия меня не слушала, она разговаривала с мерфеями.

— Скорее, пошли.

И в окружении невидимок, которые, судя по следам на воде, сопровождали ее, словно эскорт, она ринулась вперед по воде.

— Но они схватят нас!

— Не успеют. Мы пойдем в обход. Есть тут одна дорога, она потом уходит под землю.

— Опять пещера?

— Да, но на этот раз без склепа. Кроганы о ней не знают.

Мерфеи вскоре обогнали нас и уплыли вперед, а волны, поднятые ими, катились далеко перед нами. Орсия взяла мою лапу.

— Они отвлекут от нас внимание. Наплетут моим сородичам каких-нибудь небылиц. Кроганы этих мест совсем не знают, послушают мерфеев и пойдут в другую сторону. А мы с тобой — сюда.

Орсия раздвинула кусты, за ними в расщелине струился ручеек. Ветки царапали нас, но мы проползли все-таки в расщелину, и пошли вдоль ручья, и вскоре вышли к маленькому озеру. Здесь Орсия замедлила шаги:

— Сможешь нырнуть? Вход в пещеру под водой.

— А долго придется плыть под водой?

— Для тебя очень. Но это единственный выход.

Я привязал к поясу меч, снял куртку — подарок Каттеи, спрятал ее под кустами, и она тут же превратилась в тростник. Как можно больше набрал в грудь воздуха. И нырнул.

И снова этот подводный ужас, и нехватка воздуха, когда, кажется, вот-вот померкнет сознание. И одна только надежда — на Орсию. Если бы не она, было бы совсем худо. Но ее рука спасительно касалась моего плеча. Еще немного, и легкие мои разорвались бы. Но в последний момент голова моя вдруг высунулась из воды, и я вынырнул. Было темно, как ночью. Но мне не было страшно, потому что мысли Орсии обращались ко мне.

— Ну, вот и молодец. Мы уже под землей.

Я плыл вслед за ней, а меч тянул меня ко дну. Ничего не было видно, и я не знаю, сколько мы проплыли, но длилось наше плаванье очень долго, и я устал. И вот мы попали в другую пещеру, более светлую, потому что в ее потолке были расщелины.

До них добраться было довольно просто, что мы и сделали. Над землею плыл закат. Косыми лучами заходящее солнце освещало скалы. Глянув вниз, мы оцепенели. Несметное войско неприятеля расположилось в низине. Наш обходной маневр привел нас прямо к позициям врага.

Место, где мы стояли, было мне незнакомым, я даже не знал, Долина ли это.

— Не думаю, чтобы они уже вошли в Долину,— ответила мне Орсия.— Посмотри-ка вон туда.

Совсем близко от нас нависал над пропастью скальный уступ. Я разглядел на нем людей. И среди них стоял кто-то, чья голова была обмотана зеленым шарфом.

— Каттея! — ахнул я.

— А рядом Динзиль,— показала Орсия на высокого мужчину в плаще.— И вождь сарнов здесь. Ну и птицы слетелись сюда.

Кемок — они колдуют! Ты чувствуешь это?

И действительно, воздух напряженно вибрировал, словно был заряжен могучей энергией, новые ее волны вливались в это ее могучее скопление. Она насыщала атмосферу. Я уже испытывал раньше подобное чувство. Это было, когда армия Карстена приближалась к Эсткарпу из-за гор. Колдуньи тогда собрались, чтобы справиться с врагом силой своей магии. Так же был напряжен воздух и сейчас, так же казалось, что твою энергию высасывает какая-то таинственная Сила.

— Они хотят сначала нанести колдовской удар, а потом завершить бой, бросив армию нечисти на Долину.

Но я и без объяснений Орсии все понимал. Я даже больше, чем она, чувствовал магию Каттеи, которая призывала не меня, а Кайлана,— я ясно чувствовал это. Она понимала, что я знаю о ней все и смогу сопротивляться. А Кайлан доверчиво откроется ей и станет ключом, которым враги отопрут ворота Долины. Да, она принадлежала Тьме полностью и разделила власть с Динзилем. Только сейчас открылся мне истинный смысл предсказаний Лоскиты. Теперь и я понимал, что Каттее, такой Каттее, лучше умереть. Но, значит, мне и вправду предназначено судьбой убить сестру?

— Останься здесь! — сказал я Орсии, а сам осторожно стал спускаться к уступу, прячась в выемках отвесной скалы. Медленно текло время. А я, словно тень, скользил к заветной цели. Впрочем, даже если б я и не таился, они бы меня не заметили — так увлечены были эти люди своим колдовством.

Я прыгнул на уступ, отвязал меч и направил его на свою сестру. Я призвал на помощь всю тайную мудрость, которая была мне доступна, всю свою Силу я сосредоточил в призыве, который метнул в Каттею, словно молнию.

Она схватилась руками за свою чудовищную голову. Потом повернулась и, увидев меня, побежала по уступу и стала по скале карабкаться ко мне. Ее никто не задержал, все так были поглощены соединением своих сил для могучего колдовства, что не сразу поняли, что к чему. Опомнившись, Динзиль кинулся к Каттее, и я понял, что она не успеет добежать до меня — он перехватит ее. И тогда я сделал то, что видел на голубом песке у Лоскиты. Я метнул в свою сестру меч, чтобы убить ее. Меч несколько раз перевернулся в воздухе и ударил Каттею тяжелой рукоятью. Удар пришелся прямо в лоб — между глаз. Каттея потеряла равновесие и упала. Она свалилась бы в пропасть, если бы тело ее не зацепилось за большой камень. Меч воткнулся в землю рядом с ней.

Динзиль застыл. Он глянул на меня и захохотал. Я узнал этот смех. Так смеялась недавно Каттея — глумливо и угрожающе. Динзиль помахал мне рукой, приветствуя меня. Он словно бы шутовски поздравлял меня с отличной работой.

Я подбежал к сестре, взял меч и встал перед ней на колени, потом поднял Каттею на руки и перенес ее на безопасный выступ.

— Ай да герой! — услышал я голос Динзиля.— Молодец! Только знаешь, ты ведь опоздал.

Он сделал движение рукой, и моя лапа выронила меч. И поднять его я больше не мог, как ни старался.

— Ну, не лучше ли так? — снова засмеялся он.

Все они стояли и хохотали. Динзиль впереди, а они поодаль. Им было весело. Их никогда не назовут Великими. Но в это время они представляли собой грозную силу. Наверняка Колдуньи Эсткарпа не стали бы с ними связываться.

— Тебе повезло, у тебя в руках была большая Сила,— он посмотрел на меч.— Но ты не знал, как ею распорядиться. Кто виноват? Теперь получай свое.

Не знаю, что было бы дальше, если бы не шорох за моей спиной и камни, летящие вниз от ног спускающейся ко мне Орсии. В руке у нее светился жезл — дар Единорога. Что уж она там делала, не знаю, только на какой-то миг Динзиль оцепенел. Орсия уже стояла со мною рядом, а он все еще не шевелился. Она ударила острием жезла по своей ладони, и брызнула из ее руки алая кровь. И тогда Орсия взяла мою лапу и стала мазать ее своею кровью. Я ощутил, что жизнь возвращается в мою руку. Я увидел, что жабья шкура слезает с моих ладоней, и человеческой рукой я взял свой меч.

А полководец Тьмы уже пришел в себя. Он двинулся на нас и все свои черные Знания призвал себе на помощь. Словно великан надвигался на муравья. Всю магию, которую он хотел двинуть против Долины, он сосредоточил на нас двоих. Я понял — наступил самый страшный миг моей жизни. Другого выхода не было.

Я встал, заслонив Орсию и свою сестру, поднял над собой меч, словно приветствуя того, кто неизмеримо выше меня и опять произнес те с л о в а.

Когда мы вышли из пещеры, солнце садилось. Но ночь надвигалась не потому, что был поздний час. Сумерки вызвало Черное колдовство. А сейчас вдруг свет яркого дня ослепил нас всех. Сила этого света каким-то образом устремилась к мечу, прошла сквозь него и стала вливаться в меня, а затем опять вырвалась в пространство. Я оглох, ослеп. И все-таки сквозь глухоту и слепоту я услышал о т в е т и увидел...

Нет, я не смогу рассказать о том, что увидел. Мне открылись все Силы Тьмы. Все, начиная с древних битв в Эскоре и до наших дней. Динзиль, не жалел ничего, чтобы найти один из ключей. И вдруг неожиданно, на краю гибели, ухватившись от отчаянья за последнее средство, я нашел другой ключ.

Мне опять о т в е т и л и, и я стал каналом для энергии, которая прошла сквозь меня в этот мир. На миг я перестал быть человеком, я стал для нее дверью. Но она не сосредоточилась на мне, а проскользнула сквозь меня. Я был, как проход, как коридор, через который она устремилась из одного времени и пространства в другое.

Я не ведал, что делается вокруг. Энергия так же внезапно

исчезла, как и появилась. Я распластался на земле. А вокруг свирепствовала гроза, какой никто на земле никогда не видел. Гремело небо, освещали молнии густой мрак. А я был совершенно обессилен. Я только лежал и чувствовал эти молнии, эти струи холодного дождя.

Иногда я терял сознание, но вновь возвращался в этот мир. Мысли мои были далеко и казались чужими. Миновала вечность. Я окликнул:

— Орсия!

Она не отозвалась, и я все звал ее, не теряя таким образом связь с миром, который окружал меня. Я знал, что если перестану называть ее имя, то исчезну во мраке и навсегда останусь в пустоте.

— Орсия!

И я услышал, как в мыслях своих она назвала мое имя. Это вернуло меня к действительности. Я почувствовал, что могу приподняться, и сделал это. Я пошевелился и понял, что меня завалили какие-то мелкие камешки. Тело мое болело.

— Где ты, Орсия?

— Я здесь!

Я пополз на ее голос. На ощупь я определил, где она лежит. Перепончатые пальцы коснулись моей руки. Мы легли рядом и стали согревать друг друга дыханием. Дождь шел на убыль. Молнии удалялись. Мы молча лежали, и радость грела наши души — мы живы, все кончено, жизнь продолжается.

Утро не торопилось, но было уже хорошо видно. Мы лежали на уступе, с которого Динзиль смотрел на Долину и думал о том, как подчинить себе весь мир. Воинства неприятеля нигде не было видно. И вдруг я вспомнил:

— Каттея!

— Она вон там,— Орсия ползла к моей сестре, засыпанной землей и камнями. Голову Каттеи закрывал шарф. Мы раскидывали камни, навалившиеся на нее.

Я перенес тело сестры в безопасное место. Сложил на груди ее безобразные лапы и подумал о том, что, может, даже к лучшему, что никто ее не увидит, никто не узнает, во что превратилась моя бедная Каттея. Неожиданно под моей рукой я ощутил едва уловимое биение сердца. В ней теплилась жизнь.

— Орсия! Ты сделала чудо. Ты возвратила мне облик. Могу ли я сделать то же самое с ней?

Орсия не ответила, она шарила среди камней и что-то среди них искала.

— Жезл! Где жезл? — На глазах у нее были слезы.— Его похитили.

Я вспомнил о мече — его тоже не было.

И вдруг я увидел, или мне это померещилось, в одном месте свечение из-под земли. Обдирая ногти, я стал скрести землю, перемешанную с глиной и камнями. Мои пальцы ощутили теплую рукоятку меча. Я потянул за нее и вытащил обломок меча. Он тускло светился, сталь его почернела. Я пощупал острие,

подбежал к сестре и сорвал с нее шарф. Безликая голова была неподвижна. Тогда я надрезал ладонь острым обломком, и полилась моя кровь на голову и руки сестры.

В который раз за эти несколько дней я увидел чудо. С рук, как перчатки, сошла жабья шкура. В круглой бурой голове стали понемногу проступать тонкие черты красивого лица.

Я обнял Каттею и заплакал. А она очнулась и, лежа неподвижно, изумленно и растерянно смотрела на меня. Я мысленно окликнул ее. Она удивилась этому, а потом испугалась моего зова. Она вскочила и попыталась убежать от меня. Чем-то я напугал ее.

Орсия помогла мне удержать сестру. Держа ее за руку, она повторяла:

— Не пугайся, сестра. Все хорошо... все хорошо.

Каттея прижалась к ней и со страхом смотрела на меня.

Я отошел в сторону и посмотрел вокруг. Буря разметала все. Среди развалин и каменных обломков валялись неподвижные тела. Начинался новый день. Утреннее солнце ярко освещало умытую грозою, очищенную от Тьмы землю.

— Ну, что с ней? — спросил я у Орсии.

— Она чувствует себя хорошо. Но не помнит, кто она. И Сила из нее ушла, она больше не колдунья.

— Неужели она лишилась Дара? А надолго это?

— Никто не может сказать. Она сейчас обычная девушка. Добрая, нежная. Будто и не было такой колдуньи на свете. Не тревожь ее, Кемок. Будь с ней поосторожней. Она столько перенесла. И не напоминай ей о том, что было.

Мы спустились в Долину. Моя сестра, я и Орсия. Каттея стала совсем другой. Никто ее не узнавал, и было неизвестно, вернется ли к ней когда-нибудь Дар. Но главное было сделано — Тьма была разбита еще раз. В Эскоре воцарилось спокойствие, хотя мрак рассеялся не до конца, и повесть о нас троих еще была далека от своего завершения

СОДЕРЖАНИЕ

КОЛДОВСКОЙ МИР 3
ПАУТИНА КОЛДОВСКОГО МИРА 131
ТРОЕ ПРОТИВ КОЛДОВСКОГО МИРА 241
ЧАРОДЕЙ КОЛДОВСКОГО МИРА 355

Зарубежная фантастика

ВЫПУСК 11/1

Андрэ Нортон

ТРОЕ ПРОТИВ КОЛДОВСКОГО МИРА

Ответственный за выпуск
В. П. Кирчев

Технический редактор
О. Цыплакова

Дата в печать 18.01.93. Уч. изд. л. 38,27. Усл. печ. л. 26,88
Тираж 52.000. Цена договорная. Заказ 1368.

Предприятие «ЭЯ»
630024, Новосибирск, ул. Мира, 14.

Издательско-полиграфическая фирма
«Центральная типография»
277068, Кишинев, ул. Флорилор, 1
Государственный Департамент Республики Молдова
по делам издательств, полиграфии и книжной торговли